БЫЛОЕ

ДЕКАБРЬ

1906

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 12 ДЕКАБРЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Энергія“, Загородный, 17.
1906.

75248

СОДЕРЖАЕНІЕ.

стр.

1. Возникновеніе „Народной Воли“ (изъ воспоминаній о Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ). **Н. А. Морозова** . 1
2. Коментарій къ статьѣ „Возникновеніе Народной Воли“. **М. Ф. Фроленко** 22
3. Изъ литературныхъ воспоминаній. **Н. С. Русанова** . . 37
4. Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу. (*Окончаніе*). **Старика** 56
5. Л. Ф. Яновичъ въ ссылкѣ. **А. И. Столбова** 85
6. Смерть Л. Ф. Яновича. **М. С. Ольминскаго** 97
7. Страничка изъ исторіи рабочаго движенія (памяти Н. В. Шелгунова). **В. С. Голубева** 105
8. Николай Павловичъ Щедринъ. **М. Р. Попова** 123
9. Первое мая въ Россіи. (*Окончаніе*). **В. П. Акимова-Махновца** 131
10. „Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“. (*Окончаніе*). **М. К. Лемке** . 160
11. Въ Шлиссельбургской крѣпости. (*Окончаніе*). **М. В. Новорусскаго** 205
12. Рѣчи подсудимыхъ въ процессѣ 17-ти 239
13. По поводу процесса 17-ти. **А. П. Прибылевой-Корбы.** 249
14. Документы по Чигиринскому дѣлу 259
15. Изъ исторіи „конституціонныхъ“ вѣяній въ 1879—1881 годахъ. **П. Е. Щеголева** 261
16. Историческая библіографія. 1. *А. А. Титовъ.*—Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1901 г.—2. Докладъ П. С. Ванновскаго о студенческихъ безпорядкахъ 1899 г. **Сергѣя Св.**—3. *Ю. Стекловъ.* Историческое подготовленіе русской соціаль-демократіи.—4. *Н. Батуринъ.* Очеркъ исторіи соціаль-демократіи въ Россіи.—**М. Ольминскаго.**—5. *Маньковскій.* У подножія висѣлицы. **В. Б.** . . . 288

стр.

17. Современная Лѣтопись 300
18. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Уставъ мѣстной центральной группы партіи „Народной Воли“.—34. Николай I-й въ заботахъ о декабристахъ—54. Изъ тюремной статистики. **П. Л.**—82. Изъ лѣтописей Шлиссельбургской крѣпости (1835 г.). **П. Щ.**—101. Рапортъ агента о похоронахъ Салтыкова—122. Павелъ I-й въ его приказахъ по арміи—158. Письмо Пушкина къ П. А. Осиповой. **Н. Лернера**—235. По поводу статьи „Стрѣльниковскій процессъ“ (письмо въ редакцію) **Алексѣя Попельницкаго**—285).
19. Объявленія 317

Къ этой книгѣ приложены портреты Н. А. Морозова, Л. Ф. Яновича, Н. П. Щедрина, Н. К. Михайловскаго и Н. В. Шелгунова (неизданный).

Подъ статьею А. И. Столбова „Л. Ф. Яновичъ въ ссылкѣ“ по случайности не поставлена подпись автора.

На 1907 годъ

открыта подписка на историческій журналъ

„БЫЛОЕ".

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей **В. Я. Яковлева-Богучарскаго** и **П. Е. Щеголева** при ближайшемъ участіи **В. Л. Бурцева** по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая библіографія.

Въ „Былomъ" за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: **В П. Акимовъ-Махновецъ** — 1-е мая въ Россіи. **М. А. Антоновичъ**—Арестъ Чернышевскаго. **М. Ю. Ашенбреннеръ** — Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. **В. Я. Богучарскій**—1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. **В. Л. Бурцевъ** — Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. **И. П. Бѣлоконскій** — Изъ воспомин. объ А. И. Желябовѣ. **А. И. Бяловескій**—Изъ прошлаго. **П. И. Вейнбергъ**—4 апрѣля 1866 года. **Н. А. Виташевскій** — Первое вооруженное сопротивленіе, первый военный судъ и Централка. **И. И. Волковъ**—Народов. пропаганда среди москов. рабочихъ въ 1881 году. **М. О. Гершензонъ** — Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. **Герасимовъ**—Питомецъ воспитательнаго дома. **Дж. Гильомъ** — М. А. Бакунинъ. **М. Р. Гоцъ**—С. В. Зубатовъ. **Н. Л. Геккеръ**—Политич. каторга на Карѣ. **Х. Г. Гринбергъ-Конъ**—Къ процессу Ковальскаго. **Л. Я. Гуревичъ**—Народ. движ въ Петербургѣ 9 января 1905 года. **И. С. Джабадари**—Въ неволѣ. **М. П. Драгомановъ**—Автобіографія. **Д—чъ**—Арестъ Нечаева. **В. С. Илличъ-Свитычъ**—Мое знакомство съ Ковальскимъ. **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноеловки. **С. А. Иванова-Борейша** – Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. **М. В. Корольковъ**—Поручикъ Кречетовъ—шлис. узникъ XVIII вѣка. **Ф. Я. Конъ** – У подножія висѣлицы. **М. К. Лемке** — Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. **О. С. Любатовичъ**—Далекое и Недавнее. **Н. А. Морозовъ**—Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). **И. Л. Манучаровъ**—Мой процессъ и Эпизодъ изъ жизни въ Шлис. крѣп. **Маклецова-Дегаева**—Судейкинъ и Дегаевъ. **О. С. Миноръ**—Якутская драма 1889 г. **Н. Я Николадзе**—Освобожденіе Чернышевскаго. **М. В. Новорусскій** — Въ Шлиссельб. крѣпости. **Надинъ**—Стрѣльниковскій процессъ. **Г. Ф. Осмоловскій**—Карійская трагедія. **М. Р. Поповъ**—Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. съѣзда. **В. С. Панкратовъ**—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. **А. П. Прибылева-Корба**. С. П. Дегаевъ—

По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова. **Плохоцкій**—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ. **З. Ралли** — С. Г. Нечаевъ. **С. Ф. Русова** — Мартынъ Лангансъ. **Н. Р.** — Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. **В. И. Семевскій**—Вопросъ о преобразованіи госуд. строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. **Н. Сильванскій** – Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. **Д. В. Стасовъ** — Каракозовскій процессъ. **А. А. Спандони**—Страница изъ воспоминаній. **Л. С.**—Изъ воспоминаній студента-солдата. **С. А. Савинкова** — Годы скорби. **С. С. Синегубъ** — Воспоминанія чайковца. **В. А. Старосельскій**—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи. **Старикъ**—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). **М. Н. Тригони**—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. **Е. В. Тарле**—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. **Н. А. Танъ** — Коронація въ Колымскѣ. **А. В. Тырковъ**—Къ событію 1 марта 1881 года. **М. Ф. Фроленко** — Милость и Побѣгъ Алеши Поповича. **В. Н. Фигнеръ**—Шлиссельб. узница Л. А. Волкенштейнъ. **А. Р. Хирьяковъ** Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. **М. Н. Чернышевскій**—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. **П. Е. Щеголевъ**—П. Г. Каховскій, Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. **В. Е. Якушкинъ**—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова, Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспомин нія (60-ые и 70-ые годы); **А. Бахъ**—Воспоминанія народовольца; **В. Я. Богучарскій**—Декабристъ М. С. Лунинъ: **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **И. П. Бѣлоконскій**—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; **В. А. Вейнштокъ**—Акатуевскій рудникъ; **М. О. Гершензонъ**—Западные друзья Герцена; **В. С. Голубевъ** — Государственная Дума 1906 года; **В. А. Даниловъ** — Изъ воспоминаній; **С. А. Жебуневъ** — Изъ воспоминаній; **А. И. Иванчинъ-Писаревъ** — Побѣгъ князя Кропоткина; **Н. И. Іорданскій** — Миссія П. С. Ванновскаго; **Кафіеро**—Воспоминанія; **Коваленко**—11 дней на „Потемкинѣ“; **Е. Д. Кускова**—Политическія партіи въ 1906 году; **Платонъ Лебедевъ**—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; **М. К. Лемке**—Процессы Митрофана Муравскаго, Сунгурова, Блюммера, Головина, кн. Долгорукова и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. О. Лукашевичъ**—Въ народъ!; **И. Л. Манучаровъ** — Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; **Н. А. Морозовъ**.—Изъ воспоминаній; **Э. К. Пекарскій**—Рабочій Петръ Алексѣевъ (изъ воспоминаній); **П. Н. Переверзевъ**—Экспедиція генерала Ренненкампфа; **М. Р. Поповъ**—Изъ моего революціоннаго прошлаго; **С. Н. Прокоповичъ**—Формы и результаты аграрнаго движенія въ 1906 году. **А. С. Пругавинъ** — Декабристъ въ монаст. тюрьмѣ. **Л. Ф. Пантелѣевъ**—Дѣла давно минувшихъ дней (арестъ, ссылка и пр.); **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; **И. А. Рубановичъ**—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго воФранціи; **С. А. Савинкова**—Изъ воспоминаній; **С. Г. Сватиковъ**—Очерки по исторіи студенческаго движенія; **В. И. Семевскій**—Волненія въ л.-гв. Семеновскомъ полку въ 1820 году; **Е. П. Семеновъ** Народовольческіе кружки въ Одессѣ; **Э. А. Серебряковъ**—Революціонеры во флотѣ; **С. Сомовъ**—Рабочее движеніе въ Петербургѣ въ 1906 году; **Н. П. Стародворскій**—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній; **П. Б. Струве**—Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспоминаній); **Е. В. Тарле**—Каннингъ и Николай Тургеневъ;—Герценъ и газета Прудона; **Н. А. Танъ**—Послѣдній періодъ „На-

родной Воли" **М. Ф. Фроленко**—Воспоминанія о Воронежскомъ и Липецкомъ съѣздахъ; **Л. Ш.** Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ". **П. Е. Щеголевъ** — Агитаціонная литература декабристовъ; — Конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); **Ф Л. Ястржембскій**—Записки петрашевца; Записки **императора Николая I** о 14 декабря, неизданныя произведенія **А. И. Герцена и др.**

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ" (полностью); Докладъ (оффиціальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штюрмера); Къ исторіи русской „конституціи" (оффиціальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—**8** руб.; на $^1/_2$ года (съ 1 янв. по 1 іюля)—**4** руб; на $^1/_4$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—**2** руб. Перемѣна адреса—**30** коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—**1** руб., для покупающихъ въ конторѣ—**85** коп., для выписывающихъ изъ конторы—**1** р. **10** коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—**С.-Петербургъ**, **Лиговская ул., 44** и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь"—въ **Москвѣ** (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), **Кіевѣ** (Крещатикъ, 27), **Ростовѣ на Д.** (Казанская, 42) и **Одессѣ** (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое" проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только **8** р. **50** к. вмѣсто тепереш. **10** р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ **С.-Петербургѣ** на **Знаменской ул. д. 19.**

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { **В. Я. Богучарскій,** **П. Е. Щеголевъ.** } Издатель **Н. Е. Парамоновъ.**

мѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого" за 1906 годъ.

И

Книгоиздательство „ДОНСКАЯ РѢЧЬ“ Н. Е. Парамонова.

ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** 1825—1876 г. Цѣна **1** р. **50** к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Цѣна **75** к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. Л. Бурцева.** Цѣна **60** к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго.** Цѣна **50** к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціею **В. Л. Бурцева.** Выпускъ 2-й. Цѣна **50** к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ.** Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** (*1877 г.* **Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.**). Цѣна **1** р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сборникъ подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ.** (*1877 г.* **Процесссъ 193-хъ и др.**). Цѣна **1** руб.

Печатаются:

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).**

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“, подъ редакціей **Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго).** Выпускъ первый.

10) Тоже самое. Выпускъ второй.

11) Убійство императора Павла. (Разсказы современниковъ).

12) Пестель, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. **Н. П. Сильванскаго.**

13) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ **В. Я. Богучарскаго.**

14) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева.**

15) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ **В. Л. Бурцева.**

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрѣ 1905 года, получатъ за внесенную ими плату **первый, второй и третій** тома „Государств. преступленій“ и **три** тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего **шесть** томовъ.

Всѣ остальныя изданія „Русской исторической Библіотеки“ пріобрѣтаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

Николай Александровичъ
МОРОЗОВЪ.

Возникновеніе „Народной Воли“.

(Изъ воспоминаній о Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ лѣтомъ 1879 года).

I.

Редакторамъ „Былого“.

Дорогіе друзья! Вы взяли съ меня слово написать вамъ историческій очеркъ событій, предшествовавшихъ возникновенію «Народной Воли», и особенно Липецкаго съѣзда, имѣвшаго такое первостепенное значеніе въ исторіи освободительнаго движенія конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Чѣмъ болѣе я думаю о возложенной вами на меня задачѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ея чрезвычайной трудности для меня. Для того, чтобы дать дѣйствительно историческій этюдъ какого-нибудь общественнаго событія, нужно быть строго объективнымъ, нужно смотрѣть на него со стороны, а не какъ одинъ изъ активныхъ участниковъ, какимъ былъ я.

Въ такихъ случаяхъ невольно будешь или преувеличивать свою собственную роль и роль своихъ сторонниковъ, или, желая поставить при ней, какъ выражаются физики, поправочный коэфиціентъ, невольно впадешь въ обратную ошибку.

Точно также трудно изложить объективно и роль своихъ тогдашнихъ противниковъ, выразить ясно и правильно внутренніе мотивы ихъ дѣйствій, нигдѣ не становясь къ нимъ несправедливымъ.

Вотъ почему, несмотря на данное мною вамъ прошлой весной обѣщаніе, я все не рѣшался взяться за перо. Но обѣщанное всегда надо исполнять, и вотъ я принимаюсь теперь за эскизъ исторіи Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ, въ надеждѣ, что если въ моемъ разсказѣ окажутся какіе-либо недостатки, то кто-либо изъ оставшихся въ живыхъ товарищей сдѣлаетъ къ нимъ надлежащія поправки и дополненія.

II.

События въ обществѣ „Земли и Воли“, предшествовавшія Липецкому съѣзду.

Основныя причины, вызвавшія Липецкій съѣздъ въ той самой необычной формѣ, въ какой онъ былъ осуществленъ частью членовъ нашей революціонной организаціи «*Земля и Воля*», заключались—насколько я могу оріентироваться во внутренней жизни этого тайнаго общества,—въ теоретическихъ разногласіяхъ между двумя его фракціями. Къ одной изъ нихъ, которая часто называла себя по иниціативѣ нашего кіевскаго товарища Осинскаго — *Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи*, принадлежалъ, между прочими, я самъ съ Александромъ Михайловымъ, а къ другой, называвшей себя «*народниками*», мой товарищъ по редактированью органа «Земли и Воли» Плехановъ и его бывшій сторонникъ Михаилъ Поповъ.

Теоретическія разногласія неизбѣжно должны возникать въ исторіи всякой революціонной организаціи. *Тайное общество*, стремящееся къ осуществленію какихъ-либо политическихъ или общественныхъ идеаловъ, подчиняется въ своемъ развитіи, насколько я могъ замѣтить изъ опыта всей своей жизни и дѣятельности, совершенно опредѣленнымъ законамъ.

Ихъ дѣйствіе мнѣ ясно представляется, когда я обобщаю себѣ исторію трехъ революціонныхъ организацій, въ которыхъ мнѣ пришлось участвовать: Большого Общества Пропаганды 1873—74 годовъ, Земли и Воли 1878—79 годовъ и Народной Воли 1879—81 годовъ.

Не всѣ революціонныя общества оканчиваютъ полный циклъ своего развитія, подобно тому, какъ не всякій человѣкъ умираетъ естественной смертью, но каждое стремится воспроизвести этотъ циклъ по внутреннимъ психологическимъ мотивамъ своихъ участниковъ.

Первый періодъ развитія тайнаго общества есть тотъ, который непосредственно слѣдуетъ за его возникновеніемъ. Это періодъ его молодости. Если общество не явилось на свѣтъ мертворожденнымъ, въ немъ въ это время почти не бываетъ руководителями никакихъ «знаменитостей» изъ прежнихъ движеній. Оно обыкновенно возникаетъ въ деспотическихъ странахъ среди учащейся молодежи, вся жизнь которой еще впереди. Прежніе выдающіеся дѣятели большею частью не присоединяются къ нему въ этотъ періодъ, такъ какъ еще не увѣрены, что новое общество представляетъ изъ себя нѣчто серьезное и оправдываетъ рискъ вступленія. Часто они вовсе не знаютъ объ его существованіи, потому что я говорю здѣсь исключительно о *тайныхъ* обществахъ, возникающихъ въ тяжелые періоды абсолютизма и политическихъ го-

неній. Точно также остаются въ сторонѣ и всѣ честолюбивые люди, ищущіе въ своей дѣятельности не осуществленія великодушныхъ идеаловъ, а своего собственнаго возвеличенія.

Благодаря такому исключительному подбору членовъ, полныхъ молодости, энергіи, энтузіазма и самоотверженности, первый періодъ развитія характеризуется наиболѣе кипучей дѣятельностью, но эта дѣятельность не всегда бываетъ практична по причинѣ неопытности молодыхъ членовъ.

Второй періодъ начинается въ то время, когда спасшіеся отъ арестовъ, бѣжавшіе изъ ссылокъ и освобожденные изъ тюремъ товарищи пріобрѣтаютъ извѣстный запасъ опытности. Въ этотъ моментъ, характеризующійся присутствіемъ въ обществѣ скрывающихся отъ правительства членовъ, начинается наиболѣе серьезная эпоха дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ и теоретическія разногласія относительно того—держаться ли стараго пути, или итти по новому, болѣе цѣлесообразному.

Если къ этому времени организація успѣла совершить серьезныя дѣла, къ ней теперь начинаютъ присоединяться отдѣльныя личности и изъ прежнихъ выдающихся дѣятелей и вносятъ въ нее пріобрѣтенную опытомъ серьезность и дѣловитость. Затѣмъ въ нее начинаютъ стремиться и честолюбцы, и если проникаютъ, то ихъ партійность начинаетъ вредно отзываться на дальнѣйшей дѣятельности общества. Вмѣсто борьбы съ первоначальнымъ внѣшнимъ врагомъ начинается борьба между собою отдѣльныхъ фракцій и ихъ вождей, и поглощаетъ, наконецъ, собою большую часть энергіи и силъ первоначальныхъ и новыхъ членовъ.

Распаденіе общества на двѣ части является въ это время большимъ благомъ, такъ какъ всѣ честолюбивые руководители остаются при старой «уже испытанной и пріобрѣтшей популярность» программѣ, а за новую оказываются, главнымъ образомъ, искренніе и безкорыстные энтузіасты, не заботящіеся о томъ, популярно или нѣтъ то, что они считаютъ справедливымъ или нужнымъ для осуществленія своего идеала. Но эти энтузіасты бываютъ въ то же время уже и опытными дѣятелями, и, такимъ образомъ, новое общество, возникшее изъ дѣленія стараго, имѣетъ всѣ шансы на совершеніе очень серьезныхъ дѣлъ въ освободительномъ движеніи своей страны, а сторонники старой программы быстро сходятъ со сцены.

Всѣ эти соображенія относительно законовъ, управляющихъ развитіемъ тайныхъ обществъ въ періодъ политическихъ гоненій, не разъ приходили мнѣ въ голову еще въ то время, когда и я, какъ отдѣльный членъ общества „Земли и Воли“, невольно участвовалъ въ ихъ осуществленіи.

Послѣ трехлѣтняго заключенія я вышелъ на свободу въ январѣ 1878 года, на слѣдующій день послѣ того, какъ раздался выстрѣлъ Вѣры Засуличъ. *Большое Общество Пропаганды*, къ которому я

принадлежалъ съ 1874-го года, уже погибло въ непосильной борьбѣ съ абсолютизмомъ, не встрѣтивъ въ народныхъ массахъ активнаго содѣйствія своимъ цѣлямъ. Попытка оставшихся членовъ возобновить его, при помощи выпущенныхъ вмѣстѣ со мною товарищей по заключенію, оказалась безплодной. Большинство ихъ или устали, или разочаровались въ своей прежней программѣ, или затерялись гдѣ-то въ глубинѣ Россіи. Я же присоединился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ одному молодому обществу, находившемуся еще въ первомъ періодѣ своего развитія и потому не имѣвшему въ публикѣ даже оффиціальнаго названія. Его мы называли кружкомъ Натансона, (хотя Натансонъ и былъ уже сосланъ), а посторонніе давали ему шутливое имя «*Кружка Троглодитовъ*», т. е. пещерныхъ людей, такъ какъ мѣстожительства его членовъ не зналъ почти никто изъ посторонней публики. Эти «*Троглодиты*» и превратились затѣмъ въ общество „Земли и Воли“, такъ какъ немедленно послѣ моего вступленія они предоставили свою типографію для изданія журнала „*Земля и Воля*“, редакторами котораго были вначалѣ Кравчинскій, я и мой старый товарищъ по *Большому Обществу Пропагандистовъ*, К., хотя онъ и не состоялъ въ то время членомъ Кружка Натансона.

Но Кравчинскій убилъ этой осенью шефа жандармовъ Мезенцева, послѣ того, какъ тотъ настоялъ на исполненіи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ. Ему нельзя было жить въ Петербургѣ и онъ былъ отправленъ нами за границу, сейчасъ же по выходѣ № 1 „*Земли и Воли*“. Черезъ четыре мѣсяца былъ арестованъ К., и къ февралю 1879 года изъ первоначальныхъ редакторовъ „Земли и Воли“ остался одинъ я. Въ соредакторы мнѣ были послѣдовательно назначены обществомъ Плехановъ и Тихоміровъ, но всѣ мы оказались въ то время имѣющими очень мало общаго между собою и по теоретическимъ воззрѣніямъ, и по вопросу о средствахъ, какія мы считали пригодными для освобожденія своей родины.

Я всей душой стремился къ борьбѣ съ самодержавіемъ и монархизмомъ вообще, а наилучшимъ средствомъ для этого считалъ способъ Вильгельма Телля и Шарлоты Корде. Я только хотѣлъ обобщить этотъ способъ въ своеобразную систему „*нео-партизанства*“, чтобы обезпечить свободу слова, печати и общественной дѣятельности для всѣхъ передовыхъ политическихъ и общественныхъ партій. Всякое другое средство борьбы представлялось мнѣ безнадежнымъ среди окружавшаго насъ произвола и насилія. Въ этомъ отношеніи я болѣе всего сходился тогда съ представителемъ Кіевской группы „*Земли и Воли*“ Валеріаномъ Осинскимъ. Плехановъ, наоборотъ, видѣлъ въ то время все спасенье въ проповѣди соціалистическихъ идей и тайной агитаціи среди крестьянскаго населенія и рабочихъ. Тихоміровъ же стоялъ по срединѣ между нами, говоря, что и то и другое одинаково важно, и, наконецъ, написалъ статью въ защиту крестьянскаго террора, т. е. избіенія крестьянами мелкихъ властей, чего не признавалъ полезнымъ ни я, ни Плехановъ.

Все это вызывало рядъ постоянныхъ столкновеній въ редакціи „*Земли и Воли*“. Чтобы нѣсколько уладить дѣло, мнѣ было предоставлено обществомъ, по настояніямъ самаго энергичнаго изъ его дѣятелей, Александра Михайлова, издавать свой собственный органъ подъ названіемъ „*Листокъ Земли и Воли*“. Въ немъ я могъ свободно излагать свои взгляды, а въ „*Землѣ и Волѣ*“, редакторомъ которой я попрежнему оставался, я долженъ былъ писать лишь статьи, не имѣющія отношенія къ новому способу борьбы. Но это, конечно, нисколько не помогло уладить дѣло, а только ставило меня въ привилегированное положеніе среди остальныхъ соредакторовъ. Разногласія у насъ были неизбѣжны. Сама русская жизнь фатально вела нашу организацію къ переходу на новую дорогу, проповѣдникомъ которой въ печати оказался въ то время я. Тайная пропаганда въ широкихъ размѣрахъ въ періоды жестокихъ политическихъ гоненій, какія совершались въ концѣ 70-хъ годовъ, была сама по себѣ абсурдомъ. Всякій пропагандистъ для своей проповѣди естественно долженъ искать еще не початыхъ, т. е. несогласныхъ съ нимъ, или мало развитыхъ въ общественномъ смыслѣ людей, иначе его пропаганда будетъ простой фикціей. Но разыскивая такихъ людей, онъ неизбѣжно очень скоро натолкнется на человѣка, который не будетъ держать въ секретѣ того, что ему говорили, и кто ему говорилъ, и такимъ образомъ предастъ его.

Всѣ попытки активной пропаганды общества „*Земля и Воля*“ скоро кончились гибелью, а изъ спасшихся значительная часть убѣждалась въ необходимости бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ тѣмъ общественнымъ строемъ, который погубилъ ихъ товарищей за проповѣдь идей, которыя они считали справедливыми. Въ результатѣ произошло то, что большинство членовъ петербургской группы „*Земли и Воли*“ стали, какъ я тогда выражался, неопартизанами, т. е. превратились въ боевую дружину, боровшуюся съ оружіемъ въ рукахъ за политическую свободу для всѣхъ. Они выпускали свои предупрежденія и заявленія отъ имени „Исполнительнаго Комитета Русской Соціально-Революціонной Партіи“, печать которой я хранилъ у одного изъ старѣйшихъ литераторовъ того времени.

Тѣ же, которые все еще не рѣшались выговорить страшный для нихъ, но выдвигаемый самой жизнью девизъ: *борьба за политическую свободу*, по большей части, осуществляли ту же программу, но только не возводя ее въ теорію. Они говорили, что только мстятъ своимъ врагамъ за погубленныхъ ими товарищей, но что главное средство борьбы, къ которому мы должны призывать всѣхъ, есть по прежнему: *идти въ народъ, въ деревни*. Это они и проповѣдовали вездѣ среди молодежи, особенно настаивая на томъ, что въ случаяхъ вооруженной борьбы личность царя и членовъ царской семьи должны быть неприкосновенны. Открытыя дѣйствія противъ царя, говорили они, вызвали бы взрывъ фанатизма противъ пропагандистовъ въ крестьянствѣ и дали бы по-

водъ правительству прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя сдѣлали бы совершенно невозможной всякую соціалистическую пропаганду въ народѣ: гораздо лучше было бы поднять народъ отъ имени самаго царя, какъ пытались сдѣлать годъ тому назадъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ Дейчъ и Стефановичъ. Представительный же образъ правленія привелъ бы, по ихъ мнѣнію, только къ развитію буржуазіи въ Россіи, какъ это случилось во всѣхъ иностранныхъ монархіяхъ и республикахъ. Рабочему народу онъ принесъ бы только вредъ.

Съ этимъ большинство изъ насъ, какъ республиканцевъ въ душѣ, не могло согласиться, и потому въ нашей петербургской группѣ начался такой же расколъ, какой уже былъ у насъ въ редакціи „Земли и Воли“. Во главѣ противниковъ новаго пути сталъ Плехановъ и мой будущій товарищъ по Шлиссельбургской крѣпости, Михаилъ Поповъ.

Когда въ Петербургъ явился Соловьевъ и заявилъ обществу „Земли и Воли“ черезъ Александра Михайлова о своемъ намѣреніи сдѣлать покушеніе на жизнь Александра II, раздоръ между двумя нашими партіями достигъ крайней степени. Александръ Михайловъ, доложивъ на собраніи о готовившемся покушеніи, просилъ предоставить въ распоряженіе Соловьева (фамилію котораго онъ не счелъ возможнымъ сообщить на общемъ собраніи) лошадь для бѣгства послѣ покушенія и кого нибудь изъ членовъ общества, чтобы исполнять обязанности кучера.

Произошла бурная сцена, при которой „*народники*“, какъ называли себя будущіе члены общества „*Черный Передѣлъ*“, съ криками требовали, чтобы не только не было оказано никакого содѣйствія пріѣхавшему на цареубійство, но чтобы самъ онъ былъ схваченъ, связанъ и вывезенъ вонъ изъ Петербурга, какъ сумасшедшій.

Но большинство оказалось другого мнѣнія, и объявило, что хотя и не будетъ помогать Соловьеву отъ имени всего общества, въ виду обнаружившихся разногласій, но ни въ какомъ случаѣ не запретитъ отдѣльнымъ членамъ оказать ему посильную помощь. „*Народники*“ объявили, что они сами въ такомъ случаѣ помѣшаютъ исполненію проэкта, и одинъ изъ нихъ даже воскликнулъ среди общаго шума и смятенія, что самъ убьетъ „губителя народническаго дѣла, если ничего другого съ нимъ нельзя сдѣлать!“.

Плехановъ держался болѣе тактично, чѣмъ остальные сторонники старой программы на этомъ бурномъ засѣданіи, на которомъ неизбѣжность распаденія общества „Земли и Воли“ сдѣлалась очевидной почти для каждаго изъ насъ. Онъ требовалъ только, чтобы Михайловъ сообщилъ обществу фамилію этого пріѣхавшаго, но послѣдній объявилъ, что послѣ того, что онъ здѣсь слышалъ, сообщить ее стало совершенно невозможно.

— „Я знаю его фамилію, воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ, это—Гольденбергъ!“.

Гольденбергъ дѣйствительно пріѣхалъ изъ Кіева за нѣсколько

дней до Соловьева съ той же самой цѣлью, но мы его отговорили, считая, что онъ, какъ еврей, можетъ вызвать такимъ поступкомъ рядъ еврейскихъ разгромовъ со стороны тѣхъ элементовъ народа, которые теперь называются хулиганами. Затѣмъ мы ставили ему на видъ, что антисемиты воспользуются этимъ, чтобы исказить смыслъ его поступка.

— „Не разувѣряй",—шепнулъ Михайлову одинъ изъ присутствовавшихъ на совѣщаніи,—„пусть гоняются за Гольденбергомъ, а Соловьевъ тѣмъ временемъ успѣетъ все сдѣлать". Вскорѣ послѣ этого собраніе разошлось. Кто-то изъ насъ почти тотчасъ же побѣжалъ предупредить Гольденберга, что ему грозитъ въ Петербургѣ большая опасность и что онъ долженъ немедленно уѣхать на нѣкоторое время въ провинцію. Это Гольденбергъ тотчасъ же и сдѣлалъ.

Когда на слѣдующій день мы, сторонники политической борьбы, сошлись между собою, мы долго и серьезно обсуждали положеніе дѣлъ. Я стоялъ за то, что если разрывъ, какъ это выяснилось вчера, сталъ неизбѣженъ, то самое лучшее окончить его какъ можно скорѣе, для того, чтобы и у той и у другой фракціи развязались руки для практической дѣятельности. Квятковскій и Михайловъ тоже присоединились ко мнѣ, хотя и выставляли мнѣ на видъ практическія затрудненія, которыя должны будутъ возникнуть при раздѣлѣ общихъ фондовъ организаціи, образовавшихся изъ пожертвованій богатыхъ членовъ той и другой группы. Эти фонды накоплялись съ самаго времени возникновенія *„Земли и Воли"* и достигали теперь нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, отчасти въ земельныхъ имуществахъ, отчасти въ капиталахъ. При тратахъ на текущія дѣла, конечно, не могло производиться никакихъ форменныхъ счетовъ, а потому и осуществленіе раздѣла представлялось затруднительнымъ. Пожертвованія деньгами и имуществомъ считались безвозвратно отданными въ организацію вмѣстѣ съ жизнью самихъ жертвователей. Но такъ какъ сдѣлать это форменнымъ путемъ было немыслимо, то капиталы „временно" оставались въ распоряженіи того, кто владѣлъ ими ранѣе. Когда были нужны средства на какое-либо предпріятіе, мы говорили кому-либо чтобы онъ превратилъ въ наличныя деньги нужную сумму и она поступала затѣмъ ко мнѣ, въ *кассу на текущія дѣла*.

Наконецъ, рѣшили, что лучше всего будетъ предоставить каждому взять въ свою группу то, что у него осталось къ данному времени, т. е. возвратить каждому наличный остатокъ отъ его пожертвованій, не принимая въ расчетъ, чьи средства больше тратились до сихъ поръ на дѣла организаціи.

Мы всѣ соглашались, что помогать Соловьеву, предоставивъ самовольно въ его распоряженіе лошадь и кого-либо изъ насъ въ видѣ кучера для бѣгства съ Дворцовой площади, мы не имѣемъ права, послѣ выраженныхъ «*народниками*» протестовъ. Но помогать ему въ качествѣ частныхъ лицъ сейчасъ же взялись Александръ Михайловъ, Квятковскій и нѣкоторые другіе.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней у нихъ состоялось спеціальное совѣщаніе съ Соловьевымъ, гдѣ онъ объявилъ, что рѣшилъ дѣйствовать въ одиночку, пожертвовавъ своей жизнью. Все, что было ему дано нашей группой, это большой сильный револьверъ особой системы, купленный однимъ изъ насъ случайно черезъ доктора Веймара, въ домѣ котораго помѣщалось *Центральное Депо оружія*, да еще нѣсколько граммовъ сильнаго яда, для того, чтобы не отдаваться живымъ въ руки опричниковъ.

1-го Апрѣля 1879 г. онъ простился со всѣми своими знакомыми въ квартирѣ Александра Михайлова. Все, что случилось на слѣдующій день, уже извѣстно изъ его процесса.

Когда послѣ этого покушенія, взволновавшаго всю Россію, борьба между двумя фракціями «*Земли и Воли*» снова обострилась, опять поднялся старый вопросъ о неизбѣжности ея распаденія. Но мое предложеніе ускорить раздѣлъ, которое я и самъ дѣлалъ съ тяжелымъ чувствомъ въ душѣ, опять встрѣтило сильныя возраженія. Дѣло въ томъ, что чувство товарищества было среди насъ слишкомъ сильно, несмотря на существующія принципіальныя разногласія. Мысль, что послѣ раздѣла мы будемъ почти чужими другъ для друга, подавляла насъ. Вотъ почему, хотя мы всѣ и были давно убѣждены въ неизбѣжности близкаго распаденія «Земли и Воли», ни у кого изъ насъ не хватало силы взять на себя иниціативу.

— Пусть сторонники старой программы сами предложатъ намъ условія раздѣла, рѣшили мы и стали продолжать совмѣстную дѣятельность какъ и прежде, подъ именемъ «*Исполнительнаго Комитета Русской Соціально-Революціонной партіи*», хотя на душѣ у всѣхъ было страшно тяжело, а руки для практической дѣятельности были на половину связаны.

Но дальнѣйшія событія скоро сами рѣшили дѣло.

Въ одномъ изъ «*Листковъ Земли и Воли*», составленіе которыхъ, какъ я уже говорилъ, принадлежало мнѣ единолично, я въ первый разъ попробовалъ дать въ печати теоретическія основы уже практиковавшагося въ Россіи новаго рода революціонной борьбы по способу Вильгельма Телля и Шарлоты Корде. Это было въ передовой статьѣ озаглавленной: «*По поводу политическихъ убійствъ*», и напечатанной, насколько помню, въ двойномъ, третьемъ и четвертомъ номерѣ моего маленькаго журнала [1]). Тамъ я называлъ этотъ способъ «осуществленіемъ революціи въ настоящемъ», «однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ произволомъ въ періоды политическихъ гоненій». Слова «*терроризмъ*», уже практиковавшагося въ публикѣ, я нарочно избѣгалъ въ этой статьѣ, такъ какъ оно мнѣ чрезвычайно не нравилось, да и дѣйствительно не подходило къ дѣлу. Правленіе путемъ террора цѣликомъ при-

[1]) Упоминаемая Н. А. Морозовымъ статья помѣщена въ соединенномъ 2 и 3 № „Листка Земли и Воли“, безъ особаго заголовка, но подъ датой „Петербургъ, 15 марта 1879 г.“. Эта статья перепечатана въ сборникѣ В. Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. *Ред.*

надлежало правительству, и мы, по моему убѣжденію, только боролись съ нимъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но это названіе, къ моему сожалѣнію, быстро распространилось въ публикѣ, такъ что впослѣдствіи я и самъ употребилъ его въ заглавіи моей брошюры: «*Террористическая борьба*» (вмѣсто первоначально даннаго ей названія: «*Нео-партизанская борьба*), да еще на судѣ, гдѣ я объявилъ себя «*террористомъ по убѣжденіямъ*».

Моя статья въ «*Листкѣ Земли и Воли*» произвела сильное волненіе среди сторонниковъ старой программы. Плехановъ, стоявшій тогда во главѣ этой фракціи, заявилъ, какъ мнѣ передавали, въ публикѣ:

— „Этотъ «*Листокъ Земли и Воли*» поддѣлка. Я, какъ одинъ изъ редакторовъ «*Земли и Воли*», ничего не знаю о его выходѣ, и никогда не допустилъ бы ничего подобнаго. Главная цѣль «*Земли и Воли*» есть не политическая борьба съ правительствомъ, а пропаганда соціалистическихъ идей и агитація среди крестьянъ и рабочихъ".

Когда я встрѣтился съ нимъ потомъ и заговорилъ объ этомъ *Листкѣ*, котораго я, дѣйствительно, не успѣлъ ему предварительно показать (такъ какъ два раза не засталъ его дома), Плехановъ мнѣ сказалъ, что для улаженья недоразумѣній между нами существуетъ только одно средство: собрать съѣздъ всѣхъ членовъ «*Земли и Воли*», и пусть они рѣшатъ, кому изъ насъ быть выразителемъ ея программы. Я тотчасъ согласился съ этимъ. Плехановъ и Поповъ, который былъ тогда дѣятельнымъ помощникомъ Плеханова, сейчасъ же уѣхали въ провинцію, чтобы изложить мѣстнымъ товарищамъ положеніе дѣлъ въ петербургской группѣ.

Но изложеніе спорнаго вопроса одной изъ заинтересованныхъ сторонъ всегда и неизбѣжно бываетъ односторонне. Плехановъ же и Поповъ по самой своей природѣ были агитаторами, и потому понятно, что послѣ ихъ объѣзда всѣ провинціальные члены возстали на меня и на тѣхъ, кто поддерживалъ новую программу дѣятельности. Весной 1879 года мы получили, не помню отъ кого изъ двоихъ, грозное посланье, гдѣ говорилось, что всѣ работающіе въ народѣ требуютъ созыва общаго съѣзда организаціи въ какомъ-либо изъ городовъ центральной Россіи, для того, чтобы насъ судить и исключить изъ своей среды, какъ людей неподходящихъ по духу.

Я живо помню, какъ мы всѣ были взволнованы этимъ письмомъ. То, что мы считали неизбѣжнымъ, но боялись осуществить, теперь совершалось помимо нашей воли. Никому изъ насъ не приходило въ голову даже и мысли, что мы можемъ склонить на свою сторону кого либо изъ дѣятелей въ народѣ, такъ рѣзко и рѣшительно проводились въ письмѣ ихъ мнѣнія.

Что намъ теперь дѣлать? задавали мы себѣ вопросъ. Большинство будетъ на сторонѣ старой программы и насъ просто исключатъ. Сорганизуемся же поскорѣе, и даже ранѣе съѣзда, такъ чтобы тотчасъ послѣ исключенія изъ «*Земли и Воли*», мы сразу выступили, какъ готовая боевая организація, и тотчасъ же начали дѣятельность въ новомъ духѣ.

Каждый лишній день намъ казался лишней отсрочкой, и мы тотчасъ же написали приглашенія немногимъ извѣстнымъ намъ выдающимся дѣятелямъ въ новомъ духѣ, какъ принадлежащимъ, такъ и непринадлежащимъ къ «*Землѣ и Волѣ*». Мы созвали ихъ на совѣщаніе въ Липецкѣ, который представлялся намъ удобнымъ, какъ по причинѣ находящагося въ немъ курорта, такъ и потому, что изъ него легко было переѣхать въ Воронежъ, уже назначенный провинціальными товарищами, какъ мѣсто для общаго съѣзда организацій «*Земли и Воли*» и для суда надъ нами.

Намъ такъ хотѣлось собрать побольше сторонниковъ со всей Россіи, что мы пригласили туда также и Гольденберга, застрѣлившаго не задолго передъ этимъ харьковскаго губернатора князя Кропоткина за жестокое обращеніе съ политическими заключенными въ Харьковской Центральной Тюрьмѣ. Относительно его приглашенія было нѣсколько возраженій, такъ какъ нѣкоторые находили его не совсѣмъ самостоятельнымъ и легко поддающимся всякому гипнозу.

III.

Липецкій съѣздъ (съ 17 по 20 іюня 1879 г.).

Въ началѣ іюня 1879 г. всѣ подходящія лица были увѣдомлены и съѣздъ былъ назначенъ на семнадцатое число.

Я не буду здѣсь разсказывать романтической обстановки Липецкаго съѣзда, нашего появленія въ городѣ въ видѣ больныхъ, пріѣхавшихъ лѣчиться, засѣданія на пняхъ и стволахъ свалившихся деревьевъ въ окружающихъ лѣсахъ, куда мы брали для виду нѣсколько бутылокъ съ пивомъ и газетныхъ свертковъ съ закусками, для того чтобы придать нашимъ собраніямъ видъ простыхъ пикниковъ. Цѣль настоящаго очерка изложить лишь идейное значеніе Липецкаго съѣзда.

Къ 17 іюня собралось насъ въ Липецкѣ около 14 человѣкъ. Это были почти всѣ наличныя силы нашей боевой организаціи, наводившей столько страха на современное намъ самодержавное правительство сто-милліонной Россіи. Изъ нашей петербургской группы «*Земли и Воли*» пріѣхали, кромѣ меня: Александръ Михайловъ, Марія Ошанина, Баранниковъ, Квятковскій, Тихомировъ.

Изъ постороннихъ лицъ явились: Ширяевъ, какъ наиболѣе выдающійся членъ незадолго передъ тѣмъ основаннаго нами въ Петербургѣ самостоятельнаго общества: «*Свобода или Смерть*», а изъ провинціи Колодкевичъ, Желябовъ, Фроленко и Гольденбергъ, вызванный изъ Кіева.

На первомъ же засѣданіи Квятковскій и Михайловъ приступили къ чтенію уже заранѣе составленной мною начерно программы и устава новаго общества, къ которому они передъ этимъ сдѣлали нѣсколько дополненій. Сущность этого документа я помню довольно хорошо, такъ какъ переписывалъ черновикъ передъ этимъ раза

два, и потому увѣренъ, что если окончательно принятый уставъ и программа Липецкаго съѣзда когда нибудь найдутся въ затерявшемся архивѣ *Исполнительнаго Комитета Народной Воли* (который я хранилъ все время у покойнаго нынѣ литератора), то они будутъ мало чѣмъ отличаться отъ моего современнаго изложенія.

Вся программа состояла лишь изъ нѣсколькихъ строкъ приблизительно такого содержанія:

Наблюдая современную общественную жизнь въ Россіи, мы видимъ, что никакая дѣятельность, направленная къ благу народа, въ ней не возможна вслѣдствіе царящаго въ ней правительственнаго произвола и насилія. Ни свободнаго слова, ни свободной печати для дѣйствія путемъ убѣжденія въ ней нѣтъ. Поэтому всякому передовому общественному дѣятелю необходимо прежде всего покончить съ существующимъ у насъ образомъ правленія, но бороться съ нимъ невозможно, иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Поэтому мы будемъ бороться по способу Вильгельма Телля до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ такихъ свободныхъ порядковъ, при которыхъ можно будетъ безпрепятственно обсуждать въ печати и на общественныхъ собраніяхъ всѣ политическіе и соціальные вопросы и рѣшать ихъ посредствомъ свободныхъ народныхъ представителей.

До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, мы будемъ считать за своихъ друзей всѣхъ тѣхъ, кто будетъ сочувствовать намъ и помогать въ этой борьбѣ, а за враговъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ помогать противъ насъ правительству.

Въ виду того, что правительство въ своей борьбѣ съ нами не только ссылаетъ, заключаетъ въ тюрьмы и убиваетъ насъ, но также конфискуетъ принадлежащее намъ имущество, мы считаемъ себя въ правѣ платить ему тѣмъ же и конфисковать въ пользу революціи принадлежащія ему средства. Имущества же частныхъ лицъ или обществъ, не принимающихъ участія въ борьбѣ правительства съ нами, будутъ для насъ неприкосновенными.

Эта программа была нарочно составлена такой коротенькой, такъ какъ я изъ опыта всей своей прежней дѣятельности убѣдился, что чѣмъ больше деталей заключается въ программѣ, тѣмъ болѣе даетъ она пунктовъ для возраженія постороннимъ критикамъ. На Липецкомъ съѣздѣ она была принята единогласно, и было постановлено напечатать ее въ первомъ же номерѣ будущаго органа преобразованнаго Исполнительнаго Комитета. Но это потомъ не было исполнено, благодаря противодѣйствію Тихомірова, написавшаго черезъ два-три мѣсяца, уже въ Петербургѣ, свою собственную программу, казавшуюся ему болѣе удовлетворявшей современнымъ требованіямъ. Онъ добился въ послѣдующемъ декабрѣ согласія большинства петербургской группы Народной Воли на ея напечатанье въ третьемъ номерѣ «*Народной Воли*» вмѣсто первоначальной Липецкой программы. Приведенная же мною коротенькая декларація Липецкаго съѣзда, несмотря на усиленную защиту меньшинства, такъ и осталась въ архивѣ знакомаго литератора, гдѣ я хранилъ всѣ документы.

Теперь послѣ смерти его во время моего заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости она находится, не знаю гдѣ.

На томъ же собраніи Липецкаго съѣзда началось обсужденіе устава преобразованнаго Исполнительнаго Комитета, который затѣмъ сталъ называть себя *Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли*, такъ какъ въ виду возникшихъ разногласій мы не считали себя въ правѣ дѣйствовать болѣе отъ имени всей соціально-революціонной партіи того времени. Теперь я помню изъ Липецкаго устава только слѣдующіе параграфы:

§ 1 ?— Въ Исполнительный Комитетъ можетъ поступать только тотъ, кто согласится отдать въ его распоряженіе всю свою жизнь и все свое имущество безвозвратно, а потому и объ условіяхъ выхода изъ него не можетъ быть рѣчи.

§ 2 ? — Всякій новый членъ Исполнительнаго Комитета предлагается подъ ручательствомъ трехъ его членовъ. Въ случаѣ возраженій, на каждый отрицательный голосъ должно быть не меньше трехъ положительныхъ.

§ 3 ? — Каждому вступающему читается этотъ уставъ по параграфамъ. Если онъ не согласится на какой-нибудь параграфъ, дальнѣйшее чтеніе должно быть тотчасъ же прекращено, и баллотирующійся можетъ быть отпущенъ только послѣ того, какъ дастъ слово, хранить въ тайнѣ все, что ему сдѣлалось извѣстно во время чтенія, до конца своей жизни. При этомъ ему объявляется, что съ нарушившимъ слово должно быть поступлено какъ съ измѣнникомъ.

§ 4 ? — Члену Исполнительнаго Комитета можетъ быть данъ отпускъ, срочный или на неопредѣленное время по рѣшенію большинства, но съ обязательствомъ хранить въ тайнѣ все, что ему извѣстно. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ считаться за измѣнника.

§ 5 ? — Всякій членъ Исполнительнаго Комитета, противъ котораго существуютъ у правительства неопровержимыя улики, обязанъ отказаться въ случаѣ ареста отъ всякихъ показаній, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ назвать себя членомъ Комитета. Комитетъ долженъ быть не видимъ и не осязаемъ. Если же неопровержимыхъ уликъ не существуетъ, то арестованный членъ можетъ и даже долженъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ Комитетомъ и постараться выпутаться изъ дѣла, чтобъ и далѣе служить цѣлямъ общества.

§ 6 ? — Членъ Комитета имѣетъ право съ вѣдома организаціи поступать въ члены посторонннихъ тайныхъ обществъ, чтобъ по возможности направлять ихъ дѣятельность въ духъ Комитета, или привлекать ихъ къ нему въ вассальныя отношенія. При этомъ онъ имѣетъ право хранить въ тайнѣ ихъ дѣла, пока они не вредятъ цѣлямъ Комитета, а въ противномъ случаѣ немедленно долженъ выйти изъ такого общества.

§ 7 ? — Никто не имѣетъ права назвать себя членомъ Исполнительнаго Комитета внѣ его самого. Въ присутствіи постороннихъ онъ долженъ называть себя лишь его агентомъ.

§ 8 ? — Для завѣдыванья органомъ Исполнительнаго Комитета

выбирается на общемъ съѣздѣ редакція, число членовъ которой опредѣляется каждый разъ особо.

§ 9 ? — Для завѣдыванья текущими практическими дѣлами выбирается распорядительная комиссія изъ трехъ человѣкъ и двухъ кандидатовъ въ нее, на случай ареста кого либо изъ трехъ до новаго общаго съѣзда. Комиссія должна лишь строго исполнять постановленія съѣздовъ, не отступая отъ программы и устава.

§ 10 ? — Для храненія документовъ, денежныхъ суммъ и т. д. назначается секретарь, который долженъ держать въ тайнѣ мѣсто, гдѣ они хранятся.

§ 11 ? — Членъ Исполнительнаго Комитета можетъ привлекать постороннихъ сочувствующихъ лицъ къ себѣ въ агенты, съ согласія распорядительной комиссіи. Агенты эти могутъ быть первой степени съ меньшимъ довѣріемъ и второй съ большимъ, а самъ членъ Исполнительнаго Комитета называетъ себя передъ ними агентомъ третьей степени.

Большинство параграфовъ этого устава я помню до сихъ поръ довольно хорошо, какъ свое собственное произведеніе, которому я придавалъ очень важное значеніе. Они выражали собою духъ будущей боевой организаціи. Только пунктъ объ агентахъ первой и второй степени былъ составленъ не мной, а прибавленъ, если не ошибаюсь, Тихомировымъ. Затѣмъ были внесены Михайловымъ, Квятковскимъ и Желябовымъ еще съ десятокъ параграфовъ, содержанія которыхъ я теперь уже не помню.

На мое замѣчаніе на съѣздѣ, почему агенты первой степени должны быть съ самымъ малымъ довѣріемъ, тогда какъ съ перваго взгляда это кажется наоборотъ, Тихоміровъ мнѣ отвѣтилъ: «Для того чтобъ никакой агентъ не могъ знать, сколько степеней еще остается ему пройти для того, чтобы достигнуть самому комитета.»

Эта первая попытка централистическаго устройства еще тогда мнѣ очень не понравилась, такъ какъ основой крѣпости организаціи я считалъ товарищескій духъ, а не іерархическое устройство. Но большинство согласилось на это дополненіе, которое впрочемъ не имѣло въ будущемъ никакого серьезнаго значенія. «*Исполнительный Комитетъ*» былъ боевой группой партіи «*Народной Воли*». Къ партіи этой могъ причислять себя всякій сочувствующій, но въ ея боевую и руководящую группу онъ могъ быть зачисленъ только по выбору ея самой. Параграфъ объ агентахъ двухъ степеней настолько мало примѣнялся, что за все время моего пребыванія я зналъ только одного—Клѣточникова. Онъ оставался все время агентомъ, въ виду своего званія секретаря тайной полиціи, непозволявшаго ему принимать участія въ собраніяхъ Комитета, или познакомиться со всѣми его членами, во избѣжаніе риска для себя.

Во все время моего пребыванія въ «*Исполнительномъ Комитетѣ*» уставъ этотъ не подвергался никакимъ измѣненіямъ. Онъ исполнялся всегда довольно строго, за исключеніемъ пункта, опредѣляв-

шаго поведеніе членовъ на допросахъ. Этотъ параграфъ почти всегда нарушался послѣ ареста, такъ какъ плохо соотвѣтствовалъ героическому настроенію большинства членовъ новаго общества. Отказываться отъ принадлежности къ своей организаціи, «выпутываться» попавъ въ тюрьму, хотя-бы и съ цѣлью «дальнѣйшаго служенія цѣлямъ общества», оказалось для большинства совершенно невозможнымъ. Мысль, что ихъ *могутъ принять* за испугавшихся или малодушныхъ, казалась имъ до того невыносимой, что они забывали въ эту минуту обо всякихъ параграфахъ и уставахъ. Большинство объявили себя по уставу агентами третьей степени, но затѣмъ излагали цѣликомъ всю свою дѣятельность въ Комитетѣ, не касаясь лишь дѣятельности товарищей. Чтеніе такихъ героическихъ признаній, хранящихся въ архивахъ государственной полиціи, произвело на меня потомъ во время слѣдствія надъ нами самое трогательное впечатлѣніе. Я самъ не дѣлалъ ничего подобнаго во избѣжаніе нарушить духъ нашего Липецкаго устава, но я невольно забывалъ, что эти признанія не послѣдовательны съ точки зрѣнія заговорщика, обязавшагося держать втайнѣ всѣ дѣла своей организаціи, я забывалъ при ихъ чтеніи, что они облегчали дѣло слѣдователя.

На второмъ засѣданіи Липецкаго съѣзда уставъ былъ окончательно принятъ и единогласно утвержденъ. Редакторами будущаго органа выбрали меня и Тихомірова. Затѣмъ приступили къ выборамъ трехъ лицъ въ распорядительную комиссію.

Тутъ въ первый разъ сказалось очень сильно неудобство организовать тайное общество на централистическихъ началахъ. Если-бъ собраніе состояло только изъ нашей петербургской группы, то, понятно, не было бы никакихъ недоразумѣній, и мы выбрали бы въ распорядительную комиссію наиболѣе осторожныхъ и практическихъ товарищей. Но теперь оказалось не то.

Изъ вновь поступившихъ иногородныхъ лицъ почти никто не зналъ, кто чѣмъ занимался въ нашей петербургской группѣ, и потому составъ распорядительной комиссіи оказался не совсѣмъ тотъ, какого мы ожидали. Мы, петербуржцы, сговорились выбрать одного изъ южанъ, Фроленко, не разъ уже принимавшаго участіе въ различныхъ практическихъ предпріятіяхъ «Земли и Воли», и онъ былъ выбранъ всѣми нашими голосами. Остальные же два баллотировались нами лишь по предварительному совѣщанію съ южанами, чтобы удовлетворить общему настроенію. Благодаря этому въ комиссію попалъ, кромѣ Александра Михайлова, котораго всѣ мы очень желали, также и Тихоміровъ, котораго многіе изъ насъ считали вялымъ и непрактичнымъ. Но онъ былъ южанимъ родомъ, обладалъ старообразной внушительной внѣшностью, и потому за него особенно стояли южане, а подъ ихъ вліяніемъ подали голоса и мы, хотя въ душѣ и не были вполнѣ довольны этимъ выборомъ. Разочарованный неполной удачей баллотировки, кто-то изъ присутствующихъ, кажется Александръ Михайловъ, уже безъ совѣщаній заявилъ, что должность секретаря общества

и хранителя его бумагъ слѣдуетъ оставить за мной въ виду того, что я завѣдую этимъ въ «Землѣ и Волѣ,» и я остался по общему согласію, безъ голосованія закрытыми билетами.

На третьемъ и послѣднемъ засѣданіи Липецкаго съѣзда, посвященнаго обсужденію будущихъ предпріятій общества, Александръ Михайловъ произнесъ длинный обвинительный актъ противъ императора Александра II-го. Это была одна изъ самыхъ сильныхъ рѣчей, какія мнѣ приходилось слышать въ своей жизни, хотя Михайловъ по природѣ и не былъ ораторомъ.

Въ ней онъ припомнилъ и ярко очертилъ сначала хорошія стороны дѣятельности императора: его сочувствіе къ крестьянской и судебной реформамъ, а затѣмъ приступилъ къ изложенію его реакціонныхъ преобразованій, къ которымъ прежде всего относилъ замѣну живой науки мертвыми языками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и рядъ другихъ мѣропріятій назначенныхъ имъ министровъ. «Императоръ уничтожилъ во второй половинѣ царствованія, говорилъ Михайловъ, почти все то добро, которое онъ позволилъ сдѣлать передовымъ дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ подъ впечатлѣніемъ Севастопольскаго погрома».

Яркій очеркъ политическихъ гоненій послѣднихъ лѣтъ заканчивалъ эту замѣчательную рѣчь, въ которой передъ нашимъ воображеніемъ проходили длинныя вереницы молодежи, гонимой въ Сибирскія тундры за любовь къ своей родинѣ, исхудалыя лица заключенныхъ въ тюрьмахъ и невѣдомыя могилы борцовъ за освобожденіе. «Должно ли ему простить за два хорошія дѣла въ началѣ его жизни все то зло, которое онъ сдѣлалъ затѣмъ и еще сдѣлаетъ въ будущемъ?» спрашивалъ Михайловъ въ заключеніе,— всѣ присутствующіе отвѣтили: «нѣтъ!»

Съ этого момента вся послѣдующая дѣятельность большинства опредѣлилась въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ она стала теперь достояніемъ исторіи: рядъ покушеній на жизнь Императора Александра II-го и ихъ финалъ 1-го марта 1881 года.

Липецкій съѣздъ былъ объявленъ закрытымъ. На другой день мы отправились въ Воронежъ, группами по два или три человѣка, подобно тому, какъ ѣхали и на Липецкій съѣздъ.

IV.

Воронежскій съѣздъ (съ 21 по 24 іюня 1879 г.).

Въ Воронежѣ мы застали уже всѣхъ представителей *«народничества»* изъ провинціи. Главнѣйшая ихъ часть были пропагандисты изъ Саратовской губерніи, вмѣстѣ съ которыми пріѣхали и мои давнишніе друзья, Вѣра Фигнеръ и Софья Перовская, занимавшія тогда нейтральное положеніе между двумя фракціями «Земли и Воли».

Собранія общества были назначены на лѣсистыхъ островахъ рѣки Воронежъ, внизъ по ея теченію и въ прилегающихъ къ ея

берегамъ лѣсахъ. На нихъ мы являлись, точно также какъ и въ Липецкѣ, подъ видомъ гуляющихъ компаній горожанъ, отправляясь въ назначенное время въ лодкахъ или пѣшкомъ по берегу.

Съ тяжелымъ чувствомъ пришла наша группа на первое изъ засѣданій этого съѣзда, гдѣ мы ожидали себѣ исключенія. Особенно тяжело чувствовалъ себя я, какъ главный обвиняемый. Но въ то же время внутреннее чувство говорило мнѣ, что какъ-бы ни отнеслись ко мнѣ товарищи по «*Землѣ и Волѣ*» но я не могъ ни писать, ни поступать иначе. Я чувствовалъ, что поступалъ во всѣхъ нашихъ столкновеніяхъ не такъ, какъ было выгодно лично для меня, а такъ, какъ находилъ полезнымъ для успѣха освободительнаго движенія, и говорилъ въ своихъ статьяхъ все, что думалъ, не заботясь о томъ, окажется ли это ортодоксальнымъ съ точки зрѣнія окружающихъ меня, или подвергнется ихъ осужденію. При томъ же я зналъ, что если буду исключенъ, то со мною удалятся и всѣ наиболѣе близкіе для меня товарищи, и что мы сейчасъ же начнемъ свою новую дѣятельность какъ уже готовая организація.

На Воронежскій съѣздъ насъ собралось человѣкъ двадцать пять. Здѣсь были почти всѣ члены «*Земли и Воли*». Остальные прислали свои мнѣнія письменно.

Какъ только мы поздоровались другъ съ другомъ и расположились въ кружокъ на раскинутыхъ пальто и на стволѣ лежащаго дерева, поднялся Александръ Михайловъ и заявилъ, что здѣсь въ Воронежѣ есть нѣсколько людей, уже давно работавшихъ вмѣстѣ съ «*Землей и Волей*», хотя и не принадлежащихъ къ ея составу.

— Было бы очень желательно знать и ихъ мнѣніе въ нашихъ спорныхъ вопросахъ. Это Фроленко, Колодкевичъ и Желябовъ, только что пріѣхавшіе въ Воронежъ. Я предлагаю принять ихъ въ члены *Земли и Воли*.

Вся наша группа поддержала это предложеніе, такъ какъ намъ хотѣлось имѣть для себя побольше сторонниковъ. Именно потому мы и привезли съ собою этихъ трехъ человѣкъ, которыхъ знали почти всѣ въ *Землѣ и Волѣ*. Отправляясь на засѣданіе, мы ихъ оставили невидимо ждать въ отдаленіи.

«*Народническая группа*» тотчасъ же предложила принять троихъ и съ ихъ стороны. Оказалось, что и тѣ тоже ждали по другую сторону лѣса.

Мы едва удержались, чтобы не разсмѣяться при видѣ такого соотвѣтствія, и тотчасъ согласились на ихъ кандидатовъ, а они на нашихъ. И тѣ и другіе были немедленно приведены на засѣданіе.

Тогда Плехановъ, поднявшись со своего мѣста и прислонившись къ стволу большого дерева, сказалъ:

— Я прежде всего прошу Морозова прочесть свою статью въ Листкѣ Земли и Воли по поводу политическихъ убійствъ.

Уже давно готовый къ этому, я вынулъ изъ кармана соотвѣт-

ствующій номеръ листка и твердымъ голосомъ прочелъ свою статью, хотя и очень волновался внутренно.

— Вы слышали, господа,—сказалъ Плехановъ.—Это ли наша программа?

Наступило тяжелое молчаніе, продолжавшееся съ полъ-минуты. Но вдругъ оно было прервано одобрительнымъ возгласомъ Фроленко, воскликнувшимъ, что именно такъ и нужно писать передовыя статьи въ революціонныхъ органахъ.

Плехановъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Неужели, господа, вы всѣ такъ думаете?

Не нашлось ни одного голоса, который осудилъ бы мою статью. До такой степени мысли, выраженныя мною въ ней, были подготовлены жестокими гоненіями того времени на всякую попытку дѣятельности въ народѣ.

Только Поповъ спросилъ меня, признаю ли я этотъ способъ борьбы общимъ методомъ?

Я ему отвѣтилъ, что считаю этотъ способъ допустимымъ только въ періоды политическихъ гоненій, когда всякія другія средства борьбы съ произволомъ являются практически невозможными. Какъ только будетъ обезпечена свобода слова и низвергнутъ абсолютизмъ, сейчасъ же нужно будетъ дѣйствовать исключительно убѣжденіемъ.

Кто-то изъ саратовцевъ, которыхъ мы считали крайними врагами новаго пути, сказалъ:

— Въ нашей старой программѣ *Земли и Воли* допускаются на равныхъ правахъ, какъ политическая дѣятельность въ городахъ, такъ и пропаганда соціалистическихъ идей въ народѣ.

Всѣ, за исключеніемъ четырехъ человѣкъ, согласились, что это такъ и должно быть, и что въ моихъ статьяхъ нѣтъ никакихъ противорѣчій со старой программой общества.

Мы, липецкіе, съ изумленіемъ переглянулись между собою. Пріѣхавъ въ Воронежъ, мы ожидали совсѣмъ не этого. Наше положеніе какъ уже съорганизованной группы, стало дѣлаться затруднительнымъ: *мы оказались тайнымъ обществомъ въ тайномъ обществѣ!*

Плехановъ нѣкоторое время стоялъ молча. Отношеніе деревенскихъ членовъ *Земли и Воли* къ новому направленію было для него, очевидно, совершенно неожиданно.

— Въ такомъ случаѣ, господа,—сказалъ онъ глухимъ и печальнымъ голосомъ,—здѣсь мнѣ больше нечего дѣлать. Прощайте!

Онъ медленно повернулся и началъ удаляться въ глубину лѣса. Мнѣ показалось, что онъ съ усиліемъ держится на ногахъ.

Разрывъ съ привычнымъ товарищемъ по дѣятельности былъ слишкомъ тяжелъ. Вотъ онъ идетъ, мелькнуло у меня въ головѣ, куда то въ глубину лѣса, одинокій, безъ сторонниковъ... Что съ нимъ будетъ, что онъ будетъ дѣлать?

Мы, ожидавшіе изгнанія, вдругъ, безъ всякаго труда, оста-

лись побѣдителями, а онъ, считавшій себя все время побѣдителемъ, оказался неожиданно побѣжденнымъ. У меня къ горлу подступали слезы.

— Господа! нужно его возвратить,—воскликнула Вѣра Фигнеръ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Александръ Михайловъ взволнованнымъ голосомъ,—какъ это ни тяжело, но мы не должны возвращать его.

Я и другіе тоже быстро овладѣли собою и присоединились къ его мнѣнію, такъ какъ перспектива дальнѣйшихъ споровъ по поводу каждой новой статьи и каждаго новаго практическаго предпріятія слишкомъ пугала насъ. Четыре изъ петербургскихъ сторонниковъ Плеханова, особенно рѣзко возражавшіе противъ покушенія Соловьева, вскочили со своихъ мѣстъ, чтобъ идти за нимъ, но потомъ снова сѣли, тихо переговариваясь между собою. Ни одинъ изъ нихъ не удалился съ собранія вслѣдъ за Плехановымъ.

Кто-то предложилъ рѣшить голосованіемъ, считать ли теперь Плеханова принадлежащимъ къ организаціи. Значительное большинство высказалось за то, что его нужно считать добровольно выбывшимъ изъ «*Земли и Воли*». Если онъ вновь пожелаетъ возвратиться, то нужно будетъ отнестись къ нему, какъ ко всякому другому поступающему, т. е. потребовать у него согласія на программу и уставъ и подвергнуть баллотировкѣ по общимъ правиламъ. Такъ закончилось первое засѣданіе Воронежскаго съѣзда «*Земли и Воли*».

Очутившись въ большинствѣ, мы назначили новое собраніе только черезъ день. Отсрочка эта была для насъ совершенно необходима для того, чтобъ обсудить свое положеніе. Постановленія Липецкаго съѣзда предполагали насъ совершенно самостоятельной группой.

Собравшись на слѣдующій день особо въ лѣсу, мы рѣшили не уходить изъ «*Земли и Воли*», но настоять на томъ, чтобъ «*Исполнительный Комитетъ*» во всѣхъ своихъ практическихъ дѣлахъ пользовался полной автономіей и имѣлъ свой особый органъ.

Все это и было очень легко получено на слѣдующемъ засѣданіи Воронежскаго съѣзда. Я уже упоминалъ, что наша группа, вмѣстѣ съ Кіевскимъ отдѣленіемъ «*Земли и Воли*», во главѣ котораго стоялъ Валеріанъ Осинскій, уже нѣсколько мѣсяцевъ фактически пользовалась автономіей и выпускала прокламаціи подъ тѣмъ же именемъ «*Исполнительнаго Комитета*». Такъ мы назвали себя и на Липецкомъ съѣздѣ. Съ лѣта 1878 г. мы даже обладали своей печатью, на которой были выгравированы скрещенные кинжалъ, револьверъ и топоръ, а кругомъ ихъ надпись: «*Исполнительный Комитетъ Русской Соціально-Революціонной Партіи*». Печать эта со времени моего присоединенія къ «*Землѣ и Волѣ*» т. е. съ осени 78-го года хранилась у меня въ нашемъ архивѣ вмѣстѣ съ остальными документами (теперь вмѣстѣ съ архивомъ она неизвѣстно гдѣ находится,). Благодаря этому даже самое имя «*Исполнительный Комитетъ*» могло остаться за нами безъ измѣненія, и та же самая печать могла служить намъ и въ будущемъ.

Фракція Плеханова послѣ его ухода потеряла всякую энергію, и мы огромнымъ большинствомъ были утверждены въ оспаривавшемся до тѣхъ поръ «*народниками*» правѣ называть себя «*Исполнительнымъ Комитетомъ*» и пользоваться своей печатью. Намъ дали не только полную автономію, но право принимать на свой рискъ въ «*Исполнительный Комитетъ*» новыхъ членовъ, не принадлежащихъ къ «*Землѣ и Волѣ*».

Единственнымъ условіемъ по отношенію къ этимъ лицамъ было не сообщать имъ интимныхъ подробностей о дѣятельности Земли и Воли, пока они не будутъ приняты въ ея члены. Такимъ образомъ все, что мы постановили на Липецкомъ съѣздѣ, было наконецъ легализировано въ «*Землѣ и Волѣ*», хотя остальные члены Воронежскаго съѣзда даже и не подозрѣвали объ нашихъ совѣщаніяхъ въ Липецкѣ.

Воронежскій съѣздъ былъ закрытъ, насколько помню, послѣ третьяго или четвертаго засѣданія, гдѣ были приняты въ «*Землю и Волю*» по моему предложенію Вѣра Засуличъ и нѣсколько другихъ членовъ, предложенныхъ различными лицами. Изъ этихъ новыхъ членовъ Дейчъ и Стефановичъ, тотчасъ присоединившіеся къ группѣ «*народниковъ*», сильно способствовали потомъ окончательному распаденію «*Земли и Воли*».

На этомъ же послѣднемъ засѣданіи были разрѣшены нѣкоторые второстепенные вопросы; пересмотрѣнъ уставъ «*Земли и Воли*», и выбрана распорядительная комиссія изъ трехъ лицъ для завѣдыванья практическими дѣлами. Я по прежнему былъ оставленъ хранителемъ печати и всѣхъ документовъ общества, а также и его денежныхъ суммъ. Редактированье журнала «Земля и Воля» было снова поручено мнѣ и Тихомірову.

V.

Распаденіе «Земли и Воли» на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю».

Когда мы вернулись въ Петербургъ, нѣкоторымъ казалось, что всѣ важнѣйшія недоразумѣнія улажены и что распаденіе общества ограничилось выходомъ изъ него одного Плеханова. Но это было не такъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ оказалось, что наши прежніе противники въ петербургской группѣ держатся отъ насъ обособленной компаніей, и по прежнему считаютъ Плеханова своимъ членомъ, сообщая ему всѣ интимныя дѣла общества въ противность уставу. Къ нимъ присоединились подъ вліяніемъ Стефановича также Дейчъ и Вѣра Засуличъ. Присоединеніе Засуличъ къ «*народнической*» группѣ было намъ особенно тяжело. Мы провели ее на Липецкомъ съѣздѣ въ полной увѣренности, что она будетъ сторонницей новаго способа борьбы, въ которомъ мы тогда видѣли все спасеніе Россіи отъ губившаго ее абсолютизма. Но она

была чрезвычайно дружна со Стефановичемъ и Дейчемъ, и перейдя вмѣстѣ съ ними къ нашимъ противникамъ, вдругъ окружила ихъ ореоломъ въ глазахъ благоговѣвшей передъ ней учащейся молодежи.

Наши противники сразу почувствовали за собою новую силу и снова сдѣлались требовательными по отношенію къ намъ. Стефановичъ началъ вербовать себѣ сторонниковъ среди лицъ, имѣвшихъ тѣсныя сношенія съ «*Землей и Волей*», и завербовалъ въ томъ числѣ хозяйку нашей типографіи Крылову. Въ одинъ прекрасный день она заявила, что пока она находится въ типографіи, она не позволитъ печатать ни одной статьи въ новомъ направленіи, такъ какъ политическая свобода будетъ способствовать развитію буржуазіи и такимъ образомъ пойдетъ во вредъ рабочему народу.

Всѣ мои усилія переубѣдить ее оказались тщетными, такъ какъ она не была самостоятельной мыслительницей, а отстаивала лишь то, что ей внушали люди, подъ вліяніе которыхъ она попадала. Теперь же она была цѣликомъ подъ вліяніемъ Стефановича и Плеханова. Не чувствуя себя въ силахъ возражать на мои доводы о необходимости политической свободы для самой соціалистической дѣятельности въ народѣ, она впадала въ истерику. Въ концѣ всѣхъ переговоровъ съ нею мнѣ приходилось лишь бѣгать за холодной водой, чтобъ успокоить ее хоть немного. Мой соредакторъ Тихоміровъ и Александръ Михайловъ то же пробовали говорить съ нею, но бросили всѣ попытки въ виду ихъ безполезности еще задолго до меня.

Благодаря такому положенію дѣлъ въ типографіи, изданіе «*Земли и Воли*» оказывалось теперь фактически неосуществимымъ, несмотря на то, что всѣ остальные наборщики стояли за новое направленіе. Цѣлыхъ два мѣсяца послѣ Воронежскаго съѣзда вся дѣятельность общества уходила на улаживанье ежедневно возникавшихъ внутри его недоразумѣній между двумя фракціями, собиравшимися отдѣльно въ окрестностяхъ Петербурга. Всякая идейная и практическая революціонная дѣятельность совершенно прекратилась. Несмотря на всѣ усилія соединить несоединимое, у насъ ничего не выходило. Всѣ связующія нити между двумя группами рвались, какъ паутина, при первой попыткѣ начать какое либо серьезное дѣло. У большинства товарищей все болѣе и болѣе терялась ровность характера. Стали возникать несправедливыя нареканія однихъ лицъ на другихъ, и интриги одной фракціи противъ другой.

Къ октябрю 1879 года взаимныя недоразумѣнія дошли до такой степени, что не оставалось ничего другого, какъ назначить уполномоченныхъ для осуществленія раздѣла. Обѣ фракціи были объявлены независимыми обществами, дѣйствующими вполнѣ самостоятельно, безъ права называть себя «*Землей и Волей*». Уставъ «*Земли и Воли*», всѣ ея печати и документы остались въ нашемъ распоряженіи какъ у большинства, а капиталы общества было рѣшено раздѣлить поровну. Фактически всѣ они (за исключеніемъ средствъ Лизогуба, погибшихъ послѣ его казни для организаціи)

отошли къ фракціи Стефановича и Плеханова, такъ какъ у нихъ оказались почти всѣ состоятельные члены общества, которые и передали туда все, что имъ принадлежало. Ихъ группа назвала себя «*Черный Передѣлъ*» или «*народниками*» въ знакъ того, что главная цѣль ихъ общества есть *передѣлъ* всѣхъ земель Россіи *начерно* между общинниками-крестьянами. Мы же назвали себя партіей «*Народной Воли*» или «*народовольцами*» въ знакъ того, что непосредственная наша цѣль была замѣна существующаго самодержавнаго режима представительнымъ, основаннымъ на проявленіи воли всего народа. Народная воля должна была рѣшить потомъ всѣ политическіе и соціальные вопросы при свободномъ представительномъ правленіи. Пользуясь уже готовымъ уставомъ, мы сейчасъ же начали свою боевую и литературную дѣятельность въ новомъ духѣ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ изъ вновь устроенной тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ былъ выпущенъ первый номеръ «*Народной Воли*».

При раздѣлѣ «*Земли и Воли*» намъ не досталось ни копѣйки изъ ея матеріальныхъ средствъ, но мы были полны энергіи и энтузіазма. Къ намъ сейчасъ же присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ молодежи, принесшихъ вмѣстѣ съ собою и небольшія средства на первыя практическія дѣла. Мы вдругъ, казалось, ожили: наши руки были развязаны, а ничего другого намъ не было нужно въ это время.

Николай Морозовъ.

8 Августа 1906 г.

Комментарій къ статьѣ Н. А. Морозова „Возникновеніе Народной Воли“.

Отъ редакціи. Одновременно съ Н. А. Морозовымъ мы обращались съ просьбой дать свои воспоминанія о Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ къ другому участнику этихъ событій М. Ф. Фроленко. Его воспоминанія будутъ напечатаны нами въ одной изъ книгъ «Былого» за 1907 годъ. По полученіи рукописи Н. А. Морозова, мы послали ее М. Ф. Фроленко и получили отъ него нижеслѣдующіе комментаріи къ статьѣ Н. А. Морозова. Эти комментаріи были просмотрѣны послѣднимъ и вызвали съ его стороны нѣкоторыя замѣчанія, которыя мы и помѣщаемъ въ примѣчаніяхъ.

Дорогіе друзья!

На дняхъ я получилъ статью Морозова о Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ и, согласно Вашему желанію, рѣшаюсь сдѣлать къ ней нѣкоторыя добавленія, хотя, по правдѣ сказать, дѣлаю это съ большой неохотой, боясь, какъ-бы не было это принято за полемику съ авторомъ. Единственно, что мною руководитъ,—долженъ поэтому добавить,—это желаніе освѣтить предметъ, вышеуказанныя историческія явленія съ возможно большаго числа сторонъ, и желаніе подойти къ нему поближе. Морозовъ, какъ редакторъ и писатель, хорошо изобразилъ то, что происходило тамъ, у нихъ въ редакціи и между редакторами, но онъ мало коснулся улицы, такъ сказать. Этотъ пробѣлъ я хотѣлъ-бы заполнить. Тонъ-то задавала улица, и редакція только являлась откликомъ улицы, ея выразительницей, какъ со стороны политиковъ, такъ и со стороны народниковъ. Улица же начала переходить къ новому способу борьбы съ правительствомъ гораздо раньше, чѣмъ ея дѣйствія нашли своихъ литературныхъ истолкователей. Въ Одессѣ, Кіевѣ, въ концѣ 71-го г. уже начинаетъ ходить мысль о необходимости открыть походъ противъ правительства въ лицѣ

хотя-бы мелкихъ его агентовъ. На Пасху 77-го года, при скопленіи радикальнаго народа, въ Одессѣ происходили уже серьезные дебаты на счетъ необходимости болѣе систематичнаго похода на правительство; при чемъ большинство признавало нужнымъ уничтожить, срубить раньше лѣса, какъ тогда выражались, а волки тогда, молъ, и сами погибнутъ. Меньшинство же стояло за то, чтобы начать съ волковъ. Все это, правда, за недостаткомъ средствъ и хорошей организаціи, не имѣло практическаго осуществленія, если не считать мелочей, но за то вполнѣ подготовило мысль къ подобному способу. Поэтому, когда въ концѣ 77 года явился въ Одессу Валерьянъ Осинскій съ предложеніемъ объ освобожденіи Стефановича, Дейча, Бохановскаго, то здѣсь онъ сразу нашелъ подходящую почву, встрѣтивъ уже цѣлую кучу людей, согласныхъ не только на это освобожденіе, но и вообще на всякое дезорганизаторское дѣло. Взявъ изъ нихъ часть, Осинскій сначала двинулся въ Кіевъ, но, пробывъ тутъ недолго, направился въ Питеръ. Здѣсь имѣлось тогда въ виду устроить демонстрацію при похоронахъ рабочихъ, погибшихъ отъ взрыва на пороховомъ, кажется, заводѣ. Демонстрація не вышла. Тогда было питерцами рѣшено использовать привезенныя силы противъ Трепова. На Гороховой ул., противъ Адмиралтейской части, Попко и еще одинъ южанинъ наняли квартиру, стали слѣдить за выходомъ Трепова. «Варваръ» (рысакъ) долженъ былъ имъ помогать.

Но одновременно, въ другой части города Вѣра Засуличъ, Чубаровъ и др. въ свою очередь задумали, независимо отъ этого, произвести наблюденія, тоже за Треповымъ. У нихъ подготовка кончилась скорѣе. Вѣра Засуличъ училась стрѣльбѣ еще на югѣ, когда была въ кружкѣ кіевскихъ бунтарей. Ей пришлось только провѣрить себя и рѣшиться на жертву. Узнавъ отъ южанина, жившаго съ Попко, что ихъ дѣло еще находится въ періодѣ выслѣживанія и опредѣленія способа, что время дѣйствія не установлено, Вѣра не стала выжидать, а сочла за лучшее выступить самой, предупредивъ, такимъ образомъ, другихъ. Осинскій, Попко и др. двинулись тогда на югъ и тутъ открыли цѣлый рядъ террористическихъ дѣйствій. Гейкингъ, Котляревскій, освобожденіе Стефановича, Дейча и Бохановскаго, конституціонный клубъ и т. д., — все это указывало на переходъ къ новому способу борьбы. Тутъ же была сдѣлана и использована печать Исполнительнаго Комитета. Здѣсь же южане освоились съ мыслью о конституціи и не стали бояться ея. Отсюда, или лучше сказать, съ этого времени, какъ новый способъ борьбы, такъ и стремленіе къ политической свободѣ начинаетъ все больше и больше завоевывать право на существованіе и, переходя съ юга на сѣверъ, начинаетъ вызывать, конечно, споры, несогласія. Уже передъ Мезенцевскимъ дѣломъ, пріѣхавъ въ Москву, я былъ не мало удивленъ радости Адріана Михайлова, когда онъ узналъ, что я не особенно противъ деревенскихъ поселеній, что дѣятельность въ деревняхъ признаю одинаково важной, наряду съ дѣятельностью въ городахъ. Значитъ, на сѣверѣ уже тогда начался споръ ме-

жду членами «Земли и Воли», но онъ не имѣлъ тогда остраго характера. И тотъ же Адріанъ очень скоро принялъ самъ въ качествѣ кучера участіе въ дѣлѣ Мезенцова.

Кстати о дѣлѣ Мезенцова... Морозовъ пишетъ, что Мезенцовъ былъ убитъ за то, что настоялъ, будто, на исполненіи смертнаго приговора надъ Ковальскимъ. Ковальскій былъ казненъ за два дня до убійства Мезенцова. Дѣло же Мезенцова тянулось не менѣе мѣсяца и его смерть была рѣшена, значитъ, раньше этого. Насколько помню, его осудили за то, что онъ настаивалъ на болѣе строгомъ приговорѣ по Большому процессу, (193-хъ), а главнымъ образомъ за примѣненіе административной высылки противъ лицъ, оправданныхъ по этому процессу, и за то еще, что онъ былъ шефъ жандармовъ и начальникъ *ненавистнаго всѣмъ третьяго отдѣленія* [1]).

Дѣло Мезенцова велось членами «Земли и Воли» и показывало, что землевольцы уже тоже начали переходить къ тому же способу дѣйствія, который практиковался и на югѣ. Незадолго передъ этимъ точно также они въ союзѣ съ южанами сдѣлали неудачное нападеніе на жандармовъ, которые везли Войнаральскаго въ централку Харьковской губерніи. Такимъ образомъ и сѣверяне, видимъ, наряду съ деревенской дѣятельностью, стали признавать нужнымъ и терроръ, но конечно, не всѣ одинаково и не безъ взаимныхъ пререканій. О томъ, что они были, свидѣтельствуетъ сказанное мной выше объ Адріанѣ Михайловѣ. Но на томъ же Михайловѣ видно, что такіе споры не имѣли вреднаго для дѣла значенія и люди, поспоривъ, въ концѣ приходили къ обоюдному соглашенію. Продлись такъ дальше,—и новый путь, завоевывая мало-по-малу позицію, скоро перешелъ бы въ общую программу и новый способъ борьбы сталъ бы господствующимъ, какъ мнѣ кажется теперь и казалось тогда. Но за дѣломъ Мезенцова въ Питерѣ послѣдовалъ очень большой провалъ и большая часть видныхъ дѣятелей попала въ тюрьму. Тогда были арестованы Ольга Натансонъ—эта душа Питера,—Адріанъ Михайловъ, такъ называемый «Алешка» (Оболешевъ) и другъ. Александру Михайлову удалось спастись. За нимъ уже гнался кто-то: или жандармъ, или шпіонъ, —навѣрно не помню. Но онъ опередилъ погоню и забѣжавъ за уголъ, быстро перескочилъ заборъ и тамъ спрятался.

Александру Михайлову съ уцѣлѣвшими пришлось тогда создавать все вновь. Вызвали они изъ деревни Квятковскаго, который съ М. Р. Поповымъ занимались развозной торговлей въ Воронежской губерніи, и сгруппировали вокругъ себя много новыхъ лицъ. Въ это время въ Питеръ понаѣхали бѣжавшіе изъ админи-

---

[1]) Фроленко совершенно правъ. Событіе 4-го августа, хотя и было рѣшено Кравчинскимъ еще весной 1878 года, но приведено имъ въ исполненіе непосредственно подъ впечатлѣніемъ факта разстрѣлянія Ковальскаго 2 августа 1878 года. Прямымъ доказательствомъ этому служитъ написанная самимъ Кравчинскимъ брошюра „*Смерть за смерть*“, посвященная памяти Ковальскаго.

Н. Морозовъ.

стративной ссылки, нѣкоторые изъ нихъ тоже пристали сюда. Въ Питерѣ, благодаря всему этому, сразу получился новый составъ и составъ довольно значительный, но изъ лицъ, мало проникнутыхъ программой «Земли и Воли». Все это былъ народъ, болѣе способный къ дѣятельности городской, всѣ они больше склонялись къ тому, чтобы на правительственныя репрессаліи отвѣчать дѣйствіями боевыми. Путь, намѣченный на югѣ, встрѣтилъ тутъ горячихъ послѣдователей. Старые землевольцы, какъ Алек. Михайловъ и Квятковскій, еще недавно мечтавшіе о возвращеніи въ деревню, сами прониклись необходимостью выступить на открытую борьбу съ правительствомъ, не расчитывая на народъ, имѣя въ виду лишь свои силы. Такимъ образомъ тутъ, въ Питерѣ, почти всѣ сходились на переходѣ, или лучше сказать на отданіи преимущественнаго значенія боевымъ дѣйствіямъ передъ поселеніями, не отрицая, однако, и ихъ. Но то, что стояли за новый способъ борьбы люди новые, не связанные со старыми землевольцами ни дружбой, ни долгой совмѣстной работой, вело невольно къ обостренію отношеній при всякихъ несогласіяхъ и спорахъ между старыми и новыми землевольцами. Къ этому времени старые землевольцы-народники отнюдь еще не разочаровались въ своихъ поселеніяхъ, въ продуктивности и тамъ своей работы. Напротивъ, они полны были еще вѣры и потому то такъ горячо и возстали, когда зашла рѣчь о цареубійствѣ, которое по ихъ мнѣнію могло убить ихъ работу въ деревнѣ или по меньшей мѣрѣ сильно затормозить. Это соображеніе надо замѣтить и оправдалось потомъ, когда заведены были урядники, въ деревняхъ стало труднѣе удержаться. Споры, противодѣйствія народниковъ поэтому были вполнѣ понятны и естественны, раздѣлъ необходимъ. Честолюбіе отдѣльныхъ лицъ играло, по моему, совершенно второстепенное значеніе и не ему поэтому я приписываю главную причину раздѣла [1]), а тому прежде всего, что въ составъ партіи «Земли и Воли» вошелъ новый элементъ изъ свѣжихъ лицъ, которыя не сами создавали программу «Земли и Воли», которыя не выносили ее въ своей головѣ, для которыхъ она была лишь чужое литературное произведеніе, съ которымъ они согласны еще въ цѣляхъ, но не въ средствахъ. Средства ихъ были совершенно разны и *при отсутствіи связующаго товарищескаго, дружескаго чувства* принципіальная рознь обязательно должна была привести къ раздѣлу не нынче, такъ завтра. Въ раздѣленіи землевольцевъ на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю», подчеркнутое обстоятельство и играло первенствующее значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ Желябовъ, Якимова, Софья Иванова, Оловенникова, Ширяева, Исаевъ, Арончикъ, я и др. для народниковъ, которые ихъ знали однихъ лишь по фамиліи, а другихъ даже и такъ не знали. Никакая дружба, привязанность, близкое знаком-

[1]) Съ этимъ согласенъ и я. Главная основная причина раздѣла лежала несомнѣнно въ разногласіяхъ принципіальнаго характера.

Н. Морозовъ.

ство ихъ не соединяли и въ этомъ то и надо искать основной причины окончательнаго раздѣла, мнѣ кажется. На время, подъ давленіемъ обстоятельствъ, люди, конечно, могли пойти на уступку и пошли, но длиться долго такъ не могло, кончилось раздѣломъ, и должно было такъ кончиться, независимо отъ вліянія отдѣльныхъ лицъ. Для того, чтобы раздѣла не произошло, надо было, чтобы часть людей заживо обрекли себя на смерть, на полное бездѣйствіе или на принятіе чужой вѣры, въ которую они не вѣрили. Но, все таки, пока вопросъ не касался существеннаго, пока споръ шелъ о второстепенныхъ вещахъ, люди терпѣли, допуская дѣйствовать своихъ членовъ противъ разныхъ правительственныхъ чиновъ. Но вотъ является Соловьевъ и поднимается вопросъ, который идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ міровоззрѣніемъ человѣка. Тутъ соглашеніе трудно, но на первый разъ и на это пошли народники. На то, что Гольденбергу угрожали, надо смотрѣть не въ томъ смыслѣ, что это и въ самомъ дѣлѣ думали привести въ исполненіе. Ничего подобнаго, конечно, не случилось бы. И только, когда произошла Соловьевская неудача, когда начался бѣлый терроръ, когда положеніе въ деревнѣ стало хуже, труднѣе, тогда только народники и подняли вопросъ о необходимости съѣзда, о необходимости сообща рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ продолжать дѣло Соловьева. Литературныя статьи, конечно, подливали масло въ огонь, но они однѣ ни къ чему особенному не привели бы, если бы споръ не возникъ заранѣе изъ-за практическихъ начинаній, изъ-за желанія довести дѣло Соловьева до конца. Прежде всего пугало это предпріятіе, а затѣмъ уже являлась боязнь увлеченія и перехода и въ дальнѣйшемъ къ подобнымъ дѣламъ, отвлекая всѣ силы и средства сюда, оставляя въ забросѣ деревню. Но, все же, хотя въ редакціяхъ споръ и былъ ожесточенъ, хотя нѣкоторые изъ народниковъ сильно возстали на статью Морозова, но большинство членовъ «Земли и Воли», какъ со стороны народниковъ, такъ и политиковъ не хотѣло раздѣла и на спорщиковъ смотрѣли, какъ на неуживчивыхъ людей. Въ чемъ, помню, особенно обвиняли Плеханова. О раздѣлѣ больше говорили тѣ, кому круто приходилось отъ частыхъ прекаліій, но другіе не особенно этимъ спѣшили и Воронежскій съѣздъ показалъ, что люди объ этомъ еще не думали серьезно.

О Гольденбергѣ у Морозова сказано, что такъ какъ хотѣлось собрать на Липецкій съѣздъ побольше сторонниковъ, то пригласили туда *даже* и Гольденберга. Это *даже* мнѣ кажется, можно и должно выбросить. Гольденбергъ былъ не между прочимъ приглашенъ, а потому, что нельзя было его не пригласить. Разговоры о съѣздѣ начались при немъ. Питерцы относились сначала къ нему хорошо и у нихъ не было еще мотивовъ его не приглашать. Критику на Гольденберга внесли южане, которые знали его лучше, но южане явились позже, когда Гольденбергъ былъ уже приглашенъ.

Морозовъ говоритъ о чтеніи программы и устава, составлен-

ныхъ имъ [1]). Я до сихъ поръ былъ того мнѣнія, что записка эта была составлена Михайловымъ съ Тихомировымъ [2]), а затѣмъ, на съѣздѣ, при обсужденіи записки по пунктамъ, составлена и формулирована Желябовымъ уже та, которую выработалъ съѣздъ.

Объ агентахъ Исполнительнаго Комитета Морозовъ говоритъ, что, хотя большинство членовъ и согласились на это, но что оно не имѣло въ будущемъ много серьезнаго значенія, что этотъ параграфъ такъ мало примѣнялся, что онъ помнитъ одного лишь Клѣточникова въ качествѣ агента.

---

[1]) Въ составленіи проэкта этой программы и устава участвовали въ Петербургѣ вмѣстѣ со мной Александръ Михайловъ и Квятковскій. Вполнѣ возможно, что кто-нибудь изъ нихъ предварительно совѣтовался по поводу ея и съ Тихомировымъ. Этого я не знаю. Читали проэктъ на съѣздѣ, насколько помню, сначала Квятковскій, а потомъ Михайловъ. Въ обсужденіи принимали участіе Желябовъ, Колоткевичъ и многіе другіе. Кѣмъ былъ переписанъ и прочтенъ этотъ документъ въ окончательномъ видѣ не помню.

Н. Морозовъ.

[2]) Это представленіе Михаила Федоровича является прекрасной иллюстраціей существовавшей въ то время тенденціи приписывать Л. А. Тихомирову всѣ тѣ статьи и документы, авторы которыхъ, какъ это постоянно бываетъ въ дѣятельности тайныхъ обществъ, оставались неизвѣстны. Михаилъ Федоровичъ совершенно не участвовалъ въ литературѣ „Народной Воли“, но онъ, насколько помню, присутствовалъ на томъ петербургскомъ засѣданіи „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“, гдѣ Тихомировъ и Желябовъ были главными моими оппонентами, при моей попыткѣ отстоять программу Липецкаго съѣзда. Они ее критиковали настолько сильно, что значительное большинство присутствовавшихъ, въ противность формленному постановленію Липецкаго съѣзда, рѣшило напечатать вмѣсто нея новую программу, дѣйствительно написанную Тихомировымъ и совершенно въ другомъ направленіи, чѣмъ декларація Липецкаго съѣзда. За мою программу подали голоса: Перовская, Грачевскій, Ольга Любатовичъ, Софья Иванова и еще нѣсколько человѣкъ. За Тихомировскую: Желябовъ, Фроленко, Александръ Михайловъ, Марья Ошанина и т. д. За кого подала Анна Павловна Корба, не помню, но кажется тоже за мою.

Въ послѣднее время моего пребыванія въ „Народной Волѣ“, передъ отъѣздомъ заграницу послѣ крушенія ея типографіи, мнѣ часто случалось слышать въ посторонней публикѣ и даже отъ вновь принятыхъ членовъ (на Липецкомъ съѣздѣ и послѣ него) будто всѣ заявленія отъ „Исполнительнаго Комитета“ писаны были Л. А. Тихомировымъ. Мнѣ всегда неловко было это опровергать, но въ дѣйствительности, вплоть до осени 1878 года, т. е. до указаннаго здѣсь засѣданія по поводу новой программы Тихомирова, всѣ эти заявленія поручали писать мнѣ. Послѣ же этого засѣданія и, можетъ быть, именно подъ впечатлѣніемъ новыхъ членовъ (которыхъ теперь оказалось большинство), предполагавшихъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Федоровичемъ, что это спеціальность Л. А. Тихомирова, ему стали поручать всѣ подобнаго рода бумаги. Вообще могу сказать, что престижъ Л. А. Тихомирова, какъ наилучшаго выразителя идей и цѣлей партіи Народной Воли начинается именно съ этого времени. На дѣлѣ же онъ никогда не былъ ихъ выразителемъ, уже по тому одному что „Исполнительный Комитетъ Народной Воли“, къ которому мы, редакторы журнала и составители деклараций, обращались въ принципіальныхъ случаяхъ за разрѣшеніемъ нашихъ теоретическихъ разногласій, былъ не *общество теоретиковъ*, а *боевая дружина*. При пріемѣ въ него новыхъ членовъ мы никогда не спрашивали ихъ: „*какого мышленія о соціалдемократіи, объ анархизмѣ, о конституціяхъ о республикахъ?*“ Мы спрашивали ихъ только: „*готовъ ли ты сейчасъ же отдать свою жизнь и личную свободу и все что имѣешь за освобожденіе своей родины?*“

Дѣйствительно, какъ и я въ своихъ воспоминаніяхъ писалъ, русскіе революціонеры съ большой неохотой и туго осваивались и мирились съ мыслью о подчиненіи. Но, всетаки, въ концѣ концовъ необходимость и болѣе серьезное отношеніе къ дѣлу заставило многихъ признать это важнымъ для дѣла и они смирились, сознавая, что большая боевая организація немыслима на чисто товарищескихъ только отношеніяхъ. Противъ войска можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать лишь еще лучше организованное войско. Тѣмъ болѣе, что при расширеніи организаціи, при образованіи федеративныхъ группъ, товарищество уже становилось немыслимо и на первый планъ выступали чисто дѣловыя отношенія, гдѣ связывало людей лишь уваженіе, признаніе за центромъ нѣкотораго авторитета, признаніе за нимъ правъ на руководительство. И это, хоть медленно, но по немногу входило все больше и больше въ практику. Не одинъ Клѣточниковъ былъ агентомъ; такихъ агентовъ было довольно. Я упомяну лишь объ извѣстныхъ: Геся Гельфманъ, Саблинъ, Лангансъ, который скоро былъ принятъ въ члены, Франжоли и др. Затѣмъ идутъ провинціальныя группы. Правда, на первыхъ порахъ приходилось охаживать многихъ людей, приходилось не ставить рѣзко, приводить постепенно къ такому признанію, но усилія не пропадали даромъ и въ концѣ обыкновенно люди сами сознавали, что иначе немыслимо, что для дѣла такъ лучше.

И если на послѣдній вопросъ мы получали утвердительный отвѣтъ, и намъ казалось, что человѣкъ дѣйствительно способенъ все это сдѣлать, мы его тотчасъ принимали. Вотъ почему и программа Тихомірова, напечатанная въ № 3 „Народной Воли“ и его письмо отъ имени „*Исполнительнаго Комитета*“ къ Александру III (хотя они de facto и были простыми компиляціями собранныхъ имъ у различныхъ теоретиковъ мнѣній) никогда не выражали собою реальнаго духа боевой организаціи Народной Воли, девизомъ которой можно было поставить только то, что я сказалъ выше: *готовность отдать и жизнь и личную свободу и все, что имѣешь, за освобожденіе своей родины отъ гнета ея самовластнаго правительства.*

Когда мнѣ приходилось въ подобныхъ случаяхъ спрашивать своихъ сочленовъ почему имъ понравилась болѣе та или другая программа или декларація, то часто получалъ отвѣтъ: „она болѣе трогательно написана, окончаніе ея совсѣмъ какъ стихи“, или что нибудь въ этомъ родѣ, совсѣмъ не по существу. Другіе же прямо отвѣчали, что не будучи ни ораторами, ни литераторами, они „не считаютъ себя компетентными по теоретическимъ вопросамъ и дали свое согласіе только потому, что не видятъ въ программѣ ничего вреднаго; при томъ же, въ случаѣ несогласія, авторъ можетъ обидѣться, вѣдь даромъ пропадетъ столько труда“. Вотъ почему, обращаясь къ вопросу, поднятому здѣсь Михаиломъ Федоровичемъ, о причинахъ предпочтенія, отданнаго на осеннемъ Петербургскомъ засѣданіи „Исполнительнаго Комитета“ въ 1879 году, Тихоміровской программѣ передъ моей Липецкой деклараціей, я могу лишь присоединиться къ мнѣнію, высказанному въ своихъ воспоминаніяхъ Ольгой Спиридоновной Любатовичъ-Джабадари, и добавить, что предпочтеніе было отдано отчасти и потому, что Тихоміровскій проэктъ былъ много длиннѣе Липецкой декларации, а потому казался не-литературной публикѣ болѣе убѣдительнымъ. Однако, на второй же день послѣ этого засѣданія большинство присутствовавшихъ, я убѣжденъ, уже не были бы въ состояніи разсказать, что было въ программѣ Тихомірова, а черезъ нѣсколько недѣль де-факто почти всѣ кромѣ самого Тихомірова и меня забыли, что въ ней было написано: практическія дѣла отвлекали все ихъ вниманіе отъ теоретическихъ вопросовъ.

Н. Морозовъ.

Въ этомъ отношеніи особенно трудно было вести дѣло со старыми дѣятелями, которыхъ это коробило больше всего потому, что они видѣли въ этомъ какое-то обидное для нихъ недовѣріе. Чего, конечно, не было,—а только къ чему, напримѣръ, знать всѣмъ и каждому фамиліи, адреса, частныхъ участниковъ разныхъ дѣлъ и т. д.? Помню, какъ на меня ужасно обидѣлись однажды чайковцы въ гор. Николаевѣ за то, что я имъ не сказалъ своей настоящей фамиліи, а выдалъ себя за какого-то Петрова или Иванова и подъ этой фамиліей довольно долго велъ съ ними дѣла. Вдругъ, какъ-то пріѣзжаетъ туда Аксельродъ и обнаруживаетъ мою настоящую фамилію. Бѣда! Страшная обида! А между тѣмъ развѣ что измѣнилось, развѣ я сталъ другимъ отъ этого; развѣ тѣ рекомендаціи, что я привезъ раньше, говорили имъ меньше, чѣмъ моя фамилія, о которой они знали лишь кое-что понаслышкѣ. Ничего подобнаго! Мои рекомендаціи для нихъ должны бы были быть болѣе существенны и давали имъ большую увѣренность, что я свой человѣкъ, и это они отлично понимали, но недовѣріе—обида и они разсердились, оскорбились. Такія или въ этомъ родѣ происходили исторіи и позже; съ ними приходилось считаться, ихъ имѣли ввиду и потому старались не предъявлять сразу принципіальныхъ требованій о подчиненіи, а доводили до этого постепенно, вступая въ дѣловыя отношенія съ ними по частнымъ дѣламъ, предпріятіямъ, незатягивая иногда пріемъ въ члены, разъ убѣждались, что человѣкъ подходитъ къ организаціи.

Что касается параграфовъ устава приведенныхъ Морозовымъ, я ничего не могу сказать опредѣленнаго, такъ какъ забылъ точную редакцію ихъ и только долженъ замѣтить, что у Морозова, кажется, лучше сохранилось объ агентахъ, чѣмъ это я написалъ. Я совершенно упустилъ изъ виду, что мы должны были называться агентами 3-й степени.

При выборѣ въ Распорядительную Комиссію Морозовъ говоритъ, что, будто, сказалось очень сильно неудобство организовать тайное общество на централистическихъ началахъ. И этотъ выводъ онъ дѣлаетъ, какъ видно, изъ неудачнаго подбора въ комиссію, говоря, что еслибъ собраніе состояло только изъ Питерской группы, то, понятно, не было бы никакихъ недоразумѣній, и выбрали бы въ распорядительную комиссію наиболѣе осторожныхъ и практическихъ товарищей. Благодаря-же иногороднимъ составъ въ комиссіи оказался не совсѣмъ тотъ, какого ожидали...

Все это мѣсто для меня мало понятно.

Въ распорядительную комиссію попали Тихоміровъ, Александръ Михайловъ и я. Мы съ Михайловымъ были выбраны по общему желанію, какъ сказано у Морозова. Остается одинъ Тихоміровъ, котораго многіе считали вялымъ и непрактичнымъ. Положимъ и такъ, но причемъ же тутъ централизмъ? Южанъ было четверо всего. Изъ нихъ я и Гольденбергъ не знали, что Тихоміровъ южа-

нинъ родомъ. Желябовъ и Колодкевичъ можетъ и знали, но развѣ это достаточный поводъ къ выбору въ комиссію, особенно къ настоянію на выборѣ, разъ были несогласные, разъ несогласныхъ было много. Все это дѣло мнѣ представляется не такъ и я хочу сказать нѣсколько словъ объ Тихомировѣ, какъ онъ представлялся мнѣ не въ качествѣ редактора, а въ качествѣ члена организаціи.

Дѣйствительно, Тихомирова не только питерцы, но и южане считали мало практичнымъ, неловкимъ въ обыденной жизни. Его боязнь шпіоновъ не разъ давала пищу шуткамъ. Но это не имѣло никакого значенія. На практическія дѣла никто его и не думалъ посылать, для этого были другіе люди; что онъ опасался шпіоновъ, было даже хорошо. Онъ лучше, дольше самъ сохранялся и не водилъ за собой, такъ называемыхъ, хвостовъ (шпіоновъ). Но дѣло, конечно, не въ этомъ и не за это его выбирали, а за то значеніе, за ту роль, какую онъ игралъ на первыхъ порахъ, какъ при созданіи новой организаціи, такъ и при ея дѣйствіяхъ, въ дальнѣйшемъ. Его роль и значеніе главнымъ образомъ вытекали изъ того, что это былъ человѣкъ начитанный, умный, съ литературнымъ талантомъ, умѣющій хорошо, логически излагать и доказывать свои мысли, умѣющій соглашать и другихъ на свои доводы.—Его легко можно было бы назвать головой организаціи, но только не въ смыслѣ руководительства, а въ смыслѣ способности къ теоретическимъ обоснованіямъ, какъ практическихъ начинаній, такъ и принципіальныхъ положеній. Къ этому необходимо только добавить, что въ такихъ случаяхъ Тихомірова всегда надо рисовать рядомъ съ Александромъ Михайловымъ. Въ первое время они составляли настолько одно цѣлое, что, для незнающаго ихъ хорошо человѣка, трудно было даже разобраться, гдѣ начинался одинъ и кончался другой,—такъ дружно и согласно они проводили свои предложенія, свои начинанія, такъ хорошо спѣвались заранѣе. Обыкновенно Александръ Михайловъ, какъ знающій хорошо положеніе вещей и обладающій недюжиннымъ практическимъ умомъ, являлся съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ. Тихоміровъ, заранѣе обсудивъ это дѣло съ Ал. Михайловымъ, явно выступалъ тогда на собраніяхъ, при обсужденіяхъ, теоретическимъ истолкователемъ этихъ предложеній и своей логикой способствовалъ не разъ, а почти всегда тому, что предложеніе проходило. Такимъ образомъ, не участвуя въ практическихъ дѣлахъ, Тихоміровъ тѣмъ не менѣе имѣлъ большое значеніе при обсужденіяхъ этихъ дѣлъ и тутъ онъ не былъ вялъ, напротивъ, всегда принималъ горячее участіе. Его выслушивали, съ нимъ спорили, но чаще соглашались. И тамъ, гдѣ надо было умѣть говорить, Тихомірова посылали на переговоры и съ посторонними. Такъ онъ ѣздилъ въ Кіевъ и къ нему пріѣзжали оттуда для переговоровъ. Немало ему пришлось повозиться и съ Стефановичемъ. Словомъ, на Тихомірова смотрѣли, какъ на большую мыслящую, литературную силу и вотъ въ этомъ то и надо, по моему, искать разгадку и того, почему выбрали Тихомірова въ

комиссію и почему потомъ проходили его проекты и программы предпочтительно предъ программами и проектами другихъ. Кромѣ того Тихоміровъ [1]), бывая чаще на людяхъ, чаще обмѣниваясь съ ними мыслями, лучше зная ихъ, лучше, полнѣе усваивалъ и ихъ мысли. Поэтому, когда являлась необходимость выразить это въ видѣ ли программы, въ видѣ ли манифеста, онъ оказывался болѣе точнымъ и болѣе полнымъ выразителемъ общаго мнѣнія и настроенія и потому ему и отдавали предпочтеніе. Зная же это, мнѣ кажется и все относительно значенія Тихомірова будетъ понятно и не потребуется прибѣгать къ такимъ объясненіямъ, какъ я встрѣтилъ въ «Быломъ», что новая программа Тихомірова (осенью 79 года) потому прошла, что онъ забѣжалъ напередъ къ нѣкоторымъ заранѣе. Этого ему незачѣмъ было дѣлать, такъ какъ онъ всегда былъ на народѣ и могъ со всѣми говорить, обсуждать всѣ вопросы заранѣе. Писанная бумага являлась результатомъ этихъ разсужденій, въ ней лишь формулировалось все въ болѣе краткой только формѣ, и только отсюда то вытекаетъ и общее согласіе. Въ этомъ то умѣніи литературно выразить общую мысль и заключалось главное значеніе и роль Тихомірова. За это я и назвалъ его *Головой* организаціи, и это значеніе Тихоміровъ удерживалъ почти до конца, что и выразилось въ отданіи предпочтенія его письму къ Александру III, передъ написаннымъ Грачевскимъ, которое было тоже хорошо, но длинно. Но, понятно, что съ появленіемъ въ Питерѣ такихъ лицъ, какъ Желябовъ, Перовская, В. Н. Фигнеръ, Тихомірову пришлось свое значеніе дѣлить и съ ними, однако, это, все-таки, не даетъ права умалять и его значенія, и я, не касаясь другихъ, хотѣлъ только выяснить свой взглядъ на него лично одного. Мнѣ кажется, что для исторической оцѣнки личности, въ данный моментъ необходимо было выяснить его дѣйствительную роль, которую онъ игралъ въ большей или меньшей степени въ извѣстное время, не касаясь того, что сталось съ человѣкомъ послѣ. Въ свое время Тихоміровъ пользовался большимъ значеніемъ, на это я и хотѣлъ обратить вниманіе и этого, мнѣ кажется, не слѣдуетъ упускать изъ виду [2]).

Примѣчанія:

1. Съѣздомъ въ Липецкѣ я считаю лишь тотъ день, въ который одобрили программу и было принятъ уставъ и сдѣланъ выборъ комис-

---

[1]) Тихоміровъ, какъ членъ комиссіи, бывалъ на всѣхъ, конечно, засѣданіяхъ, собраніяхъ и комиссіяхъ общихъ и частныхъ.

[2]) Вся характеристика Л. А. Тихомірова, находящаяся въ концѣ этой замѣтки Фроленко, само собой понятно, выражаетъ лишь его личное мнѣніе и болѣе характеризуетъ Михаила Федоровича, чѣмъ Л. А. Тихомірова. Еще не наступило время для выясненія роли послѣдняго въ „Народной Волѣ“ и почему онъ перешелъ затѣмъ въ *помощники редактора „Московскихъ Вѣдомостей“*, но уже изъ этого самаго факта ясно, что у него никогда не было прочныхъ убѣжденій въ необходимости измѣненія самодержавнаго образа правленія. Тѣмъ благоговѣйнымъ отноше-

сіи, назначены редакторы. Это было въ лѣсу, гдѣ я описывалъ. Я помню лишь этотъ день, а дальше я, вѣрно, уѣхалъ. Мнѣ почему то надо было ѣхать и кого то встрѣчать въ Козловѣ, если не путаю, прежде, чѣмъ ѣхать въ Воронежъ.

2. Вопросъ объ Александрѣ II-мъ былъ рѣшенъ въ Питерѣ до Липецкаго съѣзда и на это дѣло мнѣ было поручено пригласить Желябова, Колодкевича, Баранникова. Правда, предварительно имѣлось въ виду раньше уничтожить Тотлебена и кіевскаго генералъ-губернатора, но потомъ отмѣнили, предоставивъ это дѣло внѣ партійнымъ людямъ. Послѣ Липецкаго совѣщанія о программѣ и уставѣ по поводу Александра II могли лишь говорить о практическихъ уже способахъ, какъ, гдѣ, какимъ образомъ это выполнить. Такъ, напримѣръ, Баранниковъ предлагалъ, между прочимъ, еще, занять позицію на З. Двинѣ подъ Динабургомъ, гдѣ есть высокій мостъ, и тогда всѣ пути, по которымъ происходитъ возвращеніе изъ Крыма въ Питеръ, были бы минированы.

3. Воронежскій съѣздъ, какъ рѣшеніе, а не простое обсужденіе вопросовъ, происходилъ за городомъ въ лѣсу за вновь устраиваемымъ городскимъ садомъ въ началѣ того же лѣса.

На рѣкѣ, при катаньи на лодкахъ происходили частныя совѣщанія, споры, простыя прогулки и только пріемъ новыхъ членовъ происходилъ тутъ до съѣзда. У Морозова въ числѣ принятыхъ былъ, будто, и я, но это, кажись, ошибка. Съ «Троглодитами» я началъ знакомиться и принимать участіе въ ихъ дѣлахъ, можно ска-

---

піемъ, отголосокъ котораго еще чувствуется въ замѣткѣ Фроленко, и легендами о его необыкновенномъ умѣніи выражать общественныя настроенія многіе практическіе дѣятели Народной Воли гипнотизировали сами себя, а вмѣстѣ съ собою и публику. Они какъ бы поставили Л. А. Тихомірова насильно на ходули, а потому нельзя удивляться и тому, что онъ наконецъ съ нихъ соскочилъ и пошелъ своей настоящей дорогой. Нельзя безъ прочныхъ убѣжденій вести жизнь безконечныхъ лишеній, безконечнаго самоотверженія и самопожертвованія, а этого загипнотизировавшая себя публика требовала отъ Л. А. Тихомірова. Почему же произошелъ этотъ гипнозъ? — Потому что статьи въ *„Землѣ и Волѣ“* всѣ были анонимны, и все выдающееся публика стала приписывать ему, а онъ этого никогда не отвергалъ и этимъ только увеличивалъ гипнозъ публики. Затѣмъ послѣ гибели всѣхъ выдающихся членовъ Народной Воли въ 1881—1883 гг. онъ оказался единственнымъ наслѣдникомъ ихъ дѣятельности и это временно окружило его ореоломъ, а затѣмъ à posteriori это было распространено и на его прошлый обликъ.

Замѣчу еще, что воспоминанія М. Ф. Фроленко относительно особенной близости Александра Михайлова съ Л. А. Тихомировымъ не сходятся съ моими. Александръ Михайловъ не разъ говорилъ мнѣ, что Л. А. Тихомировъ вялъ въ практическихъ дѣлахъ, не имѣетъ опредѣленнаго облика какъ теоретикъ, но что онъ умѣетъ вести себя въ постороннемъ обществѣ такъ, что о чемъ бы тамъ ни говорили, у всѣхъ является представленіе какъ будто предметъ ему хорошо знакомъ. Я самъ это хорошо замѣчалъ.

Я лично никогда не былъ особенно близокъ съ Тихомировымъ и не переоцѣнивалъ его значенія. Но я его любилъ, какъ спутника лучшихъ дней своей жизни, и когда узналъ о его измѣнѣ, во время заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости отъ товарища на прогулкѣ, я тотчасъ же убѣжалъ къ себѣ въ камеру, и у меня брызнули слезы.

Н. Морозовъ.

зать, съ конца 77-го года, т. е. съ пріѣзда Осинскаго въ Одессу. Въ 78-мъ году осенью я былъ въ Питерѣ и принимался ими уже, какъ свой человѣкъ, т. е. мнѣ извѣстны были мѣста типографіи, конспиративныя квартиры и весь питерскій составъ. Тогда же меня посылали и въ Саратовъ предупреждать деревенскихъ дѣятелей о погромѣ въ Саратовѣ. Тамъ была взята квартира, куда являлись изъ деревень, и объ этомъ то всѣхъ и надо было предупредить. Изъ всего этого я заключаю, что членомъ «Земли и Воли» я сталъ раньше и просто въ силу того, что я былъ чайковецъ, меня приняли безъ всякихъ, вѣрно, церемоній, т. е. баллотировокъ.

М. Фроленко.

10-го октября 1906 г.

Уставъ мѣстной центральной группы партіи „Народной Воли“.

1. Центральная Группа составляется первоначально изъ лицъ, извѣстныхъ Исполнительному Комитету, который и утверждаетъ ихъ въ званіи членовъ Ц. Г.

2. Число членовъ Ц. Г. не должно превышать[1]) человѣкъ. Имена вновь принятыхъ членовъ сообщаются Исполнительному Комитету.

3. Пополненіе Ц. Г. совершается посредствомъ баллотировки, причемъ одинъ отрицательный голосъ считается за два положительныхъ.

4. При соблюденіи вышеприведеннаго условія кандидатъ долженъ получить не менѣе $^2/_3$ голосовъ въ пользу принятія.

5. Кандидатъ въ члены Ц. Г. долженъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

a) всецѣло признавать программу Исполн. Комит. партіи „Народной Воли“.

b) представить 3 поручителей изъ числа членовъ организаціи.

c) дать обязательство строго хранить тайны организаціи.

d) обладать достаточнымъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ.

e) преданность дѣлу организаціи, доходящая до самопожертвованія.

f) имѣть уже революціонное прошлое.

g) быть человѣкомъ уже доказавшимъ свою способность вести революціонную работу.

h) какъ членъ организаціи партіи „Народной Воли“ и Ц. Г., не имѣть права обладать частной собственностью (все имущество члена организаціи принадлежитъ партіи).

6. Ц. Г. находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Исп. Комит. и въ прямомъ подчиненіи сему послѣднему.

7. Ц. Г. обязана отдавать Исп. Комит. отчетъ въ своей дѣятельности и, по требованію Комитета, предоставить въ его распоряженіе всѣ свои нравственныя и матеріальныя силы.

8. Исполнит. Комитетъ можетъ отозвать для своихъ дѣлъ каждаго члена Ц. Г.

---

[1]) Пропускъ въ доставленной намъ рукописи. *Ред.*

9. Члены Ц. Г. могутъ быть приглашаемы Исп. Ком. на съѣзды, но въ вопросахъ партійной политики пользуются только правомъ совѣщательнаго голоса.

10. Ц. Г. не имѣетъ права поднимать возстанія безъ разрѣшенія Исп. Комитета.

11. Ц. Г. не имѣетъ права издавать партіоннаго журнала или газеты.

12. Ц. Г. не имѣетъ права входить въ соглашенія, налагающія на организацію извѣстныя обязательства, съ лицами и кружками какой либо иной организаціи [1]).

13. Ц. Г. имѣетъ право приговаривать къ смертной казни всѣхъ частныхъ лицъ, своего шпіона, и должностныхъ—рангомъ до губернатора, на уничтоженіе котораго нужно испросить разрѣшеніе Исп. Комит. Впрочемъ, разрѣшается убить губернатора на мѣстѣ преступленія [2]).

14. Въ денежныхъ дѣлахъ Ц. Г. автономна.

15. Ц. Г. принадлежитъ завѣдываніе всѣми мѣстными дѣлами и всѣ мѣстныя группы находятся въ такомъ же отношеніи къ Ц. Г., какъ эта послѣдняя къ Исп. Ком.

16. Всѣ вопросы, кромѣ принятія новыхъ членовъ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Подчиненіе рѣшенію Общаго Собранія обязательно для каждаго члена группы.

17. Ц. Г. вмѣняется въ обязанность образовать мѣстныя группы: 1) общественную, 2) учащейся молодежи, 3) рабочую, 4) боевую [3]).

18. Мѣстныя Группы обязаны подчиняться Ц. Г., давать ей отчетъ въ своей дѣятельности и предоставлять въ ея распоряженіе всѣ свои силы.

19. Выходъ изъ членовъ Ц. Г. не допускается [4]).

Отъ редакціи: Происхожденіе помѣщаемаго здѣсь „устава“ таково: послѣ своего освобожденія изъ Шлиссельбургской крѣпости П. С. Поливановъ былъ поселенъ въ Атбасарахъ, въ Акмолинской области. Тамъ во время своего короткаго пребыванія—онъ бѣжалъ изъ ссылки очень скоро—совершенно больной, въ теченіе какого нибудь мѣсяца онъ успѣлъ записать очень много изъ своихъ воспоминаній. Онъ въ то время выполнилъ громадную работу, по поводу которой самъ говорилъ, что считаетъ ее сво-

---

[1]) Всѣ договоры должны утверждаться Исп. К-томъ.

[2]) Напр.,—въ ту минуту, когда губернаторъ отдаетъ приказаніе стрѣлять въ народъ.

[3]) Члены „Боевой Группы“ брали на себя обязательство быть исполнителями террористической борьбы. Въ документѣ „Общіе принципы организаціи“, гдѣ были помѣщены и образцы уставовъ, была еще „военная группа“, но впослѣдствіи, какъ и слѣдовало, была учреждена отдѣльная „военная организація“, находившаяся въ непосредственномъ вѣдѣніи Исп. К-та. Въ каждую мѣстную группу входитъ одинъ изъ членовъ Ц. Г., черезъ котораго и ведутся сношенія.

[4]) Въ „Общихъ принципахъ“, по настоянію Александра Михайлова, послѣдній § устава гласилъ: „Договоръ сей дѣйствителенъ впредь до совершенія государственнаго переворота“.

Примѣчаніе редакціи. Подъ „Общими принципами“ организаціи разумѣется, очевидно, „Подготовительная работа партіи“, опубликованная впервые въ 1883 г.

имъ *долгомъ*, и приходилъ въ отчаяніе отъ мысли, что что-нибудь могло ему помѣшать довести ее до конца. Тамъ Поливановъ воспроизвелъ на память и свои воспоминанія объ Алексѣевскомъ равелинѣ и свой разсказъ „Кончился“—то и другое въ первый разъ были написаны имъ въ Шлиссельбургской крѣпости и оставлены тамъ его товарищамъ для того, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ рукописи были вывезены изъ крѣпости и пересланы за границу. Въ настоящее время мы имѣемъ воспоминанія Поливанова и его разсказъ „Кончился“ въ двухъ спискахъ и въ томъ, который имъ былъ написанъ въ Шлиссельбургской крѣпости и въ томъ, который онъ написалъ въ Атбасарахъ. Благодаря феноменальной своей памяти П. С. Поливановъ необыкновенно точно воспроизвелъ обѣ эти рукописи,—конечно, съ такой же точностью воспроизведенъ имъ по памяти и печатающійся у насъ „Уставъ“. Посылая воспроизведенный имъ „Уставъ“, Поливановъ писалъ одному изъ близкихъ къ нему лицъ:

...„Я приложилъ одинъ изъ уставовъ, т. к. всѣ очень интересовались вопросомъ объ организаціи „Народной Воли“. Мнѣ слѣдовало бы еще передать содержаніе документа, озаглавленнаго „Общіе Принципы Организаціи“ Партіи „Народной Воли“, гдѣ изложенъ общій планъ организаціи, ея цѣли и средства (этотъ пунктъ не подлежалъ огласкѣ, и читать его могли только члены организаціи) и еще—печатную программу Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“. Обѣ эти вещи, особенно первая, требуютъ обстоятельнаго изложенія; а изложить ихъ какъ слѣдуетъ, теперь мнѣ нѣтъ времени. Относительно перваго, скажу, что организація была основана на централистическихъ началахъ и подраздѣлялась на центральную (органъ Исполн. Комитета) и подчиненную ей мѣстную. Во главѣ послѣдней стояли Мѣстныя Центральныя Группы.“

Вышепомѣщенный уставъ вмѣстѣ съ выдержкой изъ письма П. С. Поливанова—переданъ намъ однимъ близкимъ покойному Поливанову лицомъ, которому и приносимъ искреннюю благодарность.

Изъ литературныхъ воспоминаній.

«Литература—зеркало общества»: никогда еще эта битая-перебитая мысль не была, кажется, такъ вѣрна для русской жизни, какъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Оживилось общество, встряхнутое борьбой революціонеровъ съ правительствомъ, и оживилась литература. Пусть только припомнятъ, чему были посвящены тогда статьи, производившія впечатлѣніе на читателей. Вопросамъ объ экономикѣ и политикѣ, о капитализмѣ и русской общинѣ, объ интеллигенціи и народѣ, о герояхъ и толпѣ. Ставились и разбирались эти вопросы, насколько возможно было по тогдашнимъ условіямъ печати. Ибо и во время пресловутой «диктатуры сердца» вырѣзывались статья за статьей, выкидывались по требованію цензуры неблагонамѣренныя середки и придѣлывались ликующіе концы. «У меня, батюшка, носъ отхватили отъ фельетона да приставили совсѣмъ въ неподходящее мѣсто... къ хвосту», жаловался одинъ изъ виртуозовъ по части «езопскаго языка». И все же, не смотря на всѣ эти злоключенія, жизненная струя проникала всю литературу. Писавшіе не кривлялись, не выдавали себя за первѣйшихъ поэтовъ и глубокомысленнѣйшихъ философовъ, не сочиняли такой прозы и стиховъ, что у читателя глаза на лобъ выскакивали,—какъ то зачастую бывало въ 90-хъ годахъ,—а серьезно учились сами и учили другихъ тому, что узнавали. То было время страстнаго желанія разобраться въ русской жизни и изъ теоретическихъ посылокъ сдѣлать практическіе выводы.

И всѣмъ этимъ, скажу прямо, русская литература была обязана революціонерамъ. Позже, конечно, можно было съ болѣе или менѣе побѣдоноснымъ видомъ предсказывать заднимъ числомъ, объ какіе желѣзные законы естества должно было разбиться революціонное движеніе. Но кто жилъ въ то время, кто видѣлъ, какъ шатался подъ ударами народовольцевъ старый строй, кто зналъ, какъ роковое сомнѣніе о завтрашнемъ днѣ западало въ душу самихъ слугъ самодержавія, кто наблюдалъ, какъ вся Европа вглядывалась въ борьбу революціонной и оффиціальной Россіи, для того само собою было понятно, какое громадное оживленіе революціонная партія внесла въ русское общество и въ литературу.

На литературу въ частности революціонеры вліяли двоякимъ пу-

темъ. Во-первыхъ, косвенно,—пробуждая общество и заставляя такимъ образомъ, протирать глаза и задумавшей было вздремнуть послѣ шестидесятыхъ годовъ литературѣ. Во-вторыхъ, прямо,—вращаясь среди записныхъ литераторовъ, поднимая ихъ настроеніе, приглашая ихъ для сотрудничества въ подпольной печати и порою сами принимаясь за перо для печати надпольной. Между лучшею частью литературы и революціонными писателями былъ обмѣнъ услугъ, взаимное проникновеніе, какъ бы идейный эндосмосъ. Иныя статьи въ «Землѣ и Волѣ», въ «Народной Волѣ» были написаны выдающимися легальными литераторами. Съ другой стороны, умѣвшіе писать революціонеры фигурировали подъ разными псевдонимами въ цензурныхъ журналахъ и газетахъ. Упомяну кстати объ одномъ интересномъ фактѣ. Революціонеры очень быстро приноровлялись къ условіямъ легальной печати, и послѣ одной—двухъ неудачныхъ «пробъ пера» ихъ статьи были рѣшительно лучше статей среднихъ записныхъ литераторовъ. Онѣ были кратче, яснѣе; въ нихъ было меньше нѣтовыхъ цвѣтовъ по пустому полю. Подпольная печать была очень хорошей школой: расписываться подъ веревкой и у двери Петропавловской крѣпости было некогда и не зачѣмъ. Не то замѣчалось среди легальныхъ литераторовъ, помогавшихъ перомъ подпольной прессѣ. Помѣхой была, съ одной стороны, рутина, присущая всякой профессіи, съ другой—проклятая привычка писать «езопскимъ языкомъ». У нихъ были неизмѣнно двѣ крайности. Либо напишутъ статью бойко и кратко, но съ такими ругательствами и такъ мальчишески бездоказательно, что просто стыдно было помѣщать въ серьезное революціонное изданіе: видно было, что человѣкъ выскочилъ изъ цензурныхъ оглобель и, что называется, съ непривычки «взыгралъ». Или же начнутъ разводить разводы, закидывать основную идею цвѣтами краснорѣчія, съ таинственнымъ видомъ проносить «сеничкинъ ядъ» между строками.

Во всякомъ случаѣ, обмѣнъ мыслей между двумя отдѣлами печати, между надпольемъ и подпольемъ, былъ постоянный. На революціонныхъ сходкахъ, не имѣвшихъ конспиративнаго характера, бывали писатели легальные. И того чаще на литературные вечера, порою даже на редакціонныя собранія приходили «радикалы». Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, крайнее направленіе брало верхъ, и люди очень мирные подымали ноту и въ рѣчахъ своихъ и въ статьяхъ, чтобы попасть въ тонъ революціонерамъ. Одинъ изъ крупныхъ радикаловъ, который частенько бывалъ въ редакціи одной очень умѣренной газеты, комично передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія въ этой средѣ: «слушаешь, бывало, какъ одинъ сотрудникъ наддаетъ либеральнаго жару наперерывъ передъ другимъ и по спопутности даже упрекнетъ тебя въ пессимизмѣ и умѣренности ожиданій, и думаешь: ахъ, вы, сельскіе дьячки, срѣтающіе его преосвященство—«правовой порядокъ!» А что, еслибъ вдругъ нашъ братъ радикалъ рявкнулъ здѣсь, словно архіерейскій протодьяконъ, «многая лѣта революціи»?.. Какъ бы то ни было, лучшими своими

статьями легальные литераторы были обязаны тому бодрому и живому отношенію къ дѣйствительности, которымъ они заражались отъ революціонеровъ. Можно насчитать, по крайней мѣрѣ, десятокъ произведшихъ сильнѣйшую сенсацію статей, толчекъ къ которымъ былъ данъ какимъ-либо эпизодомъ политической дѣятельности революціонеровъ, или какимъ-либо пунктомъ ихъ программы.

На этомъ общемъ фонѣ оживленія литературы, отдѣльные типы литераторовъ проходятъ въ памяти особенно рельефно: когда жизнь била ключемъ, каждый предъявлялъ свою подлинную и, стало быть, индивидуальную физіономію... Вотъ возстаетъ предо мной величавая фигура Тургенева, какимъ я зналъ его въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, когда изъ мирныхъ литературно-артистическихъ круговъ Парижа онъ пріѣзжалъ въ Россію, потрясенную въ то время до основанія небывалымъ еще у насъ движеніемъ.

Тургеневъ любилъ маскироваться въ равнодушіе, когда молодая прогрессивная Россія съ болью и недоумѣніемъ отшатнулась отъ былого истолкователя ея думъ, но въ душѣ онъ былъ глубоко пораженъ этимъ разрывомъ. Если его Базаровъ былъ принятъ еще подъ защиту Писаревымъ за то, что этотъ «мыслящій реалистъ» рѣжетъ лягушекъ и отрицаетъ принципы, то тотъ же Базаровъ былъ встрѣченъ недружелюбно Антоновичемъ, который увидѣлъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» лишь «повѣсть о томъ, какъ одинъ проходимецъ изъ разночинцевъ влюбился въ важную барыню, и что изъ этого воспослѣдовало». А «Искра», отвѣчая на тургеневскій, какъ ей казалось, шаржъ шаржемъ, помѣстила даже рисунокъ, изображавшій Базарова на балу у буфета съ до-нельзя декольтированной Одинцовой и съ такой подписью:

Она: Базаровъ, скупы вы на рѣчи:
Жуетъ весь вечеръ да молчитъ.

Онъ: (уплетая 99-ый бутербродъ и бросая хищный взглядъ на Анну Павловну):

У васъ такія, право, плечи,
Что возбуждаютъ аппетитъ.

Появленіе «Дыма» повергло читателей въ еще большее недоумѣніе. Въ этомъ романѣ отыскали презрѣніе стараго европейца къ молодой странѣ: пореформенная, только что начинавшая укладываться Россія напрягала всѣ усилія, чтобы выбраться на настоящую дорогу, и неужели всѣ эти старанія только «дымъ»? Далеко не исправила этого впечатлѣнія и «Новь». Дѣти 70-хъ годовъ, т. е. попросту революціонеры, не безъ основанія увидѣли въ Нежановѣ знакомый типъ «лишняго человѣка», «Гамлета Щигровскаго уѣзда», но только на сей разъ одѣвшагося въ мужицкій зипунъ, а симпатичный автору Соломинъ поражалъ ихъ такой «умѣренностью и аккуратностью» въ своихъ реформаціонныхъ замыслахъ, что больно было за Маріанну, прельстившуюся этимъ кулакомъ отъ науки, эти новымъ воплощеніемъ Штольца изъ «Обломова».

Но дѣти, но революціонеры платили въ самой жизни за зло

добромъ изображавшему ихъ художнику. Именно потому, что въ ихъ средѣ большинство составляли не Неждановы, а люди сильнаго ума и удивительной энергіи, политическое движеніе въ Россіи приняло къ концу семидесятыхъ годовъ небывалые размѣры, и отраженной отъ него волной зарябилъ, расшевелился и даже какъ будто куда-то потекъ нашъ «философствовавшій сквозь сонъ» либеральный міръ. Этотъ-то либеральный міръ, взбудораженный революціоннымъ движеніемъ, и чествовалъ Тургенева, явившагося въ Питеръ зимою 1878—79 г. Овваціи, обѣдъ по подпискѣ, рѣчи и объятія какъ бы указывали на примиреніе русскаго общества съ художникомъ. Но если припомнить, кто собственно былъ на обѣдѣ и какія рѣчи тамъ говорились, то становится ясно, что крайняя лѣвая воздержалась отъ празднества. Изъ «Отечественныхъ Записокъ», «Дѣла», «Слова» не было, если не ошибаюсь, ни одного сотрудника. За то было много либеральныхъ и умѣренно-либеральныхъ писателей; за этими иниціаторами празднества шелъ длинный хвостъ довольно безличныхъ поклонниковъ чистаго искусства; было, наконецъ, такъ сказать, для галантира нѣсколько показныхъ, именинныхъ генераловъ отъ литературы уже совсѣмъ безъ всякаго направленія... Виноватъ, была, впрочемъ, одна курсистка, которая провозгласила даже тостъ «отъ русскихъ женщинъ за автора Маріанны». Но за то послѣ рѣчи ее чуть со свѣту не сжили ея же подруги прозвищемъ «г-жа Соломина».

Отъ Тургенева не укрылось пробужденіе русскаго общества, сказавшееся, между прочимъ, въ либеральномъ колоритѣ, который иниціаторы празднества старались придать ему. Но не укрылось и многозначительное отсутствіе на немъ наиболѣе передовой части печати. Новое поколѣніе отцовъ восторженно принимало гуманнаго европейца-художника; новое поколѣніе дѣтей своимъ воздержаніемъ какъ бы говорило ему, что съ романистомъ не сведены еще старые счеты. Тургеневъ видѣлъ, что русское общество не одинъ «Дымъ». Но художественное чутье правды подсказывало ему, что и либеральные его поклонники не тотъ огонь, который проникалъ въ то время русскую жизнь, согрѣвая надеждой думы лучшихъ людей.

Слѣдующей зимой 1879—80 г. Тургеневъ явился въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ ближе познакомиться если не съ дѣйствующими революціонерами, то съ радикальной частью печати, и, главнымъ образомъ, съ «молодыми литераторами», узнать, что волнуетъ теперь этихъ людей. И это намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе, очень мало заботясь о литературномъ мѣстничествѣ: гора не шла къ Магомету, ну чтожъ—Магометъ пойдетъ къ горѣ. Онъ сказалъ любимѣйшему въ то время «беллетристу-народнику», съ которымъ познакомился въ Парижѣ,—рѣчь идетъ о Глѣбѣ Успенскомъ,—что ему очень желалось бы встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ его сотрудниковъ по журналу и вообще съ его пріятелями. А такъ какъ у Успенскаго «пріятелями» были по преимуществу люди радикальнаго образа мыслей, то устраиваемое свида-

ніе фактически должно было поставить Тургенева въ соприкосновеніе именно съ крайней и наиболѣе молодой группой тогдашнихъ литераторовъ. На предложеніе беллетриста откликнулись, впрочемъ, далеко не всѣ. Воздержались,—что, впрочемъ, и понятно было съ ихъ стороны—самые крупные представители тогдашней радикальной печати; да еще тѣ, кто не простилъ Тургеневу его Базарова. Но человѣкъ 10—15 желающихъ нашлось.

Объ этихъ свиданіяхъ въ публикѣ ходили довольно странные толки. Даже гуманный и деликатный Шелгуновъ, знавшій впрочемъ объ этой попыткѣ сближенія лишь по наслышкѣ, изображаетъ ее въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» нѣсколько въ комическомъ видѣ. Такъ онъ говоритъ о нѣкоемъ Р., «молодомъ, горячемъ и рѣчистомъ», который съ полчаса развивалъ Тургеневу свои соціальныя теоріи, а когда кончилъ, то заставилъ Тургенева только развести руками и воскликнуть: не понимаю! Послѣ, эта сцена была возстановлена довольно близко къ истинѣ въ воспоминаніяхъ С. Н. К. (Кривенко) о Тургеневѣ, отпечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» лѣтъ 15 тому назадъ. Но и въ нихъ авторъ не могъ сказать всего по цензурнымъ условіямъ. Да будетъ-же позволено вашему покорному слугѣ, читатель, тому самому Р., о которомъ говоритъ Шелгуновъ, разсказать безъ прикрасъ, но и безъ умолчаній, чѣмъ были эти свиданія съ Тургеневымъ.

Мнѣ врѣзались два изъ нихъ. Одно, самое первое, было на квартирѣ Глѣба Успенскаго на окраинѣ Петербурга. Громадный домъ въ глухомъ, кажется, Синцевомъ переулкѣ, небольшая квартира въ четвертомъ этажѣ,—и мы, дожидавшіеся Тургенева и отъ времени до времени поглядывающіе черезъ запушенныя морозомъ окна на бѣлѣвшую снѣгомъ улицу... Мы, т. е. самъ хозяинъ, съ его крупными чисто русскими чертами, съ его вѣчно всматривающимся куда-то, какъ будто недоумѣвающимъ взглядомъ, словно хотѣлъ онъ проникнуть въ смыслъ русской жизни и тщетно искалъ обобщающаго отвѣта на сложныя конкретныя явленія,—съ вѣчной папиросой въ рукахъ, съ прерывистой удивительно образной рѣчью, которая порою вызывала въ собесѣдникахъ неудержимый смѣхъ, въ то время какъ самъ говорившій еле-еле улыбался и продолжалъ бросать недоумѣвающій взглядъ куда-то вдаль отъ себя, гдѣ, очевидно, проходила передъ нимъ, какъ на смотру, цѣлая вереница созданныхъ имъ-же самимъ художественныхъ образовъ, типовъ; картинъ, въ перемежку съ видѣннымъ и подмѣченнымъ; другой беллетристъ-народникъ, котораго любили противоставлять первому, какъ создателя «положительныхъ» народныхъ типовъ,—наполовину мужицкое наполовину поповское, въ раннихъ морщинахъ лицо, лысина, длинныя косички на затылкѣ, растрепанная лопатой борода, которую онъ поминутно расправлялъ нервной рукой изъ-подъ шеи, витіеватая, горячая, то книжная, то простонародная рѣчь; еще беллетристъ-народникъ, Наумовъ, худощавый, съ жидкой бородкой, съ маленькими безцвѣтными, но зоркими глазами инородца, усна-

щавшій свой разговоръ вѣчными эсъ-ерами, оставшимися ему въ наслѣдіе отъ чиновничьей жизни въ захолустьѣ, но порою проникавшій какъ никто въ тайники кулацкой души или въ мірскія чувства крестьянина-ходока; публицистъ-обозрѣватель С. Н. Кривенко, красивый плотный брюнетъ съ іисусистымъ лицомъ, умѣвшій сочетать мягкость и гуманность чувствъ съ искреннимъ служеніемъ демократическимъ идеямъ, плохо говорившій, но въ то горячее время мужественно и тепло писавшій, и, какъ не странно это, наиболѣе практичный среди всей этой радикальной пишущей братіи; другъ его дѣтства, нынѣ забытый, а нѣкогда талантливый изобрѣтатель, но совершенно неуравновѣшенная натура, считавшій себя тонкимъ знатокомъ людей и вещей и обманываемый на каждомъ шагу разными дѣльцами, нервный, маленькій, взъерошенный, въ блузѣ, залитой всевозможными кислотами, безпокойно бѣгающій по комнатѣ, словно звѣрь въ клѣткѣ, то высказывающій въ невозможной формѣ какую нибудь очень интересную мысль, то разражавшійся какой-нибудь неожиданной странностью; милый, задушевный Гаршинъ, но о немъ, впрочемъ, рѣчь будетъ ниже; и еще человѣкъ пять-шесть, черты которыхъ постепенно стерло у меня время.

Тургеневъ явился нѣсколько поздно, когда уже вся компанія сидѣла и занималась чаепитіемъ за большимъ круглымъ столомъ. Началось обычное шарканье ногами, двиганье стульями, обмѣнъ ничего не значащихъ фразъ. Разговоръ не вязался. Тургеневъ, какъ истый европеецъ, старался быть любезнымъ и сказать каждому изъ новыхъ знакомыхъ какую-нибудь пріятность, напримѣръ, дать понять автору, что онъ знакомъ съ его статьями. Но большинство изъ насъ туго поддавалось на эти деликатные авансы. Мы всѣ чувствовали, и, вѣроятно, это чувство раздѣлялъ и самъ Тургеневъ, что надо прежде всего отыскать какой-нибудь мостикъ между имъ и нами. Но этого-то и неудалось сразу найти, и скоро плавная рѣчь Тургенева стала короче, принужденныя реплики, которыя подавалъ ему то тотъ, то другой изъ насъ, незначительнѣе. Воцарилось неловкое молчаніе...

Тургеневъ сидѣлъ, какъ сейчасъ помню, нѣсколько наискось отъ меня, возлѣ стѣны, близь двери, весь залитый молочнымъ свѣтомъ лампы съ матовымъ шаромъ. Я жадно всматривался въ него. Меня поразили прежде всего громадность, мощь, пышность его фигуры. Это не былъ кающійся дворянинъ въ родѣ Некрасова, которому

> И хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
> Идетъ не въ прокъ.

Вольные хлѣба крѣпостного права, питавшіе Тургенева въ его молодости, пошли въ прокъ. Всѣ мы, по большой части разночинцы, перебивавшіеся съ грѣхомъ пополамъ, почти ребятами выброшенные на литературный заработокъ, казались возлѣ Тургенева какими-то гвоздями, сухопарыми, испитыми, что называется

безъ цвѣта и радости. Старшимъ изъ насъ не было въ то время и сорока лѣтъ, инымъ едва половина того, а борьба за существованіе провела уже по лицу у иныхъ преждевременныя складки. Но на громадномъ, благообразномъ, отчищенномъ лицѣ,—я чуть было не написалъ «ликѣ»,—Тургенева 60 лѣтъ не оставили почти ни морщинки. Эффектно-сѣдые волосы, бѣлая борода, только еще больше оттѣняли поразительную моложавость этого наполовину библейскаго, наполовину джентльменскаго лица, на которомъ и свѣтъ лампы лежалъ какъ-то особенно правильно и мягко. Онъ и сидя за чайнымъ столомъ былъ выше насъ цѣлой головой, и его рѣчь плавная, сытая, я бы сказалъ серебряная, какъ онъ самъ, лилась на насъ сверху. Онъ сопровождалъ ее такими же плавными, но громадными жестами, отъ которыхъ, казалось, должны были бы раздвинуться стѣны маленькой комнатки, и время отъ времени словно самъ убаюкивалъ себя звуками своего голоса, и его сѣрые глаза, будто прищуриваясь отъ свѣта лампы, полузакрывались... «Хорошо поютъ курскіе соловьи», звучала у меня въ такія минуты при взглядѣ на Тургенева его же фраза изъ «Записокъ Охотника»,—тѣ самые соловьи, знаете, читатель что зажмуриваютъ глаза отъ собственнаго пѣнія...

Тургеневъ замолкъ. Наша братія стала тянуть другъ друга за рукавъ, тщетно стараясь найти смѣльчака, чтобы начать прервавшійся разговоръ. Зазвенѣли чайныя ложечки, слышались хлебки, попыхивали папиросы... Прошла минута, можетъ и другая... Молодой, горячій и рѣчистый Р., о которомъ говорилъ Шелгуновъ, не выдержалъ и сорвался съ мѣста. Но, увы, я былъ такъ настроенъ въ то время, что не могъ развивать какихъ-бы ни было соціальныхъ теорій, а тѣмъ болѣе въ теченіе получаса Дѣло было гораздо проще и гораздо стыднѣе для моей рѣчистости. Мнѣ было досадно, что время уходило, а мы еще не узнали отъ Тургенева, какъ онъ смотритъ «на злобу дня». Казалось, эпоха была интересная: во Францію впервые возвращались коммунары наканунѣ полной амнистіи; въ Россіи многіе не знали, гдѣ-же настоящее правительство, въ Зимнемъ-ли дворцѣ, или въ конспиративной квартирѣ Исполнительнаго Комитета. Но Тургеневъ все время разматывалъ передъ нами нить своихъ воспоминаній. 19-ти лѣтній мальчикъ,—я не понималъ еще въ то время невольной прелести, которой у всякаго пожившаго человѣка окружено прошлое.

Волнуясь, начавъ съ фразъ, гдѣ подлежащее играло въ невозможную чахарду со сказуемымъ, и постепенно смѣлѣя, и легче и легче формулируя свою мысль, я приблизительно говорилъ слѣдующее: «Вы, Иванъ Сергѣичъ, давно живете во Франціи и хорошо знаете и ея настоящее и прошлое; вы, конечно, знаете и Россію: каково-же ваше мнѣніе о теперешнемъ положеніи вещей у насъ, и не думаете-ли вы, что у насъ на носу революція? Развѣ нѣтъ большого сходства у теперешней Россіи и до революціонной Франціи? Тамъ былъ вѣчный дефицитъ въ бюджетѣ: онъ есть и у насъ; тамъ были голодные бунты: они и у насъ; тамъ раззорялись помѣ-

щики, уступая мѣсто интендантамъ, откупщикамъ и прочимъ капиталистамъ,—и у насъ Чумазый раззоряетъ «Дворянскія Гнѣзда» (Тургеневъ при этомъ улыбнулся); тамъ абсолютный король послалъ за море войска, чтобы поддержать свободную Американскую республику, и въ то-же время бросалъ либеральныхъ писателей въ Бастилію: у насъ самодержавіе лѣзетъ за Балканы, чтобы насаждать конституцію въ Болгаріи, а у себя вѣшаетъ соціалистовъ и т. д.».

Выложилъ я это въ нѣсколько минутъ и какъ попало. И Тургеневъ не развелъ руками, не сказалъ: «не понимаю», но очень заинтересовался если не убѣдительностью, то убѣжденностью оратора. Мягко и уклончиво началъ онъ возражать мнѣ на это, что онъ не пророкъ въ своемъ отечествѣ и не можетъ претендовать на предсказанія—«будущее на лонѣ у боговъ,—говоритъ Гомеръ», но что, по его мнѣнію, Россія далеко не такъ близка къ революціи, какъ Франція прошлаго вѣка. «Обратите вниманія, говорилъ Тургеневъ, на одно обстоятельство: въ то время во Франціи было могущественное оппозиціонное теченіе, и всѣ мыслящіе люди, несмотря на различіе мнѣній въ прочемъ, соглашались въ одномъ: старый строй долженъ быть замѣненъ новымъ. То ли же самое въ теперешней переформенной Россіи? Есть реакціонеры, есть либералы, есть революціонеры... крайніе прогрессисты, поправился онъ, окинувъ нашу комнату добродушнымъ взглядомъ, какъ-бы не желая обидѣть насъ: что между ними общаго, что они всѣ согласны уничтожить и что сохранить? А пока нѣтъ общаго могучаго теченія, въ которомъ сливались-бы отдѣльные оппозиціонные ручьи, о революціи, мнѣ кажется, рановато говорить»... И сейчасъ-же прибавилъ: «Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ послѣдніе два года въ Россіи настроеніе бодрѣетъ какъ будто, увеличивается интересъ къ общественнымъ дѣламъ... Поживемъ—увидимъ» добродушно улыбнулся патріархъ-джентльменъ.

Я началъ было оспаривать этотъ пессимизмъ, указывать, что за настоящую силу въ Россіи только и можно считать, что «крайнихъ прогрессистовъ», а у нихъ у всѣхъ приблизительно взгляды не только общіе, но одни и тѣ же. Сталъ горячиться, разносить, по обыкновенію, либераловъ за ихъ отсутствіе энергіи, трусость... Меня дернулъ за полу одинъ изъ пріятелей; выходило, дѣйствительно, какъ будто неловко. Но Тургеневъ продолжалъ улыбаться и очень искусно, какъ будто и не уклоняясь отъ предмета разговора, перевелъ его на менѣе щекотливую почву. «Да, я, между прочимъ, сказалъ о могуществѣ одного общаго оппозиціоннаго теченія... Увы, и у насъ въ Россіи было такое время, но прошло. Это было въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда мы всѣ, за исключеніемъ самыхъ ужасныхъ реакціонеровъ, знали что дѣлать и что свалить. Я говорю о крѣпостномъ правѣ. Всѣ были согласны въ этомъ, и публицисты, и романисты». И Тургеневъ припомнилъ, какой, по его мнѣнію, «преувеличенный успѣхъ палъ на долю «Записокъ Охотника» именно потому, что тамъ мужикъ былъ пред-

ставленъ такимъ же человѣкомъ, какъ герои и героини изъ благороднаго сословія, съ такими же радостями и горестями, муками несчастной любви и страданіями попираемаго достоинства, способностью восторгаться и пѣніемъ птицъ, и шелестомъ прохладной дубовой рощи, и журчаніемъ ручья, тамъ, въ степномъ оврагѣ, между кустами орѣшника...»—А изъ васъ, господа, никто не охотится?—неожиданно закончилъ свою рѣчь этимъ вопросомъ Тургеневъ.

Между нами оказалось цѣлыхъ четыре охотника, а одинъ даже и очень страстный. То былъ изобрѣтатель. Онъ выскочилъ изъ дальняго темнаго угла, гдѣ сидѣлъ все время, ожесточенно попыхивая папиросой, подошелъ совсѣмъ близко къ Тургеневу и нѣсколько неожиданно началъ: «А я вотъ, Иванъ Сергѣевичъ, терпѣть не могу охоты за птицей... — то ли дѣло за кабанами, на Кавказѣ». И въ нескладной, но замѣчательно картинной рѣчи онъ развернулъ передъ нами яркую зоологическую драму, сцену борьбы, чуть не психологическій діалогъ между двумя звѣрями, четвероногимъ съ клыками и двуногимъ съ винтовкой и ножомъ: и что сказалъ, или вѣрнѣе прорычалъ междометіемъ двуногій звѣрь, увидя четвероногаго, и что въ отвѣтъ прохрипѣлъ застигнутый врасплохъ четвероногій, и какъ онъ хотѣлъ сначала уйти благоразумно, и какъ не могъ, и какъ рѣшился защищаться и дорого продать свою жизнь, и какимъ непреклоннымъ героизмомъ свѣтился взглядъ его маленькихъ свирѣпыхъ глазъ въ моментъ агоніи, когда охотничій ножъ вошелъ ему по рукоятку возлѣ лопатки... Мы всѣ затаили дыханіе, а охотничье и художницкое сердце Тургенева видимо вдвойнѣ таяло отъ этого поразительно нескладнаго и въ то же время удивительно живого разсказа.

Тургеневъ остался очень заинтересованъ первымъ знакомствомъ съ нами, и слѣдующее свиданіе было назначено у одного милліонщика-мецената изъ купеческаго сословія. Великолѣпный домъ, чуть не дворецъ, толстый сѣдовласый швейцаръ со страшной булавой у подъѣзда, мраморная лѣстница вся въ растеніяхъ, вся залита газомъ въ легкомъ синеватомъ дыму отъ громадныхъ курильницъ, длинная анфилада комнатъ, обширный кабинетъ мецената съ монументальными шкафами для книгъ, колыванскими вазами изъ порфира, дымчатой сибирской яшмы, разными бюстами и высокими пальмами... Мнѣ хорошо знакомы эти парадные покои купцовъ-милліонеровъ, въ которыхъ обыкновенно никто не живетъ, и которые растворяются только на экстренный случай, для пріема важныхъ гостей... Домочадцы, какъ и полагается, сбились въ небольшой—судя по звуку голосовъ — комнаткѣ, выходившей маленькой дверью въ великолѣпную переднюю, съ противоположной стороны которой развертывался рядъ газовыхъ комнатъ, куда насъ попросили. Когда мы проходили мимо, дверь была слегка пріотворена; оттуда слышалось энергичное шлепанье картъ, звонъ монеты и возгласы: «стучу»... «три»... Очевидно, тамъ рѣзались въ стуколку.

На этотъ разъ Тургеневъ встрѣтился уже съ нами, какъ со

старами друзьями. Онъ сидѣлъ возлѣ Гаршина, къ изящному таланту котораго чувствовалъ особое влеченіе. Гаршинъ чуть не съ самаго начала вечера и, по обыкновенію, вкладывая всю душу въ то, что говорилъ, обратился къ Тургеневу отъ своего лица и отъ лица «молодого поколѣнія» съ вопросомъ, который въ иныхъ устахъ могъ бы показаться совсѣмъ неумѣстнымъ. «Всѣмъ намъ крайне интересно знать, что нужно дѣлать теперь, по вашему мнѣнію, въ Россіи, Иванъ Сергѣевичъ? Вѣренъ ли путь политической борьбы, на который стали революціонеры? Или какъ прежде; идти въ народъ?» Въ эту минуту можно было, кажется, расцѣловать Гаршина: такъ просто, мило, и конфузясь, и какъ бы заранѣе извиняясь за свой очень щекотливый вопросъ, онъ обратился къ Тургеневу; но многимъ изъ насъ стало очень неловко.

Тургеневъ первую минуту дѣйствительно нѣсколько смутился, но потомъ улыбнулся и только развелъ руками, какъ бы говоря: «ну, что съ вами подѣлаешь, большой вы ребенокъ!» Я вижу, началъ онъ послѣ минутнаго молчанія, что молодые люди по прежнему заняты вопросомъ, что дѣлать.. Мнѣ кажется, имъ самимъ и надо рѣшить его... Стариковъ упрекаютъ порой, что они перестали понимать задачи молодого поколѣнія...» и свѣтлое лицо Тургенева какъ будто потускнѣло. «Да я и живу теперь въ Россіи только наѣздомъ и не берусь рѣшать сложные вопросы политики... Такъ ли надо вести дѣло, какъ оно ведется теперь,—не знаю. Но что хожденіе въ народъ не удалось, это, кажется, очевидно. Да и могла развѣ удаться пропаганда отвлеченностей соціализма людямъ, вся жизнь которыхъ состоитъ изъ перехода отъ одной конкретной, осязательной вещи къ другой: отъ сохи къ боронѣ, отъ бороны къ цѣпу, а отъ цѣпа иной разъ и къ полштофу... особливо ежели дѣло о Покровѣ или о Рождествѣ. Если рѣчь, которую вы ведете къ мужику, не идетъ прямо навстрѣчу его конкретнымъ желаніямъ, онъ не станетъ васъ слушать... Вонъ правительство нѣсколько разъ принималось внушать мужику, чтобы онъ не думалъ того и того-то а думалъ то-то и то-то. А мужикъ все понималъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ему хотѣлось понять... «Да, вотъ, кстати, я разскажу вамъ по этому поводу одинъ небезъинтересный фактъ. Дѣло было такъ. На границѣ Орловской и Калужской губерній—не вдалекѣ отъ меня,—случился, не припомню точно когда, но вообще вскорѣ по отмѣнѣ крѣпостного права, бунтъ. Помѣщикъ надулъ уставной грамотой крестьянъ: отрѣзалъ у нихъ самый лучшій участокъ, которымъ они пользовались крѣпостными. Тѣ упрашивать барина, жаловаться къ мировому посреднику. Послѣдній рѣшилъ не въ ихъ пользу. Мужики забунтовали, т. е., не взирая на отмежеваніе, отправились пахать подъ озими спорное поле. Власти переполошились и надѣлали такого шуму, что объ этомъ дошла вѣсть до государя, который случайно охотился въ это время на лося по близости, въ дремучихъ калужскихъ лѣсахъ. Время было горячее, волненія изъ-за «настоящей воли» вспыхивали повсюду, и царь рѣшилъ явиться на мѣсто и самоличнымъ увѣщаніемъ подѣйствовать

на бунтовавшихъ, а черезъ нихъ, надѣясь на стоустую молву, и вообще на крестьянъ нашей полосы. Бунтовщиковъ съ ранняго утра собрали возлѣ церковной паперти: государь извѣстилъ черезъ начальство о скоромъ прибытіи. Цѣлый день прошелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ»...

Тутъ Тургеневъ внезапно перемѣнилъ тонъ и съ неподражаемой интонаціей въ неподражаемо-народной формѣ повелъ разсказъ отъ лица мужика-очевидца, который описалъ Тургеневу все царское посѣщеніе. «Ждемъ мы пождемъ, а царя все нѣтъ да нѣтъ. Ужъ солнышко закатываться за лѣсъ стало. Отошшали мы, инда тоска на насъ напала... Только глядь, по дорогѣ, прямо на насъ валитъ кто-то страшенный, съ усами, на конѣ: какъ подлетѣлъ, какъ пужанетъ во все горло: «такіе изъ-этакіе, на колѣни! Государь ѣдетъ!» Такъ мы и пали ничкомъ, и лежимъ, словно на страшной недѣлѣ— Господи, Владыко живота моего — и головы поднять не смѣемъ. Много ли, мало ли мы такъ лежали, только какъ загогочетъ кто-то опять: государь ѣдетъ! Поднялъ я бочкомъ голову: вижу, не то казаки, не то егаря летятъ во всю мочь и гикаютъ, а по дорогѣ, братъ ты мой, этакъ въ шагахъ въ тридцати, жаритъ тройка лошадей, какихъ я отъ роду не видывалъ: копыта—во какія, дуга — во какая — и Тургеневъ широко разводилъ своими мощными руками, — кучеръ какъ чудо-юдо бородатое, а въ брычкѣ, значитъ, сидитъ самъ *енъ*, и того больше, шинель сѣрая, фуражка съ краснымъ околышемъ, а голова, ну вотъ умри я, что пивной котелъ, ровно у Лукопера богатыря. Прожегъ мимо насъ, какъ молонія какая, крикнулъ зычно таково: стой! и остановился шагахъ въ пяти отъ насъ, «Вставай, пгавасгавные!» а голосъ, какъ труба, только что съ картавинкой, какъ у нашей старшей барышни. Мы вскочили. Стоятъ царскія лошади, что вкопанныя, и ямщикъ, какъ астатуй какой, сидитъ, а царь, не слѣзая, приподнялся, повернулся, знычитъ, къ намъ съ брычки, черезъ верхъ спушшенный, да и началъ говорить грозно такъ сначала, да слова все какія-то мудреныя, а потомъ словно бы смиловался, а подъ конецъ опять закричалъ: «повиноваться господамъ помѣщикамъ, повиноваться вамъ имъ!» Да какъ подыметъ руку, да какъ погрозитъ намъ ба-а альшущимъ пальцемъ, да какъ крикнетъ кучеру: айда! Лошади опять, какъ молонія, въ гору по дорогѣ, промежъ лѣску, а солнышко ужь сѣло, и заря дуже погорѣла, а царь все держится за бричку, стоитъ къ намъ обернумши, да пальцемъ грозитъ, а палецъ-то евойный— во какой, что столбъ,—по небу-то по огневому качается»... Ну и что же, спрашиваю я [illegible]жика?—продолжаетъ Тургеневъ, убравши свой не меньше легендарнаго царскаго палецъ. «Ну, вѣстимое дѣло, и повиновались, только ужъ и драли насъ за это!»—Какъ, за что, за это?—недоумѣвалъ я. «Да мы, знычитъ, землю ту у помѣшшика такъ и отпахали. — Какъ отпахали? А развѣ вы не слыхали, что вамъ царь-то говорилъ, чтобъ повиноваться помѣщикамъ?—«Эхъ, баринъ, мы люди темные, мы разсудили, что накричать-то онъ на насъ только для страху накричалъ, а что приказъ отъ яво былъ

помѣщикамъ, чтобъ, знычитъ, теперь-то ужъ ихъ благородіямъ да намъ сиволапымъ повиноваться: буде-ста имъ надъ нами мудровать»...—Такъ вотъ видите, какъ трудно мужику вбить въ голову то, что ему не по душѣ»—и Иванъ Сергѣевичъ снова улыбнулся.

Я передаю лишь остовъ этого разсказа и, по возможности, слова, какія остались у меня въ памяти. Но какъ передать мастерской тонъ Тургенева, его жесты, мужицкое выраженіе его лица? На насъ этотъ разсказъ произвелъ глубокое впечатлѣніе.

Тургеневъ вскорѣ уѣхалъ изъ Питера въ свое орловское имѣніе, но не забылъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Если напечатаютъ когда-нибудь его письма изъ этого времени къ Успенскому, который насъ познакомилъ съ Тургеневымъ, то изъ нихъ читатель убѣдится, какъ Иванъ Сергѣевичъ слѣдилъ за литературной дѣятельностью нашей братіи, и не только за беллетристикой, но и за публицистикой, и не разъ встрѣтятся въ нихъ разсужденія, по поводу, напр., той или другой чисто-экономической статьи (между прочимъ, и моихъ «проявленій современнаго капитализма въ Россіи», напечатанныхъ въ началѣ 1880 г. въ «Русскомъ Богатствѣ»). Не забывали и мы его, и когда года два спустя въ редакцію артельнаго журнала, который издавался въ то время нѣкоторыми изъ насъ (прежняго «Русскаго Богатства» или «Устоевъ?») было прислано довольно ядовитое стихотвореніе на Тургенева, громадное большинство артельщиковъ рѣшило не печатать его.

Исторія вышла такая. Иванъ Сергѣевичъ написалъ въ это время свою надѣлавшую много шума «Пѣнсь торжествующей любви». Нѣкоторые старались отыскать въ ней какую-то политическую аллегорію. Но многіе были прямо возмущены этой, какъ имъ казалось, отчужденностью Тургенева отъ русской жизни и ея вопросовъ, его «тупочувственностью», какъ говорилъ одинъ мой пріятель, умнѣйшій человѣкъ. И вотъ нѣкій адвокатъ-радикалъ, кажется тотъ самый, который, увлекшись героическими фигурами дѣвушекъ-пропагандистокъ процесса 50-ти, написалъ знаменитое въ свое время стихотвореніе:

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще, но скорѣй,—

этотъ адвокатъ не могъ простить Тургеневу его экскурсіи въ область «чистаго искусства» и сочинилъ довольно удачную пародію на тургеневскую фантазію. Изъ пародіи я помню только описаніе перваго визита таинственнаго музыканта къ прекрасной сеньйорѣ

„Посмотри“, и вверхъ ногами
Предъ сеньйорою сталъ гость,
Опираясь волосами
На бамбуковую трость...

да финалъ, слѣдующій за паденіемъ загипнотизированной сеньйоры, когда она обращается къ мужу съ мольбой о помилованіи:

„Извини, прости мой милый...
Извини: вѣдь я—во снѣ...
Написалъ блондинъ картину
На брюнетовой спинѣ...

Каково бы ни было, впрочемъ, мнѣніе публики объ умѣстности «Пѣсни торжествующей любви», Тургеневъ искупилъ ее, написавши въ это же время такую поразительно-сильную и всю проникнутую сочувствіемъ къ революціонерамъ вещь, какъ его «На порогѣ», внушенную ему, какъ мнѣ говорили позже, удивительной личностью Софьи Перовской...

На ряду съ Тургеневымъ, вѣроятно по закону контраста, всплываетъ въ моей памяти то скорбное, то улыбающееся, но всегда симпатичное лицо Гаршина. То, поистинѣ, была противоположность Тургеневу. Этотъ—громадный, сѣдовласый, величавый и, насколько мнѣ казалось, наслаждавшійся дѣйствительностью, какъ матеріаломъ для художественнаго творчества, или, по крайней мѣрѣ для художественнаго наблюденія. Тотъ—небольшой, черный, волнующійся, нервный, страстный, любящій и ненавидящій дѣйствительность прежде всего ради ея самой, но вслѣдъ за тѣмъ отвѣчавшій на это первое впечатлѣніе художественнымъ изображеніемъ взволновавшаго его внѣшняго міра и художественнымъ возсозданіемъ своей собственной взволнованной души. Гаршинъ могъ по праву сказать о себѣ съ однимъ французскимъ поэтомъ:

Сердце мое, что воздушная лютня:
Тронешь его—и аккордъ зарыдалъ.

Какъ сейчасъ помню его красивое, нѣсколько смуглое лицо южанина, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, съ длинными черными волосами и короткой бородкой; его каріе, искристые и вдумчивые глаза, которые оставались печальными даже въ то время, когда онъ смѣялся; его нервно подергивающіяся губы; его торопливыя движенія; и его голосъ, западавшій глубоко вамъ въ сердце своей необычной интонаціей, своимъ пѣвучимъ переходомъ отъ высокихъ нотъ къ низкимъ, своей странной, я бы сказалъ, гармоничной надтреснутостью, которая порою производила впечатлѣніе рыданій. Познакомился я съ нимъ на редакціонномъ собраніи одного журнала. Когда я узналъ, что передо мной былъ авторъ «Трехъ дней» и «Одной изъ многихъ», я не могъ удержаться, чтобъ не сказать ему, какую глубокую симпатію я и мои товарищи питаемъ къ его гуманному, изящному таланту. Онъ встрепенулся, но для него дѣло было, очевидно, гораздо менѣе въ похвалахъ, чѣмъ въ томъ, что онъ, художникъ-человѣкъ, производилъ впечатлѣніе на читателя-человѣка, что его творчество установляло словно электрическій токъ симпатіи между людьми, которые раздѣляли его гуманную любовь къ человѣку вообще, и своей изящной формой затрагивало даже индифферентистовъ.

Когда мнѣ говорятъ о тенденціозныхъ писателяхъ и противо-

ставляютъ ихъ чистымъ художникамъ, мнѣ всегда припоминается Гаршинъ: ужъ кто, какъ не Гаршинъ обращалъ вниманіе на изящество формъ, кто какъ не онъ дорожилъ способомъ выраженія, стало быть чистымъ искусствомъ, и кто въ то же время, какъ не онъ, былъ болѣе тенденціозенъ въ томъ смыслѣ, что во всякой его вещицѣ была идея, глубокое чувство къ людямъ, отзвукъ на ихъ страданія? Но вся его тенденціозность заключалась въ его чуткой, туго-натянутой душѣ, звучащей, не скажу въ унисонъ, а въ сложный аккордъ съ явленіями жизни, аккордъ, не исключавшій порой мучительнаго диссонанса. Его волновали вопросы, которые волновали лучшихъ людей его времени, и, потрясенный ими, онъ не могъ не звучать въ отвѣтъ, и звучалъ, все звучалъ, пока не порвалась его тонкая организація... Борьба русскихъ соціалистовъ съ правительствомъ производила на него страшное впечатлѣніе; прекрасныя и въ художественномъ смыслѣ фигуры революціонеровъ глубоко потрясали его, а безсмысленная реакція, которая скосила цѣлое поколѣніе лучшихъ русскихъ людей, опрокинула и безъ того неустойчивое душевное равновѣсіе Гаршина. Съ этой стороны Гаршина мало знаютъ; я на это и обращу какъ разъ вниманіе.

Покушеніе за покушеніемъ, исходившія отъ народовольческой организаціи, создали такую атмосферу, что люди, и не имѣвшіе никакого касательства къ партіи, били тоже въ эту точку. Такъ Млодецкій стрѣлялъ въ Лорисъ-Меликова. Вѣсть о покушеніи глубоко взволновала весь Петербургъ. За два дня до казни Млодецкаго мнѣ пришлось случайно ночевать у Гаршина. Онъ жилъ въ то время по Садовой, въ огромномъ домѣ Яковлева, нанимая меблированную комнату вмѣстѣ съ художникомъ Малышевымъ, тѣмъ самымъ, къ рисункамъ котораго «Табакъ» Гаршинъ сочинилъ текстъ въ стихахъ, начинавшійся такъ:

Злакъ благодатный
Дымъ ароматный
Ты намъ даешь...

Мы уже давно улеглись съ художникомъ, а Гаршинъ все еще былъ на ногахъ, нервно бѣгалъ по комнатѣ, что-то писалъ и рвалъ и опять писалъ, пилъ воду стаканъ за стакановъ, ломалъ въ отчаяніи руки, сдерживая рыданія, наконецъ наскоро накинулъ пальто и шапку и выбѣжалъ... Мы заснули... Часовъ въ 9 утра вбѣгаетъ къ намъ, какъ сумасшедшая, корридорная женщина и проситъ насъ встать, такъ какъ къ намъ идутъ частный приставъ съ околоточнымъ... Спросонья мы не могли ничего понять. «Здѣсь квартируетъ г. Гаршинъ-съ?» освѣдомился просунувшій свой носъ въ дверь приставъ.—Здѣсь... А что? «Я присланъ справиться, точно ли здѣсь квартира г-на подпоручика Гаршина и жилъ ли онъ здѣсь до послѣдняго времени?»—Не только жилъ, а живетъ и вышелъ нѣсколько часовъ тому назадъ, и можетъ быть сейчасъ же вернется». Намъ показалось, что на послѣднія наши

слова полицейскій носъ улыбнулся, зная, очевидно, объ этомъ больше нашего. Дверь захлопнулась.

Безпокойство овладѣло нами. Мы вскочили, наскоро напились чаю и отправились по разнымъ знакомымъ разыскивать Гаршина. Его никто не видалъ. Такъ прошелъ мучительный день, наступилъ другой. Я сидѣлъ въ редакціи стараго «Русскаго Богатства». Вдругъ является туда Гаршинъ, нервный больше даже чѣмъ по обыкновенію и страшно сконфуженный. Онъ бросился, какъ малое дитя къ матери, къ своему близкому пріятелю С. Н. Кривенко и сейчасъ же потащилъ его въ отдѣльную комнату: «Мнѣ надо поговорить съ вами, голубчикъ, непремѣнно надо», твердилъ онъ умоляющимъ голосомъ. Минутъ 10 спустя, онъ выскочилъ въ редакціонную комнату, а оттуда въ переднюю и вдругъ, вернувшись на минуту, обнялъ своего собесѣдника и снова умоляющимъ голосомъ заговорилъ: «Вы не сердитесь, голубчикъ, на меня? Нѣтъ, не сердитесь? Скажите, что не сердитесь... Ахъ, мнѣ и безъ того тяжело...» Получивъ успокоительный отвѣтъ, Гаршинъ скрылся.

Вотъ что, оказалось, сдѣлалъ внезапно ушедшій отъ насъ ночью Гаршинъ. Когда онъ узналъ, что Млодецкій послѣзавтра долженъ быть повѣшенъ, онъ рѣшилъ сначала написать къ Лорисъ-Меликову письмо, прося въ немъ помиловать Млодецкаго. Но ему все казалось, что у него выходитъ недостаточно краснорѣчиво, и онъ рвалъ листъ за листомъ. Наконецъ, онъ предпочелъ пойти къ Лорису, чтобы при личномъ свиданіи объяснить тому всю необходимость простить стрѣлявшаго. Онъ, дѣйствительно, явился въ 6 часовъ утра и настойчиво просилъ дежурнаго офицера передать его, гаршинскую визитную карточку спавшему еще въ то время всемогущему диктатору. Лорисъ-Меликовъ, который любилъ прикидываться человѣкомъ образованнымъ и даже слѣдящимъ за отечественной литературой, вспомнилъ, что дѣйствительно есть такой себѣ на свѣтѣ писатель Гаршинъ, и припомнилъ, кромѣ того, что онъ зналъ этого Гаршина еще раньше, какъ добровольца во время русско-турецкой войны: Гаршинъ былъ даже раненъ тамъ и получилъ, кажется, чинъ подпоручика за храбрость. Лорисъ былъ заинтересованъ раннимъ посѣщеніемъ неожиданнаго просителя и принялъ его не въ урочный часъ.

Сначала Гаршинъ пытался горячо доказывать диктатору, какъ было бы гуманно, тактично и даже полезно въ общественномъ смыслѣ съ его стороны помиловать Млодецкаго, тѣмъ болѣе, что этотъ покушался именно на Лорисъ-Меликова, да и покушеніе не удалось. Но Лорисъ и тутъ показалъ себя тѣмъ, чѣмъ всегда былъ: дряннымъ честолюбцемъ и шкурнымъ человѣкомъ, разыгрывавшимъ роль самоотверженнаго государственнаго дѣятеля. Онъ сталъ прятаться за высшіе принципы, за необходимость неукоснительнаго подавленія преступленій, говорилъ, что будто бы прощеніе Млодецкаго зависитъ не отъ него, а отъ государя. Взволнованный до глубины души Гаршинъ вздумалъ прибѣгнуть къ военной хитрости: «Графъ, крикнулъ онъ, а что вы скажете, если я брошусь

на васъ и оцарапаю: у меня подъ каждымъ ногтемъ маленькій пузырекъ смертельнаго яда, малѣйшій уколъ—и вы мертвы». Конечно, графъ отлично видѣлъ своего страшнаго врага, этого симпатичнаго, еле державшагося на ногахъ отъ волненія юношу, и отлично понималъ наивность угрозы. Но все-таки не преминулъ разыграть великаго храбреца: «Гаршинъ, вы были солдатомъ, а я и теперь, по волѣ монарха, солдатъ на посту; какъ же вамъ пришло въ голову пугать меня смертью; сколько разъ мы смотрѣли ей съ вами въ глаза». Обезкураженный Гаршинъ и не замѣтилъ всего комизма этого актерства, былъ даже тронутъ отвѣтомъ Лориса и вдругъ, зарыдавъ, снова сталъ умолять азіата-царедворца помиловать Млодецкаго, дошелъ чуть не до обморока; наконецъ, добился отъ Меликова обѣщанія хоть на время отложить казнь и снова разсмотрѣть дѣло... Какъ и слѣдовало ожидать, обѣщаніе не было исполнено, и Млодецкаго вздернули въ заранѣе назначенный срокъ.

На Гаршина это подѣйствовало ужасно. Онъ теперь вѣчно все торопился куда-то, хваталъ себя за голову, словно стараясь вспомнить что-то, зачастую говорилъ съ какимъ-то воображаемымъ собесѣдникомъ. Весною 80 г. товарищи рѣшили отправить Гаршина куда-нибудь подальше изъ Питера, который въ то время развинчивалъ людей и съ болѣе крѣпкими нервами. Остановились на югѣ, на родныхъ. Путешествіе это, какъ оказалось, было цѣлой печальной одиссеей. Гаршинъ пріѣхалъ домой лишь черезъ два-три мѣсяца послѣ всевозможныхъ приключеній совершенно больнымъ душевно. Между прочимъ, онъ заѣхалъ по дорогѣ въ Ясную Поляну къ Льву Толстому, а отъ него пустился по окрестнымъ деревнямъ, купилъ верховую лошадь и евангеліе, надѣлъ крестьянскій полушубокъ и останавливался то тамъ, то здѣсь, читая мужикамъ евангеліе, толкуя больше на тему прощенія врагамъ: читатель пойметъ связь этого съ предыдущимъ. Начальство переполошилось, но дѣло скоро было выяснено, и Гаршина отправили къ матери, если не ошибаюсь, въ Харьковъ. Здѣсь его болѣзнь вылилась въ болѣе яркія и въ то же время очень типичныя формы. Толстой лишь нѣсколько лѣтъ спустя додумался до того, что въ деньгахъ все зло міра. Гаршинъ уже въ то время разсуждалъ гораздо радикальнѣе и логичнѣе. Сами деньги выростаютъ лишь изъ обмѣна, а обмѣнъ изъ раздѣленія труда. Зло міра лежитъ, значитъ, въ раздѣленіи труда. Стоитъ каждому изъ насъ выучиться производить все для себя, не нуждаясь ни въ раздѣленіи труда, ни въ обмѣнѣ, и сама собою падетъ необходимость въ деньгахъ, и зло исчезнетъ съ лица земли. И вотъ Гаршинъ начинаетъ усердно заниматься дубленіемъ полушубковъ, шитьемъ сапогъ и дѣланіемъ посуды: въ его кабинетѣ стоитъ гончарный станокъ, валяются колодки, киснутъ кожи.

Къ лѣту 1880 г. его помѣшательство приняло острую форму. Мнѣ пришлось быть въ то время въ Орлѣ, куда пріѣхалъ поразвлечься и Гаршинъ со своимъ родственникомъ. Услыхавъ о моемъ

пребываніи тамъ, онъ рвался увидѣть меня, но не засталъ меня на квартирѣ, послѣ чего куда то исчезъ, страшно встревоживъ своего спутника. Тотъ принесъ мнѣ на слѣдующій день записку отъ Гаршина, и у меня и теперь еще стоитъ передъ глазами этотъ дрожащій, галопирующій на бумагѣ почеркъ, почеркъ человѣка, на котораго нахлынули событія и увлекаютъ его, а онъ тщетно старается справиться съ этимъ быстрымъ потокомъ. Всеволодъ Михайловичъ поставлялъ меня въ извѣстность, что теперь онъ не видитъ иного исхода для Россіи, какъ въ кровавой революціи, что центромъ ея онъ избралъ Орелъ, что мѣстный генералъ, кажется Дараганъ, на нашей сторонѣ, и что самъ онъ идетъ въ народъ подготовлять возстаніе...

Если не ошибаюсь, это душевное состояніе Гаршина въ 1880 г. было художественно-трагично передано имъ въ написанномъ года три спустя «Красномъ Цвѣткѣ». Къ этому времени пріятели его стали было надѣяться, что, заплативъ дань своей болѣзненной воспріимчивости, Всеволодъ Михайловичъ дастъ, наконецъ, цѣлый рядъ высоко-художественныхъ произведеній, которыми могла бы гордиться русская литература: немногое, написанное имъ, было, казалось, порукой. Но судьба рѣшила иначе: всѣ знаютъ печальный конецъ Гаршина. И въ этомъ концѣ важная роль принадлежитъ тѣмъ по истинѣ ужаснымъ условіямъ, которыя пережила русская интеллигенція начала 80-хъ годовъ, раздавленная, растоптанная на корню дикимъ произволомъ,—это «поколѣнье проклятое богомъ», героизмъ, борьбу и страданія котораго воспѣвалъ принадлежавшій къ нему поэтъ-каторжникъ.

Всякій разъ, какъ мнѣ приходится думать о гармоничномъ соединеніи художника и человѣка, передъ моими глазами проносится скорбная тѣнь Гаршина. Кончаю эти воспоминанія надеждой, что скоро эта мученическая роль гуманныхъ писателей въ Россіи кончится, благодаря тѣсному союзу оппозиціонной мысли и жизни и торжеству революціи!

Н. С. Русановъ.

Николай I—въ заботахъ о декабристахъ.

I.

Въ 1850 году по III отдѣленію состоялся слѣдующій докладъ:

„Жена маіора корпуса внутренней стражи *Теплова*, которой отецъ *Анненковъ* въ 1826 году сосланъ въ Сибирь и нынѣ служитъ въ Тобольскомъ правленіи, въ чинѣ коллежскаго регистратора, просила дозволенія отправиться на короткое время въ Тобольскъ, для свиданія съ родителями и для полученія ихъ благословенія, такъ какъ она, оставшись въ 1825 году малолѣтней, на попеченіи бабки, не помнитъ ихъ и никогда не видала братьевъ и сестеръ, родившихся въ Сибири".

На этомъ докладѣ Николай I положилъ такую резолюцію:

„Дозволить ей ѣхать въ Тобольскъ, но съ тѣмъ чтобы тамошнее начальство имѣло за ней надзоръ, особенно чтобы не входила ни въ какую переписку, а возвратясь оттуда не брала ни отъ кого никакихъ писемъ,—за чѣмъ смотрѣть неусыпно", 9 января 1850 года.

II.

Императоръ Николай I-ый былъ очень памятливъ, вѣрнѣе, злопамятенъ, въ особенности же относительно всего, что касалось декабристовъ. Не разъ отмѣчалось его нервно-приподнятое отношеніе къ сосланнымъ въ каторгу дѣятелямъ 14-го декабря. Приведемъ еще одинъ фактъ, доселе неизвѣстный.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1853 года шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія вошелъ со слѣдующимъ докладомъ:

„Вдова дѣйств. ст. сов. Муханова всеподданнѣйше просила о возвращеніи сына ея, Петра, на родину въ Московскую губернію

Штабсъ-капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка *Петръ Мухановъ* принятъ былъ въ 1819 году въ Союзъ Благоденствія. Послѣ возмущенія 14-го декабря бывъ въ Москвѣ, онъ говорилъ Орлову (М. Ѳ.), что взятыхъ подъ арестъ ничто не спасетъ, кромѣ смерти Государя Императора, и что онъ знаетъ человѣка, готоваго убить Его Величество; но Орловъ показалъ, что не помнитъ этихъ послѣднихъ словъ; по изслѣдованію же обнаружилось, что это были одни дерзкія слова, а не замыселъ, и что Мухановъ въ

словахъ *вообще невоздерженъ*. [1]) Онъ осужденъ былъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ каторжную работу на 12 лѣтъ, а по Указу 22 августа на 8 лѣтъ, потомъ обращенъ на поселеніе. Указомъ 8 ноября 1832 г. освобожденъ отъ каторжной работы и водворенъ въ Братскомъ островѣ, Нижнеудинскаго Округа, Иркутской губерніи, а 20 ноября 1841 года переведенъ въ селеніе Усть-Кудинскъ.

Генералъ-адъютантъ Графъ Орловъ, не находя препятствія къ исполненію просьбы Муханова, полагалъ предварительно спросить заключенія графа Закревскаго".

Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію:

„Согласенъ; но ежели Закревскій согласится, все-таки надо будетъ за нимъ *стрежайше* смотрѣть: ибо я зналъ лично его скрытный характеръ, не заслуживающій никакого довѣрія, что и доказалъ". 15-го іюля 1853 года.

Муханову въ это время шелъ 58-й годъ, а съ того времени, когда Николай лично зналъ его, прошло не менѣе двадцати семи съ половиною лѣтъ!

[1]) Мухановъ обвиненъ въ томъ, что „произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающіе не умыселъ, а мгновенную мысль и позывъ на цареубійство." *Ред.*

Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ).

(Окончаніе [1]).

XI.

Окончательная подготовка къ движенію въ народъ.

Революціонная молодежь единогласно признала весну самымъ благопріятнымъ временемъ для начала революціонной пропаганды въ народѣ. По мѣрѣ приближенія весны 1874 года, все болѣе и болѣе чувствовалась необходимость собраться съ силами, чтобы на все лѣто двинуться въ народъ и приступить тамъ къ работѣ.

Къ началу этой третьей части подготовительнаго періода, къ описанію котораго я приступаю, еще не всѣ изъ многочисленныхъ петербургскихъ кружковъ получили окончательную организацію. Въ нихъ еще продолжали вращаться лица, не рѣшавшіяся теперь-же приступить къ практической дѣятельности. Такія лица стали постепенно отходить въ сторону, когда увидѣли, что болѣе рѣшительные члены начали уже складывать свои чемоданы. Лавровцы, еще продолжавшіе въ періодъ постоянныхъ сходокъ проявлять свое существованіе, точно также стали быстро стушевываться. Время споровъ по вопросамъ теоріи и практики прошло и потому имъ нечего было дѣлать среди готовящихся къ походу анархистовъ. Связи лавровцевъ съ анархистами настолько ослабѣли, что ни одинъ изъ первыхъ даже случайно не былъ привлеченъ къ процессу 193-хъ. Нѣкоторое число ихъ привлекалось къ дознанію, но какъ только выяснился характеръ движенія, были до суда освобождены изъ тюремъ или на всякій случай высланы административнымъ порядкомъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ разсматриваемаго періода было—опредѣлить окончательно отношенія революціонеровъ къ тѣмъ кружкамъ землячества и самообразованія, которые еще не приняли всецѣло ихъ программы. Поэтому на послѣднихъ собраніяхъ этихъ кружковъ агитаторы ставили вопросъ ребромъ и въ резуль-

[1]) См. Былое, октябрь и ноябрь.

татѣ происходило или присоединеніе колебавшихся къ дѣлу революціи, или окончательный разрывъ съ ними.

Далѣе однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ было привлеченіе въ среду активныхъ кружковъ сознательныхъ рабочихъ. Анархисты, какъ и Кропоткинъ, придавали больше значенія подготовленнымъ рабочимъ, не только во имя преклоненія передъ народомъ, но и какъ лучшимъ пропагандистамъ среди родственныхъ имъ по духу, а часто и по плоти крестьянъ.

Всѣ коренные анархисты и болѣе молодые изъ присоединившихся не успѣли по краткости времени приготовить необходимый имъ кадръ сознательныхъ рабочихъ, поэтому они должны были открыть свои объятія для тѣхъ изъ распропагандированныхъ другими рабочихъ, которые почему-либо не удовлетворялись своими развивателями. Наибольшій контингентъ такихъ рабочихъ далъ Низовкинъ. Ища болѣе крайняго направленія, нѣкоторые изъ нихъ охотно переходили къ чайковцамъ и къ кореннымъ анархистамъ. Изъ этихъ послѣднихъ только кружокъ Каблица не заполучилъ къ себѣ рабочихъ. Какъ ни сочувственно относились подготовленные рабочіе къ крайнимъ направленіямъ, но они менѣе охотно, чѣмъ интеллигенція, признавали анархическое движеніе. Это ученіе не признавало никакихъ программъ-минимумъ, рабочіе-же успѣли уже получить нѣкоторый интересъ къ умственной работѣ. Имъ поэтому хотѣлось сохранить за собою такое положеніе, которое позволяло-бы имъ въ часы досуга продолжать свое развитіе и удовлетворять своимъ умственнымъ запросамъ. Занятіе-же пропагандою въ деревнѣ анархіи и революціи обѣщало лишить ихъ всего этого. Указанное препятствіе не было впрочемъ существеннымъ—послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ бесѣдъ устанавливалось какое-нибудь соглашеніе. Гораздо большее значеніе для достиженія успѣховъ среди рабочихъ имѣла разница въ настроеніяхъ. Интеллигенція находилась въ стадіи сильнаго стихійнаго движенія, когда обыкновенный смертный можетъ совершать чудеса, рабочіе-же жили въ обыкновенныхъ условіяхъ, и повышеннаго настроенія среди нихъ не замѣчалось. При такомъ положеніи дѣла интеллигентъ, обладающій сердцемъ, преисполненнымъ самой сильной, религіозной вѣры въ высоту предстоящей ему миссіи, сравнительно легко бралъ верхъ надъ маловѣрнымъ рабочимъ, но союзъ ихъ былъ въ высшей степени непроченъ. Подъ вліяніемъ вѣры, интеллигентъ готовъ былъ совершать подвигъ за подвигомъ, а рабочій, если не проникался всецѣло такой-же вѣрой, скоро одумывался, особенно, если не получалъ новыхъ импульсовъ. Къ тому-же при спѣшности привлеченія рабочихъ, не всегда обращалось должное вниманіе на ихъ индивидуальныя качества. Всѣмъ этимъ объясняются случаи разочарованія со стороны революціонеровъ въ привлеченныхъ ими къ дѣлу рабочихъ. Не слѣдуетъ однако преувеличивать количества этихъ случаевъ—рядомъ съ ними были случаи продолжительной работы вновь посвященныхъ совмѣстно съ революціонерами. Нѣкоторые изъ рабо-

чихъ заслужили почетное имя и вспоминаются послѣдующими поколѣніями, какъ герои. Но повѣствователь долженъ прежде всего быть правдивымъ, поэтому укажу нѣсколько случаевъ неудачнаго привлеченія рабочихъ къ дѣлу революціи, большая часть которыхъ взята изъ обвинительнаго акта.

Членъ кружка Ковалика, Артамоновъ въ перехваченной запискѣ писалъ о рабочемъ, для котораго онъ, въ цѣляхъ пропаганды, устроилъ кузницу: «кузнецъ Павелъ Григорьевъ совсѣмъ подлецъ, мы съ нимъ завели кузницу въ деревнѣ и тамъ уже работалъ одинъ изъ нашихъ. . . . . Я съ Бачинымъ (тоже рабочимъ) кое о чемъ говорилъ въ присутствіи его (кузнеца) и обѣщалъ дать книги этому подлецу кузнецу, а также разыскать и вывезти за границу рабочаго Ивана М. ибо онъ ужасный трусъ [1]), и, если его арестуютъ, то онъ все разскажетъ, а знаетъ онъ многое; я ему помогалъ бѣжать изъ Питера и познакомилъ съ другими (повидимому Коваликомъ и Войнаральскимъ), которые теперь считаются (прокуратурою и жандармами, производящими дознаніе) вожаками всего, а для меня только недоставало, чтобы раскрыть связи съ ними». Кіевскіе анархисты имѣли въ своей средѣ рабочаго, отъ котораго они не знали, какъ отдѣлаться, и должны были давать ему сравнительно крупныя средства для жизни. Прокуроръ въ обвинительномъ актѣ могъ указать только на «подлеца» и «труса», а между тѣмъ въ числѣ рабочихъ, съ которыми занимались Чайковцы и другіе кружки, было много такихъ, которые ничѣмъ не отличались отъ лучшихъ интеллигентовъ. Не говоря уже о позднѣйшихъ дѣятеляхъ, изъ среды рабочихъ приведу имена Обнорскаго и Орлова, близкихъ къ Чайковцамъ.

Въ первыя фазы движенія петербургскіе кружки и отдѣльные дѣятели не отказывались отъ представлявшихся имъ случаевъ оказать то или другое вліяніе на провинціальные кружки. Впрочемъ очень часто это вліяніе передавалось какъ-бы само собою, безъ всякаго активнаго участія виновниковъ его. Студенческіе землячества доставляли даровыхъ и самыхъ добросовѣстныхъ почтальоновъ, разносившихъ вѣсти изъ столицы въ свои родные города, гдѣ у нихъ оставались связи въ средѣ учащихся. Это обезпечивало въ извѣстной мѣрѣ однообразный ходъ движенія повсемѣстно. Но теперь оказывалось этихъ средствъ недостаточно и наиболѣе дѣятельные кружки старались заводить постоянныя отношенія съ провинціальными кружками. Эту сторону дѣятельности трудно пріурочить къ какому-нибудь одному періоду, на которые мною раздѣлена исторія движенія, и если я упоминаю о ней въ настоящей главѣ, то только потому, что теперь заботы объ единеніи усилились. Обращаясь къ даннымъ обвинительнаго акта, можно убѣдиться, что многіе изъ анархистовъ совершали иногда отдален-

[1]) Артамоновъ ошибся, называя одного подлецомъ, другого трусомъ. Оба они ничего не выдали, но, можетъ быть, имѣли нѣкоторые недостатки, позволившіе автору письма дать о нихъ такіе рѣзкіе отзывы.

ные даже поѣздки. Такъ Рабиновичъ перебывала во многихъ городахъ Россійской имперіи, Войнаральскій былъ въ постоянныхъ путешествіяхъ изъ Москвы на родину и въ восточныя губерніи и обратно. Но болѣе всего объѣхалъ разныхъ городовъ, кажется, Коваликъ. Ими въ разное время посѣщены Москва, Кіевъ, Одесса, Ярославль, Кострома, Нижній, Казань, Самара, Саратовъ и Харьковъ. Чайковцы также посылали въ разныя мѣста своихъ агентовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ должно было замѣчаться болѣе или менѣе полное сходство въ развитіи движенія повсемѣстно въ Россіи. Затѣмъ необходимо было пріискать матеріальныя средства, заготовить народную одежду, фальшивые паспорта и книги для раздачи въ народѣ, а по пути и въ интеллигенціи. Вопросъ объ одеждѣ разрѣшался легко при имѣніи денегъ. Для фабрикаціи паспортовъ на скорую руку составилось небольшое бюро при кружкахъ, но этимъ дѣломъ занимались и отдѣльныя лица. Чтобы имѣть возможность изготовить неограниченное количество паспортовъ, необходимо было достать бланокъ крестьянскихъ паспортовъ и вырѣзать печати по образцамъ, имѣвшимся на настоящихъ паспортахъ. Нѣкоторые доходили впрочемъ до болѣе простыхъ средствъ. Получивъ оттискъ на массѣ изъ гипса какой-нибудь сюргучной печати, коптили его на свѣчкѣ и прикладывали, куда слѣдуетъ.

Самымъ труднымъ вопросомъ было отыскать денежныя средства, необходимыя для снаряженія въ народъ. Средствъ, находившихся въ распоряженіи Войнаральскаго, было, конечно, недостаточно даже для снабженія самымъ необходимымъ всей массы лицъ, выразившихъ желаніе идти въ народъ; только близкія лица могли черпать изъ этого источника. Поэтому каждый кружокъ старался самостоятельно рѣшить для себя денежный вопросъ.

Для пріобрѣтенія средствъ пользовались, хотя и въ слабой еще степени, студенческими вечерами и другими увеселеніями, устраиваемыми нарочито для этой цѣли. Члены кружковъ получавшіе отъ своихъ болѣе или менѣе состоятельныхъ родителей деньги на необходимые жизненные расходы, охотно обращали ихъ въ общую собственность. Иначе и не могло быть при существовавшемъ тогда взглядѣ революціонеровъ на этотъ источникъ средствъ. Одинъ изъ лучшихъ среди чайковцевъ пропагандистовъ, Синегубъ, по удостовѣренію обвинительнаго акта, предлагая деньги рабочимъ, съ которыми онъ занимался, говорилъ, что эти деньги тоже крестьянскія, такъ какъ онъ получаетъ ихъ отъ своего отца, такого же міроѣда, какъ и другіе. Болѣе крупныя суммы поступали въ рѣдкихъ, конечно, случаяхъ отъ состоятельныхъ членовъ кружка или лицъ сочувствовавшихъ. Обвинительный актъ констатируетъ, что нѣкто Любавскій обѣщалъ внести въ кассу чайковцевъ часть своего состоянія. У Гауэнштейна, члена кружка чайковцевъ, при арестѣ отобраны деньги въ суммѣ свыше тысячи рублей. Сестры Щукины, входившія въ составъ кружка Каблица, вышли фиктивно замужъ за двухъ членовъ кружка (Каблица и Стронскаго), чтобы получить

отъ родителей приданое, которое цѣликомъ и внесли въ кассу, всего кажется 5—6 тысячъ рублей.

Кружокъ, располагавшій такими средствами, считался уже богатымъ, большинство-же кружковъ имѣло въ своемъ распоряженіи ничтожныя суммы, напр. харьковскій кружокъ—всего 170 рублей.

Комплектъ нелегальныхъ изданій, предназначенныхъ для распространенія въ народѣ и въ интеллигентной средѣ, былъ въ 70-хъ годахъ сравнительно очень ограниченъ. Болѣе другихъ содѣйствовали изданію книгъ чайковцы, а впослѣдствіи и типографія Мышкина. Большая часть книгъ и брошюръ печатались заграницей и перевозились въ Россію разными путями. Чайковцы имѣли свой налаженный путь, Лермонтовъ для устройства пути посылалъ за границу Рабиновича, который при помощи эмигранта Сажина (показаніе Рабиновича) уговорился съ контрабандистами, обѣщавшими всѣ книги, получаемыя отъ того-же Сажина, переносить чрезъ границу. Братья Павловскіе и Лурье, членъ кіевскаго кружка, занимались также доставкою книгъ изъ заграницы.

Кромѣ весьма популярной книги «Государственность и анархія» въ описываемое время были распространяемы слѣдующія изданія:

«Исторія одного французскаго крестьянина» (передѣлка Шатріана), «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Хитрая механика», «Стенька Разинъ», «Емелька Пугачевъ», «Дѣдушка Егоръ», «Митюха», «О мученикѣ Николаѣ», «Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ», «Сила солому ломитъ», «Чтой-то братцы» (прокламація), «Отщепенцы» Соколова, «Гражданская война во Франціи»—Маркса, «Программа рабочихъ Лассаля», «Пѣсенникъ».

Изъ перечисленныхъ книгъ наибольшимъ успѣхомъ въ народѣ пользовались «Хитрая механика» и «Сказка о четырехъ братьяхъ». Пѣсни, въ родѣ «Барка», въ крестьянствѣ не получили почти совсѣмъ распространенія.

Каждый кружокъ по своему усмотрѣнію выбиралъ книги для распространенія въ народѣ. Одни изъ дѣятелей, придававшіе наибольшее значеніе устной пропагандѣ, набирали мало книгъ, другіе наоборотъ запасали ихъ въ большомъ количествѣ. Кромѣ того, независимо отъ субъективнаго отношенія къ книжной пропагандѣ, революціонеры всѣхъ оттѣнковъ старались снабжать изобильно книгами такія мѣста, которыя должны были служить центрами пропаганды.

Всѣ эти практическія дѣла не оставляли свободнаго времени для окончательнаго выясненія оставшихся небольшихъ разногласій между кружками. Споры, если и случались, стали терять остроту, и открывалась возможность компромиссовъ. Крайніе и болѣе умѣренные анархисты мирно бесѣдовали о формахъ практической дѣятельности. Первые готовы были признать пригодными для революціонной работы самыя аристократическія профессіи, врача, учителя и пр., вторые—санкціонировать летучую пропаганду и агитацію вплоть до участія въ мелкихъ бунтахъ. Поэтому рѣшеніе Евгеніи Судзиловской (изъ кружка Лермонтова) открыть по приглашенію Вой-

наральскаго лавочку въ с. Степановкѣ, Пензенской губ., не встрѣтило уже ни съ чьей стороны оппозиціи.

Выше было упомянуто, что молодежь проявляла мало склонности къ солиднымъ формамъ организаціи, требующимъ строгой дисциплины. Тѣмъ не менѣе мысль о необходимости организаціи не чужда была даже самымъ юнымъ революціонерамъ. Лидеры движенія хорошо поняли это и сдѣлали попытку къ нѣкоторой зачаточной организаціи, которая могла-бы обнять всѣ дѣйствовавшія силы. Кружокъ признавался ячейкою возможной на первое время организаціи. Поэтому лидеры прежде всего старались связать крѣпкими узами дружбы и единомыслія членовъ своихъ собственныхъ кружковъ и тѣмъ придать имъ видъ организованныхъ группъ. Каждый изъ болѣе значительныхъ кружковъ, подобно первостепеннымъ державамъ, имѣлъ въ Петербургѣ своего представителя, который долженъ былъ оставаться въ столицѣ даже и тогда, когда остальные члены уйдутъ на работу въ народъ. Болѣе мелкіе кружки, какъ второстепенные державы, поручали преставительство своихъ интересовъ главнымъ кружкамъ. Такъ артиллеристы избрали своей представительницей Ободовскую (изъ кружка чайковцевъ), а харьковскій кружокъ поручилъ свой голосъ кружку Ковалика. Представитель принужденъ былъ отказаться отъ главнаго дѣла, къ которому стремились революціонеры,—пропаганды и агитаціи въ народѣ, и зарыться во второстепенныя, какъ казалось многимъ, мелочи. Поэтому представительство являлось своего рода жертвой, которую приносилъ своему кружку единичный его членъ. Съ другой стороны кружки избѣгали выбирать въ представители своихъ лидеровъ, считая ихъ болѣе полезными на главномъ посту—въ народѣ. Чтобы согласить противоположные интересы, кружокъ иногда назначалъ своимъ представителемъ человѣка, не примкнувшаго къ нему окончательно, но связаннаго съ членами его личными отношеніями и единствомъ міросозерцанія.

Обязанности представителя состояли въ поддержаніи сношеній съ имѣвшими разъѣхаться членами кружка, доставленіи имъ необходимыхъ средствъ и къ представительству интересовъ кружка передъ другими революціонными кружками. Часто представитель оставался безъ гроша денегъ и это нисколько не обезкураживало членовъ кружка, вѣрившихъ въ свои силы.

Но одного института представительства, безъ какого-нибудь союза, хотя-бы только оборонительнаго, державъ, оставившихъ въ столицѣ и крупнѣйшихъ городахъ своихъ уполномоченныхъ, казалось мало. Мысль о союзѣ созрѣла не задолго до весны—времени отправленія въ народъ. Изъ всѣхъ формъ возможнаго союза остановились на самой безразличной, не могшей внести раздора между союзниками, — общей кассѣ. Созваны были представители всѣхъ петербургскихъ кружковъ для обсужденія этого вопроса. Почти единогласно рѣшено было организовать общую кассу, имѣвшую цѣлью помогать всѣмъ, работающимъ въ народѣ, безъ всякаго различія направленій и организацій, къ которымъ они принадлежатъ. Одинаковая помощь должна была оказываться и

одиночкамъ, ведущимъ въ народѣ пропаганду. Средства кассы должны были составляться изъ взносовъ кружковъ, въ размѣрѣ 10% собственныхъ ихъ капиталовъ, и другихъ случайныхъ поступленій. Касса управлялась тремя выборными, которыми на первый разъ, кажется, были: Ободовская (чайковцы), Паевскій (кружокъ Ковалика) и Рабиновичъ (кружокъ Лермонтова).

Касса представляла собою первый зачатокъ общей организаціи революціонеровъ. Въ своемъ первоначальномъ видѣ она не могла-бы долго существовать, и должна была-бы принять или болѣе совершенную форму, тѣснѣе объединяющую революціонеровъ, или распасться. Во что именно должна была обратиться касса, это осталось навсегда въ области предположеній, такъ какъ начавшіеся лѣтомъ аресты разрушили не только кассу, но и кружки, которые желали въ ней объединиться.

Одновременно съ учрежденіемъ кассы было рѣшено всѣмъ, поработавшимъ въ народѣ, съѣхаться въ началѣ октября въ Петербургѣ. Цѣлью съѣзда намѣчались обмѣнъ впечатлѣніями и выработка, по возможности, общаго плана дальнѣйшей революціонной дѣятельности. Съѣздъ долженъ былъ бы имѣть крупное значеніе въ дѣлѣ дальнѣйшей организаціи начинавшей свое существованіе революціонной партіи. Значеніе его чувствовалось молодежью, это видно изъ того, что во всѣхъ кружкахъ, даже наиболѣе далекихъ отъ Петербургскихъ дѣятелей, идея съѣзда была весьма популярна, и объ немъ много толковали. Слѣды этой популярности съѣзда сохранились и въ обвинительномъ актѣ.

Въ описываемое время движеніе получило полное развитіе и приняло вполнѣ опредѣленныя формы. Дальнѣйшая дѣятельность въ народѣ не могла измѣнить характера движенія. Поэтому теперь своевременно опредѣлить цѣль движенія и мѣсто, которое оно заняло въ развитіи революціонныхъ партій. Я не буду говорить, какъ именно понимали сами участники движенія цѣли, къ которымъ оно должно было вести. Самая точная анкета посредствомъ опроса всѣхъ современниковъ движенія ничего не дала бы, кромѣ путаницы отдѣльныхъ мнѣній. Только изучивъ безпристрастно важнѣйшія стороны движенія, можно составить себѣ ясное понятіе о томъ, чего оно достигло. Это и будетъ конкретная цѣль движенія.

Наиболѣе объективными наблюдателями обыкновенно считаются люди, стоящіе въ сторонѣ отъ переживаемыхъ событій. Вѣрно это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что на лицо не было и не могло быть стороннихъ наблюдателей движенія 70-хъ годовъ. Оно проходило въ замкнутой средѣ молодежи, страстно откликавшейся на смѣняющіеся лозунги движенія, и потому ни въ какомъ случаѣ не могущей дать показаній въ качествѣ посторонняго свидѣтеля. Но объективность можетъ быть присуща и участнику движенія, если онъ, оглянувшись назадъ на давно пережитое, съумѣетъ отличить главное отъ второстепеннаго, содержаніе отъ формы и т. п.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тенденція движенія

расти неограниченно въ ширь. Глубина движенія опредѣлилась съ самаго начала и оставалась все время, какъ постоянная черта его. Отдѣльные дѣятели могли съ большою осторожностью подходить къ людямъ, еще не затронутымъ движеніемъ, дѣлать самый строгій выборъ между ними, но волна движенія опрокидывала всѣ искусственныя сооруженія и оно съ неудержимою быстротою росло въ ширь. Изъ разсмотрѣнныхъ кружковъ одесскій сдѣлалъ несравненно больше, чѣмъ харьковскій, но послѣдній типичнѣе для движенія, чѣмъ первый. Передъ этимъ стихійнымъ стремленіемъ къ широтѣ отодвигаются на второй планъ даже практическія задачи движенія въ народѣ. Революціонизировало ли движеніе одного или тысячи крестьянъ, это не имѣетъ существеннаго значенія для главной его особенности.

Далѣе движеніе, начавшееся страстною борьбою направленій, съ теченіемъ времени дѣлается все болѣе и болѣе цѣльнымъ. Мало-по-малу создается такая общность стремленій и интересовъ, что участники движенія связываются узами, болѣе крѣпкими, чѣмъ налагаемыя семьею, родствомъ и пр. Содѣйствіе и помощь были обезпечены всякому, кто докажетъ, что онъ членъ одного изъ революціонныхъ кружковъ. Революціонная молодежь, ожесточенно ломавшая копья изъ за незначительныхъ оттѣнковъ направленія, если не сознательно, то инстинктивно признавала, что она составляетъ нѣчто единое, цѣльное. Это между прочимъ видно изъ отношеній ея къ идеямъ, не входящимъ необходимо въ кругъ ея революціоннаго міросозерцанія. Вмѣсто прежняго принципіальнаго ихъ отрицанія все болѣе и болѣе появляется тактическая ихъ оцѣнка, т. е. выгода или невыгода для того цѣлаго, къ которому считаетъ себя принадлежащимъ каждый молодой революціонеръ. Мы уже видѣли, что при оцѣнкѣ цареубійства на первый планъ было выдвинуто несоотвѣтствіе этого акта съ интересами движенія, какъ чего-то цѣльнаго. Точно также перемѣнилось отношеніе революціонеровъ и къ конституціонной формѣ государственнаго быта. Прежде конституція отрицалась принципіально, теперь-же преобладала тактическая точка зрѣнія. Говорилось, что конституція, обнародованная въ настоящее время, могла-бы отвлечь отъ начинающаго сплачиваться движенія много еще недостаточно окрѣпшихъ силъ, которыя, увлекаясь перспективой открытой, легальной дѣятельности, отказались-бы отъ крайнихъ взглядовъ въ пользу болѣе умѣренныхъ.

Это начинавшее себя сознавать цѣлое противупоставлялось правительству. Слухи о произведенныхъ отдѣльныхъ арестахъ все чаще и чаще вызывали со стороны революціонеровъ реплики, что необходимо дать отпоръ правительству. Въ чемъ именно долженъ былъ состоять отпоръ, это еще не было ясно большинству, но очевидно, что подразумѣвались протестъ, месть и т. п. Еще не настало время для террора, какъ системы—прежде необходимо было испытать свои силы въ народѣ. Послѣ-же арестнаго погрома, коснувшагося тысячъ молодежи, скоро возникъ вопросъ и о послѣдовательной террористической дѣятельности.

Если ко всему сказанному прибавить, что движеніе, съ учрежденіемъ кассы, сдѣлало первый опытъ организаціи всей революціонной молодежи, то не трудно найти имя тому единому или цѣлому, принадлежность къ которому чувствовалась всѣми.—Это не что иное, какъ партія.

Первымъ во всеуслышаніе произнесъ слово «партія» Мышкинъ въ знаменитой своей рѣчи, произнесенной на судѣ. Онъ доказалъ, что «кучка» людей, стремившихся разрушить существующій строй, составляетъ соціально-революціонную партію. Движеніе именно и создало эту партію, хотя еще и не организованную, но имѣющую всѣ признаки таковой.

Мышкинъ имѣлъ предусмотрительность назвать партію не анархической, какъ казалось-бы слѣдовало, а соціально-революціонной. Очевидно онъ допускалъ или даже можетъ быть предвидѣлъ, что программа партіи должна время отъ времени въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣняться, но главный ея признакъ—соціально революціонный характеръ останется неизмѣннымъ. Другими словами, Мышкинъ сказалъ, что крайнія русскія партіи должны быть въ одно и тоже время и соціалистическими и революціонными, и стремиться не къ политической только, а къ соціальной революціи. Подъ понятіе, которое онъ соединялъ со словами «соціально-революціонная», одинаково подходятъ всѣ послѣдующія революціонныя партіи въ Россіи: «Земля и Воля», «Народная Воля», «Народное Право» и современныя партіи «Соціалъ-демократовъ» и «Соціалистовъ-революціонеровъ». Начатки всѣхъ этихъ партій можно, при внимательномъ анализѣ, найти въ движеніи 70-хъ годовъ. Время этого движенія было какъ-бы апостольскимъ періодомъ русской революціи. Всѣ послѣдующія партіи охотно выводили свое происхожден'е отъ первыхъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, считая только своихъ адептовъ истинными ихъ послѣдователями и истолкователями.

Близорукія власти, а вслѣдъ за ними столь-же близорукіе обыватели, не понимая историческаго значенія движенія семидесятыхъ годовъ, думали, что посредствомъ многочисленныхъ арестовъ 1874 г., носившихъ характеръ погрома, они выловили всѣхъ революціонеровъ и убили одухотворявшую ихъ идею, но самое большее, что они могли сдѣлать—это потушить яркое пламя, пепелъ-же продолжалъ тлѣть, и изъ него скоро съ такою-же, если не большею силою разгорѣлось въ 1876 г. новое движеніе, не прекращавшееся вплоть до 80-хъ годовъ.

Еще въ началѣ движенія неучаствовавшій въ немъ по независящимъ причинамъ Натансонъ въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ выразилъ такія пожеланія.

«Самая ссылка вообще меня нисколько какъ-то не занимаетъ, я все думаю о той подготовкѣ, которую я долженъ дать себѣ въ ссылкѣ, подготовку такую, чтобы, куда-бы ни забросила меня судьба, я могъ-бы высоко держать знамя народнаго дѣла. Я убѣждаюсь..... что всего страшнѣе, что полной системы или катехизиса совершенно пока еще нѣтъ у народной партіи, что о народѣ мож-

но пока сказать только—напрасно пророка о тѣни онъ проситъ. Итакъ задача подготовки выясняется: собрать всѣ отдѣльныя защиты народнаго дѣла, всѣ отрывки, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, въ нѣчто такое, что дало-бы партіи отвѣтъ на всѣ вопросы, возникающіе у личности.... Просьба: всѣми силами старайся, чтобы друзья (чайковцы) не разбрелись».

Въ этомъ письмѣ виденъ еще ссыльный теоретикъ, силою обстоятельствъ вынуждаемый думать о подготовкѣ личности, но тѣмъ не менѣе, даже оставаясь на этой «ссыльной» точкѣ зрѣнія, Натансонъ согласился бы вскорѣ потомъ, напр. къ веснѣ 1874 г., что партія имѣетъ «полную систему», и что всѣ отдѣльныя защиты народнаго дѣла и т. д. не только собраны, но и положены въ основу революціонной программы партіи. Приведенное письмо Натансона, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя преувеличенья, неизбѣжныя въ ссылкѣ, даетъ возможность, при сопоставленіи его съ послѣдующею дѣйствительностью, составить ясное понятіе о крупныхъ успѣхахъ движенія за очень короткое время.

XII.

Дѣятельность въ народѣ и ея результаты.

Весною 1874 г. молодежь, принявшая программу движенія, отправлялась по желѣзнымъ дорогамъ изъ центровъ въ провинцію. У каждаго молодого человѣка можно было найти въ карманѣ или за голенищемъ фальшивый паспортъ на имя какого нибудь крестьянина или мѣщанина, а въ узелкѣ—поддевку и вообще крестьянскую одежду, если она уже не была на плечахъ пассажира, и нѣсколько революціонныхъ книгъ и брошюръ.

Изъ Петербурга революціонеры двинулись одни на родину или мѣста, гдѣ у нихъ имѣлись какія нибудь случайныя связи, другіе—большинство—на Волгу, гдѣ они ожидали найти наиболѣе благопріятную почву для революціонной дѣятельности, третьи—меньшая часть—направились на югъ, преимущественно въ Кіевъ, четвертые, наконецъ, считали нужнымъ предварительно заѣхать въ разные губернскіе города, гдѣ имѣлись революціонные кружки, съ которыми предполагалось установить связи, или представлялся какой нибудь случай для пропаганды. Чайковцы въ большинствѣ избрали первый путь, кружки Ковалика и частью Лермонтова отправились въ Поволжье, причемъ часть членовъ заѣзжали въ Пензу, кружокъ Каблица направился въ Кіевъ и т. д. Нѣсколько пропагандистовъ поѣхали въ отдаленный Оренбургской Край (Голоушевцы) на мѣсто своей родины. Изъ Кіева и Одессы пропагандисты разбрелись по югу Россіи преимущественно по губерніямъ: Кіевской, Подольской и Екатеринославской и доходили даже до Крыма. Нѣкоторые направились въ Полтавскую и Черниговскую губернію, гдѣ въ Конотопскомъ уѣздѣ основались братья Жебуневы. Муравскій звалъ

Голоушевцевъ даже въ Сибирь, предвѣщая имъ тамъ полный успѣхъ, но они не рѣшились забираться такъ далеко. На этотъ разъ, т. е. въ 1874 г. Сибирь осталась внѣ вліянія пропагандистовъ. Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ уже тогда, когда она была наводнена ссыльными. Не даромъ Веревочкина, отказавшись наотрѣзъ отъ предложенія Муравскаго, писала: «здѣсь мы нужнѣе, а тамъ мы еще будемъ». Точно также никто кромѣ Данилова, дѣйствовавшаго особнякомъ, не отправился къ сектантамъ. Вопросъ о значеніи сектъ не разъ возбуждался на собраніяхъ, но не получилъ опредѣленнаго рѣшенія. Сторонники дѣятельности въ средѣ сектантовъ встрѣтили противодѣйствіе въ естественномъ предпочтеніи, оказываемомъ революціонерами широкой работѣ въ средѣ крестьянства вообще передъ узкой и односторонней пропагандой сектантамъ. Также не имѣли успѣха сторонники дѣятельности среди военныхъ; революціонеры считали болѣе цѣлесообразнымъ дѣйствовать на массы, полагая, что когда возстанетъ весь народъ, то и войска пойдутъ за нимъ.

Такимъ образомъ лѣтомъ 1874 года революціонеры разсыпались по всему обширному пространству Европейской Россіи, за исключеніемъ Кавказа и самыхъ сѣверныхъ губерній. Работа въ народѣ, какъ и самое начало движенія, оставалась неизвѣстной обществу до времени крупныхъ арестовъ. Посторонній глазъ не замѣчалъ революціонеровъ въ селахъ такъ-же, какъ мы не замѣчаемъ отдѣльныхъ муравьевъ, снующихъ по разнымъ направленіямъ въ лѣсу, пока не наткнемся на муравейникъ.

Первою заботою революціонеровъ, двинувшихся въ народъ, было пріисканіе такихъ пунктовъ въ районѣ будущей ихъ дѣятельности, въ которыхъ можно было бы поселиться (осѣдлые пропагандисты) или изъ которыхъ можно было совершать экскурсіи въ народъ (летучіе пропагандисты). Многіе сравнительно легко находили такіе пункты въ домахъ родныхъ или знакомыхъ, чаще всего въ помѣщичьихъ усадьбахъ, квартирахъ учителей и медицинскаго персонала и т. п. Кто не могъ устроиться самъ, тому помогали другіе посредствомъ рекомендательныхъ писемъ и всякими вообще способами. Кружки устраивали съ этой цѣлью кузницы и другія мастерскія, или же пользовались квартирами распропагандированныхъ рабочихъ, переселившихся въ свои деревни для пропаганды. Такъ напр. двое рабочихъ отправились, по настоянію Жебуневыхъ, на свою родину въ Курскую губернію, одинъ рабочій, подъ вліяніемъ кружка Ковалика въ Ярославскую губернію и т. д. Практическій умъ Войнаральскаго подсказалъ ему, что «пункты» имѣютъ большое значеніе для развитія въ народѣ революціонной дѣятельности. Онъ увлекался планомъ устройства такихъ пунктовъ по извѣстной системѣ на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи и приступилъ къ практическому осуществленію этого плана въ районѣ Поволжья. Владѣя сѣтью пунктовъ, революціонеры, по мнѣнію Войнаральскаго, имѣли-бы возможность приступить къ устройству областной организаціи крестьянъ.

Главнымъ пунктомъ въ Поволжьѣ Войнаральскій избралъ Саратовъ, гдѣ на его средства открыта была сапожная мастерская съ настоящимъ сапожникомъ (Пельконеномъ) во главѣ. Въ этой мастерской находился между прочимъ складъ изданій типографіи Мышкина и собраніе фальшивыхъ печатей и паспортовъ. Въ предполагаемую сѣть пунктовъ Войнаральскому удалось ввести нѣсколько постоялыхъ дворовъ и частныхъ домовъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Особенно удачна была въ этомъ отношеніи дѣятельность Войнаральскаго въ Самарской губерніи. На первое время пункты, устроенные Войнаральскимъ и другими дѣятелями, имѣли значеніе въ смыслѣ притоновъ, въ которыхъ могъ останавливаться каждый революціонеръ по пути въ народъ. Въ то же время они облегчали переписку и всякія вообще сношенія между революціонерами. Повышенное настроеніе, въ которомъ главнымъ образомъ черпали свои силы піонеры русской революціи, требовало общенія ихъ между собою и могло поддерживаться только общеніемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пропагандисты забирались въ глушь и временно были отрѣзаны отъ остального міра, дѣятельность ихъ замѣтно ослабѣвала и оживлялась послѣ свиданія съ лицами, вновь прибывшими изъ центровъ. Такъ было между прочимъ съ людьми, ужъ не юными, поселившимися въ Николаевскѣ Самарской губерніи. Послѣ пріѣзда къ нимъ свѣжихъ людей началась усиленная съ ихъ стороны дѣятельность по пропагандѣ среди уголовныхъ арестантовъ [1]) и пр., какъ это видно изъ обвинительнаго акта. Отсюда слѣдуетъ заключить, что «пункты» имѣли въ первое время работы въ народѣ немаловажное значеніе для революціонеровъ. Впослѣдствіи пункты облегчили поимку революціонеровъ, но эта вредная для нихъ сторона пунктовъ была сравнительно менѣе важна и нисколько не опровергаетъ сказаннаго выше.

Какъ бы кто изъ революціонеровъ не смотрѣлъ на значеніе пропаганды, всѣ они въ большей или меньшей степени ею занимались. Одни изъ пропагандистовъ предпочитали проходить изъ села въ село по избранному ими болѣе или менѣе обширному району, другіе дѣйствовали набѣгами изъ занятыхъ ими позицій, третьи старались занять какое-либо опредѣленное положеніе въ деревнѣ, или проживали у лицъ, занимающихъ такое положеніе и кругъ своей дѣятельности ограничивали сравнительно небольшими предѣлами.

Первые два способа пропаганды по существу мало отличались другъ отъ друга—это такъ называемая летучая пропаганда. Этотъ

[1]) Въ подготовительномъ періодѣ на сходкахъ не подымалось вопросовъ о пропагандѣ между уголовными, но потомъ во время практической своей работы революціонеры въ отдѣльныхъ случаяхъ заводили сношенія съ уголовными, тоже съ своей точки зрѣнія отрицавшими существующій строй. Сношенія эти имѣли временный успѣхъ, уголовные какъ будто перерождались для новой жизни, но не надолго. Впослѣдствіи продолжительное сидѣнье въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ уголовными разочаровало окончательно политическихъ.

видъ пропаганды особенно привлекалъ молодежь своею относительною трудностью. Пропагандистъ все время находился въ напряженномъ состояніи: съ одной стороны онъ все время, проводимое среди незнакомыхъ крестьянъ, долженъ былъ настолько хорошо разыгрывать свою роль, чтобъ въ немъ не заподозрѣли переодѣтаго барина, съ другой ему приходилось проявлять большую находчивость, чтобы во всякомъ пустомъ разговорѣ найти подходящую почву для пропаганды. Для преодолѣнія всѣхъ этихъ трудностей необходимо было, независимо отъ большой увѣренности въ своихъ силахъ и способностяхъ, имѣть предварительное знакомство съ характеромъ и бытомъ народа. Этотъ способъ успѣшно практиковали Рогачевъ, Кравчинскій и Клеменсъ. Всѣ они, особенно Клеменсъ и Рогачевъ, проведшій въ народѣ около двухъ лѣтъ, считались знатоками народа. Къ этому-же способу прибѣгали Войнаральскій, Брешковская, Стефановичъ, Коваликъ, Мокріевичъ и др.

Летучая пропаганда, по самому существу своему, не могла имѣть задачей не только послѣдовательнаго просвѣщенія народа, но и систематическаго его революціонизированія—она стремилась внести революціонное броженіе въ широкіе слои населенія. Пропагандистъ не считалъ потерянымъ времени, если ему удавалось возбудить въ своихъ случайныхъ собесѣдникахъ—крестьянахъ или рабочихъ, какую нибудь отдѣльную революціонную мысль или даже только усилить существующее у нихъ недовольство своимъ положеніемъ. Съ этого положенія обыкновенно и начинались разговоры; отсюда легко было перейти къ эксплоатаціи крестьянъ помѣщиками, къ притѣсненіямъ купцовъ, къ злоупотребленіямъ чиновниковъ. Если всѣ эти стадіи бесѣды проходили удачно, то пропагандистъ переходилъ къ оцѣнкѣ верховной власти и доказывалъ, что она, въ лицѣ царя, является покровителемъ всѣхъ тѣхъ, кто угнетаетъ народъ. Въ результатѣ собесѣдники призывались къ самодѣятельности, къ борьбѣ всѣмъ міромъ съ кулаками, помѣщиками и чиновниками. Активные крестьяне, готовые стать въ ряды борцовъ, встрѣчались очень рѣдко. Чаще лица, съ которыми бесѣдовали пропагандисты, выражали свои пожеланія, болѣе или менѣе отвѣчавшія тому, что проповѣдывали пропагандисты, но на призывъ къ активной борьбѣ подавали реплики, свидѣтельствующія, что они лишь поддержатъ тѣхъ, кто начнетъ борьбу, причемъ одни ожидали начала отъ царя, другіе отъ революціонеровъ. Пропагандистъ считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если ему говорили: „начинайте, мы поддержимъ.“

Осѣдлая пропаганда велась также въ большинствѣ случаевъ лицами, не имѣющими опредѣленныхъ занятій. Пропагандистъ поселялся обыкновенно въ домѣ своихъ родныхъ или сочувствующихъ ему знакомыхъ. Сравнительно немногіе изъ осѣдлыхъ пропагандистовъ имѣли опредѣленную профессію, занимая должности учителей и фельдшеровъ. Къ осѣдлымъ пропагандистамъ слѣдуетъ присоединить также небольшое число учителей, не вошедшихъ окончательно въ революціонную партію, но сочувствовавшихъ ей и распространявшихъ между крестьянами революціонныя книги.

Осѣдлая пропаганда по существу своему должна была вестись болѣе осторожно и медленно, чѣмъ летучая. Пропагандистъ заводилъ знакомство среди ближайшихъ крестьянъ или рабочихъ, сперва какъ будто безъ опредѣленной цѣли, затѣмъ мало-по-малу начиналъ бесѣдовать съ ними на революціонныя темы и давать имъ для прочтенія или въ собственность разныя революціонныя книги. Эти послѣднія въ осѣдлой пропагандѣ играли гораздо большую роль, чѣмъ въ летучей. Кромѣ того осѣдлые пропагандисты не отказывались также отъ пропаганды среди лицъ, принадлежавшихъ къ сельской интеллигенціи.

Осѣдлые пропагандисты встрѣчались почти во всѣхъ кружкахъ. Особенно много встрѣчалось ихъ среди Чайковцевъ, Одесситовъ, въ Московскихъ кружкахъ, въ Пензенскомъ, Самарскомъ (мѣстномъ) и Оренбургскомъ. Общее число ихъ по всей вѣроятности было не меньше, чѣмъ летучихъ пропагандистовъ.

Между пропагандистами осѣдлыми и летучими существовала взаимная связь, такъ что одни до нѣкоторой степени дополняли другихъ. Мѣста осѣдлости перваго рода пропагандистовъ служили иногда «пунктами» для летучихъ пропагандистовъ. Отъ осѣдлыхъ эти послѣдніе нерѣдко получали свѣдѣнія о болѣе интересныхъ для нихъ селеніяхъ и отдѣльныхъ крестьянахъ.

На основаніи фактическихъ данныхъ невозможно опредѣлить относительное значеніе разсмотрѣнныхъ двухъ родовъ пропаганды. Но можно найти нѣкоторыя указанія на то, что первостепенное значеніе принадлежало летучей пропагандѣ. Въ обвинительномъ актѣ встрѣчаются часто факты изъ дѣятельности летучихъ пропагандистовъ. Этого нельзя объяснить только тѣмъ, что осѣдлая пропаганда, будучи по необходимости болѣе осторожной, оставила въ рукахъ жандармовъ менѣе слѣдовъ. Вслѣдствіе особенныхъ условій, въ которыхъ производилось дознаніе, оно напрягало всѣ усилія лишь къ тому, чтобы по найденнымъ ниткамъ размотать весь клубокъ, что въ большинствѣ случаевъ и удавалось. При взаимно перепутанныхъ отношеніяхъ летучихъ и осѣдлыхъ, одинаково легко раскрывалась дѣятельность тѣхъ и другихъ. Поэтому большее вниманіе со стороны слѣдственныхъ властей къ дѣятельности летучихъ пропагандистовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что они и на самомъ дѣлѣ совершили болѣе преступныхъ фактовъ, чѣмъ осѣдлые пропагандисты. Независимо отъ этихъ указаній полу-фактическаго характера, какъ самый подборъ дѣятелей, такъ и большая смѣлость, съ которой они, по обстоятельствамъ своего положенія, могли высказываться, должны были придать летучимъ пропагандистамъ болѣе важное значеніе, чѣмъ осѣдлымъ. Во всякомъ случаѣ именно они задавали тонъ движенія и дѣйствовали въ направленіи широты распространенія революціонныхъ идей—а эта широта и составляла главную отличительную черту движенія.

Еще труднѣе произвести общую оцѣнку результатовъ, достигнутыхъ пропагандистами въ народѣ. Безслѣдно пропаганда, конечно, не могла пройти, а между тѣмъ не существуетъ никакихъ

видимыхъ или матеріальныхъ слѣдовъ воздѣйствія ея на народъ. Сами участники пропаганды различно рѣшали этотъ вопросъ. Одни давали самый восторженный отзывъ объ успѣхахъ своей дѣятельности въ народѣ, другіе же видѣли въ ней сплошную неудачу. Это отразилось и въ перепискѣ, перехваченной жандармами и попавшей въ обвинительный актъ.

Веревочкина, членъ Оренбургскаго кружка, въ одномъ изъ своихъ писемъ сообщаетъ, что въ одно село она ходила «какъ бы за ягодами» и осталась, какъ отъ этого, такъ и отъ другого своего путешествія въ восторгѣ. «Книгъ мнѣ не надо, что касается ихъ чтенія, то онѣ расходятся крайне медленно, нѣтъ здѣсь не книги нужны! Людей-то больно мало, а то могло бы быть важное дѣло. Эхъ, кабы народу побольше!» Въ другомъ письмѣ Веревочкина разсказываетъ, что въ одномъ селѣ, принявшемъ ее сначала хорошо, потомъ распространился слухъ, что она колдунья—и называетъ это обстоятельство своей «неудачей».

Нужно замѣтить, что пропагаторская дѣятельность въ народѣ женщины, особенно молодой, представляла такія затрудненія, которыхъ не зналъ мужчина. Еще на сходкахъ нерѣдко поднимался этотъ вопросъ, но опредѣленнаго рѣшенья не было постановлено, большинство же, въ томъ числѣ и сами женщины склонялись къ тому мнѣнію, что и въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ нарушать равноправія—пусть тѣ изъ женщинъ, кто можетъ, идутъ въ народъ, какъ и мужчины, въ крестьянской одеждѣ и сами, какъ знаютъ, избѣгаютъ непріятностей, связанныхъ съ принадлежностью ихъ къ прекрасному полу. Въ виду этихъ особенныхъ трудностей для женщинъ, показанія ихъ въ смыслѣ благопріятномъ для ихъ дѣятельности имѣютъ особенное значеніе.

Брешковская вообще производила обаятельное впечатлѣніе на людей, съ которыми она встрѣчалась, и потому неудивительно, что крестьяне хорошо ее принимали. Путешествія свои она совершала съ Колѣнкиною и Стефановичемъ, котораго называла «сыномъ». По ея разсказамъ она была довольна результатами своихъ странствованій, продолжавшихся сравнительно долго—она успѣла побывать въ Бѣлозерьѣ, Смѣлѣ и была затѣмъ арестована въ Тульчинѣ, гдѣ продолжала пропагандировать приставленнымъ къ ней стражникамъ изъ крестьянъ. Одного изъ нихъ она сумѣла убѣдить отправить въ Кіевъ «сыну» предупредительную телеграмму. Вѣра Рогачева также говорила о своей успѣшной дѣятельности въ народѣ. Въ дѣлѣ сохранился, наряду съ вышеприведенными, отзывъ женщины не только пессимистическаго характера, но прямо отрицательный. Это письмо Ободовской, въ которомъ она, не участвуя сама въ хожденіи въ народъ, указываетъ слабыя стороны движенія 70 годовъ. Содержаніе письма будетъ приведено ниже.

Никто изъ революціонеровъ не велъ такой обширной переписки, какъ Голоушевцы, поэтому я снова воспользуюсь выдержками изъ ихъ перехваченныхъ писемъ.

Ѳедоровичъ писалъ восторженно Веревочкиной, что сестры его,

которымъ онъ раньше послалъ книги и прокламаціи, превзошли его ожиданія и обѣщали ему помогать во всемъ. Такъ какъ письмо совпало съ временемъ хожденія его въ народъ, то, очевидно, онъ остался доволенъ результатами своихъ бесѣдъ съ крестьянами, оставшимися не безъ вліянія на тонъ письма.

Другой членъ того-же кружка Аронзонъ, болѣе пессимистически настроенный, видитъ всю неудачу пропаганды въ томъ, что крестьяне слушаютъ, но сами не пропагандируютъ слышаннаго. Совѣтуя Голоушеву бросить мысль о поступленіи на мѣсто учителя и, слѣдовательно, повидимому предпочитая летучую пропаганду, онъ пишетъ: «Ты самъ, какъ видно изъ твоего письма къ Орлову, жалуешься на неплодотворность твоей дѣятельности. Я могу тебѣ сказать, что всѣ жалуются на это. Бяха или Яй-Богу (Клеменсъ), съ которымъ я видѣлся на пароходѣ и съ которымъ долго бесѣдовалъ, тоже жалуется на это самое. Онъ говорилъ, что слушаютъ-то слушаютъ, но сами слышанное не распространяютъ, разговоры остаются разговорами. Глубоко въ грудь они не западаютъ, въ одно ухо вошло, въ другое вышло. Главная причина неплодотворности нашего дѣла заключается въ отсутствіи развитія со стороны угнетенныхъ и въ нашемъ общественномъ шалопайствѣ. Для того, чтобы дѣятельность наша была плодотворна, нужно развивать отдѣльныхъ личностей и бросить шалопайство. Этого достигнемъ помощью извѣстнаго тебѣ плана—поселиться въ деревнѣ и устроить прочную организацію. Этотъ планъ обѣщаетъ намъ, что не сгинемъ даромъ и безполезно, личную безопасность и возможность во всю нашу жизнь дѣйствовать (конечно, если не торопиться и не вести дѣло сбухту барахту, а разумно)», замѣчаетъ Аронзонъ! Далѣе авторъ, понимая, что прочное поселеніе требуетъ средствъ, проектируетъ, по окончаніи курса въ академіи, поступить на мѣсто, скопить 3000 р. и тогда за дѣло!.... Голоушеву-же онъ совѣтуетъ оставить на время дѣятельность, такъ какъ «за нами слѣдятъ».

Совѣтъ этотъ данъ слишкомъ поздно—въ рукахъ жандармеріи была ужъ нить клубка, которая скоро довела ее и до Оренбурга. Происхожденіе письма вѣроятнѣе всего объяснить тѣмъ, что Клеменсъ, встрѣтивъ восторженнаго юношу, Аронзона, пытался его нѣсколько охладить и тотъ, серьезно задумавшись объ организаціи революціонеровъ, все, что слышалъ отъ Клеменса, собралъ какъ неоспоримое доказательство въ пользу перемѣны плана дѣятельности. Отсюда и пессимизмъ автора, не мѣшавшій ему продолжать начатое дѣло распространенія движенія въ ширь. Въ дальнѣйшей эволюціи революціоннаго движенія оно, во время процвѣтанья «Земли и Воли» останавливалось на планѣ болѣе солиднаго поселенія въ народѣ, но думать объ этомъ въ 1874 г. было еще рано.

Приведу еще письмо извѣстнаго потомъ Данилова, который не вполнѣ шелъ въ унисонъ съ движеніемъ и дѣйствовалъ независимо отъ какого-бы то ни было кружка.

«Въ этой-же (молоканской) деревнѣ (Воронцовкѣ) проживала одна барынька, [1]) революціонерка изрядная, я знавалъ ее еще въ Тифлисѣ... Ну, разумѣется, когда я пріѣхалъ, то первоначально разыскалъ барыньку, барынька моя довольна и въ восхищеніи отъ молоканъ. Народъ, дѣйствительно, порядочный, совершенно критически относится къ царю и правительству, а самое главное, что безъ вида безъ всякаго, только зарекомендовавъ себя въ ихъ пользу, или вѣрнѣе въ пользу вообще русскаго народа, можетъ и прожить и пропагандировать, что твоей душѣ угодно... Такимъ образомъ работалъ я по цѣлымъ недѣлямъ и въ воскресенье устраивалъ чтеніе революціонныхъ запрещенныхъ разсказовъ, хотя нужно отдать справедливость русской соціально-революціонной партіи, книгъ подходящаго содержанія очень мало.... Народу собиралось душъ до 15—10, послѣ каждаго и во время чтенія поднимались разговоры, которые почти всегда поднималъ одинъ рыжій малый лѣтъ 40 фразою: «ну какъ-же мы все это устроимъ». Подъ этимъ «все» подразумѣвалось раздѣленіе земли и изгнаніе поповъ съ чинами и царемъ; и оканчивались подобные разговоры фразою кого нибудь изъ ребятъ: «это все такъ, да какъ его начинать, пусть молъ въ Россіи начнутъ, а мы ужъ поддержимъ»... Были и такіе, которые не находили возможнымъ обходиться безъ царя, и поднимались споры».

Письмо Данилова, хотя касается только сектанства, имѣетъ и общее значеніе. Особенно характерны слова, которыя приходилось слышать и многимъ другимъ пропагандистамъ: «пусть начнутъ, а мы поддержимъ».

Точно также дышатъ увѣренностью въ успѣхѣ отзывы лицъ, пытавшихся, послѣ первыхъ арестовъ, возстановить порванныя связи. Отзывы эти приведены будутъ ниже.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше мнѣній самихъ дѣятелей о ходѣ ихъ работы въ народѣ, видно, что въ большинствѣ случаевъ они увѣрены въ успѣшности ея. Обвинитель, несмотря на видимое его желаніе остановиться на пессимистическихъ отзывахъ, не могъ собрать ихъ въ сколько нибудь значительномъ количествѣ.

Двойственность мнѣній происходитъ главнымъ образомъ потому, что оцѣнка производится съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Одни ищутъ матеріальныхъ слѣдовъ работы,—какъ то организаціи крестьянскихъ группъ, бунтовъ и другихъ проявленій недовольства и т. п. И не находятъ ихъ. Поэтому они склонны думать, что движеніе 70 годовъ было безрезультатно. Другіе смыслъ движенія видятъ въ броженіи, которое оно вноситъ всюду, куда проникаетъ. Съ ихъ точки зрѣнія интеллигенція это ферментъ, вызывающій извѣстный процессъ не только въ средѣ интеллигентной молодежи, но и въ народѣ. Ферментъ, казалось этой части дѣяте-

[1]) Марья Александровна Шавердова, бывшая учительница женскаго института въ Тифлисѣ. Она была уволена за „дурную репутацію“ въ нравственномъ отношеніи, выразившуюся главнымъ образомъ въ томъ, что она внушала воспитанницамъ мысль ѣхать для дальнѣйшаго образованія въ Цюрихъ, что нѣкоторыя и исполнили.

лей, произвелъ свое дѣйствіе, процессъ броженія въ народѣ чувствовался ими, и потому они находили, что не даромъ потеряли свое время.

Каждый по своему оцѣниваетъ, полезно или вредно данное явленіе. Только въ рѣдкихъ случаяхъ оно оцѣнивается одинаково всѣми мыслящими людьми. Еще меньше объективности допускаетъ сужденіе о томъ, соотвѣтствуютъ ли принесенныя жертвы достигнутымъ результатамъ. Самая частая ошибка, въ которую впадаютъ люди при оцѣнкѣ какого-нибудь крупнаго современнаго имъ явленія, состоитъ въ томъ, что они разсѣкаютъ исторію въ произвольномъ мѣстѣ и по одной части явленія (въ мѣстѣ сѣченія) судятъ о цѣломъ. Сила, торжествующая въ моментъ, на которомъ произведено сѣченіе, обыкновенно при этомъ преувеличивается, а сила, временно ослабѣвшая, умаляется. Такъ, если разсѣчь движеніе 70 годовъ въ моментъ, когда революціонеры потерпѣли пораженіе и были почти всѣ засажены въ тюрьмы, то легко прійти къ заключенію о его ничтожествѣ. Наоборотъ тѣ, которые захотятъ разсѣчь его въ моментъ новаго оживленія, напр. въ 1876 г., склонны будутъ признать ничтожными аресты, а не самое движеніе. Однажды, когда участники процесса 193 сидѣли въ Домѣ предварительнаго заключенія, ими получены были съ воли одновременно двѣ записки, одна отъ человѣка, принимавшаго участіе въ движеніи 73—4 годовъ и потомъ отставшаго, другая отъ Мачтета, стоявшаго близко къ возродившимся дѣятелямъ революціи въ 1876 году. Авторъ первой записки, знавшій только провалъ революціонеровъ въ 1874 г., пѣлъ отходную движенія; наоборотъ авторъ второй записки, наблюдавшій исторію революціонной дѣятельности въ моментъ наибольшаго подъема волны 1876 года, въ самыхъ восторженныхъ словахъ говорилъ объ успѣхахъ всего движенія вообще и современнаго ему въ особенности.

Ободовская, очевидно, наблюдала исторію въ моментъ ослабленія движенія. Въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ она разсуждаетъ такимъ образомъ:

«Тяжело то другъ, что большинство личностей, несмотря на единичные и серіозные ошибки и провалы, несмотря на множество поучительныхъ для себя фактовъ, не становятся искренними, прямыми, безпристрастными аналитиками всего происшедшаго въ этотъ годъ; никто почти не сводитъ серьезно счетовъ съ собою и съ тѣмъ общимъ цѣлымъ въ его содержаніи и формахъ, которое успѣло достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно... Не принимая сама непосредственнаго участія въ попыточной практикѣ, я тѣмъ не менѣе наблюдала и переживала цѣлое въ его частностяхъ, простыхъ и болѣе сложныхъ, которыми оно разрѣшалось отъ поры до времени; изъ нихъ я составила понятіе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь народное дѣло и вижу я—живого намъ дѣла теперь нѣтъ даже въ живомъ зародышѣ.... Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигдѣ не пристроились, потому вишь, что все имъ мѣ-

стности попадались неблагодарныя; имъ приходилось отказаться отъ прежней сладкой надежды, что ничего не дѣлая, живя на чужой счетъ, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда, они могутъ дѣлать что либо нужное... Вотъ и не выходили они себѣ ничего со своими особыми, несвоевременными требованіями..... Тысячи истратили они на свои демократо-туристскія странствованія, анархисты-же главнымъ образомъ занялись организаціей провинціальнаго юношества для немедленнаго поднятія революціи... Теперь-же народъ не знаютъ и á priori рѣшаютъ: писать книжки нужно, а о чемъ не знаютъ... они думаютъ отдуваться книжками [1]), сочиняемыми ими, которые болѣе мечтаютъ о народѣ, чѣмъ знаютъ его. Запасшись ими, набаловавшись мастерскими одинъ, два мѣсяца, они отправятся на дѣло. Опять начинается старая пѣсня. Всѣ страшные провалы, кои были до сихъ поръ, не научили, какъ видно, ничему товарищей нашихъ. Провалъ прокламаціонистъ, провалъ съ рабочими фабричными и заводскими, провалъ съ крестьянами въ Ярославской губерніи—ничего не указали... Московскій погромъ: Войнаральскій нашелъ типографію, которая взялась печатать нецензурныя вещи (типографія Мышкина), тюки съ книгами пересылались въ Саратовъ, одинъ попался, съ этого началось дѣло... въ Москвѣ арестованы двѣ Лебедевы, Дубенскіе братъ и сестра, пять наборщицъ... (какъ гласятъ слухи, еще арестованъ Войнар. бар. и Варя, давно уже (собственно почти одновременно съ Войнаральскимъ) взятъ Коваликъ въ Самарѣ... въ Питерѣ пока тихо—ждемъ)».

Ободовская совершенно не представляетъ себѣ, что движеніе, будучи по природѣ стихійнымъ, могло быть только убито, если бы главнѣйшіе дѣятели его стали аналитиками. Нужно замѣтить, что во время написанія приведеннаго письма, Ободовская [2]) стала уже отходить отъ движенія, пессимистическій же ея тонъ по всей вѣроятности объясняется тѣмъ, что она готовилась быть матерью.

Продолжая разсужденіе начатое выше, считаю нужнымъ замѣтить, что я совершенно отказываюсь отъ оцѣнки движенія съ точки зрѣнія его полезности или вредности. Для моей цѣли совершенно достаточно, разсмотрѣвъ все движеніе въ совокупности, безъ произвольнаго разсѣченія его въ томъ или другомъ мѣстѣ, показать связь его съ послѣдующими движеніями и произвести качественную его оцѣнку, что уже отчасти и сдѣлано въ предъидущихъ главахъ. Въ нихъ было выяснено, что движеніе создало партію, продолжающую, подъ разными наименованіями, существо-

---

[1]) Такого теченія рѣшительно не было: напротивъ все время чувствовался недостатокъ въ книгахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Даниловъ.

[2]) Даже Ободовская, доходившая до полнаго отрицанія движенія въ народъ, не упоминаетъ о случаяхъ поимки крестьянами пропагандистовъ и выдачи ихъ властямъ. Очевидно такіе случаи, если и имѣли мѣсто, были очень рѣдки. Между тѣмъ прокуратура и жандармы, производившіе дознанія по политическимъ дѣламъ, создали легенду, что крестьяне сами переловили чуть не всѣхъ революціонеровъ.

вать и донынѣ. Партія стремится все время связать свою судьбу съ судьбою народа вообще и рабочихъ въ частности, но первую брешь въ стѣнѣ, раздѣлявшей народъ отъ интеллигенціи пробило несомнѣнно стремительное движеніе молодежи въ 1874 году въ народъ. До этого времени казалось невозможнымъ найти точки соприкосновенія между двумя столь различными средами. Молодежь сдѣлала отчаянное усиліе, перерядившись въ народные костюмы, сблизиться, чего-бы это ей ни стоило, съ народомъ. Въ результатѣ ничего эффектнаго не произошло, но первая тропинка была проложена, по временамъ она могла болѣе или менѣе заростать, но не окончательно заглохнуть. Подъ вліяніемъ броженія, сѣмя котораго было брошено въ народъ въ 1874 г., въ средѣ не только рабочихъ, но и крестьянства стали все чаще и чаще появляться лица, искавшія помощи интеллигенціи въ разрѣшеніи разныхъ вопросовъ, касающихся изъ жизни. Поэтому интеллигенту все рѣже и рѣже приходилось прибѣгать къ переодѣванію и наконецъ онъ сталъ появляться въ народѣ въ европейскомъ костюмѣ. Въ этомъ направленіи, собственно говоря, дѣйствовали всѣ историческія условія жизни русскаго народа, но далеко не послѣднюю роль играло и самоотверженное, граничащее съ подвигомъ, вторженіе въ народную среду интеллигентной молодежи въ 1874 году. Силу и значенія движенія нельзя измѣрять числомъ сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, воспитанныхъ имъ. Это число, ничтожное вначалѣ, растетъ чрезвычайно медленно и только чрезъ значительный промежутокъ времени достигаетъ такого размѣра, что удивленные современники задаютъ вопросъ, откуда взялись сознательные элементы? Многіе просмотрѣли такимъ образомъ ростъ сознанія въ рабочей средѣ и готовы просмотрѣть тоже по отношенію къ крестьянамъ. Между тѣмъ современное освободительное движеніе выдвинуло значительный контингентъ сознательныхъ крестьянъ. Откуда они взялись? Не слѣдуетъ-ли въ этомъ признать виновнымъ, хотя отчасти, движеніе 70-хъ годовъ? Гдѣ нужно искать объясненія сильнаго аграрнаго движенія въ Саратовской и другихъ приволжскихъ губерніяхъ, въ традиціяхъ-ли только Стеньки Разина, или хотя немножко и въ томъ обстоятельствѣ, что агитаторы въ 1874 году прежде всего бросились туда? Поставить означенные вопросы значитъ разрѣшить ихъ. Заслуживаетъ-ли движеніе 70-хъ годовъ одобренія или проклятія, во всякомъ случаѣ оно оказало извѣстное и при томъ не малое вліяніе на современное положеніе дѣлъ въ крестьянствѣ и рабочей средѣ. Пусть кинематографъ жизни не записалъ результатовъ этого вліянія въ видѣ какихъ-нибудь выпуклыхъ явленій или крупныхъ фактовъ—онъ и не могъ этого сдѣлать, потому что внѣшнія формы, въ которыхъ складывается жизнь народа, не измѣнились по существу—перемѣна произошла только въ способахъ воздѣйствія на народъ и въ степени сознательности лучшихъ его представителей.

XIII.

Арестъ революціонеровъ и попытка ихъ возобновить прерванную дѣятельность.

Аресты лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, начались очень рано. Еще въ ноябрѣ 1873 г. былъ арестованъ въ Петербургѣ Синегубъ и затѣмъ Тихомировъ, Стаховскій и др. Первоначальные аресты не дали властямъ матеріала для раскрытія всего хода движенія. Началомъ настоящаго погрома слѣдуетъ признать арестъ обитателей Саратовской сапожной мастерской. Здѣсь кромѣ главнаго мастера Пельконена были арестованы сестры Прушакевичъ, Юлія и Елена, Блавдзевичи, братъ и сестра, Лемени—Македонъ и Андрей Кулябко, остальные скрылись. Въ мастерской найденъ складъ изданій Мышкина, которыя здѣсь брошюровались, и фальшивые паспорта—это былъ уже настоящій трофей. Здѣсь власти нашли нить, по которой постепенно добрались и до многихъ другихъ дѣятелей, замѣшанныхъ въ революціонной пропагандѣ.

Отобранные во время обысковъ записки и адреса, перехваченныя на почтѣ письма и откровенныя показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, а частью и самихъ обвиняемыхъ, дали возможность властямъ въ сравнительно короткое время раскрыть всѣ главнѣйшіе кружки—оставалось только перехватать членовъ ихъ, разсыпавшихся по широкому пространству Европейской Россіи. Сообразивъ, что въ пропагандѣ замѣшано много лицъ, связанныхъ чѣмъ-то другъ съ другомъ, правительство въ самомъ началѣ сосредоточило все дознаніе о преступной дѣятельности революціонеровъ въ рукахъ начальника Московскаго жандармскаго управленія генерала Слезкина и прокурора Саратовской судебной палаты Жихарева. Въ ихъ распоряженіи не было Лекоковъ, но халатность и отсутствіе конспиративности у молодыхъ революціонеровъ вполнѣ соотвѣтствовали патріархальному состоянію сыска того времени, и давали возможность производителямъ дознанія,—разъ уже дѣло началось,—раскрыть очень много изъ революціонной дѣятельности. Большую помощь въ этомъ отношеніи оказали первобытные шифры, которыми малоопытные люди записывали въ свои памятныя книжки адреса и вообще вели всякую переписку. Ключомъ къ шифру большею частью служилъ подборъ нѣсколько такихъ словъ (иногда краткихъ стихотвореній), въ которыхъ заключались всѣ буквы алфавита. Каждая буква письма изображалась двумя цифрами, первая показывала номеръ по порядку слова въ ключѣ, вторая—мѣсто данной буквы въ словѣ. Вслѣдствіе короткости ключа, буквы изображались почти всегда одною и тою-же парою цифръ, что облегчало разборъ шифра даже въ случаѣ незнанія ключа. Такъ называемый Гамбетовскій буквенный шифръ, нѣсколько болѣ обезпечивающій тайну переписки, еще не былъ тогда въ употребленіи. Но и несовершенный цифровой шифръ примѣнялся часто

крайне неумѣло: то зашифровывались только отдѣльныя слова, то въ сплошь зашифрованномъ письмѣ разставлялись, по всѣмъ требованіямъ грамматики, знаки препинанія. Поэтому стоило только угадать одно слово, и весь шифръ легко разбирался. Узнавъ такимъ образомъ ключъ, можно было свободно прочитывать всѣ перехваченныя потомъ письма, писанныя этимъ ключомъ. Изъ лицъ, производившихъ дознаніе, прославился, или, можетъ быть, вѣрнѣе, прославилъ себя умѣніемъ розбирать шифры одинъ изъ товарищей прокурора, хотя каждый волостной писарь сумѣлъ бы сдѣлать то-же самое.

Въ самый разгаръ арестовъ уцѣлѣвшіе—«здоровые» какъ иногда называли ихъ въ отличіе отъ «больныхъ», т. е. арестованныхъ—агитаторы, преслѣдуемые по пятамъ, пытались возстановить разрушенныя организаціи, что имъ часто и удавалось на время. Въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе свирѣпствовали аресты—въ Саратовѣ и Самарѣ появлялись Войнаральскій, Рогачевъ, Коваликъ и Паевскій и пытались связать уцѣлѣвшихъ въ новыя организаціи. Обвинительный актъ даетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый матеріалъ. Такъ вскорѣ послѣ Саратовскаго погрома Паевскій писалъ Ковалику: «Лукашевичъ (нелегальная фамилія, которую носилъ Коваликъ)! Дѣла въ Саратовѣ очень хороши. Мѣстныя туземныя силы соединяются въ организацію. Семинаристы (признаться народъ не больно серьезный), сельскіе учителя и гимназисты вошли въ одинъ кружокъ (разъѣхались) и оставили при агентурѣ своего представителя. Есть нѣсколько ночлеговъ и одинъ притонъ въ горахъ, на Большегорской улицѣ—далѣе сообщался адресъ.—Организація страдаетъ недостаткомъ денегъ и не имѣетъ вовсе сношеній съ рабочими». Рогачевъ писалъ о томъ-же Войнаральскому, удостовѣряя и съ своей стороны, что дѣла идутъ хорошо, но при этомъ прибавлялъ, что заведены сношенія съ рабочими.

Въ другихъ центрахъ, Самарѣ, Кіевѣ и пр. дѣлалось то же самое. Уцѣлѣвшій изъ Самарскаго кружка Остеликинъ, при участіи Войнаральскаго и Ковалика, пытался возобновить дѣло, но скоро, должно быть въ началѣ іюля, былъ арестованъ вмѣстѣ съ Коваликомъ. Войнаральскій не задолго до своего ареста, въ іюлѣ, писалъ изъ Самары: «обыски прошли благополучно, паники нѣтъ, дѣла идутъ хорошо (въ другомъ письмѣ «великолѣпно»), недостатокъ лишь въ деньгахъ, въ Сызранскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ (куда Войнаральскій ходилъ по указанію плотниковъ, которымъ ранѣе пропагандировалъ) я ходилъ, настроеніе отличное, завелъ у крестьянъ два нашихъ пункта... Въ книгахъ страшный недостатокъ и отъ крестьянъ большой на нихъ спросъ». Во время своего путешествія вмѣстѣ съ Надеждою Юргенсонъ по Ставропольскому уѣзду, Войнаральскій между прочимъ на одной городской квартирѣ велъ революціонныя бесѣды съ приходившими къ нему крестьянами. Узнавъ объ этомъ отъ крестьянъ, сельскій староста деревни Грязнухи заарестовалъ потомъ Войнаральскаго и Юргенсонъ, но приставленная стража бросила ихъ на произволъ судьбы

и они свободно ушли. Потомъ при арестѣ Войнаральскаго, вскорѣ послѣ этого событія, у него найдена была записка, которую онъ приготовилъ было для отсылки во время своего ареста въ селѣ. Въ ней Войнаральскій писалъ: «Деревня Грязнуха, Ставропольскаго уѣзда. Сейчасъ меня арестовали: убѣдительно прошу Каменскаго (въ Пензѣ) и другихъ, всѣ мои деньги употребить на народное дѣло и выдавать тому, кто предъявитъ этотъ шифръ. Это мое послѣднее завѣщаніе. Работайте-же энергичнѣе по нашему дѣлу! Другъ Порфирій 21 іюля 1874 г.».

Понятно, что при такой энергіи и самоотверженности, которыя проявляли травимые агитаторы, имъ удавалось заваривать новую кашу, привлекая къ революціонной работѣ не только уцѣлѣвшихъ революціонеровъ, но и новыхъ людей, которые до того не успѣли еще опредѣлить своего отношенія къ движенію.

Само собою разумѣется, что новыя организаціи проваливались еще скорѣе, чѣмъ старыя. Жандармерія уже имѣла въ своихъ рукахъ ключи къ шифрамъ, которыми продолжали переписываться революціонеры. Кромѣ того, нѣкоторые изъ лицъ, вошедшихъ въ новую организацію, были уже отмѣчены, какъ неблагонадежные. Очевидно, этотъ второй, меньшій клубокъ распутать было еще легче, чѣмъ первый. Правда, конспиративность въ этотъ арестный періодъ революціонной дѣятельности нѣсколько увеличилась, но уже не могла спасти новыя организаціи, скомпрометированныя раньше, чѣмъ онѣ выступили на сцену. Кромѣ того сыскъ началъ также совершенствоваться—стали появляться «сознательные», если можно такъ выразиться, предатели. Саратовскую организацію предалъ рабочій Меркуловъ, кіевскую—нѣкій Курицынъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но чаще всего спасала революціонеровъ не конспиративность и осторожность, а напротивъ, подвижность и смѣлость, доходившая иногда до дерзости. Между прочимъ, благодаря этимъ послѣднимъ качествамъ, малоконспиративный кіевскій кружокъ сохранился дольше, чѣмъ организованный по всѣмъ правиламъ искусства одесскій кружокъ.

Если сопоставить все, что намъ извѣстно о дѣятельности революціонеровъ 70-хъ годовъ, то получится своеобразная система, болѣе или менѣе согласованная въ частяхъ, и вполнѣ цѣлесообразная и отвѣчающая условіямъ дѣйствительности. Выхватывая какую нибудь часть изъ этой системы, легко подвергнуть ее критикѣ и осудить. Такую частичную критику можно нерѣдко услышать не только отъ людей постороннихъ движенію, но и отъ нѣкоторыхъ участниковъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Ободовской. Съ перваго взгляда кажется неоспоримымъ, что несовершенная организація кружковъ не могла обезпечить сколько нибудь продолжительнаго ихъ существованія, что пойти на каторгу за нѣсколько книжекъ или словъ, сказанныхъ крестьянамъ—слишкомъ большая жертва, не окупающаяся достигнутыми результатами, и т. п., но все это будетъ частичная критика, производимая безотносительно къ условіямъ времени и мѣста. Взятая въ совокуп-

ности система семидесятниковъ такъ же хорошо отвѣчала условіямъ времени, какъ и всѣ послѣдующія организаціи, начиная отъ строго централистической Народной Воли и кончая современными соціалистами-революціонерами и соціалъ-демократами. Недостатки организаціи вполнѣ соотвѣтствовали несовершенствамъ сыска, а страстность и доходящая до подвиговъ самоотверженность, съ которыми интеллигенція бросилась въ народъ, представлялась единственнымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ средствамъ для того, чтобы пробить брешь въ китайской стѣнѣ, отграничивавшей народъ отъ культурныхъ слоевъ.

Починка сѣти революціонной организаціи продолжалась до осени 1874 года. Къ этому приблизительно времени были переловлены не только большинство революціонеровъ перваго періода (1873—1874 г.), но и ихъ родственники и знакомые. Правительство торжествовало побѣду, хотя, впрочемъ, и не на долго. Вскорѣ пришлось ловить новыхъ дѣятелей, вошедшихъ въ составъ такъ называемаго процесса пятидесяти [1]) а тамъ новый подъемъ настроенія въ 1876 году и т. д. вплоть до 80-хъ годовъ.

Число арестованныхъ въ 1873 и 1874 годахъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Правительство допустило съ своей точки зрѣнія крупную ошибку, соединивъ всю преступную дѣятельность арестованныхъ въ одно дѣло. Комиссія, производившая дознаніе, повидимому, поняла нелѣпость слѣдствія и суда надъ тысячами людей и волей неволей должна была большую часть ихъ освободить или выслать административнымъ порядкомъ на сѣверъ. Къ слѣдствію, производившемуся особо назначеннымъ сенаторомъ, оставлено было двѣсти съ лишнимъ человѣкъ, а суду предано 197 человѣкъ, изъ которыхъ четыре умерло до начала суда; осталось 193 человѣка. Изъ числа преданныхъ суду 179 человѣкъ обвинялись въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или мевѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе государственнаго порядка (2-я часть 250 ст. улож. о наказ.). Большая часть этой категоріи и особо 12 человѣкъ обвинялись въ распространеніи сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту и неповиновенію верховной власти. (251 ст.). Остальные, со включеніемъ и нѣкоторыхъ изъ предъидущихъ категорій, обвинялись въ разныхъ отдѣльныхъ преступленіяхъ, между ними Мышкинъ—въ покушеніи лишить жизни Вилюйскихъ казаковъ, арестовавшихъ его при попыткѣ освободить Чернышевскаго, и Эндауровъ въ помощи изъ личныхъ видовъ Войнаральскому. (Эндауровъ, между прочимъ, распоряжался деньгами Войнаральскаго).

---

[1]) Въ настоящихъ запискахъ я не касаюсь дѣятельности лицъ, вошедшихъ въ составъ этого процесса. Они нѣсколько усовершенствовали пріемы практической дѣятельности и способъ организаціи революціонныхъ кружковъ, но по существу ничѣмъ не отличались отъ дѣятелей процесса 193-хъ.

XIV.

Чигиринское дѣло.

Въ предъидущихъ главахъ я не описывалъ знаменитаго Чигиринскаго дѣла потому, что во 1-хъ, оно не вошло въ Большой процессъ и во 2-хъ, представляетъ такія особенности, которыя съ трудомъ укладываются въ рамки общаго революціоннаго движенія. Оно составляло какъ-бы боковую вѣтвь движенія, питавшагося не изъ главнаго корня, и потому не оставило никакихъ слѣдовъ въ дальнѣйшей эволюціи революціоннаго движенія—вѣтвь была срѣзана и окончательно засохла. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать крупнаго значенія за Чигиринскимъ дѣломъ, созданнымъ, собственно, тремя лицами: Стефановичемъ, Дейчемъ и Бохановскимъ. Какъ всѣ дороги нѣкогда вели въ Римъ, такъ въ послѣднее время въ Россіи всѣ дороги, которыми шла радикальная и революціонная молодежь, сходились въ одномъ пунктѣ—въ подъемѣ самосознанія крестьянъ. Поэтому á priori можно сказать, что «дѣло» имѣло свою долю вліянія на крестьянъ Чигиринскаго уѣзда. Но быть можетъ оно имѣло еще болѣе значенія для развитія революціоннаго міросозерцанія семидесятниковъ—это міросозерцаніе нужно было очистить отъ примѣси началъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго. Для этого понадобился крупный провалъ крупнаго дѣла.

Выше было показано, что, собственно, революціонному періоду предшествовалъ народническій періодъ движенія. Пережитки его сохранились въ отдѣльныхъ умахъ вплоть до возникновенія партіи «Народной Воли». Амальгама этихъ двухъ крупныхъ теченій создавала иногда, хотя и ложныя, но сильно дѣйствовавшія на умы извѣстной части молодежи, идеи. Во время движенія, особенно въ началѣ его, бывшіе народники, увлекаемые страстною любовью къ народу и желаніемъ какъ можно скорѣе прійти къ нему на помощь, часто останавливались на такихъ средствахъ, которыя, хотя имѣли и мало общаго съ революціонною дѣятельностью, но, казалось, могли дать непосредственный и скорый результатъ. Такъ, нѣкоторая часть молодежи увлеклась идеей самозванства и думала, что если-бы явился новый Пугачевъ въ качествѣ самозваннаго царя, то соціальный строй Россіи можно было бы измѣнить нѣсколькими указами. Другіе мечтали о томъ, что было бы недурно использовать съ цѣлью революціонной пропаганды слухи, которыми, за отсутствіемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, питаются неграмотные люди. Говорилось, что умѣлымъ распространеніемъ тенденціозныхъ слуховъ можно было бы повліять въ желательномъ направленіи на міросозерцаніе народа.

Впрочемъ, всѣ эти разговоры были обмѣномъ мечтаній и не имѣли практическаго значенія. Тѣмъ не менѣе они свидѣтельствовали, что въ міросозерцаніи извѣстной части молодежи существуютъ нѣкоторыя положенія, усвоенныя безъ критики и не ми-

рящіяся съ общимъ складомъ этого міросозерцанія. Мечтанія принимали иногда видъ практическихъ плановъ, такъ, въ одномъ кружкѣ намѣчали даже личность, которая могла бы разыграть роль самозванца—Дмитрія Рогачева, который, разумѣется, ничего не зналъ о томъ, что высказывалось между дѣломъ неизвѣстными ему людьми.

Какъ ни безплодны были всѣ подобныя мечтанія и разговоры, но они показывали, что ловкій и имѣющій популярность въ рядахъ молодежи организаторъ какого-нибудь въ этомъ родѣ фантастическаго предпріятія, могъ бы разсчитывать на извѣстный кругъ послѣдователей и исполнителей. Такой организаторъ и нашелся въ лицѣ Стефановича, задумавшаго воспользоваться царскимъ именемъ для поднятія крестьянскаго возстанія. За сотрудниками у него дѣло не стало.

Заслуживъ предварительно довѣріе крестьянъ, избравшихъ его ходокомъ, онъ черезъ полгода, въ ноябрѣ 1876 г. явился въ ихъ среду уже въ качествѣ довѣреннаго отъ царя и принесъ подложную царскую грамоту, приказывавшую крестьянамъ соединяться въ тайныя общества [1]). Самъ онъ рѣдко показывался крестьянамъ, но дѣйствовалъ какъ опытный организаторъ и въ короткое время успѣлъ создать большую боевую крестьянскую дружину. Я не буду распространяться, впрочемъ, о Чигиринскомъ дѣлѣ, такъ какъ оно уже неоднократно было описано, и, между прочимъ, Туномъ. Скажу только нѣсколько словъ о разгромѣ дружины.

Во второй половинѣ 1877 года арестовано было безъ малаго 100 человѣкъ Чигиринскихъ крестьянъ, принадлежавшихъ къ союзу, а вскорѣ затѣмъ и Стефановичъ съ Дейчемъ и Бохановскимъ, но имъ удалось бѣжать изъ Кіевской тюрьмы. Аресты членовъ союза вызвали, конечно, плачь женъ и дѣтей, но не сразу убѣдили крестьянъ, что грамота подложная. Сидя подъ арестомъ иные продолжали вѣрить, что Стефановичъ дѣйствительно царскій посланникъ.

Послѣ нѣсколькихъ мучительныхъ мѣсяцевъ содержанія подъ стражею, сопряженнаго съ большими лишеніями, большая часть арестованныхъ была освобождена, часть выслана и немногіе приговорены судомъ къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь.

Старикъ.

---

[1]) Текстъ этой „грамоты“ см. ниже, въ замѣткѣ „Документы по Чигиринскому дѣлу“.
Ред.

Изъ тюремной статистики.

Нѣсколько старыхъ клеенчатыхъ тетрадей, исписанныхъ разными почерками. Эти тетради пять мѣсяцевъ подрядъ, иногда съ большими трудностями, передавались по бичевкамъ („телефонамъ“) изъ окна въ окно, изъ камеры въ камеру. Каждый заключенный писалъ въ нихъ свои отвѣты на рядъ вопросовъ, составленныхъ, помнится, при участіи редакціи „Искры“ и нѣсколько видоизмѣненныхъ сидѣвшими. Такъ образовался статистическій матеріалъ, которому мы даемъ сейчасъ нѣкоторую сводку.

Статистика собиралась съ августа 1903 г. по январь 1904 г. въ Московской губернской тюрьмѣ (извѣстной подъ именемъ „Таганки“ или „Каменьщиковъ“) и касается 133 лицъ, арестованныхъ главнымъ образомъ въ Москвѣ въ теченіе 1903 года (25 чел. арестовано въ 1902 г.; 3—въ 1901 г.).

Національность.

Почти $^3/_4$ арестованныхъ—русскіе: 97 чел. (въ томъ числѣ 2 малоросса)—73%. Другихъ національностей 27%—36 чел. (именно 31 еврей, 3 поляка, 1 армянинъ, 1 нѣмецъ). Приблизительно такъ же распредѣляются и вѣроисповѣданія, такъ какъ почти всѣ русскіе—православные, евреи—іудейскаго вѣроисп., поляки—католики и пр.

Возрастъ.

Большая часть арестованныхъ $^9/_{10}$—имѣютъ до 30 лѣтъ, почти $^2/_3$—до 25 лѣтъ.

18—24 л. имѣютъ 84 чел.—63,9% (именно 3 по 18 л., 7 по 19, 10 по 20, 14 по 21, 23 по 22, 13 по 23, 15 по 24).

25—30 л. имѣютъ 35 чел.—26,3% (14 по 25, 4 по 26, 6 по 27, 5 по 28, 3 по 29, 3 по 30).

31—40 л. имѣютъ 10 чел.—7,5% (4 по 31, 1—32, 1—34, 2 по 35, 1—38, 1—40).

Свыше 40 имѣютъ 3 чел.—2,3% (1—42, 1—50, 1—68).

Полъ. Семейное положеніе.

Около $^1/_5$ всѣхъ арестованныхъ приходится на долю женщинъ—26 чел. (19,5%). Мужчинъ 107 (80,5%). Изъ мужчинъ женатыхъ 23 (21,5%), холостыхъ—84 (78,5%). Изъ женщинъ замужнихъ 5 (19,2%), дѣвицъ—21 (80,8%). Изъ семйныхъ у 18 дѣти.

Сословіе.

Число интеллигентовъ превышаетъ число рабочихъ. Первыхъ 78 (58,6%), вторыхъ 55 (41,4%). Сословіе неизвѣстно у 24. Изъ остальныхъ 109 болѣе всего крестьянъ (37 чел.—33,9%) и мѣщанъ (35 чел.—32,1%). Такимъ образомъ какъ разъ $^2/_3$ приходится на долю низшихъ сословій. Затѣмъ уже идутъ дворяне (14 чел.—12,9%), лица купеч. званія (5 чел.). духовнаго (3 чел.), личн. и потом. граждане (3+4) и т. д.

Образованіе.

Уровень образованія въ общемъ довольно высокъ, Половина окончила среднюю школу. Почти $^1/_2$ обучалась въ высшихъ учебн. заведеніяхъ. Цифры таковы: 20 чел.—15% безъ всякаго образованія и самоучки (% неграмотныхъ неизвѣстенъ); съ низшимъ образованіемъ 46 чел.—34,6%; со среднимъ 60 чел.—45,1% (изъ нихъ 34 обучавшихся въ высш. учебн. заведеніяхъ); 7 чел.—5,3% съ высшимъ образованіемъ.

Родъ занятій.

Рабочихъ разныхъ спеціальностей (гл. обр. механическихъ заводовъ) 49 чел., приказчиковъ и конторщиковъ—6, учащихся въ ср. и высш. уч. завед. 29 чел. (21,8%), лицъ занимающихся педагогической дѣятельностью 20 чел. 15%—(въ томъ числѣ 4 учителя сред. уч. зав., 4—сельскихъ, 12 домашнихъ), другихъ отраслей дѣятельности 18 (именно—7 статистиковъ, 1 от. капитанъ, 1 врачъ, 1 инженеръ, 1 землемѣръ, 1 завѣд. кн. магазиномъ, 1 земск. дѣятель, 1 чиновникъ, 1 художникъ, 3 фельдш.). Безъ опред. занятій 4, занятіе неизвѣстно у 7 чел.

Заработокъ.

Безъ заработка 7, заработокъ неизвѣстенъ у 21. Если исключить лицъ съ крупнымъ заработкомъ (1—200 р., 1—250, 1—400 р. въ мѣсяцъ), то средній мѣсячный заработокъ у *интеллигентовъ* (49 лицъ) выразится суммой 39 р.

Средній мѣсячный заработокъ рабочихъ (данныя о 53 лицахъ) равенъ 27,3 р.

Что найдено при обыскѣ.

Ничего не найдено у 41 (30,8%), найдена литература у 71 (53,4%).—въ томъ числѣ литературы с.-д. у 35, с.-р. у 12, смѣшанная у 7, неизв. направленія у 17; найдено что либо иное (компром. письма, черновики прокламацій и пр.) у 21 (15,8%).

Кромѣ того, принадлежности для печатанія найдены у 13 лицъ: главнымъ образомъ гектографы и принадлежности къ нему; въ 2 случаяхъ мимеографы и принад. и только въ одномъ типографскій шрифтъ. Оружіе (револьверъ) найденъ у одного.

Показанія.

Не давали никакихъ показаній 21 чел. (15,8%), давали, но потомъ отказались давать 13 (9,8%), давали (хотя бы и не на всѣ вопросы) 99 чел. (74,4%).

Не давали вовсе біографическихъ свѣдѣній только 10 чел. (7,5%). — Жандармское слѣдствіе въ среднемъ (51 случай) длится 5,6 мѣсяца.

Рецидивисты.

Рецидивистовъ довольно много—39 (29,3%). Изъ нихъ привлекаются 2-ой разъ—24 чел., 3-ій—13 и 4-ый—2 ч. Нелегальныхъ 8, т. е. 6%.

Итоги.

Эти цифры характеризуютъ движеніе, еще не принявшее широкихъ размѣровъ двухъ послѣднихъ лѣтъ. Интеллигенція преобладаетъ, много учащихся, рабочіе преимущественно механическаго производства т. е. высокаго уровня развитія; земледѣльческое крестьянство еще мало затронуто, „аграрниковъ“ нѣтъ вовсе. Средній уровень революціонера, судя по образованію, отказу отъ показаній и пр., довольно высокъ—это зависитъ отчасти отъ того, что затронуты главнымъ образомъ „верхи“ рабочихъ. Рецидивизмъ доказываетъ нарожденіе революціонера-профессіонала. Движеніе почти исключительно городское—отсюда перевѣсъ соціалъ-демократовъ. Если судить по взятой литературѣ, ихъ въ 3 раза больше с.-р-овъ.

Идетъ подготовка борьбы. Распространяются прокламаціи, литература. Техника печатанія стоитъ не высоко—пользуются главнымъ образомъ гектографомъ и мимеографомъ. Моментъ непосредственной борьбы еще не наступилъ. Оружіе, которое стало заурядьнымъ теперь, находятъ, какъ рѣдкость.

Такіе выводы намѣчаются немногими цифрами, приведенными выше. Очень интересно было бы видѣть другія статистическія данныя, которыя собирались и собираются въ разное время по тюрьмамъ. Тюремная статистика можетъ дать любопытный матеріалъ для исторіи революціоннаго движенія.

П. Л.

Л. Ѳ. Яновичъ въ ссылкѣ.

Я познакомился съ Людвигомъ Ѳомичемъ Яновичемъ уже послѣ того, какъ онъ отбылъ свой ужасный срокъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Я прожилъ съ нимъ около 5 лѣтъ въ тяжелой ссылкѣ за полярнымъ кругомъ и имѣлъ, такимъ образомъ, возможность постоянно сравнивать этого закаленнаго терпѣньемъ и страданьемъ человѣка съ цѣлыми поколѣніями молодыхъ, энергичныхъ товарищей Среди нихъ было много людей во всякомъ случаѣ незаурядныхъ, и всетаки Яновичъ производилъ впечатлѣніе человѣка, стоящаго выше колоніи ссыльныхъ. Это бросалось въ глаза не только мнѣ одному. Большинство ссыльныхъ, если не всѣ, смотрѣли на него, какъ на натуру исключительную, и это чувствовалось на каждомъ шагу въ отношеніяхъ колоніи къ товарищу изъ Шлиссельбурга.

Помню: былъ чудный апрѣльскій день, когда Яновичъ и Суровцевъ пріѣхали къ намъ въ Колымскъ, измученные тяжелой дорогой. Солнце почти не закатывалось и безпощадно сгоняло снѣгъ. Огромные сугробы дѣлались подъ его лучами ажурными, легкими, насыщенными водой. Повсюду струились вешнія воды, воздухъ дышалъ тепломъ; чувствовалось, что безконечная зима, убивавшая насъ своимъ холодомъ, а еще больше утомительнымъ однообразіемъ, побѣждена весною. Я жилъ тогда въ просторной, мрачной юртѣ. Въ ней было только три небольшихъ окна, затянутыхъ полотномъ. Стеколъ у меня не было, а толстыя льдины, замѣнявшія зимою стекла, теперь слишкомъ быстро таяли. «Полотняныя стекла» задерживали свѣтъ, въ юртѣ было темно и неуютно, но я почти и не жилъ въ ней, проводя весь день на дворѣ. Работы было много: нужно было пилить и колоть дрова, таскать воду, чистить дворъ, проводить канавы для отвода цѣлыхъ потоковъ воды. Послѣ зимняго бездѣлья пріятно было повозиться на дворѣ, и я съ удовольствіемъ занимался въ этотъ день устройствомъ «канализаціонной системы». Я былъ цѣликомъ поглощенъ этимъ занятіемъ, когда ко мнѣ подошелъ какой-то якутъ съ пріятнымъ извѣстіемъ: «государственные ѣдутъ!»

Нужно пожить въ такихъ мѣстахъ, какъ Колымскъ или Верхоянскъ, чтобы понять, что означали для насъ эти слова. «Государ-

ственные ѣдутъ» — это ѣдутъ люди, которые помогутъ вамъ хоть на время завязать одну, другую нить съ внѣшнимъ міромъ,—сообщатъ вамъ подробно, что дѣлается, т. е. что дѣлалось 2—3 мѣсяца назадъ на бѣломъ свѣтѣ; наконецъ, внесутъ хоть на время нѣкоторое оживленіе въ вашу среду, достаточно утомленную встрѣчами, разговорами, столкновеніями съ одними и тѣми же, вѣчно одними и тѣми же людьми. Правда, жизнь въ Колымскѣ значительно облегчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ силу чисто случайныхъ условій въ колоніи ссыльныхъ почти никогда не возникало серьезныхъ столкновеній, которыя могли бы заставить насъ раздѣлиться на два лагеря. Въ этомъ отношеніи колымчанамъ очень повезло. И всетаки постоянное общеніе съ незначительнымъ числомъ товарищей утомляло всѣхъ. Каждый изъ насъ быстро знакомился съ привычками, взглядами, пріемами въ спорахъ, вообще съ индивидуальными особенностями колонистовъ, и тогда само общеніе въ значительной степени утрачивало интересъ, а иногда и попросту раздражало.

Въ такихъ случаяхъ прибытіе новаго члена вносило сильное оживленіе въ нашу среду, особенно, если новичекъ оказывался «интереснымъ» человѣкомъ. Именно къ такой категоріи принадлежалъ и Яновичъ, сразу занявшій въ колоніи видное мѣсто. Правда, онъ пріѣхалъ не съ воли и могъ сообщить лишь то, что самъ урывками слышалъ въ пути отъ другихъ товарищей. Но этотъ недостатокъ въ значительной степени искупался тѣмъ обстоятельствомъ, что Яновичъ вмѣстѣ съ Суровцевымъ пріѣхали изъ того таинственнаго мѣста, относительно котораго ходила масса всевозможныхъ слуховъ, иногда невѣрныхъ, но всегда полныхъ трагическихъ подробностей.

Колонія собралась у меня въ юртѣ. Я наскоро затопилъ камелекъ, поставилъ чайники, приготовилъ рыбу. Это было все, чѣмъ мы могли встрѣтить гостей.

Разговоры не клеились: ждали людей съ другого свѣта, ждали вѣстей отъ родныхъ и друзей, такъ какъ товарищи обыкновенно привозили съ собою письма изъ Якутска. Всѣ волновались, было не до разговоровъ.

Наконецъ, къ юртѣ подъѣхали двѣ-три нарты. Яновичъ и Суровцевъ быстро слѣзли съ нихъ. Начались знакомства.

Помню — меня сразу поразила рѣзкая разница между обоими «новичками». Яновичъ, выше средняго роста, худой съ измученнымъ лицомъ и впалой грудью производилъ впечатлѣніе человѣка, только что перенесшаго тяжелую болѣзнь. Онъ былъ блѣденъ, казался очень утомленнымъ, глаза смотрѣли сквозь очки какъ-то грустно и устало. Суровцевъ поразилъ всѣхъ своею бодростью, свѣжестью, юношескими движеніями своего громаднаго тѣла.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь! Я все самъ сдѣлаю! — проговорилъ онъ, еще не успѣвъ раздѣться.

Съ этими словами онъ вытащилъ изъ походной сумки котелокъ, налилъ въ него воды и бросилъ горсть рису.

— Я, видите-ли, не люблю, чтобы на меня работали.

И дѣйствительно, для этого человѣка, какъ оказалось впослѣдствіи, физическій трудъ являлся цѣлью жизни [1]).

Яновичъ наскоро закусилъ и сейчасъ же подсѣлъ къ столику, гдѣ лежали мои книги и тетради.

— Вы занимаетесь, — проговорилъ онъ, просматривая мои замѣтки,—это хорошо. Я тоже намѣренъ серьезно здѣсь поработать.

— Вотъ посмотрите,—продолжалъ онъ, вытаскивая изъ чемодана цѣлую груду тетрадей изъ сѣрой, плохой бумаги,—это я приготовилъ себѣ для записыванія цифръ и фактовъ. Безъ этого буквально нельзя обойтись. А вотъ это мои шлиссельбургскія замѣтки.

Я сталъ перелистывать толстыя тетради, сплошь исписанныя мелкимъ убористымъ почеркомъ Людвига Ѳомича, и убѣдился сразу, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, серьезно интересующимся наукой и при томъ всесторонне образованнымъ. Тутъ были безконечные столбцы цифръ, громадныя выписки изъ всевозможныхъ книгъ и учебниковъ по химіи, физикѣ, минералогіи, исторіи, рабочему вопросу etc.

Мы разговорились. Слабымъ голосомъ, не всегда находя сразу нужное слово и слегка заикаясь, Яновичъ разсказалъ мнѣ, какъ еще въ дѣтствѣ его вниманіе всегда привлекала географія и исторія, какъ онъ любитъ эти науки и какое значеніе имъ придаетъ. Но самой любимой отраслью знанія была для него статистика. О ней онъ говорилъ съ какою-то любовью въ голосѣ и отдавалъ ей большую часть рабочаго времени. Я думаю, что у Людвига Ѳомича были истинные задатки статистика-публициста, умѣющаго облекать сухой скелетъ статистическихъ таблицъ живою тканью и нервами жизни.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ сосѣднемъ домѣ, гдѣ помѣщалась колымская «государственная» библіотека.

На исторіи этой библіотеки стоитъ остановиться. Она составилась изъ книгъ, которыя привозили съ собою и получали съ воли колымчане. Никто изъ уѣзжавшихъ на родину книгъ обыкновенно не бралъ, и это превратилось въ своего рода традицію, которая нарушалась лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ къ 1896 году, когда я пріѣхалъ въ Колымскъ, колонія располагала солидной библіотекой въ 2,000 томовъ или около этого.

Въ 1895 г. старыхъ ссыльныхъ было въ Колымскѣ немного, да и тѣмъ предстоялъ въ недалекомъ будущемъ выѣздъ. О новыхъ товарищахъ не было ни слуху, ни духу. И вотъ, опасаясь за участь книгъ, которыя были бы безусловно расхищены и истреблены мѣст-

---

[1]) Въ настоящій моментъ Д. Я. Суровцевъ живетъ въ Верхне-Колымскѣ Тамъ онъ завелъ небольшое хозяйство, огородъ и пашню. Онъ рѣшилъ посвятить пять лѣтъ своей жизни оригинальной задачѣ. По его мнѣнію втеченіи этихъ пяти лѣтъ ему удастся убѣдить якутовъ въ возможности и необходимости заниматься земледѣліемъ. Не выйдетъ изъ этого, конечно, ничего, но и Суровцевъ не такъ-то скоро откажется отъ того, что поставилъ себѣ цѣлью.

нымй обывателями, если бы библіотека осталась безъ присмотра, ссыльные рѣшили заколотить книги въ ящики и отправить ихъ въ Якутскъ въ публичную библіотеку. Но правительство вовсе и не думало отмѣнять ссылки въ «мѣста для жительства неудобныя». Весною 1896 г. начали прибывать новые члены колоніи, и библіотеку рѣшено было оставить. Ее извлекли изъ амбара и снова размѣстили по полкамъ. Порядка, впрочемъ, установить намъ сразу не удалось. Всѣ мы охотно занимались чтеніемъ, но свободное время отдавали физическому труду или хожденію въ гости другъ къ другу. Охотниковъ заняться библіотекой и поставить ее, какъ слѣдуетъ, не было. Яновичъ взялся за это дѣло съ большою готовностью и вскорѣ привелъ библіотеку въ порядокъ. Затѣмъ онъ пріобрѣлъ за 50 р. домъ, состоявшій изъ двухъ просторныхъ, по колымскому масштабу, комнатъ съ печью и камелькомъ. Этотъ домъ былъ подаренъ Яновичемъ колоніи спеціально подъ библіотеку. По уставу въ немъ жилъ библіотекарь, ежегодно избиравшійся изъ среды ссыльныхъ путемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Библіотека скоро стала центромъ колоніи. Здѣсь собиралась публика, когда приходила почта; здѣсь же устраивались собранія, вечеринки и пр.

Первымъ библіотекаремъ единогласно былъ избранъ Яновичъ. При устройствѣ библіотеки онъ попробовалъ примѣнить шлиссельбургскую систему и привлечь къ работѣ всѣхъ товарищей.

— У насъ въ Шлиссельбургѣ,—говорилъ онъ,—дѣло было поставлено такъ. Каждый долженъ былъ переплести или сшить опредѣленное количество книгъ. Только благодаря такому правилу библіотека и содержалась въ порядкѣ.

Попробовали примѣнить эту систему и мы, но толку вышло мало. Два, три любителя поработали надъ библіотекой основательно, а остальные уклонились отъ работъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. И это понятно. Въ Шлиссельбургѣ люди судорожно хватались за каждый поводъ къ труду, лишь бы онъ носилъ хоть какую-нибудь тѣнь цѣлесообразности. Въ трудѣ искали забвенія. Въ Колымскѣ дѣло обстояло иначе. Работы необходимой, неотложной всегда было достаточно и придумывать ее не приходилось.

Устроивъ библіотеку, Яновичъ немедленно принялся за свои научныя работы. Тутъ онъ съ первыхъ же дней почувствовалъ, что Колымскъ въ этомъ отношеніи очень напоминаетъ Шлиссельбургъ. Ни первоисточниковъ, ни необходимыхъ пособій по спеціальнымъ вопросамъ подъ рукой не было. Можно было, правда, ихъ выписывать, но это требовало большихъ средствъ и долгихъ мѣсяцевъ ожиданія, покуда книги по выпискѣ приходили. Приходилось волею-неволею пользоваться фактами и цыфрами изъ вторыхъ рукъ, и это доставляло Яновичу массу огорченій. Глубоко правдивый и искренній по натурѣ, онъ никакъ не могъ примириться съ тѣми пропусками и передѣлками въ цитатахъ, которые такъ часто попадаются въ нашей литературѣ. И нужно было видѣть, съ какою безпощадностью онъ относился къ авторамъ, допускавшимъ такія

неточности. Однажды, просматривая статью Діонео, помѣщенную въ «Русскомъ Богатствѣ», Яновичъ нашелъ серьезныя ошибки въ цифрахъ ввоза и вывоза товаровъ изъ Канады. Съ тѣхъ поръ онъ отказался цитировать Діонео.—«Я не могу довѣрить автору, который относится съ такимъ неуваженіемъ къ читателю и разсчитываетъ на его легкомысліе».

И все-таки путемъ долгой и упорной работы Яновичу удалось собрать матеріалъ и написать статью, помѣщенную подъ псевдонимомъ Л. Иллиничъ въ «Научномъ Обозрѣніи». Статья эта, носящая названіе: «Очеркъ промышленнаго развитія Польши» и направленная противъ книги Розы Люксембургъ, отличается несомнѣнными научными достоинствами. Въ слѣдующихъ книжкахъ «Научнаго Обозрѣнія» имя Иллинича уже было помѣщено въ спискѣ постоянныхъ сотрудниковъ журнала. Въ Колымскѣ же Яновичъ написалъ свои воспоминанія о Шлиссельбургѣ, помѣщенныя въ польскомъ соціалистическомъ журналѣ: «Przedswit». Эти воспоминанія переводятся въ настоящее время на русскій языкъ. Читатель найдетъ въ нихъ цѣлый рядъ художественныхъ образовъ и характеристикъ, написанныхъ съ большою любовью къ людямъ и обнаруживающихъ глубокую правдивость и чуткость автора.

Мнѣ часто приходилось заходить къ Яновичу, и я почти всегда заставалъ его за какими-нибудь вычисленіями, составленіемъ различныхъ картограммъ или чтеніемъ. Трудоспособность его была просто удивительна при томъ слабомъ надорванномъ здоровьи, съ которымъ онъ вышелъ изъ Шлиссельбурга.

Учащихся и занимающихся товарищей въ Колымскѣ всегда было много, но такихъ серьезныхъ ученыхъ, какимъ былъ Яновичъ, я тамъ почти не встрѣчалъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ рѣзко выдѣлялся среди товарищей, и всѣ это признавали. Въ теченіи короткаго времени Яновичъ сдѣлался для колоніи справочною статистическою энциклопедіей.

Какъ то разъ понадобились мнѣ статистическія данныя о Галиціи. Черезъ нѣсколько дней Л. Ѳ. представилъ мнѣ тетрадку, полную всевозможныхъ таблицъ и выкладокъ по различнымъ вопросамъ статистики этой страны. Или, напримѣръ, завяжется разговоръ о русскихъ финансахъ.

Русское правительство наканунѣ банкротства—заявляетъ Х, приводя общеизвѣстные факты изъ области финансоваго истощенія Россіи.

Для Яновича такое заявленіе было равносильно вызову. На слѣдующій день Х получаетъ тетрадь страницъ въ 15—20, въ которой на основаніи самыхъ детальныхъ данныхъ доказывается, что положеніе русскаго правительства далеко не такъ плохо, какъ это принято думать. Въ предисловіи развивается мысль такого рода: «У насъ почему-то считаютъ необходимымъ недоцѣнивать силы правительства. Вмѣсто того, чтобы считаться съ нимъ, какъ съ серьезной силой, способною выдержать не одну бѣшенную атаку,

мы пріучаемъ себя и общество къ той мысли, что это колоссъ на глиняныхъ ногахъ, готовый рухнуть отъ легкаго толчка. Въ результатѣ слишкомъ повышенныя ожиданіи, несбывшіяся надежды, быстрые переходы отъ самаго розоваго оптимизма къ апатіи и пессимизму. *Успѣшная борьба возможна лишь въ томъ случаѣ, если силы противника строго взвѣшены; а для этого нужно постоянно анализировать ихъ, а не утѣшать себя тѣмъ, что все равно молъ финансы нашего противника истощены, и самъ онъ на краю банкротства*».

Я нарочно привелъ эту выдержку изъ рукописи Яновича, чтобы показать, какъ сильна была въ немъ потребность брать дѣйствительность такою, какъ она есть. А между тѣмъ это трезвое научное отношеніе къ самымъ жгучимъ вопросамъ общественной жизни не только не расхолаживало его, но наоборотъ придавало его постоянному революціонному настроенію особую прочность и цѣльность.

По своимъ взглядамъ Л. Ѳ. примыкалъ къ Польской Соціалистической Партіи. (P. P. S.). Онъ говорилъ мнѣ, что въ молодости національный вопросъ сравнительно мало привлекалъ его вниманіе. Однако индифферентное отношеніе русскаго общества къ полякамъ и другимъ угнетеннымъ націямъ заставило его сильно задуматься еще въ Шлиссельбургѣ надъ тѣми требованіями, которыя выдвигаетъ P. P. S. по вопросамъ объ автономіи, правъ на самоопредѣленіе и пр. Такимъ образомъ, онъ принялъ эту часть программы P. P. S. не подъ чьимъ либо давленіемъ, а пришелъ къ ней совершенно самостоятельно.

При выработкѣ того или иного взгляда на дѣйствительность, Яновичъ иногда впадалъ въ ошибки, какъ и прочіе товарищи; сидя въ Колымскѣ, не такъ легко оріентироваться въ томъ, что происходитъ за тридевять земель. Впрочемъ, у Яновича, по крайней мѣрѣ сначала, эти ошибки были слѣдствіемъ долголѣтняго тюремнаго заключенія. Его несомнѣнно преслѣдовало то самое «разстройство координаціи», о которомъ говоритъ М. Ашенбреннеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о Шлиссельбургской крѣпости. [1]) Такъ напр., новѣйшія данныя о ростѣ кооперативнаго движенія на Западѣ такъ поразили Яновича, что онъ лишь послѣ долгихъ и страстныхъ споровъ отказался отъ слишкомъ преувеличенной оцѣнки этого теченія.

Занявъ опредѣленную позицію, Яновичъ сдавалъ ее лишь послѣ долгаго, упорнаго боя. Въ этомъ отношеніи онъ былъ очень цѣннымъ и добросовѣстнымъ противникомъ. Среди насъ было не мало любителей поспорить, но далеко не всегда эти любители обладали такими знаніями, которыхъ было бы достаточно для поединка съ Яновичемъ.

Для Л. Ѳ. наука не была способомъ коротать время. Большинство изъ насъ читало и занималось лишь въ первые годы ссылки; за-

---

[1]) „Былое", I, стр. 98.

тѣмъ этотъ интересъ къ знанію какъ-то незамѣтно исчезалъ, толстыя книги и учебники оставались неразрѣзанными, читались только газеты и журналы, да и то не всѣ. Въ теоретическомъ отношеніи люди отставали, старое забывалось и споры превращались въ простое противупоставленіе старыхъ, излюбленныхъ точекъ зрѣнія. Яновича этотъ процессъ замиранія мысли не коснулся. Онъ любилъ науку, какъ художникъ любитъ кисть и краски. Любя ее за то, что она даетъ высокое наслажденіе въ самомъ процессѣ мышленія, онъ цѣнилъ ее въ то же время, какъ одну изъ великихъ положительныхъ сторонъ жизни и какъ основу для плодотворной революціонной дѣятельности. Какъ истинный революціонеръ, онъ хорошо понималъ необходимость постояннаго, точнаго наблюденія надъ жизнью. Колымская обстановка сильно стѣсняла его въ этомъ отношеніи.

— Если бы мнѣ удалось бѣжать за-границу,—сказалъ онъ мнѣ однажды послѣ долгаго разговора о значеніи статистики въ настоящемъ и будущемъ,—я устроилъ бы въ Парижѣ или Лондонѣ Революціонное Центральное статистическое бюро. Сюда стекались бы всѣ данныя о рабочемъ движеніи всего міра; каждый участникъ соціалистическаго движенія зналъ бы, что дѣлаютъ его братья во всѣхъ странахъ, и это дало бы сильный толчекъ развитію солидарности въ рядахъ рабочей партіи.

Мысль о томъ, что время и силы пропадаютъ въ Колымскѣ безплодно для революціоннаго дѣла, очень тяготила Яновича. Впрочемъ, это сознаніе тяготило не только одного его. У нѣкоторыхъ изъ насъ съ самаго начала ссылки зародилась идея побѣга. Единственный способъ, дававшій хотя и слабыя надежды, но все-таки надежды,—это былъ побѣгъ моремъ въ лодкѣ. Начали готовиться. Яновичъ принялъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ, хотя самъ лично бѣжать съ нами не думалъ. Онъ не разсчитывалъ на свои силы и боялся, заболѣвъ въ пути, помѣшать другимъ. Впослѣдствіи, когда это дѣло разстроилось, мы взялись за сплавъ казеннаго паузка съ грузомъ изъ Средняго въ Нижній Колымскъ. Это давало намъ возможность заработать по нѣскольку десятковъ рублей на человѣка и въ то же время поразмяться послѣ безконечной зимней спячки. Яновичъ тоже вступилъ въ артель.

— Для меня это будетъ хорошей пробой, —говорилъ онъ:—если я вынесу эту работу, значитъ я смогу принять участіе въ побѣгѣ, если представится случай.

Однако, эта проба оказалась далеко на изъ удачныхъ. Яновичъ работалъ изо всѣхъ силъ, но организмъ его былъ подорванъ каторжнымъ шлиссельбургскимъ режимомъ. Тяжелый физическій трудъ былъ Яновичу не подъ силу, и тамъ, гдѣ мы отдѣлывались сравнительно легко, Яновичъ надрывался. Сплавъ паузка въ Нижній Колымскъ съ обратной дорогой продолжался цѣлый мѣсяцъ. Все время приходилось грести, идти бечевой, ночевать въ палаткѣ часто на сырыхъ мѣстахъ, питаться почти исключительно рыбой и сухарями.

Молодежь послѣ такой «прогулки» чувствовала себя превосходно, Яновичъ возратился послѣ перваго сплава измученнымъ, усталымъ и сильно простуженнымъ. Весьма вѣроятно, что работа при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ ускорила процессъ туберкулеза легкихъ, начавшійся у Л. Ѳ. безъ сомнѣнія еще въ тюрьмѣ. Яновичъ не обманывалъ себя насчетъ состоянія своего здоровья.

— Посмотрите, сказалъ онъ мнѣ однажды, показывая порѣзъ на пальцѣ,—у васъ эта царапинка заживетъ черезъ два, три дня, а у меня это цѣлая исторія. Вѣдь мой организмъ истощенъ до крайности и не можетъ энергично бороться за существованіе.

Въ 1899 году весною застрѣлился въ Колымскѣ одинъ изъ ссыльныхъ, Григорій Гуковскій, человѣкъ съ громаднымъ характеромъ и несомнѣнно талантливый. Онъ былъ арестованъ въ Германіи (въ Аахенѣ) и выданъ русскому правительству. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ «Крестахъ», Гуковскій былъ посланъ въ Колымскъ подъ надзоръ полиціи на 5 лѣтъ за отказъ отъ присяги. Бѣднягѣ оставалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ до конца срока. Смерть товарища произвела на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Это была первая смерть среди колымскихъ ссыльныхъ. Естественно, поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ кладбища для ссыльныхъ. Яновичъ настаивалъ на томъ, чтобы ограда была сдѣлана попросторнѣе.

— Кто знаетъ,—говорилъ онъ загадочно,—ограничится ли дѣло однимъ Гуковскимъ!

На меня лично эти слова сильно подѣйствовали. Казалось, Яновичъ предрѣшалъ ими свою судьбу. Случай далъ возможность ему выѣхать изъ Колымска раньше срока. На мой взглядъ только благодаря этому случаю Яновичъ похороненъ въ Якутскѣ, а не въ Колымскѣ.

Когда мы устраивали кладбище, Л. Ѳ. работалъ очень усердно. Во время работы онъ много разсказывалъ намъ о жертвахъ Шлиссельбурга. Тяжелыя это были минуты.

Всякій, кто пробылъ въ ссылкѣ долгое время, хорошо знаетъ, какъ трудно бороться съ ужасными, *засасывающими* условіями поднадзорнаго бытія. Недаромъ въ правительственныхъ циркулярахъ такія гиблыя мѣста, какъ Верхоянскъ и Колымскъ, называются «мѣстами для жительства неудобными», а административный персоналъ (исправникъ и помощникъ его) смѣняется каждые три года [1]).

Сначала ссыльные стараются такъ или иначе предохранить себя отъ вынужденнаго бездѣлья, но рано или поздно всѣ эти попытки, обыкновенно, кончаются неудачей, и апатія вступаетъ въ свои права. Книги забрасываются, физическій трудъ утрачиваетъ свою превлекательность, перестаешь реагировать на многія нелѣпыя стороны ссыльной жизни. Мысль работаетъ въ одномъ

[1]) Интересно, что несмотря на это льготное условіе и очень высокое жалованье, большинство изъ нихъ все-таки кончаетъ запоемъ, самоубійствомъ и пр.

направленіи: какъ бы убить время, какъ бы дотянуть до конца! Особенно тяжело себя чувствуешь зимою. Тянется она безконечно, и буквально не знаешь, куда дѣвать эту безконечную уйму свободнаго времени. И вотъ начинается хожденіе въ гости изъ дому въ домъ и исключительно къ ссыльнымъ. Втеченіи вечера перебываешь у всѣхъ, переговоришь обо всемъ, и все-таки чувствуешь въ себѣ какую-то странную пустоту, словно кто-то высосалъ изъ тебя всѣ жизненныя силы и оставилъ лишь дряблую, никому ненужную оболочку. Много ненормальностей развивалось среди ссыльныхъ на почвѣ этого моральнаго недомоганья, много портилось недостаточно крѣпкихъ и цѣльныхъ натуръ.

Яновичъ, закаленный долголѣтнимъ пребываніемъ въ Шлиссельбургѣ, не поддавался и въ ссылкѣ. Упорному труду онъ посвящалъ все свое время; и часто, совершая обычный ежедневный обходъ товарищей, нѣкоторые изъ насъ нарочно не заходили къ Л. Ѳ., чтобы не помѣшать ему. Эта удивительная для ссыльнаго трудоспособность безусловно помогала ему бороться съ тѣмъ гнетущимъ чувствомъ тоски и сознанія своей ненужности, которымъ такъ сильно страдала и мучилась значительная часть ссыльныхъ. Но даже и въ томъ случаѣ, когда это чувство охватывало Л. Ѳ., это трудно было замѣтить: выдавало его лишь особое, не поддающееся описанію, выраженіе лица.

Одно изъ самыхъ дорогихъ качествъ, которое особенно цѣнится въ тюрьмѣ и ссылкѣ, — это чувство «товарищества». Много насъ было, и у каждаго изъ насъ это чувство было развито въ большей или меньшей степени. Иногда просто инстинктъ самосохраненія изощрялъ въ насъ эту черту. Яновичъ и въ этомъ отношеніи стоялъ выше средняго уровня ссыльныхъ.

Въ средствахъ Л. Ѳ., въ общемъ, не нуждался. Родные снабжали его платьемъ, книгами, деньгами. И все-таки хуже всѣхъ жилъ именно онъ. О томъ, куда уходили его средства, я узналъ лишь случайно отъ тѣхъ товарищей, которымъ Л. Ѳ. помогалъ. Какъ можно меньше для себя, какъ можно больше для другихъ—было его постояннымъ правиломъ. Впрочемъ, онъ вообще мало заботился о себѣ. Объ этомъ я могъ бы разсказать цѣлый рядъ иногда просто забавныхъ фактовъ; ограничусь первымъ, пришедшимъ въ голову.

Жили мы вмѣстѣ съ Яновичемъ въ библіотекѣ. Былъ зимній, долгій, утомительно долгій вечеръ. Л. Ѳ. лежалъ на кровати, я сидѣлъ рядомъ за столикомъ. Оба углубились въ чтеніе. Вдругъ у Яновича вырывается изумленное восклицанье.—Ну, думаю, нашелъ какой-нибудь пикантный фактъ или изобличилъ статистика въ лжи.

— Въ чемъ дѣло, Людвигъ Ѳомичъ?

— А понимаете, я уже второй день чувствую, что у меня одна нога теплая, а другая словно безъ обуви. И знаете, чѣмъ это объясняется?—Яновичъ улыбнулся своей милой улыбкой и загадочно замолчалъ.—Это объясняется очень просто, пояснилъ онъ,

подымая одну ногу: на этомъ катанкѣ нѣтъ совсѣмъ подошвы, и я совершенно не понимаю, какъ я до сихъ поръ этого не замѣтилъ!

Первое время Яновичъ хоть немного слѣдилъ за собою, поддерживалъ въ комнатѣ порядокъ, но потомъ это, очевидно, ему надоѣло. Остальные члены колоніи все-таки старались обставить свою жизнь покомфортабельнѣе. Эта потребность въ «комфортѣ» была вполнѣ понятна и въ значительной степени подсказывалась инстинктомъ самосохраненія: надо было тренировать себя, нельзя было опускаться. Яновичъ не считался съ этимъ очень важнымъ обстоятельствомъ, и можно съ увѣренностью сказать, что здоровье его отъ того образа жизни, который онъ велъ, далеко не выигрывало.

Я не могу, къ сожалѣнію, по причинамъ отъ меня независящимъ, остановиться на рядѣ фактовъ, въ которыхъ товарищескіе инстинкты Яновича проявились въ самой возвышенной формѣ. Приходилось намъ переживать въ Колымскѣ тяжелыя минуты, когда жизнь товарищей ставилась на карту. Въ такихъ случаяхъ Яновичъ всегда проявлялъ ту повышенную готовность жертвовать собою, которая характеризуетъ самыя благородныя революціонныя натуры.

Л. Ѳ. всегда относился съ уваженіемъ къ чужому мнѣнію, что не мѣшало ему быть самостоятельнымъ въ своихъ личныхъ взглядахъ. Онъ очень часто выступалъ защитникомъ товарищей, на которыхъ нападали за тотъ или иной проступокъ. Если былъ хоть какой-нибудь поводъ оправдать обвиняемаго или смягчить его вину, Яновичъ рѣшительно возставалъ противъ огульнаго и категорическаго обвиненія. Въ ссылкѣ люди вообще очень склонны контролировать другъ друга. Этотъ контроль въ значительной степени объясняется искусственной скученностью поднадзорныхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Поведеніе товарищей слишкомъ на виду у всѣхъ, чтобы можно было воздержаться отъ его оцѣнки. Съ другой стороны у колоніи создаются свои корпоративные интересы, соблюденіе которыхъ только и можетъ обезпечить всѣмъ сравнительно сносное существованіе. Конечно, отсюда вовсе не слѣдуетъ, что при оцѣнкѣ поступковъ того или иного товарища, колонія всегда бывала достаточно объективна. Оторванные отъ родины, лишенные возможности утилизировать свою энергію на полѣ широкой общественной дѣятельности, ссыльные поневолѣ отдаютъ слишкомъ много силъ и времени мелочамъ колоніальной жизни, придаютъ послѣднимъ слишкомъ много значенія. Иногда разногласія, возникающія по самымъ незначительнымъ поводамъ и въ нормальной жизни совершенно невозможныя, разростаются въ серьезные конфликты, которые приводятъ къ раздѣленію колоніи на лагери, «неговореніямъ» и пр. Соблюсти нейтралитетъ въ такихъ случаяхъ чрезвычайно трудно, и взаимный контроль изъ средства самосохраненія превращается въ одинъ изъ сильнѣйшихъ факторовъ разложенія колоніи. Поведеніе Яновича въ

такихъ случаяхъ поражало не только меня одного. Онъ всегда старался прежде всего сохранить полнѣйшую безпристрастность по отношенію къ провинившемуся товарищу, и если вина оказывалась, по его мнѣнію, преувеличенной, онъ рѣшительно отказывался слѣдовать за общимъ настроеніемъ. Бывали случаи, когда при этомъ онъ самъ впадалъ въ ошибки, но я не помню ни одного случая, когда рано или поздно онъ самъ не признавался въ этомъ.

Не только въ Колымскѣ, но и въ другихъ колоніяхъ къ Яновичу относились всегда съ глубокимъ уваженіемъ. И это чувство вызывалось не только тѣмъ. что Яновичъ былъ мученикомъ революціи; въ гораздо большей степени оно просто отвѣчало тѣмъ высокимъ душевнымъ его качествамъ, о которыхъ я только что упомянулъ.

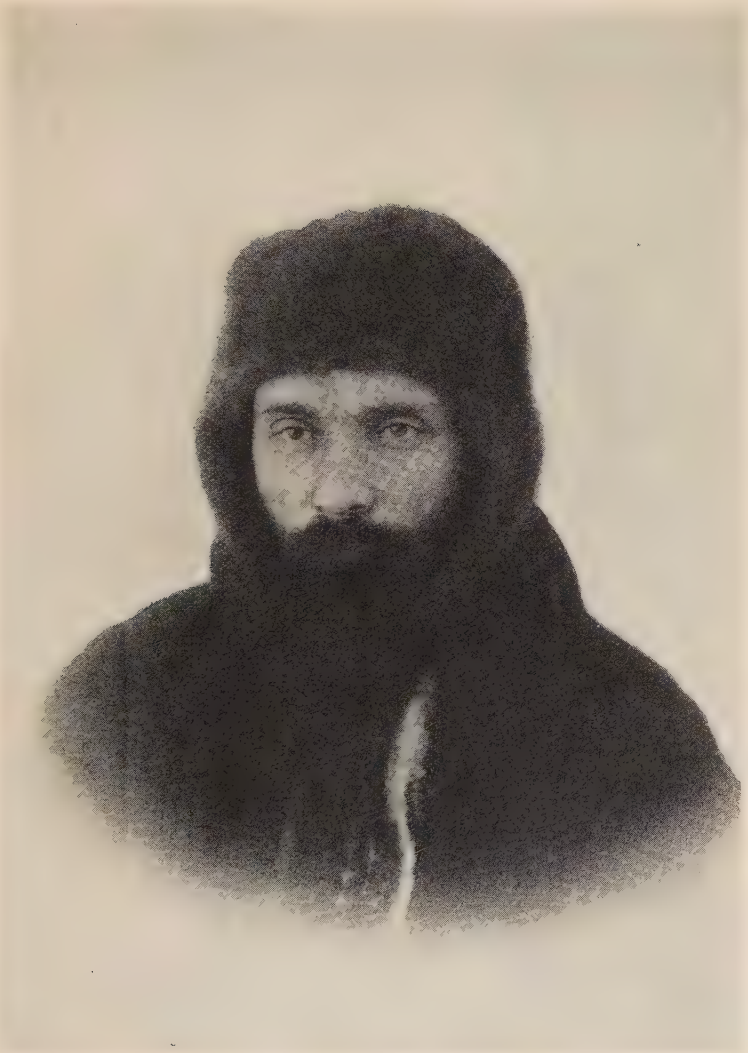
Колымчанъ постоянно безпокоило, что Яновичу придется слишкомъ долго пробыть въ Колымскѣ. Здоровье его таяло съ каждымъ днемъ, силы убывали. Собственно говоря, у Яновича было много серьезныхъ поводовъ для переѣзда въ Якутскъ; но въ Колымскѣ вообще «просить» о переводѣ было не принято, да Л. Ѳ. никогда не согласился бы на смягченіе своей участи, если бы такой традиціи въ Колымскѣ и не существовало. Уѣхалъ Яновичъ изъ Колымска совершенно случайно. Его вызвали свидѣтелемъ по дѣлу товарища Ал. Ергина, котораго судили (въ 1902 г.) въ Якутскѣ за то, что онъ застрѣлилъ колымскаго засѣдателя Иванова. Дѣло это въ свое время надѣлало въ ссылкѣ много шуму. Ергинъ отомстилъ за товарища Калашникова, жестоко избитаго казаками и поселенцами по приказанію засѣдателя Иванова и при его дѣятельномъ участіи. Калашниковъ застрѣлился.

На судѣ Яновичъ выступилъ съ рѣчью, въ которой пытался нарисовать тяжелыя условія колымской ссылки и выяснить обстоятельства, при которыхъ произошла эта драма. Но говорить онъ не могъ, такъ какъ рыданья сдавили его горло. По словамъ одного изъ близкихъ Яновичу людей «слезы этого сильнаго волей, закаленнаго несчастьями человѣка, всегда такъ владѣвшаго собой, потрясли и глубоко взволновали всѣхъ присутствовавшихъ въ залѣ. Эти святыя слезы сдѣлали для подсудимаго больше, чѣмъ всѣ рѣчи и показанія другихъ свидѣтелей».

Здоровье Л Ѳ. продолжало ухудшаться. Ему нуженъ былъ отдыхъ, спокойная ровная жизнь, словомъ—все, чего нельзя было найти какъ разъ въ «мѣстахъ, для жительства неудобныхъ». А между тѣмъ власти начали настаивать на томъ, чтобы Яновичъ отправился обратно въ Колымскъ. Послѣ долгихъ настояній со стороны друзей Яновичъ отправился къ врачебному инспектору г-ну Вангродскому для освидѣтельствованія. Послѣ осмотра «врачъ» заявилъ, что Яновичъ можетъ ѣхать. Этотъ же «врачъ» потомъ сообщилъ своимъ знакомымъ чиновникамъ, что «Яновичъ долго не протянетъ».

Къ этому времени наладился побѣгъ. Яновичъ сначала согла-

сился бѣжать, но потомъ, очевидно, передумалъ. Онъ плохо вѣрилъ въ свои силы и не хотѣлъ связывать своего спутника. Рядъ внутреннихъ осложненій, захватившихъ какъ разъ въ это время Якутскую колонію и глубоко потрясшихъ Яновича, переполнилъ чашу. Яновичъ застрѣлился возлѣ ограды Никольскаго кладбища.



Людвигъ Ѳомичъ
ЯНОВИЧЪ.

Смерть Л. Ѳ. Яновича.

Предстоялъ судъ надъ А. А. Ергинымъ, обвинявшимся въ убійствѣ засѣдателя Иванова. Яновичъ вызывался въ качествѣ свидѣтеля. По послѣднему зимнему пути, въ серединѣ апрѣля, прибылъ онъ изъ Средне-Колымска въ Якутскъ. Весело играло весеннее солнце надъ обреченной смерти снѣговой пустыней, веселъ и жизнерадостенъ былъ и Яновичъ, вырвавшійся наконецъ въ сравнительно большой городъ изъ колымскихъ болотъ. Новыя знакомства, встрѣчи, бодрящія новости изъ Россіи. Помню, шли мы съ нимъ отъ Ергиной, говорили о послѣднихъ новостяхъ.

— Неужели Сипягинъ не послѣдуетъ за Боголѣповымъ?—высказалъ мысль Яновичъ. Не прошли и двухъ кварталовъ, какъ навстрѣчу попадается, кажется, Пекарскій.

— Слышали?—сообщаетъ онъ:—только что получена агентская телеграмма о покушеніи на Сипягина...

Яновичъ разсказывалъ о своихъ литературныхъ работахъ, дѣлился литературными планами. Но не въ этихъ планахъ былъ центръ его интересовъ. Его неудержимо тянулъ къ себѣ просторъ широкой политической борьбы. Достаточно было немного узнать этого, на видъ такого скромнаго, шлиссельбургскаго мученика, достаточно было вспомнить его прошлое, чтобы понять, что онъ съумѣетъ безъ колебаній идти прямо къ цѣли. Мысль о побѣгѣ самъ собою являлось у всѣхъ товарищей.

Въ это же время прибылъ въ Якутскъ Николай Николаевичъ Кудринъ, когда то служившій на уральскихъ золотыхъ пріискахъ. Тайга и степь—его родная стихія; предпріимчивость степного волка; монета гнулась между его пальцами, точно кружокъ жести. Кудринъ бѣжалъ изъ Балаганска самъ, затѣмъ вывезъ изъ Олекминска Марію Моисеевну Розенбергъ, а теперь прискакалъ за 2700 верстъ изъ Иркутска, чтобы устроить побѣгъ Ергина.

Ергинъ отказался, и самъ собою устраивался побѣгъ Яновича.

Кудринъ заручился оффиціальнымъ правомъ производить развѣдки золота въ Якутской области. За Леной, въ селѣ Павловскомъ, онъ началъ дѣлать приготовленія къ устройству экспедиціи: заготовлялъ инструменты, палатки, съѣстные припасы, приторговывалъ

вьючныхъ лошадей. Предполагалось, что Яновичъ отправится въ экспедицію подъ видомъ рабочаго-пріискателя. Ждали только окончанія суда надъ Ергинымъ и вскрытія Лены.

Насталъ день суда. Въ свидѣтельской комнатѣ ждали очереди Л. В. Ергина, Яновичъ, Станиславъ Палинскій (изъ Колымска), Александровъ и Браудо изъ Олекминска, и нѣсколько полицейскихъ. Сперва вызывали свидѣтелей обвиненія,—исправника и казаковъ. Ожиданіе волновало, утомляло, но Яновичъ ничѣмъ не обнаруживалъ своего возбужденія. Наконецъ, его вызвали. Не прошло, кажется, минуты, какъ въ коридорѣ началась суматоха, и затѣмъ въ свидѣтельскую, почти неся на рукахъ, ввели рыдающаго Яновича. Оказалось, что по входѣ въ залъ засѣданія съ нимъ случился истерическій припадокъ. Помнится, онъ объяснялъ, что картина суда слишкомъ ярко напомнила ему другой судъ,—знаменитый процессъ Пролетаріата въ Варшавѣ, принесшій смертную казнь для четырехъ товарищей Яновича и Шлиссельбургъ для него самого.

Припадокъ въ сильнѣйшей мѣрѣ отразился на дальнѣйшемъ настроеніи Яновича. Защищавшій Ергина прис. повѣр. П. Н. Переверзевъ разсказывалъ, что Яновичъ послѣ суда говорилъ рыдая у него на квартирѣ:

— Я теперь никуда не годенъ: тряпка какая то!

Онъ сталъ мраченъ, задумчивъ. Кажется, всѣ замѣтили перемѣну.

Пріѣхалъ въ Якутскъ Михалевичъ, бывшій политическій ссыльный. Онъ исколесилъ всю область и могъ считаться авторитетомъ. Планъ пройти тайгой до Олекминско-Витимской золотопромышленной системы или даже прямо въ Забайкалье Михалевичъ нашелъ совершенно неосуществимымъ по географическимъ и топографическимъ условіямъ. Не помню, былъ ли ознакомленъ Михалевичъ, о чьемъ побѣгѣ шла рѣчь. Во всякомъ случаѣ отзывъ такого бывалаго человѣка не могъ не повліять на вѣру въ успѣхъ предпріятія.

Наконецъ, въ самомъ Якутскѣ разразилась одна изъ тѣхъ ужасныхъ ссылочныхъ исторій, которыми такъ богато прошлое нашей политической ссылки. Эта исторія тоже не могла не отразиться на нервахъ всѣхъ товарищей.

Какъ видитъ читатель, получился рядъ обстоятельствъ угнетавшихъ Яновича. Въ виду припадка, бывшаго на судѣ, и замѣченной съ тѣхъ поръ перемѣны въ настроеніи Яновича, стали высказываться опасенія, но, къ сожалѣнію, безъ серьезной вѣры въ ихъ основательность... Между тѣмъ развязка приближалась. Со дня на день ждали пріѣзда Кудрина изъ-за Лены.

Наканунѣ смерти Яновичъ зашелъ ко мнѣ. У насъ были какіе то копеечные счеты,—меня удивило, что онъ побезпокоился достать портмоне и расплатиться. Онъ любовался только что купленнымъ браунингомъ, объяснялъ его устройство,—объ этой покупкѣ, въ виду побѣга, давно состоялось рѣшеніе.

Утромъ въ день смерти Яновичъ обошелъ ближайшихъ друзей,—

Ергину, г-жу Абрамовичъ и другихъ, но ничѣмъ не выдалъ себя. По его уходѣ Ергина нашла у себя, кажется на окнѣ, портмоне Яновича съ деньгами, но объяснила дѣло простой разсѣянностью. Въ три часа дня Яновичъ долженъ былъ зайти къ г-жѣ Абрамовичъ, въ пять часовъ—придти на одно собраніе. Пунктуальность Яновича была извѣстна. Его отсутствіе стало возбуждать большое безпокойство. Начались разспросы. Оказалось, что наканунѣ Яновичъ далъ Теслеру запечатанный конвертъ со словами:

— У васъ его спросятъ,—тогда отдадите.

Мы не рѣшились вскрыть конверта и продолжали поиски. Вдругъ мною овладѣла какая то страшная увѣренность. Я бросился къ Теслеру. Въ его квартирѣ было собраніе почти всей колоніи.

— Давайте пакетъ Яновича. Я беру вскрытіе его на свою отвѣтственность.

Первое, что бросилось въ глаза, было слова: «Копія. Въ Якутскую Городскую Полицію»... Не помню, какъ дочиталъ записку до конца, не помню впечатлѣнія на товарищей. Сейчасъ же организовались розыски: товарищи бросились въ окрестности города по всѣмъ направленіямъ. Осматривали каждый кустъ, всякую ложбину. Отъ охотниковъ узнали, что еще днемъ полиція нашла возлѣ кладбища трупъ неизвѣстнаго. Въ тотъ же вечеръ трупъ былъ перевезенъ въ домъ, гдѣ вмѣстѣ съ Яновичемъ жили Палинскій, Пріютовъ, Виленкинъ и Теслеръ...

На одномъ изъ кладбищъ города Якутска имѣется длинный рядъ крестовъ съ именами покойниковъ. Кресты ничѣмъ не выдѣляются. Только вмѣсто слова «скончался» вы неизмѣнно читаете сообщеніе о преждевременной смерти: застрѣлился, убитъ, утонулъ. Это—все могилы политическихъ ссыльныхъ, жертвъ безотраднаго прозябанія въ нечеловѣческихъ условіяхъ жизни и отчасти—жертвъ перваго Якутскаго протеста (1889 года). Въ другомъ мѣстѣ, на еврейскомъ кладбищѣ, также цѣлая колонія бывшихъ ссыльныхъ. Что касается перваго кладбища, то нужно прибавить, что со времени смерти Яновича рядъ крестовъ непрерывно удлинялся,—скоро пришлось начать второй рядъ [1]).

Яновичъ застрѣлился изъ браунинга за оградой кладбища, какъ разъ по первой линіи крестовъ, съ городской стороны. Тамъ есть небольшая лощина, въ которой еще на другой день можно было видѣть много крови, спекшейся подъ лучами майскаго солнца. Высказывалось предположеніе, что Яновичъ, какъ католикъ и какъ самоубійца, не надѣялся быть похороненнымъ внутри кладбища, что мѣсто самоубійства было выбрано имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ мѣсто могилы, —хотя и отдѣльно отъ товарищей, но на одной линіи съ ними, въ общемъ ряду.

---

[1]) Было бы желательно получить изъ Якутска самое подробное описаніе обоихъ кладбищъ съ полнымъ изложеніемъ надписей, фотографическіе снимки и описаніе нынѣшняго состоянія памятниковъ. Дѣло въ томъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ чьи то невидимыя руки систематически ломали кресты, разбивали плиты, стирали надписи, дѣлали взамѣнъ другія надписи, съ цѣлью оскорбить память покойниковъ.

Нечего говорить о томъ, какое потрясающее впечатлѣніе на всю колонію произвела смерть наиболѣе уважаемаго товарища. Стоитъ только отмѣтить неутѣшное горе Теслера, который не могъ простить себѣ, что не вскрылъ пакета тотчасъ по его полученіи.

Въ пакетѣ оказалось три письма. Первое—копія официальнаго письма въ полицію, второе—къ товарищамъ, третье—къ Ергинымъ. Послѣднее—самое длинное и наиболѣе цѣнное для характеристики Яновича вообще и его предсмертнаго настроенія въ частности; говорить о содержаніи этого письма я не считаю себя въ правѣ.

Въ заключеніе можетъ быть читателю не безынтересно будетъ узнать, чѣмъ окончились похожденія Кудрина. Приготовленіями къ побѣгу воспользовался Палинскій. Вмѣстѣ съ Кудринымъ онъ въ концѣ мая углубился въ тайгу. Хотя первоначальный планъ не былъ въ точности приведенъ въ исполненіе, однако оба «пріискателя» благополучно выбрались къ жилымъ мѣстамъ, и затѣмъ прослѣдовали заграницу. Впослѣдствіи Кудринъ былъ арестованъ въ Россіи и сосланъ какъ разъ въ Якутскую область. За участіе въ романовскомъ протестѣ онъ получилъ двѣнадцать лѣтъ каторги. Затѣмъ имя его мелькнуло въ газетахъ въ связи съ извѣстіями о забайкальскихъ событіяхъ въ декабрѣ 1905 г. Живъ ли онъ теперь и гдѣ находится,—не знаю.

М. Ольминскій.

Изъ лѣтописей Шлиссельбургской крѣпости.

(1835 г.).

Въ началѣ января 1836 года императору Николаю Первому былъ доложенъ слѣдующій рапортъ:

«О содержащихся во ввѣренной мнѣ Шлиссельбургской крѣпости секретныхъ арестантахъ имянной списокъ прошлаго 1835 года за декабрь мѣсяцъ, всеподданнѣйше при семъ Вашему Императорскому Величеству представляю 2 января 1836 года Комендантъ Шлиссельбургской крѣпости генералъ-маіоръ Колотинскій I».

При рапортѣ былъ представленъ слѣдующій, написанный собственноручно самимъ комендантомъ, списокъ:

СПИСОКЪ

содержащимся по Высочайшей волѣ въ Шлиссельбургской крѣпости секретнымъ арестантамъ.

Генваря 2-го дня 1836 года.

Съ котораго времени содержатся. Годъ.	Мѣсяцъ и число.		
1820	Марта 3	По Высочайшему повелѣнію отъ Комитета учрежденнаго Указомъ 13-го генваря 1807 года.	Называющійся ротмистромъ польской службы Игнатій Мощинскій.
1827	Декабря 24	По Высочайшему повелѣнію при предписаніи бывшаго начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества Господина Генералъ-адъютанта графа Дибича Забалканскаго изобличенный въ соучастіи въ злоумышленномъ обществѣ.	Кремлевской экспедиціи канцелярист Данила Тюринъ.

Съ котораго времени содержатся.			
Годъ.	Мѣсяцъ и число.		
1829	Августа 19	По Высочайшему повелѣнію при предписаніи Санктпетербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора Господина Генералъ-отъ-инфантеріи Кутузова отъ 18-го августа за № 127.	Еврей Гаррисъ Стейнгардъ.
1830	Декабря 24	По Высочайшему повелѣнію при предписаніи бывшаго управляющимъ Главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества Господина Генералъ-адъютанта графа Чернышева отъ 31 декабря за № 761 Государственный преступникъ.	Царства Польскаго Лукасинскій.
1831	Генваря 20	По Высочайшему повелѣнію вслѣдствіе предписанія бывшаго управляющимъ Главнымъ Штабомъ Его Императорскаго Величества Господина Генералъ-Адъютанта Графа Чернышева отъ 9 генваря за № 20 Государственный преступникъ.	Виленскій уроженецъ Жубоа.
1833	Октября 1	По Высочайшему повелѣнію при предписаніи господина Военнаго Министра Генералъ-Адъютанта графа Чернышева отъ 23-го сентября за № 104 впредь до повеленія.	
1833	Октября 23	На основаніи Высочайшаго повелѣнія объявленнаго предписаніемъ Господина Генералъ-Адъютанта графа Бенкендорфа отъ 4-го октября за № 4519-ый доставленъ отъ Владимирскаго гражданскаго губернатора.	Отставной поручикъ Михайловъ.
1834	Августа 4	По Высочайшему повелѣнію при предписаніи Господина Военнаго Министра Генералъ-Адъютанта Графа Чернышева отъ 3-го августа за № 203.	Разжалованный въ рядовые Романъ Медоксъ.

Съ котораго времени содержатся.			
Годъ.	Мѣсяцъ и число.		
1835	Апрѣля 12	По Высочайшему повелѣнію при предписаніи Московскаго Генералъ-Губернатора Генералъ отъ-кавалеріи Князя Голицина отъ 3 апрѣля за № 265 доставлены изъ Москвы.	Коллежскій регистраторъ Уткинъ, титулярный совѣтникъ Соколовскій, отставной подпоручикъ Ибаевъ.
1835	Августа 4	По Высочайшему повелѣнію при отношеніи Московскаго оберъ-полицеймейстера Господина Генералъ-Маіора Цынскаго отъ 31 іюля за № 426 на 6 мѣсяцевъ.	Чиновникъ 9 класса Александръ Токаревъ.
1839	Генваря 1	По Высочайшему повелѣнію при отношеніи исправляющаго должность кіевскаго губернатора Господина Вице-губернатора Пенкина отъ 18 декабря 1835 года за № 1814 на 4 мѣсяца.	Подольской губерніи помѣщичій сынъ Ярошинскій.

Генералъ-маіоръ **Колотинскій I.**

Любопытно, что въ графѣ, оставленной для внесенія фамиліи заключеннаго 1 октября 1833 года, оказалось пустое мѣсто.

Николай Павловичъ, просматривая списокъ, подчеркнулъ фамиліи Мощинскаго, Стейнгарда и Михайлова, а въ пустомъ мѣстѣ, оставленномъ для фамиліи, написалъ: «кто? не показано». Трудно, конечно, догадаться, по какимъ соображеніямъ Николай остановился именно на этихъ четырехъ лицахъ, но онъ приказалъ «пересмотрѣть дѣла всѣхъ подчеркнутыхъ, дабы видѣть, не пора ли облегчить участь или вовсе простить».

III Отдѣленіе въ отвѣтъ на резолюцію государя собрало свѣдѣнія и представило слѣдующій докладъ:

«1. Мощинскій, бывшій ротмистръ польской службы, по случаю найденныхъ въ Петропавловской крѣпости пасквилей на императора Александра Павловича, писанныхъ имъ, Мощинскимъ, въ 1820 г. по Высочайшему повелѣнію, какъ человѣкъ безнравственный, буйный и безнадежный къ исправленію, навсегда отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

По имѣющимся отъ Шлиссельбургскаго коменданта свѣдѣніямъ,

сей Мощинскій дѣйствительно и понынѣ не только не и но нисколько даже и не укротился.

2. Еврей Гаррисъ Стейнгардъ, подозрѣваемый въ промыслѣ фальшивыми ассигнаціями, учинилъ въ 1829 году, во время нахожденія его въ здѣшнемъ военно-сухопутномъ госпиталѣ, буйный поступокъ, и какъ до того еще онъ признался въ покражѣ на Псковской ярмаркѣ полотна и мѣховъ, и сверхъ того доказано, что онъ уѣзжалъ за границу безъ паспорта, то Министръ Финансовъ представлялъ объ отправленіи его на жительство въ отдаленный Сибирскій городъ, но на сіе послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: «лучше оставить его въ Шлиссельбургѣ, гдѣ легче будетъ, въ случаѣ своего открытія, изслѣдовать то, что понынѣ нельзя было узнать».

3. Арестантъ, коего имя по ошибкѣ не означено, есть шляхтичъ Виленской губерніи Монстовичъ.

4. Отставной подпоручикъ Михайловъ впалъ отъ чтенія книгъ священнаго писанія въ нѣкоторое заблужденіе, былъ по Высочайшему повелѣнію заключенъ въ 1827 году въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь, для наставленія его и увѣщанія къ раскаянію въ заблужденіи. Въ 1829 г. Михайловъ бѣжалъ изъ монастыря; черезъ годъ послѣ того отысканъ былъ на Дону и опять возвращенъ въ монастырь. Въ 1833 году по донесенію архимандрита Парѳенія о дурномъ поведеніи Михайлова и вредномъ его вліяніи на прочихъ арестантовъ, «послѣдовало Высочайшее повелѣніе перевесть его въ Шлиссельбургскую крѣпость».

«Милосердіе» Николая Павловича простерлось только на «еврея» Гарриса Стейнгарда. На докладѣ, противъ его фамиліи, царь написалъ: «Сослать въ Сибирь». Остальные же ни смягченія участи, ни прощенія не получили и остались въ Шлиссельбургскомъ заключеніи. Противъ же фамиліи Монстовича, вина котораго не была указана III Отдѣленіемъ, царь приписалъ: «за что?»

П. Щ.

Страничка

изъ исторіи рабочаго движенія.

(Памяти Н. В. Шелгунова).

Вторая половина восьмидесятыхъ годовъ по справедливости считается самымъ глухимъ временемъ въ исторіи нашего общественно-политическаго движенія. Но въ 1889, 1890, а въ особенности въ 1891-мъ годахъ можно было замѣтить уже и нѣчто свѣжее, хотя еще и слабое, но уже начинавшее брать верхъ надъ пассивнымъ настроеніемъ. Хорошо помню, какъ въ 1888, особенно же въ 1889 годахъ, рѣшительно велась въ средѣ студенческой молодежи энергичная борьба противъ толстовщины. На собесѣдованіяхъ съ толстовцами, изъ которыхъ особенно часто выступалъ П. Бирюковъ, студенты одерживали блестящія словесныя побѣды. Тѣмъ не менѣе гектографированныя «Исповѣдь», «Въ чемъ моя вѣра», «О деньгахъ» распространялись и читались все еще весьма охотно. Въ многочисленныхъ тогда кружкахъ самообразованія на ряду съ политической экономіей, Марксомъ, Михайловскимъ и Лавровымъ все еще большое вниманіе отводилось и вопросамъ нравственности, напр. «Задачамъ этики» Кавелина. Рядомъ съ революціонными кружками, съ кружками самообразованія дѣйствовали и кружки, подготовлявшіеся къ работѣ въ области «малыхъ дѣлъ». Вся эта борьба пассивности съ активностью превосходно уловлена и съ замѣчательной глубиной разработана у Шелгунова въ его «Очеркахъ русской жизни», которые читались тогда едва ли не больше, чѣмъ что-либо другое. Борьба эта велась однако больше «внутри», не выходя на поверхность, но велась напряженно до болѣзненности.

Шелгуновъ писалъ, между прочимъ: «теперь напряженъ каждый; каждый пытается найти какой-нибудь точный, руководящій выходъ для своей мысли». «Теперешній нашъ умственный моментъ—великій историческій моментъ. Въ немъ какъ бы повторяются сороковые годы, когда въ окружающемъ затишьи работало наболѣвшее чувство и зрѣла широкая общественная мысль» [1]).

---

[1]) „Очерки русск. жизни“, стр. 697 изд. 1895 г.

Переходный періодъ конца восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, такъ вѣрно понятый Шелгуновымъ, выражался въ двухъ вопросахъ: что *читать* и что *дѣлать*? Шелгуновъ отвѣчалъ на эти волнующіе вопросы въ полномъ соотвѣтствіи со старыми традиціями общественности шестидесятниковъ и семидесятниковъ и съ замѣчательной чуткостью отмѣчалъ возрождавшіяся и начинавшія преобладать среди молодежи теченія широкой общественной и политической борьбы.

Вопросы о томъ, что читать и что дѣлать, ставились въ то время не только относительно интеллигенціи, но и относительно народа.

Просвѣтительная работа въ народѣ и вообще стремленіе къ народу были въ то время уже довольно сильны: начиналась усиленная работа въ вечернихъ классахъ, въ народныхъ школахъ и т. д. Но, какъ и все общественное, эти стремленія и эта работа находились тогда въ періодѣ смутныхъ исканій и въ области все тѣхъ же вопросовъ, что читать и что дѣлать. Между прочимъ Шелгуновъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ «очерковъ» съ особенной страстностью напалъ на стремленія интеллигенціи опекать народъ. Разбирая извѣстный коллективный трудъ харьковскихъ воскресныхъ учительницъ «Что читать народу», Шелгуновъ отвѣчалъ рѣшительно и опредѣленно, что читать народъ долженъ все. Но онъ ставилъ другой вопросъ, какъ писать для народа, «удовлетворяя его нравственной правдѣ и относясь къ нему съ тѣмъ уваженіемъ, какого требуемъ для себя мы, интеллигенты и народные проповѣдники». Этотъ вопросъ Шелгуновъ переводилъ на болѣе широкую постановку о томъ, какъ «создать живую и нравственную связь съ народомъ, какъ установить непосредственныя отношенія съ нимъ» [1]). Отсюда вытекалъ и отвѣтъ на вопросъ что дѣлать. Конкретно рѣшался этотъ вопросъ въ различныхъ формахъ: все еще частью въ видѣ толстовскихъ колоній и культурныхъ скитовъ, частью въ формѣ чисто культурной просвѣтительной дѣятельности. Наконецъ часть интеллигенціи конкретно рѣшала его въ смыслѣ пропаганды въ рабочей средѣ соціализма и организаціи рабочихъ массъ для борьбы за улучшеніе ея положенія и для завоеванія политической свободы. Вотъ объ этой то послѣдней формѣ дѣятельности интеллигенціи въ народѣ въ самый глухой, хотя и переходный періодъ нашего общественно-политическаго движенія (1889, 90 и 91 г.г.) я и позволяю себѣ подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями, рѣшаясь посвятить ихъ памяти покойнаго Н. В. Шелгунова.

12 апрѣля текущаго (1906) года исполнилось 15 лѣтъ со дня смерти покойнаго писателя. Съ этимъ днемъ, между прочимъ, связанъ какъ бы конецъ глухой, совершенно незамѣтной снаружи работы среди рабочей массы, и едва ли не первое, хотя и робкое, но открытое проявленіе того могучаго движенія россійскаго пролетаріата, которое имѣло столь громадное значеніе въ побѣдѣ народа надъ старымъ режимомъ въ прошломъ 1905 году. Мнѣ при-

---

[1]) „Очерки р. ж.“ стр. 1036.

помнилось участіе на похоронахъ Н. В. Шелгунова петербургскихъ рабочихъ, возложившихъ на его могилу вѣнокъ съ красными лентами и надписью: «Указателю пути къ свободѣ и братству отъ петербургскихъ рабочихъ».

Со времени этого выступленія въ средѣ петербургскихъ рабочихъ началась несравненно болѣе интенсивная работа, чѣмъ то было раньше, а съ 1895 года рабочее соціалистическое движеніе начинаетъ пріобрѣтать уже весьма широкіе размѣры и окрашиваетъ собой, можно сказать, все тогдашнее революціонное движеніе. Періодъ же конца восьмидесятыхъ годовъ, 1890-й и 1891-й годъ, о которомъ мнѣ хотѣлось бы припомнить, является, такъ сказать, слабымъ началомъ подготовительнаго періода рабочаго движенія. Къ тому же о немъ меньше всего извѣстно и по литературѣ, и по воспоминаніямъ, а между тѣмъ и въ немъ имѣется нѣсколько небезъинтересныхъ и характерныхъ черточекъ, небезполезныхъ для будущаго историка. Въ этотъ періодъ и въ рабочемъ движеніи было то, на что по отношенію къ молодежи указывалъ, между прочимъ, покойный Шелгуновъ, на послѣднихъ страницахъ своихъ «Очерковъ русской жизни», какъ на дѣйствительно отрадное явленіе. На этихъ страницахъ Шелгуновъ пѣлъ отходную «восьмидесятникамъ» и привѣтствовалъ «девятидесятниковъ» съ ихъ стремленіемъ къ широкому и серьезному научному изученію общественныхъ вопросовъ и къ широкой общественной дѣятельности. То же движеніе намѣчалось и среди рабочей массы.

I.

Лично мнѣ пришлось впервые услышать о революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ въ 1887 году отъ одного изъ пропагандистовъ, студента горнаго института Егора Николаевича Лаврова, сосланнаго въ 1888 году административно на 5 лѣтъ въ Киренскій округъ Иркутской губерніи. Изъ того кружка, въ которомъ участвовалъ и Лавровъ, было арестовано еще нѣсколько человѣкъ, между прочимъ, студентъ-технологъ Герасимовъ, тоже сосланный въ Сибирь; затѣмъ технологъ Петровскій, покончившій самоубійствомъ въ домѣ предварительнаго заключенія. Надо замѣтить, что преемственность по пропагандѣ среди рабочихъ сохранялась главнымъ образомъ среди студентовъ Технологическаго и Горнаго институтовъ. Остальныя учебныя заведенія имѣли сравнительно мало отношеній къ рабочимъ. Какъ велась пропаганда этимъ кружкомъ, въ какомъ направленіи—точно я незнаю. Знаю только одно, что воззрѣнія этого кружка были близки къ соціалъ-демократическому направленію. У Е. Н. Лаврова я видѣлъ множество записокъ—популярныхъ бесѣдъ по политической экономіи и рабочему вопросу, составленныхъ преимущественно по I-му тому «Капитала», списки книгъ и журнальныхъ статей, предназначавшихся для чтенія самимъ рабочимъ, и пр.

Отъ пропагандиста непремѣнно требовалось знакомство съ Марксомъ, знаніе рабочаго вопроса и исторіи европейскихъ революцій. Требовалось немало и чисто личныхъ качествъ. Надо было быть «подходящимъ человѣкомъ» какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. «Подходящимъ» считался человѣкъ простой, умѣвшій отнестись къ рабочимъ душевно, внимательно, такъ какъ во главу пропаганды ставилось сближеніе съ рабочими, а не агитація. Надо было и съ внѣшней стороны хоть немного походить на рабочаго, что представлялось важнымъ и съ точки зрѣнія знакомства съ нераспропагандированными рабочими, и съ точки зрѣнія чисто полицейскихъ условій. Наконецъ, какъ это ни странно съ точки зрѣнія современности, но тогда приходилось считаться и съ вопросомъ національнымъ, и принимать во вниманіе націоналистическіе предразсудки мало развитыхъ рабочихъ.

Въ 1888 году, несмотря на арестъ упомянутыхъ лицъ, пропаганда среди рабочихъ не прерывалась. Кружокъ интеллигенціи изъ технологовъ и горняковъ продолжалъ дѣйствовать, при чемъ видную роль игралъ тогда бывшій студентъ-медикъ Р. и его супруга; но были и немногіе, впрочемъ, одиночки пропагандисты, имѣвшіе случайныя «связи» съ рабочими или остатки связей отъ прежнихъ кружковъ.

Мнѣ пришлось познакомиться съ рабочими черезъ одного изъ такихъ одиночекъ въ началѣ 1889 года, при чемъ однимъ изъ первыхъ знакомыхъ рабочихъ былъ рабочій Балтійскаго завода старикъ Крутовъ, около котораго группировалось нѣсколько молодыхъ рабочихъ съ того же Балтійскаго завода. Старика Крутова стоитъ вспомнить. Онъ умѣлъ привлекать молодежь своей веселостью, балагурствомъ и былъ преданъ «рабочему дѣлу» всей душой.

Первыя впечатлѣнія знакомства съ рабочими были таковы, что чувствовалось, какъ будто я взялъ на себя съ одной стороны необычайно тяжелую отвѣтственность, съ другой—увлекательное дѣло. Приходилось подготовляться къ занятіямъ съ ними не по какой либо выработанной программѣ, а самостоятельно придумывая ее. Вопросъ о программѣ занятій съ рабочими составлялъ большую трудность не только для одиночки-новичка въ дѣлѣ пропаганды среди рабочихъ, а и для организованнаго кружка, спеціально работавшаго надъ этимъ дѣломъ. И вотъ я бросался отъ статьи о Робертѣ Овенѣ Добролюбова къ Дикштейну «Кто чѣмъ живетъ», а то и къ какой либо книжкѣ по естествознанію. Потребности рабочихъ были неясны: имъ какъ будто и ничего не нужно было, и какъ будто все, начиная съ объясненія явленій природы и кончая соціализмомъ. Часто послѣ чтенія или безъ чтенія мы просто бесѣдовали на разныя житейскія и политическія темы.

Такъ я работалъ мѣсяца два въ этомъ рабочемъ кружкѣ, какъ одиночка, не входя еще въ кружокъ интеллигенціи, а только зная о его существованіи изъ намековъ того же старика Крутова. Вскорѣ, однако, пришлось познакомиться и съ интеллигентскимъ кружкомъ. На этотъ счетъ была большая конспирація. Сначала познакомиться пришлось только съ однимъ изъ членовъ кружка, и только впо-

слѣдствіи со всѣмъ кружкомъ. Такой порядокъ пріема въ члены интеллигентскаго кружка и вообще практиковался въ тѣ времена.

Припоминаю изъ времени первой же половины 1889 года слѣдующій небезъинтересный эпизодъ, ярко характеризующій младенческій періодъ тогдашняго движенія среди рабочихъ.

Весной 1889 года стало извѣстно, что въ Парижѣ на международной выставкѣ соберется цѣлый рядъ конгрессовъ и въ частности международный соціалистическій конгрессъ. Я зналъ, что въ Парижъ на этотъ конгрессъ ѣдетъ одна старая русская соціалистка, писательница Е. Гр. Б—ва. Въ разговорѣ съ нею по поводу этого конгресса явилась у насъ мысль послать конгрессу привѣтствіе и отъ русскихъ рабочихъ. Я сообщилъ объ этомъ своимъ знакомымъ рабочимъ, которые встрѣтили эту мысль съ большимъ сочувствіемъ. Но послать привѣтствіе нужно было съ какими нибудь доказательствами, что оно идетъ дѣйствительно отъ рабочихъ, а не отъ интеллигенціи. Представителей русской соціалистической интеллигенціи можно было найти много. Намъ казалось чрезвычайно важнымъ, чтобы на этомъ конгрессѣ было представительство доподлинныхъ рабочихъ. Но какъ это сдѣлать. Это затрудненіе съ точки зрѣнія нынѣшняго положенія вещей покажется страннымъ и можетъ быть смѣшнымъ. Но тогда время было другое. На отправку делегата отъ рабочихъ нужны были большія деньги, которыхъ у насъ не было, да и опасно, потому что вернуться ему назадъ въ Россію казалось невозможнымъ. Опаснымъ представлялась и посылка привѣтствія съ подписями рабочихъ— вдругъ да узнаютъ и засадятъ. Готовы были послать письменное привѣтствіе даже съ крестами по русскому неграмотному обычаю вмѣсто подписей. Дѣло это однако въ Петербургѣ не выгорѣло. Интеллигентскій кружокъ, узнавъ о такой затѣѣ, да еще въ такомъ исполненіи, отнесся къ ней весьма скептически и рѣшилъ, что это дѣло не представляетъ значенія и можетъ только повредить рабочимъ. Но, какъ я узналъ впослѣдствіи, посылка привѣтственнаго адреса съ «крестами» вмѣсто подписей состоялась отъ харьковскихъ рабочихъ. Европейцы, собравшіеся на конгрессѣ, какъ мнѣ передавали, были весьма тронуты привѣтствіемъ и искренно радовались, что въ Россіи есть доподлинные рабочіе соціалисты, а не только соціалистическая интеллигенція.

Младенческій періодъ движенія сказывался и во многихъ другихъ случаяхъ. Разскажу попутно еще о двухъ маленькихъ эпизодахъ.

Рабочіе кружки были замкнуты въ самихъ себѣ, а при полной тишинѣ въ то время самостоятельнаго рабочаго движенія (не было ни стачекъ, ни протестовъ), а также и обще-политическаго движенія, это создавало какую то мертвящую атмосферу. При такихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ казалось, что нужно пользоваться каждымъ малѣйшимъ поводомъ для оживленія рабочихъ.

Весной 1889 года умеръ Салтыковъ. Студенчество, интеллигенція и литераторы устроили торжественныя похороны. Мнѣ ка-

залось, что за гробомъ великаго сатирика должны идти и рабочіе. Не имѣя еще въ то время связей съ кружкомъ интеллигенціи, а слѣдовательно и съ другими рабочими кружками, я могъ сообщить свою мысль только своему василеостровскому кружку. Рабочіе отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ и дѣйствительно были на похоронахъ М. Е. Салтыкова. Но ихъ было только 6—7 человѣкъ и, какъ сейчасъ помню, они шли за гробомъ въ ряду студентовъ и пѣли вмѣстѣ съ ними вѣчную память. Кстати упомяну здѣсь и о другомъ подобномъ же фактѣ—о панихидѣ по Чернышевскомъ въ октябрѣ того же 1889 года. Въ то время я уже имѣлъ связи не только съ Балтійскимъ заводомъ, но и съ нѣкоторыми рабочими за Невской заставой.

Панихиду по Чернышевскомъ устраивали студенты разныхъ учебныхъ заведеній. Время, однако, было настолько глухое, что руководители студенческихъ кружковъ сомнѣвались: соберется ли достаточно студентовъ на эту панихиду. Увѣренность была только за военно медицинскую академію, въ которой всѣ старосты (институтъ старостъ былъ только въ академіи) оповѣстили о панихидѣ по своимъ курсамъ и поручились, что придетъ во Владимірскій соборъ, гдѣ устраивалась панихида, вся академія. Медики дѣйствительно оправдали свое обѣщаніе. Поднятъ былъ вопросъ и объ участіи на панихидѣ рабочихъ. Но изъ опасенія повредить рабочимъ на этотъ счетъ рѣшеніе было уклончивое и скорѣе отрицательное. Мнѣ, однако, казалось, что рабочихъ постепенно нужно пріобщать къ общему движенію. Поэтому я и на этотъ разъ сообщилъ своимъ знакомымъ рабочимъ о панихидѣ по Чернышевскомъ. Панихида состоялась, какъ я сказалъ, во Владимірскомъ соборѣ, но вышла она уже черезъ-чуръ скромна, безъ всякой демонстраціи: не было ни рѣчей, ни шествія, ни вѣнковъ — ничего. Церковь была переполнена студентами въ формѣ. Священникъ долго колебался, да такъ и не рѣшился отслужить панихиду. Студенты постояли, постояли и затѣмъ съ пѣніемъ «Святый Боже» и «Вѣчная память» въ самой церкви стали выходить на паперть и на площадь. На площади, кромѣ одного околоточнаго, полиціи совсѣмъ не было. Она была спрятана. Студенты, потолкавшись на площади, постепенно разошлись по домамъ.

Да, читатель, блѣдное, сѣрое, глухое было время... Между прочимъ среди студентовъ въ церкви было нѣсколько и моихъ знакомыхъ рабочихъ. Они были одѣты въ обычный штатскій костюмъ, что среди массы форменнаго студенчества обращало на себя невольное вниманіе. И вотъ молодежь приняла ихъ за сыщиковъ, а по адресу одного изъ рабочихъ былъ даже пущенъ эпитетъ «гороховое пальто». Объ этомъ съ чувствомъ обиды рабочіе мнѣ сами потомъ разсказывали. Настолько въ то время было необычно участіе рабочихъ въ демонстраціяхъ вмѣстѣ съ учащейся молодежью, что послѣдняя какъ то не могла себѣ даже представить, чтобы на панихидѣ по Чернышевскомъ люди по лицамъ и одеждѣ похожіе на рабочихъ были дѣйствительно рабочіе.

II.

Съ кружкомъ интеллигенціи, состоявшимъ по преимуществу изъ технологовъ, я близко сошелся и вошелъ въ него только въ концѣ 1889 и началѣ 1890 года. Была ли у насъ какая либо программа, были ли руководящія тенденціи въ дѣятельности среди рабочихъ? Въ сущности мы не имѣли строго опредѣленной программы и съ современной точки зрѣнія не выражали какихъ либо строго партійныхъ взглядовъ Но насъ называли соціалъ-демократами въ отличіе отъ народовольцевъ. И это названіе въ значительной мѣрѣ было правильно. Мы не были народовольцами, потому что отрицали терроръ; потому что считали необходимымъ образованіе самостоятельной рабочей партіи; потому что теоретически мы близки были къ марксизму. Но въ то же время мы не были и соціалъ-демократами въ собственномъ смыслѣ этого слова. Относительно самостоятельности рабочаго движенія нужно замѣтить, что оно было какъ бы нашимъ символомъ вѣры. Свою роль, какъ интеллигенціи, мы понимали какъ служебную и только временно руководящую. Это выражалось и въ организаціи рабочихъ и въ бытовой помощи, въ различныхъ ихъ нуждахъ, и даже въ характерѣ пропаганды, и наконецъ въ попыткахъ привлеченія рабочихъ къ участію въ періодическомъ изданіи, которое мы затѣяли, и о которомъ я скажу нѣсколько словъ ниже.

Теоретическихъ разговоровъ, особенно на програмныя темы, у насъ бывало очень мало. Всѣ какъ то сходились на указанныхъ выше положеніяхъ и на нашихъ общихъ собраніяхъ больше вели разговоры о практическихъ вопросахъ: о распредѣленіи рабочихъ кружковъ, о сборѣ денегъ, о программѣ чтеній и, наконецъ, объ организаціи рабочихъ.

Мы были практики и даже сознательно уклонялись отъ обсужденія програмныхъ и теоретическихъ вопросовъ, не видя возможности рѣшить такіе напр. изъ нихъ, какъ вопросъ объ общинѣ, о судьбахъ капитализма, объ отношеніи къ крестьянству и т. п. Когда мы, напр., рѣшили издать на русскомъ языкѣ протоколы парижскаго международнаго соціалистическаго конгресса 1889 года, то при обсужденіи предисловія къ этому изданію мы старательно подчеркивали свою теоретическую неопредѣленность и чисто практическія наши цѣли объединенія рабочихъ и развитія въ нихъ самодѣятельности. Мы тѣмъ болѣе не рѣшались причислять себя къ какой-либо партіи. Это было еще слишкомъ рано. До «партій» было еще далеко. «Народная Воля» окончательно разлагалась, а съ существовавшими тогда народовольческими кружками (напр. съ кружкомъ Качаровскаго, Бѣляева, Истоминой) мы даже вели борьбу, стараясь отвлечь отъ нихъ и тѣхъ немногихъ рабочихъ, которые у нихъ были. Соціалъ-демократія только-только еще намѣчалась. О группѣ же «Освобожденія Труда» какъ то позабыли. Изъ новыхъ, заграничныхъ органовъ послѣ «Самоуправленія», въ которомъ

была какая-то смѣсь стараго народовольчества съ либерализмомъ началъ было выходить въ 1890 году въ Швейцаріи «Соціалистъ», но и онъ въ сушности ничего опредѣленнаго не давалъ, и кажется на первомъ № прекратился. А намъ какъ-то было *некогда* разбираться во всѣхъ этихъ вопросахъ.

Надо сознаться, что и здѣсь, даже въ такомъ дѣлѣ, какъ пропаганда среди рабочихъ, насъ охватывала атмосфера тѣхъ «маленькихъ дѣлъ», которыя увлекали многихъ интеллигентовъ, даже занимавшихся революціонной дѣятельностью. Да, такое настроеніе было. Въ стремленіи дѣлать практическое дѣло мы доходили въ отрицаніи партійныхъ программъ до крайности и теряли общія политическія перспективы. Политическая и соціалистическая пропаганда перемѣшивалась съ чисто культурной. Помню, напр., какъ я водилъ нѣсколькихъ рабочихъ ткачей изъ за Невской заставы въ Александринскій театръ въ цѣляхъ пріобщенія ихъ къ общей культурѣ.

Не малую роль въ нашей работѣ играла и та бытовая помощь рабочимъ, о которой я упомянулъ выше. Эта «бытовая» помощь состояла въ томъ, что мы старались оказывать всякаго рода содѣйствіе рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ хозяевами и даже въ ихъ личной жизни. У насъ были знакомые юристы, которые вели дѣла рабочихъ по искамъ ихъ съ хозяевъ, мы составляли заявленія и жалобы рабочимъ къ фабричнымъ инспекторамъ на разныя фабричныя притѣсненія и непорядки. Но, конечно, все это было въ ограниченныхъ размѣрахъ, какъ и вся тогдашняя дѣятельность среди рабочихъ. Я указываю на эту тенденцію, отчасти какъ на зародышъ того, что потомъ выразилось въ такъ называемомъ экономизмѣ.

Главной нашей работой была все таки пропаганда, основной задачей которой было выясненіе рабочимъ ихъ положенія, какъ рабочей силы, которая создаетъ прибавочную стоимость. Отсюда переходили къ выясненію капиталистическихъ отношеній, а затѣмъ къ понятію о соціализмѣ. Въ качествѣ примѣра самодѣятельности рабочаго класса приводилась борьба рабочихъ на Западѣ. Однако подходящей литературы, особенно для чтенія самимъ рабочимъ, было очень мало, тѣмъ болѣе, что народовольческой литературой прежнихъ временъ пользовались мы крайне неохотно, своя же соціалъ-демократическая еще не народилась. Потребность въ чтеніи и въ знаніяхъ среди рабочихъ была уже однако довольно развита, чему не мало содѣйствовали начинавшіеся въ то время вечерніе классы для рабочихъ, въ особенности за Невской заставой. Въ виду этого намъ приходилось давать для чтенія рабочимъ даже популярную литературу по естественнымъ наукамъ и астрономіи. Одно время была предпринята попытка объединенія нашего пропагандистскаго кружка съ кружкомъ учительницъ воскресныхъ школъ за Невской заставой для совмѣстныхъ дѣйствій среди рабочихъ на почвѣ ихъ умственнаго и политическаго развитія.

Немалую роль въ нашей пропагандѣ играла и легальная періодическая печать, въ то время проявлявшая себя въ либеральномъ на-

Н. В. ШЕЛГУНОВЪ и Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ.

правленіи едва ли только не въ однихъ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Нѣкоторые изъ насъ аккуратно читали рабочимъ кое какія статьи изъ «Русскихъ Вѣдомостей», а въ особенности иностранныя корреспонденціи. Особенно читались, напр., корреспонденціи о международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ и о другихъ происходившихъ тамъ конгрессахъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ рабочему вопросу. Въ нѣкоторые рабочіе кружки мы прямо выписывали газеты на наши общія средства и... опять таки все тѣ же «Русскія Вѣдомости».

Чтенія съ рабочими происходили преимущественно на ихъ квартирахъ, маленькими кружками, въ 5—6 человѣкъ, а лѣтомъ, гдѣ можно, на окраинахъ въ лѣсу или на полянкахъ. Такъ бывало напр. за Невской заставой.

Что касается организаціи рабочихъ, то разговоры о ней начались у насъ весной 1890 года, когда рабочихъ кружковъ было уже довольно много, много, конечно, по тогдашнимъ временамъ, а именно около 20-ти, считая въ каждомъ 6—7 человѣкъ. Въ каждомъ кружкѣ участвовалъ одинъ интеллигентъ, и насъ было въ это время тоже человѣкъ 20. Рабочіе кружки были уже почти во всѣхъ районахъ—на Путиловскомъ заводѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ Галерной гавани, за Невской заставой, на Выборгской сторонѣ, на Петербургкой и т. д.

Необходимость въ организаціи чувствовалась въ силу самыхъ различныхъ причинъ: и необходимости имѣть общую кассу на случай высылки рабочихъ, и для пріобрѣтенія литературы, и для поддержки стачекъ и протестовъ и т. д. Но какъ, въ какой формѣ устроить организацію? Нашъ интеллигентскій кружокъ, придерживаясь основной нашей задачи—исходить изъ самодѣятельности рабочихъ, предложилъ обсудить планъ организаціи на общихъ собраніяхъ самихъ рабочихъ и тутъ же перезнакомить между собой наиболѣе развитыхъ рабочихъ изъ разныхъ районовъ. Такихъ собраній было два—за Нарвской заставой и на Васильевскомъ островѣ. Мнѣнія рабочихъ сводились къ тому, чтобы принципъ организаціи былъ чисто демократическій: кружки каждаго района выбираютъ представителей въ районные центральные кружки, а эти послѣдніе—въ главный, общій центральный кружокъ, въ который долженъ входить и одинъ представитель отъ кружка интеллигенціи.

Однако этотъ планъ не осуществился. Весной 1890 г. за Невской заставой было сразу арестовано человѣкъ 15 рабочихъ и высланы на родину. Среди нихъ былъ высланъ и рабочій Николай К-нъ, ткачъ, игравшій за Невской заставой весьма видную роль въ рабочихъ кружкахъ. Странно было то, что у всѣхъ этихъ рабочихъ не было даже обысковъ. Вскорѣ же было арестовано и выслано нѣсколько рабочихъ съ Путиловскаго завода. Между прочимъ нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Василій Б-новъ, игравшій въ то время видную роль среди путиловскихъ рабочихъ, поселились въ Тулѣ, поступили на патронный заводъ, а впослѣдствіи завели тамъ кружки и вступили въ сноше-

нія съ нашими петербургскими рабочими. Кстати ужъ разскажу въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, какъ это произошло. Зимой 1890 года одинъ изъ нашихъ петербургскихъ товарищей рабочихъ получилъ отъ товарищей, высланныхъ въ Тулу, письмо, съ просьбой прислать къ нимъ кого-либо изъ интеллигенціи, чтобы наладить у нихъ въ Тулѣ организацію рабочихъ кружковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привезти и литературы. Изъ интеллигенціи поѣхать никому не пришлось, и мы, въ центральномъ рабочемъ кружкѣ, рѣшили отправить одного изъ путиловскихъ рабочихъ, стараго знакомаго нашихъ туляковъ, при чемъ снабдили его письмомъ и инструкціей. Письмо было написано въ теплыхъ ободряющихъ выраженіяхъ по адресу высланныхъ товарищей; въ немъ говорилось о томъ, что ихъ высылка не пройдетъ безплодно для рабочаго движенія, такъ какъ они будутъ продолжать тамъ прежнее дѣло и, по примѣру германскихъ соціалъ-демократовъ, которыхъ, при исключительномъ законѣ, разсылали по всей Германіи, распространятъ идеи соціализма и покроютъ рабочими организаціями всю нашу страну. Письмо это очень тронуло рабочихъ и здѣсь, а въ особенности тамъ, въ Тулѣ, нашихъ изгнанниковъ, о чемъ съ умиленіемъ разсказывалъ намъ вернувшійся назадъ нашъ посланецъ. Между прочимъ, но уже въ 91 году, эта связь съ Тулой подала мысль связать петербургскую рабочую организацію съ организаціями другихъ городовъ. Отчасти это было исполнено.

Возвращусь однако къ Петербургу. Весна и лѣто 1890 года были чрезвычайно тяжелымъ временемъ для насъ. Изъ нашего кружка были арестованы технологъ Бурачевскій, горнякъ П. А. Г—ъ и др. Объ арестахъ среди рабочихъ я уже упоминалъ. Но особенно сильные аресты среди интеллигенціи произведены были въ связи съ проваломъ народовольцевъ—кружка Бѣляева, Качоровскаго, Фойницкаго и другихъ. Стало извѣстно, что выдаетъ И—а. Благодаря этимъ выдачамъ было арестовано еще нѣсколько человѣкъ изъ нашей компаніи, такъ какъ связи съ народовольцами у насъ все же были, хотя мы и рѣзко расходились съ ними и даже на собраніяхъ рабочихъ вели противъ народовольческой дѣятельности рѣшительную полемику.

Всѣ эти провалы, а затѣмъ и лѣтнее время, когда кое-кто изъ студентовъ-пропагандистовъ поразъѣхался на каникулы, привели къ тому, что нашъ кружокъ совсѣмъ какъ-то развалился, а остававшіеся члены кружка растеряли связи съ рабочими.

Къ началу осени дѣло, однако, опять наладилось.

III.

Небольшой кружокъ рабочихъ, въ которомъ, между прочимъ, были Н. Богдановъ, Ѳедоръ Афонасьевъ, Егоръ Афонасьевъ, Гавріилъ Меѳодьевъ, Петръ Евграфовъ и еще кое-кто, продолжалъ сходиться и поддерживать кое-какіе изъ прежнихъ рабочихъ кружковъ. Но въ ихъ средѣ не было интеллигенціи. Изъ интеллигент-

скаго кружка 1889 и 90 года оставалось къ осени всего 3—4 человѣка, при чемъ и они потеряли связи съ рабочими. Эту связь удалось возстановить черезъ посредство одного молодого рабочаго Яковлева, служившаго въ то время въ качествѣ приказчика въ книжномъ магазинѣ «Посредникъ» (толстовскій магазинъ). Этотъ молодой рабочій Яковлевъ былъ потомъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ на похоронахъ Шелгунова. Какъ послѣ я узналъ—онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, не знаю точно по какимъ только причинамъ. Услуги движенію онъ оказывалъ для того времени большія.

Возстановивъ связь съ старыми кружковыми рабочими, наша небольшая интеллигентская компанія должна была пополнить и себя. Привлекли кое-кого изъ студентовъ технологовъ и изъ студентовъ университета, а затѣмъ неожиданное пополненіе явилось изъ среды студентовъ духовной академіи. Тамъ оказался кружокъ изъ десяти человѣкъ, уже давно теоретически подготовлявшихся для дѣятельности среди рабочихъ. Съ этими академиками насъ свелъ опять таки тотъ же молодой рабочій изъ магазина «Посредникъ», куда частенько они захаживали за книжками и свели тамъ съ этимъ рабочимъ знакомство. Для болѣе близкаго знакомства съ ними, а также для обсужденія разныхъ нашихъ вопросовъ, мы собирались неоднократно въ помѣщеніи духовной академіи. Академики оказались хорошимъ народомъ, всѣ склонные къ соціалъ-демократіи, и большинство изъ нихъ тогда же взяли на себя веденіе рабочихъ кружковъ. Дѣло пошло довольно успѣшно. Къ началу 1891 г. у насъ снова было уже около 20-ти рабочихъ кружковъ. Направленіе пропаганды въ кружкахъ оставалось въ сущности прежнее. Новымъ въ чтеніяхъ съ рабочими было—ознакомленіе ихъ съ политическимъ устройствомъ европейскихъ государствъ, а не только одна политическая экономія и рабочій вопросъ, какъ въ предыдущіе годы. Кромѣ того, намѣчено было также двѣ программы занятій — одна агитаціоннаго характера для малоподготовленныхъ рабочихъ, другая — для болѣе подготовленныхъ, разсчитанная на болѣе продолжительное время, включавшая въ себя и естествознаніе, и исторію культуры. Въ дѣйствительности, конечно, выполнялась только первая, такъ какъ продолжительность существованія кружковъ была очень невелика. Къ тому же нѣкоторые изъ интеллигентовъ относились къ большой программѣ довольно скептически. Она была скучна и содѣйствовала образованію изъ рабочихъ «заученныхъ» и въ то же время пассивныхъ людей. Былъ въ то время, да и послѣ еще, такой типъ рабочихъ, которые много читали, много перевидали пропагандистовъ, перебывали въ нѣсколькихъ кружкахъ и въ концѣ концовъ становились большими скептиками по отношенію къ рабочему движенію, а главное почти ничего не дѣлали практически. Къ такому типу мы относились отрицательно и старались поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы отнюдь не содѣйствовать выработкѣ подобныхъ пассивныхъ типовъ.

Развитіе самостоятельности въ рабочемъ движеніи поставлено было еще сильнѣе на первый планъ, чѣмъ прежде, а для этого

намъ снова пришлось взяться за организацію рабочихъ, имѣя въ виду побольше обратить вниманія на чисто экономическую борьбу рабочихъ. Организацію, однако, начали, такъ сказать, изъ центра, каковымъ явился именно тотъ самый рабочій Кружковъ, возстановившій съ осени 1890 года наши связи съ рабочими, о которомъ я упомянулъ выше. Въ него входило, насколько помнится, 6 человѣкъ рабочихъ, являвшихся естественнымъ путемъ представителями отъ различныхъ районовъ, и одинъ представитель отъ кружка интеллигенціи, каковымъ съ конца 1890 года и вплоть почти до Шелгуновскихъ похоронъ былъ нѣкто бывшій студентъ университета, называвшійся Семеномъ Петровичемъ, а послѣ него М. И. Б....въ, о которомъ упоминаетъ въ своей статьѣ М. Александровъ (въ № 11 «Былого»). На одномъ изъ первыхъ собраній этого самочиннаго центральнаго кружка рабочіе поставили С. Петровичу прямой вопросъ: что дѣлать, къ чему готовить рабочихъ. Настроеніе у нихъ было боевое, высказывались рѣшительныя требованія не только по части организаціи кружковъ, пропаганды и устройства кассы, но и активныхъ дѣйствій противъ фабричной администраціи и противъ властей. Эти порывы были довольно характерны для настроенія рабочихъ. Но интеллигентскій кружокъ относился къ этому настроенію скептически и упавшій духъ народовольчества не собирался возстановлять. Наше соціалъ-демократическое направленіе того періода усматривало ближайшую цѣль пока только въ организаціи и пропагандѣ. Поэтому представитель интеллигенціи рѣшительно воспротивился боевому настроенію рабочихъ и тѣ въ концѣ концовъ признали его правымъ. Но сначала, казалось, что центральному кружку какъ будто нечего будетъ дѣлать. Дѣла однако нашлось сколько угодно.

Вскорѣ же ему пришлось выступить на одномъ практическомъ дѣлѣ, о которомъ стоитъ упомянуть для характеристики рабочаго движенія въ тотъ младенческій періодъ.

Въ концѣ января 1891 года въ Новомъ Адмиралтействѣ на постройкѣ судовъ возникла стачка, насколько помню, изъ за пониженія рабочей платы и изъ за частыхъ штрафовъ и взысканій. Управляющимъ завода былъ тогда адмиралъ Верховскій (кажется строившій тотъ самый броненосецъ Гангутъ, который впослѣдствіи утонулъ въ Балтійскомъ морѣ), упорно нежелавшій дѣлать никакихъ уступокъ рабочимъ. Это была едва ли не первая крупная стачка за тѣ годы въ Петербургѣ. Наше отношеніе къ стачкамъ было таково, что вызывать ихъ мы не считали возможнымъ, имѣя въ виду большую отвѣтственность за послѣдствія для рабочихъ, какъ матеріальныя, такъ и уголовныя. Но если стачка возникала помимо нашего вліянія, то мы считали необходимымъ вмѣшаться въ нее съ тѣмъ, чтобы выяснить рабочимъ общее значеніе стачекъ, а также и помочь въ успѣшномъ проведеніи ея. Стачка въ Новомъ Адмиралтействѣ возникла безъ всякаго съ нашей стороны вліянія. Тамъ, на заводѣ, не было у насъ даже никакихъ знакомствъ. И вотъ, чтобы не упустить случая, мы рѣшили принять въ ней участіе.

Съ этой цѣлью одному изъ рабочихъ центральнаго кружка удалось поступить на этотъ заводъ въ одну изъ мастерскихъ, не принимавшихъ участія въ стачкѣ. Затѣмъ мы рѣшили помочь стачечникамъ деньгами. Сборы шли и среди интеллигенціи и среди рабочихъ различныхъ фабрикъ и заводовъ по особымъ листкамъ со скромнымъ штемпелемъ: «временный рабочій комитетъ». Порядочная сумма была собрана также на студенческомъ вечерѣ въ день 8 февраля. Было, между прочимъ, прислано на стачку 10 р. изъ Казани отъ студентовъ съ выраженіемъ сочувствія «временному рабочему комитету». Теперь все это покажется чѣмъ-то черезчуръ мизернымъ. А тогда это трогало и вселяло надежды. Всего, однако, собрано было не больше 500—600 рублей. Но по тогдашнимъ временамъ эта сумма казалась очень крупной. Сборы на фабрикахъ и заводахъ сопровождались открытымъ чтеніемъ особой прокламаціи, въ которой разъяснялось значеніе стачекъ вообще и необходимости солидарности рабочихъ. И это въ тѣ глухія времена казалось новымъ и незаурядным явленіемъ. Разбросаны были прокламаціи и въ томъ самомъ Новомъ Адмиралтействѣ, гдѣ происходила стачка. Словомъ, насчетъ разъясненія смысла стачекъ, какъ средства борьбы рабочихъ съ капиталомъ и съ правительствомъ (разъясненіе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ было удобно потому, что заводъ-то былъ казенный), а также и насчетъ сбора денегъ все было обставлено сравнительно удачно. Но вотъ въ чемъ оказалось неожиданное затрудненіе. Предстояло раздать собранныя деньги стачечникамъ, въ то время уже сильно нуждавшимся, такъ какъ стачка тянулась уже недѣли двѣ. Но какъ раздать? Вотъ какой поистинѣ странный вопросъ стоялъ передъ центральнымъ рабочимъ кружкомъ. На самомъ заводѣ сначала оказалось это невозможнымъ. Разузнали, что на Васильевскомъ островѣ, въ одномъ изъ домовъ, гдѣ жилъ нашъ знакомый рабочій, помѣщается артель рабочихъ (низшихъ), работавшихъ въ Новомъ Адмиралтействѣ и участвовавшихъ въ стачкѣ. Попробовали двое изъ центральнаго рабочаго кружка пойти въ эту артель и поговорить со стачечниками, а также предложить и помощь деньгами. Тѣ отнеслись крайне недовѣрчиво къ нашимъ посланцамъ, а потомъ говорили, что ихъ приходили подкупать отъ адмирала Верховскаго.

Кое-какъ все же удалось уладить дѣло. На заводѣ, черезъ того рабочаго изъ центральнаго кружка, который поступилъ туда на работу, разузнали адреса квартиръ семейныхъ забастовщиковъ и относили имъ деньги на домъ. Помощь принималась съ большой благодарностью. Наши рабочіе разсказывали, что особенно нуждавшіеся забастовщики благодарили за помощь въ 5—10 рублей чуть не на колѣняхъ.

По истинѣ были времена младенчества рабочаго движенія.

Къ такимъ же проявленіямъ первобытности относится напримѣръ изданіе рукописной (даже не гектографированной—техника вообще была у насъ больнымъ мѣстомъ) рабочей газетки, которая имѣла цѣлью не столько руководительство рабочимъ движеніемъ и тѣмъ болѣе

не принципіальную разработку программныхъ вопросовъ, сколько главнымъ образомъ освѣщеніе нуждъ самихъ рабочихъ. Наиболѣе цѣннымъ въ ней были помѣщавшіяся на ея страницахъ сообщенія самихъ рабочихъ, особенно о стачкахъ и столкновеніяхъ рабочихъ съ мастерами. Газетка эта однако вышла, насколько помнится, не больше какъ въ двухъ №№.

Но возвращусь однако къ центральному кружку. Упомянутая стачка внесла все же большое оживленіе въ нашу работу. О рабочихъ заговорили и среди интеллигенціи, преимущественно, конечно, среди студенчества. Желающихъ работать среди рабочихъ изъ студенческой молодежи было много. Такъ, между прочимъ, нѣсколько студентовъ, и въ томъ числѣ извѣстный впослѣдствіи марксистъ, авторъ первой марксистской книги, а затѣмъ лидеръ освобожденцевъ, просили насъ познакомить ихъ съ рабочими. Кое съ кѣмъ изъ развитыхъ рабочихъ (не состоявшихъ впрочемъ въ центральномъ кружкѣ) мы дѣйствительно ихъ познакомили, а главное просили этотъ кружокъ помогать намъ литературной работой, переводами изъ нѣмецкой соц.-дем. литературы и пр., такъ какъ эти студенты, а въ особенности упомянутый освобожденецъ выдѣлялись своими теоретическими знаніями, а намъ наукой и литературными работами заниматься было некогда. Но въ «организацію» новыхъ людей мы принимали съ большой осторожностью. Кое гдѣ возникали независимо отъ нашей организаціи отдѣльные рабочіе кружки съ участіемъ интеллигентовъ. Въ такихъ случаяхъ центральному рабочему кружку поручалось производить разслѣдованіе. И вотъ интеллигентъ Семенъ Петровичъ подъ видомъ рабочаго отправлялся въ такой, такъ сказать, самовольный кружокъ и старался разузнать, кто это былъ за интеллигентъ, откуда онъ явился и зачѣмъ. Разъ на этихъ разслѣдованіяхъ произошла такая сценка. Подъ видомъ рабочаго Семенъ Петровичъ явился въ кружокъ рабочаго Г. А. М-ва, куда долженъ былъ придти прежній его знакомый интеллигентъ, М. С. А-въ, недавно вернувшійся изъ ссылки. Рабочіе посидѣли, посидѣли и нарочно ушли, чтобы оставить Семена Петровича съ глазу на глазъ съ А-вымъ. Послѣдній, конечно, скоро разобралъ, кто такой якобы рабочій С. Петровичъ и разговоръ пошелъ уже на интеллигентскомъ языкѣ. Между прочимъ А-въ, человѣкъ далеко стоявшій отъ организаціи, однако, какъ оказалось, хорошо зналъ фамиліи многихъ изъ интеллигентскаго кружка. Значитъ, какъ говорится, «болтали» о насъ и тамъ, гдѣ не нужно было. Помню, напр., какъ одинъ изъ студенческихъ кружковъ проэктировалъ устроить широкое празднованіе рабочими 19 февраля, а именно объявить на этотъ день какъ бы однодневную забастовку. Но хорошо сознавая слабость рабочей организаціи, мы старательно отклоняли подобные широкіе планы. Однако стремленіе къ чему то болѣе широкому становилось все сильнѣе и сильнѣе. Заботы объ оживленіи рабочихъ кружковъ стали занимать насъ въ то время больше всего; ради этого оживленія на пасхѣ предпола-

галось устроить сравнительно большое собраніе рабочихъ съ участіемъ нѣсколькихъ лицъ и изъ интеллигенціи. Предполагалась вечеринка съ рѣчами и разговорами. Но она не осуществилась. Какъ разъ въ это время въ центральномъ рабочемъ кружкѣ по иниціативѣ упомянутаго Семена Петровича, возникла другая мысль— почтить больного Н. В. Шелгунова.

Покойный писатель въ февралѣ и мартѣ 1891 года сильно заболѣлъ и не вставалъ съ постели. Къ нему ходили выражать соболѣзнованіе депутаціи отъ студентовъ, отъ литераторовъ, вообще отъ интеллигенціи. Черезъ Семена Петровича мы обратились къ знакомой намъ писательницѣ Е. Т. Б-вой, хорошо знавшей и семью Шелгуновыхъ, съ просьбой, чтобы она узнала: согласится ли Шелгуновъ принять депутацію отъ рабочихъ съ выраженіемъ ему соболѣзнованія. Шелгуновъ, какъ передавала г-жа Б-ва, былъ необычайно тронутъ такимъ сообщеніемъ и былъ нѣсколько удивленъ тѣмъ, что его знаютъ рабочіе. А рабочіе его дѣйствительно знали по нѣкоторымъ его статьямъ и главнымъ образомъ по статьямъ его «Пролетаріатъ во Франціи и въ Англіи».

Заручившись согласіемъ на пріемъ депутаціи, въ центральномъ рабочемъ кружкѣ сталъ обсуждаться вопросъ объ адресѣ и о составѣ депутаціи. Было рѣшено, что адресъ напишутъ сами рабочіе, а депутатовъ пойдетъ двое, при чемъ однимъ изъ нихъ долженъ былъ быть непремѣнно Ѳедоръ Афанасьевъ, пожилой рабочій ткачъ [1]). Его мы намѣчали и за то, что онъ былъ умный,—весьма уважаемый товарищами и горячо преданный дѣлу рабочій, и за то, что онъ имѣлъ весьма почтенный видъ, казался даже старикомъ, несмотря на то, что ему въ то время было не больше 40 лѣтъ. Въ такомъ зрѣломъ возрастѣ рабочихъ соціалистовъ было, конечно, очень мало. Вотъ почему такъ цѣнился нами и возрастъ и почтенность вида.

На этомъ, однако, мои личныя воспоминанія и кончаются. Ни во время отправки депутаціи, ни на похоронахъ покойнаго Шелгунова мнѣ уже не пришлось быть...

Лѣтомъ 1891 года, на одномъ изъ сибирскихъ этаповъ передъ Красноярскомъ случайно попался мнѣ апрѣльскій № «Русскихъ Вѣдомостей», и въ немъ я прочиталъ маленькое сообщеніе изъ Петербурга о похоронахъ Шелгунова. Въ этомъ сообщеніи упоминалось и о вѣнкѣ петербургскихъ рабочихъ... Къ сожалѣнію о смерти хорошаго, честнаго писателя, прибавилось ободряющее чувство... и даже нѣкоторое удовлетвореніе. Да, это не было уже случайное участіе маленькой, маленькой кучки рабочихъ, скромно скрывавшейся въ толпѣ студентовъ, какъ то было на похоронахъ Салтыкова или на панихидѣ по Чернышевскомъ, это была хотя и тоже небольшая кучка, но уже открыто заявлявшая о себѣ...

Описаніе похоронъ Шелгунова и участія въ нихъ рабочихъ

---

[1]) Онъ былъ убитъ черносотенцами въ Ивановѣ-Вознесенскѣ въ 1905 году, о чемъ упоминаетъ и М. Александровъ въ своей статьѣ въ № 11 „Былого“.

читатель найдетъ въ упоминавшейся уже мною статьѣ М. С. Александрова. Можетъ быть это описаніе, а также и самое приготовленіе къ шелгуновскимъ похоронамъ въ средѣ рабочихъ дополнитъ еще кто-либо изъ тогдашнихъ участниковъ движенія. Думается мнѣ, что это будетъ не лишнимъ и для памяти Шелгунова и для исторіи рабочаго движенія въ его младенческомъ періодѣ.

Глухое, сѣрое время восьмидесятыхъ годовъ кончалось,—начиналось новое подготовительное десятилѣтіе къ зрѣлому десятилѣтію перваго десятка девятисотыхъ годовъ...

Въ заключеніе своихъ краткихъ воспоминаній привожу адресъ рабочихъ, поднесенный Шелгунову незадолго до его смерти.

Адресъ Петербургскихъ рабочихъ

Н. В. Шелгунову.

Дорогой учитель Николай Васильевичъ!

Читая Ваши сочиненія, научаешься любить и цѣнить людей подобныхъ Вамъ. Вы первый признали жалкое положеніе рабочаго класса въ Россіи. Вы всегда старались и стараетесь до сихъ поръ объяснить намъ причины, которыя отодвигаютъ насъ назадъ и держатъ насъ въ томъ угнетенномъ состояніи, въ которомъ мы закованы, словно въ желѣзныя цѣпи, нашими правителями и ка- питалистами.

Вы познакомили насъ съ положеніемъ братьевъ-рабочихъ въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ тоже эксплуатируютъ и давятъ. Картина, которую Вы нарисовали, пробудила интересъ сначала не въ рабочихъ, а въ другихъ классахъ; да не для рабочихъ Вы и писали. Русскіе рабочіе принуждены такъ много и такъ постоянно работать, чтобы только жить, что имъ некогда читать. Да большая часть и не умѣетъ читать, а если кто изъ нихъ и умѣетъ,— что онъ найдетъ въ книгахъ, написанныхъ для рабочихъ? Никто не учитъ насъ, какъ выбираться изъ жалкаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Намъ твердятъ о терпѣніи, о молчаніи, о томъ, чтобы мы не давали воли выраженію нашихъ страданій, и за это обѣщаютъ награду въ будущемъ. Только благодаря людямъ, которые, по Вашимъ собственнымъ словамъ, имѣютъ несчастіе смотрѣть выше общаго уровня или выше классовыхъ интересовъ, научились мы понимать Ваши сочиненія и узнали, какъ наши товарищи - рабочіе въ Западной Европѣ добились правъ, борясь за нихъ и соединяясь вмѣстѣ. Мы поняли, что намъ, русскимъ рабочимъ, подобно рабочимъ Западной Европы, нечего разсчитывать на какую нибудь внѣшнюю помощь, помимо самихъ себя, чтобы улучшить свое положеніе и достигнуть свободы.

Тѣ рабочіе, которые поняли это, будутъ бороться безъ устали за лучшія условія. Вы выполнили Вашу задачу,—Вы показали намъ, какъ вести борьбу.

Можетъ быть ни Вы, ни мы не доживемъ до того, чтобы увидѣть будущее, къ которому стремимся и о которомъ мечтаемъ. Можетъ быть не одинъ изъ насъ падетъ жертвою борьбы. Но это не удержитъ насъ отъ стараній достигнуть нашей цѣли.

Этотъ адресъ былъ напечатанъ въ 6-мъ выпускѣ «Рабочей Библіотеки» въ женевскомъ изданіи 1892 года.

Вас. Голубевъ.

Рапортъ агента о похоронахъ Салтыкова.

Состоявшіеся 2-го мая похороны писателя М. Е. Салтыкова (Щедрина), несмотря на громадное стеченіе участвовавшихъ въ печальномъ шествіи, преимущественно изъ учащейся молодежи, прошли совершенно спокойно и порядокъ ни въ чемъ нарушенъ не былъ.

По окончаніи заупокойной литургіи и отпѣванія на Волковомъ кладбищѣ, гробъ, покрытый вѣнками,—изъ которыхъ на одномъ, отъ „технологовъ“, имѣлась надпись: „борцу за правду“,—отнесенъ до могилы студентами разныхъ учебныхъ заведеній. Здѣсь начались рѣчи, говорили въ числѣ другихъ: *Арсеньевъ*, *Абрамовичъ*, Орестъ *Миллеръ*, *Тимирязевъ* и два студента: Петербургскаго Университета *Захарьинъ* и Военно-Медицинской Академіи Михаилъ *Ивановъ*. Рѣчи касались дѣятельности покойнаго какъ „обличителя неправды“. При этомъ, однакоже, рѣчи Ореста Миллера и Тимирязева отличались нѣкоторою тенденціозностью. Кандидатъ правъ, еврей Абрамовичъ, въ своей рѣчи указывалъ, что въ то время, какъ высшія власти поощряли погромы евреевъ, одинъ только Салтыковъ рѣшился поднять голосъ въ защиту еврейства. Студентъ Захарьинъ въ прочитанномъ стихотвореніи старался доказать, что Салтыковъ умѣлъ „будить уснувшія рабскія силы“ и, что со смертью его гибнетъ надежда на то, чтобы „угнетенные“ услышали слово, ободряющее ихъ.

3 мая 1889 г.

Николай Павловичъ Щедринъ.

О Н. П. Щедринѣ до сихъ поръ въ журналѣ «Былое» упоминалось очень мало, а между тѣмъ Н. П. въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ представлялъ довольно видную фигуру. Скажу то, что мнѣ извѣстно о немъ.

Н. П. родился въ городѣ Петропавловскѣ, Акмолинской области, гдѣ его отецъ былъ какимъ-то казеннымъ инженеромъ. Учился Н. П. въ Омской гимназіи, откуда, за непочтительное отношеніе къ какому-то изъ педагоговъ, былъ выключенъ. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ въ 75 году съ цѣлью поступить въ университетъ. Въ 76 году онъ поступилъ въ университетскій кружокъ, во главѣ котораго были Георгій Преображенскій и Леонидъ Булановъ. Кружокъ этотъ раздѣлялъ программу «Земли и Воли» и скоро Н. П., въ качествѣ принадлежащаго къ «З. и В.», отправился въ Саратовъ, гдѣ организація «З. и В.» устраивала поселенія. Н. П. поступилъ въ Аткарскѣ на службу въ уѣздную земскую управу, кажется, секретаремъ управы, имѣя въ виду поселенческіе планы организаціи. Было это, кажется, весною 77 года. Въ 79 году, когда я былъ въ Саратовѣ съ предложеніемъ отъ основного кружка организаціи собраться на съѣздъ въ Воронежѣ, я видѣлъ Н. П. въ Саратовѣ.

Послѣ Воронежскаго съѣзда онъ прибылъ въ Петербургъ и послѣ раздѣла «Земли и Воли» на партію «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла», присоединился къ послѣдней. Послѣ ареста нашей организаціи въ Кіевѣ, онъ явился въ Кіевъ и былъ тамъ въ числѣ главныхъ организаторовъ уже задуманнаго нами Южно-Русскаго рабочаго союза. Въ 80 году онъ былъ арестованъ и вмѣстѣ съ Павломъ Ивановымъ, Кашинцевымъ, Софьей Богомолецъ, Елизаветой Ковальской и др. былъ преданъ военному суду. Во время предварительнаго заключенія въ мартѣ мѣсяцѣ, когда вступилъ на престолъ Александръ III-й, Н. П. предложили присягнуть на вѣрность вступившему государю, но Н. П. отказался дать таковую присягу. Въ судѣ Н. П. отказался принимать участіе,—(не помню было ли это общее рѣшеніе всѣхъ изъ его процесса, или только онъ одинъ такъ поступилъ), былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, которая была замѣнена безсрочной каторгой.

По пути на Кару во время продолжительной остановки въ

Иркутскѣ, кажется, въ ожиданіи пока станетъ Байкалъ, Богомолецъ и Ковальская, подъ видомъ надзирательницъ, бѣжали изъ тюремной больницы, но спустя нѣсколько дней послѣ побѣга, въ продолженіи которыхъ онѣ скрывались въ одномъ домѣ, ихъ пребываніе въ этомъ домѣ было открыто, и онѣ были вновь водворены въ тюрьму. При ихъ водвореніи въ тюрьму послѣ побѣга присутствовалъ тюремный инспекторъ полковникъ Соловьевъ, позволившій себѣ грубое обращеніе съ Ковальской и Богомолецъ. Онъ грубо кричалъ на нихъ, грозилъ заковать ихъ въ ручные и ножные кандалы и пр. въ этомъ родѣ, что и по сіе время позволяютъ себѣ наши тюремщики по старой привычкѣ.

Всю эту удаль тюремщика надъ беззащитными женщинами Н. П. слышалъ въ своей камерѣ и попросилъ чрезъ надзирателя этого самаго Соловьева зайти къ нему. Бравый полковникъ, покончивъ съ дикими сценами въ камерѣ Богомолецъ и Ковальской, вошелъ въ камеру Щедрина. Н. П., зажавъ въ кулакѣ нѣсколько мѣди, только что полученной сдачи отъ надзирателя, далъ по физіономіи Соловьеву съ такой силой, что полковникъ свалился съ ногъ. По словамъ Н. П. его чуть было солдаты не закололи штыками, ибо полковникъ, получившій плюху, въ это время вѣроятно вспомнилъ, что онъ дворянинъ, и въ ярости кричалъ солдатамъ: «Заколите его—я отвѣчаю!» Но смотритель тюрьмы упросилъ полковника, поздно вспомнившаго о своемъ дворянствѣ, уйти.

Если и на этотъ разъ Н. П. избѣжалъ казни, то это нужно приписать чести иркутскихъ дамъ, которыя приняли горячее участіе въ немъ, участіе, до того времени не проявленное нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Случай, имѣвшій мѣсто въ тюрьмѣ съ полковникомъ Соловьевымъ, сталъ скоро извѣстенъ въ городѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсказывалось и о томъ, за что Н. П. проучилъ не въ мѣру ретиваго полковника. Дамы Иркутской аристократіи говорили о Н. П. въ своихъ салонахъ, какъ о рыцарѣ, защитникѣ слабыхъ женщинъ отъ грубостей необузданнаго полковника. Въ тотъ же вечеръ отъ дамъ Иркутска смотритель передалъ Н. П. цвѣты и отъ жены губернатора, Педашенко—бутылку портвейна и сочувствіе его поступку. Словомъ, случилось то, что, вообще, рѣдко встрѣчается,—неожиданно проснулось гражданское чувство и заговорило о своихъ правахъ. Далѣе отправились къ генералъ-губернатору просить его принять во вниманіе при сужденіи о поступкѣ Щедрина съ полковникомъ Соловьевымъ тѣ обстоятельства, которыя предшествовали этому, т. е. грубое обращеніе Соловьева съ женщинами, и не предавать его военному суду. Генералъ-губернаторъ, тотъ самый генералъ-губернаторъ Анучинъ, которому въ 1882 году учитель иркутской гимназіи Неустроевъ далъ пощечину и который поставилъ условіемъ остаться на своемъ посту, если Неустроевъ будетъ преданъ военному суду, отказалъ дамамъ въ ходатайствѣ за Щедрина. Н. П. вновь былъ преданъ военному суду и во второй разъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, но по конфирмаціи генералъ-гу-

бернатора, казнь была замѣнена прикованіемъ къ тачкѣ, говорили, благодаря неотступнымъ просьбамъ дамъ г. Иркутска. Такимъ образомъ мнѣ судила судьба еще разъ увидѣть Н. П. на каторгѣ, куда онъ пріѣхалъ въ апрѣлѣ 82 г.

По пріѣздѣ Н. П. на Кару для него сдѣлана была тачка, къ которой его и приковывали во время посѣщенія Кары высшими властями, напр. когда былъ тамъ проѣздомъ на Сахалинъ главный начальникъ тюремнаго комитета Галкинъ Врасскій. Прикованіе къ тачкѣ состояло въ слѣдующемъ: одноколесная тачка, такая, какія обыкновенно употребляются въ Россіи при нагрузкахъ на набережныхъ. Отъ нея идетъ длинная цѣпь, которая соединена съ кольцомъ ножныхъ кандаловъ, назначеніе котораго—подвязка кандаловъ къ поясу.

На Карѣ Н. П. пробылъ не долго. Пріѣхалъ онъ туда, какъ уже было сказано, въ апрѣлѣ 82 года. Въ маѣ мѣсяцѣ былъ обнаруженъ побѣгъ изъ тюрьмы Мышкина, Хрущова и другихъ, бѣжавшихъ спустя 2 недѣли послѣ побѣга первыхъ двухъ. Въ маѣ же, помнится, 11 числа 17 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и Н. П., перевели изъ политической тюрьмы въ Нижне Карійскую тюрьму, верстъ за 15 отъ политической тюрьмы, гдѣ въ одиночныхъ камерахъ безъ печей, съ окнами вверху, какія дѣлаются въ конюшняхъ, камерахъ, до того времени занятыхъ сектантами, извѣстными на Карѣ подъ именемъ «не нашихъ,» разсадили насъ 17 человѣкъ. Напр., я, Коваликъ и Студзинскій были помѣщены въ одной камерѣ безъ всякой мебели, до того тѣсной, что мы могли въ ней только лежать и когда приходилось кому либо пройти къ такъ называемой парашкѣ, то другіе 2 должны были подбирать подъ себя ноги. Мы просидѣли здѣсь до 15 іюля въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ. Насколько гигіеническія условія были невозможны, можно судить по тому, что 15 іюля, когда насъ, 8 человѣкъ, увозили изъ Кары въ Петербургъ, то мы были въ такой мѣрѣ малокровны, что, напр., я при искусственномъ освѣщеніи не могъ ходить, ибо ничего не видѣлъ, и меня водилъ подъ руку Буцынскій. Отправили насъ 8 человѣкъ: меня, Буцынскаго, Кобылянскаго, Щедрина, Геллиса, Игнатія Иванова, Орлова и Волошенко. Всѣ мы ѣхали по два въ почтовой сибирской телѣгѣ. Къ телѣгѣ, въ которой ѣхалъ Н. П., къ задку ея привязывалась тачка. Удивительное остроуміе,—везти тачку изъ Кары въ Петербургъ. Добро бы Щедринъ былъ въ пути прикованъ къ ней, ну, куда ни шло, можно было бы объяснить тѣмъ, что наказаніе неукоснительно приводится въ исполненіе. Но везти тачку за 10 000 почти верстъ, воля ваша,—такая идея можетъ придти только въ голову русскому начальству. Помню, какъ часто на почтовыхъ станціяхъ шли препирательства между ямщиками и жандармами по поводу этой злосчастной тачки.

«— Вотъ, право, зря только привязывай, да отвязывай ее! Подумаешь невидаль такая, что въ Петербургѣ сдѣлать не съумѣютъ!» ворчали ямщики.

«— Ну, возражали ямщикамъ жандармы,— привязывай тамъ, что

разговаривать! сами знаемъ, что одна это глупость везти тачку за столько верстъ, и надоѣла она намъ горше рѣдьки, да что подѣлаешь, если въ бумагѣ сказано: 8 арестантовъ и одна тачка».

Съ такимъ товарищемъ Н. П. явился въ Петербургъ и поступилъ въ распоряженіе Ирода въ Алексѣевскій равелинъ. Здѣсь онъ просидѣлъ 2 мѣсяца, прикованный къ тачкѣ, также какъ я и Игнатій Ивановъ въ кандалахъ. Потомъ явился Иродъ и заявилъ ему, что онъ освобождаетъ его отъ тачки за хорошее поведеніе, которое, вѣроятно, выразилось въ томъ, что онъ въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, также какъ я и Ивановъ, не выходили изъ камеры даже на $^1/_4$ часа на воздухъ, чѣмъ пользовались поступившіе раньше насъ въ равелинъ. Впрочемъ и имъ эта милость была оказана черезъ 6-ть только мѣсяцевъ. Щедринъ былъ совершенно отдѣленъ отъ насъ и сидѣлъ рядомъ съ кабинетомъ Ирода. Равелинъ, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя треугольникъ, по одной сторонѣ котораго, сидѣли: Тетерка, Арончикъ, Колодкевичъ, Поливановъ, Игнатій Ивановъ и Баранниковъ,—по другой: Фроленко, Морозовъ, Тригони, Исаевъ, Лангансъ и Клѣточниковъ. Основаніе треугольника было раздѣлено на двѣ части дверью, ведущей во дворикъ для гулянья, находящійся внутри треугольника. За этой дверью и сидѣлъ Щедринъ и, вѣроятно, отгороженный отъ него кабинетомъ Ирода, Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

Какъ жилось Н. П. въ равелинѣ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какъ онъ, послѣ смерти Клѣточникова, былъ переведенъ въ камеру послѣдняго, трудно сказать. Когда онъ былъ переведенъ въ камеру Клѣточникова, о немъ только и извѣстно было мнѣ, что онъ сидитъ въ камерѣ Клѣточникова. То, что Н. П. мало стучалъ съ сосѣдями, это было совершенно непонятно, принимая во вниманіе общительность Н. П. и его живой характеръ. Очевидно, уже въ это время онъ былъ психически боленъ. Но въ этотъ моментъ пребыванія Н. П. въ Алексѣевскомъ равелинѣ можно сказать, по крайней мѣрѣ, что онъ также жилъ, какъ жили и остальные, т. е. не имѣлъ ни книгъ, ни другихъ какихъ либо занятій. Получалъ утромъ кусокъ плохого чернаго хлѣба и кружку воды, въ обѣдъ щи самаго плохого достоинства съ кусочками мяса въ количествѣ 25 золотниковъ и кашу размазню и вечеромъ оставшіеся отъ обѣда щи. Кратко говоря, голодалъ, какъ голодали и всѣ, особенно въ постные дни, когда попечительное начальство для спасенія нашихъ душъ преподносило намъ щи со снятками далеко не первой свѣжести и ту же размазню съ постнымъ масломъ. Болѣлъ, какъ и всѣ цынгой и пр.

Сказать что либо больше о Щедринѣ за время его пребыванія въ равелинѣ, о его психическомъ настроеніи, о тѣхъ думахъ, которыя посѣщали его въ его уединеніи,—я не могу. Увидѣлся я съ нимъ уже въ Шлиссельбургѣ, когда его выдающійся умъ уже погасъ.

Въ Шлиссельбургѣ на первыхъ порахъ мы могли судить о

томъ, что дѣлается съ Н. П., по тѣмъ крикамъ, которые раздавались изъ его камеры, и вознѣ съ нимъ въ корридорѣ, которыми всегда сопровождался насильственный переносъ Н. П. изъ новой тюрьмы въ старую. Пронесется по корридору тюрьмы болѣзненный, нервный крикъ, затѣмъ какой то продолжительный стонъ, который издаетъ обыкновенно человѣкъ съ зажатымъ ртомъ, силящійся что-то сказать, и затѣмъ все стихнетъ. Эта душу надрывающая тишина говорила намъ сидящимъ, что Н. П. унесли въ старую тюрьму. Постучишь въ дверь, спросишь Ирода въ чемъ дѣло и въ отвѣтъ получишь:

—«Что тебѣ еще нужно?—«сумасшедшій человѣкъ», ну и кричитъ. Перевели въ ту тюрьму»...

На этихъ словахъ онъ обрывалъ разговоръ съ ехидной улыбкой на плотоядномъ ртѣ и хлопалъ форткой. Ровно этому звѣрю въ образѣ человѣка было недостаточно, что души уже и безъ того надорваны истерическими криками, которые только что замерли въ корридорѣ, и вотъ онъ этой своей улыбкой даетъ вамъ понять, что дальнѣйшія сцены перенесены въ другое мѣсто, въ старую тюрьму, гдѣ на просторѣ,—говорила все таже его не двусмысленная улыбка,— мы заставимъ его молчать. Что тамъ дѣлалось съ больнымъ Н. П., объ этомъ краснорѣчиво говоритъ самоубійство Софьи Гинсбургъ, которая, какъ то стало потомъ извѣстно, и рѣшилась на самоубійство только потому, что у ней не хватало душевныхъ силъ переносить расправу съ Н. П. въ старой тюрьмѣ. Предъ самоубійствомъ Гинсбургъ нѣсколько разъ, какъ говорили потомъ унтера, стучала въ дверь и спрашивала: что вы съ нимъ дѣлаете, за что вы его мучаете? Но не получивъ отвѣта на вопросъ души, она рѣшилась, чтобъ не слышать больше этихъ невыносимыхъ криковъ и стоновъ Н. П., покончить съ собой.

Самъ Н. П. въ свѣтлыя минуты своей жизни говорилъ мнѣ о томъ, какъ его въ старой тюрьмѣ жестоко избивали. Продержавъ Н. П. недѣли двѣ—мѣсяцъ и полгода, и находя, что тѣ мѣры, которыя были пущены въ ходъ, въ достаточной мѣрѣ исправили Щедрина, Н. П. вновь переводили въ новую тюрьму. Черезъ нѣкоторое время вновь повторялось тоже самое и Н. П., при тѣхъ же надрывающихъ душу крикахъ и стонахъ, вновь переносился въ старую тюрьму...

Н. П. не гулялъ,—это мы знали,—но почему не гулялъ,—это оставалось неизвѣстнымъ, пока наконецъ при комендантѣ Гангартѣ докторъ Ремезовъ, человѣкъ гуманный, однажды не сказалъ мнѣ, что меня часто проситъ къ себѣ № 3-й, т. е. Н. П. и что и сегодня онъ подалъ жандармамъ записку на мое имя. Докторъ далъ мнѣ записку и въ ней я прочиталъ: «М. Р.! сколько ужъ разъ я просилъ васъ придти ко мнѣ въ гости, но отъ васъ ни отвѣта ни привѣта. Прошу еще разъ во имя старой дружбы придти сегодня ко мнѣ на чай. Я ужасно скучаю. Н. Щедринъ». Я заговорилъ съ докторомъ о болѣзни Н. П. и спросилъ у него, разрѣшитъ ли тюремная администрація исполнить его просьбу? Докторъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ объ этомъ съ комендантомъ. Онъ прика-

залъ, чтобъ смотритель передалъ вамъ его распоряженіе. Смотритель Федоровъ или, какъ мы называли его, Ѳекла, началъ мнѣ говорить о томъ, что онъ буйный и что, если я не боюсь, можно сдѣлать опытъ.

— Я распоряжусь,—сказалъ онъ,—чтобы дверь камеры 3-ей была только прихлопнута, но не заперта на замокъ. Какъ только вамъ будетъ угрожать опасность, жандармъ, стоящій у дверей камеры, откроетъ вамъ дверь и вы пожалуйста уходите сейчасъ же.

Я отправился къ Н. П. и, увидѣвъ его, былъ пораженъ изможденностью и блѣдностью его лица, которое можно только развѣ сравнить съ оберточной сѣрой бумагой. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, что предо мной стоитъ Н. П., который сохранился въ моей памяти съ волосами огненнаго цвѣта, прекрасными голубыми глазами и съ румянцемъ во всю щеку. Теперь предо мной стоялъ только такой-же высокій, стройный человѣкъ, какимъ былъ Н. П.: отъ всего же остального не осталось и слѣдовъ. Когда то свѣтлые глаза помутились и только блестѣли расширенные зрачки глазъ. Мы обнялись. Н. П. спросилъ меня,— почему я такъ долго не приходилъ къ нему, несмотря на неоднократное его приглашеніе.

— Скоро ты забываешь друзей,—сказалъ онъ съ грустью въ голосѣ,—да и всѣ вы меня забыли!

Я старался кое какъ успокоить его, ибо докторъ предупредилъ, что онъ страдаетъ маніей величія. Мы сѣли и въ этотъ разъ Н. П. неумолчно говорилъ о прошломъ. Я рѣшительно не замѣчалъ ничего, что бы говорило о томъ, что онъ психически больной человѣкъ. Замѣтна была сильно выраженная нервность и особенно нервное подергиваніе личныхъ мускуловъ. Я спросилъ у него,—почему онъ не выходитъ гулять, на что онъ отвѣтилъ: «не хочется». Я рѣшилъ убѣдить его выходить гулять, говорилъ ему о томъ, какъ мы огородничаемъ, какіе у насъ цвѣты, розы и пр. растутъ. Н. П. согласился все это посмотрѣть.

На другой день я пригласилъ доктора и заявилъ ему о моемъ намѣреніи гулять съ Щедринымъ. И тутъ только узналъ, что Н. П. не гуляетъ не по собственной волѣ, и что это только въ его больномъ мозгу преломилось такъ, будто онъ не выходилъ гулять по доброй своей волѣ. На мое заявленіе доктору о намѣреніи гулять со Щедринымъ, докторъ нѣсколько замялся и хотя согласился со мной, что это подѣйствовало бы благотворно на здоровье Н. П., но въ то же время сказалъ мнѣ, что имѣются къ тому препятствія со стороны тюремной администраціи. Это меня удивило, хотя, казалось, я долженъ былъ бы привыкнуть ничему не удивляться по части жестокостей въ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ. Обращаюсь къ смотрителю.

— «Неужели, спрашиваю я смотрителя,—имѣются какія нибудь причины, которыми оправдывалось бы лишеніе прогулки Щедрина, психически больного, по свидѣтельству доктора?

Смотритель кратко отвѣтилъ:

Николай Павловичъ
ЩЕДРИНЪ.

— Имѣются.

— Какія же такія,—спрашиваю,—причины? Вѣдь не налагаете же вы административныхъ взысканій по отношенію къ нему?

Смотритель отвѣтилъ, что больше онъ ничего не прибавитъ къ тому, что онъ уже сказалъ, но что, если я желаю, онъ пригласитъ ко мнѣ коменданта и, быть можетъ, онъ найдетъ возможнымъ сказать о причинахъ, по которымъ Щедринъ не можетъ пользоваться наравнѣ съ нами прогулкой. Я попросилъ пригласить ко мнѣ коменданта. На другой день ко мнѣ пришли: комендантъ, докторъ и смотритель. И вотъ тутъ-то я и услышалъ отъ коменданта, что и меня, привыкшаго ко всему возможному въ Шлиссельбургѣ, поставило въ тупикъ. На мой вопросъ, почему Щедринъ лишенъ прогулки и неужели онъ, психически больной, подвергается дисциплинарнымъ взысканіямъ за неисполненіе тюремныхъ правилъ,—комендантъ отвѣтилъ:

— Административнымъ взысканіямъ не подвергаютъ, но я не могу выводить его на прогулку, ибо онъ часто говоритъ непочтительно объ особѣ Государя Императора. Дѣйствительно, прежде его за это наказывали, но послѣ того, какъ докторъ призналъ его душевно больнымъ человѣкомъ, мы на него никакихъ взысканій не налагаемъ, но не могу же я его выводить на гулянье, гдѣ стоитъ караулъ, а вверху по стѣнамъ ходятъ простые рядовые, которые будутъ слышать его непочтительные отзывы объ особѣ Государя. Вы только вчера одинъ разъ видѣли его и потому не можете составить себѣ понятія о немъ. Ему вотъ взбрело въ голову, что онъ потомокъ рюриковичей, и вотъ вы бы и послушали, что онъ говоритъ тогда. Вотъ спросите у смотрителя,—какъ онъ насъ всѣхъ честитъ.

Смотритель, улыбаясь, говоритъ:

— Сегодня только что во время раздачи вечерняго чая кричалъ: «Эй вы, ... ! чтобъ у меня было все въ исправности» и пошелъ плесть, какъ обыкновенно—закончилъ смотритель.

— Вотъ видите!—сказалъ многозначительно комендантъ.—Выведи его на прогулку, онъ и начнетъ къ соблазну рядовыхъ говоритъ всякія пошлости. Нѣтъ, этого я допустить не могу,—сказалъ рѣшительно комендантъ.—Вы теперь знаете, что его теперь за это не наказываютъ,—пусть себѣ въ камерѣ говоритъ, что ему угодно. Богъ съ нимъ, если Господь наказалъ его такой болѣзнью, но я не могу допустить, чтобы онъ говорилъ такія слова громогласно, въ присутствіи рядовыхъ.

Я сталъ ему говорить, что это же неслыханная жестокость по отношенію къ больному и, наконецъ, вѣроятно, и докторъ согласится съ моимъ предположеніемъ, что на прогулкѣ умъ его въ этомъ болѣзненномъ направленіи меньше будетъ работать, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, такъ какъ при всей бѣдности разнообразія, которое можетъ дать наша прогулка, все же прогулка дастъ такого разнообразія больше,—дастъ болѣе впечатлѣній его уму, чѣмъ камера,

и что поэтому его умъ меньше будетъ имѣть шансовъ сбиваться въ эту сторону. Докторъ поддержалъ меня и предложилъ коменданту сдѣлать опытъ. Наконецъ, комендантъ согласился попробовать вывести Щедрина на прогулку. Теперь и читателю станутъ понятными тѣ крики, зажиманіе рта и переводъ Щедрина въ старую тюрьму. Все это вызывало непочтительное отношеніе Щедрина къ особѣ Государя Императора, когда, вѣроятно, отъ соблазна приходилось предохранять и насъ, какъ предохранялись до моего разговора съ комендантомъ рядовые. И такъ Н. П., если допустить даже, что болѣзнь его началась уже въ Шлиссельбургѣ,—хотя есть основаніе думать, что онъ былъ боленъ уже въ равелинѣ,—просидѣлъ психически больнымъ въ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ свыше 10-ти лѣтъ, ибо только въ 95 году онъ былъ вмѣстѣ съ Конашевичемъ увезенъ изъ Шлиссельбурга.

Послѣ этого разговора съ комендантомъ, я часто бывалъ и въ камерѣ Н. П., и гулялъ съ нимъ. Въ свѣтлые промежутки своей болѣзни Н. П. былъ столь же умнымъ и подчасъ остроумнымъ собесѣдникомъ, какимъ я его зналъ и на волѣ. Но приступы его болѣзни наступали мгновенно. Часто это бывало и въ моемъ присутствіи. Достаточно иногда было того, что онъ замѣчалъ во время разговора, что въ глазокъ смотритъ жандармъ, онъ вскакивалъ съ мѣста, бросался къ двери и начиналъ громкую брань по адресу виновника, и затѣмъ его умъ начиналъ работать въ болѣзненномъ направленіи. Онъ требовалъ къ себѣ американскаго консула, чтобъ чрезъ его посредство заявить цивилизованному міру о томъ, кто онъ такой по крови, и требовать вмѣшательства международной дипломатіи, чтобы вырвать его изъ рукъ тираніи. Въ такія минуты я съ грустью оставлялъ его и уходилъ въ свою камеру.

Ко всему сказанному я могу еще прибавить, что намъ удалось узнать отъ доктора Безроднаго о судьбѣ Щедрина, послѣ увоза его изъ Шлиссельбурга. Н. П. былъ отправленъ въ Казань. Тамъ онъ находится и по сей день [1]).

М. Поповъ.

---

[1]) Не можетъ ли кто нибудь доставить намъ свѣдѣнія о родныхъ Н. П. Щедрина? Это нужно для сообщенія имъ имѣющихся въ Шлиссельбургскомъ комитетѣ свѣдѣній о положеніи больного.

Ред.

Первое мая въ Россіи.

(*Окончаніе* [1]).

Въ 1904 году еще явственнѣе сказалось обособленіе соціалдемократическихъ организацій отъ массы въ вопросѣ о празднованіи Перваго Мая. „Неудача“ майскаго праздника, неудача съ точки зрѣнія вышеизложеннаго взгляда, уже заранѣе угадывалась наиболѣе освѣдомленными товарищами и нашла себѣ объясненіе въ статьѣ „Искры“ о Первомъ Мая. Это была длинная передовая статья въ № 64, вышедшемъ 18 апрѣля. Она широко ставила вопросъ, дѣлала бѣглый обзоръ первомайскаго движенія во всемъ мірѣ и констатировала, что „политическое значеніе майскаго праздника ослабѣло“ и только на окраинахъ всемірной имперіи капитала, во вновь пробуждающихся къ современной классовой борьбѣ странахъ майскій праздникъ, какъ и 15 лѣтъ назадъ въ западной Европѣ, становится днемъ, когда силы стараго и новаго міра мѣряются другъ съ другомъ. Это уже позволяло предсказать „ослабленіе значенія Перваго Мая“ и на „окраинахъ“, по мѣрѣ развитія въ нихъ власти капитала. Однако же „Искра“ высказала надежду, что прежнее значеніе Перваго Мая будетъ возстановлено русской революціей и въ первомайской статьѣ слѣдующаго года выразила увѣренность, что ее предсказаніе начинаетъ сбываться. Здѣсь боролись объективность наблюдателя и привязанность его къ старому взгляду. Въ результатѣ этой борьбы долженъ появиться новый взглядъ на задачи Перваго Мая.

Въ статьѣ „Искры“ очень цѣнно признаніе факта, что международное празднованіе Перваго Мая не удовлетворяетъ насъ, но попытка объяснить этотъ фактъ, кажется мнѣ, неудовлетворительной; объясненіе заключается въ слѣдующемъ: „Политическая борьба организованнаго пролетаріата такъ усложнилась, что терявшая агитаціонную свѣжесть новизны ежегодная демонстрація стала занимать во всей борьбѣ относительно все болѣе скромную роль. Планомѣрная политика соціалдемократіи извле-

[1]) См. „Былое“, октябрь и ноябрь.

каетъ изъ майской демонстраціи все то, что можно изъ нея извлечь безъ излишняго напряженія революціонныхъ силъ, но въ общей суммѣ работы майская агитація продолжаетъ давать незамѣнимые плоды воспитанія сознанія международной солидарности".

Я не согласенъ съ тѣмъ, что наши западноевропейскіе товарищи извлекаютъ изъ первомайской демонстраціи все то, что можно изъ нея извлечь; не согласенъ также съ тѣмъ, что она продолжаетъ давать плоды, о которыхъ говоритъ цитата; но не выходя за предѣлы задачъ этой статьи, я не могу вдаваться въ объясненіе указанныхъ здѣсь обстоятельствъ [1]) и лишь отмѣчаю, что русскимъ соціалдемократамъ, видѣвшимъ въ демонстраціи Перваго Мая день битвы, приходилось относить битву до другого дня; но тогда Первое Мая превращалось въ „порожній день", какъ и всѣ праздники, которые чтитъ нашъ офиціально-христіанскій міръ. Поэтому, въ сущности, статья „Искры" является надгробнымъ словомъ великой идеѣ Перваго Мая для товарищей, на мой взглядъ ошибочно понимавшихъ значеніе этого дня.

Одновременно съ этой статьей появилось другое литературное произведеніе, блестяще выразившее иныя тенденціи. Оно, наоборотъ, полно жизни и страсти, въ немъ нѣтъ и тѣни упадка значенія этого дня. Я имѣю въ виду майскую прокламацію Центральнаго комитета Партіи. Мнѣ представляется, что впервые за 12 лѣтъ послѣ замѣчательной прокламаціи Группы Народовольцевъ 1892 г., эта прокламація явилась историческимъ документомъ, выражавшимъ цѣлое міросозерцаніе. Всѣ тѣ тысячи прокламацій соціалдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, которыя вышли въ Россіи въ милліонахъ экземпляровъ между этими двумя прокламаціями, кажутся только безконечно разнообразными переходными формами въ общемъ развитіи идей отъ первой ко второй. И насколько эта вторая стоитъ выше первой! Я привожу ниже цѣликомъ эту прокламацію нашего Центральнаго Комитета, выпущенную наканунѣ событій въ Россіи, полныхъ всемірно-историческаго значенія. Бросаются въ глаза стилистическіе недостатки этого произведенія и чудится, что авторъ въ экстазѣ спѣшилъ набро-

[1]) Первоначально я предполагалъ провести въ этой статьѣ параллель между празднованіемъ Перваго Мая заграницей и въ Россіи, но избытокъ матерьяла заставилъ меня ограничиться Россіей. Мнѣ приходилось присутствовать на праздникѣ Перваго Мая во Франціи, Швейцаріи, Бельгіи, Германіи и Швеціи, но повсюду онъ вызвалъ во мнѣ чувство неудовлетворенія. Будучи членомъ комиссіи по вопросу о Первомъ Мая отъ русской делегаціи на Парижскомъ Международномъ Соціалистическомъ Конгрессѣ, я пытался внести въ проектъ резолюціи тѣ тенденціи, которыя я защищаю въ этой статьѣ, но это мнѣ не удалось. На Амстердамскомъ конгрессѣ мнѣ снова казалось, что съѣздъ невнимательно относится къ вопросу о Первомъ Мая; резолюціи нашихъ международныхъ конгрессовъ шаблонно призываютъ „еще съ большей энергіей" поддерживать то, значеніе чего „ослабѣваетъ" видимымъ для всѣхъ образомъ.

сать на бумагу свои мысли, какъ художникъ импрессіонистъ, мало заботясь о формахъ, а издатели не рѣшились внести даже и поверхностныя редакціонныя поправки. Вотъ эта прокламація:

„Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Первое мая.

Привѣтъ вамъ, товарищи! Всему россійскому пролетаріату, всѣмъ борцамъ за наше великое соціалдемократическое дѣло— привѣтъ и поздравленіе съ наступленіемъ нашего свѣтлаго, нашего всемірнаго, нашего рабочаго праздника.

Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ
Да чтится свято праздникъ майскій!
То праздникъ братства и любви,
Свободы радостной и свѣта
Весны грядущей вѣстникъ чудный!

Хмурится старая Европа, гремятъ орудія на Дальнемъ Востокѣ, щедро расточается кровь россійскаго и японскаго пролетаріата, буржуазные дипломаты всего міра стараются превзойти другъ друга въ козняхъ, лжи, лицемѣріи и интриганствѣ.

Вооружаются безчисленныя арміи, строются чудовищные броненосцы, возводятся несокрушимыя крѣпости, цѣлые милліарды народныхъ средствъ идутъ на то, чтобы отгородить одинъ народъ отъ другого, чтобы воспользоваться минутой и придушить слабаго...

Тризну, кровавую тризну справляютъ старые боги одряхлѣвшаго буржуазнаго міра! Тризну, погребальную тризну надъ своимъ собственнымъ дѣломъ, дѣломъ вражды, крови, угнетенія, человѣконенавистничества, мрака и позора!

Взгляните: вотъ они, чудные символы новаго вѣка, новое знамя на небѣ:—„симъ побѣдиши!“

Надъ этой обездоленной страной, въ эту тяжелую годину народныхъ бѣдъ, мы по прежнему гордо и смѣло поднимаемъ наши свѣтлыя и чистыя, наши майскія знамена! Какъ свѣтозарно вѣютъ они рядомъ съ такими же знаменами нашихъ нѣмецкихъ и французскихъ, англійскихъ и голландскихъ, американскихъ и испанскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ, нашихъ японскихъ и другихъ товарищей-пролетаріевъ почти всѣхъ странъ міра!..

Какъ все просто и ясно, честно и правдиво на нашемъ дружномъ, братскомъ, рабочемъ праздникѣ. Не нужно намъ ни лживыхъ нотъ, ни ловкихъ дипломатовъ! Достаточно нѣсколькихъ лучей животворящаго весенняго солнышка, чтобы весь міръ прочелъ на нашихъ знаменахъ нашъ первый, всемірный, пролетарскій, майскій девизъ: *пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!* Такъ рѣшаемъ мы вопросъ о границахъ, такъ отвѣчаемъ мы старому міру на его злобную травлю народа на народъ...

Выше знамена, товарищи! Тѣсно сплетайте ихъ — русское

съ японскимъ, нѣмецкое съ французскимъ, Петербурга и Гельсингфорса, Москвы и Варшавы!..

Намъ не нужны многотомные трактаты международнаго, гражданскаго, уголовнаго, полицейскаго и всякаго другого буржуазнаго права, чтобы весь міръ уразумѣлъ глубокій и простой смыслъ второго нашего всемірнаго пролетарскаго первомайскаго требованія: *восьмичасоваго рабочаго дня!*

Мы не скотъ подъяремный, мы люди! намъ нуженъ досугъ для свободнаго развитія своей человѣческой личности, для удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ, для отправленія нашихъ семейныхъ, нашихъ гражданскихъ обязанностей. Да, и нашихъ гражданскихъ обязанностей! Ибо во всемъ мірѣ наиболѣе стойкими гражданами, наиболѣе передовыми борцами за дѣло гражданской свободы, наиболѣе вѣрными слугами всего человѣчества оказались мы, пролетаріи міра! И здѣсь, въ этой странѣ насилія и гнета, своею кровью доказали мы нашу гражданскую зрѣлость. Вотъ почему мы, пролетаріи, въ день Перваго Мая развертываемъ наше гордое, наше боевое, красное знамя! Оно горитъ и ярко рдѣетъ—то кровь работниковъ на немъ!

То честная кровь нашихъ товарищей, павшихъ въ борьбѣ за лучшую долю рабочихъ, за свободу, за счастье нашей родины. Каждая капля этой благородной крови предотвращаетъ цѣлые потоки крови, которую бы пролилъ россійскій народъ, не будь у него мужественнаго защитника, пролетарія-гражданина.

Отъ имени всего россійскаго пролетаріата въ этотъ великій день нашего рабочаго праздника—вѣчная слава и память вамъ, благороднымъ мученикамъ доблестнаго дѣла! Вотъ пароль славнаго пути нашихъ павшихъ борцовъ, нашей вѣрной дороги.

Взгляните, какимъ трепетомъ, какою тревогою охваченъ весь вражескій станъ въ день нашего рабочаго праздника. Сколько штыковъ держатъ они на готовѣ, сколько казацкихъ нагаекъ висятъ уже въ воздухѣ, какъ мечутся и снуютъ ихъ шпіоны и полицейскіе! Они, вооруженные съ ногъ до головы, трепещутъ насъ, безоружныхъ... Они, со всѣми своими тысячами поповъ, чиновниковъ, продажныхъ писакъ, лакеевъ профессоровъ, со всѣмъ тѣмъ дурманомъ, которымъ они уже столько вѣковъ опаивали трудящіяся народныя массы — трепещутъ нашего простого безхитростнаго слова, нашихъ ясныхъ, какъ майскій день, требованій.

Они знаютъ, что наше слово есть истина, а съ истиной нельзя бороться ни ложью, ни штыками. Для истины изъ человѣческаго сознанья есть только одна дорога — въ жизнь. Они знаютъ, что наши требованія такъ просты и ясны, такъ напоминаютъ точно выраженный великій въ своей простотѣ законъ природы только потому, что они представляютъ точно выраженный законъ исторіи.

За вѣкомъ королей, фабрикантовъ, чиновниковъ, поповъ и жандармовъ наступаетъ вѣкъ свободныхъ, равноправ-

ныхъ людей—работниковъ, гражданъ. За вѣкомъ гнета, насилія, лжи, нищеты, муки и слезъ—свѣтлое царство свободы, науки и счастья, пролетарскій соціализмъ!

Гдѣ же сила, которая бы могла задержать зиму, предотвратить весну, снова заморозить земной шаръ! гдѣ та сила, гдѣ то правительство, которое могло бы устоять передъ солидарностью пролетаріевъ всего міра, этимъ вѣстникомъ весны всего человѣчества, торжественно чествуемой нами въ день Перваго Мая?!

И гдѣ тотъ новый пророкъ, который бы смогъ наслать „египетскую тьму“ на наши прозрѣвшія очи? развѣ не видѣли мы отсюда, изъ нашего родного несчастнаго края долготерпѣнія, какъ справляютъ этотъ веселый праздникъ мая наши болѣе счастливые товарищи, граждане политически свободныхъ странъ. Свободно собираются они на многолюдныхъ собраніяхъ, гдѣ смѣло говорятъ имъ объ ихъ жизни, о путяхъ къ лучшей долѣ ихъ любимые вожди и ораторы. Правдивое слово пролетарской прессы свободно заливаетъ свѣтомъ всю страну. Величественными процессіями, съ развѣвающимися знаменами, въ своихъ лучшихъ одеждахъ, въ сопровожденіи своихъ женъ и дѣтей, гордо и торжественно пойдутъ они по шумнымъ городамъ и ни войска, ни полиція не посмѣютъ коснуться ихъ. Они еще разъ открыто и мощно заявятъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ и потребуютъ у правителей отчета въ каждомъ истраченномъ народномъ рублѣ, въ каждомъ призванномъ солдатѣ. И правители должны будутъ отвѣчать въ парламентахъ представителямъ рабочихъ, должны будутъ считаться съ пролетарскою волею.

Прозрѣли мы и не хотимъ, не можемъ, не должны быть слѣпыми! Насъ ненужно вести, мы сами найдемъ дорогу! Наши правители должны быть выбраны нами, должны быть на отчетѣ у насъ! Мы должны знать на что идетъ нашъ кровный трудъ, на что тратятся наши жизни! Мы хотимъ свободной печати, свободнаго слова! Мы хотимъ свободы собраній, союзовъ и сходокъ! Мы требуемъ политической свободы, республиканскаго правительства, правительства на отчетѣ у народа!

Отъ имени всего россійскаго пролетаріата—долой самодержавіе! долой . . . . . долой самовластныхъ министровъ, истерзавшихъ грудь россійскаго народа своими поборами, своими тюрьмами, штыками, нагайками!..

Греческій мудрецъ, Архимедъ, сказалъ: дайте мнѣ точку опоры и я переверну весь земной шаръ. Мы, пролетаріи, говоримъ вамъ: дайте намъ политическую свободу, дайте намъ восьмичасовый рабочій день, и мы покажемъ какъ можетъ быть счастлива жизнь на землѣ!

Привѣтъ вамъ, товарищи! Да свѣтитъ вамъ ясно майское солнце! Да здравствуетъ россійская, да здравствуетъ международная соціалдемократія!

Центральный Комитетъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи."

Повторяю: въ этихъ двухъ документахъ: въ редакціонной статьѣ „Искры", центральнаго органа партіи, и въ прокламаціи Центральнаго Комитета, сказались два совершенно различныхъ взгляда на значеніе Перваго Мая. Въ прокламаціи нѣтъ призыва къ возстанію, не назначены часъ и мѣсто битвы; но значеніе праздника, понятое такъ, какъ его понялъ авторъ прокламаціи, не можетъ ослабѣть; наоборотъ, съ точки зрѣнія авторовъ статьи праздникъ нашъ въ этомъ году представлялся неудачнымъ, значеніе его „ослабѣвало" уже и у насъ „на окраинахъ всемірной имперіи капитала". На этой послѣдней точкѣ зрѣнія стояли редакціи всѣхъ русскихъ нелегальныхъ газетъ и поэтому имъ казались — за исключеніемъ органа Бунда, о которомъ я буду говорить ниже — маловажными первомайскія событія этого года, и въ нашу прессу попало сравнительно мало сообщеній о маевкахъ. Въ „Искрѣ" я нашелъ указанія (кромѣ района дѣятельности Бунда) всего лишь о 19 городахъ; въ „Революціонной Россіи" даже только о 10: „Освобожденіе" совсѣмъ не упоминаетъ въ этомъ году о маевкахъ; съ точки зрѣнія „Освобожденія" въ этотъ день не случилось ничего заслуживающаго упоминанія. Удачныя демонстраціи произошли въ этомъ году только въ Варшавѣ, Ригѣ, Митавѣ и Гомелѣ.

Въ Варшавѣ „полиція очевидно получила приказъ, во что бы то ни стало не допустить демонстраціи; это ей не удалось", пишутъ въ „Искрѣ". „Цѣлый мѣсяцъ велась усиленная майская агитація; устраивались майскія собранія, на которыхъ перебывало до 800 человѣкъ; въ тысячахъ экземпляровъ распространялись прокламаціи". Корреспондентъ „Искры" высказываетъ взглядъ, что праздникъ Перваго Мая — „это день кровавой борьбы".

Такъ какъ партіи не смогли прійти къ соглашенію, то было устроено въ одно и то же время двѣ демонстраціи, въ Уяздовскихъ аллеяхъ (P. P. S.) и на Маршалковской (Бундъ, „Пролетаріатъ" и Польская Соціалдемократическая Партія). Здѣсь собралось много народу, болѣе 10 тысячъ. „Предстояла дилемма—пишутъ Послѣднія Извѣстія Бунда—либо устроить геройскую, но обреченную на неудачу попытку развернуть знамя на Маршалковской при громадномъ стеченіи народа, или устроить удачную но малочисленную демонстрацію на менѣе людной улицѣ. Руководитель выбралъ послѣднее". Дали знать, что демонстрація переносится на Электоральную улицу. Двинулись туда и въ 6 часовъ подняли три красныхъ знамени тѣхъ организацій, которыя устроили демонстрацію. 300 или 400 рабочихъ составили ядро вокругъ знаменъ. Процессія двигалась въ теченіе 30 минутъ и разошлась прежде, чѣмъ явились казаки.

Такой же характеръ носила демонстрація въ Ригѣ. „Невиданную еще картину представляли улицы, прилегающія къ пло-

щади Св. Павла, пишутъ Бунду. Въ воскресенье 24-го апрѣля къ 10 ч. утра народу собралось отъ 7 до 10 тысячъ. Такъ какъ мы заранѣе ждали нападенія полиціи, то организовали боевую дружину въ 300 человѣкъ, которая была разбита на отряды, вооруженные кинжалами, ножами, палками, кампями". Столкновеніе дѣйствительно произошло, при чемъ полиціи пришлось нѣсколько разъ отступать.

Изъ Митавы пишутъ въ „Искру": Демонстрація была назначена на воскресенье, въ 12 ч. дня. 70 человѣкъ были вооружены палками и пескомъ. Раздались звуки марсельезы и было поднято красное знамя; изъ воротъ выскочили городовые съ обнаженными шашками; „рабочіе дружно встрѣтили ихъ, сбивъ съ ногъ первые ряды. Настроеніе рабочихъ хорошее и можно сказать, что демонстрація достигла цѣли".

Въ Гомелѣ для подготовки демонстраціи еще 10-го апрѣля состоялось огромное собраніе въ 900 человѣкъ за городомъ. „Громадныя лощина была усѣяна народомъ сидѣвшимъ на землѣ, сообщаютъ Послѣднія Извѣстія; съ возвышенія было видно только море головъ. Собраніе длилось съ 4 до $6^1/_2$ часовъ вечера и послѣ этого всѣ толпою двинулись въ городъ съ революціонными пѣснями. Послѣ этого было еще нѣсколько подготовительныхъ собраній и на Первое Мая объявлена всеобщая забастовка". Демонстрація была назначена на субботу 8-го мая и была прекрасно организована. Явилось 700 человѣкъ, развернули красное знамя и прошли по улицамъ съ пѣніемъ пѣсенъ и революціонными возгласами.

Такимъ образомъ внѣшняя сила, правительство, не могло и въ этомъ году предотвратить демонстраціи; если они не произошли въ другихъ центрахъ, то очевидно на это были другія, внутреннія причины.

Въ Петербургѣ маевку отпраздновали на собраніяхъ: „человѣкъ около 100 одного района, пишетъ „Искра", отправились за городъ, въ лѣсъ, гдѣ надъ ними развѣвалось красное знамя и нѣсколько ораторовъ произнесли рѣчи. Майскія прокламаціи Центральнаго Комитета пришли благополучно и также благополучно разошлись. Въ другихъ районахъ также состоялись собранія человѣкъ по 30 и болѣе, до 100". Мѣстныя майскія прокламаціи были арестованы въ большомъ количествѣ.

Есть извѣстія о маевкахъ въ Москвѣ, Ивано-Вознесенскѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Екатеринославѣ, Елизаветградѣ, Перми, Томскѣ, Иркутскѣ, Верхнеудинскѣ, Читѣ, Ростовѣ, Гуріи, Черниговѣ, Либавѣ, Житомірѣ, Астрахани и еще нѣсколькихъ болѣе мелкихъ пунктахъ. Сообщенія кратки и однообразны: выпущены прокламаціи, было нѣсколько собраній, произнесены рѣчи. Изъ многихъ центровъ нашего движенія, даже такихъ какъ города Закавказья, Поволжья, товарищи не нашли нужнымъ сообщать что бы то ни было о Первомъ Мая; очевидно

имъ самимъ казалось, что не случилось ничего достопримѣчательнаго въ этотъ день.

Но если предположить, что характеръ маевки—хотя и не размѣры движенія, въ этомъ году былъ приблизительно однороднымъ на всемъ пространствѣ Россіи, какъ уже сдѣлалось къ этому времени приблизительно однороднымъ все соціалдемократическое рабочее движеніе въ нашей странѣ, то можетъ быть картина маевки въ районѣ дѣятельности Бунда сможетъ объяснить намъ кажущееся затишье 1904 года.

Въ противоположность русскимъ газетамъ мы находимъ въ органѣ Всеобщаго Еврейскаго Союза, въ Послѣднихъ Извѣстіяхъ Бунда, массу свѣдѣній объ этомъ днѣ. Имѣются сообщенія изъ шестидесяти городовъ и мѣстечекъ. Центральный Комитетъ Бунда выпустилъ 100 тысячъ прокламацій, кромѣ того Комитетомъ Бунда издано 27 тысячъ. Предмайская агитація вездѣ началась за нѣсколько дней до этого дня: были собраны многочисленныя сходки, то огромныя, во много сотенъ человѣкъ, то мелкія—въ 90 человѣкъ, въ 50 человѣкъ въ 40 человѣкъ—каждая изъ нихъ отмѣчена въ корреспонденціяхъ: очевидно нашими еврейскими товарищами сознавалась вся важность этихъ фактовъ, на первый взглядъ столь мелочныхъ. Въ Виштинцахъ не работало 60 человѣкъ. Значеніе этого факта станетъ понятно, если вспомнить, что это—все рабочее населеніе мѣстечка! Кто слышалъ о Слонимѣ, Яновѣ, Руксанахъ, Городнѣ, Борисовѣ, Маріамполѣ? А тамъ были тайныя собранія, тамъ мужественно, открыто объявляли себя адептами международнаго движенія, не являясь на работу въ этотъ красный день! Кто оцѣнитъ, съ какими тягостями связанъ этотъ поступокъ для рабочаго въ маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ каждый житель на виду? Опасность ареста, избіенія со стороны полиціи, ужасъ погромовъ со стороны „гоевъ“, озлобленіе и проклятье со стороны хранителей еврейскихъ національныхъ традицій терпѣнья и покорности—вотъ что говорятъ эти маленькія цифры числа маевщиковъ и имена маленькихъ городовъ и мѣстечекъ. Рабочій классъ народа, въ вѣковѣчныхъ страданіяхъ создавшаго удивительное сочетаніе упорства, дѣловитости, практичности съ рѣдкимъ идеализмомъ—умѣлъ „извлечь изъ празднованія Перваго Мая все то, что можно изъ него извлечь“. Поистинѣ день этотъ „уподобился тѣмъ праздникамъ, которые праздновались первыми христіанами въ римскихъ катакомбахъ, когда въ сырыхъ подземельяхъ, при слабомъ мерцаніи огоньковъ собирались они“...

Это настроеніе, прежде чѣмъ проявилось оно въ празднованіи Перваго Мая этого года, уже отразилось въ прокламаціи Центральнаго Комитета Бунда, хотя въ ней сквозятъ также и пережитки прежняго взгляда. Вотъ нѣсколько строкъ оттуда.

„День всеобщаго единенія, день мирнаго взаимнаго привѣта во всей пролетарской семьѣ всего міра—это день Перваго

Мая, праздникъ соціализма". „Наше современное общество не что иное, какъ необъятное поле битвы, на которомъ два громадныхъ полчища стоятъ другъ противъ друга, готовые къ упорному бою. Съ одной стороны угнетатели, въ чьихъ рукахъ богатство обращается въ орудіе для высасыванія изъ рабочихъ всѣхъ жизненныхъ соковъ, съ другой порабощенные, потомъ и слезами создающіе блага для своихъ враговъ. Но какая огромная разница между обѣими сторонами! Нѣтъ согласія въ станѣ угнетателей; словно голодные волки стоятъ они другъ противъ друга, готовые задушить своими руками своихъ же товарищей. Лицемѣріе, коварство, подлизываніе и зависть—вотъ узы, которыя ихъ связываютъ! И въ то же время какое братское единеніе, какая солидарность въ рядахъ другой арміи, арміи труда! Ибо нѣтъ у пролетаріевъ противорѣчивыхъ стремленій; у нихъ одинъ только общій врагъ—капитализмъ и одна общая цѣль—царство соціализма, гдѣ будетъ вѣчнымъ свѣтомъ сіять солнце любви и согласія".

...Въ этотъ день, для котораго была написана прокламація, точно подтверждая сказанное въ ней, императорская японская армія перешла Ялу и разбила императорскую русскую армію. Культурное, прогрессивное правительство молодой капиталистической страны одолѣло реакціонное самодержавіе другой, пытавшееся при феодальномъ государственномъ строѣ совершить блестящую авантюру капитализма. Манджурія, незамерзающій Портъ-Артуръ, владычество надъ западнымъ побережьемъ Великаго Океана—этотъ волшебный сонъ всероссійской буржуазіи разсѣянъ буржуазіей японской, умѣвшей старый государственный строй своевременно измѣнить и приспособить къ потребностямъ капиталистической страны...

Это пораженіе правительства, сохранившагося какъ послѣдній пережитокъ докапиталистическаго строя Россіи, совпало съ днемъ праздника пролетаріата, съ проблесками первыхъ лучей зари, которая смѣнитъ эпоху капитализма.

* * *

Наступилъ годъ великой русской революціи. Всѣ мы были свидѣтелями и участниками того, что переживала страна. Каждый день, каждый часъ можно было ждать новыхъ и новыхъ боевыхъ схватокъ и день Перваго Мая естественно намѣчался, какъ исторически предназначавшійся быть днемъ битвы. Тѣ, кто столько лѣтъ провозглашалъ, что Первое Мая есть „праздникъ борьбы", кто ждалъ, что наступитъ „наше Первое Мая", иное чѣмъ ежегодное 1-ое мая, бывшее *„пока* еще днемъ односторонняго избіенія", должны были признать, что теперь или никогда день этотъ не будетъ днемъ битвы.

Но дѣйствительность слишкомъ ясно говорила о невозможности, о „безуміи", какъ выразилась одна прокламація, вызывать бой въ этотъ день. Идеальное представленіе о Первомъ

Мая, какъ о послѣднемъ и рѣшительномъ боѣ, приходило въ непримиримое противорѣчіе съ реальною дѣйствительностью. А иного идеальнаго значенія этого праздника, кромѣ боевого, большинство товарищей не видѣло и какъ только обнаружилось, что Первое Мая непригодно для возстанія, за нимъ оставалось лишь значеніе смотра нашей арміи; но на опасный плацъ-парадъ было трудно созвать нашу вольницу.

А между тѣмъ стремленіе праздновать Первое Мая все расширялось. Начиная съ 1900 года мнѣ пришлось отказаться отъ систематической хроники первомайскихъ событій, такъ какъ она стала слишкомъ сложна. Теперь я долженъ отказаться даже отъ самаго перечня мѣстъ, гдѣ произошло празднованіе. Составленная мною хроника 1905 года охватываетъ сто двадцать шесть пунктовъ. Я постараюсь поэтому только охарактеризовать маевку этого года, основываясь на болѣе знаменательныхъ событіяхъ.

Центральный Комитетъ Бунда, по обыкновенію, обратился къ товарищамъ съ прокламаціей Перваго Мая, напечатанной въ 130 тысячахъ экземпляровъ.

„Наступаетъ Первое Мая — такъ начинается эта прокламація — великій, прекрасный, свѣтлый пролетарскій праздникъ, праздникъ мира, единенія, свободы — праздникъ соціализма“. Если эти слова не были пустою риторикой, то они выражали взглядъ на Первое Мая, противоположный призыву превратить этотъ день въ „день смѣлаго и рѣшительнаго нападенія“ на врага.

„Мы оставимъ всѣ фабрики, всѣ заводы, мастерскія и магазины — продолжала прокламація, — мы устроимъ грандіозную стачку. Мы всѣ выйдемъ на улицу подъ нашими красными пролетарскими знаменами“. Таковъ былъ лозунгъ руководителей Бунда; но далѣе добавлено нѣсколько словъ, на первый взглядъ банальныхъ, но вскрывающихъ настроеніе товарищей изъ Бунда. „Нашъ рабочій праздникъ будетъ праздникомъ борьбы, сказано тамъ; мужественной борьбы со всѣми темными силами, которыя не даютъ намъ идти къ нашей цѣли“.

Товарищи изъ Бунда хотѣли, чтобы этотъ праздникъ былъ днемъ битвы; это ясно видно изъ тѣхъ многочисленныхъ сообщеній, которыя напечатаны въ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ“ о Первомъ Мая съ мѣстъ дѣйствія; но обстоятельства—настроеніе массъ и опасность погромовъ — заставили ихъ отказаться отъ этого желанія. Чутко прислушиваясь къ настроенію широкихъ круговъ еврейского пролетаріата, организаціи Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза, вопреки желаніямъ своихъ передовыхъ борцовъ, вступили на иной путь празднованія Перваго Мая и этотъ путь мнѣ представляется совершенно правильнымъ, по крайней мѣрѣ въ 1905 году онъ привелъ къ блестящимъ результатамъ. Я приведу здѣсь краткія выписки изъ корреспонденцій, которыя показываютъ и величественное мирное высту-

пленіе пролетаріата и боевое настроеніе вожаковъ, смотрѣвшихъ на это празднество, какъ на вынужденный компромисъ и даже не всегда рѣшавшихся прямо высказать причину своего отказа отъ демонстраціи.

Рига (Изъ прокламаціи). „Товарищи! скрѣпя сердце мы отказались въ этомъ году отъ первомайской демонстраціи. Борьба будетъ только тогда побѣдоносной, когда мы сумѣемъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить . . . . . солдатъ и мы готовимся и зовемъ къ этому нашихъ товарищей".

Гродно. „Организовано было массовое собранье въ 1.000 человѣкъ и цѣлый рядъ небольшихъ. Организація готовилась къ самообороне и пріобрѣла въ большомъ количествѣ оружіе; но открытое выступленіе Перваго Мая организація отклонила. Забастовка вышла дѣйствительно всеобщей и весьма удачной. Все рѣшительно пріостановилось; огромными толпами разгуливали цѣлый день рабочіе; вечеромъ были пущены ракеты, раздавались возгласы, покрываемые громкими ура".

Гомель. Никакихъ собраній, никакой демонстраціи рѣшено было въ этотъ день не устраивать... Улица была запружена народомъ, праздично одѣтыми рабочими и работницами съ красными ленточками въ петличкахъ и на разноцвѣтныхъ кофточкахъ. Вскорѣ послѣ 18 апрѣля была назначена демонстрація, но, по независящимъ отъ организаціи причинамъ, должна была быть отложена.

Бобруйскъ. На многихъ улицахъ и на перекресткахъ разставлены были солдаты въ полномъ вооруженіи. Среди обывателей циркулировали слухи, что произойдетъ рѣзня; одни лишь рабочіе смѣло явились на улицу. Бастовали всѣ еврейскіе рабочіе; группы рабочихъ толпились по улицамъ, многіе носили на груди красные бантики.

Кіевъ. Въ началѣ апрѣля была созвана конференція организацій одиннадцати окружающихъ Кіевъ уѣздныхъ городовъ для объединенія первомайской кампаніи. Рѣшено 18 апрѣля устроить массовую забастовку, собранія и праздники; что же касается открытаго выступленія, то формы и способы выступленія были выработаны для каждаго города отдѣльно. Однако по разнымъ соображеніямъ всюду ограничились только политической забастовкой.

Бердичевъ. Мы считали нужнымъ воздержаться отъ всякихъ манифестацій въ этотъ день при такой мобилизаціи вражескихъ силъ.

Пинскъ. Всеобщая забастовка удалась, какъ нельзя лучше. Работу бросили положительно всѣ: рабочіе, прикащики, ломовые извозчики, даже водовозы; рабочіе съ красными бантиками въ петличкахъ гуляли по улицамъ. Организація рѣшила демонстраціи не устраивать, но день закончился блестящей импровизированной манифестаціей: рабочіе пускали ракеты и фейерверки на главной улицѣ.

Сѣдлецъ. Листки призывали къ всеобщей забастовкѣ. Перваго Мая съ самаго утра улицы были полны народомъ, одѣтымъ по праздничному; вечеромъ по тротуарамъ трудно было двигаться. Два раза толпа сходила на улицу съ тротуара и слушала 5—10 минутъ оратора, но тутъ начиналось нѣчто невообразимое: солдаты накидывались на толпу и немилосердно, звѣрски избивали ее.

Двинскъ. Мы приглашали всѣхъ рабочихъ устроить въ день Перваго Мая однодневную забастовку. Забастовка была всеобщей въ полномъ смыслѣ слова. Тысячи бастующихъ рабочихъ гуляли по улицамъ.

Лида. Мы рѣшили ограничиться только всеобщей забастовкой. Замѣчательно, что всѣ откликнулись на нашъ призывъ.

Люцинъ. Перваго Мая наши обыватели ждали революціи и трепетали... Никто въ тотъ день не работалъ.

Брестъ-Литовскъ. Наша организація не готовилась къ открытому уличному протесту. Мы отпраздновали Первое Мая общей забастовкой. Никто не работалъ.

Слонимъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ организація не призывала къ демонстраціи, но призывала къ всеобщей забастовкѣ. Призывъ нашелъ откликъ въ рабочей массѣ; Перзаго Мая бастовали всѣ рабочіе, приказчики, водовозы, бухгалтеры, аптекари.

Креславка. Забастовка была у насъ безусловно всеобщей.

Плоцкъ. Стачка была поистинѣ всеобщей. Движеніе въ городѣ было необычайное. Рабочіе расхаживали въ красныхъ галстухахъ. Днемъ произошла импровизированная демонстрація; вечеромъ организованная, но безъ знамени и пѣсенъ.

Ковна. Организація рѣшила вести широкую агитацію за всеобщую забастовку и готовиться къ вооруженной демонстраціи; но организація оставила за собою право въ самый день 18-го апрѣля рѣшить, должна ли состояться демонстрація или отложить ее. 18 апрѣля бастовало около 2.000 еврейскихъ рабочихъ; съ самаго утра по улицамъ разгуливало очень много еврейскихъ рабочихъ. Въ 1 час. дня организація, считаясь съ неизбѣжнымъ въ случаѣ активнаго выступленія кровопролитіемъ, отложила демонстрацію и рѣшила устроить мирную манифестацію: компактная масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ медленно двигалась по проспекту.

Лодзь. Первомайскія событія въ Лодзи вышли грандіозными, не въ смыслѣ своей внѣшней импонирующей обстановки, а въ смыслѣ яркаго проявленія того революціоннаго духа, той сознательности, активности, готовности къ борьбѣ, которая накопилась въ массахъ. Вся жизнь была остановлена: трамваи, фабрики, лавки, конторы—все прекратило свою обычную жизнь, и толпы рабочихъ наполнили улицы. Въ виду того, что въ городѣ была масса войскъ всѣхъ родовъ оружія, а полиція тщательно обработала свой стратегическій планъ—сконцентри-

ровать массу въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ означало бы устройство побоища; городъ представлялъ изъ себя кипящій котелъ; масса бурно проявляла свою активность.

Мы подошли къ району дѣятельности польскихъ соціалистовъ. Къ несчастью въ этомъ полномъ единства движеніи пролетаріата, его теоретики-соціалисты одни лишь вносили разладъ. Это было въ Ригѣ, гдѣ группа нашей партіи вносила дисгармонію, это особенно ярко проявилось въ Варшавѣ, гдѣ организаціи не могли сговориться, какъ и въ предыдущемъ году, даже относительно мѣста и времени однородныхъ дѣйствій и все же движеніе проявилось внушительно.

„Что тутъ дѣлалось — пишутъ „Послѣднія Извѣстія“ — не поддается описанію: не было буквально ни одного работающаго человѣка, не было ни трамваевъ, ни извозчиковъ, даже носильщиковъ, мелкіе разносчики отдыхали, дворники сняли свои бляхи... На улицахъ чувствовалось, что это былъ нашъ праздникъ, праздникъ пролетаріата. Устроить демонстрацію, значило рѣшиться на кровавую баню; рѣшили поэтому отпраздновать генеральною стачкою. Но Польская Соціалистическая Партія, не предупредивъ другихъ, устроила шествіе. Днемъ десятокъ тысячъ людей съ пѣніемъ и знаменами прошли по Уяздовской Аллеѣ; выскочили казаки и безъ предупрежденія дали рядъ залповъ. Убито 30 человѣкъ, ранено 100...“.

Изъ 83 городовъ, городковъ и мѣстечекъ западнаго края имѣются сообщенія о маевкѣ, носившей повсюду тотъ же характеръ, что и въ приведенныхъ случаяхъ. Польская Соціалистическая Партія дѣйствовала совершенно независимо; Польская Соціалдемократія въ принципѣ была за соглашеніе, но фактически часто выступала самостоятельно; Латышская соціалдемократическая Партія вела майскую кампанію рука объ руку съ Бундомъ; Группы нашей Партіи, слабыя на западѣ, держались въ сторонѣ.

Выступленіе пролетаріата Перваго Мая въ западномъ и сѣверо-западномъ краѣ получилось импонирующее; оно безусловно свидѣтельствовало объ усиленіи движенія по сравненію съ предыдущими годами. Никакія шествія, флаги, пѣсни и рѣчи ораторовъ не могли бы ознаменовать этотъ день такъ достойно, какъ эти десятки и десятки тысячъ рабочихъ, которые повсемѣстно въ краѣ мирно, но непоколебимо выражали свое настроеніе.

Не такъ обстояло дѣло въ остальной Россіи. Прежде всего приходится отмѣтить скудость сообщеній корреспондентовъ русскихъ заграничныхъ газетъ. Въ „Революціонной Россіи“ я нашелъ свѣдѣнія изъ 23 мѣстъ, въ „Пролетаріи“ изъ 24, въ „Искрѣ“ изъ 32. Сообщенія преимущественно имѣются изъ крупныхъ центровъ. Отчасти это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что товарищи изъ нашей Партіи не сочли заслуживающими скрижалей исторіи тѣ мелкіе факты, которые въ своей

массѣ придали грандіозный характеръ движенію польскихъ, литовскихъ, еврейскихъ и латышскихъ рабочихъ. Но главная причина лежитъ несомнѣнно въ томъ, что наши организаціи, считая себя не въ силахъ въ этомъ году устроить демонстраціи вслѣдствіе колоссальныхъ оборонительныхъ приготовленій нашего врага, не нашли тѣхъ формъ, въ которыя могло бы вылиться революціонное настроеніе пролетаріата.

Фракція „большинства“ въ своихъ взглядахъ на задачи первомайской кампаніи дѣлала ту же ошибку, что и вожаки Бунда и, точно также какъ они, лишь въ силу обстоятельствъ отказывалась отъ вооруженныхъ демонстрацій въ этотъ день. Но въ то время, какъ Бундъ, воздержавшись по необходимости отъ старыхъ формъ празднованія Перваго Мая, отъ демонстрацій, вступилъ подъ давленіемъ рабочихъ массъ, выразителемъ которыхъ онъ является, на новый побѣдоносный путь, — фракція „большинства“, оторванная отъ массы, лишившись возможности демонстрировать обычнымъ путемъ, была безсильна руководить какимъ бы то ни было выступленіемъ пролетаріата въ этотъ день. Правда, „Бюро комитетовъ большинства“ рекомендовало забастовку на Первое Мая, но въ такое празднество „большевики“ не могли внести энтузіазма. Даже сознавая и заявляя о невозможности вызвать возстаніе Перваго Мая, они писали въ майскихъ прокламаціяхъ апологію возстанія; даже указывая на невозможность первомайской демонстраціи въ этомъ году, они лишь какъ на жалкій палліативъ указывали на забастовку и тутъ же добавляли о возстаніи: могій вмѣстити, да вмѣститъ!

„Бюро комитетовъ большинства“ писало въ своей прокламаціи „ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Россіи“: „Противъ вооруженной силы можно выступить только съ оружіемъ въ рукахъ; мы двинемся стройными рядами, съ ружьями на плечахъ, съ боевыми патронами, съ разрывными бомбами. Но Первое Мая не можетъ быть, конечно, днемъ всеобщаго вооруженнаго возстанія. Вооруженное возстаніе нельзя заранѣе назначить. Пойти Перваго Мая на улицу было бы безумно: довольно уже полосовали наши спины нагайками и шашками; выйти же вооруженными—преждевременно. Но у васъ есть способъ ознаменовать международный праздникъ пролетаріата: объявить Перваго Мая всеобщую забастовку“.

Таковъ былъ лозунгъ „большинства“. Но фракція не смогла удержаться на этой позиціи. Слѣдующая прокламація Бюро была еще болѣе боевою и, если не словами, то всѣмъ своимъ настроеніемъ вызывала именно на Первое Мая грезы о „движеніи стройными рядами, съ ружьями на плечахъ, съ боевыми патронами, съ разрывными бомбами“. Прокламація гласила такъ:

„Пусть Первое Мая этого года будетъ для насъ праздникомъ народнаго возстанія; давайте готовиться къ нему, ждать сигнала къ рѣшительному нападенію на . . . . . Мы свергнемъ

. . . и назначимъ временное революціонное правительство; готовьтесь же къ великому бою; товарищи—рабочіе, останавливайте фабрики и заводы Перваго Мая или беритесь за оружіе сообразно съ совѣтомъ Комитетовъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Часъ возстанія еще не пробилъ, но онъ уже недалекъ!"

Бакинскій комитетъ писалъ въ своей прокламаціи: „Первое Мая — праздникъ борьбы. Пролетаріи свободныхъ странъ борются мирно; не такова еще борьба россійскихъ пролетаріевъ. Это поняли рабочіе и крестьяне и руки ихъ ищутъ оружія. День возстанія недалекъ, но и онъ еще не насталъ. Мы призываемъ васъ ко всеобщей стачкѣ Перваго Мая... Гдѣ оружія у васъ довольно, гдѣ есть у васъ сила для отпора врагу, тамъ призываемъ мы васъ на улицу, на открытыя собранія и шествія подъ красными знаменами".

Такъ „удерживали" товарищи изъ „Большинства" пролетаріатъ Россіи отъ вооруженнаго возстанія Перваго Мая, и они были увѣрены, или, по крайней мѣрѣ, говорили, что имъ удалось удержать. Бакинскіе товарищи въ своемъ листкѣ №64 писали: „Рабочей Партіи удалось удержать пролетаріатъ отъ кровавыхъ столкновеній съ . . . . . опричниками, чтобы съэкономить свои силы для приближающагося рѣшительнаго натиска на самодержавіе". Этакъ и Мефистофель удерживалъ Фауста отъ рокового поцѣлуя Маргариты; но мефистофелева тактика не удалась большевикамъ.

Николаевскій Комитетъ Большинства справедливо рѣшилъ, что *такъ* лучше не удерживать. Онъ писалъ въ своей прокламаціи: „Можемъ ли мы мирно и спокойно провести великій праздникъ труда, день Перваго Мая?! Нѣтъ! Полиція и царскіе войска выступаютъ противъ насъ, они зарядятъ свои пушки и ружья, они приготовятъ свои силы. Такъ будемъ же и мы готовить свои. Мы не только смотръ нашей арміи дѣлаемъ, мы боремся за политическую свободу. Товарищи, наступаетъ Первое Мая! Выйдемъ стройными рядами на улицу и грозно и мощно заявимъ свои требованія подъ краснымъ знаменемъ соціалдемократіи, съ оружіемъ въ рукахъ".

Въ томъ же духѣ писалъ и Центральный Комитетъ, выбранный на мѣсто Бюро Комитетовъ Большинства на Лондонскомъ съѣздѣ большевиковъ. Въ своей прокламаціи, озаглавленной „Первое Мая", онъ писалъ: „Самодержавію жить осталось не дни и мѣсяцы, а часы и минуты. Нужно за горло его схватить и сейчасъ же, въ эту минуту... Близокъ день Перваго Мая, нашъ рабочій праздникъ! Вооружайтесь кто чѣмъ можетъ! Готовьтесь по первому призыву стать подъ красныя знамена Россійской Соціалдемократической Партіи! Готовьтесь къ послѣднему натиску на самодержавіе".

Но этимъ не исчерпывались въ глазахъ Центральнаго Комитета Большинства задачи первомайской компаніи этого года.

Въ слѣдующей прокламаціи, тоже названной „Первое Мая“, (къ сожалѣнію датъ на обѣихъ нѣтъ) Центральный Комитетъ надѣется, что первомайскій бой русскаго пролетаріата будетъ имѣть значеніе начала всемірной соціалистической революціи: „Первое Мая—говоритъ прокламація—это суровый праздникъ борьбы пролетаріата; впередъ на послѣдній бой и крикнувъ изъ глубины нашей рабской родины пролетаріямъ всѣхъ странъ: готовьтесь, братья, продолжить наше дѣло, пусть гибель . . . . . послужитъ для васъ сигналомъ къ рѣшительной революціонной атакѣ на буржуазію!“.

Таковы были ожиданія „большевиковъ“. Товарищи фракціи „меньшинства“, какъ казалось имъ самимъ и ихъ противникамъ, относились иначе къ задачамъ этого дня; мы увидимъ однако, что фактически ихъ тактика была такою же, какъ и „большевиковъ“.

Въ сотомъ номерѣ „Искры“ отъ 15 мая мы находимъ длинную передовую статью о Первомъ Мая. „Наше организаціонное вліяніе на массы, говорится тамъ, безконечно отстало отъ нашего идейнаго вліянія на нихъ“. „Надо добиваться, чтобы масса не только сочувствовала нашей революціонной борьбѣ, но и участвовала въ ней“. По этимъ соображеніямъ „Искра“ одобряла планъ Петербургской Группы Меньшинства, которая писала: „Мы не стремимся къ демонстраціи во что бы то ни стало въ ея чистомъ видѣ; мы призываемъ пролетаріатъ къ открытому уличному празднованію Перваго Мая вообще, не предрѣшая въ какія формы оно выльется“.

На мой взглядъ—это была совершенно правильная постановка задачи. Но и меньшевики, также точно какъ большевики, не смогли удержаться на своей позиціи. Съ противоположныхъ сторонъ обѣ фракціи пришли къ одному и тому же рѣшенію вопроса о маевкѣ.

„Мы не беремъ на себя невыполнимыхъ организаціонныхъ обязательствъ устроить вооруженную демонстрацію — писали большевики, [1]) но мы имѣемъ по нашему плану въ возможности и демонстрацію и даже возстаніе“.

„Мы не предрѣшаемъ—писали въ свою очередь меньшевики—въ какія формы выльется празднованіе“. „Но лучшимъ видомъ майскаго выступленія мы считаемъ у насъ демонстрацію съ вооруженнымъ отпоромъ въ виду русскихъ условій“ [2]).

Но такъ какъ „не предрѣшать“, „не брать на себя обязательствъ“ не можетъ политическая партія, претендующая на руководство дѣйствіями широкихъ народныхъ массъ, то фактически и большевики и меньшевики готовились къ вооруженной демонстраціи и смотрѣли на нее какъ на рекогносцировку, могущую превратиться въ возстаніе.

---

[1]) Круговое письмо организаціямъ отъ Бюро Комитетовъ Большинства.

[2]) Обѣ цитаты взяты изъ „Искры“ № 100; первая часть второй цитаты принадлежитъ Петербургской Группѣ Меньшинства, а вторая часть редакціи „Искры“.

Уже 23 апрѣля „Искра“ (№ 98), отмѣчая „первую кровь въ майскіе дни“, пролитую на Варшавской демонстраціи, называетъ польскихъ товарищей „застрѣльщиками майской кампаніи“. „Стоило только наступить майскому дню, пишетъ она, чтобы улицы польскихъ городовъ украсились красными знаменами, наполнились тысячными толпами демонстрантовъ; и стоило только раздаться первымъ выстрѣламъ . . . . . солдатъ, чтобы могучій левъ—польскій пролетарій—снова воспрянулъ, готовый снова пролить свою кровь“. „Искра“ призываетъ „всю пролетарскую Россію отозваться на примѣръ данный польскими рабочими и повсюду организовать въ майскіе дни ту или иную революціонную демонстрацію“.

Въ своемъ „Отвѣтѣ Генералъ-Губернатору“ Петербургская Группа Меньшевиковъ писала: „Генералъ Треповъ грозитъ въ своемъ объявленіи рѣшительно подавить всякій безпорядокъ, понимая подъ безпорядкомъ рабочій праздникъ Перваго Мая. Что мы отвѣтимъ? Всѣ на улицу Перваго Мая! Громко заявимъ свой протестъ: долой... .... да здравствуетъ республика, да здравствуетъ соціализмъ! Всѣ на улицу Перваго Мая!“

Въ другой своей прокламаціи Группа писала: „Выйдемъ всѣ на улицу Перваго Мая и заявимъ свои требованія. Но помните, товарищи: мы не должны дать . . . . . помѣшать нашему празднику! Выйдемъ на улицы съ оружіемъ въ рукахъ! Пусть всякій вооружается чѣмъ можетъ!“

Группа выпустила также рядъ прокламацій по районамъ. Вотъ что говорилось въ Василеостровскомъ районѣ: „На улицу, рабочіе Петербурга! На улицу, рабочіе Васильевскаго Острова! Выходите Перваго Мая къ 12 часамъ ва Большой Проспектъ. Возьмемъ, что возможно съ собою для обороны отъ насилія властей. Пусть ни одинъ рабочій не сидитъ дома!.. Да здравствуетъ демократическая республика!..“ [1])

Вся Россія бурлила! Давно накоплялась въ ней страстная жажда борьбы за свободу и все, казалось, предвѣщало на Первое Мая грозу. Всѣ ждали ее, всѣ! Но она не пришла... „Почти вездѣ, гдѣ были устроены манифестаціи: въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ—на сборные пункты явились почти только организованные рабочіе“, писала „Искра“ (№ 100) и она констатировала *„фактъ на лицо: соціалдемократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу и до 9 января и послѣ 9 января, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ“*.

Я самъ провелъ этотъ день въ Москвѣ и черезъ нѣсколько дней былъ въ Петербургѣ. Тяжело было мое непосредственное впечатлѣніе отъ противорѣчія между надеждами и дѣйствитель-

[1]) Мнѣ жаль, что я не могъ найти прокламацій Соціалистовъ-Революціонеровъ. Судя по корреспонденціямъ въ „Революціонной Россіи“ ихъ взгляды приближались ко взглядамъ большевиковъ или наоборотъ.

ностью, отъ обнаруженнаго безсилія нашей партіи. „Въ Петербургѣ было назначено семь митинговъ—писалъ я тогда въ Послѣднія Извѣстія (№ 235)—роздано оружіе, распространено 8 прокламацій въ количествѣ около 100 тысячъ, въ легальныхъ газетахъ помѣщенъ рядъ статей о могущемъ быть избіеніи манифестантовъ: интеллигенція призывалась оказать содѣйствіе пострадавшимъ, организовать медицинскую помощь, предавать гласности акты насилія... Первое Мая принесло страшное разочарованіе! На улицу вышли только организованные рабочіе; ихъ въ Петербургѣ около 3 тысячъ, но раздѣленные на 7 митинговъ, они не произвели никакого впечатлѣнія и создали *демонстрацію безсилія*“.

„Грустно, тяжело вспомнить о маевкѣ въ Москвѣ, писала „Революціонная Россія“. Долго и упорно во всѣхъ углахъ Москвы говорилось о грандіозномъ и сознательномъ праздновании пролетаріатомъ своего классового праздника. Утро Перваго Мая обѣщало чудную погоду (это было воскресенье) и народъ тысячами валилъ за городъ, но на мѣстѣ назначенномъ (соціалистами-революціонерами) для массовки собралось *человѣкъ 45-46 рабочихъ да 6-8 интеллигентовъ*. На массовкѣ соціалдемократовъ было человѣкъ *50-60 рабочихъ и 10-12 интеллигентовъ*. Обѣ массовки соединились и долго ждали, но больше 150—175 человѣкъ такъ и не собралось“.

Въ довершеніе всего, на этомъ праздникѣ мира и братства соціалдемократы сочли нужнымъ помѣшать соціалисту-революціонеру произнести рѣчь и тѣмъ вызвали раздоръ и вражду въ маленькой группѣ собравшихся...

„Въ Екатеринославѣ всюду говорили, что въ этотъ день будутъ происходить митинги, демонстраціи... день Перваго Мая прошелъ спокойно“. (Посл. Извѣстія).

Въ Кіевѣ охранители готовились, стягивали войска; арестованными наполнили всѣ участки. Сильное возбужденіе. Всѣ улицы наполнены патрулями. Отряды казаковъ снуютъ взадъ и впередъ. Отряды полиціи движутся по главнымъ улицамъ. Соломенка—въ родѣ страны занятой непріятелями... День Перваго Мая прошелъ у насъ поразительно тихо—никакихъ манифестацій, никакихъ стачекъ“. (Освобожденіе).

„Въ Одессѣ отказались отъ открытаго выступленія въ силу полицейскихъ условій и рѣшили вызвать забастовку... Первое Мая прошло у насъ незамѣтно“. (Послѣднія Извѣстія).

„Въ Николаевѣ Первое Мая предполагалось отпраздновать вооруженною демонстраціей, но такъ какъ собрались только организованные рабочіе, то организаторъ распустилъ собраніе“. (Пролетарій).

Итакъ, явленіе было *повсемѣстнымъ и очевидно имѣло не случайныя причины*. Массовое русское рабочее движеніе еще не нашло формъ, въ которыя могло бы вылиться первомайское празднество, какъ нашло ихъ массовое еврейское рабочее дви-

женіе, которому служилъ, которому шелъ на встрѣчу, даже поступаясь планами своихъ собственныхъ вожаковъ, Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ. *Классовой организаціи русскаго пролетаріата у насъ нѣтъ*, а организаціи, желавшія руководить движеніями рабочаго класса всей Россіи, въ силу своихъ принципіальныхъ воззрѣній, были очень далеки отъ этихъ новыхъ формъ движенія. Они звали пролетаріатъ на опасный путь. *Пролетаріатъ еще не сталъ на собственную дорогу, но онъ инстинктивно уже не хотѣлъ идти по дорогѣ, ему ошибочно указанной.*

* * *

Мы приблизились къ концу нашего обзора, къ текущему году. Свѣдѣнія о томъ, какъ прошелъ этотъ день, были напечатаны въ легальныхъ газетахъ, и мнѣ нѣтъ надобности ихъ подробно описывать. Заимствую изъ сборника фракціи Меньшинства „Вопросы Момента“ сводку данныхъ объ этомъ днѣ. Статья принадлежитъ т. Гейликманъ.

„Всеобщая стачка была въ Варшавѣ, Лодзи и другихъ городахъ фабричнаго района Польши“.

„Въ районѣ дѣятельности Бунда маевка была отпразднована достойнымъ образомъ. Въ Ковнѣ забастовали всѣ фабрики, заводы, мастерскія и типографіи; удачно прошла забастовка въ Двинскѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Сморгони, Гомелѣ. Въ Минскѣ же большинство работало“.

„Въ Ригѣ, гдѣ существуетъ федеративный комитетъ латышской и еврейской соціалдемократіи, прошла забастовка на всѣхъ крупныхъ фабрикахъ кромѣ Кузнецова“.

„Почти полная забастовка прошла въ Рязани, Кіевѣ, Сумахъ, Владакавказѣ, Брянскѣ, Полтавѣ, Пензѣ, Екатеринославѣ, Елизаветградѣ, Ростовѣ, Костромѣ. Въ Казани не работали типографщики; въ Тулѣ—патронный заводъ и половина оружейнаго; въ Одессѣ изъ 370 заводовъ и фабрикъ бастовало 140; въ Севастополѣ 4.000 портовыхъ рабочихъ и каменьщиковъ бастовали; 735 солдатъ и матросовъ Севастополя послали по поводу Перваго Мая привѣтъ Международному Соціалистическому Бюро“.

„Менѣе удачно прошла забастовка въ Тифлисѣ, Сызрани, Тихорѣцкѣ, Твери, Рыбинскѣ, Орлѣ, Ивановѣ. Причины и неудачи—правительственный терроръ и черносотенная агитація.

„Въ Симбирскѣ, Астрахани, Луганскѣ, Бердянскѣ, Новороссійскѣ—магазины были закрыты. Въ Плоцкѣ, Пензѣ, Волковишкахъ, Оренбургѣ—отозвалось и крестьянство“.

„Въ Саратовѣ была демонстрація на лодкахъ. Въ Вологдѣ, Муромѣ и Царицынѣ произошли Перваго Мая черносотенные погромы“.

Но, само собою разумѣется, особенно удачно прошло празднованіе въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.

Въ Петербургѣ работавшіе заводы представляли единичныя

исключенія. Въ большинствѣ фабрикъ и заводовъ работа прекратилась. Общее число предпріятій праздновавшихъ Первое Мая въ Петербургѣ превышало 500 со 100 тысячами рабочихъ; въ большинствѣ случаевъ происходили митинги. Произошло также нѣсколько демонстрацій. Въ Московскомъ районѣ около дома населеннаго рабочими, извѣстнаго подъ именемъ Портъ-Артуръ, собралось около 200 человѣкъ, раздались мощные звуки интернаціонала, выкинувъ красныя знамена, рабочіе пошли по улицамъ. Въ Выборскомъ районѣ по окончаніи собраній двинулись на Охту съ пѣніемъ и знаменами. На Литейномъ проспектѣ толпа вышла съ гильзоваго завода и направилась съ пѣніемъ и флагами, съ надписями „амнистія“ къ дому предварительнаго заключенія. Въ Василеостровскомъ районѣ почти на всѣхъ заводахъ рабочіе приходили къ воротамъ (заводовъ), а оттуда съ пѣніемъ и флагами шествовали по улицамъ. На 4-ой Рождественской образовалась толпа демонстрантовъ“.

Въ Москвѣ забастовочное движеніе менѣе дружно прошло, чѣмъ въ Петербургѣ; въ цѣляхъ предупрежденія демонстрацій генералъ-губернаторъ отдалъ приказъ, чтобы наканунѣ вечеромъ вся столица была оцѣплена концентрическими кругами войскъ всѣхъ родовъ оружія. Стрѣлять приказано боевыми патронами при малѣйшемъ намекѣ на безпорядокъ или демонстрацію. Несмотря на всѣ эти грозныя предостереженія все-же число забастовавшихъ было велико; бастовали металургическіе заводы, въ которыхъ насчитывается до 58 тысячъ рабочихъ, бастовали всѣ типографіи; на окраинахъ происходили митинги; маевки происходили по селамъ, въ Богородскомъ, за Преображенской Заставой, на Лосево-погонномъ Островѣ, на Воробьевыхъ горахъ и другихъ окрестностяхъ Москвы“.

„Каковы же итоги первомайской кампаніи?“ спрашиваетъ въ заключеніе обзора авторъ цитируемой статьи. Онъ отвѣчаетъ: „Симптомъ первомайскаго пробужденія есть глубокій показатель, полный историческаго смысла. Революціонная волна снова поднимается. Пролетаріатъ снова становится реальною общественною силою, опредѣляющей дальнѣйшій ходъ событій“.

Мнѣ кажется этотъ выводъ крайне поверхностнымъ. Онъ не заглядываетъ въ глубь времени больше, чѣмъ на два мѣсяца и черезъ два мѣсяца послѣ потерялось все его значеніе. Семнадцать лѣтъ мы пытались осуществить идею нашего праздника, мы — отвергавшіе всѣ праздники. Что же далъ намъ опытъ нынѣшняго года? Этого вопроса не касается авторъ статьи меньшевистскаго сборника въ своихъ выводахъ. Но еще важнѣе отмѣтить, что на этой статьѣ особенно ярко сказалось то обстоятельство, что у теперешнихъ идеологовъ пролетаріата и его „профессіональныхъ“ руководителей сохранилось еще очень много буржуазнаго въ ихъ взглядахъ. Въ самомъ дѣлѣ, тов. Гейликманъ разсматриваетъ событія Перваго Мая исключительно въ томъ отношеніи, какое впечатлѣніе произведетъ

наше празднество на буржуазію; иначе говоря, онъ смотритъ на него съ точки зрѣнія буржуазіи.

„Всякое ослабленіе активности пролетаріата — пишетъ тов. Гейликманъ—реагируетъ на либеральную буржуазію непосредственнымъ равненіемъ вправо. Вотъ почему первомайскій смотръ является крупнымъ факторомъ въ ходѣ революціи. Прошлогодній первомайскій праздникъ прошелъ „тихо“, и это сразу разочаровало либеральную буржуазію. Первомайское празднованіе дѣйствительно не оправдало надеждъ. Этотъ день не былъ днемъ великой битвы между правительствомъ и народомъ“. „Буржуазная демократія учла это временное ослабленіе активности пролетаріата и умѣрила свои политическія требованія“. „Первомайское движеніе нынѣшняго года безъ сомнѣнья открываетъ новую фазу въ развитіи революціоннаго движенія“; „то единодушіе, то оживленіе, та стойкость, какую обнаружили рабочіе въ своей всероссійской манифестаціи, ясно показали, что наступаетъ конецъ невольному перерыву политической борьбы пролетаріата“. „Дни политическаго затворничества кончились, пролетаріатъ снова выходитъ изъ подполья, куда загнали его правительственныя репрессіи; онъ снова становится реальной общественной силой, опредѣляющей дальнѣйшій ходъ событій“. „Сила политическаго гнета еще слишкомъ велика, предыдущія потери еще слишкомъ глубоки, чтобы рабочій классъ могъ обратить свою первомайскую демонстрацію во всеобщее выступленіе“. „Но только активное выступленіе съ непосредственнымъ эффектомъ является той наличной звонкой монетой, которая имѣетъ вѣсъ и значеніе въ глазахъ либеральной буржуазіи“. И вотъ Первое Мая показало, что „революціонная волна снова поднимается“ и въ этомъ „историческій смыслъ первомайскаго пробужденія“.

Мнѣ кажется, что для насъ, соціалдемократовъ, „въ этомъ“ не можетъ быть смыслъ событій Перваго Мая. Это событіе мы не можемъ разсматривать, какъ пробужденіе, ибо мы знаемъ, что пролетаріатъ передъ ними не спалъ; для насъ онъ оставался реальною силою и безъ эффекта выступленій; „звонкая монета“ для насъ не можетъ имѣть ту же цѣну, что и для „либеральной буржуазіи“. Что же для насъ, соціалдемократовъ, было особеннаго и знаменательнаго въ этихъ событіяхъ?

Во-первыхъ то, что въ этомъ году первомайское празднество впервые во всей Россіи уже приняло массовый характеръ; во-вторыхъ то, что празднество это въ Россіи еще сохранило глубоко индивидуалистическія черты. Въ этомъ вижу я значеніе этого дня, выходящее за предѣлъ времени—нынѣшняго года, и мѣста—нашей страны. Я сейчасъ поясню эту мысль.

Семнадцать лѣтъ мы выставляемъ наши лозунги Перваго Мая! Полвѣка соціалисты въ Россіи стремились понести свои лозунги народу! И вотъ день назначенный нами, день преднамѣченный международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ—

сталъ праздникомъ рабочаго народа! Въ прошлые годы откликались отдѣльные заводы, отдѣльныя группы, теперь движеніе стало сплошнымъ и неудача маевки предыдущаго года тѣмъ рѣзче отдѣляетъ нынѣшній годъ отъ прошлыхъ лѣтъ.

Этотъ *народный* характеръ пролетарскаго праздника былъ, конечно, ярче всего выраженъ въ западномъ краѣ и отмѣченъ въ органѣ Бунда: „Никогда еще Варшава не переживала такъ Первое Мая, какъ въ нынѣшнемъ году!..“ говоритъ „Volkszeitung“ (№ 46). Никогда еще! Прежде даже Варшава не переживала *такъ* Первое Мая! Органъ самаго передового соціалдемократическаго союза долженъ былъ признать, что нѣчто новое принесъ намъ нашъ праздникъ нынѣшняго года. Газета указываетъ, что именно было въ немъ новаго: „Это была громадная манифестація, въ которой принималъ участіе весь городъ. Еще разъ варшавскій пролетаріатъ показалъ всю глубину своей революціонной энергіи, еще разъ онъ сталъ силою, которая покорила весь городъ. И это произошло всего нѣсколько дней послѣ того, какъ раздавались кровожадные призывы „народовой демократіи“ къ погрому, послѣ того какъ польская буржуазія подала свои голоса за контръ-революцію! Значеніе этой революціонной манифестаціи не можетъ быть переоцѣнено. Съ самаго утра городъ какъ будто умеръ: фабрики были закрыты; ни единаго извозчика, ни одного трамвая; тишина царила всюду, даже аптеки были закрыты; только оклики патрульныхъ и шумъ движущейся кавалеріи и пѣхоты слышались на улицѣ; желѣзнодорожныя мастерскія были закрыты; ни одинъ тюкъ товара не былъ отправленъ или выданъ въ этотъ день; пріѣхавшіе въ этотъ день пассажиры должны были идти съ вокзала пѣшкомъ, таща свои вещи; за этотъ день никто не выѣзжалъ изъ города, вокзалы были пусты; въ рабочихъ кварталахъ на телеграфныхъ проволокахъ были повѣшены красные флаги и пожарные занимались сниманіемъ ихъ. У заставъ стояли патрули, не пропуская рабочихъ изъ предмѣстій; къ полудню полиція остановила всякое движеніе на главныхъ улицахъ“.

Именно такой массовый, народный характеръ приняло первомайское движеніе во всей Россіи. Товарищи, видящіе значеніе Перваго Мая совершенно въ другомъ, не дали намъ достаточно полнаго описанія движенія именно съ этой его стороны; но все же вездѣ, гдѣ сообщались подробно событія дня, они говорили объ этомъ новомъ пути, на который направилось первомайское движеніе. „Невская Газета“—органъ „меньшинства“—приводитъ въ № 1 и 2 рядъ свѣдѣній, между которыми многіе отмѣчаютъ акты, совершенные толпою самопроизвольно, не по призыву, не по указанію прокламацій; коллективное чувство рвалось наружу и для своего проявленія находило множество разнообразнѣйшихъ формъ.

Къ тѣмъ фактамъ, которые я уже цитировалъ изъ статьи тов. Гейликмана, можно бы было прибавить много другихъ.

„Первое Мая было отпраздновано петербургскимъ пролетаріатомъ съ поразительнымъ единодушіемъ, пишетъ „Невская Газета“; и не только въ Петербургѣ: телеграфъ приноситъ намъ одно за другимъ извѣстія, что и въ остальной Россіи майскій праздникъ прошелъ такъ же дружно. Первое Мая петербургскій пролетаріатъ провелъ дѣйствительно по праздничному. Праздникъ чувствовался, носился въ воздухѣ—пишутъ изъ районовъ. Огромные корпуса фабрикъ стояли пустыми; рабочіе стекались на митинги и тамъ раздавались горячія рѣчи. „На братской могилѣ жертвъ 9 января на Преображенскомъ кладбищѣ перебывала масса рабочихъ“. „Булочники собрались въ Казанскій соборъ, гдѣ была отслужена панихида по павшимъ борцамъ за свободу“. „У рабочихъ настроеніе приподнятое“. „На Невскомъ въ 8 час. вечера собралась толпа рабочихъ, человѣкъ въ 1.500, съ красными бантиками въ петличкахъ; сплоченной толпой они разгуливали противъ гостиннаго двора; на противоположномъ бульварѣ собралась большая толпа любопытныхъ; выскочилъ отрядъ городовыхъ и бросился бить толпу; невооруженные рабочіе стали разбѣгаться, но затѣмъ снова собираться“... „Наборщики устроили прогулку на Лахту; подъ краснымъ знаменемъ пѣли революціонныя пѣсни“... „Насъ было немного, человѣкъ 10; мы стояли у „Крестовъ“ и махали платками политическимъ“...

Эти немногія выписки о Варшавѣ и Петербургѣ я привелъ для того, чтобы иллюстрировать мысль, что массовый характеръ маевки нынѣшняго года былъ новымъ путемъ для движенія по сравненію съ прошлыми годами. Индивидуалистическія же черты этого праздника сказались въ томъ, что каждый участникъ его, каждый, кто бросилъ работу въ этотъ день, кто надѣлъ красный бантикъ, кто пѣлъ пѣсни, кто хотя бы только вышелъ на улицу въ этотъ день—каждый чувствовалъ, что онъ, какъ личность, какъ индивидуальность, долженъ сдѣлать это во имя чего то высшаго, чѣмъ его собственные непосредственные интересы. Ибо никто не могъ надѣяться извлечь выгоду изъ этого поступка и каждый, наоборотъ, чѣмъ-нибудь рисковалъ при этомъ. Это было наслѣдьемъ прошлыхъ лѣтъ.

Въ первый разъ это празднество стало у насъ народнымъ; въ послѣдній разъ оно еще оставалось—независимо отъ нашихъ желаній и сознанія, въ силу внѣшнихъ условій — индивидуалистическимъ. Въ этомъ историческое значеніе этого дня.

И это тотчасъ же отразилось на нашихъ прокламаціяхъ. Исчезли всѣ фантастическія мечтанья о хожденіи „въ стройныхъ рядахъ, съ ружьями на плечахъ, съ разрывными бомбами“. Даже „Волна“, органъ большевиковъ, заявляла, что Первое Мая — это мирная, но грозная въ своемъ спокойномъ величіи демонстрація противъ отжившаго порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ радостный предвѣстникъ будущей свободной Россіи“. Прокламація Центральнаго Комитета, не только по своимъ лозунгамъ,

но и по своему настроенію вполнѣ соотвѣтствовала прошлогодней прокламаціи Центральнаго Комитета Бунда: въ ней еще остались туманные намеки на предстоящую „битву“, но уже нѣтъ призывовъ на улицу, съ оружіемъ въ рукахъ. Прокламація призываетъ сдѣлать легко выполнимое: „Во имя нашихъ требованій празднуйте Первое Мая, говоритъ она; покажите всему міру, что васъ не утомила долгая борьба, что вы готовы довести ее до побѣды! Не работайте въ день Перваго Мая! Да здравствуетъ однодневная пролетарская забастовка!“.

Взгляды товарищей на Первое Мая не измѣнились; меньшевистскій сборникъ заявляетъ, что прошлогодній „майскій праздникъ не оправдалъ надеждъ: онъ не былъ днемъ великой битвы“. Такимъ образомъ даже послѣ Перваго Мая нынѣшняго года, и даже меньшевики возлагали на этотъ день „надежды великой битвы“, но подчиняясь обстоятельствамъ призывали „къ однодневной забастовкѣ“; а большевики, вмѣсто „разрывныхъ бомбъ“, говорили о „грозной въ своемъ спокойномъ величіи демонстраціи“. Слѣдовательно, тактика партіи была чисто оппортунистической: обѣ фракціи отказались на практикѣ отъ своихъ лозунговъ, хотя въ принципѣ все еще ихъ придерживались. Партію, которая хотѣла — по выраженію Ленина — „совлечь рабочій классъ съ его пути“, пролетаріатъ совлекъ на свой путь [1])!

Прокламація Центральнаго Комитета Бунда, напечатанная на еврейскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ въ количествѣ 190 тысячъ, называетъ Первое Мая „днемъ, въ который рабочая армія всѣхъ странъ демонстрируетъ передъ буржуазіей свою мощь, свое единеніе и свою сознательность“. Далѣе прокламація дѣлаетъ обзоръ „событіямъ года, который мы только что пережили“: „мы боролись со сверхчеловѣческой энергіей — говоритъ она; и побѣды наши и пораженія полны небывалаго величья и неслыханнаго героизма; цѣлый міръ слѣдилъ затаивъ

[1]) Вся тактика нашей партіи послѣднихъ лѣтъ была чисто оппортунистической: въ организаціонномъ вопросѣ, въ вопросѣ объ участіи въ выборахъ въ Думу, въ вопросѣ о вооруженномъ возстаніи, о террорѣ, въ аграрномъ вопросѣ и проч.; ея позиція въ майской кампаніи нынѣшняго года является лишнимъ тому подтвержденіемъ. Вожаки движенія это хорошо понимали и тѣмъ съ большимъ усердіемъ клеймили именемъ оппортунизма взгляды людей не мирившихся съ ихъ собственнымъ оппортунизмомъ: „мы предпочитаемъ защищаться, нападая“. На безпринципность нашихъ теперешнихъ лидеровъ я много разъ указывалъ въ печати, но они предпочитаютъ не замѣчать этого. Да иною и не могла быть тактика людей, въ одно и то же время руководящихъ борьбою пролетаріата и руководящихся антипролетарскими принципами; при такихъ условіяхъ могло случиться одно изъ двухъ: или партія должна была потерять всякое вліяніе на пролетаріатъ, или ея вожакамъ приходилось поступаться своими принципами. Они выбрали послѣднее.

Эти же обстоятельства, однако, съ другой стороны, подтверждаютъ, что партія наша хотя и цѣной компромиссовъ — всегда оставалась подъ сильнымъ вліяніемъ пролетарскаго движенія, и потому совершенно ошибочно отрицать за нею ея органическія связи съ рабочимъ классомъ и разсматривать ея исторію, какъ исторію борьбы маленькихъ группокъ профессіональныхъ революціонеровъ. Эту ошибку дѣлаетъ также рецензентъ моей книжки въ „Быломъ“ Е. Д. Кускова.

дыханье за эпической борьбой новыхъ, молодыхъ силъ Россіи съ адскими силами прошлаго, и рабочіе всѣхъ странъ съ пламеннымъ сочувствіемъ читали бюллетени о нашихъ дѣяніяхъ, о нашихъ мукахъ и жертвахъ". Прокламація призывала ко всеобщей забастовкѣ Перваго Мая: „пусть въ этотъ день ярко выступитъ наружу солидарность рабочихъ всего міра, пусть ни одинъ наемный рабочій не работаетъ въ этотъ день! Пусть умолкнутъ станки, утихнутъ колеса, прекратится движеніе на фабрикахъ и заводахъ, въ мастерскихъ и магазинахъ!".

Прокламація, такимъ образомъ, только формулировала тактику, выработанную еврейскимъ пролетаріатомъ въ предыдущіе годы, какъ мы видимъ въ значительной степени вопреки планамъ вожаковъ, и въ нынѣшнемъ году ставшую общею для всей Россіи. Но въ первомайскихъ статьяхъ въ „Volkszeitung" мы находимъ рядъ статей, которыя очень непохожи на статьи русскихъ партійныхъ газетъ.

„Туда въ высь"!.. гласитъ одна статья. „Мы родились въ густой тьмѣ, въ бѣдѣ и нищетѣ. Грустныя пѣсни убаюкивали насъ въ нашей колыбели. Кругомъ царитъ холодъ; мрачныя, темныя небеса были надъ нами, а подъ нами пропитанная потомъ и слезами земля. Насъ заковали въ двойныя цѣпи: тѣло въ грязныхъ мастерскихъ и тюрьмахъ, а духъ — въ сѣти священнаго трепета передъ всемогущимъ Богомъ мести. Проходили мѣсяцы и годы, стучалъ молотъ, шумѣли машины, брызгали искры кругомъ. Прикованные нуждою къ станку въ огнѣ и дыму на землѣ и подъ землею сидѣли мы и, не думая, усердно работали на нашихъ враговъ. Пролетали годы за годами — мы сами звонили въ колокола, когда попы читали молитвы!.. Возстаньте тѣ, кто томится во тьмѣ, ибо наступаетъ день! Звенятъ еще цѣпи и хлещутъ бичи; но уже сила созиданія новаго видна въ глазахъ трудящихся. Перваго Мая умолкаютъ молоты, мы оставляемъ темныя шахты, адскимъ огнемъ горящія домны и грязныя мастерскія — сегодня нашъ день! Привѣтствую васъ, братья, мужественные и сильные надеждою сверкающей въ глазахъ! Привѣтствую тебя грядущаго свѣтлаго будущаго!".

„Думаете ли вы, что рабочіе отдыхаютъ въ этотъ день? Нѣтъ, они и теперь создаютъ; но въ этотъ день они создаютъ для себя самихъ. Они и теперь раздуваютъ огонь и куютъ блестящее серебро и благородное золото—но это огонь своего духа они раздуваютъ, жаждущаго разорвать цѣпи, къ свободѣ рвущагося духа! Они раздуваютъ горячее пламя мести къ своимъ врагамъ и притѣснителямъ! Изъ глубины ихъ измученныхъ душъ они извлекаютъ блестящее серебро своего чистаго идеала человѣческой свободы! Изъ сѣраго песка повседневныхъ заботъ, желаній и обыденныхъ стремленій они извлекаютъ золотыя надежды свѣтлыхъ, яркихъ грезъ! Они создаютъ это не для своихъ враговъ: эти блага они создаютъ для себя, для

своихъ дѣтей, для будущихъ поколѣній... Разъ въ году цѣлый день они создаютъ это!".

Не есть ли это проблески новаго идеологическаго обоснованія нашего ежегоднаго праздника, идущаго на смѣну старому, на мой взглядъ, буржуазному взгляду на значеніе этого дня? Мы видѣли, что противорѣчіе этого „физическаго" пониманія нашей борьбы съ инстинктивнымъ, стихійнымъ стремленіемъ пролетаріата превратить этотъ день въ „мирную, но грозную въ своемъ спокойномъ величіи демонстрацію" создавалось и увеличивалось уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и въ 1905 г. достигло своего крайняго проявленія. Одновременно съ этимъ развивался въ нашей идеологіи взглядъ на нашъ праздникъ, высказанный уже на первыхъ маевкахъ: этотъ праздникъ есть „день недѣланія", день самопознанья, проникновеннаго созерцанія нашего великаго дѣла. То чувство человѣческой души, которое въ религіи удовлетворялось мистикой, должно было найти себѣ отвѣтъ въ этомъ проникновеніи; та потребность, которая у вѣрующаго выливалась въ молитвѣ, должна проявиться въ нашемъ праздникѣ. Отвергая мистику и обрядъ, развѣ мы, соціалисты, перестали обладать тѣми высшими духовными запросами человѣка, которымъ удовлетворяла религія въ теченіе столькихъ вѣковъ? Наоборотъ, мы стремимся развить ихъ въ себѣ еще выше, еще сильнѣе и часто вопреки нашимъ теоріямъ въ нашихъ призывахъ и дѣйствіяхъ проявлялось много чисто религіозныхъ стимуловъ.

Когда я началъ эту статью, я самъ не думалъ, что она такъ затянется. Чернорабочій участникъ нашего кропотливаго труда, я самъ не представлялъ себѣ, какую огромную работу мы выполнили общими силами: краткое описаніе нашего „новаго года", однихъ только праздниковъ нашихъ — а какъ мало ихъ было по сравненію съ сѣрыми днями чорной работы! — требуетъ столько мѣста.

Когда я началъ эту статью для „Былого", я говорилъ себѣ, что мои строки неизбѣжно будутъ блѣдными среди тѣхъ блестящихъ страницъ, которыя вписали уже въ исторію освободительнаго движенія предшественники соціалдемократіи. Но наши старые товарищи по дѣлу борьбы за соціализмъ и свободу и наши предшественники пусть признаютъ, что и наше поколѣніе должно было обладать не меньшимъ энтузіазмомъ, чтобы съ безпредѣльнымъ упорствомъ вести долгіе годы эту героически-монотонную работу и пядь за пядью отвоевывать почву у мрака и насилія!

Но мы всегда должны идти впередъ; и всегда то новое, что мы въ нашемъ движеніи создаемъ, отражается на нашемъ празднествѣ. Въ этотъ годъ долженъ совершиться переломъ въ нашемъ отношеніи къ Первому Мая: то что признавалось въ немъ существеннымъ — актъ непосредственной борьбы, смотръ нашихъ силъ — должно стать второстепеннымъ; то что едва при-

мѣчалось, то что терпѣлось въ прокламаціяхъ и рѣчахъ, какъ риторическій пріемъ, какъ поэтическія вольности, почти какъ виньетки — самопознанье, возрожденье, созданіе новыхъ духовныхъ цѣнностей, отрѣченье отъ стараго міра — должно получить признаніе, какъ существенное.

Какъ первосвященники однажды въ годъ входили въ древнюю скинію, въ этотъ день мы должны быть въ нашей святая святыхъ, отрѣшившись отъ повседневныхъ работъ, заботъ и даже отъ самой борьбы. Тогда только „чудные символы новаго вѣка“ станутъ „новымъ знаменіемъ на небѣ — симъ побѣдиши!“.

Иначе отнынѣ нашъ праздникъ станетъ такимъ же пережившимъ себя обрядомъ, какъ праздники такъ называемыхъ христіанъ, что уже и случилось съ нимъ въ Западной Европѣ. И мы, искатели земли обѣтованной, поклоняющіеся въ нашей обыденной жизни тому самому тельцу, котораго проклинаемъ въ нашихъ пѣсняхъ, осуждены будемъ на долгіе годы скитаній въ пустыняхъ буржуазнаго міра, пока не погибнетъ въ борьбѣ за жизнь и свободу послѣдній изъ насъ, пока не прійдетъ намъ на смѣну новое поколѣніе борцовъ духомъ.

Вл. Махновецъ-Акимовъ.

Павелъ I въ его приказахъ по арміи.

(Къ характеристикѣ императора).

Въ самое послѣднее время въ нашей исторической прессѣ ст появляться впервые правда объ императорѣ Павлѣ I-мъ. Давно пора выйти ей на свѣтъ Божій. То, о чемъ не могли говорить въ избранномъ кружкѣ читателей Д. Ѳ. Кобеко („Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. 1754—1796". СПБ. 1882) и Е. С. Шумигорскій („Павелъ I" въ Рус. біограф. слов., изд. И. Р. И. О., т. V. СПБ. 1902),—въ настоящее время—время освободительнаго движенія—дѣлается достояніемъ обширной читающей аудиторіи. Сочувствуя стремленію въ этомъ отношеніи редакціи, я представляю выписки изъ приказовъ, отданныхъ по арміи со дня вступленія на престолъ императора Павла до 31 Декабря 1800 года. Я выбралъ изъ нихъ тѣ, которые съ особой яркостью отпечатлѣли на себѣ личность императора.

1796 г. 7 ноября. Камеръ пажъ Нелидовъ производится въ маіоры.
„ 9 „ Въ подполковники.
1798 г. 1 января. Въ полковники.
„ 21 „ Въ генералъ-адъютанты.
„ 3 мая. Въ тайные совѣтники.

1797 г. 12 января. Спросить штабъ-ротмистра Шувалова желаетъ ли онъ служить, ибо е. и. величество можетъ обойтись и безъ него.

1797 г. 30 января. Находившихся при Суворовѣ адъютантовъ Тименкова и Мандрина взять прочь.

1797 г. 1 февраля. Маіоръ Лисаневичъ выключается изъ службы за ретираду. (Трудно понять за что, такъ какъ тогда Россія не вела войны ни съ одною державою).

1797 г. 5 февраля. Выключаются изъ службы 5 генераловъ, 13 бригадировъ, 29 полковниковъ, 20 подполковниковъ и 5 маіоровъ. (За что—не сказано).

1797 г. 26 февраля. Ген.-лейт. фонъ-деръ-Паленъ за почести и встрѣчи, отданныя Зубову при проѣздѣ его черезъ Ригу, исключенъ изъ службы.

1797 г. 1 марта. Исключены изъ службы ген.-маіоры: Ермоловъ, Багговутъ, Дохтуровъ, Коновницинъ, Ламбертъ, Сакенъ, Тормасовъ, Бенигсенъ и др., за незнаніе службы.

1797 г. 9 сентября. Уволены въ одинъ день: 3 полныхъ генерала, 3 ген.-лейтенанта, 9 ген.-маіоровъ, 68 оберъ-офицеровъ гвардейскихъ полковъ,

90 унт.-офицеровъ и Преображенскаго полка 120 чел. (За что—не сказано)

1799 г. 3 февраля. Выговоръ Кутузову и фельдмаршалу гр. Салтыкову за незнаніе службы.

1799 г. 15 февраля. Штабъ-ротмистръ Бороздинъ сажается въ крѣпость, на хлѣбъ и на воду, на 6 недѣль, за хвастовство, что онъ будетъ флигель-адъютантомъ.

1799 г. 24 апрѣля. Е. И. В-во въ благодарность подвиговъ князя Суворова, повелѣваетъ гвардіи и всѣмъ войскамъ отдавать всѣ почести подобно особѣ царской.

1799 г. 25 апрѣля. Больной полковникъ Чоглоковъ исключается изъ списковъ, какъ умершій. (???).

1799 г. 27 сентября. Выключаются изъ службы всѣ въ плѣнъ взятые и раненые.

1799 г. 2 мая. Штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ разжаловается въ солдаты съ прогнаніемъ сквозь строй черезъ 100 человѣкъ.

1800 г. 8 февраля. Умершему генералу Врангелю въ примѣръ другимъ строжайшій выговоръ.

1800 г. 10 сентября. Мичманъ Фейшъ, просящійся въ отпускъ въ Англію, отставленъ отъ службы.

1800 г. 26 декабря. Полковникъ Тинковъ выключается изъ службы вслѣдствіе рапорта его о неотысканіи имъ гарнизоннаго баталіона, коего онъ былъ назначенъ командиромъ.

„Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами“.

(*Окончаніе* [1]).

Прошеніе Серно-Соловьевича.

11-го декабря Николай Серно-Соловьевичъ приступилъ къ чтенію всего производства по своему дѣлу, уже прошедшаго передъ читателемъ. Ветошниковъ этого почему то не сдѣлалъ.

Серно-Соловьевичу стало ясно, что многое скрывать уже совершенно безполезно, что это только усилитъ тяжесть наказанія, и потому 18-го онъ просилъ сенатъ допустить его къ дачѣ словеснаго показанія.

Когда онъ пришелъ въ присутствіе, то объяснилъ, что «данныя имъ во время слѣдствія показанія въ нѣкоторыхъ частяхъ невѣрны и неточны отъ того исключительнаго положенія, въ которое онъ поставленъ былъ предшествовавшими аресту его и послѣдовавшими обстоятельствами». Затѣмъ онъ объяснилъ очень многое и просилъ разрѣшить изложить все это еще подробнѣе письменно. Сенатъ не препятствовалъ ему въ этомъ несомнѣнномъ правѣ.

16-го января кн. Суворовъ препроводилъ въ сенатъ это пространное показаніе, имѣвшее, на основаніи закона, форму всеподданнѣйшаго прошенія.

Въ виду громаднаго интереса этого документа, я привожу его съ незначительными сокращеніями.

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій
Великій Государь Императоръ
Александръ Николаевичъ,
Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій!

Проситъ отставной надворный совѣтникъ Николай Александровичъ сынъ Серно-Соловьевичъ, а о чемъ прошеніе мое, тому слѣдуютъ пункты:

1.

При слѣдствіи по обвиненію меня въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами, я, вслѣдствіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, объясненныхъ ниже, не могъ дать по нѣкоторымъ вопросамъ

[1]) См. „Былое“ сентябрь, октябрь и ноябрь

точныхъ показаній. Подтверждая въ Пр. Сенатѣ свои отвѣты на вопросы слѣдственной комиссіи, я объяснилъ, что долженъ дополнить ихъ и просилъ рукоприкладства, имѣя въ виду дополнить письменно свои показанія, такъ какъ ст. 445 кн. 2-й т. XV св. з. называетъ рукоприкладство послѣднимъ способомъ къ защитѣ и охраненію невинности. Но приступивъ къ чтенію записки изъ дѣла, я узналъ, что неправильно понималъ значеніе рукоприкладства, ограниченнаго содержаніемъ записки [1]), и потому просилъ Пр. С. выслушать мои словесныя показанія. Пр. Сенатъ, выслушавъ ихъ, разрѣшилъ мнѣ изложить ихъ въ письменномъ прошеніи, объявивъ при томъ, что желаетъ доставить мнѣ всѣ способы къ оправданію. Во исполненіе сего я написалъ сіе прошеніе, изложивъ въ немъ все необходимое для своего оправданія.

2.

Помянутыя въ пунктѣ 1 обстоятельства объясняются всѣмъ моимъ прошедшимъ и тѣмъ нравственнымъ состояніемъ, въ которомъ я находился за все продолженіе слѣдствія.

3.

Въ мою недолгую, но не бѣдную дѣятельностью жизнь руководящими началами всѣхъ моихъ дѣйствій были: любовь къ отечеству и прочныя нравственныя правила. Это часто вовлекало меня въ борьбу съ различными неправдами, такъ какъ я былъ еще молодъ. Этимъ я пріобрѣлъ много враговъ въ людяхъ, вовсе не знавшихъ меня лично, но враждебныхъ началамъ, на основаніи которыхъ я поступалъ. Такая вражда опасна въ странѣ, гдѣ нѣтъ гражданской свободы и мало развита публичность. Она всегда успѣваетъ создать предубѣжденіе противъ лица, и затѣмъ всѣ его дѣйствія судятся извѣстными кругами общества въ силу этого чувства. Мнѣ довелось испытать это.

4.

Окончивъ въ 1853 г. курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, гдѣ былъ награжденъ серебряною медалью, я поступилъ на службу въ Государственную канцелярію, и въ 1857 г. былъ пожалованъ въ надворные совѣтники, имѣя 23 года отъ роду. Въ 1858 г. я имѣлъ счастіе представить всеподданнѣйшую записку Вашему И. В. Ея подлинное содержаніе мало кто зналъ, но о направленіи ходили слухи. Тѣ, кому она не нравилась, не взлюбили меня. Въ 1859 г. я участвовалъ въ занятіяхъ калужскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу. Его занятія обратили на себя вниманіе. Онъ первый просилъ и получилъ разрѣшеніе соста-

[1]) Т. е. дѣлопроизводствомъ.

вить проектъ Выкупного Положенія, за что ему было объявлено удовольствіе Вашего И. В. Все это не нравилось людямъ, не сочувствовавшимъ реформѣ. Я былъ въ комитетѣ не болѣе, какъ дѣлопроизводитель, но какъ мое имя было уже связано съ крестьянскимъ вопросомъ, то неудовольствіе падало на меня. Затѣмъ я обратилъ общественное вниманіе на злоупотребленія въ акціонерныхъ компаніахъ. Люди, злоупотреблявшіе властью, объявили меня революціонеромъ. Названіе было подхвачено недовольными моими дѣйствіями по крестьянскому дѣлу и съ тѣхъ поръ пошло въ ходъ. Мнѣ надо было отдохнуть и физически и нравственно, и потому я, выйдя въ отставку, уѣхалъ за границу. Главною моею цѣлью было воспользоваться промежуткомъ, остававшимся до рѣшенія крестьянскаго вопроса, чтобъ образовать себя для будущей государственной дѣятельности; я думалъ, что она вскорѣ приметъ у насъ общеевропейскій характеръ. Путешествуя и занимаясь, я постоянно слѣдилъ за нашими реформами; писалъ о нихъ, когда умѣлъ, и посылалъ печатать въ Россію.

5.

Возвратясь въ Россію осенью 1861 г., я не рѣшился по тогдашнимъ обстоятельствамъ поступить на службу. По своимъ правиламъ я былъ неспособенъ заняться ею мимоходомъ. Служа, я отдался бы весь своимъ занятіямъ, какъ въ калужскомъ комитетѣ, гдѣ 7 мѣсяцевъ работалъ изо дня въ день 14 часовъ въ сутки. Но я не имѣлъ довѣрія къ канцелярскому порядку. Служивъ подъ непосредственнымъ начальствомъ способнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, я личнымъ опытомъ убѣдился, что наша служба суживаетъ взгляды и дѣлаетъ невозможною широкую самостоятельную дѣятельность. Проживъ $1^1/_2$ года въ Англіи, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи и Франціи, я понялъ, что канцелярскимъ формамъ нѣтъ никакой возможности совладать съ текущими дѣлами и громадными преобразованіями, одновременно лежащими на нихъ у насъ, въ настоящее время. Потому я счелъ полезнѣе заняться частною дѣятельностью. Я имѣлъ въ виду, что на всякое служебное мѣсто, которое я могъ-бы занять, правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи сотни людей, тогда какъ оно можетъ расчитывать на весьма небольшое число дѣятелей, которые трудились бы для отечества, не прося себя ничего, кромѣ права трудиться. На книжной торговлѣ я остановился потому, что послѣ отмѣны крѣпостного права считалъ самымъ капитальнымъ вопросомъ для Россіи дѣло народнаго образованія. Книжная торговля давала мнѣ возможность, ведя семейныя дѣла, трудиться для этого дѣла и при томъ имѣть подъ рукою всѣ пособія для своихъ литературныхъ и ученыхъ занятій. Сверхъ того, я понималъ, что въ переживаемую нами переходную эпоху, мыслящему человѣку, стоящему внѣ служебнаго круга, трудно уберечься отъ раздраженія и увлеченій. Мнѣ хотѣлось сберечь себя и я считалъ практическую торговую дѣятельность весьма надежнымъ предохранительнымъ средствомъ.

Я лично велъ значительное торговое заведеніе и долженъ былъ быть тѣмъ внимательнѣе къ дѣлу, совершенно для меня новому, что имъ было заинтересовано все мое семейство. А какъ сверхъ магазина съ библіотекой и книжной лавки съ читальной [1]) у меня были на рукахъ дѣла моей матери и различныя литературныя и общественныя занятія, то все мое время безъ остатка поглощалось усиленною работою.

6.

Но и на этомъ, рѣшительно никого не затрагивающемъ поприщѣ меня встрѣтило старинное недоброжелательство. Только теперь это была не личная непріязнь, а слѣдствіе общаго хода дѣлъ, непріязнь людей отживающаго порядка къ людямъ возникающаго. Это чувство вполнѣ объясняется нашимъ настоящимъ. Люди двухъ различныхъ эпохъ необходимо должны расходиться между собою во мнѣніяхъ. Въ переживаемое нами переходное время государству необходимѣе, чѣмъ когда либо, имѣть поле, гдѣ различныя мнѣнія могли бы открыто и спокойно сталкиваться. Не можетъ быть сомнѣнія, что лучшіе люди обоихъ поколѣній имѣютъ общее чувство—любовь къ отечеству; не можетъ быть сомнѣнія, что каждое изъ мнѣній имѣетъ въ себѣ много вѣрнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по несовершенству человѣческой природы, и много недостаточнаго. Спокойнымъ, законнымъ столкновеніемъ они дополняли бы другъ друга, и преобразованія приняли бы практически вѣрное направленіе, на которомъ мирились бы всѣ добросовѣстные люди. Наше государственное устройство не представляетъ такого поля. Потому весь ходъ дѣла представляетъ не общее обсужденіе, какъ лучше устроить отечество, а борьбу между двумя порядками, борьбу, со всѣми ея несчастными слѣдствіями. Главное оружіе въ ней—взаимныя обвиненія и клеветы, которыхъ некому провѣрять среди всеобщаго раздраженія. А такъ какъ эта, какъ и всякая борьба, ведется съ перемѣннымъ счастьемъ, то ея жертвами непремѣнно становятся самыя выдающіяся личности съ той и другой стороны. Они страдаютъ и гибнутъ безъ всякой пользы для кого бы то ни было, тогда какъ при другихъ условіяхъ, страданій этихъ не могло бы быть вовсе, а люди, хотя бы и стояли въ разныхъ лагеряхъ, трудились бы совмѣстно для пользы отечества.

7.

Едва я открылъ торговлю, обо мнѣ стали распространять самые оскорбительные слухи. Въ мою читальню такъ нагло являлись подстрекатели, что я лично довелъ объ этомъ до свѣдѣнія г. оберъ-голицеймейстера. Когда начались пожары, меня называли поджигателемъ. Вслѣдъ за тѣмъ моя библіотека, книжная лавка, читальня были внезапно запечатаны. Я письменно просилъ слѣдствія надъ собой. Дѣло кончилось лишеніемъ библіотеки права чтенія въ ея

[1]) Открытой съ А. А. Слѣпцовымъ.

помѣщеніи и упраздненіемъ читальни, вслѣдствіе чего я былъ вынужденъ закрыть и книжную лавку. Все это нанесло непоправимый вредъ моей торговлѣ, а я не получилъ даже объясненія о причинѣ этихъ мѣръ.

8.

Все это можетъ объяснить, въ какомъ настроеніи я долженъ былъ находиться, когда меня арестовали и заключили въ крѣпость. 100 дней, съ 7 іюля по 16 октября, я пробылъ въ неизвѣстности за что, для чего, по чьему распоряженію я заключенъ. Послѣдняго я не зналъ до чтенія записки изъ дѣла въ Пр. Сенатѣ. Когда началось слѣдствіе, я не зналъ ни состава слѣдственной комиссіи, ни на какомъ основаніи она дѣйствуетъ. Я не зналъ, на законномъ или внѣзаконномъ основаніи со мной поступаютъ. Черезъ 100 дней послѣ ареста мнѣ было предъявлено въ неопредѣленныхъ и неимѣвшихъ строгаго законнаго характера выраженіяхъ обвиненіе въ преступленіяхъ, въ которыхъ я былъ невиненъ. Затѣмъ я былъ опять 50 дней въ положеніи худшемъ, чѣмъ даже прежняя неизвѣстность. Ежедневные допросы начались черезъ пять мѣсяцевъ послѣ заключенія. Ходъ его былъ донельзя способенъ питать мои подозрѣнія и опасенія. Десятки вопросовъ касались моихъ бумагъ или отдѣльныхъ фразъ изъ нихъ, которыя и цензура пропустила бы въ хорошее время безъ затрудненія. Отъ меня требовали объясненій по письму, адресованному кѣмъ то изъ Туна въ Берлинъ на имя моего брата, бывшаго за границей, письму, попавшему изъ берлинскаго почтамта въ руки слѣдственной комиссіи. Мнѣ предъявляли объявленія объ изданіи листка Долгорукаго, присланныя неизвѣстно кѣмъ на мое имя, изъ Спа, послѣ моего заключенія, по почтѣ. Мнѣ дѣлали вопросъ о полученныхъ будто бы мною, черезъ Тургенева, письмѣ отъ Герцена и объявленіяхъ о сборѣ денегъ, не предъявляя ни этихъ документовъ, ни извѣтчика. Наконецъ, мнѣ предъявили одно за другимъ письма Герцена и Кельсіева, что ихъ привезло $5^1/_2$ мѣсяцевъ назадъ лицо, фамилію котораго я въ первый разъ слышалъ. Изъ нихъ одно письмо Герцена говорило исключительно объ обстоятельствѣ, о которомъ я незадолго до ареста входилъ съ прошеніемъ въ цензурный комитетъ; другое, ясно писанное двумя лицами, приписывалось одному и по содержанію вопроса, очевидно, перетолковано; письмо же Кельсіева, почерка котораго я не знаю, не имѣло ни подписи, ни моего адреса и было такого содержанія, что я не могъ отнести его къ себѣ. Лица, привезшаго письма, мнѣ вовсе не предъявляли, хотя я самъ просилъ очной ставки съ нимъ, а по закону, мнѣ дать ее даже слѣдовало. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и многихъ другихъ неважныхъ самихъ по себѣ, но все же вліявшихъ на меня въ одномъ направленіи; сознаніе, что меня преслѣдуютъ несправедливо и что вмѣстѣ съ моими страданіями разоряется все мое семейство, дѣлъ котораго некому было вести, привели меня въ странное нравственное состояніе. Я былъ раздраженъ, озлобленъ, всего опасался и ничему не довѣрялъ.

9.

При другихъ условіяхъ мнѣ могли бы внушить довѣріе уже тѣ члены слѣдственной комиссіи, которые допрашивали меня. Впрочемъ, я не сомнѣвался въ чистотѣ ея дѣйствій, хотя повидимому, она была предубѣждена противъ меня; я безъ затрудненія далъ въ Пр. Сенатѣ подписку, что мнѣ не дѣлали пристрастныхъ допросовъ, и далъ ее тогда, когда еще сущность дѣла была для меня темна и непонятна. Но я не зналъ, въ какомъ видѣ получила это дѣло слѣдственная комиссія. Я видѣлъ положительный фактъ перехвата писемъ изъ заграничнаго почтамта и, понимая, что въ дѣлѣ такого свойства не могли участвовать правительственныя лица, имѣлъ право предполагать, что въ дѣлѣ замѣшаны грязныя руки. Наконецъ, я не зналъ, будетъ ли слѣдствіе разсмотрѣно законнымъ или внѣзаконнымъ порядкомъ. Все это заставило меня отрицать даже знакомство съ Герценомъ и Кельсіевымъ, не имѣвшее не только преступнаго, но и предосудительнаго характера, но одинъ фактъ котораго могъ послужить къ тому, чтобы погубить меня, еслибы сужденіе о дѣлѣ было предоставлено внѣзаконной или спеціальной инстанціи.

10.

Опасенія мои разсѣялись преданіемъ меня суду Пр. Сената и общимъ впечатлѣніемъ перваго призыва меня въ Пр. Сенатъ. Я подтвердилъ свои отвѣты, данные при слѣдствіи, такъ какъ сущность ихъ не могла измѣниться: преступленія, въ которомъ меня обвиняютъ, я не совершилъ. Но при томъ, какъ объяснено въ пунктѣ I, объявилъ, что имѣю сдѣлать къ нимъ дополненіе. Дополнить свои показанія я считалъ нужнымъ разъясненіемъ обстоятельствъ своего знакомства съ Герценомъ, Огаревымъ и Кельсіевымъ и точнаго характера и значенія ихъ писемъ, буде они дѣйствительно писаны или адресованы ко мнѣ [1])

11

Съ Герценомъ и Огаревымъ я познакомился въ Лондонѣ. Къ этому знакомству меня привело желаніе лично оцѣнить эти личности, о которыхъ слышалъ самые различные отзывы, а самъ заглазно не могъ составить опредѣленнаго мнѣнія. Въ Россіи, зная о нихъ больше по слухамъ, я былъ предубѣжденъ противъ нихъ. За границей читая ихъ серьезныя сочиненія, часто находилъ тамъ необыкновенную глубину мысли. Кромѣ того, увидя въ Европѣ на практикѣ результаты свободы печати, долженъ былъ сознаться, что различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ недостаточная причина къ обвиненіямъ. Личное знакомство представило мнѣ Герцена и

---

[1]) Читатель увидитъ и дальше, что Серно-Соловьевичъ все время стоялъ на формальной точкѣ зрѣнія и нигдѣ не призналъ совершенно доказаннымъ, что письмо Герцена и Огарева было адресовано къ нему; въ немъ не было обращенія, а конвертъ, въ которомъ оно лежало, былъ въ дѣлѣ, конечно, распечатанъ.

Огарева въ новомъ свѣтѣ. Я увидѣлъ, что это не увлекающіеся люди и не фанатики. Ихъ мнѣнія выработаны размышленіемъ, изученіемъ и жизнью; такого рода мнѣнія всегда добросовѣстны и измѣняются, какъ скоро имъ доказана ихъ ошибочность. Все несчастіе этихъ людей въ томъ, что они должны писать за границей. Самое задушевное желаніе ихъ вернуться въ Россію, но только отнюдь не такъ, какъ утверждаетъ г. Шедо-Ферроти, потому что такое утвержденіе—или грубое заблужденіе, или неудачная выдумка. Вернуться въ отечество имъ хочется, чтобы заниматься тамъ единственнымъ дѣломъ, на которое они дѣйствительно способны: быть публицистами. Чѣмъ меньше надеждъ на это, по общему ходу дѣлъ, тѣмъ сильнѣе становится ихъ раздраженіе и какъ патріотовъ, и какъ людей. Съ другой стороны, не имѣя возможности вести правильной полемики, они не могутъ провѣрять правильности своихъ взглядовъ и это они вполнѣ сознаютъ. Потому сама сила обстоятельствъ заставляетъ ихъ писать за границей многое, чего никогда не написали бы и не напечатали бы въ Россіи. Узнавъ ихъ лично, трудно не отдать справедливости ихъ серьезному уму и безкорыстной любви къ Россіи, хотя бы и не раздѣлялъ ихъ мнѣній [1]).

12.

Тѣмъ, что теперь называютъ пропагандистами, они въ то время не были, и мнѣ трудно повѣрить, чтобы сдѣлались потомъ. Вести пропаганду, т. е. распространять тайно свои сочиненія въ Россіи, имъ мѣшали слѣдующія, почти неустранимыя обстоятельства: а) зависимость отъ Трюбнера, которому принадлежатъ всѣ ихъ изданія; онъ человѣкъ коммерческій, не рискующій безразсудно капиталомъ и потому не ведущій дѣлъ въ такихъ странахъ, гдѣ товаръ можетъ быть конфискованъ, б) невозможность сбыта; о провозѣ одной партіи не стоило бы и хлопотать, такъ какъ это не имѣло бы никакой цѣли, ни значенія. Устроить же постоянный сбытъ въ Россіи положительно невозможно при бдительности правительства; в) личный взглядъ Герцена, что если въ Россіи будетъ потребность въ его сочиненіяхъ, то они попадутъ туда безъ его хлопотъ, если же въ нихъ нѣтъ надобности, то и ввозимыя они не имѣли бы значенія. Потому никакой пропаганды не было въ теченіе пятилѣтняго существованія въ Лондонѣ русскаго печатанія. Изданія печатались въ небольшомъ сравнительно числѣ экземпляровъ и расходились исключительно за границей. Если бы для существованія «Колокола» необходимы были постоянные корреспонденты, онъ не могъ бы издаваться, потому что, сколько мнѣ извѣстно, Герценъ никогда не могъ убѣдить ни одного человѣка

[1]) Давать такую оцѣнку людей, при одномъ имени которыхъ перекашивались физіономіи правительственныхъ кормчихъ шестидесятыхъ годовъ, было большимъ мужествомъ и вмѣстѣ вѣрною гибелью. Серно-Соловьевичъ понималъ это ясно, но не считалъ честнымъ поступить иначе тамъ, гдѣ рѣчь шла о людяхъ, заушаемыхъ всею рептильною прессой.

взять на себя трудъ постояннаго сообщенія извѣстій. Но свободная печать, сила, сама притягивающая матеріалъ. Почти съ каждою почтою Герценъ получаетъ письма и статьи и изъ всевозможныхъ мѣстъ, преимущественно за границею, и обыкновенно анонимныя. По его словамъ, ихъ содержаніе и тонъ—его единственный барометръ для оцѣнки положенія дѣлъ въ Россіи. Чѣмъ дѣла идутъ хуже, чѣмъ круче дѣйствуетъ правительство, тѣмъ рѣзче тонъ сообщеній; чѣмъ либеральнѣе поступаетъ правительство, тѣмъ умѣреннѣе сообщенія и тѣмъ меньше ихъ. Этимъ объясняются колебанія въ направленіи «Колокола» [1]).

13.

Однородныя занятія экономическими вопросами сблизили меня съ Огаревымъ. Я нашелъ въ немъ неутомимаго труженика и одного изъ глубочайшихъ знатоковъ нашего экономическаго положенія. Мы много говорили о Россіи. Я доказывалъ, что ихъ надежды на народъ неосновательны; что реформы снизу были бы еще неудачнѣе реформъ сверху; что вообще, по моему, реформы только тогда могутъ быть дѣйствительны, если вмѣстѣ съ ними расширяется и возвышается нравственный и умственный уровень народа и если при нихъ не нарушаютъ ничьихъ интересовъ, потому что государственная жизнь слагается изъ совокупности всѣхъ существующихъ интересовъ и ни одного изъ нихъ нельзя нарушить безъ того, чтобъ это не отозвалось, такъ или иначе, на всѣхъ, что единственное начало, въ которомъ я вижу органически созидающую силу—это начало свободы; всякое же насильственное измѣненіе порядка—смѣна господства однихъ началъ деспотизмомъ другихъ. Потому единственный путь, отъ котораго я жду для Россіи добра: соединеніе всѣхъ частей націи для общихъ трудовъ. А для этого необходимо, чтобы въ массѣ народа развивались образованіе и самодѣятельность, чтобы образованные классы изучали страну и народъ, которыхъ мы положительно не знаемъ, а Государь узнавалъ бы о нуждахъ и потребностяхъ, а также и средствахъ народа отъ тѣхъ, до кого непосредственно касаются правительственныя распоряженія. Таковы были тогда, такими остаются до сихъ поръ мои практическіе политическіе взгляды. Я высказывалъ ихъ во всѣхъ своихъ статьяхъ. На нихъ же основаны и моя брошюра «Проектъ окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса», и особенно найденный въ моихъ бумагахъ «Проектъ уложенія Императора Александра II». Огаревъ относился къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ, а Герценъ никогда не пытался склонить меня къ болѣе крайнимъ. О какихъ либо политическихъ замыслахъ не было и рѣчи, и я убѣжденъ, что никакихъ не суще-

[1]) Разумѣется, все сказанное въ п. 12 не соотвѣтствуетъ истиннымъ обстоятельствамъ. Серно-Соловьевичу надо было доказать, что онъ не участвовалъ въ пропагандѣ, и для этого онъ исходилъ изъ желанія доказать, что пропаганды никакой и быть не могло.

ствовало. Напротивъ, Огаревъ убѣждалъ меня всячески остерегаться увлеченій переходного времени и беречь себя для государственной дѣятельности. Мы разстались въ отношеніяхъ чисто пріятельскихъ. Когда я возвращался въ Россію, Герценъ письменно просилъ меня похлопотать, нельзя ли будетъ его сыну вернуться въ Россію и не возвратятъ ли его старшей дочери секвестрованнаго имѣнія, если бы и она пріѣхала. Наши послѣдующія отношенія ограничивались рѣдкими письмами или, вѣрнѣе, записками пріятельскаго содержанія. Со времени возвращенія въ Россію, мнѣ удалось имъ писать не болѣе двухъ или трехъ разъ, такъ какъ всѣ мои дѣла отвлекали меня отъ всякой недѣловой переписки.

14.

Кельсіевъ не былъ близокъ съ ними. Я его видѣлъ тамъ всего одинъ разъ. Но и съ одного раза можно было понять, что это не политическій дѣятель. Онъ человѣкъ, повидимому, съ добрымъ сердцемъ, но болѣзненный, нервный, впечатлительный. Сверхъ того занятія богословскими вопросами положили на него весьма странный отпечатокъ. Онъ легко возбудитъ участіе лично къ себѣ, но всегда поселитъ недовѣріе къ дѣлу, за которое берется. Бакунинъ былъ еще въ Сибири: его я вовсе не знаю.

15.

Въ 1862 г. когда я былъ уже въ Петербургѣ, однажды вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Кельсіевъ. Было это черезъ нѣсколько времени послѣ высылки профессора Павлова. Это посѣщеніе, сколько помню, сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: былъ тутъ Ничипоренко, и чуть ли они не вмѣстѣ пріѣхали. Я не сразу узналъ Кельсіева, видѣвъ его года за полтора. Ничипоренко зналъ, но не коротко. Онъ оставался недолго. Братъ мой, Александръ, вышелъ къ чаю, и, посидѣвъ немного, ушелъ. Онъ былъ занятъ переводомъ «Всемірной исторіи» Шлоссера. Затѣмъ мы остались вдвоемъ съ Кельсіевымъ. Онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Москву по семейнымъ дѣламъ. Потомъ разговоръ шелъ о разныхъ неважныхъ предметахъ. Я говорилъ объ изданіи братомъ Шлоссера и вообще о моихъ дружескихъ отношеніяхъ къ брату. Кельсіевъ разспрашивалъ о моей торговлѣ, жаловался на свои стѣсненныя обстоятельства и тутъ, между прочимъ, сказалъ, что досаднѣе всего, что при этомъ у него подъ руками золотыя горы—переводъ Библіи и «Сборникъ», но книги не имѣютъ доступа въ Россію и что ему хотѣлось бы потолковать съ кѣмъ нибудь изъ книгопродавцевъ. Я сказалъ, что если книги недозволены, то ни одинъ солидный книгопродавецъ не возьмется сбывать ихъ; сбытъ недозволенныхъ книгъ цѣлыми партіями у насъ рѣшительно невозможенъ, да и прибыль была бы слишкомъ непропорціональна риску потерять заведеніе. Тутъ же я говорилъ, что по нынѣшнему времени можетъ

представиться благопріятная минута для полученія разрѣшенія на ввозъ, что носятся слухи о пересмотрѣ закона о раскольникахъ и что надо стараться ничѣмъ не вредить этому дѣлу, что если оно пойдетъ въ ходъ, ему, какъ спеціалисту, можетъ открыться видная законная дѣятельность. Это ему понравилось, и конецъ вечера онъ провелъ въ развитіи разныхъ плановъ о соединеніи церквей.

16.

О Герценѣ и Огаревѣ онъ говорилъ неохотно и уклончиво, изъ чего я заключилъ, что они по прежнему не въ ладу. Онъ даже не привезъ мнѣ письма.

17.

Помню, что было довольно поздно, когда онъ сталъ собираться уходить и прощаясь, видимо затруднялся незнаніемъ мѣстности и неимѣніемъ извозчика, а я, зная, что наши мѣста (Нарвская часть) дѣйствительно безлюдны въ позднюю пору, предложилъ ему переночевать, что онъ и принялъ безъ отговорокъ. Я не разспрашивалъ, гдѣ онъ остановился, но мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ пріѣхать съ чужимъ паспортомъ, тѣмъ болѣе, что онъ назывался своимъ настоящимъ именемъ. Обстоятельствъ его прежней жизни я не зналъ, а изданіе «Сборника», не читавъ его, не считалъ препятствіемъ къ возвращенію въ Россію, такъ какъ я самъ, напечатавъ въ Берлинѣ брошюру о крестьянскомъ вопросѣ, вернулся и не былъ тревожимъ за нее. На слѣдующее утро я, по обыкновенію, отправился въ магазинъ, гдѣ всегда оставался до вечера, и затѣмъ не видалъ Кельсіева до его возвращенія изъ Москвы. [1]).

---

[1]) Здѣсь я считаю умѣстнымъ привести разсказъ Н. В. Шелгунова, разумѣется совершенно иначе обрисовывающій посѣщеніе Кельсіевымъ Серно-Соловьевича. Заимствую его изъ сожженаго комитетомъ министровъ изданія „Сочиненій“ Шелгунова, сдѣланнаго Павленковымъ въ 1891 г.

„Я жилъ въ то время на Царскосельскомъ проспектѣ (Михайловъ былъ уже увезенъ въ Сибирь), въ домѣ Серно-Соловьевичей, дверь противъ двери съ ихъ квартирой. Разъ приходитъ ко мнѣ младшій Серно-Соловьевичъ (Александръ) и таинственно предупреждаетъ, что въ теченіе трехъ-четырехъ дней къ нимъ будетъ заходить неудобно. Это предупрежденіе Серно-Соловьевичъ сдѣлалъ изъ предосторожности. Теперь каждые шаги по лѣстницѣ имѣли для меня что-то таинственное. Вотъ кто-то поднимается, останавливается на нашей площадкѣ, и я притаиваю дыханіе, прислушиваюсь, жду, что будетъ дальше; дверь отворяется, сейчасъ же затворяется, таинственный посѣтитель исчезаетъ, и опять водворяется гробовая тишина, еще болѣе настраивающая меня въ чувствѣ тревожнаго ожиданія. Не скажу, чтобы это чувство было пріятное. Шаги таинственныхъ посѣтителей слышались и днемъ, и вечеромъ, и ночью, и чѣмъ они слышались позже, тѣмъ больше ихъ таинственная загадочность возбуждала во мнѣ тревогу, хотя и я нисколько не боялся ни за Серно-Соловьевичей, ни за себя. Тогда въ Петербургѣ жилось еще патріархально и все дѣлалось довольно открыто.....Когда Серно-Соловьевичъ снялъ съ меня запрещеніе, все получило свой обыкновенный видъ, и жизнь потекла по прежнему. Кельсіевъ вернулся благополучно въ Лондонъ. Серно-Соловьевичи были спокойны“.

18.

Что онъ дѣлалъ въ Москвѣ, гдѣ останавливался, съ кѣмъ видѣлся, не знаю. Помню только, что разъ утромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ, говоря, что только что изъ Москвы, и заѣхалъ по пути проститься, отправляясь въ то же утро за границу. Тутъ я пробылъ съ нимъ недолго, спѣша въ магазинъ. Онъ сказалъ, что недоволенъ Москвой, и опять упомянулъ о „Сборникѣ", прося хоть похлопотать о немъ въ цензурѣ. Еще просилъ собрать и прислать ему все, что здѣсь печаталось съ дозволенія цензуры о расколѣ. Я обѣщалъ, но не могъ исполнить, такъ какъ онъ не оставилъ мнѣ адреса, да и не выслалъ денегъ. Съ тѣхъ поръ я не слыхалъ о немъ до вопросовъ слѣдственной комиссіи.

19.

Ничипоренко показалъ, что я заѣзжалъ къ нему въ день отъѣзда Кельсіева за границу и взялъ для него деньги. Этого я не помню. Но навѣрное помню, что видѣлся съ Кельсіевымъ въ этотъ день только одинъ разъ. Могло быть, что онъ, чтобъ не опоздать на машину, просилъ меня съѣздить къ Ничипоренко за деньгами, а я, давъ ему изъ своихъ, тотчасъ заѣхалъ къ Ничипоренко. Впрочемъ, Ничипоренко сперва показалъ, что лично далъ деньги Кельсіеву, а потомъ измѣнилъ показаніе. Я же совершенно не помню этого обстоятельства.

20.

(Здѣсь Серно-Соловьевичъ доказываетъ якобы неправдоподобность показаній Ничипоренка и Леоновой объ остановкѣ у него Кельсіева).

21.

Мысль о ввозѣ «Сборника» я отнюдь не считалъ цѣлью поѣзки Кельсіева. Я въ ней видѣлъ мимолетную фразу, высказанную въ пылу разговора и забытую вслѣдствіе моихъ доводовъ. Еслибъ я придавалъ ей значеніе или подозрѣвалъ, что она возродилась въ Москвѣ, я убѣдилъ бы его по возвращеніи въ невозможности и безцѣльности ввоза раскольничьихъ книгъ. Но я до сихъ поръ полагаю, что онъ уѣхалъ безъ всякихъ составленныхъ плановъ, а тѣмъ менѣе безъ подготовленныхъ средствъ къ осуществленію ихъ. Я взялся бы отговорить его чисто по своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Безъ сомнѣнія, я не считаю полезными наши законы о раскольникахъ. Кто имѣетъ принципомъ свободу, тотъ желаетъ ее для всѣхъ, понимая, что такая свобода—лучшая гарантія общественнаго благосостоянія и спокойствія и лучшая система воспитанія народа. Но здѣсь и кончается мое сочувствіе къ раскольникамъ. Между другомъ свободы и слѣпымъ приверженцемъ старины не

можетъ быть симпатіи. Тѣмъ менѣе она возможна между человѣкомъ, осмысливающимъ свою религію, и людьми, для которыхъ она заключается въ однихъ обрядахъ. Отсюда логическій выводъ, что я могу желать имъ свободы *данной*, но отнюдь не взятой. такъ какъ, по общимъ историческимъ законамъ, торжество раскола, достигнутое насиліемъ, было бы эпохой гибели людей, развитіе которыхъ внушаетъ имъ религіозныя чувства слишкомъ высокія для того, чтобъ ихъ могла понять невѣжественная масса. Думать же воспользоваться раскольниками, какъ орудіями для какихъ либо политическихъ цѣлей, значитъ не знать ни этихъ людей, ни людей вообще и не имѣть политическаго смысла. Высшія политическія, какъ и высшія религіозныя понятія,—результаты высокаго развитія и образованія. Они доступны не каждому. Людей же, стоящихъ на уровнѣ раскольниковъ, можно направить на политическія цѣли только воспламенивъ до изувѣрства ихъ фанатизмъ. А въ такомъ состоянія съ нимъ не управится никакая политическая партія. Все это начальныя правила для людей, занимающихся политическими вопросами. Я, конечно, желалъ бы, чтобъ раскольники пробудились отъ своей неподвижности, такъ какъ въ нихъ много крѣпкихъ силъ, необходимыхъ для обновленія Россіи. Но именно потому я и не желалъ бы, чтобъ они читали книги, могущія укоренять ихъ предразсудки. Имъ нужны, какъ и всему нашему народу, хорошія, толковыя, народныя книги, которыми мы такъ бѣдны.

22.

(Здѣсь Серно-Соловьевичъ, пользуясь нѣкоторыми формальными уловками, старается доказать,что нѣтъ никакихъ твердыхъ основаній считать письма Герцена, Огарева и Кельсіева адресованными къ нему).

23.

Если принять во вниманіе личный характеръ Кельсіева и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствуетъ, если взглянуть на его положеніе сколько нибудь человѣчески и затѣмъ перечесть всѣ его письма вмѣстѣ и въ хронологическомъ порядкѣ, то, кажется, истинное значеніе и ихъ и всего настоящаго дѣла представляется въ довольно вѣрномъ свѣтѣ [1]).

24.

Даже не зная его лично, можно оцѣнить его характеръ по обстоятельствамъ дѣла и письмамъ. Онъ, повидимому, пріѣзжаетъ въ Россію съ чужимъ паспортомъ и выбираетъ турецкій, т.-е. страны, языка которой, по всей вѣроятности, не знаетъ. Принимая чужую фамилію, сохраняетъ свое настоящее имя. Выдавая себя за иностранца, говоритъ такъ чисто по-русски, что возбуждаетъ

[1]) Пункты 24 и 25 я считаю очень любопытными: въ нихъ сдѣланъ прекрасный и вполнѣ вѣрный анализъ дѣятельности Кельсіева вообще и во время пріѣзда въ Россію въ частности.

удивленіе въ гостиницѣ. Живетъ нѣсколько времени въ Москвѣ и не заботится взять видъ на выѣздъ изъ Россіи. Принужденъ перейти границу пѣшкомъ и попадаетъ въ руки прусской полиціи. Проситъ, чтобъ ему писали условно, и теряетъ ключъ къ условнымъ выраженіямъ. Пишетъ, что высылаетъ условную азбуку, и тутъ же пишетъ, что не высылаетъ. Заказываетъ книги и не можетъ взять ихъ изъ типографіи за недостаткомъ денегъ. Не имѣетъ денегъ даже, чтобъ завести шрифтъ, и проектируетъ распространеніе сочиненій, на которыя надо употребить нѣсколько тысячъ. Вычисляетъ прибыль въ 100% и въ слѣдующемъ письмѣ уже возводитъ ее въ 500%. При такомъ характерѣ онъ попадаетъ подъ гнетъ страшно тяжелыхъ обстоятельствъ. Человѣкъ самаго обыкновеннаго образа мыслей, онъ, вѣроятно, по необдуманности заградилъ себѣ возвратъ въ отечество. Средствъ къ жизни никакихъ, а на рукахъ семья. Нравственныя страданія и физическія лишенія совершенно изнурили его. Кругомъ холодный народъ, отъ котораго иностранцу, особенно русскому, нечего ждать даже добраго слова. Единственный рессурсъ существованія—изданіе книгъ изсякаетъ.

Трюбнеръ неохотно печатаетъ. Тогда онъ рѣшается ѣхать въ Россію. Если поѣздка имѣла другую цѣль, кромѣ семейныхъ дѣлъ, она, очевидно, была безуспѣшна. Вѣроятно, всѣ, къ кому онъ обращался, отвѣчали: «посмотримъ, надо подумать»—словами, которыми обыкновенно отказываютъ дѣловые люди. Сознавая неудачу, онъ, вѣроятно, пришелъ къ мысли, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе, если въ немъ примутъ участіе Герценъ и Огаревъ, и сталъ сближаться съ ними. Это не могло сладиться скоро, такъ какъ общаго у нихъ мало. Изъ писемъ видно, что переговоры тянулись съ самаго возвращенія Кельсіева и понятно, что ни къ чему положительному не привели. Наконецъ, Герценъ, или въ видѣ опыта или подъ вліяніемъ обстоятельствъ, согласился издавать вмѣстѣ листокъ, отдѣльный отъ «Колокола». Кельсіевъ вообразилъ себя политическимъ человѣкомъ. Между тѣмъ, подошло время выставки, вдвойнѣ возбуждавшее его. Во-первыхъ, возрастаетъ дороговизна: его съ семьей чуть не гонятъ на улицу. Во-вторыхъ, стекаются массы русскихъ, идутъ разсказы, разговоры, конечно нецензированные. Все это до нельзя возбуждаетъ человѣка впечатлительнаго и нервнаго. Представляется случай писать въ Россію, Писать въ его положеніи чуть не единственное удовольствіе, потому что ничего не стоитъ. Онъ припоминаетъ всѣхъ, кому имѣетъ малѣйшую возможность писать, и пишетъ нѣсколько дней. Письма окончательно увлекаютъ его. Онъ забываетъ недавнюю неудачу и отсутствіе средствъ не только пропагандировать, но и печатать и принимаетъ надежды за дѣйствительность, просьбы за обѣщанія, свои предположенія за исполненное уже другими. Такимъ образомъ является множество безсвязныхъ предположеній о пропагандѣ, которая и по своей цѣли и по имѣющимся у него средствамъ для осуществленія ея—воздушный замокъ.

25.

Если Кельсіевъ имѣлъ въ виду устроить своею поѣздкою ввозъ книгъ, онъ потерпѣлъ полную и окончательную неудачу. Практическій торговый человѣкъ пойметъ это съ перваго взгляда на его письма, какъ они ни маскируютъ настоящаго положенія дѣла. Ввозъ товара, все равно—дозволеннаго или недозволеннаго, совершается тѣмъ же порядкомъ.

Нужны: отправщикъ, провозчикъ, получатель; нужна переписка между отправщикомъ и получателемъ. Сбытъ дѣло получателя. Кельсіевъ отправщикъ. Провозъ, какъ онъ пишетъ, въ его рукахъ, и это возможно, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ дѣла по изданію «Сборника» съ австрійскими или другими заграничными раскольниками, а тѣ, въ свою очередь, могутъ имѣть знакомыхъ контрабандистовъ. Значитъ, Кельсіеву нуженъ получатель. Получатель нуженъ всего одинъ: онъ самъ отыщетъ комиссіонеровъ, съ которымм желаетъ вести дѣло. Если получателя нѣтъ, ввозъ невозможенъ. Но если бы ввозъ былъ возможенъ, то Кельсіеву незачѣмъ было бы и ѣздить, потому что, конечно, австрійскіе раскольники устроили бы его. Если же Кельсіевъ пріѣзжалъ искать получателя и нашелъ бы такого человѣка, тотъ сказалъ бы ему: «вотъ имя для присылки товара и писемъ; дайте имя, на которое мнѣ писать вамъ»—и дѣло было бы кончено. Если же послѣдовали уклончивые и неопредѣленные отвѣты, значитъ, дѣло не состоялось, и послѣ этого всякія письменныя сношенія безполезны. Всѣ настоящія письма Кельсіева, если отбросить все, неидущее къ дѣлу,—просьбы принимать его книги, сообщать ему имена, указанія, какъ переписываться. Эти просьбы обращаются къ нѣсколькимъ лицамъ. Онѣ пишутся черезъ три мѣсяца послѣ его поѣздки.

Все это слишкомъ очевидные признаки его неудачи, если только онъ говорилъ съ кѣмъ нибудь серьезно. Наконецъ, въ ней онъ самъ сознается. Въ одномъ письмѣ пишетъ: «моя поѣздка была не безполезна, я сдѣлалъ множество новыхъ знакомствъ». Но объ устройствѣ провоза ни слова. Въ другомъ же, къ Владимірову, котораго проситъ быть получателемъ: «безъ вашей помощи вся наша пропаганда вянетъ за границей». Въ этомъ же письмѣ говорится, что онъ пробилъ широкіе пути книгамъ до Петербурга, что книги должны отправляться на ярмарку и что онъ проситъ продержать ихъ въ Москвѣ день или два. Тутъ явныя противорѣчія. Если книгамъ пробиты пути до Петербурга, значитъ пропаганда не вянетъ за границей. Если есть получатель въ Петербургѣ, незачѣмъ Кельсіеву хлопотать о получателѣ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что изъ Петербурга можно прямо отправить въ Нижній. А въ то же время, какъ это пишется Владимірову, въ письмѣ на мою фамилію сказано: «развяжите намъ руки, пришлите имя»; и тутъ же сожалѣніе, что ему отсовѣтывали войти въ сношеніе по провозу съ Кожанчиковымъ. Изъ письма же къ Владимірову ясно, что тотъ и не думалъ брать на себя порученіе, такъ какъ тамъ говорится:

«мы, забытые вами». Изъ всего этого очевидно, что онъ ничего не устроилъ, и тѣмъ меньше могъ устроить письмомъ. Вѣроятно, люди, отказавшіе ему, понимали, что ввозъ и безполезенъ и невозможенъ. Трудно допустить, чтобъ на нихъ могли подѣйствовать письма, гдѣ вдобавокъ Кельсіевъ сознается, что у него никакихъ средствъ нѣтъ къ печатанію. Кромѣ того, изъ писемъ видно, что люди, на содѣйствіе которыхъ онъ повидимому разсчитывалъ, заболѣваютъ, не даютъ денегъ и, по его собственному выраженію «знать ничего не знаютъ».

26.

(Здѣсь идетъ детальное развитіе предшествующаго пункта).

27.

(Въ этомъ пунктѣ Серно-Соловьевичъ указываетъ на противорѣчіе писемъ Кельсіева и Огарева, изъ которыхъ одно, да и то лишь въ концѣ, призываетъ его къ пропагандѣ, а второе—воздерживаетъ отъ нея).

28.

(Нѣсколько мелкихъ указаній, для читателя не имѣющихъ значенія).

29 и 30.

(Опускаю въ виду тѣхъ же соображеній).

31.

(Здѣсь Серно-Соловьевичъ указывалъ на ошибочность чтенія въ письмѣ къ нему Огарева словъ «обнимаю ваше общество» вмѣсто «обнимаю васъ обоихъ», съ чѣмъ сенатъ потомъ и согласился).

32—34.

(Эти пункты несущественны).

35.

Мои убѣжденія прочны, самостоятельны и, я думаю, практичны. Я не сторонникъ бюрократическаго порядка, потому что онъ несвоевременъ и по своему существу неудобенъ для преобразованій. Я искренно желаю, чтобы преобразованія были бы не только хороши по мысли, но и практичны по выполненію, чтобы они вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ и средствамъ русскаго народа, денежнымъ и личнымъ. Потому я желаю, чтобы правительство, преобразовывая старый порядокъ, очевидно несостоятельный, дало возможность самому себѣ и всей Россіи услышать, въ чемъ нуждаются, что могутъ сдѣлать, чѣмъ могутъ взаимно помочь другъ другу различные слои общества, различныя мѣстности, различные народы, составляющіе наше громадное государство. Эти убѣжденія я старался высказывать, но всегда открытыми путями. Въ силу этихъ убѣжденій я былъ знакомъ и друженъ съ людьми самыхъ различныхъ мнѣній, въ которыхъ находилъ умъ, способности, познанія и

любовь къ отечеству. Я искалъ такихъ знакомствъ, потому что только слыша различныя сужденія и взвѣшивая ихъ вмѣстѣ, можно приблизиться къ истинѣ. Но быть знакомымъ съ людьми, умѣть цѣнить ихъ и содѣйствовать невозможнымъ планамъ—вещи совершенно различныя. Въ моихъ цѣляхъ и моихъ путяхъ трудно ошибаться, если безпристрастно судить о нихъ. Моимъ первымъ политическимъ шагомъ была вышеуказанная всеподданнѣйшая записка 1858 г. Въ самую эпоху своего ареста я работалъ надъ проектомъ Уложенія Императора Александра II и, кажется, довольно прочитать въ немъ статью объ основныхъ началахъ, которыя мнѣ хотѣлось видѣть въ нашей государственной жизни, чтобы оцѣнить мои стремленія. Въ крѣпости я составилъ обширный планъ общей финансовой и экономической реформы, мысли котораго когда нибудь принесутъ плодъ [1]). Потомъ, узнавъ о внѣшнихъ опасностяхъ, грозившихъ Россіи, составилъ записку, чтобы дать правительству возможность имѣть въ виду, при его соображеніяхъ, и взгляды на положеніе дѣлъ людей неоффиціальнаго образа мыслей [2]). Наконецъ, въ минувшемъ декабрѣ я опять представилъ всеподданнѣйшее прошеніе на имя Вашего И. В., заключавшее въ себѣ взгляды на нынѣшнее положеніе дѣлъ, основанные на тѣхъ же широкихъ примирительныхъ началахъ [3]). Вотъ документы, обнимавшіе всю мою карьеру. Еслибы сличить съ ними все печатанное мною, всюду оказались бы тѣ же мысли, вѣрность которыхъ далеко не опровергается общимъ положеніемъ дѣлъ въ нашемъ отечествѣ [4]).

36—51.

(Въ этихъ пунктахъ Серно-Соловьевичъ доказываетъ свою невиновность въ падавшихъ на него обвиненіяхъ, но новаго ничего не сообщаетъ).

52.

Чтобъ меня стали преслѣдовать за свой образъ мыслей, я не вѣрю. Въ царствованіе Государя, освободившаго крѣпостныхъ и заявившаго всему міру, чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, свое сочувствіе къ свободѣ, такія преслѣдованія возможны только, какъ несчастныя недоразумѣнія. Они невозможны, какъ система. Если же скажутъ, что правительство преслѣдуетъ не свободный, а революціонный образъ мыслей, я отвѣчу: я высказалъ свои принципы, я желаю, чтобы начала, практически доказавшія свое превосходство въ цѣлой Европѣ, получили дѣйствіе у насъ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ были приняты въ соображеніе всѣ особенности

[1]) Этого документа нѣтъ въ сенатскомъ архивѣ.
[2]) Тоже.
[3]) Тоже.
[4]) Замѣчательна настойчивость Серно-Соловьевича, съ которою онъ такъ часто обращался къ правительству съ изложеніемъ своихъ плановъ по упорядоченію государственнаго управленія. Въ этомъ прошеніи, ниже, тоже будутъ очень въ этомъ отношеніи цѣнныя страницы.

русской жизни; желаю этого потому, что при такой системѣ Россія будетъ черезъ 25 лѣтъ первою европейскою страною по своему экономическому, стало быть и политическому положенію, тогда какъ при нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ надъ нею будетъ годъ отъ года, сильнѣе и сильнѣе тяготѣть умственное, нравственное, финансовое, торговое и промышленное превосходство Европы. Успокаивать себя тѣмъ, что мы дѣлаемъ успѣхи, значитъ имѣть односторонній взглядъ на общее положеніе дѣлъ. Какъ бы ни гнали, мы все таки ѣдемъ въ старомъ тарантасѣ, а Европа въ вагонахъ. Если смотрѣть не на внѣшность, а на дѣйствительныя нравственныя и экономическія силы—разстояніе между нами и Европой не уменьшается. Чтобы догнать ее, намъ надо пустить въ ходъ всѣ наши громадные, но покуда еще мертвые рессурсы. И мы могли бы это сдѣлать. Если понимать это и желать этого, если любить отечество всѣмъ своимъ существомъ и желать видѣть его счастливымъ—преступленіе, я преступникъ. Иначе я могу быть только жертвой тяжелой эпохи и несчастныхъ обстоятельствъ.

53.

Если скажутъ: намѣренія могутъ быть хороши, но средства дурны,—я отвѣчу фактическими доводами, которые мнѣ больно приводить, потому что, если мои принципы и расходятся съ принципами правительства, это не мѣшаетъ мнѣ цѣнить его дѣятельность и его стремленія. Въ дѣлѣ есть письмо генерала Дренякина къ генералу Потапову, въ которомъ буквально высказано: *цѣль освящаетъ средства*. Я не стану вспоминать, какимъ образомъ было примѣнено это начало въ этомъ случаѣ. Но оно высказано оффиціальнымъ лицомъ, членомъ слѣдственной комиссіи, и не только высказано, но приведено въ исполненіе, при чемъ слѣдователь прямо называетъ лицъ, подлежащихъ слѣдствію, *врагами*. Примѣненіе этого начала не ограничилось однимъ случаемъ. Оно коснулось меня. Ему далъ широкое примѣненіе полковникъ корпуса жандармовъ Дурново, имѣвшій порученіе собрать свѣдѣнія о пребываніи въ Петербургѣ Кельсіева. Нѣкоторыя изъ употребленныхъ имъ средствъ изложены въ его рапортѣ. О Кельсіевѣ онъ не собралъ никакихъ свѣдѣній. Но вмѣсто нихъ онъ представилъ обо мнѣ рядъ свѣдѣній положительно невѣрныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть приписаны путямъ, которыми онъ сбиралъ ихъ; источникъ другихъ, очевидно, онъ самъ... Еслибы я дѣйствительно имѣлъ въ виду дурныя средства, все изложенное мною въ этомъ пунктѣ давало бы мнѣ полное основаніе сказать: почему же меня преслѣдуютъ за тотъ самый принципъ, который не только высказываютъ, но и приводятъ въ дѣйствіе оффиціальныя лица, производящія надо мною слѣдствіе? Если принципъ у насъ одинъ, надо обсудить, чьи цѣли лучше: высказываемыя мною или достигаемыя средствами, употребляемыми противъ меня. Но мнѣ не нуженъ этотъ доводъ, такъ какъ въ настоящемъ прошеніи я изложилъ свои цѣли и пути, которыми дѣйствовалъ всю жизнь. И я смѣю думать, что для истин-

ныхъ интересовъ и Россіи и правительства они были бы гораздо полезнѣе тѣхъ средствъ, о которыхъ здѣсь шла рѣчь, и тѣхъ результатовъ, къ которымъ приводятъ подобныя средства.

54.

Единственный результатъ этихъ средствъ—возбужденіе дѣлъ подобныхъ настоящему, а такія дѣла—самый несчастный анахронизмъ въ нынѣшнее царствованіе. Еслибы у насъ была свобода мнѣній, существующая въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ правительство считаетъ надежнѣйшею опорою тѣсный, сердечный союзъ съ народомъ,—переписка, возбудившая настоящее дѣло, не могла бы возникнуть. Еслибы въ настоящемъ случаѣ эти письма достигли назначенія, то ихъ единственнымъ результатомъ, по всей вѣроятности, было бы сожженіе ихъ.

Люди, живущіе въ Россіи и наблюдающіе за ходомъ дѣлъ, очень хорошо знаютъ силы, которыми располагаетъ правительство, и тѣ, которыя могли бы высказать сочувствіе химерамъ. Но попадая въ руки правительства, такія письма приводятъ его къ преслѣдованіямъ. А правительство преобразовывающее и правительство преслѣдующее за мнѣніе—понятія несовмѣстимыя. Зло, приносимое Россіи такими преслѣдованіями и въ настоящемъ и особенно въ будущемъ, неизмѣримо. Остановить распространеніе неблагопріятныхъ идей правительство могло бы гораздо дѣйствительными и выгоднѣйшими для Россіи мѣрами. Преслѣдовать въ Россіи революціонныя мысли значитъ создавать ихъ. Года три назадъ у насъ не было положительно ни одного человѣка, безусловно враждебнаго монархическому началу. И еслибы правительство тогда же прислушалось къ общественному голосу, оно упрочило бы за собою, по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ, положеніе самаго популярнаго правительства въ мірѣ. Если умы молодежи были возбуждены, и она горячилась, это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ эпохи, вліянію которой всякій болѣе или менѣе подчиняется. Если бы само правительство было вполнѣ свободно отъ него, оно взглянуло бы на это явленіе, совершенно съ другой точки зрѣнія и никогда не увлеклось бы въ рядъ карательныхъ и репрессивныхъ мѣръ, нисколько не соотвѣтствующихъ характеру нынѣшняго правительства и ведущихъ къ самымъ прискорбнымъ результатамъ. Взвѣсивъ общее положеніе дѣлъ, правительство увидѣло бы, что это возбужденіе—счастье для него. Ему представлялась возможность, давъ волю общественной дѣятельности и слову, сложить съ себя безъ всякихъ хлопотъ значительную часть своего громаднаго груза. Къ несчастію, оно не имѣетъ довольно довѣрія къ самому себѣ, къ незыблемой прочности своего положенія. Оно сочло нужнымъ обороняться отъ людей, которые были бы не въ силахъ пошевелить его мизинца и которые, отрезвившись практическою дѣятельностью, были бы надежнѣйшими ратниками. Этимъ оно само усиливало зло, которое думало остановить. Преслѣдованіемъ можно только погубить нѣсколько личностей, и заставить идеи на время

притаиться. Но это ожесточаетъ ихъ и усиливаетъ ихъ распространеніе незамѣтными, но самыми дѣйствительными путями: размышленіемъ и разговорами. Неблагопріятныя правительству идеи, какъ все, имѣютъ свою причину. Эта причина заключается, главнымъ образомъ въ неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ, и въ томъ, что размѣры гражданской свободы не соотвѣтствуютъ умственному развитію общества.

Преслѣдованіе за мнѣнія не ослабляетъ, а усиливаетъ эту причину. Сверхъ того, оно гибельно тѣмъ, что вступивъ на путь политическихъ преслѣдованій, почти нельзя остановиться, если не отказаться вовсе отъ нихъ: тутъ одинъ шагъ ведетъ за собой десять другихъ. Между мнѣніями нельзя провести рѣзкихъ границъ, особенно въ переходное время, когда самый ходъ законодательства заставляетъ общество безпрестанно мѣнять точки зрѣнія на важнѣйшія общественныя отношенія. Потому никакое правительство, начавшее въ такую эпоху преслѣдованіе за мнѣнія, не въ состояніи опредѣлить пункта, на которомъ остановится. Наше же правительство тѣмъ менѣе въ состояніи сдѣлать это, что у него нѣтъ подъ рукою никакого политическаго барометра для опредѣленія быстро измѣняющагося средняго уровня мнѣній въ странѣ. Разъ начались преслѣдованія, нѣтъ ни одного мнѣнія, ни одного человѣка, которые могли бы считать себя безопасными отъ нихъ. Настоящее дѣло вполнѣ подтверждаетъ это. Если вообще можно понять обвиненія въ сношеніяхъ съ пропагандистами, то первымъ необходимѣйшимъ условіемъ должна быть однородность мнѣній обвиняемыхъ. По настоящему дѣлу преданы суду болѣе тридцати человѣкъ. Между ними встрѣчаются: имя Тургенева, имена Максимова, Касаткина, Афанасьева, спеціалистовъ, почтенная дѣятельность которыхъ извѣстна всѣмъ, слѣдящимъ за русскою литературою, наконецъ, имена постоянныхъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» и «Отечественныхъ Записокъ». Если сообразить, что тутъ же находятся имена двухъ титулованныхъ лицъ, двухъ купцовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, человѣка шестидесяти лѣтъ и дѣвицы, то ясно, что мнѣнія и интересы прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ составляютъ кругъ, могущій обнять все русское образованное и полуобразованное русское общество.

И дѣйствительно, еслибы правительство захотѣло быть послѣдовательнымъ, и вести до конца систему арестовъ, обысковъ, перехватовъ писемъ, допросовъ, то къ настоящему дѣлу можно бы привлечь безчисленное множество людей. Число русскихъ, ѣздившихъ въ Европу, какъ видно изъ офиціальныхъ свѣдѣній, доходило въ послѣднее время до 90 тысячъ въ годъ. Еслибъ тщательно развѣдать, оказалось бы, что весьма значительная часть изъ нихъ имѣла въ своихъ рукахъ лондонскія русскія изданія, давала ихъ читать знакомымъ, разговаривала о нихъ или посѣщала Герцена, т. е. вела пропаганду въ такой же или еще сильнѣйшей степени, какъ подсудимые по этому дѣлу. А если бы собрать имена всѣхъ, жаловавшихся словесно или письменно на существующій порядокъ

вещей, и слѣдовательно такъ или иначе пропагандировавшихъ противъ него, то трудно будетъ найти людей, не попавшихъ въ этотъ списокъ. Чѣмъ же виновнѣе всѣхъ этихъ несчастныхъ сотенъ тысячъ людей тѣ, которымъ были писаны неполученныя ими письма о пропагандѣ? Если скажутъ, что эти утвержденія бездоказательны, то можно отвѣтить, что они до такой степени общеизвѣстны, что добросовѣстно ихъ нельзя опровергнуть. Возраженіе о доказательствахъ было бы умѣстно, если бы правительство начинало подобныя дѣла только для того, чтобы имѣть удовольствіе осудить нѣсколькихъ лицъ. Если же они имѣютъ государственную цѣль: противодѣйствія распространенію неблагопріятныхъ мнѣній, то надо и смотрѣть на дѣло съ государственной точки зрѣнія. Думать, чтобы правительство взяло на себя роль политическаго преслѣдователя изъ удовольствія или ex officio, значило бы въ первомъ случаѣ не уважать его, во второмъ — отрицать въ немъ всякія политическія способности. Очевидно, оно считаетъ неблагопріятныя себѣ мнѣнія зломъ и старается пресѣчь его. Вотъ единственная серьезная точка зрѣнія на дѣло.

Но преслѣдовать пять или десять человѣкъ за то же, что дѣлаютъ всѣ, на томъ основаніи, что у этихъ пятерыхъ оказалась какая-нибудь бумажка, значитъ вводить высшее правительство въ заблужденіе объ общемъ положеніи дѣлъ и готовить ему въ будущемъ безконечныя затрудненія. Разъ правительство начало отгаивать свои мнѣнія уголовными мѣрами, и имѣетъ при этомъ государственныя соображенія, ему только и можно дѣлить мнѣнія на двѣ категоріи: благопріятныя существующему порядку, statu quo, и неблагопріятныя. Послѣднія наше правительство не имѣетъ возможности подраздѣлять на категоріи, такъ какъ у насъ нѣтъ признанныхъ политическихъ партій. Но общественное мнѣніе видимо теряетъ довѣріе къ старому порядку. Въ полуторагодовой промежутокъ были подвергнуты запрещеніямъ «Современникъ», «Русское Слово», «Время», «Современное Слово», «День». Значитъ правительство объявило неблагопріятными себѣ мнѣнія всей массы интеллигентныхъ подписчиковъ этихъ органовъ. Теперь оно предало суду, въ числѣ другихъ, сотрудниковъ «Русскаго Вѣстника», «Отечественныхъ Записокъ», «Сѣверной Пчелы». Такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ времени оно выразило, прямо или косвенно, свое неодобреніе почти всѣмъ важнѣйшимъ оттѣнкамъ общественнаго мнѣнія. Пять лѣтъ назадъ оно встрѣчало въ литературѣ только самое горячее сочувствіе. Такая перемѣна отношеній правительства къ умственнымъ силамъ страны должна бы, кажется, убѣдить опытныхъ государственныхъ людей, что положеніе государства требуетъ не преслѣдованія за мнѣнія, а совсѣмъ другихъ мѣръ.

Русскій народъ слишкомъ практиченъ и хладнокровенъ, чтобъ увлечься словами или теоріями. Главная масса его обезпечена землею. Потому пропаганда революціонеровъ всего міра заставила бы его только ухмыляться, еслибы дѣла шли хорошо. Въ образованномъ же обществѣ ее встрѣтило бы только негодованіе. Но, нао-

боротъ, если дѣла идутъ неудовлетворительно, никто не повѣритъ у насъ, что они идутъ хорошо, хотя бы въ печати появлялись однѣ хвалы. Въ этомъ отношеніи наша публика обладаетъ большимъ тактомъ. Съ самаго начала нынѣшняго царствованія всѣ стали говорить, что «новое вино не льютъ въ старые мѣха». Въ то время это относили преимущественно къ людямъ стараго времени. Люди мало-по-малу смѣнялись, въ составъ правительства входили способнѣйшія и дѣятельнѣйшія изъ служащихъ лицъ, но общее положеніе дѣлъ, всетаки, не улучшалось. А въ этотъ промежутокъ общество сдѣлало громадные успѣхи въ умственномъ и политическомъ отношеніяхъ. Оно поняло, что подъ мѣхами надо понимать главнымъ образомъ руководящія начала и механизмъ правительственной системы и что, если даже самыя начала вѣрны, то для практическаго примѣненія ихъ безусловно необходимы соотвѣтственныя имъ формы.

Ближайшее знакомство съ европейскими государственными учрежденіями и изученіе отечественной исторіи внѣдрило въ умы убѣжденіе, что намъ нѣтъ иного пути выбиться изъ настоящихъ затрудненій, какъ при помощи мѣры, искони спасавшей Россію въ трудныя минуты. Русская земля увидѣла себя въ новомъ, необычайномъ положеніи, и нашъ природный мірской инстинктъ заговорилъ въ цѣлой массѣ образованнаго общества. Оно почувствовало неодолимое желаніе уяснить себѣ это положеніе, обсудивъ его міромъ, соборне. Если вслушаться въ общественный голосъ, оказалось-бы, что почти всѣ многоразличные его оттѣнки сходятся и мирятся на этой спасительной мѣрѣ, а что всякія предложенія, идущія далѣе, возбуждаютъ въ обществѣ негодованіе. Таково было состояніе общественнаго мнѣнія за полтора года. Общее положеніе дѣлъ въ государствѣ извѣстно, болѣе или менѣе, всякому. Послѣ восьми лѣтъ непрерывной и самой добросовѣстной дѣятельности правительства [1]), нельзя назвать ни одной части, окончательно устроенной; финансы, и государственные и частные, въ положеніи, которое трудно назвать удовлетворительнымъ; бремя государственнаго долга увеличивается съ быстротою, едвали бывалою въ нашей исторіи до крымской войны; въ внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ открылись старыя раны; отношенія къ Европѣ ухудшаются; конца тяжелаго переходнаго времени не видать и вдали, а трудности положенія скорѣе возрастаютъ, чѣмъ уменьшаются. Въ это самое время въ подвластной Россіи странѣ [1]) правительство при-

[1]) Любопытно, что Серно-Соловьевичъ не включаетъ въ время „самой добросовѣстной дѣятельности правительства“ 1863 годъ (1855—1862 гг. будетъ ровно восемь), годъ, когда правительству поневолѣ пришлось снять маску реформатора и откровенно вступить на искони излюбленный путь реакціи. Впрочемъ, на ряду со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ въ этомъ прошеніи петропавловскій узникъ, эта его откровенность была менѣе непріятна.

[2]) Финляндіи. Въ сентябрѣ 1863 г. Александръ II, открывая сеймъ, обѣщалъ даровать „либеральныя учрежденія“, и вскорѣ кое-что было дѣйствительно дано. Фактъ указанія на это Серно-Соловьевичемъ доказываетъ, что, сидя въ крѣпости, онъ имѣлъ обо всемъ происходящемъ въ Россіи точныя свѣдѣнія.

нимаетъ мѣру однородную съ той, которая составляетъ предметъ желаній большинства нашего образованнаго общества, но которой мы не можемъ открыто просить подъ страхомъ обвиненія въ государственномъ преступленіи.

Вотъ сущность общаго положенія дѣлъ, до того труднаго и необычайнаго, что, вѣроятно, подобнаго не запомнятъ и самые старые изъ живущихъ людей. Преслѣдуя въ такую пору за мнѣнія, правительство добровольно создаетъ себѣ новыя затрудненія или ненужныя, или опасныя. Преслѣдовать людей, неуяснившихъ самимъ себѣ, чего хотятъ, и предлагающихъ химеры, безполезно, потому что съ ними безъ труда управится общественное мнѣніе. Преслѣдовать же людей выражающихъ разумныя желанія, желанія значительной части общественнаго мнѣнія, значитъ вступать на путь, ведущій въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ къ борьбѣ съ общественнымъ мнѣніемъ. Этого, очевидно, не можетъ желать правительство.

Итакъ, прежде чѣмъ рѣшаться продолжать такое преслѣдованіе, правительству въ виду всѣхъ настоящихъ трудностей предстоитъ рѣшить два капитальныхъ вопроса: надѣется-ли оно въ непродолжительномъ времени вывести Россію изъ затруднительнаго положенія безъ помощи мѣры, указываемой общественнымъ голосомъ? и надѣется-ли оно уничтожить въ умахъ убѣжденія, что такая мѣра полезна и необходима? Если правительственныя лица рѣшатся сказать Государю и Россіи *да*, то благоразуміе требовало бы объяснить всей Россіи, какимъ образомъ надѣятся этого достигнуть, и не преслѣдовать людей, имѣющихъ сдѣлать возраженія противъ такого утвержденія, а дать имъ возможность высказать свои доводы. Такимъ путемъ добросовѣстныя недоразумѣнія разъяснились бы со всѣхъ сторонъ легко и просто. Если же государственная опытность удержала бы правительственныхъ лицъ отъ такого положительнаго утвержденія и заставила бы ихъ задуматься надъ вопросами, они не могли бы не вспомнить общеисторическаго закона: «чѣмъ раньше и полнѣе принимаетъ правительство мѣру, необходимость которой начинаетъ сознавать общество, тѣмъ дешевле она достается и тѣмъ лучше приноситъ результаты». Это исторически доказанная истина. То, что однимъ поколѣніемъ принимается, какъ даръ, требуется слѣдующимъ, какъ право. А если это вѣрно, то преслѣдовать людей, призывающихъ на это вниманіе правительства, значитъ дѣйствовать въ ущербъ ему и къ явной невыгодѣ Россіи. Итакъ, съ какой стороны ни подходить къ вопросу, преслѣдованіе за мнѣнія не можетъ принести ничего, кромѣ вреда.

55.

Я старался изложить въ настоящемъ прошеніи не только относящіеся къ дѣлу факты, но и сущность своихъ убѣжденій, считая это необходимымъ для своего оправданія по существу обвиненія. Меня обвиняютъ въ сношеніяхъ съ пропагандистами. Я объяснилъ, что эти сношенія имѣли характеръ личнаго знакомства. Я выска-

залъ свои мнѣнія. Они могутъ быть ошибочны, но они добросовѣстны и самостоятельны и потому для меня невозможна пропаганда чужихъ мнѣній. Я не сторонникъ никакой отвлеченной теоріи, потому что послѣдовательно знакомился со всѣми и нашелъ въ каждой столько же свѣтлыхъ мыслей, сколько нелѣпостей. Это привело меня къ тому, что я ищу одного: счастья отечества, т. е. всѣхъ безъ исключенія имѣющихъ долю въ немъ, счастья не на словахъ, а на дѣлѣ. По моему скорѣе и дешевле всего привела бы къ этому свобода и опять таки не химерическая свобода, а практическая, при разумномъ согласованіи и прочномъ обезпеченіи всѣхъ существующихъ въ государствѣ интересовъ. Если мои мнѣнія ошибочны, то первый человѣкъ, который доказалъ бы мнѣ это путемъ фактовъ, заставилъ бы меня перемѣнить образъ мыслей. Но преслѣдованія и наказанія не считаю убѣдительными доводами, зная, что правильныя мнѣнія къ нимъ не прибѣгаютъ. Еслибы мои страданія приносили какую-нибудь пользу отечеству, я охотно бы несъ свой крестъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы мое полуторагодовое заключеніе улучшило хотя на одну линію общее положеніе дѣлъ въ государствѣ. А между тѣмъ оно разорило цѣлое семейство, причинило много огорченій и нравственныхъ страданій, лишило общество дѣятельности человѣка, каждый день старавшагося сдѣлать что нибудь полезное. Трудно говорить, чтобъ правительство или отечество что-нибудь выиграли этимъ. Какая-бы участь ни ждала меня въ будущемъ, я встрѣчу ее съ твердостью. Но, зная, что вся моя вина—убѣжденія, а они враждебны только тѣмъ, кто не дорожитъ благомъ отечества, я полагаюсь на справедливость судебъ, благоразуміе государственныхъ людей и любовь къ Россіи нашего августѣйшаго монарха.

И посему всеподданнѣйше прошу:

Дабы повелѣно было: 1) правительствующему сенату принять во вниманіе содержаніе сего прошенія при слушаніи дѣла объ обвиненіи меня въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами и 2) правительствующему сенату, по выслушаніи сего прошенія, приказать освободить меня изъ заключенія, отдавъ на поруки, впредь до рѣшенія дѣла обо мнѣ, подъ надежное поручительство. С.-Петербургъ. Января 12 дня 1864 г. Къ поданію надлежитъ въ первое отдѣленіе пятаго департамента Правительствующаго сената. Прошеніе сіе сочинялъ и набѣло переписывалъ самъ проситель отставной надворный совѣтникъ *Николай Александровъ сынъ Серно-Соловьевичъ*.

«Содержусь въ С.-Петербургской крѣпости».

Другое прошеніе Серно-Соловьевича.

Въ засѣданіи 27 января сенатъ опредѣлилъ: на поруки Серно-Соловьевича не отдавать, а по содержанію прошенія изготовить вопросные пункты.

На другой день товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ вторично

сообщилъ, что до сихъ поръ не могутъ обнаружить мѣстопребываніе Александра Серно-Соловьевича и Черкесова.

10-го февраля Серно-Соловьевичъ былъ вызванъ для допроса по содержанію своего прошенія. На вопросъ, почему онъ не донесъ правительству о желаніи Кельсіева распространить свои изданія въ Россіи, Николай Александровичъ отвѣчалъ между прочимъ: «Мои обязанности вѣрноподданнаго опредѣляются положительнымъ закономъ и совѣстью. Тамъ, гдѣ ихъ требованія расходятся, гдѣ приходится поступаться или противъ закона или противъ совѣсти, я всегда дѣйствую по внутреннему убѣжденію. Извѣщать правительство о мысляхъ, высказываемыхъ у меня въ домѣ моимъ гостемъ, я считаю противнымъ своей совѣсти. По моимъ понятіямъ, въ государствѣ, гдѣ правительство имѣетъ спеціальныя учрежденія для наблюденія за политическимъ направленіемъ и мнѣніями подданныхъ, обязанность частнаго человѣка извѣщать правительство можетъ относиться только къ дѣйствительнымъ и серьезнымъ опасностямъ, грозящимъ особѣ Его Императорскаго Величества или государству. Извѣщеніе же о мысляхъ, высказываемыхъ въ разговорѣ, и притомъ такъ неопредѣленно, какъ эта мысль была высказана мнѣ, по моему мнѣнію, повело бы только къ развращенію общественной нравственности и, слѣдовательно, было бы прямо противно истиннымъ интересамъ Его Императорскаго Величества и государства, значитъ, въ моихъ глазахъ такое извѣщеніе было бы съ моей стороны, нарушеніемъ моихъ истинныхъ обязанностей».

На другой вопросъ онъ между прочимъ написалъ:

«Дѣятельность тѣхъ, которые поступаютъ сколько-нибудь самостоятельно, я дѣлю на три категоріи: 1) *преступную*—по моему дѣятельность тѣхъ, которые изъ личныхъ цѣлей или нечестныхъ побужденій старались бы удержать порядокъ вредный для общества или водворить невозможный, 2) *несчастную* — дѣятельность тѣхъ, которые стали бы дѣйствовать въ томъ же смыслѣ по непониманію, увлеченію или убѣжденію, 3) *разумную*—дѣятельность тѣхъ, которые, понимая, чего требуютъ время и обстоятельства, старались бы достигнуть своихъ цѣлей разумными путями».

Въ протоколѣ засѣданія сказано, что «по выслушаніи всѣхъ предложенныхъ ему десяти вопросовъ, Серно-Соловьевичъ сказалъ, что находится въ затрудненіи, по силѣ того самаго прошенія, отвѣчать на оные. За симъ, когда объяснено ему было, что затрудненіе быть не должно, ибо въ отвѣтахъ своихъ онъ можетъ писать то, что признаетъ нужнымъ, и при этомъ нѣтъ ему никакого насилія, онъ сказалъ: «физическаго—да, но моральное—огромное». Положено записать о семъ въ журналъ и принять отъ него отвѣты въ томъ видѣ, въ какомъ даны имъ будутъ, не требуя дальнѣйшихъ отъ него разъясненій по сему прошенію».

11 февраля кн. Суворовъ прислалъ въ сенатъ второе всеподданнѣйшее (опять таки по формѣ, а не по существу) прошеніе Серно-Соловьевича, писанное имъ 26 января.

Приведу и его съ нѣкоторыми сокращеніями.

Послѣ обычнаго начала слѣдовали «пункты».

1.

«Въ дополненіе къ моему прошенію отъ 12 сего января считаю необходимымъ объяснить нижеслѣдующее.

2.

Главною побудительною причиною къ подачѣ того прошенія было не желаніе облегчить свою участь. Для людей сильныхъ убѣжденій вызываемыя ими наказанія имѣютъ значеніе мученичества или страданій, дѣлающихъ для распространенія этихъ убѣжденій несравненно больше самой усиленной личной дѣятельности. Кромѣ того, всякій, знакомый съ настоящимъ дѣломъ и нашимъ уголовнымъ законодательствомъ, долженъ согласиться, что мнѣ было бы гораздо выгоднѣе оставить дѣло въ томъ неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оно находилось до моего прошенія. Слѣдственная комиссія не представила противъ меня ни одного юридическаго доказательства. Предъявленныя мнѣ письма были въ открытыхъ конвертахъ, безъ печатей, безъ адресовъ, безъ подписей. Не было выяснено, можетъ ли Ветошниковъ доказать, что это дѣйствительно тѣ письма, которыя онъ получилъ отъ названныхъ имъ лицъ, что эти лица дѣйствительно дали ему письма и что слѣдуютъ мнѣ. Значитъ, передъ судомъ они не имѣли никакой силы. Знакомство мое съ Герценомъ и Кельсіевымъ было доказано. Такимъ образомъ если бы я имѣлъ цѣлью только избѣжать наказанія, я основалъ бы свою защиту исключительно на томъ, что противъ меня нѣтъ никакихъ формальныхъ доказательствъ. Вмѣсто того я самъ подробно объяснилъ обстоятельства моего знакомства съ Герценомъ, Огаревымъ и Кельсіевымъ, объяснилъ, что письмо приписываемое Герцену, но, очевидно, писанное двумя почерками, писано не только Герценомъ, но и Огаревымъ, о которомъ вовсе не упоминалось при слѣдствіи; наконецъ, объяснилъ происхожденіе и значеніе всѣхъ этихъ писемъ.

3.

Я сдѣлалъ все, что могъ для разъясненія этого дѣла главнымъ образомъ вслѣдствіе происшедшей во мнѣ самомъ перемѣны. Размышленія и серьезныя занятія значительно измѣнили мой образъ мыслей. Я свято сохранилъ свои основныя убѣжденія и пересталъ бы уважать себя, еслибы измѣнилъ имъ Но перемѣнились мои взгляды на положеніе нашего отечества и вообще на людей. Чтобъ вполнѣ уяснить эту перемѣну, пришлось бы написать цѣлый томъ, такъ какъ она совершилась не внезапно, а началась еще до моего ареста и шла постепенно по мѣрѣ того, какъ я анализировалъ и уяснялъ себѣ закоулки человѣческаго сердца и различныя части сложнаго и запутаннаго положенія дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Я мало-по-малу дошелъ до сознанія, что высокіе идеалы доступны только для отдѣльныхъ личностей, но недостижимы для цѣлыхъ

массъ, что тѣ или другія условія общественной и государственной жизни зависятъ отъ степени развитія общества или народа и не могутъ быть привиты ему никакими искусственными средствами, что потому человѣкъ, сознательно и сильно желающій общественнаго блага, долженъ приспособлять свои личныя мнѣнія къ практикѣ и, не стремясь къ невозможному, всѣми силами содѣйствовать тому, что возможно и полезно. Конечнымъ результатомъ этихъ долговременныхъ думъ было мое всеподданнѣйшее прошеніе изъ крѣпости Вашему И. В., гдѣ былъ изложенъ краткій взглядъ на нынѣшнее состояніе умовъ [1]). Подъ вліяніемъ тѣхъ же мыслей я писалъ и прошеніе по моему дѣлу.

4.

Сущность этихъ мыслей сводится на то, что въ настоящее время всякій способный человѣкъ, серьезно желающій пользы отечеству, долженъ не отдѣляться отъ правительства, а тѣсно примыкать къ нему. Еслибы я могъ въ своемъ положеніи предлагать правительственнымъ лицамъ условія своего содѣйствія, я прямо сказалъ бы: еслибы я былъ теперь на свободѣ, всѣ мои способности направлены были бы къ тому, чтобы распространять эту мысль въ молодомъ поколѣніи. Не имѣя права сдѣлать этого, въ своемъ прошеніи просто высказалъ вмѣстѣ съ фактами, относящимися къ дѣлу, исповѣдь своихъ убѣжденій. По моему настоящему образу мыслей, я думалъ, что если правительство смотритъ на всѣ уголовно-политическія дѣла съ широкой государственной точки зрѣнія, то для него главный вопросъ долженъ быть въ томъ, чтобы пріостановить напоръ неблагопріятныхъ мыслей и мнѣній. Своимъ прошеніемъ я хотѣлъ доставить ему полную возможность судить меня по моимъ мнѣніямъ и вмѣстѣ дать самое положительное доказательство, что мои мнѣнія не враждебны правительству, заботящемуся о народномъ благѣ и способному сдѣлать государство счастливымъ.

5.

Продолжая знакомиться съ дѣломъ подачи своего прошенія, я узналъ, что въ минувшемъ ноябрѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе Вашего И. В. о томъ, чтобы Пр. Сенатъ освобождалъ изъ заключенія подсудимыхъ по политическимъ дѣламъ, которые покажутъ раскаяніе и будутъ содѣйствовать обнаруженію злоумышленій указаніемъ своихъ сообщниковъ, и доводилъ бы о нихъ до свѣдѣнія Вашего И. В. Мнѣ было неизвѣстно объ этой высочайшей волѣ, когда я писалъ свое прошеніе. Узнавъ о ней, я считаю не только своимъ правомъ, но своею обязанностью просить, чтобъ на меня распространили дѣйствіе этого высочайшаго повелѣнія, вслѣдствіе моего перваго прошенія и дополнительныхъ объясненій, изложенныхъ здѣсь.

---

[1]) Я уже говорилъ, что этого прошенія въ дѣлѣ нѣтъ.

6.

Мнѣ кажется, что я могу подойти подъ него, если слѣдовать не одной буквѣ, а духу его. Я думаю, что не превратно истолкую высочайшую волю, говоря, что вижу въ ней не желаніе прельстить подсудимаго или наградить его за отступничество, а благія, милосердныя и глубоко государственныя мысли: подавить непріязненныя правительству мнѣнія великодушіемъ и милосердіемъ, самыми дѣйствительными орудіями противъ политическихъ подсудимыхъ, и пригласить ихъ откровенно сообщать правительству причины ихъ вражды, чтобы дать ему возможность уничтожить ее. Кажется, такого объясненія нельзя отвергнуть. Отвергая его, придется или вовсе не примѣнять высочайшаго повелѣнія или сдѣлать его источникомъ большихъ затрудненій для правительства. Примѣняя его только по буквѣ, придется большею частью облегчать участь людей, совершенно недостойныхъ и до безконечности усиливать всеобщее раздраженіе въ общественномъ мнѣніи. Тотъ, кто предаетъ своихъ друзей, чтобъ облегчить свою участь, не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ. А еслибы стали примѣнять это высочайшее повелѣніе не по духу, а по буквѣ, имъ непремѣнно воспользуется всякій подсудимый, не имѣющій прочныхъ нравственныхъ началъ и готовый торговать своими мнѣніями. Онъ непремѣнно назоветъ нѣсколькихъ лицъ, съ которыми имѣлъ какія нибудь сношенія, и выразитъ раскаяніе. Человѣкъ лукавый сумѣетъ сдѣлать это такъ ловко, что всегда подойдетъ подъ букву высочайшаго повелѣнія. Часто черезъ это придется страдать или, по крайней мѣрѣ тревожиться, людямъ совершенно невиннымъ, но которымъ по стеченію обстоятельствъ трудно будетъ положительно отвергнуть обвиненіе, тѣмъ болѣе, что почти никогда нельзя положительно доказать, что оговоръ вымышленъ. Если принять во вниманіе неумолимую суровость нашихъ уголовныхъ законовъ и благородныя понятія нашей публики о требованіяхъ политической чести, то не трудно понять, что все это производило бы самое неблагопріятное для правительства впечатлѣніе въ публикѣ и окончательно ожесточило бы людей, не расположенныхъ къ правительству. Отсюда, кажется, ясно, что высочайшее повелѣніе дано не въ узкомъ, буквальномъ, а въ широкомъ государственномъ смыслѣ, обнимающемъ всѣхъ, которые окажутся не безусловными противниками правительства. Тогда оно истинно благотворная мѣра, показывающая глубокое знаніе человѣческой природы, такъ какъ тогда въ основаніи его ляжетъ несомнѣнно совершенно вѣрная мысль, что уединенное размышленіе можетъ дать мыслямъ зрѣлость, а люди убѣжденные, сдѣлавшись зрѣлѣе, непремѣнно будутъ полезными людьми.

Но въ этомъ смыслѣ я прямо подходилъ бы подъ Высочайшее повелѣніе. Я не отрекаюсь отъ своихъ убѣжденій, не поношу ни ихъ, ни людей непріятныхъ правительству, не прибѣгаю ни къ какимъ фокусамъ. Но я говорю, что мои убѣжденія были и оста-

лись чисты и честны; сознаюсь, что они не правительственнаго оттѣнка, и неблагопріятны канцелярскому порядку, которому я и противодѣйствовалъ словомъ и перомъ, но говорю, что они добросовѣстны и что я всегда имѣлъ въ виду исключительно общую пользу и счастіе отечества, а не какія-нибудь другія побужденія; я могъ ошибаться въ практическомъ примѣненіи своихъ взглядовъ, но опытъ, время, размышленія постоянно дѣлаютъ ихъ правильными и практическими. Я не называю сообщниковъ, потому что заранѣе обдуманной пропаганды я не велъ, но мнѣ пришлось бы называть безъ конца людей, у которыхъ я видалъ запрещенныя изданія, о которыхъ знаю, что они писали или говорили противъ существующаго порядка, значитъ, такъ или иначе пропагандировали противъ него. Сверхъ того, по своимъ понятіямъ о чести я скорѣе бы пошелъ на казнь, чѣмъ сдѣлаться Іудой, а по своимъ свѣдѣніямъ о положеніи дѣлъ знаю, что мое чистосердечное раскаяніе и обнаруженіе злоумышленниковъ было бы только цѣлымъ рядомъ совершенно безполезныхъ для государства сплетней, которыя обратили бы настоящее дѣло о пропагандѣ въ громаднѣйшій скандалъ. Въ какое положеніе было бы поставлено само правительство, если бы я думалъ представлять безконечный списокъ знакомыхъ и полузнакомыхъ мнѣ лицъ, порицавшихъ его дѣйствія или недовольныхъ существующимъ порядкомъ? А вѣдь это корень всякой пропаганды. Потому я и говорю правительству: «Зло не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а во времени и обстоятельствахъ. Мы больны радикально и потому леченіе должно быть радикальное и серьезное. Отыскивать въ такое время такъ называемыхъ злоумышленниковъ, чтобы истреблять ихъ, то же, что стараться избавиться отъ какой-нибудь сыпи или оспы, срывая ее. Не пропаганда вызываетъ раздраженіе, а раздраженіе—пропаганду, а причина раздраженія — общее положеніе дѣлъ. И лондонскіе и всякіе другіе пропагандисты продуктъ времени. Уничтожьте этихъ людей, ихъ мѣста займутся другими, еще опаснѣйшими, если не измѣнятся обстоятельства. Истинная государственная мудрость въ томъ, чтобы понять, что всѣ эти люди не злоумышленники, а люди сильныхъ убѣжденій и что изъ ихъ способностей искусное правительство сумѣетъ извлечь огромную пользу для государства. Правильность этихъ взглядовъ я могъ бы доказать положительными данными и фактами, и, если правительство пожелаетъ,—всѣ мои способности и знанія къ услугамъ отечества».

Если одиночное размышленіе дало моимъ мыслямъ правильное направленіе, если я теперь лучше понимаю наше положеніе и характеръ дѣятельности правительства, оно не можетъ не понять, что человѣкъ моего закала говорящій такимъ образомъ стоитъ человѣка, раскаявшагося и назвавшаго сообщниковъ.

8.

(Въ этомъ пунктѣ Серно-Соловьевичъ снова доказываетъ старыми аргументами отсутствіе организованной лондонской пропаганды).

9.

(Здѣсь заключаются указанія не интересныя для читателя).

10.

По своей сущности это дѣло не имѣетъ почти никакого значенія. Его основаніе: приглашеніе содѣйствовать предполагаемой пропагандѣ, приглашеніе, недошедшее до тѣхъ, кому адресовано. Въ странѣ со свободой печати подобнаго дѣла не могло бы и возникнуть. Но оно чрезвычайно важно, какъ одинъ изъ симптомовъ времени и обстоятельствъ. Вотъ почему пунктъ 54-й моего прошенія важнѣе для правительства ста раскаяній, если только оно пожелаетъ извлечь изъ него пользу. Въ этомъ пунктѣ нѣтъ ни одного слова, сказаннаго на вѣтеръ, каждая фраза имѣетъ государственный смыслъ, подробное разъясненіе котораго со всѣми фактическими и историческими доводами потребовало бы цѣлой книги. Во власти правительства воспользоваться имъ или нѣтъ. Но я скажу, что могу документально, печатными статьями доказать, что во множествѣ государственныхъ и экономическихъ вопросовъ сбывались мои предсказанія, дѣлаемыя задолго до событій. Это я говорю не изъ самохвальства, а изъ сердечнаго желанія пользы отечеству. Причина этого весьма проста. Событіями управляютъ неизмѣнные законы. Кто вникаетъ въ нихъ и изучилъ характеръ времени, тотъ всегда можетъ довольно вѣрно предсказать ходъ событій, основательно ознакомясь съ предметомъ. Въ этомъ всегда и заключается главная сила искреннихъ государственныхъ людей. Вотъ почему я настойчиво говорю изъ глубины своей тюрьмы:

«Времена переворота прошли. Старый государственный порядокъ кончилъ свое существованіе въ исторіи. Теперь еще во власти правительства совершить переворотъ мирнымъ путемъ и сдѣлать Россію счастливѣйшею страною. Но уже времени упущено не мало и его немного впереди. Каждый пропускаемый годъ долженъ нести въ настоящемъ и готовить въ будущемъ несчастныя бѣдствія и приближать насъ къ страшнымъ потрясеніямъ. Я умоляю Ваше Императорское Величество именемъ всего для Васъ священнаго и дорогого обратить вниманіе на мои слова, потому что я говорю ихъ сознательно и берусь подтвердить поразительными историческими сопоставленіями».

11.

Переворотъ въ государствѣ неизбѣженъ потому, что совершается переворотъ въ понятіяхъ. Всѣ дѣйствія Вашего Величества съ первой минуты вступленія на престолъ доказываютъ пониманіе этого. Ваше Величество дѣлали и дѣлаете все, что возможно сдѣлать государю лично для мирнаго исхода. Но старыя государственныя формы, приспособленныя не для движенія, а для застоя, парализуютъ всѣ благія желанія Вашего Величества и способнѣйшихъ правительственныхъ лицъ. Этого противодѣйствія не осилитъ ника-

кой геній, потому что реформы не могутъ поспѣвать за развитіемъ понятій. Вотъ почему всѣ лучшія мѣры нынѣшняго царствованія при первомъ извѣщеніи о нихъ встрѣчались съ восторгомъ, а при исполненіи съ холодностью, а иногда неудовольствіемъ. Теперь наиболѣе образованная часть націи видимо опередила въ своихъ стремленіяхъ правительство. Если правительство не займетъ своего природнаго мѣста, т.-е. не встанетъ во главѣ всего умственнаго движенія государства, насильственный переворотъ неизбѣженъ, потому что всѣ правительственныя мѣры, и либеральныя и крутыя, будутъ обращаться во вредъ ему и помочь этому невозможно. Правительству, не стоящему въ такую пору во главѣ умственнаго движенія, нѣтъ иного пути, какъ путь уступокъ. А при неограниченномъ правительствѣ система уступокъ обнаруживаетъ, что у правительства и народа различные интересы и что правительство начинаетъ чувствовать затрудненія. Потому всякая его уступка вызываетъ со стороны народа новыя требованія, а каждое требованіе естественно рождаетъ въ правительствѣ желаніе ограничить или обуздать его. Отсюда рядъ безпрерывныхъ колебаній и полумѣръ со стороны правительства и быстро усиливающееся раздраженіе въ публикѣ. Доказательства на лицо: отмѣна крѣпостного права, событіе, которое должно было вызвать въ цѣломъ мірѣ безконечный крикъ восторга—привела къ экзекуціямъ, развитіе грамотности—къ закрытію воскресныхъ школъ, временныя цензурныя облегченія—къ небывалымъ карательнымъ мѣрамъ противъ литературы, множество финансовыхъ мѣръ—къ возрастающему разстройству финансовъ и кредита, отмѣна откуповъ—это можно смѣло предсказывать—къ небывалому пьянству, а оно, въ свою очередь, приведетъ къ ограниченіямъ торговли водкой. Отсюда очевидно, что даже безусловно полезныя и необходимыя начинанія должны были рождать въ конечномъ результатѣ неудовольствіе. Что же сказать о вліяніи слѣдовавшихъ за ними стѣсненій или карательныхъ мѣръ? Знающій исторію, знаетъ, что вина всего этого не въ людяхъ, а въ учрежденіяхъ, несоотвѣтствующихъ времени. Но все это ведетъ къ страшнымъ результатамъ. Слѣдственная комиссія, однажды учрежденная, можетъ сдѣлаться постояннымъ учрежденіемъ и потому обратиться въ дѣйствительный революціонный комитетъ. Это очевидно, такъ какъ ея задача отыскивать злоумышленниковъ, а каждый ея шагъ долженъ создавать ихъ сотнями. Этого нельзя не предвидѣть, понимая характеръ времени. Не знаю, разъяснила ли слѣдственная комиссія правительству исторію распространенія воззваній. Но если въ ней есть свѣдущіе и способные государственные люди, ей слѣдовало сдѣлать это при самомъ учрежденіи. Кто слѣдилъ за событіями и знаетъ общіе историческіе законы, тотъ не можетъ сомнѣваться, что дѣло шло, идетъ и, вѣрно, будетъ итти обычнымъ путемъ, потому что тѣ же причины всегда рождаютъ тѣ же слѣдствія. Правительство разбудило своими мѣрами общество, но не дало ему свободы высказываться. А высказываться такая же потребность развивающагося общества, какъ болтать развивающа

гося ребенка, потому обществу ничего не оставалось, какъ высказываться помимо дозволенія. Вся литература годъ твердила объ этомъ. Потаенныя рукописи появлялись съ незапамятныхъ временъ. Прошло ихъ время, появилась свободная печать за границей. По времени и она сдѣлалась недостаточной и тогда неизбѣжно должна была появиться тайная печать въ Россіи. Такъ и случилось. Еслибы государственные люди смотрѣли на событія и управленіе государствомъ со всемірно-исторической, а не канцелярской точки зрѣнія, ихъ первѣйшею обязанностью было бы представить Вашему В., что пришло время дать свободу слову. Еслибы это было сдѣлано, противъ каждаго человѣка, который отважился бы напечатать статью, похожую на воззваніе, нашлись бы десятки оппонентовъ, и на этомъ пунктѣ завязалась бы такая же журнальная полемика, какая ведется на всѣхъ другихъ, и которую опытнѣйшія европейскія правительства считаютъ важнѣйшимъ пособіемъ въ управленіи государствомъ. Къ несчастью, правительство прибѣгло къ карательнымъ мѣрамъ. Это былъ капитальный государственный промахъ. Имя наказаннаго человѣка сдѣлалось чуть не самымъ популярнымъ именемъ. Содержаніе воззванія, конечно, было черезъ мѣсяцъ забыто тремя четвертями читавшихъ. Но для публики наказанный сдѣлался страдальцемъ за принципъ свободы печати. Съ этой минуты борьба была неизбѣжна, и она началась. Со стороны публики ее вела не шайка, а громадная масса. Каждый напечатавшій воззваніе, могъ быть увѣренъ, что оно разойдется, потому что всѣ будутъ участниками въ распространеніи, а люди особенно пылкіе будутъ даже переписывать и перепечатывать. Доискиваться какого нибудь центра распространителей было безполезно, потому что его, очевидно, не было. Если бы были люди, управлявшіе дѣломъ, всѣ воззванія имѣли бы одно направленіе и составлялись бы, конечно, гораздо умнѣе. Такая нелѣпая бравада, какъ «Молодая Россія», никогда не могла бы появиться, потому что ею доставленъ былъ правительству незамѣнимый случай убить на нѣсколько лѣтъ тайную печать, возстановивъ противъ нея всю массу публики, безъ содѣйствія которой распространеніе немыслимо; этого бы никакъ не могли упустить изъ вида руководители дѣла. Ихъ, очевидно, не было, и потому правительство, учредивъ слѣдственную комиссію, потеряло все, что выиграло «Молодой Россіей». Еслибы каждый арестованный выдавалъ всѣхъ, кого могъ, цифры вышли бы баснословны, потому что каждый могъ бы выдать нѣсколькихъ знакомыхъ, тѣ своихъ знакомыхъ и такъ до безконечности. Все это были бы распространители, а составители или печатники, по всей вѣроятности никому неизвѣстныя личности, изъ коихъ, можетъ быть, одни это дѣлаютъ по убѣжденію, другіе по злобѣ, третьи для препровожденія времени. Еслибы между ними была связь, дѣло, конечно, велось бы серьезнѣе. Потому, что въ дѣлѣ участвуетъ публика, каждый арестъ, каждая ссылка должны волновать массу людей и ожесточать огромную часть молодежи. Все это неизбѣжно приведетъ къ тому, что, вѣроятно, вся эта

шальная пропаганда на время прекратится для того, чтобы обратиться въ серьезную, организованную. Дѣло въ томъ, что преслѣдованія въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ необходимо должны выработать большое количество личностей, страшныхъ энергіею и непримиримостью убѣжденій. О такихъ личностяхъ мы не имѣли понятія лѣтъ пять назадъ. Но уже въ послѣдніе два-три года между самою юною молодежью стали проявляться характеры, предъ силою которыхъ самые крайніе люди поколѣній, воспитанныхъ въ прошлое царствованіе, оказывались почти дѣтьми. Это характеристическій признакъ приближенія грозы. Истребить этихъ людей нельзя, такъ какъ каждый десятокъ ихъ обращается на слѣдующій годъ въ сотню, потому что въ переходное время передовыя личности каждаго новаго поколѣнія становятся сильнѣе и сильнѣе. Въ настоящее время для правительства нѣтъ важнѣе вопроса, какъ тотъ: какъ привлечь къ себѣ эти силы и направить ихъ на практическую дѣятельность? Если оно не достигнетъ этого, ему придется начать съ ними борьбу на смерть, результаты которой будутъ страшны, а исходъ во всякомъ случаѣ тяжелъ для правительства, потому что ему будетъ приходиться все терять и ничего не выигрывать, а его противники—люди, которые будутъ по убѣжденію напрашиваться на страданія. Также постепенно вырабатывались временемъ и французскіе террористы. Но во Франціи переворотъ длился почти столѣтіе, катастрофа послѣдовала черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Людовика XIV, съ которымъ умерла тамъ старая система. У насъ событія должны итти гораздо быстрѣе, такъ какъ общая атмосфера въ Европѣ теперь совсѣмъ другая; это видно, сличая явленія, повторяющіяся въ общихъ чертахъ, съ поразительнымъ сходствомъ.

Я считаю своею священнѣйшею обязанностью говорить все это, зная по собственному опыту, что въ пылу дѣятельной жизни почти невозможно уяснить себѣ положеніе и замѣтить, съ какою быстротою зрѣютъ обстоятельства. Въ такія критическія эпохи единственное спасеніе правительства—какъ можно скорѣе и полнѣе слить свои интересы съ народными. Восемь лѣтъ назадъ можно было пальцемъ перечесть людей, помышлявшихъ о какихъ либо представительныхъ учрежденіяхъ; года три назадъ уже были люди, не сочувствующіе монархическимъ началамъ, но самые крайніе изъ нихъ съ ужасомъ бы отступили отъ роли террористовъ, а теперь, по всей вѣроятности, время уже вырабатываетъ такихъ людей, а сохраненіе старыхъ формъ будетъ быстро размножать ихъ. Потому я и говорю: теперь въ рукахъ правительства спасти себя и Россію отъ страшныхъ бѣдъ, но это время можетъ быстро пройти. Мѣры, спасительныя теперь, могутъ сдѣлаться чрезъ нѣсколько лѣтъ вынужденными и потому безсильными. О возстановленіи стараго порядка не можетъ быть и рѣчи: онъ исторически отжилъ. Вопросъ стоитъ между широкой свободой и рядомъ потрясеній, исходъ которыхъ неизвѣстенъ. Громадная масса энергическихъ силъ теперь еще сторонники свободы. Но недостатокъ ея

начинаетъ вырабатывать революціонеровъ. Потому я и говорю, что преслѣдовать теперь революціонныя мнѣнія значитъ создавать ихъ.

Правительство обладаетъ еще громадною силою; никакая пропаганда сама по себѣ неопасна ему; но собственныя ошибки могутъ быстро уничтожить эту силу, такъ какъ она болѣе физическая, чѣмъ нравственная. Войско состоитъ изъ людей, потому въ переходное время его духъ мѣняется также быстро, какъ понятія въ обществѣ.

Я не знаю о состояніи умовъ въ войскѣ, но если вѣрно понимаю общее положеніе, въ дисциплинѣ должна происходить перемѣна. А разъ она началась въ такое время, это явленіе могутъ остановить не отдѣльныя мѣры, а только устраненіе общихъ условій, вызвавшихъ его, другими словами общее успокоеніе умовъ. Такимъ образомъ общее положеніе дѣлъ сводится къ слѣдующему: возвратъ къ тому, что было за 10 лѣтъ, невозможенъ. Затѣмъ остается выборъ между двумя системами: нынѣшнею, т. е. системою уступокъ пополамъ съ крутыми мѣрами — при ней правительство сохраняетъ свой авторитетъ по виду, но подкапываетъ его въ основаніи и потому готовитъ въ будущемъ рядъ печальныхъ событій: это будущее можетъ отсрочиться или приблизиться на нѣсколько пятилѣтій, но оно неизбѣжно при этой системѣ.

Другая система: свобода. Тутъ правительство, устраняя старыя, мѣшающія ему формы, сливаетъ свои интересы съ народными и, опираясь на лучшія силы страны, съ полнымъ достоинствомъ и энергіей ведетъ ее къ славѣ и счастью. Тутъ объ уступкахъ не можетъ быть и рѣчи, потому что каждая льгота является общею выгодою и потому преобразованія всегда полны и своевременны.

12.

Объяснивъ все это, я исполнилъ долгъ совѣсти. Быть можетъ, мои взгляды ошибочны, но мнѣ кажется, что событія подтверждаютъ ихъ. Положеніе страшно усложнено и потому надъ нимъ надо думать и думать, и, всетаки, можно ошибаться. Во всякомъ случаѣ все, что я имѣю, предлагаю на алтарь отечества. Это непоколебимыя правила, личная энергія, безграничная любовь къ отечеству и, я думаю, пониманіе времени. Дѣлаю я это единственно по внутреннему убѣжденію. Взять или отвергнуть приношеніе зависитъ отъ усмотрѣнія правительства. Страданій я не боюсь, потому что по своимъ свойствамъ принадлежу къ свободному поколѣнію, но если правительству небезполезны такіе люди, оно не станетъ ихъ преслѣдовать. Я считаю, что какова бы ни была буква высочайшаго повелѣнія, его духъ, безъ сомнѣнія, новъ.

И посему всеподданнѣйше прошу:

Дабы повелѣно было Правительствующему Сенату распространить на меня силу помянутаго высочайшаго повелѣнія, а буде Пр. Сенатъ усмотритъ неполноту въ моихъ объясненіяхъ, потребовать отъ меня дополнительныхъ объясненій по тѣмъ обстоятель-

ствамъ дѣла, которыя найдетъ недостаточно разъясненными моими прошеніями. Января 26 дня 1864 г.» (конецъ, какъ и въ предыдущемъ прошеніи).

Но сенатъ отказалъ и на этотъ разъ въ освобожденіи Серно-Соловьевича на поруки. Тогда же было отказано Петровскому въ просьбѣ разрѣшить ему рукоприкладство, въ виду его жительства въ Москвѣ.

Правительство не прочло даже прошеній Серно-Соловьевича, въ которыхъ замѣчался такой прекрасный анализъ тогдашняго положенія дѣлъ, такія умные совѣты для его измѣненія къ обоюдной выгодѣ и столько мужества человѣка, сознательно готовившаго себѣ все болѣе и болѣе отдаленную Сибирь... Кромѣ нѣсколькихъ безгласныхъ сенаторовъ, прошенія эти никѣмъ не прочлись. Ни одинъ министръ или дворцовый интриганъ не поинтересовался голосомъ человѣка, такъ ясно предвидѣвшаго всю послѣдующую русскую исторію.

Читатель, вѣроятно, не очень поразился перемѣной, происшедшей во взглядахъ Серно-Соловьевича на роль революціонной массы: человѣку, просидѣвшему почти два года въ одиночкѣ, ошибившемуся въ расчетѣ на широкое народное движеніе и ясно видѣвшему перекинувшееся въ реакцію широкое общество—вполнѣ естественно было принять именно этотъ образъ мыслей.

И, несмотря на это, оба прошенія производятъ сильное впечатлѣніе... «Я умоляю ваше императорское величество именемъ всего для васъ священнаго и дорогого обратить вниманіе на мои слова»... Развѣ это не тоже, что слова маркиза Позы:—«Посвятите счастью народовъ силу и власть правителя, которыя служили до сихъ поръ только величію престола. Возстановите утраченное благородство человѣка»....

Третье прошеніе Серно-Соловьевича и сенатское опредѣленіе.

2 марта Серно-Соловьевичу были объявлены опредѣленія сената по обоимъ его прошеніямъ, и 5-го онъ пишетъ третье:

1.

Въ объявленномъ мнѣ заключеніи Пр. Сената, состоявшемся 10 прошлаго февраля по дѣлу моему, сказано, что, выслушавъ предложенные мнѣ десять вопросовъ, я сказалъ, что нахожусь въ затрудненіи отвѣчать на нихъ, и вижу въ томъ страшное нравственное насиліе. Смыслъ моихъ словъ былъ не совсѣмъ таковъ, какъ значится въ томъ заключеніи, и потому я считаю необходимымъ объяснить его.

2.

Я не находилъ затрудненія отвѣчать на предложенные мнѣ вопросы и тѣмъ не менѣе могъ считать предложеніе ихъ нравственнымъ насиліемъ, зная, что всякое судебное мѣсто не только

имѣетъ право, но обязано требовать отъ подсудимаго разъясненія обстоятельствъ дѣла. Я не могъ находить никакого затрудненія отвѣчать на вопросы, потому что, какъ видно изъ моихъ отвѣтовъ, мнѣ приходилось только развивать и объяснять мысли и обстоятельства, изложенныя въ прошеніи. Все, высказанное мною, относилось не къ тому, что Пр. Сенатъ предложилъ мнѣ вопросы, и не ко всѣмъ предложеннымъ вопросамъ, а только къ тому, что, когда я далъ словесный отвѣтъ на первый вопросъ, мнѣ было объяснено, что Пр. Сенатъ не удовлетворяется имъ и требуетъ категорическаго объясненія, кѣмъ и кому писаны письма. Тогда я и сказалъ, что нахожусь въ затрудненіи, потому что другого отвѣта дать не могу, и когда мнѣ затѣмъ было сказано, что могу писать въ отвѣтѣ, что признаю нужнымъ, и что мнѣ не дѣлаютъ насилія, я отвѣтилъ словами, записанными въ журналъ.

3.

Впрочемъ, я уже словесно объяснялъ Пр. Сенату, что и въ этомъ смыслѣ я сказалъ тѣ слова единственно потому, что полтора года, проведенные мною въ одиночномъ заключеніи, привели мои нервы въ такое состояніе, что малѣйшее напряженіе совершенно разстраиваетъ ихъ, а отвыкнувъ говорить, я такъ волнуюсь самымъ процессомъ рѣчи, что не всегда въ состояніи управлять словами; что во всякомъ случаѣ я искренно сожалѣю объ этихъ словахъ, которыхъ никогда не произнесъ бы въ совершенно здоровомъ состояніи, такъ какъ въ дѣйствіяхъ Пр. Сената относительно меня никогда не было ничего похожаго на какое либо нравственное насиліе».

23 марта сенатъ приступилъ къ слушанію записки, которое кончилъ только 1 іюня.

7 апрѣля министръ иностранныхъ дѣлъ снова довелъ до свѣдѣнія сената, что Кельсіевъ, Касаткинъ, Александръ Серно-Соловьевичъ и Черкесовъ не разысканы въ Европѣ, несмотря на публикаціи.

Въ маѣ Лялинъ и Шибаевъ были освобождены на поруки.

2 апрѣля было третье освидѣтельствованіе умственныхъ способностей маркиза Траверсе, которое закончилось объявленіемъ его совершенно здоровымъ. 9 іюня его призвали въ сенатъ, нашли явно сумасшедшимъ и отправили снова въ больницу для окончательнаго удостовѣренія. 27 августа онъ былъ перевезенъ на квартиру жены съ учрежденіемъ тамъ полицейскаго караула. А 5 сентября маркизъ умеръ...

15 іюня завѣдывавшему магазиномъ Серно-Соловьевича, А. А. Рихтеру, человѣку довольно тогда выдающемуся, было разрѣшено свиданіе съ Николаемъ Александровичемъ для выясненія матеріальнаго положенія его и семейства.

10 марта Серно-Соловьевичъ отказался присутствовать на слушаніи дѣла.

10 декабря (1864 г.) была готова сенатская записка по дѣлу

и опредѣленіе. За недостаткомъ мѣста я не могу привести послѣднее полностью, да въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ оно и неинтересно, потому что часто повторяетъ хорошо уже извѣстное читателю, и потому ограничусь исключительно резолютивной частью опредѣленія. Вотъ она:

«По всѣмъ симъ соображеніямъ и на основаніи вышеприведенныхъ узаконеній Правительствующій сенатъ полагаетъ:

1. Отставного надв. совѣтника Николая Серно-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику (sic!) Кельсіеву съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ и за дерзостное порицаніе дѣйствій правительства и самаго образа правленія [1]),— лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2. Отставного кол. секретаря Павла Ветошникова, 33 лѣтъ, и 3. Почет. гражданина Николая Владимірова, 26 лѣтъ,—за пособничество пропагандистамъ въ сношеніяхъ съ злоумышленниками и за пособничество въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій— лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи имъ сего наказанія тѣмъ, чтобы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе навсегда. Изъ нихъ кол. секр. Ветошникова по предмету участія въ самомъ злоумышленіи лондонскихъ пропагандистовъ противъ русскаго правительства признать неизобличеннымъ;

4. Отстав. штабсъ-капитана Николая Петровскаго за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсіева подъ именемъ турецкаго подданнаго Яни съ знаніемъ о преступныхъ его замыслахъ –признать подлежащимъ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ;

5. Купца Ивана Шибаева за недонесеніе о предложеніи сдѣланномъ ему Кельсіевымъ напечатать въ Лондонѣ старовѣрческія книги ихъ, коихъ нельзя напечатать въ Россіи, и, сверхъ того, за имѣніе у себя сочиненія противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ аресту на три мѣсяца; но, принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, Петровскаго и Шибаева, ходатайствовать предъ Г. И. объ отмѣнѣ сего наказанія и вмѣненіи имъ въ таковое содержаніе ихъ въ крѣпости во время производства настоящаго дѣла, съ отдачею, впрочемъ, Шибаева, подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ, а по предмету недонесенія правительству о прибытіи преступника Кельсіева въ Россію Шибаева отъ суда освободить;

[1]) Это оцѣнка его прошеній.

5. Отстав. кол. регистратора Пимена Лялина, 66 лѣтъ, за имѣніе у себя разныхъ воззваній и сочиненій противоправительственнаго содержанія—признать подлежащимъ выдержанію подъ арестомъ два съ половиною мѣсяца и потомъ отдачѣ подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года; но, принимая во вниманіе продолжительное содержаніе его въ крѣпости во время первоначальнаго производства дѣла, вмѣнить ему содержаніе это въ наказаніе и отдать его подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года, на что испросить высочайшее соизволеніе, по предмету же злоумышленнаго распространенія возмутительныхъ воззваній и сочиненій посредствомъ передачи оныхъ для чтенія другимъ лицамъ и въ противозаконной перепискѣ съ изгнанникомъ Бакунинымъ оставить въ сильномъ подозрѣніи;

7, 8, 9, преданныхъ по высочайшему повелѣнію суду пр. сената находящихся за границею Александра Серно-Соловьевича, литератора Касаткина и Василія Кельсіева, за ослушаніе противу правительства, состоящее въ неявкѣ ихъ въ Россію, несмотря на дѣлаемые имъ вызовы,—лишить всѣхъ правъ состоянія и считать ихъ изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства съ тѣмъ, 1) чтобы съ имѣніемъ сихъ лицъ было поступлено на точномъ основаніи 2 ч. 368 ст. улож. и 2) что это опредѣленіе не освобождаетъ сихъ лицъ отъ осужденія на законномъ основаніи въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію или выдачи правительству по обвиненіямъ, упадающимъ на нихъ по настоящему дѣлу;

10. великобританскаго подданнаго Артура Бени за недоведеніе до свѣдѣнія правительства о прибытіи въ С.-Петербургъ русскаго подданнаго Василія Кельсіева по паспорту турецкаго подданнаго Василія Яни—выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца, а по обвиненію въ недоведеніи до свѣдѣнія правительства о прибытіи означеннаго Василія Кельсіева въ Россію съ знаніемъ, что Василій Кельсіевъ неосужденный государственный преступникъ—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ выслать за границу, воспретивъ навсегда въѣздъ въ Россію подъ опасеніемъ поступить съ нимъ по 354 ст. улож.;

11. почетнаго гражданина Михаила Журавлева;

12. чиновника X класса Павла Аркадьева за имѣніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію верховной власти, а Аркадьева и за недонесеніе о злоумышленномъ распространеніи воззванія «Земская Дума»—выдержать подъ арестомъ: Журавлева десять дней, а Аркадьева три мѣсяца, отдавъ послѣ сего обоихъ подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ;

13. дочь маіора дѣвицу Марію Челищеву за имѣніе у себя воспрещенныхъ закономъ сочиненій и изображеній—выдержать подъ арестомъ десять дней и отдать подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ [1]).

« Рѣшеніе сіе, на основаніи 452 и 617 ст. кн. 2 т. XV св. зак.

[1]) По цензурнымъ соображеніямъ я не привелъ нигдѣ стихотворенія „На смерть Николая I".

уголов., представить на высочайшее Е. И. В. усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

«Затѣмъ сенатъ опредѣляетъ: 1) кандидата С.-Петербургскаго университета Михаила Налбандова въ знаніи о преступныхъ замыслахъ лондонскихъ пропагандистовъ, въ содѣйствіи имъ къ распространенію въ Россіи запрещенныхъ ихъ лондонскихъ изданій, въ стремленіи распространить на югѣ Россіи, между армянами, противоправительственное движеніе—оставить въ сильномъ подозрѣніи и затѣмъ, какъ личность неблагонадежную, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ выслать въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ Россіи подъ строгій надзоръ полиціи;

2 и 3) Сужденіе объ отставныхъ надворномъ совѣтникѣ маркизѣ Николаѣ де-Траверсе и кол. регистраторѣ Ничипоренко, за смертью ихъ, прекратить;

4) отставного поручика кн. Павла Трубецкого, братьевъ: 5) отстав. поручика Александра и 6) кол. рег. Алексѣя Орфано; 7) надв. сов. Александра Афанасьева; 8) кандидата московскаго университета Алексѣя Козлова; 9) купца Дмитрія Кожанчикова; 10) литератора Максимова; 11) отстав. штабсъ-капитана Бѣлозерскаго; 12) отстав. штабсъ-капитана Любенкова; 13) отстав. кол. ассесора Воронова; 14) дѣйст. студента Николая Потѣхина; 15) дѣйст. стат. сов. Гаевскаго; 16) отстав. кол. ассесора Каншина; 17) отстав. кол. ассесора Альбертини и 18) кол. секр. Ивана Тургенева—по настоящему дѣлу освободить отъ суда. А дѣвицѣ Фернклундъ, на просьбу ея о дозволеніи ѣхать ей за однимъ изъ подсудимыхъ, Ветошниковымъ, въ ссылку обвѣнчанною его женою, объявить, что предметъ этотъ до разрѣшенія Сената не относится и что она съ просьбою своею о семъ должна была своевременно обратиться къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, коему предпишется объ исполненіи имѣющаго состояться о Ветошниковѣ и прочихъ рѣшенія».

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на самое замѣчательное въ этомъ приговорѣ, подъ которымъ такъ и ищется тавро Алариха, а именно на то необыкновенное званіе, которое придано Кельсіеву—«неосужденный государственный преступникъ»... Разумѣется, это нужно было для обоснованія всего только что изложеннаго и сенатъ вышелъ изъ своего затрудненія...

Опредѣленіе пошло, какъ и всегда, въ государственный совѣтъ, откуда было возвращено 9 апрѣля 1865 года. Государственный совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ сената, «призналъ, однакоже возможнымъ во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участи этого подсудимаго», и потому мнѣніемъ положилъ: «1) участь отстав. надв. сов. Николая Серно-Соловьевича и кол. секр. Ветошникова повергнуть монаршему милосердію съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Е. И. В. высочайше повелѣть подсудимыхъ сихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, не ссылая въ каторжную работу, поселить въ Сибири

навсегда; 2) отставного тит. сов. Александра Серно-Соловьевича, чиновника 14 класса Василія Кельсіева и литератора Виктора Касаткина, лишивъ, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, всѣхъ правъ состоянія, считать изгнанными навсегда изъ предѣловъ государства; 3) въ прочемъ утвердить заключеніе сената».

30 марта государь согласился съ этимъ мнѣніемъ.

27 апрѣля приговоръ былъ объявленъ въ собраніи сената при открытыхъ дверяхъ.

Приговоръ А. А. Черкесову.

Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на то, что въ сенатскомъ опредѣленіи не упоминается имя одного обвиняемаго, котораго разыскивали наравнѣ съ Касаткинымъ, Кельсіевымъ и Александромъ Серно - Соловьевичемъ — Александра Александровича Черкесова [1]).

Произошло это вовсе не случайно. Черкесовъ еще занималъ вниманіе сената, но уже тогда, когда «дѣло о лицахъ, обвинявшихся въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами» было сдано въ архивъ. Только въ августѣ 1865 г. онъ возвратился въ Россію и тогда же былъ заключенъ въ казематъ при III отдѣленіи, хотя въ бумагахъ его ровно ничего подозрительнаго не нашли.

27 августа и 1 сентября Черкесову были сдѣланы допросы. Онъ показалъ, что, уѣхавъ за границу въ іюнѣ 1862 г., жилъ тамъ безпрерывно и все время лѣчился. Съ братьями Серно-Соловьевичами жилъ на одной квартирѣ, учась въ лицеѣ. За границей поддерживалъ отношенія съ больнымъ Александромъ Серно-Соловьевичемъ и былъ единственнымъ къ нему близкимъ человѣкомъ. Ни о какой пропагандѣ не имѣетъ понятія, съ лондонскими эмигрантами незнакомъ.

21 сентября Черкесовъ былъ привезенъ въ сенатъ и съ него взяли подписку въ неимѣніи подозрѣній противъ состава сенаторовъ пятаго департамента. При уходѣ его изъ засѣданія сената первоприсутствовавшій тамъ сенаторъ Карніолинъ-Пинскій закричалъ такъ на него, что Черкесовъ, видя въ этомъ открытое враждебное къ себѣ отношеніе, невольно отвѣтилъ тоже дерзостью и крикомъ. А вернувшись въ казематъ, изложилъ это обстоятельство и просилъ считать только что данную подписку недѣйствительной.

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя данныя изъ его аттестата отъ 9 января 1861 г. Родился въ 1839 г., изъ дворянъ, у родителей были имѣнія въ Рязанской губерніи, Михайловскаго уѣзда 352 души, Владимірской губерніи Покровскаго у. 278 д. и Новгородской губ. Череповецкаго у. 308 душъ при 14.412 дес. земли, а въ Москвѣ каменный домъ. Кончилъ курсъ въ Александровскомъ лицеѣ, въ декабрѣ 1857 г. опредѣленъ въ государственную канцелярію чиномъ губернскаго секретаря, въ іюнѣ 1859 г. переведенъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, въ январѣ 1860 г.,—въ ярославскую казенную палату, въ сентябрѣ того же года уволенъ отъ службы по болѣзни.

Изъ журнала собранія сената 23 сентября, слушавшаго эту записку Черкесова, видно, что первоприсутствовавшій потому повысилъ голосъ, что Черкесовъ вошелъ въ залъ, держа руки въ карманахъ сюртука и не поклонился собранію ни при входѣ, ни при удаленіи.

6 октября на третьемъ допросѣ, Черкесовъ показалъ, что ни въ мартѣ, ни въ апрѣлѣ 1862 г., онъ не жилъ у Серно-Соловьевичей, бывъ все это время въ деревнѣ и Москвѣ. О пріѣздѣ Кельсіева въ Россіи ничего не знаетъ. Сенатъ нашелъ возможнымъ освободить Черкесова на поруки его знакомаго Трегубова, а 16 марта 1866 года приказалъ освободить его отъ всякой отвѣтственности.

Дальнѣйшая судьба подсудимыхъ.

Теперь я считаю небезынтереснымъ вкратцѣ ознакомить читателей съ дальнѣйшею судьбою нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ по изученному нами дѣлу. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, Николай Серно-Соловьевичъ.

Сдѣлать это я имѣю возможность, благодаря дружескому содѣйствію М. А. Слѣпцовой, вдовы недавно умершаго А. А. Слѣпцова, передавшей мнѣ довольно много весьма интересныхъ матеріаловъ, оставшихся послѣ смерти ея мужа, — друга Н. Серно-Соловьевича.

Приведу письмо послѣдняго къ В. В. Ивашевой, потомъ Черкесовой.

3-е ноября 1865 г.

«Вѣра Васильевна, посылаю Вамъ оконченный переводъ данной мнѣ четвертой части исторіи работничьихъ ассоціацій Энглендера. Потрудитесь передать его Влад. Онуфр. и похлопотать, чтобъ этотъ трудъ не остался безъ вознагражденія. При томъ пришлите точный расчетъ, сколько получится за него, такъ какъ я самъ работалъ ассоціаціоннымъ способомъ, диктуя товарищу, съ которымъ я долженъ подѣлиться возмездіемъ. Мой переводъ сдѣланъ такъ добросовѣстно, какъ только я умѣлъ, хотя много страницъ переведено мною ночами у изголовья больной женщины, одной изъ многихъ пошедшихъ за мужьями въ ссылку. По поправкамъ можно видѣть, что переводъ тщательно пересмотрѣнъ.

«Если Вы получили письмо, посланное изъ Красноярска съ портретами, Вы знаете, что я отправился въ Иркутскъ. Пріѣхавъ, постараюсь увѣдомить о своей дальнѣйшей судьбѣ, если только слухъ о ней не дойдетъ до Васъ ранѣе какимъ нибудь инымъ путемъ.

«Легкое нездоровье или, вѣрнѣе, непривычка къ западу побудили меня пріостановиться на дорогѣ, и ввели въ непредвидѣнные расходы. Хотя у меня и есть еще деньги, но я счелъ благоразумнѣе сдѣлать заемъ. Если получу просимыя деньги, отъ 100 до 200 руб.—уплатите за меня ихъ, адресовавъ Петру Ивановичу Кузь-

нецову, въ Красноярскъ, и сдѣлайте это какъ можно скорѣе, не ожидая дальнѣйшаго увѣдомленія отъ меня. Сумма долга будетъ стоять на полѣ первой страницы перевода, подъ заглавіемъ, такъ какъ въ настоящую минуту еще не знаю, сколько получу. При посылкѣ денегъ объясните, за кого уплачиваете, и просите увѣдомить меня или Васъ.

«Не извиняюсь, что дѣлаю Вамъ столько хлопотъ, ни даже, что требую денегъ, не освѣдомляясь, есть ли онѣ у Васъ. Мнѣ деньги очень нужны, очень—а Вы знаете, что я не мотъ. Вы не сочтете меня также сибаритомъ, не умѣющимъ переносить съ достаточною твердостью лишеній. Если бы даже такая мысль на мгновеніе пришла Вамъ, обстоятельства скоро разувѣрятъ Васъ. По крайней мѣрѣ, пишу съ увѣренностью, что больше не придется Васъ тревожить своими просьбами. Еслибы такъ случилось, не поминайте ихъ и меня лихомъ. Вообще, что бы ни случилось, сохраните мнѣ свою дружбу. Для меня воспоминаніе о Васъ всегда дорого. Помните, разставаясь, мы оба недоумѣвали, откуда Вы получите вѣсти, съ Востока или Запада. Теперь вопросъ давно рѣшенъ окончательно и безвозвратно и конечно «онъ ненапрасно подчинился самой страшной судьбѣ, какая только можетъ постигнуть человѣка». Помните эти слова и носите ихъ въ себѣ.

«Всѣмъ стоющимъ того передайте мой сердечный привѣтъ,—кому въ особенности—мнѣ нечего Вамъ говорить. Я постояненъ и въ привязанностяхъ и въ ненавистяхъ. Живите жизнью настоящею, живою, а не дремотнымъ прозябаніемъ. Старайтесь помнить притчу о женихѣ и дѣвахъ.

«Прощайте. Я знаю, что Вы не забудете своего друга.

«Вотъ вамъ мои послѣдніе стихи,—писанные еще на Оби:

Пусть другіе здѣсь пишутъ стихи
Я не буду—лишь эти строки.
Не даетъ мнѣ плѣнительныхъ думъ
Отягченный нелѣпицей умъ.
Нѣтъ, друзья, не меня вдохновитъ
Край оковъ, гдѣ все сердце томитъ,
Гдѣ безмѣрность лѣсовъ и степей
Населяютъ при звукахъ цѣпей;
Гдѣ столѣтія изъ рода въ родъ
Изнываетъ несчастный народъ;
Гдѣ нельзя намъ ни мыслить, ни жить;
Гдѣ должны мы въ лишеніяхъ гнить.
Я не созданъ невольникомъ пѣть!
Я тогда воспою этотъ край,
Когда воля посѣетъ въ немъ рай
И проснувшійся разумъ сотретъ
Человѣка осилившій гнетъ.

Н. С.—С.

Это единственное письмо Серно-Соловьевича изъ Сибири показываетъ, какъ бодрился онъ въ тяжкихъ условіяхъ ссыльнаго. Оно же содержитъ въ себѣ указаніе на мысль о побѣгѣ...

9 или 10 февраля 1866 года Серно-Соловьевича не стало.

Обстоятельства его смерти изложены въ двухъ письмахъ неизвѣстныхъ корреспондентовъ неизвѣстно же кому адресованныхъ. Они получены мною тоже отъ М. А. Слѣпцовой.

Первое.

«Случай завелъ меня недавно въ анатомическій театръ. Я съ любопытствомъ разсматривалъ трупы убитыхъ и обгорѣлыхъ, о которыхъ такъ много говорили въ городѣ. Сторожъ въ двухъ-трехъ словахъ разсказалъ мнѣ исторію каждаго. Но болѣе всѣхъ привлекъ мое вниманіе молодой мужчина, худой, съ впалыми, почернѣвшими глазами и съ открытымъ ртомъ и вздувшейся губой. На подбородкѣ рѣдкая черноватая бородка. «Это кто?» спросилъ я сторожа.—«Серно-Соловьевичъ»—отвѣчалъ безучастно солдатъ. «Зачѣмъ же его рѣзали?».—«Ну, какъ политическій преступникъ, извѣстный писатель и какъ человѣкъ замѣчательнаго ума»—не безъ нѣкоторой гордости добавилъ сторожъ. «Такъ зачѣмъ же его рѣзали?».—«Для телеграфа, чтобы знать, отъ чего померъ, чтобы въ Петербургъ донести».—«Ну и что же нашли?».—«А нашли, что тифомъ былъ боленъ».—«Ну, а прежде что думали?»—«Да и прежде то же думали».—«Зачѣмъ же лобъ такъ искривленъ?».—«А это мозгъ смотрѣли».—«А гдѣ же онъ?».—«Да опять положили въ черепъ. Да черепъ то только неладно прикрыли».—«А что ничего отъ трупа не взяли?».—«Его вѣдь самъ инспекторъ врачебной управы анатомировалъ. Такъ онъ всѣ внутренности разсматривалъ, такъ назадъ и положилъ, а взялъ только мочевой пузырь, положилъ въ банку и увезъ его съ собой».

«Невыразимо грустно мнѣ стало слушая сторожа, я вышелъ. Я еще такъ недавно читалъ въ «Современникѣ» старыхъ годовъ его статьи и въ «Русскомъ Словѣ» 1865 г. послѣднее сочиненіе. И вотъ человѣкъ, честности, благородству и уму котораго всѣ отдавали справедливость, въ трупарнѣ.

«Мнѣ очень хотѣлось узнать о немъ болѣе. На одномъ дворѣ съ трупарней находится зданіе, гдѣ помѣщаются поляки. На дворѣ же я встрѣтилъ одного изъ нихъ. Я сталъ разспрашивать. Одинъ полякъ мнѣ сказалъ, что онъ тифомъ былъ боленъ и умеръ. Другой сказалъ, что онъ въ партіи съ нимъ изъ Красноярска пріѣхалъ.—«Мы ѣхали по двое на подводѣ»—сказалъ этотъ. «Подъѣзжая къ Мальтѣ, мы стали спускаться съ горы. Заднія лошади наскочили на подводу, гдѣ сидѣлъ Николай, подмяли его подъ себя, и сани съ двумя сѣдоками и ямщикомъ проѣхали по немъ. Онъ боли не чувствовалъ. Все время былъ веселъ и пѣлъ пѣсни. Пріѣхали на этапъ. Мы натерли его водкой съ мыломъ. Все было ничего. Онъ совсѣмъ чувствовалъ себя хорошо. Пріѣхали въ Иркутскъ; насъ заперли въ острогъ. А на другой день С.—С. пошелъ въ больницу и 9 или 10 февраля Богу духъ отдалъ».—«Чтожъ за нимъ никто не ходилъ?».—«Какже, наши сидѣли у него постоянно».—«А гдѣ же его товарищи?»—«Русскіе купцы?». «Да».—«Ихъ 26 января выслали въ волости: одного въ Идинскую,

а другого въ Оёкъ».—«Что же они не знаютъ объ этомъ?».—«Нѣтъ. Гдѣ же знать; они сюда не ѣздятъ».

«Да, подумалъ я, тяжело умирать одному среди чужихъ.

«Чтожъ онъ вспоминалъ о нихъ?»—«Да, одному поручилъ все свое имѣніе, да какъ мы ему перешлемъ».—«Какъ же онъ умеръ?».—«Тихо, какъ заснулъ».

«Спи же мирно, землякъ. Ты свое сдѣлалъ; честно служилъ тому, что считалъ правдой. Ни словомъ, ни дѣломъ ты не измѣнилъ себѣ. Умеръ композиторъ, но звуки его станутъ жить вѣчно и вѣчно станутъ пробуждать спящихъ и вызывать ихъ къ жизни.

«Гибнутъ русскіе ссыльные, а много ли ихъ? И тѣмъ мы не хотимъ облегчить ихъ тяжелой участи. Ни участія, ни руки помощи. Мартьяновъ тоже умеръ въ иркутскомъ острогѣ. Ждали ли Вы такой вѣсти? Меня, какъ громомъ, поразило. Перешлите немедлено этотъ листокъ въ Петербургъ (дальше нѣсколько словъ выскоблено—*М. Л.*).

«Вотъ вамъ русскіе ссыльные: Заичневскій въ Витимской волости на Ленѣ, въ Кир. округѣ; Григорьевъ въ Якутской обл.; Обручевъ въ Уракъ, 23 версты отъ Иркутска; Владиміровъ въ Оёкѣ, 35 верстъ отъ города, Ветошниковъ въ Идинской волости. Насколько эти свѣдѣнія вѣрны, не знаю; мнѣ поляки ихъ сказали».

Второе.

Иркутскъ 10 марта 1866 г.

«До Васъ, вѣроятно, уже дошло печальное извѣстіе о кончинѣ нашего добраго товарища. Все, что Вамъ сообщили объ обстоятельствахъ его смерти, все было такъ. На дорогѣ онъ упалъ, а пріѣхавъ сюда, слегъ и захворалъ тифомъ. Надо только добавить—кромѣ паденія, на боль въ боку имѣлъ уже вліяніе ударъ въ бокъ ружьемъ. Онъ, видите ли, заступился за своихъ спутниковъ, и защитникъ отечества хватилъ его въ бокъ. Онъ былъ боленъ 11 дней, умеръ въ памяти. Изъ ѣхавшихъ съ нимъ изъ Россіи товарищей при немъ никого не было, они даже не знали о его болѣзни. Едва успѣли одному изъ нихъ [1]) сообщить, что онъ захворалъ, какъ тотъ тотчасъ пріѣхалъ сюда. Но засталъ его уже на столѣ.

«Мнѣ извѣстно только, что пріѣхавшему передали слова умершаго, которые касались распоряженія его вещами. Послѣ него осталось 273 р. 10 коп., часть платья и книги. Все это онъ велѣлъ передать въ распоряженіе товарища младшаго по лѣтамъ [1]). Онъ ждетъ, одобрите Вы его распоряженія или нѣтъ. Надо Вамъ сказать, что дорогою они вели расходы вмѣстѣ, не считая, за какую вещь изъ чьего кошелька заплачено. Вамъ извѣстно, что у товарища умершаго не было денегъ собственнымъ трудомъ

[1]) Ветошникову.
[2]) Владимірова.

заработанныхъ. Всѣ его деньги были собраны ему его пріятелями, какъ равно и деньги умершаго. Потому мы сочли за лучшее предложить ихъ этому товарищу съ условіемъ, чтобы онъ выплатилъ ихъ тѣмъ, кто будетъ въ нихъ нуждаться изъ такихъ людей, которые станутъ учить дѣтей грамотѣ. Отдавъ эти деньги ему, мы слышали, что часть этихъ денегъ онъ уже отдалъ въ ссуду одному семейству, которое покойный очень любилъ, немного послалъ третьему своему товарищу, который сидитъ безъ денегъ. Вамъ ближе, быть можетъ, извѣстны отношенія умершаго къ его товарищамъ, и потому вы увѣдомьте, согласно ли желаніямъ покойнаго поступили. Найдите случай увѣдомить этого самаго товарища. Намъ такъ передали слова умершаго; вотъ послѣднія слова: «мои вещи, книги и деньги отдайте (онъ назвалъ имя)». Мы такъ и сдѣлали, тѣмъ болѣе, что положеніе этого товарища незавидное. Золотые часы у него. Что съ ними дѣлать? Платья, вѣроятно, не стоитъ пересылать; мы думаемъ посовѣтовать товарищу распорядиться имъ, какъ сочтетъ за лучшее—если ему нужно, пусть оставитъ себѣ, если имѣетъ платья достаточно, пусть отдастъ кому ходить не въ чемъ».

Только Герценъ могъ бросить русскому правительству нѣсколько гнѣвныхъ словъ... 1 мая 1866 г. въ № 219 «Колокола» онъ писалъ между прочимъ:

«Благороднѣйшій, чистѣйшій, честнѣйшій Серно-Соловьевичъ—и его убили...

«Укоряющая тѣнь Серно-Соловьевича прошла мимо насъ печальнымъ протестомъ, такимъ-же напоминовеніемъ, какъ вѣсть о варшавскихъ убійствахъ 10 Апрѣля 1861 г. пронеслась грознымъ memento и покрыла трауромъ нашъ праздникъ освобожденія крестьянъ.

«Послѣдній маркизъ Поза, онъ вѣрилъ своимъ юнымъ, дѣвственнымъ сердцемъ, что *ихъ* можно вразумить, онъ человѣческимъ языкомъ говорилъ съ государемъ, онъ его тронулъ—и умеръ въ Иркутскѣ, изнеможенный истязаніемъ трехлѣтнихъ казематъ. За что? Прочтите сенатскую записку и всплесните руками.

«Враги, заклятѣйшіе консерваторы по положенію, члены государственнаго совѣта были поражены доблестью, простотой, геройствомъ Серно-Соловьевича. Человѣкъ этотъ былъ до того чистъ, что «Московскія Вѣдомости» не обругали его, не донесли на него во время слѣдствія, не сдѣлали намека, что онъ поджигатель или воръ... Это былъ одинъ изъ лучшихъ *весеннихъ* провозвѣстниковъ новаго времени въ Россіи... И онъ убитъ... «Да они не хотѣли его смерти». Что за вздоръ, Михайловъ умеръ, Серно-Соловьевичъ умеръ, Чернышевскій боленъ»...

Кельсіевъ въ маѣ 1867 добровольно явился въ Скулянскую таможню и отдался въ руки мѣстныхъ властей, а оттуда арестованный былъ доставленъ въ III Отдѣленіе и подвергнутъ допросу въ

высочайше учрежденной комиссіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Ланского. Потомъ дѣло его было доложено государю и 3 сентября Кельсіевъ получилъ полное прощеніе...

Налбандянъ послѣ приговора былъ отправленъ въ Саратовскую губернію и умеръ тамъ 31 марта 1866 года...

Касаткинъ умеръ въ Женевѣ 28 декабря 1867 г...

Мих. Лемке.

Въ Шлиссельбургской крѣпости.

(*Окончаніе* [1]).

ЧѢМЪ ЖИЛИ МЫ?

Сча́стливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны:
Сча́стливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.

Минскій.

I.

Послѣ болѣе или менѣе длинныхъ описаній того, какъ внѣшне слагалась наша жизнь, чѣмъ она наполнялась и что составляло ея матеріальное содержаніе, я чувствую необходимость въ интересахъ полноты своихъ записокъ, поставить такой вопросъ, которымъ я озаглавилъ этотъ очеркъ.

Читатель вправѣ спросить меня: Неужели ваши парники и огороды, верстаки и станки удовлетворяли васъ? Неужели вы похоронили въ себѣ живого человѣка и превратились въ рабочую машину, годную только для производства овощей и шкафовъ хотя бы и усовершенствованныхъ? Или вы сдѣлались читающимъ аппаратомъ, фонографомъ, что-ли, который считываетъ одинаково равнодушно и безжизненно всякую рѣчь или піесу, которую на него ни положатъ? Не отупѣли-ли вы безнадежно отъ многочтенія безсистемнаго, безпочвеннаго и безжизненнаго? Былъ ли у васъ хоть какой-нибудь жизненный пульсъ, который согрѣвалъ вашу душу и охранялъ отъ опасности превратиться въ слабоумное животное, тянущее жизнь чисто растительную по рутинѣ и по инерціи?

II.

Бываютъ и теперь анахореты по призванію, которые отрекаются отъ міра и всѣхъ прелестей его и проводятъ жизнь въ молит-

[1]) См. Былое, 4, 6, 7, 8, 9, 10 и 11.

вѣ и созерцаніи. Это—люди особаго душевнаго склада, у которыхъ всякое зло вызываетъ не двигательный актъ, моментально его уничтожающій или ставящій ему серьезныя преграды, а мозговую рефлексію, быть можетъ также сердечное сокрушеніе слабаго напряженія, словомъ—легкую внутреннюю зыбь, тихо волнующую и легко замирающую въ душѣ, неспособной быстро воспламеняться, негодовать и бороться.

Люди такого склада могли бы легко прожить въ нашей тюрьмѣ, предаваясь мечтаніямъ, самоуглубленію и поочередно—то самобичеванію, то самоуслажденію, отъ сознанія достигнутыхъ успѣховъ въ укрощеніи своихъ зловредныхъ помысловъ. Вѣдь гдѣ абсолютно нѣтъ никакихъ новыхъ соблазновъ, а старые отодвигаются съ каждымъ часомъ все дальше и дальше въ область забвенія, тамъ помыслы легко замираютъ сами собой, и война съ ними становится очень легкой и, конечно, побѣдоносной.

Не такова натура была у громаднаго большинства изъ насъ. Мы не только не могли и не хотѣли уходить куда бы то ни было и отъ житейскихъ золъ, и отъ земныхъ соблазновъ, а совершенно сознательно приступили къ изученію ихъ природныхъ причинъ съ тѣмъ, чтобы отыскать путь къ ихъ устраненію. И не только отыскать и указать эти пути всякому вопрошающему, но и самимъ проложить ихъ, сдѣлавши первые шаги, всегда трудные, и не всегда вѣрные и правильные.

Для людей такой категоріи, дѣятельныхъ, рвущихся, энергичныхъ по природѣ, не могли выдумать сильнѣе и жесточе наказанія, какъ обречь ихъ на пожизненное бездѣйствіе и не дать имъ даже суррогата живого общественнаго дѣла.

Такое дѣло, конечно, нашлось бы, безъ всякаго ущерба для тюремнаго режима въ странѣ, необыкновенно бѣдной интеллектуальными силами и еще болѣе бѣдной духомъ иниціативы и предпріимчивости. Начиная отъ простыхъ цыфровыхъ работъ надъ сводкой статистическаго матеріала, и кончая постановкой какихъ нибудь микроскопическихъ, физіологическихъ, даже хозяйственныхъ опытовъ, нашлось-бы широкое и разностороннее поле для приложенія богатыхъ духовныхъ способностей, которыя заключены были пожизненно въ Шлиссельбургѣ и обречены на вымираніе съ чисто дьявольскимъ человѣконенавистничествомъ и зложелательствомъ.

Наши враги окрестили насъ врагами народа и, конечно, не могли допустить, чтобы мы сдѣлали что-нибудь полезное для своей родины и тѣмъ огласили, что сердце наше бьется любовію къ ней, и что мы горимъ постояннымъ желаніемъ быть для нея полезными хоть какъ нибудь, и хоть въ чемъ нибудь. Притомъ же умы, привыкшіе ходить только по рутинѣ, неспособны были допустить, чтобы тюрьма была чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ фабрики терпѣнія, и чтобы въ ней процвѣтало что-нибудь другое, кромѣ сплошного страданія и торжества Немезиды, карающей слѣпо и безъ милосердія.

III.

И намъ оставалось страдать и *въ самомъ страданіи находить источникъ силъ*, необходимыхъ для долголѣтняго существованія.

Всякое страданіе, какъ бы велико оно ни было, имѣетъ одинъ постоянный недостатокъ: ему свойственно притупляться и, значитъ, исчезать. Какъ бы сознавая эту истину, наши власти дѣлали его прерывистымъ. Говорятъ, что такъ дѣлали и истинные инквизиторы: пытаютъ, а затѣмъ дадутъ отдохнуть измученному пыткой, или даже залечатъ его раны, съ тѣмъ, чтобы опять примѣнить ту же самую, или новаго рода пытку. Точно также и у насъ: не было, кажется, ни одной «льготы», которая давалась бы намъ навсегда и не подвергалась затѣмъ временному упраздненію. Если ее не упраздняли совсѣмъ, то многократно угрожали упразднить и, значитъ, держали насъ подъ постояннымъ страхомъ— лишиться того, что стало уже привычнымъ и необходимымъ, и начать снова пріучаться къ терпѣнію.

Какъ ни малы были сами по себѣ эти «льготы», онѣ представляли собой тотъ minimum житейскихъ благъ, на которомъ мы могли еще помириться и ниже котораго жизнь была бы не въ моготу и началось бы сплошное вымираніе. А потому для насъ онѣ не только не были ничтожны сами по себѣ, а напротивъ представляли высокую цѣнность: отстаивая ихъ, мы также имѣли дѣло съ вопросомъ жизни и смерти, какъ и рабочіе, рѣшающіеся на всѣ опасности забастовки ради прибавки какихъ нибудь 5 коп. заработной платы въ день. Словомъ, у насъ была въ своемъ родѣ та же борьба за существованіе, хоть и размѣненная на мѣдную монету. Эта борьба за modus vivendi, за право стучать, гулять, писать, читать и говорить была та же самая борьба за свободы, хотя и въ страшно миньятюрномъ видѣ.

Вспоминая о всѣхъ лишеніяхъ, съ какихъ началась наша тюремная жизнь, я не могу достаточно надивиться той колоссальной силѣ сопротивляемости, которой одаренъ каждый организмъ противъ разрушительныхъ вліяній. Сдѣлано было, кажется, все, чтобы разрушить его поскорѣе: ни воздуху, ни свѣту, ни пищи, ни дѣятельности,—ни умственной, ни физической. И все-таки, кто не заболѣвалъ тотчасъ же тяжелой формой цынги, тотъ ухитрялся какъ то приспособляться ко всѣмъ этимъ невозможнымъ условіямъ. И только судорожные порывы и вспышки противъ того или другого наиболѣе губительнаго лишенія говорили и о размѣрахъ страданія, и о чисто рефлективныхъ попыткахъ освободиться отъ него.

На волѣ, слушая мои разсказы, нѣкоторые откровенно заявляли: «я бы не вынесъ этого»... Не знаю, былъ ли это комплиментъ по адресу нашей стойкости, или недостаточное знакомство съ собственными силами. Думаю, что иногда и невѣроятное становится возможнымъ: у насъ тоже сомнѣвались въ своихъ силахъ и, можетъ быть, всѣ задаютъ теперь сами себѣ тотъ же недоумѣнный вопросъ:

— Неужели я могъ все это вынести?

IV.

Ниже я еще буду говорить объ этой своеобразной *политической* борьбѣ въ тюрьмѣ. Теперь же я напомню еще, что вѣдь и ближайшіе враги, непосредственные объекты для борьбы, у насъ были тѣ же, что и на волѣ.

Точно нарочно, для двухъ политическихъ тюремъ въ Россіи, у насъ и на Карѣ, почему то учредили стражу исключительно изъ жандармовъ. Точно разчетъ былъ на то, чтобъ самый видъ ихъ ежедневно напоминалъ намъ, въ чьихъ рукахъ мы находимся и кому обязаны высокою честью страдать за свободу родины.

Вѣдь могло же правительство за такія деньги найти достаточно людей любой категоріи, которые «вѣрой и правдой» служили-бы ему, какъ служатъ напр. теперь въ Крестахъ! Вѣдь служили же вѣрой и правдой Людовику XVI-му наемные швейцарцы; и даже душу свою положили въ защиту его абсолютной власти противъ его народа, который выросъ изъ пеленокъ и пожелалъ ходить безъ нянекъ. Со временъ Ирода, царя іудейскаго, бывало великое множество людей, которые, давши присягу снести съ плечъ чужую голову, считаютъ своимъ священнымъ долгомъ *такую* клятву исполнять буквально и безъ малѣйшаго колебанія!

Нѣтъ, насъ не довѣрили никому другому, и мы по прежнему были въ рукахъ Жандармскаго Корпуса. Чины его охотились за нами на волѣ и успѣшно поймали, обнаруживши при этомъ всѣ типичнѣйшіе пріемы и духовныя черты охотника за цѣнной дичью. Чины его затѣмъ вели все слѣдствіе и старались доказать, что первые чины, арестовавшіе насъ, дѣйствительно взяли опаснѣйшихъ людей и за это заслуживаютъ награды. Чины его, далѣе, предрѣшали судебный вердиктъ и тѣмъ доказывали, что слѣдователи отнюдь не ошибались, направляя дѣло къ жестокому возмездію. Чины его содѣйствовали затѣмъ заключенію насъ въ Шлиссельбургъ, удостовѣряя тѣмъ, что мы дѣйствительно такіе ужасные и опасные люди, за которыхъ признали насъ прежніе чины. И, наконецъ, чины же его берегли насъ въ тюрьмѣ, ежемѣсячно подтверждая въ своихъ отчетахъ, что всѣ имѣющіе съ нами дѣло чины не только не ошиблись, но и безусловно достойны всякаго одобренія за свою проницательность, усердіе и ревность въ дѣлѣ искорененія крамолы и поддержанія тишины и спокойствія.

И если-бы кто могъ сосчитать, сколько лицъ этого Корпуса, благодаря такому своеобразному круговому ручательству, погрѣло возлѣ насъ руки! И если-бы какой историкъ могъ теперь же изобразить, сколько Государственныхъ мужей выковало свою «блестящую» политическую карьеру исключительно на нашихъ спинахъ!

Понятно, было-бы очень рискованно передать насъ въ руки какого нибудь другого вѣдомства, которое могло-бы, чего доб-

раго, не только свести на смарку всю предыдущую работу, но и доказать, что все, что прежде считалось проницательностью и усердіемъ, было сплошной ошибкой или искуснымъ гешефтомъ опытныхъ дѣльцовъ, набившихъ себѣ руку въ снисканіи земныхъ благъ путемъ благовиднаго и болѣе или менѣе сокровеннаго истребленія своихъ ближнихъ.

V.

Въ свою очередь мы, оставаясь въ той же самой жандармской атмосферѣ, совершенно не замѣчали, что наша революціонная жизнь давно и безповоротно кончилась, что мы не только обезоружены и выбиты изъ колеи, но связаны и обречены на одно безмолвное вымираніе. Мы не замѣчали этого, или забывали про это, потому что видѣли надъ собой ту же властную жандармскую десницу, которая и прежде вездѣ хватала направо и налѣво, слышали ежечасно тотъ же незабываемый во вѣки звонъ шпоръ, который для каждаго гражданина издавна служитъ глашатаемъ безправія и спутникомъ всякаго акта, въ которомъ нужно учинить явное беззаконіе.

Съ формальной стороны, мы были осуждены судомъ. Надъ нами была продѣлана нѣкая юридическая манипуляція, которая, будь она образцомъ законности и правового сознанія націи, могла бы дѣйствовать убійственно на насъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Всякій изъ насъ чувствовалъ себя и до суда и послѣ суда во власти одного грубаго произвола, который для приличія прикрывается фиговымъ листкомъ писанныхъ законовъ, но которому совершенно чужды жизненный смыслъ всякихъ писанныхъ законовъ, именно *внутренняя* правда.

VI.

Бороться съ правительствомъ, которое стоитъ на стражѣ закона, и которое своимъ уваженіемъ къ закону и подчиненіемъ ему первое даетъ образецъ для дѣятельности и подчиненныхъ органовъ, и всѣхъ подданныхъ,—бороться съ такимъ правительствомъ едвали возможно путемъ насилія. Въ сознаніи всякой революціонной группы оно стоитъ неуязвимо, потому что оно дѣйствуетъ только какъ слуга закона и, въ силу этого, за свои дѣйствія совершенно неотвѣтственно. Даже болѣе, за свои дѣйствія по службѣ, злоупотребленія, опущенія и превышенія власти оно отвѣтственно передъ закономъ.

Совершенно другого рода психика складывается въ странѣ, гдѣ правительство поставило само себя на мѣсто закона и орудуетъ вездѣ и во всемъ руководясь однимъ усмотрѣніемъ. Та критика и тѣ чувства, которыя въ первомъ случаѣ были-бы направлены противъ безличнаго закона и въ концѣ концовъ, вели бы только къ измѣненію или замѣнѣ его, здѣсь всецѣло направлены про-

тивъ правящихъ лицъ. Онѣ становятся отвѣтственны за все и передъ всѣми, потому что сами себѣ узурпировали автократическій образъ дѣйствій, сами себя поставили на мѣсто закона и даже выше закона.

Въ свою очередь тѣ, кто вооружается на нихъ, не можетъ чувствовать за собой отвѣтственности. Чувства отвѣтственности передъ закономъ въ немъ не воспитала вся россійская дѣйствительность, руководимая народной мудростью: законъ, что дышло: куда повернулъ, туда и вышло». Какъ я буду отвѣчать передъ закономъ, когда передъ нимъ не отвѣчаютъ ни сами творцы закона, ни исполнители его!

Чувства же отвѣтственности передъ лицами, держащими въ рукахъ безотвѣтственную власть, не можетъ быть по самому существу дѣла. Чувство отвѣтственности можетъ относиться къ какому-нибудь верховному авторитету, воля котораго стоитъ выше индивидуальной воли, и правда котораго безупречна и незыблема. Тѣ же лица, которыя прежде чѣмъ вызвали противъ себя революціонную войну, вооружили предварительно противъ себя значительную часть общества негодованіемъ и возмущеніемъ, тѣ лица не могутъ претендовать ни на какой авторитетъ, ни на какое уважительное отношеніе.

VII.

А потому судебная процедура, въ сознаніи всѣхъ насъ, независимо отъ фактическаго участія или неучастія въ дѣлѣ, была одной пустой комедіей, которую нужно было зачѣмъ-то продѣлать для видимости. Сами устроители ея забывали про нее тотчасъ же, какъ только она оканчивалась. Они тотчасъ же начинали дѣйствовать по усмотрѣнію, независимо отъ судебнаго рѣшенія, отправляя одного изъ «каторжниковъ» въ Сибирь, а другого въ Шлиссельбургъ, гдѣ условія отбыванія сроковъ совершенно различны, а значитъ, различно и самое возмездіе. Въ ушахъ еще звучало: «каторжныя работы безъ срока», и притомъ «въ рудникахъ», какъ добавлялъ отъ себя читавшій оффиціальную бумагу, а ужъ другой приговоръ, совершенно независимый отъ суда, и совершенно вопреки ему, заготовлялъ пароходъ и направлялъ осужденныхъ въ вѣчное заточеніе, о которомъ въ законахъ нигдѣ ни слова не сказано.

Переживши такую судебную процедуру съ административнымъ этапомъ, всякій изъ насъ оставался на всю жизнь съ прочно установившимся самочувствіемъ, что гнететъ тебя сила произвола правда совершенно непреодолимая, но все-таки одна грубая сила, безъ малѣйшей нравственной или строго юридической санкціи.

VIII.

Таково было самочувствіе, съ которымъ очутились мы въ безвыходномъ положеніи на всю жизнь. Мы были очень молоды, и

вся жизнь была впереди. Терминъ «безсрочная» каторга въ приложеніи къ этой молодой жизни звучалъ какъ то особенно внушительно, потому что обѣщалъ при «благопріятныхъ обстоятельствахъ заключеніе лѣтъ на 50. И я помню, съ какимъ особеннымъ интересомъ я остановилъ вниманіе у Соловьева на какомъ-то князѣ Рюриковичѣ, который просидѣлъ будто бы въ Кіевѣ въ заключеніи ровно 50 лѣтъ.

Не надо было ходить такъ далеко. Но тогда я еще не зналъ, что въ той же самой Шлисельбургской крѣпости, всего за 20 лѣтъ до моего вступленія въ нее, умеръ человѣкъ, прожившій въ ней 38 лѣтъ, котораго не коснулись ни «милости», на «свободы» либерализма 60-хъ гг.

И хорошо, что не зналъ этого, потому что такой «прецедентъ» пришлось бы долго переваривать.

Ни милости, ни свободы Шлисельбурга не касаются. Впослѣдствіи мы убѣдились, что въ отношеніи насъ продолжается здѣсь та же традиціонная политика.

«Никакихъ снисхожденій своимъ врагамъ» — этотъ девизъ абсолютизма остается на вѣки неизмѣннымъ. — Ни время, ни пространство, ни національность не дѣйствуютъ на него. Бастилія и Шпильбергъ, крѣпость св. Ангела (въ Римѣ) и Неаполитанскія тюрьмы—все это одинаково безчеловѣчно, одинаково свирѣпо и одинаково проникнуто духомъ непримиримой ненависти къ личнымъ врагамъ, дерзнувшимъ усумниться въ святости грубаго произвола и безконтрольнаго грабежа и растраты народнаго достоянія. Всюду одинаково царила воля одного, и всюду одинаково эта воля была непреклонна и вѣрна одному и тому же принципу: никогда не прощать своимъ врагамъ.

Въ общемъ такія свойства этой воли были извѣстны намъ давно и не составляли секрета съ первыхъ-же дней, какъ мы попали въ ея полное распоряженіе. Детали мы потомъ узнавали изъ исторіи. И если читали, что такой-то нѣмецкій герцогъ еще 60 лѣтъ назадъ въ центрѣ Западной Европы и въ прославленной своимъ просвѣщеніемъ Германіи заставлялъ своихъ политическихъ враговъ, ввергнутыхъ имъ въ узилище, падать ницъ передъ своимъ портретомъ, который спеціально для этого приносили въ камеру, то мы испытывали нѣкоторое чувство удовлетворенія при мысли о томъ, что даже въ герцогскія души прогрессъ можетъ проникнуть и черезъ 60 лѣтъ сдѣлать невозможнымъ кое что изъ арсенала ихъ политической мудрости, практиковавшагося невозбранно и, конечно, съ одобрѣнія ближайшихъ совѣтниковъ.

IX.

Такимъ образомъ, не только ясное сознаніе произвола, вынесенное изъ всей процедуры, предшествовавшей поселенію въ эту тюрьму, но и явственное предчувствіе господства этого произвола въ нашей дальнѣйшей жизни составляло, такъ сказать, тѣ сердеч-

ные тоны, которые сопровождали біеніе пульса нашей жизни, ни на минуту не покидая его. Если къ этому прибавить еще, что пріѣзжающіе чины, время отъ времени, напоминали намъ русскимъ языкомъ, что здѣсь—могила; что многіе чины, особенно мѣстной администраціи, многократно подчеркивали, что выходъ отсюда находится въ нашихъ собственныхъ рукахъ, и что двери тюрьмы могутъ открываться передъ нами только при условіи, если умѣючи да умненько взяться за дѣло; то этимъ точно будетъ обрисована та атмосфера, въ которой суждено было произростать нашимъ надеждамъ на счастливое будущее и перемѣны въ личной судьбѣ.

X.

Что эта надежда была и никогда не умирала, объ этомъ я упоминалъ уже. Состояніе безнадежности, какъ общее и постоянное явленіе, невозможно для человѣка. Оно можетъ „находить“ и длиться часами, можетъ продолжаться нѣсколько дней подрядъ. Но не можетъ сдѣлаться непрерывнымъ. Это не въ природѣ человѣка, также какъ не въ природѣ человѣка—думать постоянно о своей смерти.

„Живой живое и думаетъ“. И весь мозговой аппаратъ человѣка служилъ искони и служитъ теперь только для того, чтобы оріентироваться *въ жизни*, поддерживать и расширять жизнь, а отнюдь не уничтожать. Минуты приготовленія къ смерти, которыя переживаетъ каждый человѣкъ, можетъ быть, не одинъ разъ въ жизни, суть только минуты и доступны только или тому, кому угрожаетъ внезапно непредвидѣнная смерть, или же тому, кто стоитъ у грани жизни, на краю естественной могилы.

Точно также у насъ не могло быть постояннымъ и сознаніе безнадежности, и состояніе отчаянія, потому что оно отрицаетъ жизнь, пресѣкаетъ ее, и притомъ не въ преддверіи гроба, а при полномъ расцвѣтѣ юношескихъ силъ, живой напоръ которыхъ повелительно внушалъ мысль о продолжительной жизни, о торжествѣ ея, о побѣдѣ, о счастьи и волѣ, о всемъ томъ, что теперь недоступно, что заповѣдано и заказано и семью печатями запечатано.

Надежда была смутная, неувѣренная, непостоянная и колеблющаяся, но она была и не могло не быть ея, потому что состояніе непрерывной безнадежности не свойственно здоровой человѣческой организаціи. Соотвѣтственно этому двойному вліянію, т. е. субъективному протесту противъ безнадежности и объективному отрицанію всякихъ надеждъ, колебалось и наше внутреннее настроеніе. И несмотря на преобладающій повышенный и оптимистическій тонъ, въ него повелительно вторгались диссонансомъ нерѣдкія ноты грусти, унынія и общей подавленности, при которой все представлялось въ мрачномъ и безутѣшномъ видѣ. Но „полоса“ эта, какъ туча, проходила, и вновь на душѣ свѣтилось солнце, вновь торжествовали живыя силы организма, и вновь мерцали надежды...

XI.

Если бы дѣло шло только о надеждахъ, при полномъ отсутствіи объективныхъ данныхъ въ пользу или противъ этихъ надеждъ, то вышеприведенной ссылкой на природу человѣка можно бы и закончить. Но мы какъ разъ напротивъ были обставлены намѣренно такими жизненными условіями, которыя должны были погасить насильственно всѣ надежды, за отсутствіемъ для нихъ какихъ бы то ни было реальныхъ или видимыхъ основаній. Питать надежды, находясь въ рукахъ, неспособныхъ на великодушіе, питать надежды вопреки яснымъ заявленіямъ авторитетныхъ властей, всецѣло располагающихъ нашей судьбой, можно было людямъ или неискоренимаго оптимизма, или фанатическаго самообольщенія. Сторонній человѣкъ, можетъ быть, сказалъ бы, что для этого нужно было имѣть недюжинную натуру, неизсякаемый запасъ духовной мощи, болѣе чѣмъ незаурядный умъ и непоколебимую убѣжденность въ правильности соціальнаго діагноза и вѣрности избраннаго пути, того пути, который одни называютъ преступнымъ, а другіе героическимъ.

Не легко было хранить этотъ спеціальный огонь безъ потуханія, когда всякій горючій матеріалъ для него тщательно и сознательно къ намъ не допускался. Понимали вѣдь наши враги, что всякое свѣдѣніе, о новыхъ ли дефектахъ правительственной системы, которые наши властители ухитрялись скрывать отъ большой публики вплоть до Цусимы, о взрывѣ ли гдѣ нибудь наболѣвшихъ чувствъ противъ возмутительныхъ репрессій,—что всѣ эти свѣдѣнія подливаютъ масла въ нашъ немеркнувшій огонь. Нужно было напр. видѣть наши лица при вѣсти объ убійствѣ Плеве, творца и зиждителя всего нашего застѣнка.

Да, нелегко было при этихъ условіяхъ бодрствовать непрерывно со свѣтильникомъ въ рукахъ, не давать ему потухнуть и ждать прихода жениха, который всегда является „яко тать въ нощи“ и часто, очень часто, сильно запаздываетъ.

XII.

И не было у насъ примѣра, чтобы у кого нибудь этотъ свѣтильникъ окончательно погасъ. Напротивъ, были примѣры, когда потухалъ самый разумъ, а свѣтильникъ все таки горѣлъ... Не было примѣра, чтобы кто нибудь извѣрился окончательно, истощенный безплоднымъ и безконечнымъ ожиданіемъ, и сказалъ бы себѣ откровенно и рѣшительно: „нѣтъ, я не вѣрю въ наступленіе переворота! Нѣтъ, я не вѣрю въ близость революціи на Руси, не вѣрю, что когда нибудь еще при моей жизни

„Взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья...“

Не было примѣра, чтобы кто нибудь поставилъ крестъ надъ увлеченіями своей молодости и обратился къ своимъ врагамъ съ робкимъ просительнымъ или смѣлымъ и беззастѣнчивымъ заявленіемъ: «Да, я ошибался, и вполнѣ сожалѣю объ этомъ.»

XIII.

Зато, съ какою затаенною страстью предавались мы изученію историческихъ сочиненій! Съ какимъ жгучимъ чувствомъ не просто научной любознательности, а чувствомъ почти религіознаго вѣрованія, отыскивали мы въ книгѣ все, что могло служить хоть косвеннымъ, хоть отдаленнымъ аргументомъ въ пользу того, что все таки земля вертится, что все таки прогрессъ идетъ впередъ, съ неодолимой настойчивостью разрушая всѣ преграды, и что все таки всѣ народы всегда въ концѣ концовъ завоевываютъ себѣ свободу и перестаютъ считать преступнымъ стремленіе къ ней и борьбу за нее.

А когда же получили, наконецъ, журналы, хотя бы и убогіе,—съ какой пытливостью набрасывались въ нихъ на внутреннюю политическую хронику съ затаенной надеждой отыскать тамъ хоть какой нибудь намекъ, хоть отдаленное напоминаніе о томъ, что русская нація не задушена въ тискахъ политическаго рабства, что русскій геній не забитъ наглухо въ колодки, что все идетъ къ тому же концу и что конецъ этотъ одинъ—народная воля!

Въ этомъ отношеніи всѣ ухищренія властей—оградить насъ отъ тлетворныхъ вѣяній зловредныхъ книгъ, не только разбивались прахомъ,—какъ разбивались они повсюду въ Россіи,—но играли какъ разъ обратную роль. Чѣмъ меньше было книгъ, тѣмъ тщательнѣе мы ихъ изучали. Чѣмъ тщательнѣе изучали, тѣмъ больше размышляли и фантазировали.

Въ книгахъ мы видѣли не только то, что тамъ было написано, но и то, чего тамъ не было написано, и что мы отыскивали, руководясь намеками и недомолвками. Мы не только читали автора, но разбирали его по косточкамъ и дополняли на основаніи тѣхъ крупицъ, которыя тщательно извлекали изъ другихъ авторовъ и старательно выписывали себѣ въ тетрадь для памяти. Эти выписки, собранныя по микроскопическимъ крохамъ, дѣйствовали тѣмъ внушительнѣе на убѣжденіе, что онѣ собраны были съ затратой большого труда. Тяжесть аргументовъ субъективно чувствовалась увѣсистѣе въ зависимости отъ величины усилій, потраченныхъ на ихъ собираніе.

Когда, напр., человѣку въ нормальныхъ условіяхъ нужна бываетъ цыфра желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, онъ беретъ какой нибудь справочникъ и находитъ ее тамъ. А когда она понадобилась мнѣ, я бралъ карту Россіи, бумажку и карандашъ и аккуратно вымѣривалъ длину всѣхъ линій масштабомъ карты, дѣлалъ соотвѣтственное умноженіе и получалъ общую величину всей сѣти въ тысячахъ верстъ. Такъ добытая цыфра тверже помнилась и гораздо больше импонировала.

Не приводили къ цѣли и планомѣрныя усилія нашихъ враговъ— изгонять отъ насъ всякую книгу, въ которой встрѣчались слова: свобода, конституція, революція, соціализмъ и соціологія. Кстати сказать, два послѣднихъ слова они, очевидно, смѣшивали и совершенно не умѣли различать термины «соціальный и соціалистическій». Чѣмъ рѣже попадались эти слова, тѣмъ заманчивѣе становились соединенныя съ ними понятія. Самый же фактъ недопущенія къ намъ литературы по соціальнымъ вопросамъ дѣйствовалъ на насъ гораздо убѣдительнѣе многихъ трактатовъ, ибо для насъ было давно, а теперь и для младенца стало ясно, что на Руси запрещаютъ только ту литературу, противъ которой литературныхъ аргументовъ не находится.

XIV.

Если авторъ былъ отрицательнаго направленія, боролся со всѣми преступными «измами», начиная съ либерализма, онъ шилъ свой трактатъ, какъ водится, бѣлыми нитками и давалъ намъ поэтому неистощимый запасъ аргументовъ противъ самого себя, и тѣмъ самымъ еще больше укрѣплялъ наши позиціи и поддерживалъ насъ въ увѣренности, что основы нашихъ воззрѣній правильны и что будущее принадлежитъ намъ и нашимъ идеямъ.

И напр. самый ярый защитникъ невѣрія не могъ ничего лучшаго придумать для насажденія его, какъ людямъ, извѣдавшимъ всѣ тайны міросданья, доступныя современному уму, дать Четьи-Минеи со всѣми ихъ скандалезными баснями и духовные журналы 40-хъ гг., гдѣ легковѣріе и суевѣріе ставилось во главу угла и гдѣ преподносились читателю съ видомъ глубокаго убѣжденія въ истинности разныя сказки и небылицы, разсказчику которыхъ никогда не было вѣдомо, что такое критическое мышленіе и въ чемъ состоитъ научная дисциплина, именуемая исторической критикой.

А это-то чтеніе именно и поощрялось у насъ въ первые годы, какъ «духовнонравственное» и назидательное. И такъ какъ ничего другого, кромѣ него, не давалось, и мысль не была занята ничѣмъ серьезнымъ, то мы со всею тяжестью развитого, изстрадавшагося отъ голода мозга и обрушивались на дѣтскія сказанія этихъ писаній, которыя, несмотря на ихъ наивность, предназначались отнюдь не для младенцевъ, а для убѣжденія заблуждающихся и инакомыслящихъ.

Понятно, въ этихъ писаніяхъ не только не оставалось камня на камнѣ отъ разрушительной дѣятельности критически настроеннаго человѣка, запертаго въ стѣнахъ и лишеннаго всѣхъ другихъ вліяній, но они давали еще обильный источникъ самыхъ забавныхъ и пикантныхъ курьезовъ, благодаря которымъ все «духовное», какъ нѣчто спецефически затхлое, подвергалось самому веселому вышучиванью.

XV.

Даже *библія* давала человѣку, чувствующему на себѣ ежеминутно грубую силу идейнаго и тѣлеснаго плѣненія, не то, что вычитываютъ въ ней благодушные мирные обыватели, жизнь которыхъ хорошо смазана житейскими благами и течетъ гладко и елейно.

Въ ней наши читатели искали и въ изобиліи находили всякаго рода борьбу,—борьбу съ беззаконіемъ и неправдой, съ угнетателями и насильниками, борьбу за попранныя права, борьбу кровавую и безпощадную съ истребленіемъ всякаго противника національныхъ интересовъ и нормальнаго развитія народа, борьбу насильственную съ одной стороны и идейную съ другой,—величественную борьбу еврейскихъ пророковъ, этихъ «самозванныхъ» энтузіастовъ, «самочинныхъ» выходцевъ изъ нѣдръ народа, въ рубищахъ и вретищахъ, презираемыхъ и избиваемыхъ своими же царями и, несмотря на преслѣдованія, съ еще большимъ дерзновеніемъ возвышающихъ свой голосъ, полный огня и грома, обличенія и негодованія, угрозы и укоризны. Наконецъ, находили тамъ борьбу всего народа за свое національное самоопредѣленіе, за свою свободу и независимость, за свои права и привилегіи, не считаясь ни съ силой иноплеменныхъ завоевателей, ни съ продолжительностью узаконеннаго ими господства, ни съ доктриной, правда тогда еще не существовавшей, будто «нѣсть власть, аще не отъ Бога».

Словомъ, вездѣ борьба и борьба, вездѣ дерзновеніе во имя священныхъ и возвышенныхъ интересовъ народа, вездѣ вражда противъ всего, что сковываетъ и уродуетъ правильную и закономѣрную жизнь родной страны, и всюду мученичество и страданіе за идею и страстное алканіе попранной и униженной правды.

Такимъ образомъ, библія давала несомнѣнное утѣшеніе въ мысли, что судьба дерзкихъ агитаторовъ, неумѣющихъ ходить избитыми, широкими и гладкими путями, споконъ вѣку всюду одна и та же. Поэтому она не только не доводила до «раскаянія», до смиренія и покорности, а напротивъ, какъ и всякая свѣтская литература, лишь укрѣпляла мысль въ томъ же направленіи. И наши читатели послѣ нея оставались въ прочномъ убѣжденіи, что даже еслибы очи наши и не удостоились узрѣть исполненія нашихъ завѣтныхъ желаній, дерзновенное стремленіе къ осуществленію ихъ есть, дѣйствительно, священный долгъ всякаго, кто почувствовалъ внутри голосъ своего Бога, зовущаго его на этотъ крестный путь.

XVI.

И такъ наша мысль неизмѣнно продолжала работать въ разъ принятомъ направленіи, читали ли мы зажигательную исторію Европы Шлоссера, который чуть не всѣхъ королей пригвождалъ

къ позорному столбу за «неслыханную» жестокость, «безумное» мотовство и «безсмысленный» развратъ; или, за отсутствіемъ романовъ, просматривали Четьи Минеи, гдѣ чуть не всякое описаніе мученическихъ подвиговъ проповѣдывало неуваженіе къ властямъ, такъ какъ тамъ ставилась мученику въ особую доблесть, если онъ «плюну въ лицо игемона съ дерзновеніемъ»; или, наконецъ, поучались въ чтеніи свящ. Писанія, гдѣ разсказывалось, что и съ фараонами, и съ израильскими царями и царицами, въ случаѣ надобности, практиковалась очень крутая расправа.

Всюду мы находили, что дѣло дерзающихъ во имя блага родины, хотя бы и попадающихъ потомъ въ плѣнъ, вовсе не такъ плохо, какъ стараются показать заинтересованныя въ своей позиціи торжествующія власти. Въ оправданіи или самооправданіи мы не нуждались. Не получали, поэтому, ни умягченія сердецъ, ни сознанія сугубой грѣховности, ни чувства самоугрызенія. Поддержанію же душевной бодрости въ минуты раздумья, тревоги и припадка меланхолій содѣйствовало рѣшительно все, что мы ни читали.

Вѣдь всякій всегда отыскиваетъ въ книгахъ то, что ближе всего задѣваетъ его, или что составляетъ преобладающій интересъ его жизни. И всякая мелочь, которая для обыкновеннаго читателя кажется нестоющей вниманія, здѣсь выростала въ глазахъ отрѣшенныхъ отъ всего живого до серьезныхъ размѣровъ, лишь бы она льстила затаенному желанію и удовлетворяла непреодолимой потребности вѣрить въ то, что все идетъ къ лучшему въ этомъ наихудшемъ мірѣ.

Въ свою очередь факты и аргументы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что зло иногда торжествуетъ, что безкорыстныя и самоотверженныя усилія часто не увѣнчиваются успѣхомъ, что бывало на свѣтѣ много пылкихъ и горячихъ вѣрованій, совершенно разбитыхъ жизнію и насиліемъ,—всѣ такія и подобныя вещи скользили по сознанію поверхностно, отнюдь не задѣвая его.

Вѣра всегда есть вѣра, и психологія ея одна и та же, касается ли она догматовъ о небесномъ Владыкѣ, или политическихъ доктринъ, говорящихъ и происхожденіи и судьбахъ земныхъ властителей. Все, что оправдываетъ вѣру, тщательно замѣчается, нанизывается въ одну ассоціацію и запоминается. Все, что противорѣчитъ ей, столь же тщательно игнорируется, отбрасывается и забывается. И вѣрующій искренно убѣждается, что онъ вѣритъ главнымъ образомъ потому, что въ пользу его вѣрованій слишкомъ много накопилось убѣдительныхъ доказательствъ.

Вотъ почему заявленія властей о томъ, что «отсюда не выходятъ, а выносятъ» дѣйствовали на насъ такъ же, какъ увѣреніе, съ которымъ обращаются къ вѣрующему въ загробную жизнь, что съ концомъ этой жизни для него кончается все.

XVII.

Но было бы большой неправдой, если читатель останется въ убѣжденіи, что мы были слѣпые фанатики, коимъ чужды объек-

тивные доводы холоднаго разсудка и которые размышляютъ и разсуждаютъ по своимъ особымъ логическимъ законамъ, составляющимъ свойства только нездоровыхъ умовъ, отъ природы неспособныхъ на кропотливое и хлопотливое изысканіе истины.

Совершенно напротивъ. Времени для того, чтобы остылъ юношескій фанатизмъ, у насъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Къ тому же и температура для такого охлажденія была черезчуръ низкая. Вполнѣ достаточно было времени и для того, чтобы произвести переоцѣнку всѣхъ цѣнностей. Мысль, работавшая критически съ молодыхъ лѣтъ, не могла направлять свою критику только въ одну сторону и оставлять неприкосновенной другую. Критическій умъ отъ природы одаренъ большимъ запасомъ скепсиса, и этотъ скепсисъ умѣлъ разлагать и развѣнчивать всѣ авторитеты, какъ бы ни была сѣда древность, завѣщавшая намъ ихъ.

Совершенно невѣроятно поэтому, чтобы умъ такого закала былъ безусловно слѣпъ къ одному роду авторитетовъ,—именно къ тѣмъ, которые учатъ, что зло политическое и зло экономическое—не только временное и преходящее, но и вполнѣ устранимое обыкновенными земными средствами. И что ни въ природѣ человѣка, ни въ характерѣ экономическихъ и политическихъ отношеній, нѣтъ никакихъ незыблемыхъ основъ, на которыхъ на вѣки вѣчные были бы нерушимо установлены безправіе и самовластіе, нищета и роскошь.

XVIII.

И ни въ соціальныхъ, ни въ общихъ воззрѣніяхъ мы вовсе не стояли на одномъ мѣстѣ въ какомъ то умственномъ гипнозѣ или оцѣпенѣніи. Напротивъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, несмотря на всѣ, явно выдвигаемыя преграды къ нашему дальнѣйшему самообразованію и развитію, мы помаленьку шли впередъ и впередъ, захватывали въ своемъ интересѣ новыя и новыя области знанія и углубляли и расширяли знанія, уже имѣвшіяся. Правда, эти завоеванія дѣлались съ необыкновенной медленностью, но они все таки дѣлались, не столько въ прямомъ расчетѣ воспользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями тогда, когда откроютъ двери тюрьмы, сколько изъ ненасытной потребности ума—ставить себѣ новые вопросы и новыя задачи и посильно рѣшать ихъ.

Здѣсь начальство сыграло съ нами самую скверную штуку. Когда умственныя силы были еще свѣжи, когда запросы ума были сильны, и способность къ усвоенію новыхъ свѣдѣній пластична и энергична, тогда намъ почти не давали матеріаловъ для умственной дѣятельности и научной работы, или же давали ихъ въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ. А когда этотъ матеріалъ накопился въ достаточномъ количествѣ и сталъ расширяться быстро и почти безгранично,—особенно съ появленіемъ у насъ книгъ, присылавшихся изъ музея,—тогда, увы, силы наши были уже ослаблены и возрастомъ и бездѣятельностью, и, можетъ быть, плохимъ пита-

ніемъ, и мы не могли уже использовать всего научнаго богатства въ желательной мѣрѣ и съ желаемой пользою.

Не всѣ одинаково ревностно занимались. Не всѣ были одинаково разносторонни. И не мнѣ описывать поименно, кто, въ какой области и въ какой мѣрѣ обогатилъ себя, а, главное, кому и какое удовлетвореніе доставлялъ интеллектуальный трудъ, вѣчно свѣжій и всегда привлекательный.

Этотъ трудъ, какъ бы мало онъ ни былъ продуктивенъ и жизнедѣятеленъ, былъ во всякомъ случаѣ для большинства главнымъ содержаніемъ нашей безсодержательной жизни. И можно безъ преувеличенія сказать, что мы за это двадцатилѣтіе просидѣли за книгами столько времени, сколько рѣдкіе изъ нашихъ сверстниковъ на волѣ. И прочли за это время, навѣрное, большее количество книгъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свободѣ, хотя, увы, не всегда цѣнныхъ и не всегда стоющихъ того, чтобы на нихъ тратить силы и вниманіе. Стоитъ ли прибавлять, что и продумано, и прочувствовано было по поводу этихъ книгъ такъ много, какъ много можно продумать и прочувствовать только будучи наединѣ съ книгами, внѣ всякихъ «отрезвляющихъ» и отвлекающихъ житейскихъ впечатлѣній.

XIX.

Особыми симпатіями, конечно, пользовалась *беллетристика*, вначалѣ долго и настойчиво изгоняемая изъ нашего обихода.

Въ запрещеніи намъ изящной литературы сказалась та же опытная рука тюремщика, которая ограждала насъ рѣшительно отъ всего, что могло если не скрасить нашу мрачную жизнь, то по крайней мѣрѣ внести въ нее частицу поэзіи и очарованія. Намъ нечѣмъ было заглушить гнетущее чувство боли, разъ оно возникало. Намъ не надъ чѣмъ было забыться и отвлечься отъ созерцанія и ощущенія тюрьмы. Намъ негдѣ было найти того сказочнаго Пегаса, который на крыльяхъ воображенія унесъ бы насъ изъ подъ душныхъ давящихъ сводовъ на просторъ широкаго и свободнаго міра.

Фантазія, правда, у насъ была своя, но не у всякаго она была жива и продуктивна. Поощрять же и развивать пустое фантазированіе было чрезвычайно опасно—съ точки зрѣнія душевнаго равновѣсія, потому что дѣло легко могло дойти до галлюцинацій, ясновидѣній, болѣзненнаго бреда и, наконецъ, явнаго сумасшествія, когда человѣкъ уже теряетъ власть надъ непокорными и слишкомъ живыми умственными образами. Здоровой же пищи для воображенія насъ намѣренно лишали.

И да будетъ позорна память того благодѣтеля человѣчества, который, изобрѣвши одиночныя тюрьмы, додумался лишить заключенныхъ тамъ и возвышающихъ художественныхъ произведеній!

Я не въ силахъ описать или сосчитать, сколько часовъ, а можетъ-быть и дней подрядъ проводилось среди фантастическихъ

видѣній, навѣянныхъ романомъ. Когда запрещеніе съ нихъ было снято, къ намъ поплыли и въ библіотеку, и въ переплетную—для чтенія всевозможныя творенія этого рода, просто изящныя и изящныя во всѣхъ отношеніяхъ, и вовсе не изящныя. Много было корифеевъ всемірной литературы, старыхъ, старинныхъ, и новыхъ, и новѣйшихъ. Были, съ позволенія сказать—беллетристы, вродѣ знаменитаго при «Свѣтѣ» Гейнце. Когда отношенія съ жандармами шли ровнымъ и мирнымъ ходомъ, они присылали намъ переплетать и читать всякую дребедень. Серьезнаго у нихъ почти не было, романовъ же—хоть прудъ пруди! Почти вся библіотека при ихъ канцеляріи состояла, главнымъ образомъ, изъ романовъ, и множество изъ нихъ было переплетено и прочитано нами.

Это было, конечно, развлеченіемъ, которому отдавались только временами и, между прочимъ, особенно же лѣтомъ на дворѣ, и часто въ компаніи, гдѣ при этомъ желающіе занимались кой-какимъ рукодѣльемъ.

XX.

Серьезными же вещами мы занимались, большею частію въ одиночку и въ первые годы могли обсуждать ихъ только одинъ на одинъ со своимъ товарищемъ по прогулкѣ. Это касалось какъ разнородныхъ научныхъ вопросовъ, такъ въ частности экономическихъ и политическихъ. Благодаря этому мы долго не могли подмѣтить разногласій, незамѣтно и постепенно назрѣвавшихъ въ нашей средѣ.

Всѣ мы, за исключеніемъ Яновича и Варынскаго, были приговорены судомъ какъ члены партіи Народной Воли, и потому въ политическихъ и экономическихъ воззрѣніяхъ, какъ думалось, были солидарны. На самомъ же дѣлѣ, первые годы уединенныхъ размышленій не прошли даромъ.

Позднѣйшихъ марксистовъ обыкновенно упрекали за ихъ догматичность, слѣпое довѣріе къ авторитету и нежеланье критически относиться къ истинамъ, которыя, можетъ быть, и вѣрны, но не безспорны, какъ безспорны напр. математическія аксіомы. Мнѣ сдается, что старые народовольцы грѣшили этимъ въ неменьшей степени.

Да иначе и быть не можетъ. Всякая партія, вынужденная скрываться въ подполье и лишенная возможности открыто обсуждать свои принципы и программные вопросы, слишкомъ многое беретъ на вѣру, и потому бываетъ слишкомъ строга къ правовѣрію своихъ адептовъ, незамѣтное уклоненіе которыхъ въ иномысліе можетъ угрожать самому существованію партіи.

По крайней мѣрѣ у насъ, когда обнаружилось при самомъ началѣ общественныхъ сношеній, что нѣкоторые болѣе или менѣе давно таили въ себѣ упорную склонность къ соціалъ-демократіи, изъ стариковъ многіе отнеслись къ ней очень и очень сурово и, какъ водится, свысока. Пробнымъ камнемъ у насъ, какъ всюду,

былъ вопросъ объ общинѣ, этотъ догматъ своего рода старыхъ народниковъ. И дебаты о ней у насъ, какъ и вездѣ, были столь же горячи, страстны и ожесточенны, какъ и всюду на Руси. Когда открылось, что изъ насъ нѣсколько человѣкъ (Яновичъ, Лукашевичъ, Шебалинъ, Морозовъ и я) не только не поклонники общиннаго быта, но не прочь и совсѣмъ разрушить его, насъ готовы были обвинить въ настоящей измѣнѣ не только святымъ завѣтамъ всей передовой русской литературы, изъ которой партія Н. В. почерпала матеріалы для своей экономической программы, но и „святому дѣлу служенія народу“ вообще.

Но какъ ни остры и ожесточенны были пренія, особенно на первыхъ порахъ, отпавшихъ еретиковъ нельзя было переубѣдить, и волей неволей наша единая партійная семья раскололась. Мы устремили все свое вниманіе въ городъ и на фабрики. А тѣ, главнымъ образомъ, въ деревню и на интересы земледѣлія. Мы привѣтствовали капитализмъ какъ силу, не только организующую рабочихъ и составляющую революціонные кадры, но и созидающую промышленное богатство *страны*. Они же предавали его проклятію, какъ причину обезземеленія и обѣдненія *народа*.

XXI.

А затѣмъ все остальное шло какъ по маслу, до буквальности сходно съ тѣмъ, что дѣлалось вездѣ, какъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, такъ и въ Средне-Колымскѣ. По крайней мѣрѣ въ одномъ очеркѣ Тана изъ жизни города Пропадинска я помню картинку преній на экономическія темы — такого рода, что если подъ ней подписать: пренія въ Шлиссельбургѣ въ 96 — 98 гг., то ошибки большой не будетъ.

Пренія, особенно горячія и громкія, конечно, изощряли умы, полировали кровь, укрѣпляли легкія и даже усиливали аппетитъ, что при сидячей жизни было далеко не лишнее. И несомнѣнно, помогали укрѣплять позиціи другъ друга.

Объективно говоря, эти разногласія внесли больше разнообразія и оживленія въ нашъ умственный міръ, чѣмъ было бы въ томъ случаѣ, если бы мы были въ общемъ всѣ болѣе или менѣе согласны. Умственный застой и китаизмъ наступаетъ какъ разъ тогда, когда изъ общества изгнано все, что можетъ противорѣчить разъ установленнымъ принципамъ и обычаямъ. Даже и теперь, несмотря на разность воззрѣній, при ежедневныхъ встрѣчахъ и частыхъ спорахъ мы до такой степени изучили другъ друга, что заранѣе могли угадать, что скажетъ тотъ или другой изъ насъ по тому или другому поводу. Что же было бы, если бы этой разности во взглядахъ не существовало, и если бы каждый видѣлъ въ своемъ сосѣдѣ свое другое интеллектуальное *я*?

Не было у насъ примѣра съ тѣхъ поръ, какъ мы раскололись, чтобъ кто-нибудь, убѣдившись доводами противной стороны, перешелъ въ другой лагерь. Очевидно, что-то лежало въ природѣ че-

ловѣка, по крайней мѣрѣ въ природѣ его познавательной способности, въ силу чего одинъ примыкалъ болѣе къ марксизму, другой къ народничеству, какъ говорили тогда, къ с. д. и с. р., какъ сказали бы теперь.

И какъ ни жестоки были наши пренія, у насъ не было также примѣра, чтобъ они перешли во вражду исключительно на принципіальной почвѣ, и чтобы теоретическіе контры отразились на обостреніи или измѣненіи нашихъ взаимныхъ чувствъ и отношеній. Между тѣмъ какъ на волѣ я слыхалъ, что расторгались даже супружескія пары единственно по той причинѣ, что мужъ с. д., а жена с. р. или наоборотъ.

Очевидно, несмотря на всю страстность, наши споры все же были слишкомъ далеки отъ жизни.

XXII.

Впрочемъ, о превращеніи нѣкоторой части народниковъ въ эсъеровъ мы ровно ничего не знали до іюня 1905 г., когда къ намъ привели изъ старой тюрьмы М. М. Мельникова, который сообщилъ кое-что. Болѣе подробно посвятилъ насъ въ новый кругъ идей Г. А. Гершуни, всего за мѣсяцъ до выхода. Развитіе же и аргументацію этихъ идей мы встрѣтили въ печати только по выходѣ на свѣтъ Божій.

И здѣсь ничто такъ не опечалило насъ, какъ антагонизмъ двухъ направленій русской экономической мысли и экономической политики, какъ разъ въ тѣ дни, когда необходимо было говорить только о солидарности да единеніи на почвѣ завоеванія новыхъ конституціонныхъ свободъ, не вышедшихъ еще изъ фазы пустыхъ обѣщаній. Намъ казалось, что если еще можно раздувать антагонизмъ, взаимно пикируясь упреками въ невѣжествѣ и непониманіи соціальной азбуки, и заниматься выясненіемъ своихъ разногласій въ минуты досуга, политическаго затишья или полнаго торжества, то дѣлать это подъ Дамокловымъ мечемъ можно было только подъ вліяніемъ либо крайняго легкомыслія, либо партійной ослѣпленности. Такое же, какъ мнѣ казалось, легкомысліе сказалось потомъ и въ рѣшеніи бойкотировать Думу.

Но здѣсь я уже выхожу изъ предѣловъ идейныхъ распрей въ нашемъ собственномъ застѣнкѣ. И чтобы войти опять въ него, я напомню, что какъ было у насъ, такъ остается и доселѣ, т.-е.: тюрьма неизбѣжно ровняетъ всѣхъ, и вчерашніе ярые противники на митингѣ, сегодня могутъ встрѣтиться рядомъ въ однихъ и тѣхъ же узахъ, гдѣ они должны дружески совмѣстно влачить унылое существованіе и помышлять лишь о томъ, чтобы какъ можно меньше досаждать и огорчать другъ друга.

XXIII.

Такимъ образомъ, со стороны интеллектуальной нашу жизнь нельзя назвать ни совершенно безсодержательной, ни совершенно

безплодной. Идейный интересъ у насъ всегда стоялъ очень высоко, и мы старались какъ-нибудь удовлетворить его всѣми тѣми источниками, какіе только находились въ нашемъ распоряженіи. Въ основныхъ соціально-политическихъ взглядахъ мы такъ или иначе плелись за своимъ вѣкомъ и теперь не кажемся отсталыми.

Но нужно сознаться, что собственно въ политическомъ прогнозѣ, и въ частности въ вопросѣ о близости переворота наши теоретическіе взгляды не оказали намъ существенной услуги. Нужно сказать болѣе. Поддерживая въ насъ душевную бодрость и оживляя надежды на возможность политическаго краха въ болѣе или менѣе неопредѣленномъ будущемъ, они не могли хоть приблизительно намѣтить намъ срока для этого вожделѣннаго конца. Въ этихъ вещахъ даже глубокіе и притомъ вполнѣ освѣдомленные умы не могли опередить своего времени и дать точныя предсказанія.

А когда началась война съ Японіей, и большинство изъ насъ тотчасъ порѣшило на основаніи своихъ общихъ историческихъ и соціальныхъ знаній, что страна съ такимъ политическимъ режимомъ, какъ Россія, не можетъ вести побѣдоносной войны, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, несмотря на свою теоретическую освѣдомленность, были ослѣплены чувствомъ патріотизма и судили совершенно иначе. Когда они желали побѣды Россіи, то свое желаніе аргументировали не идейными доводами, — доводъ о необходимости для насъ внѣшнихъ рынковъ былъ слабъ, да и взятъ онъ съ чужого плеча, — а, такъ сказать, эмоціональными: «стыдно де быть побитыми» и «нельзя желать сознательно родинѣ такого позора».

Но я уже замѣтилъ выше, что наши интеллектуальные интересы и увлеченія были все таки болѣе или менѣе безжизненны. Можно было построить какую угодно геніальную систему; можно было сдѣлать выдающееся открытіе; можно было обогатить себя самыми разносторонними и полезными свѣдѣніями. И все это, какъ бы оно ни было важно для твоей полуграмотной и некультурной родины, все это останется здѣсь при тебѣ, въ цѣпкихъ рукахъ сознательныхъ гасителей всякаго умственнаго движенія и никогда не увидитъ свѣта. Быть можетъ, случится это; быть можетъ, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, это еще подъ большимъ сомнѣніемъ. И потому такая перспектива не могла оказать ни малѣйшаго содѣйствія твоей работоспособности.

И надо было имѣть по истинѣ необыкновенную голову, чтобъ она, не взирая на полную неопредѣленность благопріятнаго исхода, неустанно работала, работала безцѣльно, совершенно независимо отъ практическаго приложенія своихъ трудовъ къ живому міру...

И я до сихъ поръ не могу сдѣлать рѣшительнаго приговора, вытекала-ли эта интеллектуальная работоспособность просто изъ свойствъ здороваго мозга, требующаго дѣятельности, несмотря ни на что, и проявляющаго ее, какъ проявляетъ птица въ клѣткѣ инстинктъ строенія гнѣздъ безъ всякой надобности въ этомъ;—или-же наша вѣра въ скорое торжество дѣла, которому мы отдали всю

жизнь, была безъ вѣдома насъ самихъ такъ глубоко и прочно заложена въ нѣдрахъ безсознательнаго, что оказывала вліяніе и на наше настроеніе, и на проявленіе и направленіе умственной жизни совершенно независимо отъ нашего сознанія. Вѣрнѣе всего было и то, и другое, и въ разныхъ лицахъ, и даже въ однихъ и тѣхъ же лицахъ въ разныя времена сказывалось преобладаніе въ нашей внутренней жизни то одного фактора, то другого.

XXIV.

Но умственная жизнь, будь она даже въ 20 разъ глубже и интенсивнѣй, чѣмъ была у насъ, сама по себѣ едва-ли могла напомнить все наше существованіе и дать ему тотъ внутренній смыслъ, безъ котораго не стоило бы и тянуть его. Такія натуры, которыя живутъ исключительно головой, вообще крайне рѣдки. Мы же были почти исключительно всѣ не изъ ихъ числа. Иначе бы мы не попали туда, куда попали.

Нѣтъ, кромѣ тихихъ и безмятежныхъ интеллектуальныхъ радостей, кромѣ еще болѣе тихаго мерцанія чарующихъ надеждъ и упованій, задававшихъ тонъ и поддерживавшихъ нашу мечтательность, у насъ была, какъ я уже упомянулъ въ началѣ, и своя *реальная жизнь*. Когда нѣтъ настоящаго дѣла, суррогатъ его все-же можетъ отчасти успокоить непреодолимую жажду дѣятельности, тотъ своеобразный мускульный зудъ, который знакомъ всякому здоровому человѣку въ минуты вынужденнаго бездѣлья. Этой потребности въ нѣкоторой степени удовлетворяли наши техническія и проч. работы, дававшія кой-какой исходъ творчеству дѣятельной натуры, которая могла не только строить замыслы, но и наслаждаться осуществленіемъ ихъ.

Природа человѣка слишкомъ универсальна. Когда ей не даютъ возможности проявляться нормально въ излюбленномъ ею направленіи, она всѣ свои таланты посвящаетъ на что нибудь другое, временно представляющее интересъ.—Если бы можно было въ настоящую минуту учесть хоть приблизительно то количество чисто геніальныхъ усилій ума и воли, которыя потрачены въ Россіи на то, чтобы обмануть стражу и уйти изъ тюрьмы! Сколько блага было бы принесено родинѣ, если бы эти даровитыя натуры имѣли возможность тратить всѣ свои способности на мирную и продуктивную работу! И сколько трагизма и неизмѣримаго зла скрыто въ такомъ положеніи, когда даровитые люди или гибнутъ подъ гнетомъ, или растрачиваются на борьбу съ нимъ, въ то время, какъ бездарная и грубая, но организованная физическая сила топчетъ и сокрушаетъ все, что стремится на широкій путь прогресса! И какъ ни занимательно подчасъ казалось кому нибудь изъ насъ столярное, токарное или другое подобное «искусство», всегда грустно было видѣть со стороны, какъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, съ широкимъ умственнымъ размахомъ, стоитъ у верстака, точно простой мастеровой и разсуждаетъ, а то и горячо споритъ о раціональномъ способѣ устройства шиповъ или покрытія лакомъ.

XXV.

Я случайно только что упомянулъ о побѣгахъ.

Ни о чемъ такъ долго, упорно и мучительно не мечталось, какъ именно о побѣгѣ. И это несмотря на то, что трезвое сознаніе ясно говорило о полной его невозможности. Это «мечтаніе» находило какъ-то само собой, вдругъ и безъ всякихъ причинъ, изрѣдка лишь по поводу какого-нибудь недосмотра дежурнаго натолкнувшаго на вопросъ: «а что, если бы я воспользовался сейчасъ этимъ?»

Мечтали объ этомъ и въ безсонную ночь, мечтали и днемъ, мечтали и въ зимнюю вьюгу, которая слѣпитъ глаза часовому, и въ яркій лѣтній полдень, который такъ заманчиво манитъ на просторъ полей и на свободное лоно природы. Мечтали объ этомъ тайно наединѣ съ самимъ собой, мечтали и вслухъ, попарно и скопомъ. Но больше всего, кажется, мечтали объ этомъ въ Христову ночь, тогда, казалось, всѣ до такой степени проникнуты мыслью о возстаніи изъ гробовъ и о торжествѣ жизни надъ тлѣніемъ и свободы надъ плѣномъ, что могутъ только привѣтствовать мое освобожденіе и братски обнять всякаго, расторгшаго узы во имя служенія своимъ ближнимъ.

Строились самые правдоподобные и осуществимые проэкты: и какъ выйти изъ зданія, и какъ влѣзть на стѣну, и какъ обойти стоявшаго тамъ часового, спуститься со стѣны и нырнуть затѣмъ въ быстрыя воды Невы, или пуститься зимой по ненадежному и необозримому ледяному полю, и какъ, въ концѣ концовъ, очутиться гдѣ нибудь въ Петербургѣ и отыскать тамъ скорое и вѣрное убѣжище.

И эти мечты съ одинаковымъ упорствомъ лѣзли въ голову какъ тогда, когда у насъ не было еще инструментовъ и мы не имѣли ни малѣйшей возможности выбраться изъ камеры, такъ и тогда, когда перепилить рѣшетку уже не представляло никакого труда, но уйти было столь же невозможно, потому что электрическіе фонари на дворѣ дѣлали для часового замѣтной всякую фигуру во всякую бурную, темную или снѣжную ночь.

Мечты эти, безнадежныя и фантастичныя, были положительно очаровательны и тѣшили своими волнующими перипетіями и воображаемой осуществимостью самыхъ завѣтныхъ и незаглушаемыхъ желаній. Такъ мечтаетъ подчасъ влюбленный юноша о недоступной красавицѣ, которая по общественному положенію ему совсѣмъ не пара, и которая не подавала ему рѣшительно никакихъ надеждъ.

Эти мечты были такъ соблазнительны, навязчивы и вытекали такъ неизбѣжно изъ природы вещей, что для своего возникновенія или обострѣнія не нуждались ни въ какомъ постороннемъ напоминаніи. Поэтому насъ не мало позабавило, когда однажды Гудзь выдалъ намъ очередный № газеты «С.-Петербургъ», въ которомъ нѣсколько строкъ было замарано чернилами. Когда ихъ смыли, оказалось, что тамъ говорится о побѣгѣ одного или нѣсколькихъ

уголовныхъ изъ какой-то провинціальной тюрьмы. Бѣдный смотритель хотѣлъ этимъ способомъ предохранить насъ отъ опасной идеи и отъ тлетворнаго вліянія періодической печати!

Въ послѣдніе годы, когда дошли до насъ свѣдѣнія о подводныхъ лодкахъ, я не мало мечталъ о примѣненіи ихъ для устройства подкопа подъ крѣпостную стѣну прямо въ одинъ изъ нашихъ огородовъ, примыкавшихъ къ этой стѣнѣ. Разумѣется, воображались доброжелатели, которые могли-бы не только взяться за это, но и имѣть средства на пріобрѣтеніе лодки небольшого калибра. Предполагалось, она причалитъ подъ водой къ крутому берегу, и ея обитатели въ водолазныхъ костюмахъ начнутъ подкопъ въ берегъ подъ водой и затѣмъ выведутъ его въ надводную часть берега, гдѣ устроятъ пещеру, съ тайнымъ отверстіемъ для воздуха какъ базу для всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Мнѣ часто представлялось, какъ это легко было бы осуществить, и какъ мы всѣ, по данному сигналу, сбѣжались-бы среди бѣла дня въ огородъ, куда выходитъ подкопъ, и нырнули-бы одинъ за другимъ на глазахъ дежурныхъ въ открытое отверстіе, чтобы тоннелемъ добѣжать до подводной лодки, даже сквозь слой воды, заливавшей начало подкопа отъ лодки. Очевидно, фантазіи Жюля Верна, знакомыя съ дѣтства, нашли здѣсь неожиданное практическое и крайне заманчивое приложеніе.

XXVI.

Но возвращаюсь къ реальной жизни.

Самымъ жизненнымъ нервомъ, который бился постоянно и непрерывно, независимо ни отъ какихъ случайностей, была борьба за «льготы», съ которой, собственно, я и началъ этотъ очеркъ. Это и была наша реальная жизнь, совершенно чуждая мечтаній и фантазій, научныхъ, поэтическихъ или освободительныхъ.

Борьба эта шла или открытая и вполнѣ предусмотрѣнная, или тайная и закулисная, хоть и столь же дѣятельная, или же пассивная, которая сознавалась, какъ отвращеніе отъ своихъ тюремщиковъ, какъ нежеланіе осуществлять какія бы то ни было ихъ распоряженія, какъ постоянный и неослабный антагонизмъ, стремленіе уйти въ себя и всячески оградить себя отъ внезапныхъ и всегда ожидаемыхъ оскорбленій и посягательствъ на свою личность и на свое достоинство.

Эта борьба, въ чемъ бы она ни выражалась, какія бы формы ни принимала, даже въ самые мирные и либеральные дни нашей жизни держала васъ въ состояніи хроническаго раздраженія. Такое раздраженіе, исхода которому почти не было въ активной и разносторонней дѣятельности, отражалось крайне губительно на нервной системѣ. Но въ то же время оно замѣняло до нѣкоторой степени живыя впечатлѣнія, и дѣйствовало на нашу духовную организацію въ такомъ же родѣ, какъ температура дѣйствуетъ на организацію физическую: въ извѣстныхъ предѣлахъ она поддерживаетъ жизнь и составляетъ необходимое условіе для нормальнаго обмѣна ве-

ществъ. За границами-же этихъ предѣловъ дѣйствуетъ болѣзненно или совсѣмъ разрушительно.

Я уже сказалъ ранѣе, что какъ ни ничтожны были объекты тѣхъ благъ, которыя намъ нужно было завоевать, они для насъ были необходимы, какъ minimum, при которомъ мы могли согласиться жить, переносить всѣ прочія лишенія и терпѣливо ждать лучшихъ временъ. Насъ посадили, можно сказать, прямо на голодную смерть, физическую и духовную. У насъ хотѣли отнять сначала самое цѣнное, что было для насъ дороже жизни, и чѣмъ особенно мы были ненавистны нашимъ врагамъ,—нашу духовную личность, и доведя насъ до послѣдней степени отупѣнія и обезволенія, заморить окончательно медленною и благовидною смертью.

Перспектива была настолько угрожающая, что она чуть не въ первые же дни вызвала самыя рѣшительныя дѣйствія со стороны Мышкина и Минакова. Затѣмъ цѣлый рядъ мелкихъ стычекъ, главнымъ образомъ за право перестукиваться и гулять вдвоемъ, закончился необыкновенно трагическимъ самоубійствомъ Грачевскаго.

Я пріѣхалъ въ тюрьму тогда, когда наиболѣе острый, такъ сказать террористическій періодъ борьбы уже закончился и перешелъ въ болѣе мирный, о которомъ только я и могу теперь говорить.

XXVII.

Борьба эта велась уже болѣе или менѣе парламентарнымъ способомъ, и, какъ водится въ тюрьмахъ, до нѣкоторой степени своимъ бокомъ. Я уже говорилъ кое-что объ этомъ, когда рѣчь была о нашей голодовкѣ. Въ парламентскихъ-же дебатахъ съ начальствомъ принимали участіе или охотники, иногда самые зубастые, или депутаты, т. е. лица, завѣдующіе тѣми или другими интересами нашей жизни, съ тѣхъ поръ какъ у насъ установилось самоуправленіе, или просто случайные индивиды, настигнутые такъ или иначе на какомъ нибудь «правонарушеніи», и въ своемъ самооправданіи старавшіеся доказать полную несостоятельность и даже безнравственность либо безчеловѣчность самого «закона».

Парламентскія и дипломатическія рѣчи, образцы которыхъ уже приводились въ прежнихъ очеркахъ, велись или ровно, спокойно, покладливо, или бурно и рѣзко, смотря по существу дѣла и настроенію заинтересованныхъ сторонъ. Иногда, заявленіе, подробно мотивированное, препровождалось начальнику управленія на бумагѣ. Бывало, что этотъ способъ даже поощрялся, особенно при Гудзѣ, который, можетъ быть, хотѣлъ снять съ себя всякую обузу въ дѣлѣ передачи нашихъ ходатайствъ по командѣ.

Когда простая ораторская рѣчь или спокойные доводы разсудка не дѣйствовали, тогда пускались въ ходъ, какъ и въ парламентахъ, угрозы съ болѣе или менѣе прозрачными намеками на вооруженную борьбу, или вмѣшательство всей націи in corpore, или на какія нибудь опредѣленныя дѣянія мятежническаго характера, нарушающія стройное теченіе жизни и сулящія администраціи запросы и разные реприманды изъ Петербурга.

Но какъ бы не велась эта борьба, какъ бы ни были рѣдки серьезныя активныя мѣропріятія рѣшительнаго характера, вся жизнь человѣка безправнаго, стоящаго внѣ закона, въ рукахъ грубыхъ тюремщиковъ, неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ, держала насъ въ состояніи какого-то непрерывнаго воинственнаго напряженія, и въ ежедневномъ ожиданіи какихъ нибудь неожиданныхъ случайностей. Въ такомъ состояніи, какъ кажется, находятся въ настоящую минуту цѣлыя мѣстности, «сильно и чрезвычайно охраняемыя». Конечно, и наша стража, хотя она и не носила при себѣ оружія, чувствовала себя постоянно на военномъ положеніи.

XXVIII.

Никакихъ правилъ, установленныхъ для насъ заботливой администраціей, мы не признавали. Никакія ихъ распоряженія не считали для себя обязательными. Никакіе аргументы не могли насъ убѣдить ни въ святости, ни въ справедливости, ни въ необходимости этихъ правилъ. Соблюдали мы ихъ только подчиняясь неопреодолимой силѣ, и до тѣхъ поръ, пока эту силу можно было или взять хитростью, или устранить какъ нибудь иначе. Поэтому ни одного дня никто изъ насъ не былъ увѣренъ, что онъ соблюлъ всѣ «заповѣди» и что къ нему не зайдетъ вечеромъ смотритель учинить какое нибудь мздовоздаяніе.

Одинъ видъ этого неожиданнаго и незваннаго посѣтителя, являющагося безъ доклада и безъ церемоніи, со спеціальной охраной изъ одного или двухъ унтеровъ, способенъ былъ всякаго вывести изъ равновѣсія, а болѣе нервнаго уколоть до боли, или воспламенить какъ порохъ. Нужно было много самообладанія и весьма продолжительную привычку, чтобъ относиться спокойно и отвѣчать безъ дерзостей офицеру, который самое вступленіе въ ваше жилище начинаетъ съ того, что беретъ васъ подъ арестъ, т. е. ставитъ возлѣ васъ стражу и тѣмъ напоминаетъ вамъ, что̀ вы можете сдѣлать ему, и чего онъ ждетъ отъ васъ.

Но и независимо отъ этого, даже мягкое и елико возможно деликатно сдѣланное замѣчаніе способно было привести нѣкоторыхъ въ негодованіе, особенно со стороны Гудзя, потому что дѣло возникало изъ за какого нибудь мелочнаго вздора, давать выговоры за который полагается малолѣтнему школяру, а отнюдь не 40-лѣтнему мужу. Для него самое слово «инструкція» ненавистно, какъ напоминаніе и символъ произвола и беззаконія.

Нашимъ товарищамъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ читали инструкцію, въ которой угрожали ни болѣе ни менѣе, какъ 4000 шпицрутеновъ. У насъ же инструкцію, составленную якобы для каторжниковъ, предъявляли Лаговскому, который даже не былъ лишенъ правъ; а инструкцію предназначенную для мужчинъ, вручали женщинамъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, послѣ того, какъ вышелъ законъ, отмѣнившій тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ, инструкція съ упоминаніемъ о 50 розгахъ все еще

вывѣшивалась въ камерахъ нашихъ дамъ. Когда я указалъ «либеральному» Гангардту на эту несообразность,—чтобъ не говорить о беззаконіи,—онъ ничего не могъ возразить кромѣ того, что они вывѣшиваютъ инструкцію въ камерѣ, а кто въ ней сидитъ, это ихъ не касается. Трудно было ладить съ такой инструкціей, о которой сами составители говорятъ, что они не разбираютъ, для кого, собственно, она предназначается, а для кого нѣтъ.

XXIX.

Мнѣ пришлось бы писать и долго, и, можетъ быть, не совсѣмъ правдиво, если бы я сталъ разсказывать разные случаи изъ нашей воинственной практики. Къ тому же таланты военнаго хроникера мнѣ совсѣмъ не свойственны. Да и всѣ эти случаи были столь же мелочны, какъ мелочна была отдѣльная цѣль, къ достиженію которой стремились воюющіе, и могли сойти за «событіе» только лишь въ тюрьмѣ.

Тѣ кто имѣлъ дѣла съ жандармами, особенно если хлопоталъ передъ ними за близкихъ лицъ, находящихся въ ихъ власти, отлично знаютъ, какъ успѣшно дѣйствуетъ на нихъ властный или грубый тонъ, окрикъ, рѣзкія и даже бранныя выраженія, откровенныя угрозы, и вообще такое обращеніе, которое кратко и точно опредѣляютъ, когда говорятъ, что человѣкъ дѣйствуетъ нахрапомъ.

Съ мелкими душонками, продажными, лакействующими всю свою жизнь и трусливыми такой способъ обращенія, говорятъ, всюду даетъ наилучшіе результаты. Онѣ слишкомъ пріучены къ такому тону своимъ начальствомъ. Не даромъ же англійскіе корреспонденты, знатоки нашихъ бюрократическихъ сферъ, не могутъ достаточно надивиться ихъ грубости, невоспитанности и настоящему хамству, которыя бросаются всякому въ глаза въ этихъ сферахъ, и которыя составляютъ полную противоположность англійскому джентльменству.

Вести дѣло съ такими господами, да еще низшаго калибра, джентльменскимъ образомъ—значило неминуемо проиграть его. Деликатное обращеніе къ нимъ въ ихъ глазахъ кажется слабостью, робостью, вообще ничтожествомъ. А они уступаютъ только тогда, когда чего-нибудь опасаются. Просителямъ, какъ общее правило, у насъ даютъ только голыя обѣщанія, особенно, если они являются съ пустыми руками. Если хочешь чего-нибудь добиться, требуй настойчиво, и твои требованія, хотя бы они имѣли только видимость вѣса, скорѣй достигнутъ цѣли.

Кто всю свою жизнь только и дѣлаетъ, что исполняетъ чужія приказанія не разсуждая, у того въ природѣ заложена и практикой развита большая склонность впадать въ растерянность и уступать при всякомъ *властномъ* окрикѣ. Все грубое и рѣзкое импонируетъ ихъ грубому уму какъ сила, и они невольно уступаютъ ей, даже не отдавая себѣ отчета.

Всѣ эти истины были даже не очевидны для насъ въ началѣ нашей жизни и выведены были потомъ, болѣе или менѣе невольно, какъ резюме изъ нашихъ сношеній съ жандармами. Въ концѣ концовъ сложилось убѣжденіе, котораго мы не скрывали и отъ нихъ самихъ: если хочешь чего нибудь добиться отъ нихъ, выругай ихъ хорошенько или учини какую нибудь другую грубую непріятность, которую они *почувствовали* бы, потому что *понимать* доводы не всякій изъ нихъ былъ въ состояніи.

Благодаря этому тотъ изъ насъ, кто чувствовалъ себя въ силахъ стать съ ними на одинъ уровень и, во имя правила: «на войнѣ какъ на войнѣ», не церемонился съ ними, скорѣе достигалъ желательныхъ результатовъ. Напр. мы всю жизнь тщетно добивались, чтобъ намъ давали къ чаю настоящій, а не остуженный кипятокъ. И все было напрасно. Въ послѣдній годъ Г. А. Лопатинъ сдѣлалъ письменное обращеніе по этому поводу къ Яковлеву съ выраженіями не вполнѣ удачными для печати, но чрезвычайно энергичными и краснорѣчивыми. Посланіе подѣйствовало, и послѣ этого ему отдѣльно стали нагрѣвать маленькій самоваръ и приносить его въ камеру въ тотъ часъ, когда остальнымъ раздавали обычный кипятокъ.

Вотъ еще почему я не вхожу въ подробности, говоря о способахъ борьбы. Многіе изъ нихъ были не вполнѣ естественны и, можетъ быть, это, какъ разъ, тѣ, которые оказались наиболѣе успѣшными. Однажды напр. К. Ф. Мартыновъ, выведенный изъ себя смотрителемъ Федоровымъ, который запрещалъ ему лазить на окно, просто на просто плюнулъ ему въ физіономію чрезъ открытую форточку въ двери. За это онъ былъ закованъ въ кандалы и затѣмъ высидѣлъ съ полгода въ строгомъ карцерѣ въ старой тюрьмѣ. Потомъ Федоровъ съ нимъ помирился, а лазанье на окно перестало быть преступнымъ.

XXX.

Самое «буйное» и всеобщее выступленіе у насъ было одно, это 2 марта 1902 г. Я уже не разъ упоминалъ объ этомъ вскользь. Когда перехвачено было у солдата письмо Попова къ матери, у насъ тотчасъ же отняли многія изъ прежнихъ льготъ. Въ тотъ же день вечеромъ, когда всѣ мы, не зная причины, были крайне огорошены и возбуждены, у С. Иванова вышло обычное «столкновеніе» со смотрителемъ. С. Ивановъ закрылъ глазокъ въ двери и не хотѣлъ «подчиниться» требованію смотрителя, мотивируя это тѣмъ, что дежурный раздражаетъ его, когда заглядываетъ.

Тогда Гудзь, во исполненіе приказа полковника Обуха, распорядился связать непослушнаго и перенести въ карцеръ, такъ какъ добровольно онъ отказался идти. Сидѣлъ С. Ивановъ рядомъ со мной справа, а пустая камера, въ которую должны были перенести его, была рядомъ со мной слѣва. Я слышалъ, какъ заходили къ нему зачѣмъ-то раза два и вели какіе-то переговоры, и чуть-

емъ догадался, что происходитъ что-то неладное. Поэтому я сталъ внимательно прислушиваться, и когда къ нему вошли въ камеру еще разъ, я услыхалъ легкую возню и полусдавленный слабый крикъ:

— «Доктора зовите, доктора!»

Моментально, не помня себя, я схватилъ швабру и ея палкой сталъ со всей силы барабанить въ дверь. Точно по сигналу, началось тоже самое во всѣхъ другихъ камерахъ: всякій, очевидно, орудовалъ тѣмъ, что было подъ руками. Вышелъ концертъ, подобнаго которому не слыхала наша тюрьма съ начала своихъ дней.

Недавно мнѣ пришлось слышать, что такой же концертъ, но разъ въ 20 болѣе сильный, происходилъ въ Бутыркахъ въ ноябрѣ 1905 г. А теперь, навѣрное, гдѣ только онъ не происходитъ!

Стуки, крики: «палачи, изверги, кровопійцы» и проч. и какое то громоподобное уханье, точно вышибалъ кто то свою дверь тараномъ, продолжались съ полчаса, поочередно то замирая, то вновь поднимаясь. Кто кричалъ: «смотрителя сюда!» кто: «полковника!» кто: «доктора!» Полковникъ быстро явился и снизу корридора подавалъ успокоительное заявленіе въ такомъ родѣ, что ничего, молъ, особаго не происходитъ, связали только человѣка, который не хочетъ идти въ карцеръ.

Тѣмъ временемъ С. Иванова, который тотчасъ же лишился сознанія, перенесли мимо моей двери въ пустую камеру, а Поповъ, сидѣвшій съ другой стороны отъ него, потребовалъ, чтобы его пустили посмотрѣть, въ какомъ состояніи находится нашъ товарищъ. Смотритель выпустилъ было его, но онъ не успѣлъ дойти, какъ снизу послышался приказъ полковника: «не надо!» Его повлекли насильно обратно, онъ что то кричалъ, а мы всѣ снова усиленно колотили въ двери. Словомъ, точно по волшебству, всегда мертвенно тихая тюрьма превратилась въ буйное отдѣленіе сумасшедшаго дома.

Доктора все таки пришлось позвать. Онъ привелъ въ чувство С. Иванова и просидѣлъ у него съ $^1/_2$ часа. Съ его появленіемъ въ тюрьмѣ все тотчасъ успокоилось. Больной пролежалъ еще дня 2—3 въ пустой камерѣ. На желѣзной обшивкѣ дверей остались знаки этой вспышки, незадѣланные до сихъ поръ. А въ нервахъ, по крайней мѣрѣ у меня, долго чувствовалась такая встряска и боль, подобной которой я еще ни разу не испытывалъ.

Черезъ день послѣ этого, Вѣра Николаевна сорвала погоны съ Гудзя въ видѣ протеста за учиненное насиліе и съ цѣлью довести его до свѣдѣнія высшихъ властей, такъ какъ письмо къ ея матери, въ которомъ былъ намекъ на это, Гудзь отказался переслать.

Болѣе мелкія и одиночныя выступленія подобнаго сорта производились еще не разъ. Но любопытно, что у насъ ни разу не были выбиты стекла въ окнахъ, что такъ нерѣдко случается въ нашихъ политическихъ узилищахъ въ видѣ протеста противъ того или другого беззаконнаго лишенія.

XXXI.

Немыслимо, конечно, перечислить хоть съ нѣкоторой полнотой всѣ *права*, которыя были въ концѣ концовъ добыты этой мелочной, повседневной и раздражающей борьбой. Назову только для курьеза нѣкоторыя изъ нихъ, потому что въ приложеніи къ такимъ житейскимъ актамъ терминъ «право» можно употребить только въ видѣ шутки. Право стучать, шумѣть, свистать и пѣть, право лазить на окно или заборъ (чтобы укрѣпить вьющееся растеніе, или придѣлать навѣсъ), право подкапывать заборъ, имѣть желѣзную лопату, передавать въ огородѣ записки другъ другу, останавливаться другъ съ другомъ при встрѣчѣ, особенно же съ дамой, или на корридорѣ у двери камеры, заходить въ пустую чужую камеру, тушить огонь, завѣшивать окно отъ солнца или холода, стричься подъ гребенку, мыться наединѣ и еженедѣльно, имѣть при себѣ разомъ нѣсколько книгъ, бумагу и чернила, держать на окнахъ цвѣты, дѣлать для самого себя мебель или принадлежности костюма, имѣть вилку и ножъ, чайную ложку, бѣлье, хлѣбъ, кофе, ягоды, фрукты и разныя другія «самовольныя» снѣди и проч. и пр.

Предѣлы ограниченій и запрещеній были столь же неограничены, какъ неисчерпаемы предѣлы человѣческой жестокости и самодурства.

Въ безправномъ государствѣ общество добивается «пяти свободъ», необходимыхъ ему для его нормальной жизни. Какъ ни важны эти «свободы», ихъ сравнительно очень немного. Всѣми остальными правами всякій обыватель пользуется, болѣе или менѣе, невозбранно. И уже давно прошли времена, когда запрещалось напр. носить одежды пурпурнаго цвѣта, или когда Фридрихъ Великій ходилъ по улицамъ своей столицы и самолично слѣдилъ своимъ королевскимъ носомъ, не пахнетъ ли откуда жаренымъ кофе.

Мы же всѣ были обращены именно въ то первобытное состояніе, при которомъ рабу не разрѣшалось ничего, на что не соизволитъ воля господина. И потому, намъ шагу нельзя было ступить безъ того, чтобы не натолкнуться на преграду и не войти въ столкновеніе съ унтерами, которые нарочно поставлены охранять ее, и съ властями, которыя ежедневно являлись провѣрять строгость надзора. Не было ни малѣйшей возможности уйти отъ охранителей, чѣмъ такъ широко пользовался русскій обыватель до послѣдняго времени.

На психику же нашу всѣ перипетіи борьбы дѣйствовали почти столь же рѣшительно, какъ и перипетіи настоящей борьбы. Удачи и неудачи, побѣды и пораженія, наступленія и отступленія, разрывъ сношенія съ тюремщиками и временное замиреніе, а надъ всѣмъ этимъ ежедневное ожиданіе новыхъ насилій, либо возврата къ старымъ лишеніямъ,—все это по прежнему оставляло насъ въ почти

непрерывномъ и безнадежномъ революціонномъ напряженіи. Оно давало иллюзію жизненности и нѣкоторой осмысленности нашему прозябанію въ царствѣ полнаго застоя и разрушенія. Не давало оно только одного: сознанія важности и величія этой борьбы да чувства нравственнаго удовлетворенія.

У меня, по крайней мѣрѣ, всегда копошился гдѣ-то въ тайникахъ предательскій вопросъ: да стоитъ ли хлопотать о поддержаніи и разнообразіи жизни безъ полной увѣренности на освобожденіе отсюда? Не унижается ли въ ней человѣкъ, когда онъ практикуетъ и культивируетъ въ себѣ неслыханное, но чисто воловье терпѣнье? И не лучше ли было бы, не входя въ компромиссы, доставить нашимъ врагамъ удовольствіе—заморить насъ поскорѣе, и настоящимъ образомъ? Быть можетъ, тѣ, кто не вынесъ такого режима, обладали наиболѣе высокой и утонченной организаціей, подобно тѣмъ высокопарящимъ свободнымъ птицамъ, которыя не выдерживаютъ заключенія въ клѣткѣ и гибнутъ въ тоскѣ по синему небу и необъятному воздушному простору...

И только мысль о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на самые благонамѣренные умы длительное истязаніе людей, провинившихся только тѣмъ, что они слишкомъ рано и слишкомъ горячо стремились къ обновленію своей родины, эта мысль отчасти примиряла съ практикой безконечнаго терпѣнья. И, можетъ быть, правы эти благонамѣренные умы, негодуя противъ безсрочнаго заключенія сильнѣе, чѣмъ противъ быстраго умерщвленія, ибо даже нѣкоторые изъ насъ, у кого терпѣніе успѣло истощиться, считали смертную казнь болѣе легкимъ наказаніемъ...

XXXII.

Для насъ не было секретомъ, что всѣ физическія и проч. лишенія наложены были на насъ планомѣрно для того, чтобы «сломить волю заключенныхъ». Власти, насаждавшія всюду безволіе и покорность, не могли мириться съ мыслью, что есть люди готовые проявить необычайный запасъ своей энергіи въ направленіи совершенно для нихъ невыгодномъ, которое они такъ-таки откровенно и называли направленіемъ «вреднымъ». Но они были все же недостаточно дальновидны. Уступая понемногу, въ силу необходимости, они тѣмъ самымъ доставляли намъ практику борьбы, которая, какъ извѣстно, закаляетъ духъ, а вовсе не разслабляетъ.

И я нерѣдко думалъ, что было бы съ нами, еслибы съ первыхъ же дней насъ посадили въ условія полнаго довольства, еслибы намъ доставлялось все, чего бы мы ни пожелали, кромѣ самой свободы и возможныхъ безконтрольныхъ сношеній съ волей? Сытое, бездѣльное и спокойное существованіе не сломило ли бы душевной энергіи у большинства изъ насъ гораздо скорѣе и гораздо вѣрнѣе, чѣмъ жизнь полная лишеній и борьбы противъ нихъ?

По крайней мѣрѣ, житейская практика превращенія бунтующихъ студентовъ въ мирныхъ и сытыхъ буржуа говоритъ за это. Не

даромъ же такой опытный авантюристъ, какъ Наполеонъ III, говаривалъ, что онъ боится голодныхъ и тощихъ, и совсѣмъ не боится сытыхъ и толстыхъ. Раздражаніе противъ властей всегда и всюду прямо пропорціонально тому гнету, которымъ онѣ награждаютъ подданныхъ. Послѣдній годъ сдѣлалъ эту истину почти очевидной для всѣхъ. И кому суждено будетъ дожить до настоящаго и подлиннаго «замиренія», т. е. уничтоженія произвольныхъ гоненій и лишеній за то, что нигдѣ въ Европѣ не составляетъ преступленія, тотъ увидитъ подтвержденіе этой истины и съ обратной стороны, т. е. какъ легко примиряются съ правительствомъ даже непримиримые, лишь только они добизаются отъ него всего, что необходимо для правильной политической жизни.

А потому, теперь, когда миновала насъ эта горькая и жгучая чаша шлиссельбургскихъ страданій, я могу, по крайней мѣрѣ за себя, выразить нѣкоторое чувство удовлетворенія за то, что въ горнилѣ лишеній прочно выковали во мнѣ чувство непреодолимаго отвращенія къ насилію всякаго рода и способность къ глубокому негодованію на все, что носитъ на себѣ хоть тѣнь произвола и самовластія, тормозящаго свободное и всестороннее развитіе всякой человѣческой личности.

И можно быть увѣреннымъ, что практика массовыхъ ссылокъ, которая теперь развертывается безъ удержу, есть наилучшая практика для вкорененія и закрѣпленія въ широкихъ кругахъ народа самыхъ интенсивныхъ и навѣки неослабныхъ гражданскихъ чувствъ, наличность которыхъ составляетъ необходимый базисъ для установки прочнаго, свободнаго и закономѣрнаго государственнаго порядка.

М. Новорусскій.

Выборгъ
29 августа.

Письмо Пушкина къ П. А. Осиповой.

Vous ne cessez de m'accabler de vos bontés; je suis à vos pieds tout confus et tout reconnaissant. Je viens d'écrire à Pouschtchine concernant son affaire, demain j'espère avoir la réponse. Sans adieu, Madame, j'espère aujourd'hui être plus heureux qu'hier.

Votre tout devoué

Pouchkine.

Переводъ. Вы прямо подавляете меня своей добротой; я у вашихъ ногъ, совершенно сконфуженный и благодарный. Только что написалъ Пущину насчетъ его дѣла, завтра надѣюсь имѣть отвѣтъ. Не прощаюсь, надѣюсь сегодня быть счастливѣе, чѣмъ вчера.

Преданный Вамъ

Пушкинъ.

Это письмо Пушкина печатается впервые. Отъ вниманія послѣднихъ издателей Пушкина, гг. Ефремова и Морозова, оно ускользнуло, несмотря на то, что о немъ говорится въ „Отчетѣ Имп. Публичной Библіотеки за 1899 г." (СПБ., 1903 г., стр. 152). Въ библіотеку оно пожертвовано внучкой П. А. Осиповой, М. Б. Карповой. Письмо набросано на нижней половинѣ согнутой вдвое четвертушки простой, тонкой бумаги, безъ всякихъ знаковъ; чернила изрядно выцвѣли.

Судя по почерку, оно относится къ началу тридцатыхъ годовъ. Близкій ко двору и высшимъ сферамъ Пушкинъ иногда бралъ на себя хлопоты по дѣламъ своихъ друзей и знакомыхъ. Какъ любезно сообщилъ мнѣ Б. Л. Модзалевскій, изъ имѣющихся въ его распоряженіи и еще не опубликованныхъ данныхъ видно, что П. А. Осипова вела длинное тяжебное дѣло съ своимъ сосѣдомъ по имѣнію, Серг. Ив. Пущинымъ, по смерти котораго судилась съ его сыномъ, генералъ-маіоромъ Павломъ Сергѣевичемъ Пущинымъ. О немъ-то и упоминаетъ въ настоящемъ письмѣ Пушкинъ. Письмо Пушкина къ нему, о которомъ говоритъ поэтъ, не дошло до насъ.

Н. Лернеръ.

Рѣчи подсудимыхъ въ процессѣ 17.

Печатая въ настоящей книжкѣ «Былого» рѣчи нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ по процессу 17-ти народовольцевъ и замѣтку по поводу этого процесса А. П. Прибылевой-Корба, напоминаемъ нашимъ читателямъ, что въ 10 № «Былого» мы дали обвинительный актъ по этому дѣлу, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ напечатанъ въ 1 № «Вѣстника Народной Воли» и только добавили недоставшую тамъ по случайной причинѣ главу о событіи 1-го марта 1881 г.

Въ 11 № мы напечатали воспоминанія участника процесса А. В. Прибылева. Но и этимъ мы не думаемъ ограничиться и надѣемся еще не разъ вернуться къ печатанію матеріаловъ по процессу 17-ти,—ибо придаемъ ему, какъ и другимъ крупнымъ народовольческимъ процессамъ, огромное значеніе. Мы должны, однако, обратить вниманіе своихъ друзей-читателей на крайнюю трудность собиранія и провѣрки матеріаловъ по политическимъ дѣламъ,—теперь—спустя 20—25 лѣтъ—, когда многіе изъ главныхъ ихъ участниковъ уже сошли со сцены и когда потеряны навсегда многіе изъ драгоцѣнныхъ документовъ. Это то обстоятельство и заставляетъ насъ спѣшить съ опубликованіемъ имѣющихся у насъ документовъ и поэтому-то мы обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей-друзей на возможно болѣе детальное изученіе всего касающагося главныхъ народовольческихъ процессовъ: Квятковскаго, Желябова, Михайлова, Грачевскаго, Фигнеръ, Лопатина и Ульянова.

Ниже мы помѣщаемъ статью А. П. Корба, которая, надѣемся, послужитъ къ дальнѣйшему изученію вопроса и устраненію одной изъ связанныхъ съ процессомъ 17-ти ошибокъ, невольно допущенныхъ въ заграничной прессѣ. Нѣкоторыми изъ извѣстныхъ участниковъ революціоннаго движенія намъ обѣщаны статьи о предательской дѣятельности Дегаева въ 1883 г., которыя много выясняютъ изъ того, о чемъ говоритъ А. П. Корба. По свѣдѣніямъ этихъ лицъ, статья о процессѣ 17-ти въ 1 № «Листка Народной Воли», дѣйствительно, была доставлена Дегаевымъ и составлена подъ вліяніемъ Судейкина. Въ іюлѣ и августѣ 1883 г. Дегаевъ ѣздилъ за границу и тамъ далъ для редакціи «Вѣстника Народной Воли», конечно, опять-таки съ согласія Судейкина, ложныя свѣдѣнія объ участникахъ процесса 17-ти. Редакторы и издатели «Вѣст-

ника Народной Воли» не знали истинной роли Дегаева и не могли разобраться въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ доставилъ. Нельзя не пожалѣть, что провѣрка свѣдѣній стала производиться такъ поздно,—но лучше это сдѣлать поздно, чѣмъ оставлять въ литературѣ ложныя свѣдѣнія безъ ихъ опроверженія.

Мы печатаемъ рѣчи нѣкоторыхъ подсудимыхъ процесса 17-ти съ очень рѣдкаго гектографированнаго изданія 1883 года, но должны оговориться, что мы не имѣемъ возможности провѣрить, насколько въ деталяхъ вѣрно они передаютъ то, что было подсудимыми сказано на судѣ, но мы думаемъ, что, печатая ихъ, мы даемъ возможность провѣрить ихъ, пока еще не поздно, свѣдѣніями оставшихся еще въ живыхъ участниковъ этого процесса.

Обвинительный актъ мы напечатали, какъ это сдѣлали раньше съ обвинительнымъ актомъ по процессу 20-ти, и какъ сдѣлаемъ съ другими обвинительными актами, въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ-подъ пера Желиховскихъ и К°, но само собою разумѣется, что изложенныя въ такого рода произведеніяхъ жандармско-прокурорскаго усердія свѣдѣнія о показаніяхъ упоминаемыхъ въ обвинительныхъ актахъ лицъ читатели ни въ какомъ случаѣ не должны принимать на вѣру. Въ нихъ всегда не мало передержекъ, искаженія истины, а то и просто фантазіи. Наша точка зрѣнія на этотъ предметъ является, повторяемъ, *сама собою разумѣющейся*, но во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, мы дѣлаемъ эту оговорку *разъ навсегда*.

Ред.

I.

Рѣчь М. Ѳ. Грачевскаго.

По просьбѣ защитника Первоприсутствующій разрѣшилъ мнѣ говорить. Я хотѣлъ бы дать нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о своей личности. Какъ извѣстно Особому Присутствію, мнѣ 33 года. 18-ти лѣтъ я вышелъ изъ учебнаго заведенія и поступилъ народнымъ учителемъ въ сельскую школу, гдѣ пробылъ одинъ годъ; это было вскорѣ послѣ земскихъ и судебныхъ реформъ; я горѣлъ желаніемъ принести пользу крестьянамъ. Послѣ того, по приглашенію общества нѣмецкихъ колонистовъ города Камышина, я устроилъ имъ нѣмецко-русскую трехклассную школу, гдѣ самъ былъ учителемъ русскаго языка, ариѳметики, географіи и краткой русской исторіи. Въ 1871 г. поступилъ на желѣзную дорогу, гдѣ проработалъ, въ качествѣ слесаря и машиниста $3^1/_2$ года. Каковы были мои идеалы, стремленія, чѣмъ вызывалось горячее желаніе служить, помочь народу, приносить ему не выдуманную, мнимую, а непосредственную и дѣйствительную пользу,—объ этомъ я не буду говорить, такъ какъ это объяснено моимъ товарищемъ Богдановичемъ. Въ 1873 году я былъ арестованъ. Поводомъ къ аресту была присылка тюка цензурныхъ книгъ изъ Петербурга, адресованнаго мнѣ и перехваченнаго жандармами. Между цензурными книгами были вложены

двѣ прокламаціи, которыя мнѣ даже не были показаны при допросѣ производившимъ дознаніе жандармскимъ маіоромъ, присланнымъ спеціально для этой цѣли изъ Петербурга. Подъ арестомъ я былъ недолго и арестъ не имѣлъ для меня значительно дурныхъ послѣдствій, тогда какъ студентъ-технологъ Чиковъ, приславшій мнѣ книги, получилъ въ тюрьмѣ чахотку и въ ней же померъ. Но этотъ арестъ далъ мнѣ сильный нравственный толчекъ; продуктомъ его явилось желаніе поѣхать въ Петербургъ, поступить въ Технологическій Институтъ, закончить теоретическое образованіе своей спеціальности, что я и сдѣлалъ.

При разсчетѣ съ управленіемъ желѣзной дороги, въ награду за почти четырехлѣтнюю службу, я получилъ двухмѣсячный окладъ жалованья сверхъ причитавшихся. Этимъ я хочу сказать Особому Присутствію, что желѣзнодорожная администрація ни до, ни послѣ моего ареста не замѣчала за мной ничего предосудительнаго. Отправляясь въ Петербургъ въ 1874 году, я имѣлъ кромѣ спеціально-образовательной цѣли и другія подобныя: ознакомиться возможно сознательнѣе съ соціально-экономическими вопросами, изучить молодую интеллигенцію того времени, такъ называемое, движеніе ея въ народъ, бывшее уже въ разгарѣ. Это мнѣ легко удалось сдѣлать, имѣя въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ своихъ прежнихъ школьныхъ товарищей. Въ то время я имѣлъ около 25 лѣтъ. Не выходя изъ Технологическаго Института, по рѣшенію и просьбѣ моихъ новыхъ молодыхъ друзей и товарищей, я поступилъ на одинъ изъ механическихъ заводовъ Петербурга слесаремъ съ цѣлью возстановить значительно порванныя связи интеллигенціи съ рабочими заводовъ и фабрикъ, что мною и было сдѣлано, Черезъ два съ половиною мѣсяца по рѣшенію тѣхъ же кружковъ молодой интеллигенціи, а также организовавшихся уже въ то время кружковъ рабочихъ, я отправился съ той же цѣлью въ Москву, гдѣ и былъ черезъ 2 мѣсяца арестованъ, вслѣдствіе излишней, печальной, хотя и понятной и естественной горячности и непрактичности моихъ молодыхъ московскихъ товарищей, порывы которыхъ сдержать въ должныхъ границахъ для поставленныхъ нами цѣлей, я былъ не въ силахъ. Причина этого ареста была столь же пустая, какъ и первая: у меня въ карманѣ было двѣ популярныхъ брошюры заграничнаго изданія, предназначавшихся для чтенія со своими комментаріями на рабочихъ собраніяхъ—брошюрки на мой взглядъ совершенно невиннаго содержанія.

Чтобъ не повторяться и не злоупотреблять вниманіемъ Особаго Присутствія, я не скажу ни слова о цѣляхъ, стремленіяхъ того времени (практическихъ задачъ еще не ставили себѣ никакихъ)—я опять соглашаюсь со всѣмъ, что сказано по этому предмету моимъ товарищемъ Богдановичемъ, такъ какъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, охваченныхъ этимъ движеніемъ, была только детальная разница. На этотъ разъ я пробылъ въ одиночномъ заключеніи въ разныхъ тюрьмахъ Москвы и потомъ Петербурга три съ половиною года, судился въ процессѣ 193-хъ лицъ, приговоренъ былъ судомъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената къ мѣсячному аресту съ ходатайствомъ вмѣнить мнѣ въ наказаніе предварительный арестъ. По выходѣ изъ тюрьмы я былъ такъ слабъ, что чувствовалъ настоятельную необходимость поправить свое здоровье, но въ то же время, не имѣя средствъ, я долженъ былъ приняться за работу. Около мѣсяца я

проработалъ здѣсь въ Петербургѣ на заводѣ, но такъ какъ намъ послѣдовало запрещеніе житья и даже въѣзда въ столицу, я долженъ былъ отправиться въ провинцію. Въ видахъ возстановленія упавшихъ силъ я отправился въ Одессу; поступилъ на желѣзную дорогу помощникомъ машиниста перваго класса, такъ какъ полезное значеніе физическаго труда для организма мнѣ было по опыту хорошо извѣстно. Кромѣ того я могъ въ свободное отъ работы время пользоваться морскими купаньями. Черезъ 2 мѣсяца мое здоровье значительно поправилось. Никакими другими цѣлями, кромѣ поправленія здоровья и пріобрѣтенія средствъ къ жизни, я въ то время не задавался. Несмотря на то въ половинѣ августа 78 г. я былъ снова арестованъ безъ малѣйшаго къ тому повода. На мои неоднократные вопросы о причинѣ ареста представитель мѣстной администраціи и полиція, подъ явнымъ надзоромъ которой я тамъ находился, долго совсѣмъ ничего не могли мнѣ отвѣтить и только черезъ мѣсяцъ я, наконецъ, узналъ, что мой арестъ былъ сдѣланъ по предписанію III Отдѣленія Канцеляріи Его Императорскаго Величества, присланному изъ Петербурга, что они очень жалѣютъ меня и съ своей стороны не видѣли въ моей жизни и дѣятельности ровно ничего предосудительнаго, а имъ былъ извѣстенъ каждый мой шагъ. Черезъ полтора мѣсяца одиночнаго заключенія я былъ отправленъ этапнымъ порядкомъ изъ Одессы въ Архангельскъ въ ссылку безъ опредѣленія срока. Путешествіе продолжалось четыре мѣсяца. Дорогой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ меня заковывали въ ручные кандалы, тогда какъ я по праву почетнаго гражданства существующимъ закономъ освобожденъ отъ этой чести. Нѣсколько словъ, сказанныхъ моимъ товарищемъ Богдановичемъ, объ участи ссыльныхъ въ Сибири и то краткое объясненіе, которое я могу дать, не утомляя вниманія Особаго Присутствія о матеріальномъ и въ особенности нравственномъ состояніи ссыльныхъ, есть только одинъ слабый штрихъ той ужасной картины жизни нѣсколькихъ сотъ лицъ, неповинно разбросанныхъ по всей Сибири и сѣвернымъ городамъ Европейской Россіи. Матеріальное положеніе ссыльныхъ характеризуется отсутствіемъ возможности труда на мѣстѣ ссылки вслѣдствіе слишкомъ большого наплыва ссыльныхъ, рѣдкости населенія, невозможности передвиженія даже за черту города, хотя бы съ цѣлью собиранія ягодъ и грибовъ для пропитанія, въ близколежащихъ лѣсахъ. Такія покушенія со стороны ссыльныхъ оканчиваются избіеніемъ послѣднихъ полиціей и въ добавокъ къ этому ихъ же арестомъ. Врачи, фельдшера, фельдшерицы и акушерки не имѣютъ права практиковать не только въ окрестностяхъ, но и въ самомъ городѣ, несмотря на отсутствіе другого медицинскаго персонала и просьбы мѣстныхъ жителей, почему жители принуждены контрабанднымъ путемъ пробираться къ ссыльнымъ врачамъ. Школьныя занятія безусловно воспрещены. А именно на перечисленные виды труда имѣется въ мѣстахъ ссылокъ по окраинамъ Россіи очень большой спросъ. Нравственное состояніе ссыльныхъ вслѣдствіе ихъ вынужденной бездѣятельности, при отсутствіи возможности употребить незанятое ничѣмъ время на научныя занятія и по неимѣнію книгъ,— если не хуже состоянія заключенныхъ въ тюрьмахъ, то равносильно ему. Это подтверждаютъ самоубійства и душевныя болѣзни ссыльныхъ, послѣднія въ особенности нерѣдки, и довольно частые побѣги или попытки къ побѣгамъ (въ Холмогорахъ одинъ изъ ссыльныхъ зарѣзался сапожнымъ

ножомъ; въ Шенкурскѣ одинъ утопился, кажется Нагель). Запроса на трудъ моей спеціальности въ такихъ маленькихъ городахъ совсѣмъ нѣтъ. Исправникъ города Холмогоръ, знакомый хорошо съ мѣстными условіями, считалъ меня съ самаго начала первымъ кандидатомъ къ побѣгу и потому-то, несмотря на то, что со мной былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, установилъ за мной самый строгій надзоръ. И, наконецъ, изъ желанія избавить себя отъ постоянныхъ опасеній отвѣтственности въ случаѣ моего побѣга, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы спровадить меня со своихъ рукъ въ Пинегу, откуда я и ушелъ. Остальная моя жизнь и общественно-революціонная дѣятельность Особому Присутствію извѣстны изъ данныхъ настоящаго дѣла.

Въ заключеніе по вопросу о моей виновности въ революціонной дѣятельности, проявленной мною въ фактахъ, только что обслѣдованныхъ особымъ Присутствіемъ, я долженъ объяснить Особому Присутствію, что этотъ вопросъ неоднократно мною обсуждался втеченіе моего послѣдняго девятимѣсячнаго заключенія и съ точки зрѣнія высшей справедливости и гуманности и, несмотря на всѣ ухищренья моего разума въ роли обвинителя совѣсти, послѣдняя давала всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: нѣтъ, я не могу признать себя виновнымъ при настоящемъ отношеніи государственной власти къ народу и обществу, при которомъ ни семейный очагъ, ни личность гражданъ ничѣмъ не гарантированы отъ произвола правительственныхъ тайныхъ и явныхъ агентовъ, когда по одному простому подозрѣнію въ такъ наз. политической неблагонадежности сотни лицъ бросаютъ въ тюрьмы, подвергаютъ всѣмъ ужасамъ одиночнаго заключенья, доводящаго до быстрой смерти или сумасшествія, когда другія сотни лицъ безъ постановленія суда по такимъ же точно подозрѣніямъ въ политической неблагонадежности могутъ быть схвачены, оторваны отъ труда и семейства и отправлены, такъ называемымъ, административнымъ порядкомъ за тысячи верстъ на сѣверъ и востокъ Сибири.

При означенныхъ условіяхъ я не только считаю себя вправѣ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ при нападеніяхъ на меня правительственныхъ агентовъ, я считаю даже нравственно обязательнымъ для себя защищать точно также и другихъ отъ ихъ произвола. Всякое вооруженное дѣйствіе противъ правительства и его агентовъ я считалъ бы для себя безусловно преступнымъ при условіи существованія въ Россіи свободно избраннаго законодательства представительнаго дѣйствительной, а не фиктивной гласности, независимости суда, свободы слова, вѣротерпимости и личной неприкосновенности гражданъ безъ постановленія на то суда. Я бы отказался отъ своего послѣдняго слова по примѣру моего товарища по ожидаемой участи, Богдановича, если-бъ я не находился въ нѣсколько иномъ чѣмъ онъ, даже можно сказать, исключительномъ положеніи. Поэтому я желалъ бы, чтобы мнѣ позволено было сказать нѣсколько словъ (не о себѣ, а объ участи связанныхъ со мною), касающихся обвиненія въ устройствѣ лабораторіи взрывчатыхъ веществъ. Прямыхъ и несомнѣнныхъ фактическихъ доказательствъ, которыя бы безусловно подтверждали мое объясненіе, данное суду Особаго Присутствія, о значеніи этой лабораторіи, какъ исключительно учебной, въ дѣлѣ нѣтъ. Но такихъ безусловныхъ доказательствъ и не могло быть—это естественно. Научиться приготовленію взрыв-

чатыхъ веществъ при обыкновенныхъ легальныхъ условіяхъ въ лабораторіи, гдѣ имѣются всѣ къ тому приспособленія, съ цѣлью примѣнить потомъ эти знанія на заводѣ, спеціально для этого устроенномъ, при открытыхъ свободныхъ дѣйствіяхъ, при значительной увѣренности въ безопасности случайнаго взрыва,—такія знанія пріобрѣсти легко и удобно при опытахъ надъ миніатюрными количествами, такъ какъ со способами приготовленія этихъ веществъ въ большихъ количествахъ можно прекрасно ознакомиться при осмотрѣ дѣйствующаго завода одного или даже нѣсколькихъ. Прошу припомнить Особое Присутствіе, что, несмотря на нѣсколько открытыхъ сыскомъ квартиръ, гдѣ хранились метательные снаряды и динамитъ, нигдѣ не было найдено даже слѣдовъ какого-нибудь миніатюрнаго опытнаго снаряда—ихъ не нашлось потому, что ихъ не было; опыты производились всегда надъ большими снарядами. Какое значеніе имѣетъ экспертиза въ этомъ дѣлѣ? Какой бы эрудиціей ни обладалъ экспертъ, какъ бы ни былъ онъ опытенъ, но незнакомый со сказанными мною условіями приготовленья взрывчатыхъ веществъ, онъ не можетъ вѣрно опредѣлить дѣйствительнаго значенія изслѣдуемой имъ лабораторіи и снарядовъ при самомъ тщательномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. Къ тому же экспертъ не обладаетъ ни чувствомъ сыщика и не разсматриваетъ предмета съ точки зрѣнія юриста. Заинтересованная же сторона въ томъ дѣлѣ вполнѣ хорошо съ нимъ знакомая, при изслѣдованіи экспертами лабораторіи, отсутствуетъ, тогда какъ она несомнѣнно могла обратить вниманіе экспертовъ на разныя мелочи весьма существеннаго значенія, которыя теперь ими невольно упущены изъ виду. Если-бы сказанное обвиненіе касалось меня одного или, по крайней мѣрѣ, лицъ подобныхъ мнѣ, я бы не сталъ съ такой настойчивостью отыскивать доказательствъ значенія, даннаго мною лабораторіи, какъ это я дѣлалъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. Я ограничился бы простымъ, короткимъ заявленіемъ. Но не то теперь. Со мною связаны четыре лица: г.г. Прибылевы, Юшкова и Клименко, явившіеся на скамью подсудимыхъ по этому обвиненію, единственно по моей винѣ и, не скрою отъ суда, по моей личной оплошности. Я прошу Особое Присутствіе смыть съ моей души хоть часть той нравственной муки, которую я испытываю втеченіи десяти мѣсяцевъ моего заключенія и предъ которою стушевывается всякая физическая казнь, какую только можетъ придумать человѣческое воображеніе. Никто изъ названныхъ мною лицъ не причастенъ къ дѣлу объ устройствѣ лабораторіи; я дѣйствительный и единственный виновникъ онаго и потому прошу Особое Присутствіе обратить всю тяжесть кары закона на меня одного.

Послѣ сказаннаго можетъ явиться вопросъ у Особаго Присутствія: какой смыслъ имѣетъ моя довольно энергичная защита по другимъ обвиненіямъ? отвѣтъ: желаніе удержать обвиненіе въ границахъ истины, въ строгихъ границахъ дѣйствительности.

II.

Рѣчь П. А. Теллалова.

Я такъ дорожу остающейся еще возможностью высказаться по поводу обвиненія, предъявляемаго противъ всѣхъ насъ подсудимыхъ, что лишь вскользь охарактеризую тѣ поступки, въ которыхъ обвиняюсь отдѣльно отъ моихъ товарищей. Напередъ обѣщаю быть краткимъ и, по всей вѣроятности, не утомлю вашего вниманья. Но чтобы въ концѣ рѣчи не возвращаться къ ея началу, то я и позволю себѣ начать съ тѣхъ немногихъ біографическихъ данныхъ, которыя приведены также и въ обвинительномъ актѣ.

Въ 1874 г. я былъ въ числѣ студентовъ Горнаго Института. Быть можетъ, гг. судьи, вы помните, что въ концѣ этого года въ С.-Петербургѣ произошли студенческіе безпорядки, которые охватили почти всѣ высшія учебныя заведенія. Какъ участникъ этихъ безпорядковъ я былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Костромскую губ., хотя обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія мою высылку, очень характерны, но я помню данное вамъ обѣщаніе быть краткимъ и потому обойду ихъ. Въ началѣ 1876 г. вслѣдствіе своей болѣзни я былъ переведенъ административнымъ же порядкомъ на родину, въ Крымъ, въ г. Симферополь, въ которомъ и прожилъ до конца 1879 г., занимая послѣдовательно мѣста библіотекаря частной библіотеки и помощника бухгалтера въ Правленіи Об—ва В—го К—та. Живя въ городахъ, находящихся на окраинахъ Россіи, я за все это время не только не принималъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ революціонной партіи, но у меня едва ли была возможность слѣдить за всѣми перипетіями, которыя партія переживала за этотъ періодъ, да къ тому же и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній на этотъ счетъ. Но отъ васъ, гг. судьи, я не скрою, что и въ то время я уже сочувствовалъ тому революціонному движенію, которое охватило всю русскую молодежь. Вотъ это-то сочувствіе и побудило меня, какъ только снятъ былъ съ меня надзоръ, оставить семью и болѣе или менѣе обезпеченное положеніе и выѣхать изъ Симферополя. Какихъ либо опредѣленныхъ плановъ у меня тогда не было, но если вы спросите меня, какъ я устроился бы, слѣдуя исключительно своему влеченію, то я скажу, что я, вѣроятно, пріискавъ себѣ какое-либо занятіе, поселился бы въ селѣ или деревнѣ, для того чтобы быть въ непосредственной близости къ народу и для дѣятельности, которая уже охарактеризована моимъ товарищемъ Богдановичемъ, она также соотвѣтствовала и моему душевному настроенію.

Въ началѣ августа 78 г. я прибылъ въ ближайшій университетскій городъ Харьковъ. Въ первые два мѣсяца пребыванія въ немъ я ознакомился съ кружкомъ учащейся молодежи, которая впослѣдствіи привлекалась къ суду по дѣлу о Сыцянко. Приговоромъ Харьковскаго Воен. Окружнаго Суда всѣ лица, за исключеніемъ Сыцянко, были оправданы. Люди, съ которыми я познакомился, не только не были въ какой либо организаціи партіи, но по отношенію къ ней они были чуть ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ я, и потому никакихъ указаній на интересующіе меня воп-

росы дать не могли. Соскучившись совершенно праздной жизнію, я готовился уже осуществить свое желаніе и даже пріискалъ мѣсто домашняго учителя въ селѣ, какъ въ началѣ октября въ Харьковъ прибыли одинъ за другимъ Гольденбергъ, Желябовъ, Колоткевичъ и другіе участники Липецкаго съѣзда, на которомъ и было впервые положено основаніе партіи Народной Воли и на которомъ также рѣшены и проэктированы всѣ планы предстоящихъ попытокъ цареубійства. Съ этого-то момента и начинается та дальнѣйшая моя дѣятельность, которая служитъ отчасти содержаніемъ обвинительнаго акта и предметомъ обсужденія вашего суда. Потому я оставлю хронологическій способъ изложенія и перейду просто къ разсмотрѣнію этихъ обособленныхъ обвиненій.

Въ обвинительномъ актѣ и въ обвинительной рѣчи обстоятельства, поддерживающія эти обвиненія, изложены болѣе или менѣе согласно моимъ показаніямъ, даннымъ на предварительномъ дознаніи и подтвержденнымъ здѣсь. На судебномъ слѣдствіи я уже обратилъ ваше вниманіе на то, что показанія мои по своей полнотѣ и опредѣленности оставляютъ далеко за собой оговоры тѣхъ лицъ, на которые ссылается обвинительный актъ, что не будь этихъ показаній, представителю обвиненія, вынужденному держаться противорѣчивыхъ и часто ложныхъ показаній свидѣтелей, не легко бы было установить эти обвиненія, а теперь онъ ограничивается лишь только простымъ перечисленіемъ ихъ. Не въ заслугу себѣ, конечно, ставлю это, но указываю на это, какъ бы въ подтвержденіе того, что говорили другіе подсудимые, т. е., что въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, всякое укрывательство мы считаемъ по меньшей мѣрѣ предосудительнымъ. (Пропускаю разсмотрѣніе отдѣльныхъ обвиненій). Охарактеризовавъ поступки, въ которыхъ обвиняюсь отдѣльно отъ моихъ товарищей, я перейду теперь къ разсмотрѣнію того обвиненія, которое предъявляется противъ всѣхъ насъ подсудимыхъ, какъ лицъ вступившихъ въ тайное противузаконное сообщество, имѣющее цѣлью путемъ насильственнаго переворота измѣнить въ Имперіи государственный и экономическій строй. Вы слышали, гг. судьи, здѣсь обстоятельныя объясненія Богдановича, Стефановича, Златопольскаго и др. подсудимыхъ, что обвиненіе въ этомъ видѣ невѣрно выражаетъ сущность стремленій партіи Народной Воли, и что въ особенности оно непримѣнимо къ ней послѣ событія 1 марта. Къ этимъ объясненіямъ мнѣ остается добавить весьма немногое и потому я буду также кратокъ и въ этой части своей рѣчи. Прежде всего я не могу не обратить вашего вниманія на то, что я нахожусь въ нѣсколько иномъ положеніи, чѣмъ большинство моихъ товарищей: я арестованъ раньше ихъ, еще въ концѣ 81 г. и потому, конечно, не могу говорить ни объ убійствѣ ген.-маіора Стрѣльникова, ни о конспиративной квартирѣ гг. Прибылевыхъ. Но я беру на себя смѣлость утверждать, что эта формула обвиненія не имѣетъ мѣста и по отношенію къ тому раннему періоду существованья партіи, который слѣдовалъ непосредственно послѣ Липецкаго съѣзда. Не разсужденіями, а фактически постараюсь доказать это. Необходимо лишь мнѣ возвратиться къ тѣмъ фактамъ, которые я установилъ при обзорѣ обособленныхъ обвиненій. Вы видѣли, что въ концѣ 79 г. я былъ членомъ Харьковской организаціи и въ то же время посредникомъ въ сношеніяхъ между этой организаціей и революціонными дѣятелями, прибывшими

въ то время въ Харьковъ, что кружокъ въ своемъ цѣломъ не примкнулъ ни къ одной изъ образовавшихся уже тогда фракцій и что съ такимъ неопредѣленнымъ направленіемъ онъ оставался до дня паденія своего. Обстоятельства эти подтверждаются какъ оговоромъ Гольденберга, такъ и показаніями всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ ссылается обвинительный актъ. Но если это такъ, если я, не будучи членомъ партіи Народной Воли тѣмъ не менѣе нашелъ возможнымъ принять самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ покушенію на цареубійство подъ г. Александровскомъ, то не ясно ли, что цареубійство не составляетъ существеннаго признака въ дѣятельности партіи Народной Воли и что въ самомъ міросозерцаніи партіи было нѣчто болѣе важное, что мѣшало тогда вступить въ ея ряды и съ чѣмъ я могъ согласиться лишь впослѣдствіи. Представитель обвинительной власти, какъ бы въ подтвержденіе этого общаго обвиненія въ своихъ доказательствахъ ссылается на тотъ двойной рядъ фактовъ, въ которыхъ, по его словамъ, онъ видитъ и самую цѣль партіи и средства достиженія цѣли. Онъ обвиняетъ насъ, какъ членовъ партіи, во 1-хъ въ такъ называемыхъ террористическихъ дѣяніяхъ, т. е. въ цѣломъ рядѣ убійствъ должностныхъ лицъ и во 2-хъ въ организаціи систематическихъ покушеній на цареубійство, начавшихся осенью 79 г. и завершившихся событіемъ 1 марта. Затѣмъ, въ заключеніи своей рѣчи, силясь объяснить, что привело насъ на скамью подсудимыхъ, онъ не только отказываетъ намъ въ чувствѣ человѣчности, но въ дѣлахъ нашихъ онъ видитъ одну лишь уголовщину, а въ насъ самихъ воплощеніе злой воли и закоснѣлость въ преступленіяхъ. На послѣднее ему я и не возражу, такъ какъ это не обвиненіе по существу, это оскорбленіе, это простая брань, а я дорожу своимъ временемъ (первоприсутствующій прерываетъ Теллалова).

Разсматривая первый рядъ фактовъ т. е. террористическія дѣянія, совершенныя будто бы партіей, я долженъ сказать, что это обвиненіе не можетъ быть предъявлено ей, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, простой пересмотръ фактовъ этого ряда покажетъ намъ, что наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, какъ убійство Крапоткина, Мезенцева, покушенія на жизнь Дрентельна, Лорисъ-Меликова, Трепова и Черевина, совершены или до возникновенія партіи Народной Воли или же такими лицами, которыя никогда не были членами ея. Спрашивается, что же остается на долю самой партіи? Да, она убила шпіона Жаркова и, быть можетъ, еще 2-хъ, 3-хъ лицъ того же разряда, т. е. убивала людей, отъ устраненія которыхъ зависѣла участь ея членовъ, отдѣльныхъ организацій и даже, быть можетъ, всей партіи. Но это вы ей, г.г. судьи, не поставите въ особенную вину. Вы вспомните библейскій разсказъ, въ которомъ говорится, что даже и самимъ Богомъ избранному народу нуженъ былъ тотъ мѣдный змій, при взглядѣ на котораго онъ могъ забывать свои раны, свои страданія. Въ наше время этотъ змій дѣлается изъ стали.

Перехожу къ другому ряду и болѣе тяжкихъ обвиненій. Не скрою, что мнѣ, какъ подсудимому со скамьи подсудимыхъ тяжело говорить объ этомъ. Да, я признаю, что партія Народной Воли, дѣйствительно, систематически преслѣдовала Государя и завершила преслѣдованія эти событіемъ 1-го марта. Но я напомню лишь вамъ, что и до покушеній и послѣ нихъ мы

всегда обращались и къ правительству и къ обществу съ заявленіями того, чего мы желаемъ, къ чему стремимся. Красной нитью черезъ всѣ эти наши изданія, прокламаціи и манифесты можно провести нашу настойчивую просьбу, чтобы насъ выслушали, чтобы, наконецъ, насъ поняли. Но напрасно, изданія наши преслѣдовали, намъ самимъ не давали говорить на судѣ, насъ ссылали, насъ казнили. Вотъ это-то упорное нежеланіе понять насъ и было однимъ изъ существенныхъ условій въ ряду тѣхъ, которыя давали мѣсто всѣмъ этимъ событіямъ и на которыя ссылалась уже защита остальныхъ подсудимыхъ.

Осталось, подавивъ въ себѣ чувство человѣколюбія и, скажу прямо, съ болью въ сердцѣ, продолжать нашу дѣятельность въ томъ же направленіи. Но въ чемъ же выражается сущность нашихъ стремленій? Въ письмѣ, съ которымъ Исполнительный Комитетъ обращается къ Императору Александру III, прямо говорится: „Мы не ставимъ Вамъ никакихъ условій, пусть наши требованія не шокируютъ Васъ; исторіей давно ужъ намѣчено то, что такъ необходимо нашей родинѣ.“ Не разрушенія государства, и тѣмъ болѣе экономическаго строя желаемъ мы, а лишь осуществленія совокупности всѣхъ тѣхъ политическихъ условій, при которыхъ свободно можетъ быть выражена воля нашего народа. Путемъ ли Земскаго Собора или Учредительнаго Собранія пусть будетъ созванъ народъ, пусть свободно выскажетъ свои желанія и да будетъ воля вольнаго народа! Отдавая страдальцу народу весь нашъ трудъ и самую жизнь нашу, мы мысленно, правда, дорожимъ и оставляемъ за собой право пропаганды соціалистическихъ и даже, быть можетъ, анархическихъ идей, но впередъ отказываемся [1]) отъ всякаго насилья, отъ организаціи какихъ-либо народныхъ бунтовъ и обратимся къ тѣмъ законнымъ средствамъ, которыя доступны всякому русскому гражданину.

III.

Рѣчь Х. Г. Гринбергъ.

Я желаю объяснить какимъ образомъ я сдѣлалась членомъ партіи Народной Воли. Вначалѣ у меня были самые мирные планы: я хотѣла пойти въ народъ, не для того, чтобы учить его, на это я считала слишкомъ неспособной, а просто, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли его положеніе таково, какимъ я знала его изъ книгъ и изъ разсказовъ другихъ. Съ этой цѣлью я стала изучать сапожное ремесло, но занимаясь только изученіемъ, еще ничего другого не предпринимая, я уже подверглась гоненію полиціи только потому, что я не принадлежу къ тому классу, которому собственно необходимо заниматься подобнымъ ремесломъ. И вотъ ко мнѣ стала являться полиція и справляться у дворниковъ, кто ко мнѣ ходитъ, когда я прихожу? И въ одинъ прекрасный день сдѣлали у меня обыскъ. И хотя ничего при этомъ не нашли, тѣмъ не менѣе меня хотѣли арестовать, но не сдѣлали этого потому, что я въ это время лежала больна, такъ что забрали только

[1]) По словамъ А. П. Корба здѣсь пропущены слова „при измѣнившихся условіяхъ политической жизни страны.“

мои документы и просили по выздоровленію явиться въ участокъ для объясненій. За мной тогда ничего не было, такъ сказать, преступнаго, но такъ какъ въ Одессѣ было тогда такое время, когда люди высылались десятками, сами не зная за что, такъ какъ тогда было, такъ называемое, тотлебенское время... (Первоприсутствующій останавливаетъ) я хочу только сказать, что хотя за мной ничего не числилось, но я все-таки не могла быть увѣренной, что меня не вышлютъ, а потому я въ участокъ не пошла, а поселилась подъ чужимъ документомъ, уже извѣстной вамъ фамиліи Спекторовой; этотъ документъ былъ настоящій и я думала переждать нѣкоторое время, а потомъ перейти на легальное положеніе, потому что, повторяю, за мной тогда рѣшительно ничего не было. Но тутъ по доносу квартирной хозяйки, что я будто плакала, когда не удалось покушеніе на графа Л.-Меликова, я была арестована. Я теперь не помню, можетъ быть, я въ этотъ день и плакала, но во всякомъ случаѣ, это не относилось къ покушенію на Лорисъ-Меликова, потому что онъ тогда еще ничѣмъ такимъ себя не зарекомендовалъ и, отъ него, напротивъ, ждали либеральныхъ мѣръ. На допросѣ тогда я конечно, не сказала, что живу подъ чужимъ документомъ, а заявила, что я бывшая Гринбергъ и вышла замужъ за Спекторова; меня выпустили, но я, конечно, понимала, что эта ошибка можетъ разъясниться и потому я перешла окончательно на нелегальное положеніе. Живя въ Одессѣ и познакомившись съ программой, возникшей тогда партіи Народной Воли, совершенно согласилась, что, дѣйствительно, прежде всего нужно добиться политической свободы, чтобы можно было проводить свои идеи въ народѣ или гдѣ бы то ни было. И вслѣдствіе этого я пристала къ партіи Народной Воли. Я сказала здѣсь, что я принадлежу къ партіи Нар. Воли, но не къ организаціи; этимъ я вовсе не хотѣла сказать, что я только сочувствовала партіи, какъ это сказалъ г-нъ прокуроръ. Нѣтъ, я принимала и участіе въ дѣлахъ партіи. Правда въ террористическихъ фактахъ я участія не принимала, но я занималась другими дѣлами, тоже по программѣ Народной Воли.

IV.

Рѣчь А. П. Корба.

Виновной себя не признаю; но признаю принадлежность къ партіи и полную солидарность съ ея принципами, цѣлями и взглядами. Но партіи, излюбленный путь которой есть кровавый путь, такой партіи я не знаю и врядъ ли она существуетъ, иначе мы слышали бы о ней. Можетъ быть такая партія и возникнетъ со временемъ, если революціи суждено разлиться широкимъ потокомъ по Россіи. Но если я буду жива къ тому времени, я не примкну къ такой партіи.

Что же касается партіи Народной Воли, то она придерживается террора не потому, что это излюбленный его путь, не потому, что это удобнѣйшій или кратчайшій путь для достиженія цѣлей, поставленныхъ ей историческими условіями Россіи, а потому, что это единственный путь. Горестныя роковыя слова, носящія въ себѣ залогъ величайшихъ несчастій!

Г.г. сенаторы! Вамъ хорошо извѣстны основные законы Россійской

Имперіи: никто въ Россіи не имѣетъ права высказываться за измѣненіе государственнаго строя; никто не можетъ даже помышлять объ этомъ; въ Россіи запрещены даже коллективныя петиціи! Но страна растетъ и развивается; условія общественной жизни усложняются съ каждымъ годомъ; наступаетъ моментъ— страна задыхается въ узкихъ рамкахъ, изъ которыхъ нѣтъ выхода...

Предсѣдатель. Это ваше личное мнѣніе.

Корба (продолжаетъ). Я перейду теперь къ цѣлямъ партіи Народной Воли. Историческая задача партіи Народной Воли заключается въ томъ, чтобы расширить эти рамки, добыть для народа самостоятельность и свободу. А средства ея находятся въ непосредственной зависимости отъ правительства. Партія не стоитъ непреоборимо упорно за терроръ; рука, поднятая для нанесенья удара, опустится немедленно, какъ только правительство заявитъ намѣреніе измѣнить политическія условія жизни. У партіи достанетъ патріотическаго самопожертвованія, чтобы отказаться отъ мести за кровавыя раны, нанесенныя ей лично. Но отъ чего она не можетъ отказаться, не совершивъ предательства, измѣны противъ народа— это отъ завоеванія для него свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ благосостоянія. Въ подтвержденіе того, что цѣли партіи совершенно миролюбивыя, я прошу прочесть письмо къ Императору Александру III-му отъ Исполнительнаго Комитета, написанное вскорѣ послѣ 1-го марта. Изъ него вы увидите, что партія желаетъ реформъ сверху, но реформъ искреннихъ, полныхъ, жизненныхъ!

V.

Рѣчь С. С. Златопольскаго.

Я признаю свою принадлежность къ организаціи тайнаго общества „Народной Воли"; я признаю, что дѣятельность общества, дѣйствительно, проявилась, между прочимъ, въ неоднократныхъ покушеніяхъ на жизнь Государя, закончившихся цареубійствомъ 1-го марта. Я не признаю лишь той формулировки обвиненія, которая говоритъ, будто партія мечтаетъ разрушить своей дѣятельностью существующій общественный строй: это задача отдаленнаго будущаго, о которомъ мы не загадываемъ. Дѣятельность нашей организаціи исходитъ, главнымъ образомъ, изъ признанія отвѣтственности существующаго правительства за судьбу народа; вся террористическая дѣятельность „Народной Воли" есть лишь проявленіе этого убѣжденія. Мы исходимъ изъ существующаго и желаемъ создать въ ближайшемъ будущемъ, въ возможно ближайшемъ будущемъ такой политическій строй, который, представляя почву для идейной, культурной борьбы, не былъ бы въ то же время враждебенъ интересамъ массъ, интересамъ большинства. Мы желаемъ не парламентаризма, какъ обязательства верховной власти съ одной стороны и какъ созданія владѣтельнаго класса въ Россіи съ другой. Мы желаемъ замѣны государства чиновниковъ свободно выраженнымъ представительствомъ народа, но не классовъ и сословій; мы желаемъ, чтобы выразителемъ нуждъ и потребностей русской земли была Воля Народа, въ лицѣ живого учрежденія, будь то

Земскій Соборъ или Всероссійская Дума, съ правомъ высшей законодательной власти. Мы не утописты...

Первоприсутствующій сенаторъ прерываетъ и подсудимый садится сильно взволнованный.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Калюжный и *Смирницкая* признали свою принадлежность къ партіи, при этомъ Калюжный просилъ, чтобы вся отвѣтственность за устройство паспортнаго бюро была отнесена къ нему, а не къ Смирницкой, которая играла только роль хозяйки.

Лисовская, признавая свою солидарность съ Народной Волей, указала, что обвинительная власть невѣрно охарактеризовала партію, придавая ей исключительно окраску террористическую. Партія хотя и ставитъ своей задачей разрушеніе существующаго строя и созданіе новыхъ общественныхъ формъ, болѣе соотвѣтствующихъ волѣ народа, но вовсе не стремится осуществить это насильственнымъ путемъ, и партія всегда готова первая отказаться отъ насилія, какъ только представится къ тому возможность.

По поводу процесса 17-ти.

Еще въ то время, когда мы, осужденные по процессу 17-ти, находились въ Сибири, до насъ доходили отрывочныя и неясныя свѣдѣнія о томъ, что о нашемъ процессѣ циркулировали въ 80-хъ годахъ неблагопріятные слухи, которые проникли даже въ годъ нашего осужденія въ народовольческую печать.

Писать въ Сибири по поводу нашего процесса, опровергать мнѣнія, обидныя для насъ, но въ то же время въ нашихъ глазахъ явно ошибочныя, было невозможно по двумъ причинамъ. Во первыхъ, въ Сибири мы никогда не имѣли увѣренности, что написанное и отправленное дойдетъ по назначенію. Письма, или терялись гдѣ-нибудь на далекомъ пути, или, по крайней мѣрѣ, мы не получали отвѣтныхъ извѣщеній о томъ, что посланное получено. Во-вторыхъ, опровергать то, чего не знаешь въ точности, не читалъ своими глазами, очень трудно, если не невозможно.

Въ настоящее время обстоятельства совершенно иныя. Передо мной лежатъ подлинныя страницы нелегальныхъ изданій, въ которыхъ помѣщены упомянутые мною упреки по адресу судившихся въ 1883 году; а также копіи съ гектографированнаго изданія рѣчей подсудимыхъ.

Перечитывая эти копіи, я признаю ихъ, насколько я помню сказанное нами на судѣ, довольно достовѣрными, хотя и это я могу сказать только при оговоркахъ самаго серьезнаго свойства, которыя я приведу позднѣе.

Въ № 1 „Листка Народной Воли“, помѣченномъ 20 іюля 1883 г. и изданномъ въ Петербургѣ, напечатано слѣдующее:

„Широковѣщательныя обѣщанія, которыя расточались направо и налѣво нечестивыми устами придворныхъ старателей и полиціей (въ видахъ предотвращенія не предполагавшагося даже покушенія), могли вводить въ заблужденіе развѣ только

очень наивныхъ людей да лишенныхъ возможности оріентироваться въ дѣйствительности нашихъ заключенныхъ товарищей, *которыхъ просили, даже умоляли, убѣдить насъ, ничего не предпринимать по случаю коронаціи*, которымъ давали обѣщаніе относительно всеобщей политической амнистіи и перемѣны политики въ смыслѣ простора для мирной соціалистической дѣятельности.

Когда они намъ писали объ этомъ, мы отвѣчали имъ, что покушеніе все равно не предпринимается, но что ихъ тѣмъ не менѣе безсовѣстно обманываютъ, что падающій порядокъ до того расшатанъ, что прибѣгаетъ ко лжи что въ дѣйствительности можно ожидать отъ правительства только того, что мы высказали въ брошюрѣ, выпущенной по случаю коронаціи, то есть ничего для мысли, свободы и чести и очень много для всего имъ противоположнаго. Такъ все это и случилось, конечно: чиновники получили много чиновъ, орденовъ и наградъ; купечество—льготы и привиллегіи". Далѣе приводится рядъ правительственныхъ дѣйствій, сопровождавшихъ коронацію, и этимъ кончается статья.

Обращаю особенное вниманіе читателей на подчеркнутыя строки и вообще на всю приведенную выписку. Она является однимъ изъ источниковъ обвиненій противъ насъ, и при томъ первоначальнымъ источникомъ [1]).

Мнѣ придется сейчасъ сдѣлать еще одну очень длинную выписку, но сократить ее невозможно, такъ какъ она содержитъ тѣ обвиненія, противъ которыхъ мнѣ приходится писать.

Въ № 1 „Вѣстника Народной Воли" (онъ изданъ былъ въ Женевѣ въ августѣ 1883 года) читаемъ:

„Рѣчи нѣкоторыхъ подсудимыхъ произвели на революціонную среду тягостное впечатлѣніе какого-то крайняго компромисса съ существующимъ строемъ и даже съ самодержавной монархіей. Многіе невольно задаютъ себѣ вопросъ: Неужели это дѣйствительно взгляды партіи? И если нѣтъ, то какимъ образомъ подсудимые, со столь громкими именами, могли высказываться въ такомъ смыслѣ публично? Мы считаемъ совершенно излишнимъ напоминать читателямъ, что народовольчество рѣзче, чѣмъ кто бы то ни было, отрицало способность русской монархіи вести соціальное возрожденіе русскаго народа. Но нелишне будетъ сказать, что едва-ли и въ средѣ подсудимыхъ процесса 17 могли существовать искреннія мнѣнія противоположнаго характера. Мы не хотимъ оправдывать нашихъ судившихся товарищей и не думаемъ, чтобы они по сво-

---

[1]) Намъ кажется, что источникомъ для замѣтокъ въ „Листкѣ Н. В" и „Вѣстникѣ Н. В." былъ одинъ и тотъ же Дегаевъ. Въ томъ и другомъ случаѣ имѣются въ виду несомнѣнно участники процесса 17-ти. „Листокъ Н. В." печатался въ типографіи Шебалина, а рукописи туда доставлялись Дегаевымъ; онъ же тогда ѣздилъ за границу и сообщалъ въ редакцію свѣдѣнія въ томъ освѣщеніи, дать которое желательно было его патрону Судейкину. *Ред.*

имъ соображеніямъ о требованіяхъ минуты имѣли какое-нибудь право высказывать мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ мнѣніями партіи. Но мы хотимъ только сказать, что по нашему убѣжденію они дѣйствовали именно неискренно, „политиканствовали“. Смѣшно и преступно было бы допускать хоть малѣйшую мысль, что подсудимые могли въ этомъ политиканствѣ руководиться какими-нибудь личными мотивами. Дѣло, разумѣется, не въ этомъ. Подсудимые полагали, что они дѣйствуютъ въ интересахъ общественной пользы. Іюльскій (1883 г.) „Листокъ Народной Воли“ говоритъ о „широковѣщательныхъ обѣщаніяхъ“, которыя ввели въ обманъ „лишенныхъ возможности оріентироваться въ дѣйствительной жизни заключенныхъ“. Имъ обѣщали во время коронаціи „всеобщую амнистію политическихъ преступленій и перемѣну политики въ смыслѣ простора для широкой соціалистической дѣятельности, все это въ случаѣ, если не будетъ покушеній на жизнь царя. И *заключенные дѣйствительно „просили, даже умоляли ничего не предпринимать по случаю коронаціи“*. Не трудно догадаться, полагаемъ мы, что и поведеніе заключенныхъ на судѣ опредѣлялось тѣми же обстоятельствами: подсудимые, очевидно, старались устроить для правительства золотой мостъ. Мы не говоримъ, что это хорошо. Напротивъ, самыя элементарныя правила партіонной организаціи не допускаютъ со стороны нѣсколькихъ лицъ такого распоряженія партіонными принципами, и въ данномъ случаѣ подсудимые имѣютъ противъ себя еще то отягчающее вину обстоятельство, что, по словамъ „Листка“, вольные товарищи предупреждали ихъ, что ихъ, заключенныхъ, „безсовѣстно обманываютъ“, что „въ дѣйствительности отъ правительства можно ожидать только того, что высказано въ брошюрѣ, выпущенной по случаю коронаціи, т. е. ничего для мысли, свободы и чести и очень много для всего, имъ противоположнаго“. Такъ говорили заключеннымъ вольные товарищи ихъ.

„Тяжело дѣлать упреки людямъ, которые томятся въ царскихъ казематахъ и на каторгѣ, но, задаваясь цѣлью способствовать объединенію русскихъ соціально-революціонныхъ силъ въ одну могучую партію, мы не имѣемъ права оставить со своей стороны безъ возраженія крупную ошибку, совершенную, по нашему мнѣнію, подсудимыми процесса 17-ти. Для того, чтобы создать партіонную силу—нужно выше всего, выше всѣхъ разсчетовъ минуты, держать святыню своихъ принциповъ и въ такой же мѣрѣ необходимо дѣйствовать не по личному усмотрѣнію одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, а по соглашенію общепартіонному“.

Если читатель прочелъ эту длинную выписку и подчеркнутыя въ ней слова, то онъ долженъ былъ замѣтить, что она сильно отличается отъ статьи въ „Листкѣ Н. В.“. Въ „Листкѣ Н. В.“ не говорится, что „лишенные возможности оріентироваться заключенные товарищи“ и есть судившіеся по процессу

17-ти; тогда какъ „Вѣстникъ Нар. Воли“ считаетъ вопросъ о томъ, кто эти „заключенные товарищи“, не подлежащимъ оспариванію и прямо относитъ свои упреки къ „осужденнымъ по процессу 17-ти“. Въ дѣйствительности же въ 1882 и 1883 годахъ до суда надъ нами и во время его, въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, кромѣ насъ, было очень много политическихъ заключенныхъ, а поэтому съ достовѣрностью нельзя сказать о какихъ „заключенныхъ товарищахъ“ говоритъ „Листокъ“.

Далѣе, въ „Листкѣ“ говорится лишь о подсудимыхъ, „*которыхъ просили, даже умоляли, убѣдить насъ, ничего не предпринимать по случаю коронаціи*“, а въ „Вѣстникѣ Н. В.“ заявляется уже категорически, что „*заключенные дѣйствительно просили, даже умоляли, ничего не предпринимать по случаю коронаціи*“.

По словамъ „Листка“ „заключенные“ писали товарищамъ, находящимся на волѣ, о предложеніяхъ правительства, и въ отвѣтъ на это ихъ извѣстили, что „правительство ихъ безсовѣстно обманываетъ“. Если даже признать, что „заключенные товарищи“, это—мы, судившіеся по процессу 17-ти, то и тогда „Листокъ“ собственно ни въ чемъ насъ не обвиняетъ, — за то „Вѣстникъ Н. В.“ идетъ гораздо далѣе. По его словамъ „заключенные“ „политиканствовали“, „старались устроить для правительства золотой мостъ“, и „имѣютъ противъ себя еще то отягчающее вину обстоятельство, что вольные товарищи ихъ предупреждали о томъ, что ихъ безсовѣстно обманываютъ“. И всѣ эти *обвиненія* выводятся яко-бы изъ подлинныхъ словъ „Листка“, который никакихъ обвиненій „заключеннымъ“ не предъявляетъ.

Въ настоящее время трудно доискаться, какимъ образомъ произошла фальсификація отзыва объ участникахъ процесса 17-ти, и кто истинный ея авторъ. Я допускаю, однако, возможность, что это былъ никто иной, какъ Дегаевъ, уже состоявшій въ августѣ 1883 г., когда появился заграницей „Вѣстникъ Н. В.“, агентомъ охраннаго отдѣленія и находился въ это время въ Петербургѣ. Меня побуждаютъ такъ думать слѣдующія соображенія. Весь этотъ инцидентъ съ обвиненіемъ насъ является чѣмъ-то неслыханнымъ въ революціонной средѣ. Небывалая вещь, чтобы на основаніи ложныхъ, непровѣренныхъ данныхъ, революціонеры предали публичному осужденію своихъ товарищей, только что приговоренныхъ къ смерти, замурованныхъ навсегда въ крѣпости, или отправленныхъ на каторгу! Подобное явленіе вовсе не вяжется съ нравами русскихъ революціонеровъ. Тѣмъ болѣе оно непонятно, что въ революціонной средѣ у насъ, осужденныхъ по процессу 17-ти, не было личныхъ враговъ; напротивъ того, заграничные наши товарищи, народовольцы, эмигранты, были для большинства изъ насъ личными друзьями, связанными съ нами узами уваженія и симпатіи. Если они рѣшились напечатать о насъ отзывъ, заключавшій по

нашему адресу тяжкія обвиненія, то это значитъ, что въ ихъ рукахъ были „доказательства“ нашей мнимой виновности, въ которыя они безусловно вѣрили. Возможно, что вся статья въ „Вѣстникѣ“ написана со словъ самого Дегаева, уже бывшаго въ то время предателемъ и тайнымъ полицейскимъ агентомъ. Легко понять, какая громадная услуга была оказана правительству статьею въ „Вѣстникѣ Н. Воли“! Оно только что проглотило живьемъ болѣе десятка людей и готовилось ихъ переварить на досугѣ. Но для него важно было, чтобы смерть ихъ прошла безслѣдно для Россіи, чтобы имена этихъ людей забылись, или было бы еще лучше, еслибъ имена ихъ стали произноситься съ неуваженіемъ и порицаніемъ.

Могу съ своей стороны категорически заявить, что никакихъ переговоровъ съ судившимися по процессу 17-ти правительство не вело и не могло вести, потому что никто изъ насъ не сталъ бы выслушивать его агентовъ, еслибы они явились въ тюрьму съ предложеніями о компромиссахъ.

Перехожу теперь къ рѣчамъ, сказаннымъ подсудимыми по процессу 17-ти.

Изъ обвиненій „Вѣст. Н. В.“, спеціально касающихся рѣчей подсудимыхъ, самое важное, конечно, состоитъ въ томъ, что мы говорили не только несогласно съ программою „Народной Воли“, но высказывали положенія прямо противоположныя ей.

„Мы считаемъ совершенно излишнимъ напоминать читателямъ“,—говорится въ статьѣ „Вѣст. Н. В.“,—„что народовольчество рѣзче, чѣмъ кто бы то ни было, отрицало способность русской монархіи вести соціальное возрожденіе русскаго народа“.

Выраженіе „соціальное возрожденіе“—на столько широкое понятіе, что, конечно, содержитъ въ себѣ также идею политическаго возрожденія. Въ программѣ Н. В.“, разумѣется, нѣтъ мѣста для самопроизвольной преобразовательной дѣятельности и иниціативы русской монархіи. Но и программа допускаетъ возможность, что „правительство можетъ идти на уступки и дастъ свободы, при которыхъ возможно направить силы партіи на дѣятельность въ народныхъ массахъ“. Это сказано въ документѣ, носящемъ названіе „Подготовительная работа Партіи“.

На 1-е марта 1881 г. Исп. Ком. Партіи Народ. Воли посмотрѣлъ какъ на поворотный пунктъ, когда могла наступить перемѣна въ политикѣ правительства. Особенной увѣренности, что правительство захочетъ измѣнить курсъ внутренней политики, у Комитета не могло быть. Тѣмъ не менѣе, предложенія въ этомъ смыслѣ были сдѣланы съ его стороны въ „Письмѣ къ императору Александру III“. Они дѣлались искренно, съ твердымъ намѣреніемъ выполнить условія, изложенныя въ „Письмѣ“.

Въ немъ говорится: „Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ. Этихъ условій, по нашему мнѣнію, два: 1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени... 2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями".

Я привела эти отрывки изъ партійныхъ документовъ, чтобы доказать, что и партія, и ея Исп. Комитетъ признавали возможность наступленія такого историческаго момента, когда правительство, подъ давленіемъ революціоннаго движенія въ Россіи, приступитъ къ преобразованію государственнаго устройства въ Россіи, и что такое преобразованіе повлекло бы неминуемо за собой глубокія соціальныя измѣненія въ странѣ.

Теперь, для того, чтобы сами читатели могли судить о томъ, были-ли принципы „Н. Воли" дѣйствительно искажены въ рѣчахъ подсудимыхъ по процессу 17-ти, я приведу изъ этихъ рѣчей тѣ мѣста, которыя имѣютъ програмное значеніе и такъ или иначе затрагиваютъ принципы и стремленія партіи „Народной Воли" [1]).

Замѣчу еще, что говоря о рѣчахъ подсудимыхъ процесса 17-ти, я не имѣю въ виду рѣчей Стефановича и его защитника. Стефановичъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до своего ареста вступилъ въ партію „Народной Воли". Онъ не слился съ нею всѣми силами ума и сердца, какъ большинство изъ насъ, въ его глазахъ дѣятельность, значеніе, самые принципы партіи не имѣли той громадной цѣны, которую мы имъ придавали. Эти обстоятельства несомнѣнно отразились на рѣчахъ Стефановича и его защитника. Выясненіе всего этого потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста, и потому я не имѣю возможности заняться разборомъ обѣихъ рѣчей въ предлагаемой читателямъ замѣткѣ.

Но текстъ немногихъ словъ, сказанныхъ мною лично на судѣ, требуетъ разъясненія.

Въ прежнемъ, заграничномъ изданіи „Былого" моя заключительная фраза была напечатана въ такомъ видѣ: „Въ подтвержденіи того, что цѣли партіи совершенно миролюбивыя, я прошу прочесть письмо къ императору Александру III отъ Исполнит. Комитета, напечатанное вскорѣ послѣ 1 марта. Изъ него вы увидите, что партія желаетъ реформъ *сверху*, но реформъ искреннихъ, полныхъ, жизненныхъ".

Въ такомъ видѣ фраза эта попала въ предисловіе г. Пле-

---

[1]) Мы выпускаемъ выдержки изъ рѣчей Златопольскаго, Грачевскаго, Теллалова, такъ какъ выше дали эти рѣчи цѣликомъ. *Ред.*

ханова къ книгѣ профессора Туна—„Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“.

Разумѣется, такой фразы я не могла сказать, потому что принципы „Народной Воли“ были моими собственными принципами, воодушевляли меня и были мнѣ безконечно дороги, а эти принципы, конечно, не укладывались въ формулу „реформы сверху“.

Доказательство того, что я, дѣйствительно, не произнесла этой фразы, состоитъ въ слѣдующемъ. Когда Кеннанъ находился въ Сибири, онъ видѣлся съ очень близкими моими друзьями, которые передали ему текстъ того, что было мною сказано на судѣ, и записано моей рукой. Г-нъ Кеннанъ помѣстилъ мои слова въ своей книгѣ, чѣмъ оказалъ мнѣ, какъ увидитъ сейчасъ читатель, большую услугу. Въ его книгѣ фраза, о которой идетъ рѣчь, напечатана такъ: „Въ доказательство нашихъ мирныхъ стремленій я прошу прочесть письмо, отправленное нашей партіей императору Александру III послѣ 1 марта. Изъ этого письма вы увидите, что мы стремимся только къ реформамъ, но къ реформамъ искреннимъ, полнымъ и жизненнымъ“.

Итакъ въ текстѣ моей рѣчи у Кеннана нѣтъ слова „сверху“, поставленнаго рядомъ съ „реформами“.

Мои слова были перепечатаны Владиміромъ Львовичемъ Бурцевымъ въ прежнемъ заграничномъ изданіи „Былого“ съ гектографированнаго экземпляра рѣчей въ томъ видѣ, какъ послѣдніе ходили по рукамъ. Слѣдовательно, маленькое, но коварное слово „сверху“ было вставлено ранѣе, чѣмъ наши рѣчи попали въ публику. Чья-то услужливая рука сдѣлала *маленькій подлогъ* въ надеждѣ, что онъ свое дѣло сдѣлаетъ рядомъ съ большимъ подлогомъ въ статьѣ „Вѣстника Народной Воли“, и поможетъ скомпрометировать судившихся по процессу 17-ти еще болѣе въ глазахъ революціонной Россіи.

Невольно приходится думать, что и въ рѣчи Теллалова нѣкоторые пропуски сдѣланы не случайно. Въ самомъ дѣлѣ. Вмѣсто вполнѣ разумной фразы: „Мы впередъ отказываемся, при измѣнившихся условіяхъ политической жизни страны, отъ какихъ-либо бунтовъ, и обратимся къ тѣмъ законнымъ средствамъ, которыя будутъ доступны всякому русскому гражданину“, осталось: „Мы впередъ отказываемся отъ организаціи какихъ-либо бунтовъ и обратимся къ тѣмъ законнымъ средствамъ, которыя доступны всякому русскому гражданину“. Это въ 1883 году-то! законныя средства, доступныя всякому гражданину! Во всякомъ случаѣ, такой фразы Теллаловъ на судѣ не говорилъ,—это могутъ подтвердить оставшіеся еще въ живыхъ наши сопроцесники.

Благодаря „закрытымъ дверямъ“ суда, агентамъ русскаго правительства легко было дѣлать подлоги въ матеріалахъ, относившихся къ нашему процессу. Матеріалы эти пускались въ

обращеніе нашими товарищами безъ провѣрки, такъ какъ они лѣтомъ 1883 года еще не подозрѣвали измѣны Дегаева, а впослѣдствіи матеріалы эти никѣмъ не были пересмотрѣны.

Стоитъ-ли послѣ всего сказаннаго, серьезно заниматься защитой рѣчей нашихъ погибшихъ товарищей отъ извѣтовъ въ измѣнѣ партійнымъ принципамъ? Савелій Златопольскій, Теллаловъ, Богдановичъ, Грачевскій, они всѣ погибли славною смертью героевъ; погибли, оставаясь до конца представителями и выразителями принциповъ „Народной Воли“, т. е. борцами за свободу и политическія права народа.

Если въ ихъ рѣчахъ встрѣчаются недостатки или недомолвки, то это надо приписать главнымъ образомъ тому, что произнесшіе ихъ были прежде всего, и гораздо болѣе, людьми дѣйствія, нежели слова. Діалектика была имъ чужда, и это отчасти отразилось на ихъ рѣчахъ, къ невыгодѣ послѣднихъ. Съ другой стороны, время нашего суда было не боевое. Всѣ члены партіи сходились на томъ, что слѣдуетъ выждать дѣйствій новаго правительства прежде, чѣмъ опредѣлять дальнѣйшую тактику партіи. Слѣдовательно, по условіямъ момента, рѣчи не могли носить наступательнаго характера, тѣмъ болѣе, что въ 1881 и 1882 годахъ были пережиты непоправимыя потери, и партіи уже были нанесены смертельныя раны.

А. Прибылева (Корба).

Документы къ Чигиринскому дѣлу [1]).

Печатныя брошюры, озаглавленныя каждая „Уставъ крестьянскаго общества Тайная Дружина Высочайше утвержденный Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ“, имѣютъ на второй страницѣ вверху оттискъ орла и текстъ слѣдующаго содержанія:

Высочайшая Тайная Грамота.

Вѣрные наши крестьяне! Со всѣхъ концовъ Государства нашего слышимъ мы жалобы дорогого намъ крестьянства на тяжкія угнетенія искони враждебныхъ ему дворянъ. Между тѣмъ мы съ самаго вступленія нашего на Престолъ Имперіи Россійской старались улучшить положеніе Ваше. Вопреки желанію всего дворянства, Высочайшимъ Манифестомъ 19 февраля 1861 г. мы освободили васъ отъ крѣпостной зависимости и даровали вамъ всю землю безъ всякаго за нее платежа, а также лѣса и сѣнокосы, несправедливо дотолѣ принадлежавшіе однимъ дворянамъ.

Сію волю нашу простерли Мы, какъ на бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и на государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ послѣднимъ должны были отойти всѣ казенные земли и лѣса; всѣхъ мѣщанъ, отставныхъ солдатъ и весь безземельный людъ, безъ различія вѣроисповѣданія, повелѣли мы также надѣлить землею, ибо симъ даромъ Господь предоставилъ право всякому человѣку пользоваться въ равной мѣрѣ. При этомъ мы облегчили рекрутскую повинность; даровали всякому право свободнаго и безпошлиннаго занятія всякими ремеслами и промыслами: рыбными, соляными и всѣми другими.

Мы повелѣли оставить помѣщикамъ только усадьбы и такое-же количество земли и лѣса, какое придется и всякому бывшему ихъ крѣпостному по равному подушному раздѣлу. Такова была воля наша, обнародованная въ манифестѣ 19 февраля 1861 г. Но къ величайшему огорченію Нашему,

---

[1]) Хотя авторъ „Тайной Грамоты“ Я. В. Стефановичъ судился по процессу 17-ти, но среди другихъ обвиняемыхъ онъ занималъ особое мѣсто. Онъ одинъ среди нихъ обвинялся по извѣстному „Чигиринскому дѣлу“, къ употребленнымъ въ которомъ Стефановичемъ и другими пріемамъ многіе революціонеры отнеслись тогда же безусловно отрицательно. Мы помѣщаемъ текстъ тѣхъ документовъ, которые пустилъ въ ходъ г. Стефановичъ для организаціи среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда „Тайныхъ Дружинъ“. Во всей исторіи русскаго революціоннаго движенія случаевъ употребленія подобныхъ пріемовъ можно насчитать очень немного.

Ред.

дворяне воспрепятствовали исполненію повелѣній Нашихъ. Они хитростью и обманомъ удержали за собою большую и лучшую часть земли, всѣ лѣса и сѣнокосы и только самую худшую и ничтожную часть отвели Вамъ, притомъ еще наложили за оную чрезмѣрные выкупные и оброчные платежи; многимъ изъ васъ они не дали никакого надѣла, всѣ промыслы обложили налогами, выдумали земскія и другія повинности, кромѣ того недостойный наслѣдникъ Нашъ, несмотря на противодѣйствіе Наше, въ угоду дворянамъ, обременилъ Васъ тяжелою рекрутчиною, дабы вмѣстѣ съ ними имѣть противъ васъ силу и тѣмъ держать васъ, какъ скотовъ, въ темнотѣ и нищетѣ.

Вотъ что хотѣли Мы сдѣлать для Васъ но, къ сожалѣнію, воля Наша приведена въ исполненіе не была.

Непрестанная 20-ти лѣтняя борьба Наша за васъ съ дворянствомъ убѣдила васъ наконецъ, что Мы единолично не въ силахъ помочь вашему горю, и что только вы сами можете свергнуть съ себя дворянское иго и освободиться отъ тяжелыхъ угнетеній и непосильныхъ поборовъ, если единодушно съ оружіемъ въ рукахъ возстанете противъ ненавистныхъ вамъ враговъ и завладѣете всею землею. Руководясь симъ убѣжденіемъ, всѣмъ Вамъ крестьянамъ, а также и мѣщанамъ, вѣрнымъ намъ, а не недостойному наслѣднику Нашему Александру Александровичу съ его союзниками дворянами и Великими князьями, повелѣваемъ: Соединяйтесь въ тайныя общества, именуемыя „Тайныя Дружины“, съ тѣмъ, чтобы подготовится къ возстанію противъ дворянъ, чиновниковъ и всѣхъ высшихъ сословій. Всякій, кто готовъ положить жизнь свою за великое дѣло, обязанъ дать присягу на вѣрность обществу Тайной Дружины. Сіи общества должны держать себя въ самой строгой тайнѣ отъ дворянскаго начальства и поповъ, этихъ, по большей части, шпіоновъ панскихъ, а не достойныхъ пастырей стада Божія. Измѣнниковъ не должно щадить, и всякій кто умертвитъ предателя, совершитъ доброе и благородное дѣло.

Повелѣваемъ Тайнымъ Дружинамъ исполнять Наши утвержденные уставы; сохранять твердость и единодушіе въ своемъ дѣлѣ и не вѣрить ни попамъ, ни дворянамъ, которые лживыми обѣщаніями и всякими другими способами будутъ стараться внести между вами раздоръ и тѣмъ ослабить Ваши силы. Въ случаѣ же смерти Нашей или другого могущаго произойти несчастія, завѣщаемъ Тайнымъ Дружинамъ не покидать своего великаго дѣла и непрестанно съ мечемъ въ рукѣ бороться съ вѣчнымъ врагомъ свободы и благоденствія вашего, пока язва сія съ корнемъ не исчезнетъ съ земли Русской.

Когда же священная борьба ваша съ дворянами, этимъ хитрымъ, но слабымъ врагомъ вашимъ,—съ Божіей помощью увѣнчается для васъ побѣдой,—тогда вся земля, съ лѣсами и сѣнокосами, станетъ такимъ-же безплатнымъ достояніемъ вашимъ, какъ вода, свѣтъ солнечный и всякій другой даръ Божій, созданный для человѣка; не будетъ ненавистнаго вамъ дворянскаго начальства, незнающаго состраданія къ вамъ, и воцарится тогда свобода и благоденствіе на землѣ Русской.

Итакъ, осѣни себя крестнымъ знаменемъ, православный народъ, и призови благоволеніе Божіе на святое дѣло твое. Помни, како заповѣдь, сіи слова, сказанныя тебѣ Царемъ—доброжелателемъ твоимъ! На подлинномъ

собственная Его Императорскаго Величества печать и подпись „Александръ II". С.-Петербургъ 1875 года февраля 19 дня.

Далѣе изложено нижеслѣдующее содержаніе самаго устава:

Назначеніе общества Тайная Дружина:

I. Тайныя крестьянскія общества. именуемыя Дружинами, имѣютъ своимъ назначеніемъ подготовиться къ возстанію противъ дворянъ и другихъ высшихъ сословій съ тѣмъ, чтобы силою возвратить себѣ захваченную ими землю, уничтожить повинности и налоги, введенные дворянскимъ начальствомъ и возстановить полную „Волю", какъ даровалъ ее Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Дружина состоитъ подъ покровительствомъ самого Государя Императора Александра Николаевича и пользуется отъ Его Величества поддержкою.

II. Всею Дружиною заправляетъ Совѣтъ Коммисаровъ, который состоитъ изъ лицъ. облеченныхъ въ званіе коммисара особенною грамотою, выданною изъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи за печатью Самого Государя Императора Александра Николаевича.

III. 1) Коммисаръ избираетъ изъ извѣстныхъ ему крестьянъ наиболѣе честныхъ, твердыхъ, трезвыхъ, преданныхъ Государю Императору Александру Николаевичу и враждебныхъ дворянству, объявляетъ имъ волю Государя Императора и, если они заявятъ готовность служить святому народному дѣлу, хотя бы пришлось умереть за него, тогда приводитъ ихъ къ присягѣ на вѣрность дѣлу. Послѣ сего первые дружинники немедленно приступаютъ къ вербовкѣ новыхъ членовъ.

2) Коммисаръ доноситъ Его Величеству о ходѣ дѣлъ Дружины.

3) Коммисаръ, какъ лицо, уполномоченное самимъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ, издаетъ дополнительные уставы, и таковые, утвержденные Совѣтомъ Коммисаровъ, за печатью онаго, обязательны для состоящей подъ его вѣдомствомъ Дружины.

4) Коммисаръ вноситъ предложеніе о смертной казни невѣрныхъ дружинниковъ; а въ случаяхъ могущей немедленно произойти опасности отъ измѣны или неосторожности члена, произноситъ таковому смертный приговоръ самъ.

IV. 25 дружинниковъ составляютъ староство. Староство избираетъ старосту большинствомъ голосовъ не менѣе 15 дружинниковъ. Старосты вмѣстѣ составляютъ старостскую раду; они имѣютъ между собою общій пароль, который ими измѣняется на каждомъ сходѣ Старостской рады. Старостская рада избираетъ изъ себя Атамана.

Обязанности каждаго члена дружины:

1) Каждый крестьянинъ тогда только считается настоящимъ дружинникомъ, когда онъ принесетъ присягу на вѣрность дѣлу всей дружины. Къ присягѣ же приводится въ томъ случаѣ, когда не менѣе двухъ знающихъ его дружинниковъ поручатся за его благонадежность.

2) Каждый дружинникъ обязанъ непремѣнно вербовать новыхъ членовъ въ дружину, дѣлая сіе осторожно и совѣтуясь съ другими дружинниками.

3) Дружинники должны жить въ мірѣ и согласіи и всегда помогать другъ другу въ нуждахъ.

4) Каждый дружинникъ обязанъ сдѣлать для себя пику или ратище и сохранять его втайнѣ до времени возстанія.

5) Каждый дружинникъ вноситъ ежемѣсячно не менѣе 5 коп. въ кассу дружины.

6) Черезъ каждыя двѣ недѣли дружинникъ отдаетъ отчетъ своему старостѣ о томъ, что онъ сдѣлалъ на пользу дружины.

7) Дружинникъ, замѣтившій невѣрность другого, тотчасъ доноситъ объ этомъ старостѣ.

8) Дружинникъ обязанъ исполнять приказаніе своего старосты.

Обязанности старосты:

1) Староста наблюдаетъ, чтобы дружинники его Староства точно знали уставъ и строго соблюдали свои обязанности.

2) Еженедѣльно узнаетъ о числѣ новыхъ членовъ, и самъ лично при двухъ свидѣтеляхъ приводитъ каждаго къ присягѣ, которой новый членъ заранѣе выучивается отъ своихъ поручителей.

3) Если число новыхъ дружинниковъ достигло двадцати пяти, и если по мѣсту жительства они близки другъ къ другу, староста соединяетъ ихъ въ новое староство и выбраннаго ими своего старосту вводитъ въ старостскую раду.

4) Староста ежемѣсячно собираетъ съ своего староства денежные взносы и доставляетъ ихъ въ старостскую раду.

5) Въ случаѣ измѣны или другой опасности староста немедленно даетъ знать объ этомъ Атаману.

6) Онъ можетъ въ семъ случаѣ распорядиться самъ, если время не терпитъ, но тогда онъ отвѣчаетъ за несправедливое распоряженіе.

7) Староста избирается на 3 мѣсяца, онъ можетъ быть смѣненъ раньше, если того пожелаетъ большинство 20 дружинниковъ; назначенный отъ Коммисара не можетъ быть смѣненъ дружинниками.

8) Староста, оставляющій свое званіе, сдаетъ свое староство другому, избранному на его мѣсто.

V. Старостская рада обсуждаетъ, какъ привести въ исполненіе коммисарскіе приказы, чтобы сіе осталось незамѣченнымъ дворянскимъ начальствомъ и постороннимъ крестьянами, а также мѣры огражденія отъ опасности, выдаетъ старостамъ деньги на нужды ихъ староствъ; назначаетъ черезъ каждые 3 мѣсяца двухъ изъ старостъ для провѣрки кассы и выбираетъ казначея и Атамана.

Обязанности Атамана:

1) Атаманъ избирается изъ старостъ на 3 мѣсяца, но назначенный самимъ, Коммисаромъ не можетъ быть смѣненъ старостскою радою. Если онъ не грамотенъ, то назначаетъ себѣ писаря.

2) Черезъ Атамана дружина сносится съ Коммисаромъ, а черезъ послѣдняго и съ самимъ Его Императорскимъ Величествомъ, посему Атаманъ избирается изъ самыхъ лучшихъ дружинниковъ.

3) Атаманъ лично получаетъ приказы отъ Коммисара.

4) Онъ доноситъ Коммисару о дѣлахъ Дружины, имена ненадежныхъ членовъ, а также имена особенно старательныхъ для дѣла.

5) Атаманъ, какъ въ то же время и староста своего староства, назначаетъ себѣ помощника; оставляя свое званіе, онъ сдаетъ дѣла другому, избранному на его мѣсто.

Обязанности казначея:

1) Казначей избирается старостскою радою изъ старостъ, а назначенный Коммисаромъ не можетъ быть ею смѣненъ.

2) Онъ хранитъ кассу Дружины и подъ страхомъ отвѣтственности не долженъ самъ тратить ея. Онъ выдаетъ деньги только старостамъ и Атаману по опредѣленію старостской рады.

VI. Старостно именуется: первымъ (1), вторымъ (2) и т. д., по времени своего происхожденія. Всякій приказъ отъ Коммисара за печатью Совѣта Коммисаровъ Дружина должна исполнять, какъ повелѣнія самого Государя. Коммисаръ доставляетъ дружинѣ денежныя пособія.

Обрядъ святой присяги:

Къ святой присягѣ желающій быть членомъ Дружины приводится послѣ поручительства двухъ знающихъ его дружинниковъ. Только Коммисаръ имѣетъ право приводить къ Св. присягѣ безъ поручительства. Обрядъ святой присяги совершается такъ: Предъ иконою Спасителя, св. Крестомъ, св. Евангеліемъ, передъ двумя накрестъ воткнутыми пиками или ножами, зажигается восковая свѣчка. Приводимый къ Св. присягѣ становится на колѣни, поднимаетъ второй и третій персты правой руки вверхъ, а лѣвую полагаетъ на грудь и повторяетъ слова Св. присяги, читаемыя старостою или грамотнымъ свидѣтелемъ такъ:

— Я (имя, отчество, фамилія) передъ ликомъ Спасителя, Святымъ Евангеліемъ, Святымъ Крестомъ, клянусь всю мою жизнь пожертвовать Св. народному дѣлу Дружины. Клянусь по приказу Государя Александра Николаевича бороться съ оружіемъ въ рукахъ съ помѣщиками, чиновниками и всякими моихъ собратій и моего Государя Александра Николаевича врагами, погубившими нашу волю и отнявшими отъ насъ землю, врученную намъ самимъ Богомъ и Государемъ Александромъ Николаевичемъ въ вѣчное безплатное пользованіе. Клянусь всѣми моими силами стараться непрестанно вербовать членовъ въ Тайную Дружину. Клянусь жить со всѣми дружинниками въ мирѣ и согласіи, какъ братьямъ, помогать имъ въ нуждахъ. Клянусь сохранять въ строгой тайнѣ наше общее дѣло даже на исповѣди и никого изъ товарищей дружинниковъ не выдавать врагамъ и если замѣчу въ другомъ таковое намѣреніе,—донести своему старостѣ. Клянусь безпрекословно исполнять уставы Дружины, исходящіе черезъ Коммисаровъ за печатью Совѣта Коммисаровъ отъ Самого Государя Императора Александра Николаевича. Ежели нарушу сію мою клятву, то призываю гнѣвъ Господа Бога и всѣхъ святыхъ его на меня и на все мое потомство, и да поразятъ меня всякія бѣды и несчастья, и да не щадитъ меня рука брата—дружинника. Аминь.

Послѣ произнесенія сихъ словъ присягнувшій цѣлуетъ икону, крестъ и Евангеліе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“. Александръ II. С.-Петербургъ. 1875 г. Февраля 19 дня.

Въ концѣ означенной присяги приложена золотого цвѣта круглая печать, среди которой изображены на крестъ пика и топоръ, а кругомъ значится: „печать совѣта Коммисаровъ“.

Изъ исторіи „конституціонныхъ“ вѣяній въ 1879—1881 гг.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ, неизданныхъ или малоизвѣстныхъ, матеріаловъ, коснуться исторіи «конституціонныхъ» идей въ 1879—1881 годахъ. Кавычки при словѣ конституціонный означаютъ лишь то, что мы будемъ говорить исключительно объ отношеніяхъ сферъ, высокобюрократическихъ и придворныхъ, къ идеѣ представительства. Дѣло въ томъ, что въ этихъ кругахъ значеніе народнаго представительства для Россіи всегда—теперь и раньше—или вовсе отрицалось, или, если и признавалось, какъ необходимый выходъ изъ даннаго момента, то принципіально оно считалось отнюдь не противорѣчащимъ идеѣ самодержавія. Поэтому въ бюрократическихъ попыткахъ создать специфически русскую форму участія народа въ управленіи страной, естественно, не было и тѣни конституціонныхъ началъ. Самое крупное выраженіе конституціонныхъ потугъ высшаго правительства въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ мы видимъ въ проектахъ Валуева, вел. кн. Константина Николаевича и гр. Лорисъ-Меликова. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что возникновеніе первыхъ двухъ проектовъ относится къ серединѣ 60-хъ годовъ (1863 и 1866 гг.), но въ концѣ 70-хъ годовъ они были вновь выдвинуты и подверглись обсужденію. Но и эти два, и пресловутый лорисъ-меликовскій никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ конституціоннымъ [1]).

I.

Записка Валуева была составлена имъ въ эпоху польскаго возстанія и представлена государю 13 апрѣля 1863 года. Отсылая читателей, желающихъ детально ознакомиться съ его запиской, къ текстамъ, напечатаннымъ въ указанныхъ въ примѣчаніи работахъ, ограничимся лишь краткимъ изложеніемъ основныхъ мыслей Валуева и исторіи вопроса, какъ это сдѣлано въ офиціальномъ изданіи.

---

[1]) Записки Валуева и гр. Лорисъ-Меликова напечатаны въ конфиденціальномъ правительственномъ изданіи „Предположенія высшаго правительства о привлеченіи избранныхъ отъ населенія лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности“. Отсюда эти записки, а также и историческій комментарій перепечаталъ г. Берьманскій въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Права“ за 1905 годъ.

Основанія, на которыхъ статсъ-секретарь Валуевъ строилъ свои предположенія, могутъ быть сведены къ слѣдующему: 1) представители населенія, избираемые земскими собраніями не болѣе какъ по 2—4 на губернію, причемъ только наиболѣе крупные города имѣютъ отдѣльныхъ представителей, вводятся въ государственный совѣтъ; 2) представителей избираютъ всѣ части Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго; 3) представители участвуютъ въ обсужденіи только нѣкоторыхъ дѣлъ, поручаемыхъ государственному совѣту; 4) сверхъ представителей отъ земствъ въ государственный совѣтъ приглашаются, по непосредственному Высочайшему избранію, и нѣкоторые члены высшаго духовенства.

По мысли статсъ-секретаря Валуева, основныя положенія эти, но на первое время лишь въ общихъ выраженіяхъ, должны были быть опубликованы 17 апрѣля въ формѣ указа на имя Предсѣдателя государственнаго совѣта или Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

14 апрѣля записка была возвращена Валуеву съ слѣдующей собственноручной Его Величества резолюціей: *„Предположенія эти такъ важны и требуютъ столь зрѣлаго обсужденія, что я сомнѣваюсь, чтобы мы успѣли притти къ какому-либо заключенію въ одно совѣщаніе* [1]). *Я, однако, васъ соберу завтра въ 11 ч. Всѣмъ прочимъ дамъ знать отъ Себя“.*

15 апрѣля въ Высочайшемъ присутствіи состоялось первое засѣданіе по вопросамъ, затронутымъ въ запискѣ статсъ-секретаря Валуева. Слѣдуетъ думать, что оно не было послѣднимъ, такъ какъ разработанный проектъ объ участіи земскихъ представителей въ занятіяхъ государственнаго совѣта былъ представленъ статсъ-секретаремъ Валуевымъ только 18 ноября 1863 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно думать, что первоначальныя предположенія статсъ-секретаря Валуева не вызвали особыхъ возраженій, такъ какъ разработанный имъ проектъ, въ существѣ, ни въ чемъ не отступаетъ отъ означенныхъ предположеній.

Въ 1867 г. вновь былъ возбужденъ вопросъ о привлеченіи выборныхъ отъ населенія къ участію въ законодательныхъ работахъ. Основаніемъ послужила записка, представленная государю великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ еще въ 1866 году.

Къ сожалѣнію, эта записка намъ неизвѣстна. Изъ переписки Валуева и кн. С. Н. Урусова, излагавшаго мысли великаго князя (переписки хранящейся нынѣ въ Арх. Мин. Вн. Дѣлъ) видно, что записка великаго князя тѣсно примыкаетъ ко взглядамъ Валуева и составлена не безъ участія послѣдняго...

Такимъ образомъ ни въ проектѣ Валуева, ни, конечно, въ проектѣ великаго князя нѣтъ совершенно рѣчи объ участіи народа въ законодательной работѣ.

II.

Въ 1879 году, подъ вліяніемъ все возростающаго революціоннаго движенія, мысли высшаго правительства вновь обращаются къ

---

[1]) Подлинникъ хранится въ Арх. Мин. Вн. Дѣлъ.

«конституціи». Приходится констатировать, что лишь весьма немногіе бюрократы рѣшались выступать съ этой мыслью; если нѣкоторые сознавали всю неизбѣжность для родины этого выхода, то соображенія о карьерѣ, конечно, брали верхъ и налагали на ихъ уста печать молчанія. Въ дневникѣ П. А. Валуева, бывшаго въ то время министромъ государственныхъ имуществъ, находимъ не мало любопытнѣйшихъ замѣчаній и признаній [1]).

Первое замѣчаніе о возобновленіи конституціонныхъ разговоровъ мы находимъ подъ 27 апрѣля 1879 года. «Вчера—пишетъ Валуевъ—былъ у меня А. (конечно, Абаза, тогдашній министръ финансовъ). Долгій разговоръ. Онъ бьетъ на представительный элементъ, примѣняясь къ моимъ предположеніямъ 1863 года. Конечно, онъ при этомъ думаетъ и о своей роли,—но все-таки онъ говоритъ и по убѣжденію, что далѣе просто по старому, безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, дѣло итти не можетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что если такихъ перемѣнъ не сбудется, онъ уѣдетъ въ отпускъ безъ шума, но не вернется. Ясной мысли въ немъ нѣтъ. Онъ слишкомъ много толкуетъ и слишкомъ неумѣло взялся за дѣло». Конечно, авторъ «предположеній 1863 года» съ высоты смотрѣлъ на Абазу, еще ничѣмъ не проявившаго себя по этой части. Валуевъ далъ Абазѣ просмотрѣть свои работы и черезъ нѣсколько дней записалъ. «А. возвратилъ бумаги. Я, при этомъ случаѣ, кажется ближе въ него всмотрѣлся. Способности есть; но порывистости нѣтъ. Душа мелкая».

По поводу положенія высшаго правительства въ то время Валуевъ писалъ: «Изъ Ливадіи (гдѣ въ это время былъ государь) ничего. Высшая власть будто на время улетучилось. Здѣсь ихъ три, по политической части, не считая судебной, которая ведетъ процессы. Trait d'union нѣтъ. Есть отрывки правительства. Цѣлаго нѣтъ».

Графъ П. А. Валуевъ, несомнѣнно одинъ изъ умнѣйшихъ бюрократовъ Россіи, тонкій наблюдатель современныхъ событій, правильно оцѣнивалъ значеніе и ростъ революціоннаго движенія. Онъ оцѣнивалъ правильно, если не въ рѣчахъ и оффиціальныхъ переговорахъ, то во всякомъ случаѣ на страницахъ своего дневника. По поводу суда надъ Соловьевымъ, 26-го мая 1879 года, онъ писалъ:

«Судъ надъ Соловьевымъ состоялся вчера... Достойна замѣчанія аффектація безвѣрія во всѣхъ этихъ подсудимыхъ. Съ перваго слова, на судѣ, Соловьевъ заявилъ, что не признаетъ никакой религіи... Для меня все это какъ будто второстепенно,—т. е. не характеръ безвѣрія въ выхоленныхъ нами самими заговорщикахъ и убійцахъ,—а всѣ теперешніе суды и пр. Не вижу правительственнаго сознанія, хотя и вижу правительствованіе Мнѣ кажется,

---

[1]) Мы пользовались современной копіей этого дневника. По смерти Валуева, его дневники перешли, если не ошибаемся, въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

что все-таки по частямъ все крушится и рушится—и я безсиленъ крушенію и обрушенію ставить преграды. Все одно и то же чувство.—Вижу, чего другіе какъ будто не видятъ, и ожидаю того, чего они ждутъ».

Чтобы оцѣнить все значеніе этого признанія, нужно вспомнить, что какъ разъ въ это время подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева. происходили засѣданія особаго совѣщанія изъ министровъ: военнаго, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющаго II отдѣленія и шефа жандармовъ. Этому совѣщанію императоръ Александръ II, уѣзжая послѣ покушенія Соловьева въ Крыму, поручилъ выяснить «причины быстраго распространенія въ средѣ молодого поколѣнія разрушительныхъ ученій и изыскать дѣйствительныя практическія мѣры для ихъ устраненія». Само собой разумѣется, что въ особомъ совѣщаніи, которое по приказанію свыше, *должно было* изыскать мѣры для устраненія „крамолы", предсѣдатель не высказывалъ своихъ взглядовъ, оставляя ихъ изложеніе на страницахъ дневника.

Еще разительнѣе слѣдующія признанія. 1 іюня возвратились въ Петербургъ государь и государыня, 3-ьяго Валуевъ былъ въ Царскомъ селѣ и видѣлъ ихъ. „Вокругъ ихъ—писалъ онъ въ дневникѣ—все по прежнему; но они не прежніе.—Оба оставили во мнѣ тяжелое впечатлѣніе. Государь имѣетъ видъ усталый и самъ говорилъ о нервномъ раздраженіи, которое онъ усиливается скрывать. Въ эпоху, гдѣ нужна въ немъ сила,—очевидно нельзя на нее разсчитывать. Коронованная . . . . . Императрица—живое противорѣчіе. Пріемы прежніе, вся наружность другая; какъ будто кто-то играетъ чужую роль. Она, въ данный срокъ времени, постарѣла болѣе его.—Во дворцѣ—гѣ же Гротъ и Голицынъ, та же фрейлина Пилларъ, тѣ же метръ-д'отель и пр.—Вокругъ дворца на каждомъ шагу полицейскія предосторожности; конвойные казаки ѣдутъ рядомъ съ приготовленнымъ для Государя традиціоннымъ въ такіе дни шарабаномъ. Чувствуется, что почва зыблется, зданію угрожаетъ паденіе, но обыватели какъ будто не замѣчаютъ этого,—а хозяева смутно чуютъ недоброе, но скрываютъ внутреннюю тревогу»...

При такихъ зловѣщихъ предчувствіяхъ Валуевъ нашелъ возможнымъ заговорить съ государемъ о конституціи и о своихъ планахъ и проэктахъ, разработанныхъ имъ въ 1863 году. Намъ, конечно, трудно теперь судить, въ какой мѣрѣ были искренни намѣренія графа Валуева и какъ онъ разсчитывалъ свои личныя выгоды въ случаѣ, если бы государь согласился съ нимъ и вступилъ на новый путь дѣйствій. 4 іюня Валуевъ былъ съ докладомъ въ Царскомъ селѣ. „Впечатлѣніе довольно благопріятное. Государь повидимому сознаетъ, что нельзя ничего не дѣлать для будущаго, и, кажется, мнѣ довѣряетъ. Онъ опять самъ заговорилъ о конституціонныхъ толкахъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы обрисовать въ должномъ свѣтѣ и видѣ нынѣшній Государственный Совѣтъ, и забросилъ два слова о моихъ предположеніяхъ 1863

года. Государь ничего не сказалъ, но въ тотъ же вечеръ прислалъ мнѣ, для прочтенія и доклада, полученное имъ отъ кн. Горчакова открытое письмо неизвѣстнаго, въ которомъ проводится мысль о необходимости и неизбѣжности конституціи... Авторъ, очевидно, полякъ, мало знающій Россію.“ [1])

Послѣ этого робкаго начала разговоры о конституціи прекратились надолго. Государь безмолвствовалъ по вопросу, поднятому Валуевымъ. И только 10 декабря при докладѣ Валуевъ вновь высказалъ все, что могъ сказать по поводу положенія дѣлъ, высказалъ, по его словамъ, «съ жаромъ и рѣзко». Выслушавъ Валуева, государь разрѣшилъ ему вновь представить записку 13 апрѣля 1863 года. При разговорѣ присутствовалъ будущій императоръ Александръ III. Онъ слушалъ молча и Валуевъ не могъ прочитать впечатлѣній на его лицѣ, такъ какъ онъ сидѣлъ въ сторонѣ, а Валуевъ, обращаясь къ государю, почти не могъ его видѣть. 17 декабря Валуевъ передалъ Александру II свои записки и проэктъ.

Прошло еще довольно времени, пока Государь вновь заговорилъ о запискѣ Валуева. Тревожное настроеніе, поддерживаемое слухами о возможности революціонныхъ настроеніяхъ, не умирало, наоборотъ, усиливалось. 6 января 1880 года не состоялся даже обычный выходъ. По этому поводу Валуевъ записалъ: „съ разныхъ сторонъ въ послѣднее время получались свѣдѣнія, будто бы на этотъ день готовилось новое покушеніе противъ жизни Государя. Вспомнили, что на планѣ Зимняго дворца, найденномъ у одного изъ здѣсь арестованныхъ лицъ, былъ между прочимъ особый знакъ на мѣстѣ, обозначающемъ Іорданскій подъѣздъ. Ничего положительнаго, впрочемъ, не открыто»...

7 января государь приказалъ Валуеву быть у него въ среду 9-го. «Зачѣмъ? Не моя записка ли, 1863 года, получаетъ ходъ?»—спрашиваетъ Валуевъ въ своемъ дневникѣ. Дѣйствительно, 9 января, рѣчь зашла о пресловутой запискѣ.

«При этомъ случаѣ Государь прочиталъ мнѣ *исчезнувшую* съ 1866 г. записку вел. кн. Ген.-Адмирала (т. е. Константина Николаевича) приблизительно по тому же предмету. Его предположенія уже, и явно, что узость ихъ, въ глазахъ государя составляетъ достоинство. Разрѣшено переговорить съ кн. Урусовымъ. Государь притомъ отозвался, что соберетъ насъ послѣ для совѣщанія, конечно при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, Шефѣ Жандармовъ и проч. Присутствовавшій Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію status quo и всякій «конституціонализмъ» считаетъ гибельнымъ. Явно, также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно *столичными бреднями*, и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предположеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году высказалъ во всеподданнѣйшей запискѣ, que le mot

[1]) Это письмо намъ неизвѣстно.

«constitution" ne devait même pas être prononcé. Государь передалъ Цесаревичу, отчасти по моему предложенію, отчасти proprio motu, les pièces du procès. Въ виду настроенія, я не входилъ ни въ какія подробности. Всетаки дѣло пошевельнулось. Увидимъ, что будетъ далѣе.»

10 января Валуевъ отослалъ государю часть свой переписки съ кн. Урусовымъ въ 1866 году. Предварительно онъ объяснился съ Урусовымъ и спросилъ его согласія. «Урусовъ—записываетъ Валуевъ—колеблется, несмотря на то, что самъ мнѣ сказалъ за обѣдомъ у государя, 16 декабря, въ тотъ самый день, когда я напомнилъ Его Величеству о моей запискѣ 1863 г., «qu'il ruminait sans cesse mes idées d'alors» (что онъ пережевываетъ безпрестанно мои тогдашнія идеи).

Между тѣмъ слухи о грядущей конституціи побѣжали по придворнымъ сферамъ. Другой завѣдомый «конституціоналистъ» той эпохи вел. кн. Константинъ Николаевичъ тоже заволновался. 11 января онъ приглашалъ къ себѣ Валуева, но тотъ былъ боленъ и написалъ, что не можетъ быть. Тогда великій князь просилъ его прислать переданную государемъ его записку 1866 года. «Слѣдовательно—заключаетъ Валуевъ—государь говорилъ съ нимъ». 15 января къ Валуеву заѣзжалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ и сообщилъ ему, что великій князь заспорилъ съ нимъ наканунѣ о той же запискѣ. «Государь--пишетъ Валуевъ подъ 15 января—имѣетъ въ виду нѣчто къ 19-му февраля и намекнулъ объ этомъ и Дрентельну, который довольно наивно предложилъ даровать какія то облегченія полицейскимъ поднадзорнымъ. Государь отозвался, что «пожалуй, но это особо, а дѣло въ другомъ, и онъ насъ соберетъ для совѣщанія».

15 же января Валуевъ былъ званъ во Дворецъ къ обѣду, но вынужденъ былъ извиниться.

«Кое что непремѣнно сбудется, если рѣчь о 19-мъ февраля, и я не безъ основанія на то расчитывалъ 10-го декабря. Но что именно? Знаю, что со всѣхъ сторонъ будутъ стараться урѣзывать. Кн. Урусовъ мнѣ писалъ, qu'il est effrayé de mon courage, etc. Отвѣчалъ, que si courage il y avait, c'était dans mes écrits de 1863 et 17 années de silence, mais que pour le moment j'étais simplement at bay».

17 апрѣля Валуевъ былъ у великаго князя Константина Николаевича. «Разговоръ о моей запискѣ 1863-го и его 1866-го годовъ. Онъ выпытывалъ, съ чего теперь началось движеніе. Убѣдившись, что отчасти толчекъ данъ былъ мною, онъ очевидно желалъ заключить союзъ на дальнѣйшее дѣйствіе. Я уклонился, говоря, что прежде всего нужно выждать указаній Государя и предстоящаго у него совѣщанія. Я только заявилъ, что для меня существенно важны слѣдующія три условія: чтобы дѣло было не мелкое; чтобы *совѣщательное* участье въ законодательствѣ было предоставлено лицамъ, выбраннымъ для того изъ губерній; и чтобы не было племенныхъ исключеній или ограниченій. Я выразился такъ: не гостинодворскія начала, а начала Всероссійской Имперіи».

18-го января Валуевъ обѣдалъ у Государя вмѣстѣ съ генералами Гурко, Дрентельномъ, Зуровымъ, гр. Павловымъ, Шуваловымъ и Маковымъ. Государь передалъ Валуеву мнѣніе по вопросу князя Урусова. Урусовъ совѣтовалъ Государю ничего не дѣлать: по его мнѣнію, многаго нельзя; малое не удовлетворитъ. Валуевъ отвѣтилъ на это, что дѣло такъ важно, что все-таки желательно, чтобы оно было обсуждено въ присутствіи Государя. Александръ II согласился съ этимъ предложеніемъ. Тутъ же Валуевъ передалъ Государю о приглашеніи великаго князя, просилъ и получилъ дозволеніе сообщить великому князю свои записки.

«Кризисъ—пишетъ Валуевъ подъ 18 января—по этому радикальному вопросу наступаетъ». Наконецъ, 19 января, Государь, возвращая нѣкоторыя бумаги, приписалъ, что проситъ къ себѣ въ понедѣльникъ, т. е. 21 января. «Кризисъ у порога»... пишетъ Валуевъ.

III.

Обсужденію конституціонныхъ записокъ было посвящено четыре засѣданія. На первомъ—21 января—Государь только поставилъ вопросъ и предложилъ обсудить его между сановниками, въ коммиссіи изъ двухъ великихъ князей (Константина Николаевича и наслѣдника Александра Александровича), Валуева, кн. Урусова, шефа жандармовъ Дрентельна и Макова. Въ этомъ составѣ коммиссія обсуждала предложеніе Валуева 23 и 25 января. Послѣднее засѣданіе въ присутствіи Государя было 30 января. До сихъ поръ всѣ наши свѣдѣнія объ этихъ засѣданіяхъ ограничивались всего на *всего десяткомъ* строкъ въ книгѣ С. С. Татищева [1]) Да и эти строки были взяты изъ дневника Валуева. Мы имѣемъ возможность сообщить полностью всѣ записки Валуева.

О первомъ засѣданіи 22 января Валуевъ на слѣдующій день записалъ слѣдующее:

«Вчера совѣщаніе у Государя. Для лучшаго охраненія тайны всѣ введены первыми коридорными дверьми въ библіотеку. На лицо были: два вел. князя, кн. Урусовъ, Дрентельнъ, Маковъ и я. Государь предложилъ общій вопросъ къ обсужденію. Вел. кн. Ген.-Адмиралъ прочиталъ свою записку, дополняя изустно разными оговорками, и потомъ высказался вообще въ пользу дѣла; но то и другое въ обычномъ полуарлекинномъ тонѣ. Была рѣчь и о безсословности, и о реформахъ, и о чисто русскихъ, а не заграничныхъ началахъ, и объ англійской конституціи, и о земствѣ, и конечно о будто бы въ прежнее время раздражившемъ дворянство крестьянскомъ освобожденіи, и проч. и проч. Кн. Урусовъ, Дрентельнъ и Маковъ въ краткихъ выраженіяхъ обнаружили несочувствіе. Подробнаго обсужденія не было, потому что Государь съ

[1]) С. С. Татищевъ. Имп. Александръ II, его жизнь и царствованіе. Спб. 1903. т. II, стр. 623.

самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и предоставляетъ его обсудить предварительно между нами. Я высказался, въ свою очередь, преимущественно съ точки зрѣнія необходимости, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, положить предѣлъ пассивности добронамѣреннаго большинства, а самому правительству дать возможность высказываться и вести рѣчь противъ ежедневно и вездѣ проповѣдуемыхъ революціонныхъ началъ. Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція цесаревича имѣла видимое вліяніе на кн. Урусова и Макова. На этомъ совѣщаніе прекратилось. Положено вновь быть у государя въ будущій вторникъ, 29-го, въ 11 ч., а между тѣмъ намъ собраться у вел. кн. Ген.-Адмирала завтра, 23-го. Возвратясь домой, я тотчасъ написалъ Макову и кн. Урусову, что считаю дѣло проиграннымъ, во 1-хъ потому, что между нами нѣтъ необходимаго единодушія, во 2-хъ потому, что оно попало въ руки Ген.-Амирала. Мнѣ выгоднѣе, для будущаго, отступить, чѣмъ быть отбитому.

Общее впечатлѣніе тягостное, даже для меня, хотя я давно знаю моихъ собесѣдниковъ.

Они оказались еще гораздо ниже обычнаго уровня, кромѣ Дрентельна, который въ такихъ дѣлахъ новъ и отъ котораго я ничего кромѣ инстинктивной радости ожидать не могъ. Въ кн. Урусовѣ особенно беззастѣнчиво обнаружился лакеизмъ, а въ Маковѣ необтесанная ограниченность взгляда. Дивлюсь тому, какъ никто не замѣчаетъ опасности слишкомъ явнаго признанія въ правительственномъ эгоизмѣ.

Быть можетъ это къ лучшему. При такихъ элементахъ и направленіи дѣла вел. кн. Ген.-Адмираломъ, успѣхъ вообще становится невозможнымъ. Судьбы сбываются. Быть можетъ, для перехода къ другому порядку мыслей и дѣлъ нужно, чтобы подъ нами почва еще болѣе заколебалась».

Очевидно, Валуевъ, опытный бюрократъ и царедворецъ, сразу замѣтилъ, что для его соображеній нѣтъ почвы. О слѣдующихъ засѣданіяхъ онъ пишетъ уже въ тонѣ, вполнѣ безнадежномъ.

«23-го января — сообщаетъ Валуевъ о второмъ засѣданіи — утромъ въ Мраморномъ дворцѣ. Я заявилъ вел. кн., что въ виду отсутствія необходимаго въ такихъ дѣлахъ единомыслія, я считаю мои предположенія неосуществимыми въ настоящее время и потому отъ дальнѣйшаго настоянія или даже обсужденія отказываюсь. При этомъ случаѣ я однако же напомнилъ ему, à propos его руссицизмовъ, о вѣчахъ, о соборахъ, о боярской думѣ, и сказалъ, что нельзя изъ цѣлаго брать одну десятичную дробь, считая русскія начала только съ временъ Екатерины или кодификаціи гр. Сперанскаго, и что въ дѣлахъ государственныхъ есть общія европейскія и общечеловѣческія начала. (Это относилось къ тому, что онъ русскую Америку открывалъ въ нѣкоторыхъ, никогда не примѣнявшихся статьяхъ Свода законовъ о выборѣ депутатовъ на случай

и проч.) Маковъ, Дрентельнъ и кн. Урусовъ, каждый на свой ладъ, также выразили отрицательное по главному вопросу, мнѣніе. Тогда monseigneur s'est rabattu,—опять со всевозможными ему свойственными ужимками и нескладными оборотами рѣчи,—на простое распространеніе вышеупомянутыхъ статей Свода законовъ на земство и главные города. Я замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ дѣла нельзя пріурочивать къ 19-му февраля, а слѣдуетъ дать ему общій рутинный ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Вел. князь заявилъ, что онъ именно того и желалъ?! Положено возвратиться ко всему этому послѣ завтра, въ присутствіи цесаревича, который сегодня быть не могъ».

25 января засѣданіе происходило опять въ Мраморномъ Дворцѣ съ 1 часу до 3. Проэктъ Валуева былъ проваленъ окончательно. Мы не знаемъ, какими причинами было вызвано непріязненное отношеніе Валуева къ великому князю Константину Николаевичу и и насколько оно оправдывалось дѣйствительностью. Валуевъ въ своемъ дневникѣ приписываетъ великому князю устраненіе своего проэкта. Устраняя Валуевскій проэктъ, Константинъ Николаевичъ попробовалъ выдвинуть свой, но не успѣлъ въ этомъ, ибо встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе Валуева. Засѣданіе оставило тягостное впечатлѣніе въ Валуевѣ «Засѣданіе—писалъ онъ—у вел. кн. Ген.-адмирала, привело, но не безъ труда, къ простому отрицательному заключенію. Онъ усиленно пытался провести свою мысль и чуть-чуть не эскамотировалъ на то согласіе Цесаревича, на этотъ разъ присутствовавшаго, и промолчаніе другихъ членовъ совѣщанія. Но я уперся и не далъ совершиться его tour de prestidigitation. Онъ мнѣ вообще невыносимъ. Кн. Урусовъ, Маковъ и Дрентельнъ были въ обычныхъ роляхъ. Подробностей не отмѣчаю. Забыть главнаго нельзя. Satis.» Несмотря на запретъ, положенный этимъ «satis», мысль Валуева не можетъ не возращаться къ результатамъ совѣщанія. Черезъ два дня онъ записываетъ: «не могу, pro pudore, отмѣтить одного dictum цесаревича. Онъ самъ вѣроятно не,желалъ кого бы то ни было обидѣть, но слова, имъ произнесенныя, тѣмъ не менѣе были обидны. А генералъ адмиралъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ объяснялъ нынѣшнее исключительно положеніе дѣлъ въ ген.-губернаторствахъ, отозвался только, «конечно при такой *дичи* все невозможно». Но эта «дичь»—мѣры, принятыя по высочайшему повелѣнію его державнаго брата»

30 января состоялось послѣднее совѣщаніе по вопросу о конституціонныхъ проэктахъ, во дворцѣ у государя. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ лицъ присутствовалъ министръ двора. «Вчера—писалъ на другой день Валуевъ—похоронена вновь— на долго ли, не угадываю,—мысль 1863 года. На совѣщаніи у государя ей прочитаны краткія отходныя, съ тѣми же оттѣнками, которые обнаруживались при предшедшихъ совѣщаніяхъ.»

Толки о засѣданіяхъ, на которыхъ въ тиши дворцовъ толковали о конституціи, проникали не только въ русское общество, но и въ заграничное. Съ этими толками связывали имя Валуева.

Такъ Блейхредеръ писалъ Валуеву, что въ Германіи ждутъ на 19 февраля учрежденія «eines erweiterten Reichsraths mit Representativ-system».

IV.

Кромѣ записей Валуева, у насъ есть еще одинъ источникъ для выясненія содержанія и характера преній на январскихъ засѣданіяхъ. Это—записка, написанная великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ вскорѣ послѣ этихъ засѣданій и имѣющая своей цѣлью развить собственный взглядъ князя и опровергнуть выслушанныя имъ возраженія. Съ этой точки зрѣнія она пріобрѣтаетъ особый интересъ.

Въ своемъ проэктѣ великій князь исходилъ изъ необходимости обезпечить «дохожденіе всей правды до государя, но безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ Самодержавія». Съ этой цѣлью Великій князь предлагалъ оживить и развить три начала, принятыя нашимъ законодательствомъ: 1) право заявленія своихъ нуждъ, предоставленное дворянству (ст. 142 т. IX, зак. о сосл.,) земскимъ собраніямъ (т. II ,общ. учр. губ. ст. 1818 п. 12) и городскимъ думамъ (тамъ же, ст. 1949); 2) признанье за дворянствомъ права выбирать депутатовъ для объясненія ходатайства дворянства, 3) предоставленное департаментамъ Государственнаго Совѣта право приглашать къ совѣщанью свѣдущихъ постороннихъ дѣлъ Великій князь предлагалъ воспользоваться указанными началами «для созыва, по мѣрѣ надобности, при Государственномъ Совѣтѣ, совѣщательнаго собранія изъ экспертовъ или гласныхъ, особо избираемыхъ для сего губернскими земскими собраніями и городскими думами наиболѣе значительныхъ городовъ.»

Великій князь останавливается подробно на слѣдующихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ январскихъ совѣщаніяхъ. Эти мнѣнія наглядно иллюстрируютъ дѣтски-наивное отношеніе къ идеѣ народнаго представительства, существовавшее въ высшемъ правительствѣ.

Позволяемъ себѣ привести подробныя выдержки изъ записки великаго князя.

Въ отношеніи къ этому вопросу и вообще по существу проектированныхъ мѣръ, въ Особомъ Совѣщаніи было высказано, между прочимъ, слѣдующее:

1) что изданіе предположеннаго мною узаконенія въ торжественный день 25-ти-лѣтія благополучнаго Царствованія Государя Императора придало бы ему значеніе несравненно большее, чѣмъ оно имѣетъ въ дѣйствительности. Общество приняло бы его за даръ или за уступку со стороны Верховной Власти и было бы впослѣдствіи разочаровано, когда убѣдилось бы, что изданный Манифестъ или указъ не имѣетъ значенія конституціоннаго;

2) что если разсматривать проектированныя мною мѣры не въ смыслѣ дара или уступки, а въ видѣ мѣропріятія вообще полезнаго и имѣющаго

способствовать болѣе правильному и успѣшному обсужденію законодательныхъ предположеній,—то и эта цѣль едва ли будетъ достигнута. Весьма вѣроятно, что избранія въ гласные будутъ домогаться и въ дѣйствительности нерѣдко достигать—не одни люди серіозные, знающіе потребности своей мѣстности, а наряду съ ними и пустые болтуны, преимущественно адвокаты, которые будутъ заботиться не столько о пользѣ общей, сколько о пріобрѣтеніи себѣ популярности, возвышенія или иной выгоды;

3) что созывъ многочисленнаго собранія гласныхъ, которые легко поддадутся вліянію печати, можетъ создать для Правительства большія затрудненія искусственнымъ составленіемъ опасной оппозиціи;

Наконецъ 4) что у насъ Правительство стоитъ неизмѣримо выше какихъ бы то ни было мѣстныхъ представителей. Вслѣдствіе того, оно не нуждается въ провѣркѣ своихъ предположеній и взглядовъ воззрѣніями людей, живущихъ въ малыхъ городахъ или уѣздахъ, а потому несравненно менѣе образованныхъ и развитыхъ. Если же, по какимъ либо другимъ, болѣе важнымъ соображеніямъ, Верховною Властью признано будетъ умѣстнымъ и нужнымъ призвать представителей общества къ участію въ обсужденіи законодательныхъ дѣлъ, къ важной этой мѣрѣ слѣдуетъ приступить не путемъ нѣкотораго лишь развитія и обобщенія началъ, существующихъ въ нашемъ собственно законодательствѣ, но путемъ усвоенія нами, хотя быть можетъ и не вдругъ, а постепенно, общихъ конституціонныхъ порядковъ, составляющихъ достояніе всего образованнаго міра.

Приведенныя соображенія требуютъ нѣкоторыхъ, съ моей стороны, объясненій.

1) Что касается неудобства издать проектированныя мною мѣры въ торжественный для Россіи день 19 февраля 1880 г. (чего, впрочемъ, мною и не было предлагаемо), то я вполнѣ согласился въ засѣданіи съ правильностью высказанныхъ по этому вопросу соображеній. Считая свой проектъ не такимъ актомъ внутренней политики Государства, который предназначенъ былъ бы произвести впечатлѣніе на умы въ томъ или въ другомъ смыслѣ, а дѣломъ несравненно болѣе скромнымъ, полезнымъ собственно въ практическомъ отношеніи, я не встрѣтилъ препятствія отложить дальнѣйшее движеніе проекта, сохранивъ за собою право представить его вновь на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора, когда это окажется своевременнымъ.

2) Переходя къ другимъ замѣчаніямъ, заявленнымъ въ Особомъ Совѣщаніи, и оставаясь по существу предмета при прежнихъ моихъ убѣжденіяхъ, я не могу тѣмъ не менѣе не признать, что опасеніе на счетъ возможности выбора въ гласные адвокатовъ имѣетъ дѣйствительное основаніе. Между тѣмъ, избраніе такихъ лицъ было бы и по моему мнѣнію, нежелательно. Посему, вполнѣ присоединяясь къ основной мысли сдѣланнаго въ этомъ отношеніи заявленія, я призналъ необходимымъ дополнить первоначальный мой проектъ правиломъ о томъ, что въ гласные не могутъ быть избираемы присяжные повѣренные, ихъ помощники и ходатаи по судебнымъ дѣламъ.

Устраненію праздной болтовни будетъ отчасти способствовать и другое предлагаемое мною нынѣ постановленіе, по которому журналы совѣщательнаго собранія должны быть составляемы не Государственною Канце-

ляріею, а самими гласными, избираемыми для сего собраніемъ. При возлагаемой на нихъ такимъ образомъ обязанности изложить на письмѣ всѣ заявленныя въ собраніи соображенія, гласные единственно будутъ заниматься по преимуществу самымъ дѣломъ, воздерживаясь отъ сужденій прямо къ нему не идущихъ.

Независимо отъ упомянутаго выше недопущенія въ составъ совѣщательнаго собранія адвокатовъ, я нахожу нужнымъ воспретить избраніе въ гласные также и лицъ, состоящихъ на государственной службѣ по опредѣленію отъ правительства. Къ этому побуждаетъ меня слѣдующее соображеніе. Въ составъ совѣщательнаго собранія желательно привлекать людей, дѣйствительно знакомыхъ на практикѣ съ мѣстными потребностями различныхъ частей государства, а отнюдь не чиновниковъ, отзывы которыхъ, въ случаѣ надобности, всегда могутъ быть истребованы ихъ начальствомъ. Къ тому же неудобно было бы, чтобы проекты, внесенные въ Государственный Совѣтъ Министрами и Главноуправляющими, разбирались, хотя и предварительно, лицами, прямо имъ подчиненными.

3) Засимъ, я, съ моей стороны, вовсе не раздѣляю другого заявленнаго въ Особомъ Совѣщаніи опасенія, заключающагося въ томъ, что созывъ совѣщательнаго собранія гласныхъ можетъ создать для правительства большія затрудненія.

Опасность подобнаго рода была бы, по моему мнѣнію, возможна въ томъ только случаѣ, если бы собраніе было весьма многочисленное, если бы въ гласные допускались всѣ безъ разбора, если бы засѣданія собранія были постоянныя и притомъ публичныя, наконецъ, если бы собраніе было предоставлено самому себѣ, безъ всякаго надзора со стороны Правительства.

Ничего подобнаго въ проектируемыхъ мною правилахъ не предполагается.

Относительно численнаго состава совѣщательнаго собранія, необходимо имѣть въ виду, что мною предположено избирать только по одному гласному отъ каждой губерніи, гдѣ введены земскія учрежденія (35 губ.), и по одному же гласному отъ одиннадцати наиболѣе значительныхъ городовъ; засимъ, хотя въ проектѣ упоминается также объ избраніи гласныхъ отъ губерній, въ коихъ не введены еще земскія учрежденія, но это сдѣлано главнымъ образомъ для того, чтобы закономъ признано было въ принципѣ право представительства за всѣми, безъ изъятія, частями Имперіи, самый же вызовъ гласныхъ отъ губерній не представляется безусловно необходимымъ на первое по крайней мѣрѣ время. По сему порядокъ избранія ихъ, нынѣ даже не предначертанный, предполагается опредѣлить впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, въ первые годы дѣйствія проектированныхъ мною мѣръ полный составъ совѣщательнаго собранія ни въ какомъ случаѣ не превышалъ бы 46 гласныхъ (35 гласныхъ отъ земскихъ собраній и 11 гласныхъ отъ городовъ). Но онъ можетъ быть и менѣе. Изъ осторожности, особенно необходимой на первыхъ порахъ, мною предполагается постановить, что гласные могутъ быть созываемы и не въ полномъ составѣ, а отъ тѣхъ только губерній и городовъ, которые будутъ означены въ Высочайшемъ указѣ о составѣ совѣщательнаго собранія. Вслѣдствіе сего, Правительство будетъ имѣть возможность призывать, за одинъ разъ, не болѣе

напримѣръ 30-ти или даже и менѣе гласныхъ. Кромѣ того, я признаю возможнымъ, въ случаѣ оказавшейся на опытѣ особой необходимости, подраздѣлять собраніе на отдѣленія, поручивъ каждому соображеніе различныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, возникшая оппозиція могла бы быть тотчасъ же разъединена и обезсилена. Благодаря всѣмъ этимъ предохранительнымъ мѣрамъ, численный составъ гласныхъ, обсуждающихъ тотъ или другой проектъ или же то или другое ходатайство, можетъ быть низведенъ до самыхъ незначительныхъ размѣровъ.

Съ другой стороны, собранія не будутъ постоянныя и не для разсмотрѣнія всѣхъ вообще дѣлъ, а временныя, на срокъ точно опредѣленный Правительствомъ, съ указаніемъ и самыхъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію собранія. Возбуждать вопросы новые или вообще выходить изъ предѣловъ предположенныхъ вопросовъ—гласные не должны имѣть права. Предсѣдательство въ совѣщательномъ собраніи возлагается на Членовъ Государственнаго Совѣта Высочайшею волею къ сему призванныхъ. Въ засѣданіяхъ собранія участвуютъ Министры и Главноуправляющіе. Наконецъ, засѣданія предполагаются непубличныя, причемъ доступъ въ оныя разрѣшается только Членамъ Государственнаго Совѣта и весьма немногимъ изъ чиновъ Государственной Канцеляріи.

Съ принятіемъ всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности, совѣщательное собраніе гласныхъ очевидно не можетъ представить ни малѣйшей опасности для правительства. Въ связи съ изложеннымъ, считаю нужнымъ остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ, по моему мнѣнію, нѣкоторую важность. Въ виду недопущенія въ число гласныхъ адвокатовъ и лицъ, состоящихъ на службѣ по опредѣленію отъ правительства, собраніе будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, изъ лицъ, дѣйствительно представляющихъ мѣстные интересы уѣздовъ и городовъ. Трудно предполагать, чтобы такія люди легко поддавались вліянію неблагонамѣренныхъ органовъ печати. Но если бы это иногда и случалось, то съ другой стороны, вызванные въ столицу гласные, безъ сомнѣнія, будутъ весьма нерѣдко приходить въ соприкосновеніе съ лицами правительственными, будутъ объясняться съ ними по дѣламъ своей мѣстности, будутъ также бесѣдовать съ ними въ частныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, они близко ознакомятся съ правительственными дѣятелями, оцѣнятъ ихъ и усвоятъ себѣ многое, до того времени имъ неизвѣстное или непонятное. Такое сближеніе и обмѣнъ мыслей будутъ во всѣхъ отношеніяхъ благодѣтельны, такъ какъ и дѣятели правительственные, въ свою очередь, узнаютъ объ уѣздной жизни многое, чего не могутъ они знать изъ дѣловыхъ бумагъ и оффиціальныхъ сношеній.

Приведенныя выдержки достаточно характеризуютъ отношеніе Константина Николаевича къ конституціонному вопросу. На его возраженіяхъ по 4-му пункту мы не будемъ останавливаться.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшей исторіи конституціонныхъ толковъ, отмѣтимъ еще одинъ проектъ, насколько намъ извѣстно, *совершенно неизвѣстный изслѣдователямъ*. Въ немъ мы имѣемъ дѣло опять таки съ такимъ преобразованіемъ государственнаго совѣта, которое допускало бы участіе выборныхъ. Мы говоримъ о брошюрѣ, отпечатанной на русскомъ языкѣ въ Парижѣ

въ типографіи Goupy et Jurdan (in 8⁰, стр. 8) подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Преобразованіе государственнаго совѣта. Записка первая (***) Февраль 1879». Авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свои мысли:

1. Самодержавная власть и всѣ законы, ее опредѣляющіе, должны остаться неприкосновенными какъ нынѣ.

2. Предметы вѣдомства государственнаго совѣта должны быть тѣ же, что и теперь.

3. Въ государственный совѣтъ должны быть призваны выборные члены, по два члена отъ каждой изъ губерній, гдѣ введено земское положеніе.

4. Выборные члены государственнаго совѣта избираются земскими губернскими собраніями съ присоединеніемъ предводителей дворянства и дворянскаго депутатскаго собранія de jure [1]) Мы можемъ теперь присоединить разсказъ Валуева.

V.

Послѣ совѣщанія 30 января 1880 года толки о привлеченіи выборныхъ къ совѣщательному участію въ государственномъ совѣтѣ замолкаютъ. Имъ было суждено возобновиться въ 1881 году, по почину графа Лорисъ-Меликова [2]). 28 января имъ была представлена всеподданнѣйшая записка объ образованіи, по примѣру редакціонныхъ комиссій, особыхъ подготовительныхъ комиссій, составленныхъ изъ представителей вѣдомствъ и выборныхъ отъ земства и городовъ. Комиссіямъ Лорисъ-Меликовъ приписывалъ только совѣщательное значеніе и устанавливалъ на первое время двѣ такихъ комиссіи: финансовую и административно хозяйственную. Задача комиссіи—составленіе законопроектовъ въ опредѣленныхъ заранѣе предѣлахъ. Эти законопроекты, по мысли Лорисъ-Меликова, должны были разсматриваться въ общей комиссіи, составленной изъ предсѣдателей подготовительныхъ комиссій и выборныхъ отъ земствъ и городовъ, по два отъ губерніи и города, а отсюда переходить

---

[1]) Дальнѣйшія соображенія авторъ развилъ въ 4 брошюрахъ того же формата и печати подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Преобразованіе государственнаго совѣта. Записка вторая. Мартъ 1881. Стр. 6 нен. + 22.

Преобразованіе государственнаго совѣта. Записка третья. Апрѣль 1881. Стр. 4 нен. + 28.

Замѣтки къ запискѣ третьей о преобразованіи государственнаго совѣта. Іюнь 1881. Стр. 7 нен. + 17.

Замѣтки къ запискѣ третьей о преобразованіи государственнаго совѣта и прибавленіе. Іюль 1881. Стр. 6 нен. + 46.

На экземплярѣ, находящемся у насъ, помѣта: печатано въ количествѣ 25 экземпляровъ.

[2]) Записка гр. Лорисъ-Меликова помѣщена въ указанныхъ нами: офиціальномъ изданіи и статьѣ „Вѣстника Права“. Подробности нужно смотрѣть въ изданной Н. А. Бѣлоголовымъ за границей безъ имени и перепечатанной съ нарушеніемъ всѣхъ авторскихъ правъ нынѣ въ Россіи брошюрѣ „Конституція гр. Лорисъ-Меликова“.

въ государственный совѣтъ. Такова сущность лорисъ-меликовской конституціи.

Валуевъ узналъ о запискѣ Лорисъ-Меликова 1 февраля отъ самого автора. «Третьяго дня—записалъ Валуевъ подъ 3 февраля—заѣзжалъ ко мнѣ Michel 1-er. Особенно любезенъ... Должно быть что-нибудь значитъ. И точно, оказывается, что государю угодно, чтобы я участвовалъ въ совѣщаніи, которое должно состояться у Его Величества относительно представленной гр. Лорисъ-Меликовымъ записки. Ближній бояринъ (такъ зоветъ Лорисъ-Меликова Валуевъ) мнѣ ее вчера прислалъ. Монументъ посредственности умственной и нравственной. При наивно-циничномъ самовосхваленіи, при грубомъ кажденіи государю и грубомъ изложеніи разной лжи,—прежняя мысль о какихъ-то редакціонныхъ комиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ». Бросается въ глаза рѣзкость отзыва Валуева: несомнѣнно, его записка—если не большей, то во всякомъ случаѣ такой же посредственности.

4 февраля состоялось совѣщаніе у государя. На другой день Валуевъ записалъ:

Вчера совѣщаніе у государя. — Цесаревичъ, генералъ-адмиралъ, гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, кн. Урусовъ, Абаза, Набоковъ и я.—Читалась, самимъ гр. Лорисъ-Меликовымъ его записка.—Затѣмъ обсуждалась.—Нельзя было вчера ставить себѣ вопросъ: qui donc trompe-t-on ici? Отвѣтъ давался заранѣе.—Нельзя было также не замѣтить, до какой степени decipi placet.

Дѣло кончилось всеобщимъ одобреніемъ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ, съ обычными неопредѣленными оговорками насчетъ «предосторожностей», «деталей», и пр.,—и порученіемъ разсмотрѣть эти детали и установить эти предосторожности въ совѣщаніи изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ государя, подъ моимъ предсѣдательствомъ. Michel 1-er спросилъ меня, въ полголоса, нельзя ли прибавить Сольскаго, какъ редактора, чему я весьма обрадовался, потому что мой трудъ сократится —Такъ и состоялось.

Во время нашего сеанса ген.-адмиралъ и Абаза до неприличія льстили гр. Лорисъ-Меликову, что привело, конечно, къ комплиментарно благодарной фразѣ государя, а затѣмъ и къ облобызанію руки Его Величества графомъ умиротворителемъ. . Съ моей стороны, весьма кратко упомянувъ о сходствѣ предположеній 1863 и 1879 годовъ съ нынѣшними, я только оговорился насчетъ различія между двумя видами ожидавшихся результатовъ... не признавая важности pseudo-мѣстныхъ свѣдѣній и будто бы практическаго свѣта, который будетъ пролитъ на дѣла...

9 февраля. Вчера и третьяго дня пріѣзжалъ гр. Лорисъ-Меликовъ.—Весьма трудно разобрать, насколько въ его рѣчахъ незнанія,—или неправды...

Былъ кн. Мирскій, приготовляющійся воеводствовать въ Харьковѣ —Изъ его рѣчей видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ ожидалъ другого исхода своимъ предположеніямъ,—т. е. полагалъ пріурочить эффектъ къ 19 февраля.

9 февраля. У наслѣдника было новое совѣщаніе о лорисъ-меликовскихъ комиссіяхъ.

«Вечеромъ, вчера, указанное Высочайшею волею совѣщаніе у цесаревича. Прежніе—Сольскій. Нельзя найти достаточно сильныхъ выраженій, чтобы охарактеризовать низость великаго князя ген. адмирала передъ ближнимъ бояриномъ. Вчера в. кн. Константинъ дошелъ до того, что онъ спросилъ боярина, кто будетъ указывать министрамъ предметы «законопроектовъ» и пр., потомъ припомнилъ «верховную комиссію», выждалъ покачанія головы боярина, и тогда досказалъ: «Правда,—Михаилъ Таріеловичъ самъ себя разжаловалъ (sic) въ министры внутреннихъ дѣлъ».

Въ остальномъ совѣщаніе было жалко, но безобидно. Всякое разумное сужденіе было невозможно. Рамки, понятія, формулы,—все условно. Истины ни на алтынъ. Пониманіе ограниченное. Сольскій, при своемъ умѣ, прежде всего канцеляристъ. Дѣло на заднемъ планѣ; на первомъ — какъ бы редактировать, что бы то ни было постановлено. Кн. Урусовъ думаетъ только о томъ, какъ бы что уторговать или отторговать. Набоковъ блѣденъ, но разсудителенъ въ общемъ итогѣ. Гр. Адлербергъ блѣднѣе всякой блѣдности. Для него совѣщаніе въ родѣ барщины, подлежащей отсидѣнію. Онъ и отсидѣлъ.—И мы правительство!

14 февраля новое засѣданіе, послѣднее.

«Вечеромъ заключительное совѣщаніе у цесаревича. Пришелъ журналъ, редактированный Сольскимъ и въ которомъ mirabile dictu, — въ началѣ повторяется все самовосхваленіе ближняго боярина,—даже фраза о молодежи,—въ виду университетскихъ безпорядковъ. Ушко боярина высовывается на каждомъ шагу... Все, имъ предпринятое, предпринято для оглашенія подъ своею фирмою,—и вчера онъ поэтому особенно настаивалъ на оглашеніи. Наивно неглупый Сольскій добродушно возражалъ, не замѣчая тщеты всѣхъ своихъ соображеній. Кн. Урусовъ и гр. Адлербергъ попытались кое-гдѣ пощипать; но и это, конечно, оказалось напраснымъ; они ничего не отщипали...

16 февраля журналъ особаго совѣщанія былъ подписанъ.

17 февраля государь возвратилъ журналъ съ отмѣткой «Исполнить». Журналъ этотъ намъ неизвѣстенъ, но о точномъ содержаніи его мы можемъ судить по всеподданнѣйшему докладу графа Лорисъ-Меликова отъ 6 марта 1881 г. [1]). Графъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ ходъ работъ по вопросу о привлеченіи представительнаго элемента къ законосовѣщательному участію въ государственной работѣ.

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, слѣдуя влеченіямъ своего любвеобильнаго сердца и желая явить новый знакъ монаршаго довѣрія къ своимъ вѣрноподданнымъ, по разсмотрѣніи соображенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ двухъ бывшихъ засѣданіяхъ изъ Высочайше назначенныхъ къ тому лицъ, всемилостивѣйше соизволилъ одобрить основную мысль отно-

[1]) Этотъ докладъ напечатанъ въ брошюрѣ „Конституція гр. Лорисъ-Меликова“.

сительно пользы и своевременности привлеченія мѣстныхъ дѣятелей къ совѣщательному участію въ изготовленіи центральными учрежденіями законопроектовъ по тѣмъ вопросамъ, которые признаны будутъ Высочайшею волею подлежащими нынѣ разрѣшенію, въ видахъ развитія и усовершенствованія Высочайше предначертанныхъ преобразованій. Для практическаго осуществленія всемилостивѣйшей воли, относительно скрѣпленія указаннымъ путемъ плодотворной связи между правительствомъ и лучшими силами общественными, въ Бозѣ почившій Императоръ изволилъ избрать порядокъ, испытанный уже по Высочайшимъ указаніямъ, при разработкѣ крестьянской реформы, съ примѣненіемъ онаго къ потребностямъ и задачамъ настоящаго времени. Пріемля во вниманіе, что на мѣстахъ уже имѣются нынѣ постоянныя и при томъ всесословныя учрежденія, способныя представлять свѣдѣнія и заключенія высшаго правительства, въ Бозѣ почившій Императоръ соизволилъ остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ коммиссій съ тѣмъ чтобы работы этихъ коммиссій предварительно внесенія ихъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта въ установленномъ законномъ порядкѣ, были подвергаемы совѣщательному разсмотрѣнію въ общей коммиссіи съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ. Въ видахъ установленія главнѣйшихъ положеній по сему дѣлу, въ Бозѣ почившему Императору благоугодно было въ 17 день минувшаго февраля, Высочайше повелѣть: 1) Сдѣлать нынѣ же распоряженіе, чтобы находящіеся въ разныхъ министерствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, имѣющіе отношеніе къ перечисленнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ вопросамъ были собраны, сгруппированы по однороднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ могли бы съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію подготовительныхъ коммиссій. 2) На окончаніе этихъ (п. 1) работъ назначить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. По представленіи же сенаторами добытыхъ изъ ревизіи данныхъ, дополнить ими собранные въ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, и установить тѣ вопросы и предложенія, которые въ теченіе осени могли быть внесены въ подготовительныя коммиссіи: 1) Подготовительныя коммиссіи учредить изъ членовъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ, съ Высочайшаго соизволенія, свѣдущихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія или народной жизни. На обязанность этихъ коммиссій возложить составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны Высочайшею волею. 4) Составленные подготовительными коммиссіями законопроекты, предварительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ, передавать, по Высочайшему повелѣнію, на обсужденіе общей коммиссіи, учреждаемой на нижеслѣдующихъ основаніяхъ. Общая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго Высочайшею Властью, составляется: а) изъ назначенныхъ, по Высочайшему повелѣнію, къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ коммиссій; б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, и в) изъ назначенныхъ особымъ

порядковъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ. 6) Отъ губерній въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ общей коммиссіи по одному или по два члена, соображаясь съ населеніемъ губерніи. Избраніе предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ. 7) Члены отъ значительнѣйшихъ городовъ избираются городскими думами, въ столицахъ—по два, въ прочихъ городахъ—по одному. 8) Губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ предоставляется избрать членовъ общей комиссіи, какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города. 9) Порядокъ и условія назначенія въ общую комиссію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ, имѣютъ быть опредѣлены особо. 10) Члены подготовительныхъ коммиссій, не назначенные къ постоянному участію въ занятіяхъ общей коммиссіи, при обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, въ составленіи которыхъ они участвовали. 11) Для занятій общей коммиссіи назначается опредѣленный срокъ. 12) Работы общей коммиссіи имѣютъ значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Разсмотрѣнные общею коммиссіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра. За установленіемъ сихъ главныхъ положеній предстояло, согласно Высочайшимъ указаніямъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ требуемыя означеннымъ повелѣніемъ подробности касательно состава, созыва и порядка дѣйствія предположенныхъ коммиссій; а между тѣмъ центральныя учрежденія обязывались немедленно приступить къ собранію и разработкѣ матеріаловъ по вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію въ подготовительныхъ коммиссіяхъ.

Въ тотъ-же 17-ый день февраля въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ изготовить въ видѣ правительственнаго сообщенія, для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, оповѣщеніе во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ всемилостивѣйше рѣшеніи.

Проэктъ извѣщенія былъ составленъ 1 марта—записываетъ Валуевъ.—Утромъ государь прислалъ за мной, чтобы передать проектъ объявленія, составленный въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, съ порученіемъ сказать о немъ мое мнѣніе,—и если я не буду имѣть возраженій,—созвать Совѣтъ Министровъ на среду 4-го числа.—Я давно, очень давно видѣлъ Государя въ такомъ добромъ духѣ, и даже на видъ такъ здоровымъ и добрымъ. Въ 3-мъ часу я былъ у Гр. Лорисъ-Меликова (чтобы его предупредить, что я возвратилъ проектъ Государю безъ замѣчаній)—когда раздались роковые взрывы.—Я сказалъ: attentat possible. Невозможно,—сказалъ гр. Лорисъ-Меликовъ.—Черезъ пять минуть всѣ сомнѣнья были устранены.—Гр. Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ во Дворецъ въ саняхъ Градоначальника.—Я поѣхалъ туда же, по Милліонной. Тамъ тотчасъ узналъ, что надежды уже не было. Государь истекалъ кровью и былъ безъ сознанія.—Члены его семейства прибывали

одни за другими.—Корридоръ наполнился разнымъ людомъ,—генералы, министры, офицеры, дамы. Смятеніе и горе общіе. Но ясной мысли и соотвѣтствующей обстоятельствамъ воли я ни въ комъ не видалъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ не растерялся наружно, но оказался безсодержательнымъ внутренно. Онъ долженъ былъ распоряжаться; но распоряжался какъ будто апатично, нерѣшительно, даже совѣтуясь со мною, или поддаваясь моимъ намекамъ.—Въ первую минуту можно было ожидать уличныхъ волненій; нужно было опереться на войско для охраненія порядка.—Я на томъ настаивалъ; но какъ будто не было командующихъ и штабовъ...—Къ счастью все обошлось благополучно въ этомъ отношеніи. Улицы были полны народа до 10 час. вечера; но потомъ опустѣло.—Когда я поѣхалъ въ Аничковскій дворецъ въ 11-мъ часу, съ Проэктомъ Манифеста, Невскій былъ похожъ на обыкновенный Невскій въ эти часы.—Мнѣ было поручено написать манифестъ. Исполнилъ это при сотрудничествѣ Набокова, кн. Урусова и Сольскаго. Переписалъ Набоковъ, онъ же, по званію Министра Юстиціи, поѣхалъ со мною въ Аничковъ, и послѣ подписанія Манифеста взялъ его съ собою для дальнѣйшихъ распоряженій.—Государь и Императрица (еще непривычно ихъ такъ называть),—были вдвоемъ.—

. . . . . .

Сегодня выходъ воцаренія—Весь городъ.—Государь и Императрица въ слезахъ.—Въ николаевской залѣ онъ сказалъ нѣсколько словъ генераламъ и офицерамъ.—Въ отвѣтъ прекрасно, дружно, долго неумолкавшее и затѣмъ чрезъ всѣ залы Государя провожавшее ура!!! Я видѣлъ слезы почти на всѣхъ глазахъ.—Войско у насъ еще здорово. Все прочее, увы!—гниль!—Однако слезы были и не на военныхъ лицахъ, въ томъ числѣ на дамскихъ.—Но слезы чувство,—а не сила.—Добрыя силы только въ войскѣ.

Жалки наши Государственные фарисеи,—даже и болѣе умные, какъ Абаза и Сольскій. Впрочемъ имъ не подъ стать событіе 1 марта. (Мартовскіе иды!) Оно въ разрѣзъ всей лживой теоріи успокоенія, задабриванія, прихорашиванія, и даже прямого лганья! Нехорошо, думаю я,—спалось ближнему Боярину! Послѣ хвастливой фразеологіи его доклада о комиссіяхъ,—какое громовое опроверженіе.—По настоящему всѣ Г. Г. полуучастники Цареубійства.

Не могу забыть лица Графини Лорисъ-Меликовой,—когда ея мужъ уѣзжалъ во дворецъ.—Она стояла на лѣстницѣ, какъ статуя, какъ жена Лотова, безъ краски, безъ движенія, безъ голоса, даже безъ подвижности въ устахъ и взглядѣ. Она чувствовала и сознавала,—смутно,—но болѣе, чѣмъ онъ.

Какая судьба покойныхъ Государя и Императрицы. Оба скончались, какъ бы внезапно, и какъ бы одиноко. Она буквально такъ; онъ почти такъ, потому что смертельно раненый, онъ былъ безъ рѣчи и полнаго сознанія!

«Ultares. Въ свой часъ они явились!»...

VI.

6 марта Лорисъ-Меликовъ представилъ докладъ, изъ котораго мы выше привели выдержку. Изложивъ ходъ вопроса при покойномъ государѣ, авторъ доклада заканчивалъ его такъ:

Вступивъ на прародительскій престолъ, преемникъ державнаго мученика, Императоръ Александръ III, обрѣлъ въ завѣщанной ему предками любви къ народному благу великую рѣшимость твердо слѣдовать по пути, предуказанному въ Бозѣ почившимъ незабвеннымъ родителемъ.

Усматривая въ нелицемѣрныхъ проявленіяхъ всенародной скорби вящее доказательство неразрывной сердечной связи, всегда, по волѣ Предвѣчнаго, соединявшей въ Россіи государя съ его подданными и всегда появлявшейся съ особою силою въ тяжкія годины испытаній, Государь Императоръ Александръ III, при указаніи на необходимость неуклоннаго преслѣдованія дерзкихъ покусителей на государственный порядокъ и общественное спокойствіе, всемилостивѣйше соизволитъ выразить, что гнусныя злодѣянія преступной горсти безумныхъ отверженцевъ русской земли не въ силахъ поборотъ въ его сердцѣ рѣшимости исполнить въ точности родительскій завѣтъ любви на благо ввѣренной ему Богомъ имперіи. Руководясь такимъ рѣшеніемъ, Его Императорское величество Высочайше соизволилъ повелѣть принять къ точному исполненію изложенную выше священную волю своего державнаго родителя, какъ достойное всей его жизни прощаніе его со своимъ народомъ. При этомъ Его Величеству благоугодно было указать Министру Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы самый порядокъ опубликованія во всеобщее свѣдѣніе Высочайшаго по сему предмету повелѣнія былъ тотъ же, какой предуказанъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ II.

На этомъ проэктѣ Лорисъ-Меликова новый Государь подписалъ: «Онъ составленъ весьма хорошо».

На самомъ дѣлѣ настроеніе Александра III вовсе не было такимъ, какимъ представлялъ его себѣ гр. Лорисъ-Меликовъ.

7 марта Валуевъ, бывшій въ это время предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, получилъ приказаніе созвать Совѣтъ на 8 марта.

Свѣдѣнія объ этомъ историческомъ засѣданіи даны въ 1-ой книгѣ «Былого» за этотъ годъ по дневнику одного государственнаго дѣятеля. Въ этомъ сообщеніи это засѣданіе ошибочно названо засѣданіемъ Государственнаго Совѣта [1]). Къ этому сообщенію мы можемъ теперь присоединить разсказъ Валуева, вполнѣ совпадающій съ первымъ.

«О засѣданіи Совѣта можно было бы написать цѣлую книгу.

[1]) Въ 7-й книгѣ „Русскаго Архива“ за 1906 годъ напечатана „современная запись со словъ одного изъ участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи, доставленная въ „Русской Архивъ“. Издатель „Русскаго Архива“ впалъ въ ошибку: ему доставили всего на всего списокъ съ корреспонденціи (конечно, далеко не изъ первыхъ рукъ, неточной и плохо освѣдомленной), помѣщенной въ 1881 году въ заграничномъ журналѣ „Общее дѣло“.

Но досуга нѣтъ. Дѣло шло, конечно, о тѣхъ комиссіяхъ, которыя были изобрѣтены Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ для вѣнчанія своего зданія. Событіе 1-го марта стало поперекъ журналу «Особаго Совѣщанія» и тексту проектированной публикаціи. Этотъ текстъ былъ измѣненъ для пріуроченія къ событію. Но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ повидимому настаивалъ на движеніи дѣла, потому что безъ этого не было бы назначено на воскресенье,—и до погребенія почившаго Государя,—засѣданіе Совѣта.

Засѣданіе началось съ чтенія журнала «Особаго Совѣщанія» и проекта публикаціи. Непостижимо для меня, и для оцѣнки государственныхъ способностей графа Лорисъ-Меликова достаточно, что онъ допустилъ чтеніе журнала и даже самъ читалъ его. Тѣ первыя страницы самовосхваленія, о которыхъ, кажется, я уже упоминалъ, звучали убійственно въ нашемъ между-панихидномъ засѣданіи. Къ нему были приглашены, по особому приказанію Государя: графъ С. Г. Строгановъ и Побѣдоносцевъ. Изъ великихъ князей были генералъ-адмиралъ, Владиміръ и Михаилъ.

Государь просилъ всѣхъ присутствовавшихъ высказаться вполнѣ «правдиво», ничѣмъ не стѣсняясь, и даже не считая дѣла по *существу* предрѣшеннымъ.

Графъ Строгановъ первый высказался противъ предложенной мѣры, говоря, что она не соотвѣтствуетъ самодержавному принципу, не будетъ понята народомъ, и превратно истолкована тѣми, кто ее поймутъ. При этомъ гр. Строгановъ упоминаетъ о призывѣ редакторовъ русскихъ газетъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ и о данномъ имъ указаніи на нѣкоторое время помолчать объ органическихъ преобразованіяхъ. Неловко стало гр. Лорисъ-Меликову. Онъ замѣтилъ, что никого не призывалъ,—это было правдой,—но что призывалъ начальникъ управленія печати, чтобы объяснить, что въ случаѣ неумѣстныхъ сужденій газеты будутъ прекращены;—что было неправдой. Затѣмъ государь обратился ко мнѣ. Я изложилъ мое отношеніе къ дѣлу довольно подробно, въ неразрывной связи 1881 года съ 1880, 1879 и 1863-ми и, по существу оставаясь при моемъ взглядѣ, сказалъ, что относительно своевременности публикаціи,—если она должна будетъ состояться,—рѣшеніе вопроса могло зависѣть исключительно отъ усмотрѣнія государя. Мнѣ было весьма непріятно высказываться въ данный моментъ, подробно и категорично; но мнѣ казалось, что я былъ и обязанъ прямо говорить мою личную правду, и даже болѣе обезпеченъ ею, чѣмъ всякою попыткою уклониться на этотъ разъ, отъ категоричнаго profession de foi. Въ смыслѣ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ по существу,—(потому что вопросъ о своевременности, ввиду явнаго колебанія государя по этому существу, немедленно улетучился),—высказались министръ финансовъ, министръ юстиціи военный министръ и генералъ-адмиралъ. Министръ почтъ, напротивъ того, прямо назвалъ проектированную мѣру ограниченіемъ самодержавія и рѣзко замѣтилъ, что первоначальный мотивъ,—продолженіе системы умиротворенія,—рухнулъ

и рухнулъ безвозвратно. Оберъ-прокуроръ синода сказалъ невозможную рѣчь, въ которой назвалъ все предложенное и все Европейское (sic) — величайшею фальшью, нанизалъ обычныя фразы о народѣ, о связи съ народомъ, о единеніи царя съ народомъ (подразумѣвая всегда т. н. черный), и весьма категорично кончилъ заявленіемъ, что 1 марта для насъ всѣхъ—позоръ и упрекъ. Государь при этомъ замѣтилъ, весьма естественно будучи тронутъ, что мы всѣ въ извѣстной долѣ виноваты (?).—Абаза, какъ ножемъ въ сердце пораженный рѣчами Макова и Побѣдоносцева, не безъ горячности старался оправдать взглядъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ; но самъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,—incrèdibile dictu,—не нашелъ у себя въ запасѣ ни одного довода въ пользу своихъ предположеній, ни одного аргумента противъ своихъ оппонентовъ, но ограничился нѣсколькими общими мѣстами о своихъ убѣжденіяхъ и оговоркой что „черезъ три мѣсяца будетъ можетъ быть поздно сдѣлать“ и то что, имъ теперь предлагалось!!! Какую уничтожающую реплику ему можно было дать! Но я смолчалъ: ея нельзя было дать безъ прямого нападенія,—и кромѣ того безъ нападенія на весь послѣдній годъ царствованія Того, кто во время нашего засѣданія еще покоился на катафалкѣ противъ оконъ дворца, гдѣ мы засѣдали.

Кн. Урусовъ предложилъ возвратить дѣло для новаго обсужденія въ Комитетъ Министровъ. Самъ Государь замѣтилъ, что можно его вновь обсудить и въ какомъ нибудь спеціальномъ совѣщаніи. Эту мысль поддерживалъ Сольскій. Государь спросилъ гр. Строганова, приметъ ли онъ на себя предсѣдательство въ такомъ совѣщаніи. Гр. Строгановъ уклонился отъ предсѣдательства, но предложилъ быть членомъ. Окончательнаго повелѣнія о совѣщаніи и его составѣ,—не состоялось,—и засѣданіе кончилось, слѣдовательно, pas mème en queue de poisson.

Такой полный fiasco Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ такомъ дѣлѣ и при всѣхъ усиливающихъ значеніе fiasco обстоятельствахъ, рѣшаетъ совершенно, на мой взглядъ, вопросъ о его дальнѣйшемъ значеніи и вліяніи. Но другія обстоятельства, о которыхъ пока умалчиваю, приводятъ меня въ большое и тяжкое недоумѣніе насчетъ нашей ближайшей будущности. Относительно прочихъ участниковъ совѣщанія ограничиваюсь краткими отмѣтками. Великій князь генералъ-адмиралъ былъ себѣ вѣренъ,—т. е. и думалъ, и говорилъ полуправду или неправду. Посьетъ былъ противъ предложенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ; Сабуровъ произнесъ полуидіотическую рѣчь за это предложеніе, и даже глядѣлъ полуидіотомъ во все время засѣданія, онъ какъ-то совершенно невозможно отозвался о событіи 1 марта, aura désinvolture. В. довольно складно и съ пріятнымъ выраженіемъ лица сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что онъ не имѣетъ установившагося мнѣнія о разныхъ частностяхъ совершенно новаго для него вопроса; но что во всякомъ случаѣ мы не можемъ далѣе управлять, какъ доселѣ управляли. Великій князь Михаилъ къ нему присоединился. Принцъ Ольденбургскій произнесъ нѣсколько привычныхъ словъ о мирѣ, сокращеніи ра-

сходовъ, и т. п. Наконецъ, князь Ливенъ попытался развить мнѣніе Sui generis о лучшемъ устройствѣ «мѣстныхъ управленій». Гр. Барановъ и гр. Адлербергъ молчали».

Впослѣдствіи Валуевъ приписалъ къ этому мѣсту дневника: «Хотя Государь и предоставилъ всѣмъ высказаться, самъ не высказываясь, но явно было, что его личное мнѣніе уже установилось на точкѣ зрѣнія Побѣдоносцева, заранѣе объяснившагося и согласившагося съ гр. Строгановымъ. Если и въ отношеніи къ хромымъ предположеніямъ Аничковскаго Совѣщанія Государь былъ такъ настроенъ, то онъ еще менѣе могъ сочувствовать моимъ, гораздо болѣе опредѣлительнымъ и полнымъ предположеніямъ 1863 г., недавно вновь бывшимъ предметомъ обсужденія подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адмирала. Но я не могъ не упомянуть о нихъ и на нихъ не сослаться, потому что долженъ былъ остаться самому себѣ вѣрнымъ и стоять отдѣльно отъ клики Лорисъ-Меликова».

П. Щеголевъ.

По поводу ст. П. Надина „Стрѣльниковскій процессъ 1883 года въ Одессѣ“.

(*Письмо въ редакцію*).

Въ „отрывкѣ изъ воспоминаній государственнаго преступника“ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ П. Надинъ (псевдонимъ) удѣляетъ, между прочимъ, мнѣ, какъ судившемуся въ числѣ 23 лицъ (а не 20, какъ у Надина) въ Одессѣ въ 1883 г., почти 4 страницы (95—98), состоящіе сплошь, выражаясь мягко, изъ „красныхъ вымысловъ.“ Вѣрно, что на процессѣ я явился „совершенно незнакомымъ господиномъ“ для другихъ подсудимыхъ (кромѣ, впрочемъ, г. Куртѣева), и что, просидѣвъ 1 годъ 4 мѣсяца въ одиночномъ заключеніи, я „не имѣлъ никакого общенія“ съ судившимися соузниками. Засимъ г. Надинъ сообщаетъ, какъ *узнанное* обо мнѣ изъ обвинительной рѣчи товарища прокурора, слѣдующее: будто-бы я, проживъ болѣе 10 лѣтъ за границей (въ Цюрихѣ), въ самое горячее время поселился въ О. (Одессѣ) съ цѣлью „пополнить порѣдѣвшіе кадры мѣстныхъ революціонеровъ“, что когда нагрянули ко мнѣ съ обыскомъ, то нашли „заряженный револьверъ на столѣ, клочки нарванной бумаги, два плана земельныхъ участковъ и книгу, отпечатанную въ заграничной типографіи, подъ заглавіемъ; „*Исторія революціоннаго движенія въ Россіи*“, неизвѣстнаго автора.“ Но въ обвинительномъ актѣ по „Стрѣльниковскому процессу“ (дознанію?) на стр. 149—152 приведены кондуиты судившихся въ 1883 г. въ Одессѣ., въ томъ числѣ и мой, составленные „на основаніи приложенныхъ къ дѣлу документовъ и отчасти изъ показаній самихъ подсудимыхъ“, гдѣ время моего пребыванія въ Швейцаріи обозначено съ ноября 1873 по іюнь 1874 г. и затѣмъ сказано о моей педагогической дѣятельности въ Россіи, въ двухъ земскихъ учительскихъ семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ до опредѣленія моего въ составъ членовъ статистическаго бюро при Полтавской губернской земской управѣ въ 1881 г., когда въ Декабрѣ мѣсяцѣ я былъ арестованъ по предписанію изъ Одессы и привлеченъ къ дознанію о государственныхъ преступленіяхъ, производившемуся по высочайшему повелѣнію генералъ-майоромъ Стрѣльниковымъ въ юго-западныхъ губерніяхъ. При арестованіи меня въ Полтавѣ былъ произведенъ рядъ обысковъ у меня, какъ „увезшаго, по сообщенію Одесскаго жандармскаго управленія, изъ Одессы 14 ящиковъ книгъ

и бумагъ", въ которыхъ, однако-жъ, не было найдено ничего, изобличающаго меня въ государственномъ преступленіи, о чемъ и составлены были протоколы. Лишь спустя годъ слишкомъ по взятіи меня въ плѣнъ, въ Мартѣ 1882 г., былъ произведенъ вторичный обыскъ въ моихъ вещахъ, находившихся въ Полтавѣ, и въ числѣ моихъ бумагъ, представленныхъ въ Одессу, находилась книга, безъ заглавнаго листа, о которой потомъ сказано въ обвинительномъ актѣ, что она „явно противоправительственнаго содержанія" и начинается словами: „событія не ждутъ" (стр. 132—обвинит. акта). Г. Надинъ, какъ судившійся одновременно со мною, имѣлъ обвинительный актъ, а потому на стр. 132 его читалъ и мое объясненіе, данное на дознаніи, что книга безъ заглавія—это „изданное въ Берлинѣ или Лейпцигѣ *открытое письмо о нынѣшнемъ положеніи Россіи. Соч. Де Воллана*". Давая показаніе слѣдователю, я по памяти неточно обозначилъ названіе инкриминируемой книги; теперь же, по справкѣ въ *алфавитномъ каталогѣ* изданіямъ на русскомъ языкѣ, запрещеннымъ къ обращенію и перепечаткѣ въ Россіи (СПБ. 1888 г.), подъ № 258, возстановлю точное ея заглавіе: *Свободное слово о современномъ положеніи Россіи. Григорія Де-Воллана.* Berlin, 1881 г. 174 стр. Останавливаюсь на этомъ обстоятельствѣ потому, что г. Надинъ, передавъ, что „защита сообщила суду обо мнѣ" (стр. 97—98), говоритъ, что присяжный повѣренный „просилъ судъ посмотрѣть книгу, отобранную при арестѣ у моего кліента и прочитать изъ нея хотя бы одну страницу. Она издана заграницей и автора ея мнѣ разрѣшено назвать. Авторъ этой книги—самъ подсудимый. Секретарь началъ читать предисловіе, и судъ услышалъ слѣдующее: книга написана спеціально для русскаго юношества, съ цѣлью предостеречь это юношество отъ того пагубнаго вліянія, какое въ послѣдніе годы оказывали на него русскіе революціонеры. Авторъ задался цѣлью подробно выяснить всю ложь, все заблужденіе революціонеровъ и указать, въ какую пропасть можетъ низринуться цвѣтъ и краса русскаго народа".

Положительно утверждаю, что ничего подобнаго на судѣ не происходило, и какъ могъ „вспоминать" г. Надинъ о томъ, чего въ дѣйствительности не было, меня поражаетъ... Не буду касаться содержанія рѣчи въ передачѣ г. Надина, якобы сказанной на судѣ присяжнымъ повѣреннымъ (г. Беромъ) по моему дѣлу, но не могу не отмѣтить еще одну Dichtung г. Надина, будто-бы прис. повѣр. Беръ въ рѣчи сообщилъ суду, что я по окончаніи университета заграницей (въ Цюрихѣ, по Надину) „поступилъ воспитателемъ въ какой-то русскій великосвѣтскій пансіонъ, гдѣ дѣти и юноши знатныхъ россіянъ воспитывались въ духѣ самодержавія, православія и народности". На самомъ же дѣлѣ, противъ злопыхательной фантазіи обвинителя, облыжно утверждавшаго, что я пребывалъ въ Щвейцаріи для революціоннаго крещенія, защитникъ указалъ на фактъ моего учительства въ пансіонѣ Далматова, гдѣ воспитывались молодые люди, плохо развивавшіеся въ физическомъ отношеніи и отсталые въ умственномъ развитіи. Этотъ, Pensionat jeuns gents" въ Кларанѣ, Ваадтскаго кантона, былъ извѣстенъ въ тѣхъ годахъ какъ лѣчебно-воспитательное заведеніе одного характера съ возникшимъ позже въ С.-Петербургѣ врачебно-воспитательнымъ заведеніемъ доктора Маляревскаго.

Не давая ничего существеннаго для характеристики процесса, длившагося съ 26 марта 1883 г. по 3 апрѣля съ участіемъ 23 подсудимыхъ, изъ

которыхъ нѣкоторые проявились на судѣ въ неудобозабываемыхъ эпизодахъ, г. Надинъ, однакожъ, не вспоминаетъ самаго яркаго и дѣйствительно интереснаго изъ хода процесса, а занявшись изображеніемъ скандала, какого, по его словамъ, „ни раньше, ни позже не было въ рускихъ судахъ“ (стр. 95), выдумалъ пассажъ съ моимъ авторствомъ несуществующей книги...

По другому поводу я буду имѣть возможность сообщить многое изъ одесскаго процесса 23-хъ, характеризующее время и людей, а обвинительный актъ по этому процессу, приготовленный мною къ печати, познакомитъ общество и съ мастерами сихъ дѣлъ Стрѣльниковымъ и К°.

Октябрь 1906. **Алексѣй Попельницкій.**

Библіографія.

А. А. Титовъ. *Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1901 г. (Москва).* Изд. В. М. Саблина. Москва, 1907; с. 70, цѣна 30 к.

Воспоминанія г. Титова, изданныя Саблинымъ чисто и хорошо, касаются студенческихъ безпорядковъ 1901 г. въ Московскомъ университетѣ. Это, по словамъ автора, „просто рядъ воспоминаній одного изъ рядовыхъ участниковъ", не претендующихъ „ни на полноту фактовъ, ни на идеологическое освѣщеніе". И, дѣйствительно, г. Титовъ ограничился описаніемъ лишь сходки 23-го февраля, послѣ которой студенты были арестованы и посажены въ манежъ, такъ кстати выстроенный противъ университета. Г. Титовъ описываетъ извѣстное въ лѣтописяхъ московскаго студенчества „сидѣніе" въ манежѣ, переводъ въ Бутырки и пребываніе студентовъ въ этой тюрьмѣ, трогательное единеніе университетской администраціи съ жандармеріей и дѣйствія профессуры. Воспоминанія написаны довольно живо и интересно. Можно только пожалѣть, что авторъ не разыскалъ и не использовалъ студенческія прокламаціи того времени, значительно способствующія разъясненію смысла движенія, а также газеты, издававшіяся въ тюрьмѣ („Бутырскій Вѣстникъ", „Бутырскій Курьеръ" и т. п.). Изъ документовъ напечатаны г. Титовымъ только: 1) „сообщеніе" московскаго испольнительнаго комитета объединенныхъ землячествъ и организацій о письмѣ „къ родителямъ" инспектора моск. унив. (приводится и текстъ письма, крайне характернаго); 2) перепечатанное изъ № 56 газ. „Русск. Вѣдом." отъ 26 февр. 1901 г. печальной памяти воззваніе 70-ти профессоровъ; и наконецъ, 3) отвѣтъ на это воззваніе „группы старыхъ студентовъ". Отсутствіе документовъ лишаетъ воспоминанія г. Титова историческаго интереса. Тѣмъ не менѣе, книга съ интересомъ будетъ прочтена каждымъ, кто пожелаетъ ознакомиться съ февральскимъ эпизодомъ 1901 г. въ московскомъ студенческомъ движеніи. Въ книгѣ воспроизведены четыре фотографическихъ снимка съ „Бутырокъ" въ 1901 г. Цѣна 30 коп. за 70 стр. должна быть признана несоотвѣтственно высокой.

Сергѣй Св.

Докладъ П. С. Ванновскаго *о студенческихъ безпорядкахъ 1899-го года.* Изданіе журнала „Сѣверная Пальмира" (В. С. Туманина). СПБ. 1906, 68 стр., ц. 15 коп.

Докладъ, изданный „Сѣв. Пальмирой", появляется впервые въ русскомъ

легальномъ изданіи. До сихъ поръ онъ изданъ былъ нелегально нѣсколько разъ. Намъ извѣстны: изданія „Рабочаго Знамени“ 1900 года (кажется, въ петербургской тайной типографіи), а также изданіе группы студентовъ СПБ. университета (in folio), отпечатанное при помощи мимеографа. Нахожденіе при обыскѣ доклада Ванновскаго влекло за собой тюремное заключеніе, а иногда и ссылку. Такъ, напр., осенью 1901 г. былъ арестованъ и затѣмъ административно сосланъ въ Архангельскую губернію на 3 года студ. СПБ. унив. В. П. Литовъ, у котораго найдено было нѣсколько экземпляровъ „Доклада“, отпечатаннаго на мимеографѣ. Такимъ образомъ, правительство преслѣдовало распространеніе этого документа, а революціонеры его печатали. Между тѣмъ, этотъ документъ—правительственный, а именно всеподданнѣйшій докладъ генерала Ванновскаго, которому было поручено царемъ разслѣдовать, при помощи особой комиссіи, причины великихъ студенческихъ безпорядковъ 1899 г. Въ докладѣ своемъ, Ванновскій, со всѣмъ безпристрастіемъ, на которое онъ былъ способенъ, излагаетъ результаты своихъ разслѣдованій. Въ его изложеніи смѣшаны показанія избитыхъ 8 февраля студентовъ съ показаніями начальника охраннаго отдѣленія Пирамидова, агентурныя свѣдѣнія о вечеринкѣ 8 февр.—съ уложеніемъ о наказаніяхъ сочиненія ректора Сергѣевича, исторія кассы взаимопомощи студентовъ СПБ. унив.—съ описаніемъ пьяной выходки кучки студентовъ 8 февр. 1895 г. Составленный изъ самыхъ разнородныхъ данныхъ докладъ, тѣмъ не менѣе, очень интересенъ. Онъ выясняетъ (до нѣкоторой степени) общія причины студенческихъ безпорядковъ, не касаясь конечно, самой главной—самодержавнаго режима, даетъ рядъ свѣдѣній объ избіеніи 8-го февраля, *подготовленіи* этого избіенія *охраннымъ отдѣленіемъ*, о ходѣ студенческихъ безпорядковъ и о главныхъ участникахъ движенія. Небезполезно отмѣтить, что предсѣдатель СПБ. Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Носарь (Хрусталевъ) былъ уже въ 1899 г. дѣятельнымъ членомъ организаціоннаго комитета студентовъ СПБ. университета. Нечего и говорить, что Ванновскій совершенно не разъяснилъ вопроса о роли охраннаго отдѣленія въ дѣлѣ 8 февр. 1899 г.; онъ только, мимоходомъ, коснулся его. А между тѣмъ, въ обществѣ упорно говорили, что избіеніе 8 февр. было заранѣе обдуманной провокаціей, со стороны охраннаго отдѣленія, студентовъ на безпорядки, такъ какъ необходимо было подыскать доводы противъ снятія съ Петербурга усиленной охраны, о чемъ, будто-бы, говорили тогда „въ сферахъ“. Приведенныя Ванновскимъ свѣдѣнія о бесѣдахъ разныхъ чиновъ сыщиковъ по поводу университетскаго акта, о роли Пирамидова и о дѣйствіяхъ его подручныхъ подтверждаютъ эти предположенія. Тѣмъ не менѣе, выводы, сдѣланные Ванновскимъ, далеко не соотвѣтствовали даже даннымъ, имъ самимъ собраннымъ. Въ безпорядкахъ было виновно, по его мнѣнію, „учебное начальство, не проявившее должной энергіи... въ надзорѣ за студентами, не обнаружившее тотъ-часъ-же виновныхъ лицъ, составившее списки подлежащихъ административной высылкѣ студентовъ безъ должной осмотрительности и недостаточно обдуманно“; виновны были „профессора, не сумѣвшіе заслужить довѣріе молодежи“ и произносившіе на вечеринкахъ неумѣстныя рѣчи „на *зажигательныя* темы: марксизмъ, народничество и т. п.;“ виновны были студенты, „*первые* подавшіе поводъ къ столкновенію съ полиціей“, а затѣмъ противоза-

конно протестовавшіе въ видѣ сходокъ, забастовки и т. п. Полиція же, въ лицѣ Клейгельса, Пирамидова, Нолькена, Владимирова и т. под. лицъ, была по мнѣнію Ванновскаго, виновна лишь въ нераспорядительности и необдуманности дѣйствій. Оказывалось, что нижніе чины, которыхъ Владимировъ „не сумѣлъ сдержать", „самовольно употребили нагайки". Такъ какъ студенты оказались болѣе всѣхъ виноваты, то и были наказаны. Полиціи-же только „поставили на видъ" ея дѣйствія. Нельзя не согласиться съ Ванновскимъ въ его мнѣніи о политической малосознательности студенческой массы въ 1899 г. Участники безпорядковъ того года вспомнятъ эпизодъ на одной сходкѣ въ университетѣ, когда одинъ ораторъ, желая перейти отъ частнаго къ общему, заявилъ, что виноватъ въ избіеніи не столько штабсъ-ротмистръ, сколько всѣмъ извѣстный полковникъ. Хотя имя полковника и не было названо, однако заявленіе оратора было встрѣчено неодобрительнымъ гуломъ, и предсѣдателю сходки (С. А. Волкенштейну) стоило большого труда изгладить впечатлѣніе непріятнаго инцидента. И только дальнѣйшія событія заставили студенческую массу политически осмыслить свой протестъ.

Выводы Ванновскаго и мѣры, имъ рекомендуемыя, носили достаточно реакціонный характеръ. Во избѣжаніе впредь безпорядковъ онъ рекомендовалъ 1) ограниченіе числа студентовъ, 2) установленіе контроля за занятіями студентовъ, 3) измѣненіе гонорарной системы профессоровъ, 4) *усиленіе* и преобразованіе инспекціи. Эти мѣры были проведены въ жизнь Боголѣповымъ. Но другія двѣ указанныя Ванновскимъ мѣры, придавшія докладу его большой общественный интересъ, не были приведены въ исполненіе. Онъ совѣтовалъ 1) отмѣнить правило, что студенты—отдѣльные посѣтители университета, и 2) „ввести съ должной осторожностью постепенно и въ предѣлахъ возможности начало корпоративнаго устройства студентовъ" (въ видѣ курсовъ старостъ и курсовыхъ сходокъ, библіотекъ и кассъ взаимопомощи подъ надзоромъ начальства). Вмѣсто этого, правительство издало извѣстныя „временныя правила" о сдачѣ въ солдаты за студенческіе безпорядки. Вполнѣ понятно, почему докладъ Ванновскаго, помимо соображеній о канцелярско-бюрократической тайнѣ, сталъ „преступнымъ" а распространеніе его преступленіемъ. Въ докладѣ указаны были не тѣ мѣры, какія въ то время угодны были правящей камарильѣ. Всего около семи лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ безпорядковъ 1899 г., а уже избіеніе 8 го февраля кажется намъ дѣтской шуткой сравнительно съ пережитыми и переживаемыми ужасами. И, тѣмъ не менѣе, докладъ Ванновскаго сохранилъ до сихъ поръ свой интересъ, какъ историческій документъ, говорящій намъ массовомъ протестѣ учащейся молодежи во имя защиты личной неприкосновенности. Съ внѣшней стороны, докладъ изданъ хорошо, но не снабженъ предисловіемъ. Цѣна могла-бы быть и дешевле.

Сергѣй Св.

Ю. Стекловъ. *Историческое подготовленіе русской соціалъ-демократіи.* Книгоиздательство „Свободный Трудъ". СПБ. 1906. Ц. 25 к.

Элементы новаго общества,—говоритъ авторъ,—начинаютъ зарождаться въ нѣдрахъ стараго строя почти одновременно. Такъ въ нѣдрахъ крѣпостного строя Россіи конца XVIII и начала XIX вѣка начали складываться

и зачатки новой формаціи землевладѣльцевъ, оперирующихъ наемнымъ трудомъ, и торгово-промышленная буржуазія съ сопутствующей ей интеллигенціей, и „первыя ласточки“ пролетаріата. Идеологія этихъ различныхъ классовъ еще не расчленилась на соотвѣтственныя части до половины XIX вѣка Затѣмъ... затѣмъ, казалось бы, должны были найти своихъ идеологовъ не только верхніе классы, но и пролетаріатъ. Но скоро сказка сказывается, да не такъ скоро дѣло дѣлается. И русская соціалистическая мысль долго бьется въ тенетахъ мелкобуржуазной идеологіи.

Откуда же, однако, взялись въ Россіи носители соціалистической мысли? Послѣ крымской войны отъ либеральной партіи отдѣляется демократическое теченіе, все болѣе и болѣе укрѣпляющееся и наконецъ остающееся единственнымъ активнымъ борцомъ противъ деспотизма, единственнымъ представителемъ и защитникомъ народныхъ интересовъ. „Эта демократія быстро группируетъ вокругъ своего знамени огромное большинство *революціонной* интеллигенціи... Банкротство либерализма... толкало *революціонную* интеллигенцію на сближеніе съ народомъ, съ народными массами. А въ такомъ случаѣ либеральная программа оказывалась недостаточной и приходилось строить другую“ (стр. 10—11). Я подчеркнулъ два раза слово „революціонную“ въ связи со словомъ „интеллигенцію“. Авторъ оперируетъ съ понятіемъ революціонной интеллигенціи (очевидно, въ отличіе отъ другой интелигенціи, не революціонной), какъ съ явленіемъ, не нуждающимся въ объясненіи. И въ этомъ—одинъ изъ недостатковъ изслѣдованія объ историческомъ подготовленіи русской соціалъ-демократіи. Вторымъ,—еще болѣе существеннымъ,—недостаткомъ является отсутствіе въ данномъ историческомъ очеркѣ пролетаріата, какъ активнаго дѣятеля. Рабочій фигурируетъ гдѣ-то за сценой: сообщается, что „революціонная интеллигенція“ была недовольна результатами своей дѣятельности среди крестьянъ и, напротивъ, съ полнымъ удовлетвореніемъ констатировала успѣхъ соціалистической пропаганды среди рабочихъ. Успѣхъ въ одной средѣ и неуспѣхъ въ другой не могли, конечно, остаться безъ вліянія на развитіе мысли „революціонной интеллигенціи“,—только объ этомъ и говоритъ авторъ. А между тѣмъ въ XIX вѣкѣ, и до реформы, и послѣ нея,—задолго до появленія Группы Освобожденія Труда, существовало уже рабочее движеніе.

Болѣе того: рабочее движеніе, между прочимъ, въ видѣ забастовокъ, существовало уже во второй половинѣ XVIII вѣка среди поссессіонныхъ крестьянъ, и мануфактуръ-коллегія указывала на „склонность къ анархіи“, какъ на изстари характерную черту для поссессіонныхъ крестьянъ. [1]) Въ теченіе первой половины XIX в. даже въ такомъ производствѣ, какъ работы на золотыхъ пріискахъ, гдѣ-то за предѣлами цивилизаціи, въ сибирской тайгѣ, можно было наблюдать нерѣдкіе случаи проявленія солидарности и коллективной дѣятельности рабочихъ. Конечно, это еще не было соціалистическое движеніе, но нельзя игнорировать его, когда рѣчь идетъ объ историческомъ подготовленіи соціалдемократіи.

Тѣмъ болѣе странно, что авторъ вовсе игнорируетъ уже неизмѣримо болѣе сознательное движеніе 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ Сѣверный Союзъ

---

[1]) См. Шульце-Гевернитъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Изд. Глаголева 1901 г. стр. 33.

Русскихъ Рабочихъ. Стачечное движеніе 70-хъ годовъ въ Петербургѣ интересуетъ Ю. Стеклова лишь постольку, поскольку оно отразилось на умахъ „революціонной интелигенціи:“ онъ не ставитъ даже вопроса о томъ, какъ могло и должно было отразиться это движеніе на коллективной психологіи рабочей массы.

Послѣ 9 января 1905 было бы нелѣпостью, говоря о развитіи русской революціи, умолчать о вліяніи 9 января на сознаніе рабочихъ. Будьте же послѣдовательны! Анализируйте возможное и необходимое вліяніе не только событія 9 января, но и предшествующихъ, менѣе крупныхъ, проявленій рабочаго движенія! Иначе, говоря о подготовкѣ революціи, вы собьетесь на исторію смѣны настроеній въ интеллигентскихъ группкахъ, а вмѣсто того, чтобы говорить о подготовленіи соціалъдемократіи (т. е. с.-д. *рабочей* партіи) будете трактовать о происхожденіи эмигрантскихъ кружковъ.

Мнѣ скажутъ, что я ставлю Ю. Стеклову задачу, непосильную для одного человѣка: вѣдь до сихъ поръ русская соціалъдемократія относилась съ поразительнымъ легкомысліемъ къ своему прошлому,—и нѣтъ печатнаго матеріала, изъ котораго изслѣдователь могъ бы почерпнуть необходимыя данныя. Совершенно вѣрно. И не въ упрекъ лично Ю. Стеклову я говорю о той идеалистической точкѣ зрѣнія, которая еще всецѣло царитъ въ нашихъ умахъ. Собираясь писать исторію партіи, мы готовы ограничить свою задачу изложеніемъ полемики между партійными литераторами. Когда же заходитъ рѣчь о необходимости знать собственное прошлое, встрѣчаешь поразительный для марксиста отвѣтъ: „наши задачи не въ прошломъ, а въ будущемъ“. Иначе сказать: „что захочу (или что захочетъ моя интеллигентская, критически мыслящая личность) то и сдѣлаю“. Изученіе формъ, темпа, взаимодѣйствія общественныхъ силъ, причины успѣха и неудачи,— все это будто бы дѣло прошлаго, а мы, критически-мыслящія личности, строимъ будущее изъ выводовъ чистаго разума!

Ю. Стеклову дѣлаетъ честь, что онъ счелъ нужнымъ взглянуть на прошлое, прослѣдить развитіе взглядовъ революціонной интеллигенціи, указать, что образованіе интеллигентской Группы Освобожденія Труда было не разрывомъ съ прошлымъ, а естественнымъ и необходимымъ для интеллигенціи синтезомъ горькаго опыта. Въ *этихъ* предѣлахъ (но отнюдь не въ предѣлахъ задачи, поставленной въ заголовкѣ брошюры) работа Ю. Стеклова заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія. И намъ остается только пожелать возможно болѣе широкаго распространенія брошюры.

М. Ольминскій.

Н. Батуринъ. *Очеркъ исторіи соціалъдемократіи въ Россіи.* (Лекціи и рефераты по вопросамъ программы и тактики с.-д. вып. VI). М. 1906 г. Ц. 20 к.

Съ нѣкоторыми оговорками можно разсматривать книжку Батурина, какъ продолженіе и пополненіе работы Ю. Стеклова о подготовленіи соціалъдемократіи въ Россіи. Батуринъ пополняетъ пробѣлъ, отмѣченный нами въ книжкѣ Стеклова: онъ посвящаетъ особую главу (II) рабочему движенію 70-хъ и 80-хъ годовъ; онъ отмѣчаетъ, что во время забастовокъ рабочіе первоначально обращались къ администраціи съ жалобами на хозяевъ. „Практика пролетарской борьбы скоро должна была вытравить

эту вѣру (т. е. вѣру въ администрацію). Когда въ слѣдующемъ же (1879) году повторилась стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, то рабочіе только смѣялись, вспоминая о своихъ ходатайствахъ. Умудренные горькимъ опытомъ, они пишутъ уже не прошеніе къ начальству, а воззваніе ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ"...

Далѣе авторъ отмѣчаетъ, что народническая пропаганда принесла не малую пользу рабочему движенію: сближеніе съ интеллигентскими революціонными организаціями помогло организоваться самимъ рабочимъ. Созданные народниками рабочіе кружки скоро пришли къ мысли о самостоятельной рабочей организаціи (стр. 41). Затѣмъ Батуринъ разсказываетъ о Южнорусскомъ Рабочемъ Союзѣ и о Сѣверномъ Союзѣ Русскихъ Рабочихъ.

Что касается теченій интеллигентско-революціонной мысли въ 70-хъ годахъ, то о нихъ авторъ говоритъ мало, предпочитая болѣе подробное изложеніе принциповъ Группы Освобожденія Труда. Онъ прослѣживаетъ идейныя теченія въ соціальдемократіи вплоть до нынѣшняго (1906) года. Принадлежа по своимъ симпатіямъ къ фракціи, которая ведетъ свою исторію съ образованія старой „Искры" и теперь именуется обыкновенно большевистской, Батуринъ съ возможнымъ для заинтересованной стороны безпристрастіемъ прослѣживаетъ ходъ фракціонной борьбы. Онъ признаетъ, что эта борьба „далеко не соотвѣтствовала серьезности разногласій" и „нерѣдко такъ обострялась, принимала такія формы, что порою тормазила всякую партійную работу" (стр. 113). „Только такими неестественными, уродливыми формами идейной борьбы можно объяснить полный организаціонный расколъ ко времени III съѣзда, когда политическія условія требовали самаго тѣснаго объединенія работы всей партіи" (стр. 114). Батуринъ приводитъ выдержки изъ письма рабочаго, негодующаго по поводу раскола, но, къ сожалѣнію, не обобщаетъ этого факта,—не подчеркиваетъ того вліянія, которое оказала рабочая масса, заставившая фракціи вновь слиться въ одну партію.

Батуринъ пишетъ сжато, бойко, интересно. Вѣроятно, рано или поздно, понадобятся новыя изданія его книги. Поэтому я считаю нужнымъ подробно отмѣтить тѣ ошибки, которыя были мною замѣчены въ его изложеніи.

Реакціонную политику русскаго правительства 80-хъ годовъ авторъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство убѣдилось въ отсутствіи серьезной силы, которая стояла бы за Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли (стр. 17). Это слишкомъ упрощенное объясненіе. Реакція началась много раньше,—еще въ 60-хъ годахъ. И объясненія ея нужно искать не въ личныхъ качествахъ правителей, а тѣмъ болѣе—не въ случайныхъ, побочныхъ явленіяхъ, въ родѣ польскаго возстанія 1863 года. Реформы 60-хъ годовъ носили на себѣ слишкомъ сильную печать западныхъ вліяній,—вліянія общества съ развитымъ капиталистическимъ накопленіемъ. Въ Россіи же не былъ еще завершенъ періодъ первоначальнаго накопленія,—періодъ грубо-хищническій. Для расхищенія казенныхъ земель, для успѣха ростовщичества, для экспропріаціи путемъ бюджетнымъ, рамки легальной эксплоатаціи, практикуемой въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ, оказывались слишкомъ узкими, -и началась ломка „реформъ".

Только въ наши дни пришло время для установленія твердыхъ нормъ капиталистической эксплоатаціи,—отсюда тотъ политическій кризисъ, который переживаетъ Россія.

О разслоеніи среди легальныхъ марксистовъ Батуринъ разсказываетъ: „По мѣрѣ того какъ даже сквозь цензурныя перегородки все яснѣе выступало революціонное содержаніе марскизма, какъ теоретическаго обоснованія современной соціальдемократіи, многіе изъ прежнихъ его сторонниковъ стали одинъ за другимъ перебѣгать въ лагерь либеральной буржуазіи. Это случилось прежде всего съ тремя наиболѣе популярными изъ „легальныхъ“ марксистовъ: Струве, Туганъ-Барановскимъ и Булгаковымъ, выступившими съ критикой ортодоксальнаго, т. е. революціоннаго марксизма. Въ этомъ и заключается пресловутый кризисъ марксизма“... (стр. 54). Опять черезчуръ упрощенное объясненіе! Батуринъ забылъ и о Бернштейнѣ, и о Мильеранѣ, появленіе которыхъ въ свою очередь имѣло соціологическія, а не лично-психологическія, основанія. Струве,—увѣряетъ Батуринъ,—перебѣжалъ къ либераламъ благодаря тому, что „все яснѣе выступало революціонное содержаніе марксизма“. Однако, раньше чѣмъ „перебѣжать“, Струве не боялся принимать личное участіе въ дѣлахъ соціалъдемократическихъ организацій, какъ повѣствуетъ самъ же Батуринъ на стр. 70. Слишкомъ упрощенное объясненіе исторіи легальнаго марксизма повело къ тому, что Батуринъ умалилъ заслуги чтимой имъ самимъ группы Искры и Зари,—онъ ни словомъ не обмолвился о роли этой группы въ борьбѣ противъ международнаго оппортунизма въ соціалъдемократіи.

Далѣе (на стр. 46) авторъ нѣсколько преувеличиваетъ вліяніе реакціи начала 80-хъ годовъ на рабочее движеніе. Прежнія организаціи, правда, были разгромлены, притокъ интеллигентскихъ силъ сократился до послѣдняго минимума, но рабочее движеніе продолжало развиваться и сознательность среди рабочихъ росла. Сознательность, которую проявили рабочіе во время знаменитой Морозовской стачки, далеко опередила уровень сознательности петербургскихъ рабочихъ въ концѣ 70-хъ годовъ. Подобнымъ же образомъ протекали стачки и въ другихъ мѣстахъ,—напримѣръ на фабрикѣ Кузнецова въ Твери. Широкій для того времени размахъ движенія и выдержанность рабочихъ повели къ созданію фабричнаго законодательства. Нѣкоторыя статьи закона прямо были списаны съ требованій морозовскихъ рабочихъ,—это въ свое время не прошло незамѣченнымъ и въ рабочей средѣ. Батуринъ и въ этомъ случаѣ, и позже игнорируетъ вліяніе, которое оказывало на подъемъ рабочихъ массъ такое,—отвѣтное на требованія рабочихъ,—законодательство, какія перспективы открывало оно для дальнѣйшей борьбы. Между тѣмъ Батурину достаточно было заглянуть въ приложенный къ его книгѣ манифестъ Р. С. Д. Р. П. 1898 года. Тамъ, съ чувствомъ гордости удовлетворенія, указывается, что законъ 2 іюля 1897 года о продолжительности рабочаго дня „останется навсегда достопамятнымъ доказательствомъ того могущественнаго давленія, которое оказываютъ на законодательную и иную дѣятельность правительства соединенныя усилія рабочихъ“.

Перехожу къ болѣе частнымъ ошибкамъ. „Аресты 1892 года прекратили ея существованіе“,—существованіе петербургской организаціи (стр. 49). Это невѣрно. Организація послѣ арестовъ 1892 года продолжала разви-

ваться. Также невѣрно указаніе на стр. 52, что въ Петербургѣ въ 1893 году происходили рабочія забастовки и волненія.

Статистика арестовъ и ссылки на стр. 93 вызываетъ недоумѣніе: за 1898—1900 годы арестовано 385 человѣкъ, а сослано 454; за 1901—4 г. г. арестовано 1203, сослано 1783. Какимъ образомъ, могло случиться, что число сосланныхъ превышаетъ количество арестованныхъ?

Изложеніе фракціонныхъ разногласій изъ-за „плана земской кампаніи" неудовлетворительно (см. стр. 105).

Трудно согласиться съ мыслью автора, будто источниками для ознакомленія съ исторіей русской соціальдемократіи до сихъ поръ „могутъ служить лишь старыя, главнымъ образомъ заграничныя, соціалъдемократическія изданія". (стр. 125). Съуживать такимъ образомъ кругъ источниковъ значитъ выбрасывать за бортъ и исторію легальнаго марксизма, и исторію промышленности, и фабричнаго законодательства, и изученіе положенія рабочаго класса, и многое другое. Самъ авторъ не выдерживаетъ такого ограниченія и въ числѣ пособій съ полнымъ основаніемъ указываетъ напримѣръ на книгу Туганъ-Барановскаго „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ", на книги Прокоповича и Пажитнова.

М. Ольминскій.

Маньковскій. „У подножья висѣлицы" (отрывокъ изъ тюремныхъ воспоминаній). Изданіе „Къ свѣту". Цѣна 6 к. 40 стр.

Брошюра М. Маньковскаго „У подножья висѣлицы" подъ такимъ же заглавіемъ была года два тому назадъ издана по-польски заграницей и тогда же была переведена на русскій языкъ, кажется, подъ редакціей самого автора, въ Женевѣ,—она была озаглавлена „Сорокъ дней передъ казнью".

Маньковскій—одинъ изъ видныхъ дѣятелей польской партій „Пролетаріатъ", дѣйствовавшей въ Польшѣ главнымъ образомъ въ 1882—85 г.г. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ выдающимися дѣятелями этой партіи и вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ 1885—86 г.г. въ извѣстномъ варшавскомъ процессѣ 29-ти пролетаріатцевъ. По этому процессу 4 человѣка было казнено, — а именно Куницкій, Бардовскій, Петрусинскій, Оссовскій. Автору брошюры „У подножья висѣлицы" пришлось провести послѣ суда 40 дней вмѣстѣ съ осужденными на казнь,—описанію этихъ послѣднихъ дней и часовъ и посвящена его брошюра. Она написана съ захватывающимъ интересомъ и даетъ обстоятельное описаніе всего, что было пережито за эти дни и приговоренными къ казни, и ихъ товарищами.

Описанію тѣхъ же дней передъ казнью этихъ четырехъ польскихъ революціонеровъ была посвящена въ № 8 „Былого" статья Ф. Я. Кона подъ тѣмъ же заглавіемъ „У подножья висѣлицы", и она является дополненіемъ къ раньше появившемуся разсказу М. Маньковскаго.

В. Б.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

И. Черновъ. Луи Бланъ перев. съ франц. Ц. 15 к.

Дневникъ № 7 Г. В. Плеханова августъ 1906 г.

Н. Рязановъ. Къ критикѣ программы россійской соціалдемократіи изд. 2-ое. Кн-во „Мысль". Ц. 1 р.

К-во „Библіотека марксизма":

Н. Рязановъ. Обуховское дѣло. Ц. 10 к.

Н. Рязановъ. Двѣ правды. Народничество и марксизмъ. Очерки изъ исторіи русской интеллигенціи. Ц. 20 к.

К-во „Новый Міръ":

Н. Рязановъ. Группа „Освобожденія Труда". Ц. 5 к.

В. Веселовскій. Какое мѣстное самоуправленіе нужно народу? Ц. 7 к.

Ст. Деревенскій. Что говорятъ про землю соц.-революціонеры и соціалдемократы? Ц. 6 к.

Ромэнъ Ролькъ. 14 іюля. Драма въ 3-хъ дѣйст. Ц. 40 к.

Юрій Ларинъ. Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ. Ц. 20 к. Складъ при к-вѣ „Новый Міръ".

Г. Энгель и В. Гороховъ. Изъ исторіи студенческаго движенія 1899—1906 г. Изд. В. К. Сердаковскаго. Ц. 50 к.

Въ борьбѣ. Сборникъ III. К-во „Борьба". Ц. 50 к.

Русское Свободное Слово. Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой, Л. Н. Толстого т. IV окт. 1906 г.

Сознательная Россія выпуски I, II. III и IV 1906 г.

К-во Донская Рѣчь и Новая библіотека:

Л. Загаровъ. Партія правового порядка. Ц. 7 к.

Н. Рубакинъ. Исторія русской земли кн. II. Люди въ незапамятную старину.

Н. Бухъ-Полтевъ. Закономѣрность развитія и будущность человѣчества Механико-эконом. параллель. Ц 30 к.

Из-во О. Н. Поповой:

М. Днѣпровъ. Начало и конецъ абсолютизма во Франціи. Ц. 5.

Темы жизни № 16. П. А. Берлинъ. Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его. Ц. 10 к.

Темы жизни № 17. Х. Л. Рапоппортъ, Жюль Гэдъ и французская рабочая партія. Ц. 15 к.

Гаральдъ Геффдингъ. Современные философы. Ц. 50 к.

К-во Н. Глаголева:

П. Троцкій. Наша революція. Ц. 1 р.

Исторія Совѣта рабочихъ депутатовъ. Ц. 1 р.

В. Кожевниковъ. Великая Крестьянская война въ Германіи 1524—1525 г. Ц. 60 к.

Л. Мартовъ. Пролетарская борьба въ Россіи. Пред. П. Аксельрода. Ц. 30 к.

Основные вопросы программы и тактики на съѣздахъ германской соц.-демократіи вып. I. Программа партіи. Подъ ред. Волгина. Из-во „Движеніе". Ц. 35 к.

Ольговичъ. Какъ и кого выбирать во вторую Государственную Думу К-во „Товарищество". Ц. 2 к.

Конштедтъ. Аграрный вопросъ въ германской соціалдемократіи. Библіотека „Общественной Пользы". Ц. 75 к.

Чернышевскій. Полное собраніе сочиненій. Прологъ, т. X ч. I и ч. II и т. V. Изданіе Е. Д. Мягкова „Колоколъ“:

Ф. Мерингъ Исторія германской соціальдемократіи т. I до рев. 1848 г. Ц. 1 р. 25 к.

Іеккъ. Образованіе интернаціонала пер. Бронштейна и Гродненскаго. Ц. 80 к.

Э. Вандервельде и Ж. Дестре. Соціализмъ въ Бельгіи. Пер. Соболевскаго 2-ое изд. Ц. 80 к.

В. Либкнехтъ. Знаніе есть сила, сила есть знаніе. Пер. Л. Мандельштамъ. Ц. 15 к.

Лассаль. Косвенные налоги. Ц. 25 к.

Эрнестъ. Парижская коммуна пер. Н. Кержнера. Ц. 10 к.

К. Каутскій. Соціализмъ и сельское хозяйство. Перев. И. Наумова. Ц. 20 к.

Фроме. Монархія или республика? вып. II. Ц. 60 к.

К. Каутскій. Американскій и русскій рабочій пер. М. Батырева. Ц. 15 к.

К-во Е. Д. Мягкова „Народная Мысль“.

К. Диль. О соціализмѣ, коммунизмѣ и анархизмѣ. 12 лекцій. Пер. В. Невѣжиной. Ц. 60 к.

Эдуардъ Доллеансъ. Робертъ Оуэнъ пер. Л. Никифорова. Ц. 30 к.

Отчетъ симбирскихъ городскихъ библіотекъ публич. платной и безплатной народной имени И. А. Гончарова за 1905 г.

М. Б. Очеркъ изъ исторіи желѣзнодорожныхъ забастовокъ въ Россіи Ц. 10 к.

К-во „Новое Товарищество“:

Л. Шишко. Очерки по вопросамъ экономики и исторіи. Ц. 60 к.

Гатти. Соціализмъ и аграрный вопросъ. Ц. 50 к.

В. Черновъ. Пролетаріатъ и трудовое крестьянство. Ц. 20 к.

В. Черновъ. Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи. Ц. 12 к.

Ф. А. Бейерлейнъ. Вечерняя зоря. Ц. 35 к.

Х. Житловскій. Матеріализмъ и діалектическая логика. Ц. 20 к.

С. С. Закъ. Демократизація земства. Ц. 25 к.

С. С. Закъ. Крестьянство и соціализація земли. Ц. 15 к.

Берецкій Бергфельдъ. Борьба Венгріи за независимость. Ц. 22 к.

А. Оларъ. Отъ монархіи къ республикѣ. Ц. 10 к.

І Бельфордъ Баксъ и Г. Квельгъ. Соціалистическій катехизисъ. П. Е. Лазаревъ. Аграрный катехизисъ. Ц. 25 к.

В. В. Соціальное преобразованіе Россіи. Ц. 18 к.

В. Черновъ. Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. Истор. крит. очерки. Ц. 25 к.

С.-Ан-скій Крестьянскій вопросъ во Франціи 2-ое изд. ц. 7 к.

А. Рудинъ. Что говорятъ русскіе соціалъ-демократы деревенской бѣднотѣ ц. 10 к.

Популярная библіотека К-во „Новое Товарищество“.

№ 1. Ф. Гординъ. Почему я соціалистъ ц. 4 к.

№ 2. Е. Лазаревъ. Какъ крестьянамъ дали волю ц. 4 к.

№ 3. Жоржъ Ренаръ. Во французской деревнѣ пер. Швеловой ц. 3 к.

№ 4. Шарль Ристъ. Профессіональные союзы въ Англіи пер. Швеловой ц, 1 к.

№ 5. Разстрига ц. 3 к.

№ 6. Порфирьевъ. „Жить стыдно“ ц. 2 к.

№ 7. Огановскій. Освобожденіе земли (чего надо добиваться крестьянамъ) ц. 6 к.

№ 8. Абрамова. Крестьянамъ и рабочимъ ц. 2 к.

№ 10. Смолова. Король и народъ ц. 2 к.

№ 11. Н. Сибирякъ. Гдѣ лучше? ц. 10 к.

№ 13. А. Чернова. Какъ венгерцы борются за свои права ц. 4 к.

№ 14 А. Матье. Соціальный вопросъ во время французской революціи 1789 г. ц. 5 к.

№ 15. Н. Николаевъ. Невидимыя подати ц. 4 к.

№ 16. А. Будэ. Командитъ и его общественная роль ц. 5 к.
№ 17. П. Вихляевъ. Какъ уровнять пользованіе землей ц. 6 к.
№ 18. Е. Звягинцевъ. Земельное переустройство въ городахъ ц. 4 к.
№ 19. Н. Очаповскій. Крестьянская община и соціализмъ ц. 8 к.
№ 20. Г. Новоторжскій. Національный вопросъ, автономія и федерація ц. 6 к.
№ 21. Г. Новоторжскій. Земельный вопросъ въ Россіи ц. 10 к.
Гартъ. Революція и наши партіи. М. Складъ въ маг. Карбасникова ц. 25 к.
Н. Д. Кузьминъ-Караваевъ. „Революціонное выступленіе". Дума и аграрный вопросъ ц. 25 к.
Его же. Изъ эпохи освободительнаго движенія до 17 окт. 1905 г. ц. 1 р.
Изданія Скирмунта:
Джонъ Митчель. Рабочіе союзы въ Америкѣ ц. 50 к.
Макс. Бахъ. Австрія въ первую половину XIX в. пер. подъ ред. Базарова и Степанова ц. 2 р.
Н. Виноградовъ. „Свиданіе двухъ тѣней" Полит. сатира начала XIX ст.
Изданія Артемьева:
Эрвинъ Бяльцъ. О воинственномъ духѣ японцевъ и ихъ презрѣніе къ смерти пер. съ нѣм. П. Ларенко ц. 50 к.
П. Россовъ. Національное самосознаніе корейцевъ ц. 30 к.
Собраніе стихотвореній декабристовъ т. II изд. И. И. Ѳомина ц. 1 р. 50 к.
В. Д. Козловъ. Очерки и разсказы изъ минувшей войны ц. 1 р.
Эрнстъ Геккель. „Міровыя загадки" Общедоступные этюды по монистической философіи Кн-во И. Д. Иванова ц. 80 к.
Трудъ. Рабочая газета № 5. Органъ СПБ. Ком. и Сов. Раб. Союза пар. с.-р. Ноябрь 1906 г.
Солдатская доля № 9. 15 мая 1906 г. Изд. Ком. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр.
„ „ № 10 7 іюня „ „
„ „ № 12 16 „ „ „
„ „ № 14 15 іюля „ „
Солдатъ № 1 Изд. Област. Ком. Закавказ. Союз. пар. с.-р. авг. 1906 г.
Robotnik. № 198 и 200 Qrgan P. P. S.
Листокъ Рабочей Газеты № 9 янв. 1906 г.
Воля. Полит., общест. и литер. газета изд. с.-р. окт. 1906 г. Нагасаки.
Голосъ солдата № 21 Органъ Рижс. С.-Д. Воен. Орг. 14 нояб. 1906 г. С.-Д. Р. П.
Военный Листокъ № 7 15 нояб. 1906 г. Изд. Тавр. союза пар. с.-р.
Рядовой № 2 Органъ Бакин. Вост. Орг. Р. С.-Д. Р. П.
Нижегородскій солдатскій листокъ № 4 сен. 1906 г. Ниж. Ком. п. с.-р.
Наканунѣ. Соціально-революц. обозрѣніе годъ I № 8 авг. № 19 годъ II 19 іюля 1900 г. London.
Рядъ листковъ и воззваній Москов. соц. дем. союза типо-литогр. рабочихъ и друг. Москов. организацій осень 1905 г. янв. 1906 г.
Товарищи солдаты! Воен. Орг. при Батум. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Бойкотируйте солдатчину! Ко всему населенію городовъ и деревень Бат. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
2 листка москов. студ. фрак. с.-р.
Ко всемъ соціалдемократамъ г. Москвы Моск. гр. Р. С.-Д. Р. П.
Отчетъ прихода—расхода Област. Ком. Закавказ. союзъ п. с.-р. съ 15 ав. — 15 окт. 1906 г.
Товарищи! Област. Ком. Закавк. союза пар. с.-р. окт. 1906 г.
14 окт. Кронштадт. военно-полев. судъ.... Раб. Ком. Петерб. раіона п. с.-р.
Граждане! Колом. Участ. Р. С.-Д. Р. П.
Листокъ Нижегор. Губ. Ком. пар. с.-р. 1 нояб. 1906 г.
Уставъ Московской Организ., выработ. Исполн. Комиссіей усил. сост. комит. п. с.-р.
Письмо новобранца къ новобранцамъ изд. Воен. Орг. при Пет. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Протоколъ Нижегородскаго губернскаго съѣзда организаціи п. с.-р.

Различные листки и изданія Екатеринос. Ком. Р. С.-Д. Р. П. др. группы г. Екатеринослава.

Письмо отъ русскихъ крестьянъ царю Николаю Второму окт. 1906 г.

Резолюція партіи С.-Р.

Волки въ овечьей шкурѣ. Стараго служиваго.

14 листковъ и воззваній Изд. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр.

Къ обществу Москов. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Военно-полевая юстиція М. К. Р. С.-Д. Р. П.

Ко всѣмъ рабочимъ М. К. Р. С.-Д. Р. П.

Извѣщеніе о VII съѣздѣ Бунда. Женева

Павелъ Гольманъ. (Некрологъ) окт. 1906 г. Екатерин. Гр. Рабочихъ анархистовъ-коммунистовъ.

9 листковъ Москов. Ком. п. с.-р.

Солдаты! Къ саратовскимъ войскамъ. Сарат. Ком. п. с.-р.

Извѣстія Област. Ком. Центр. Обл. 6 нояб. 1906 г. Обл. Ком. Ц. Об. п. с.-р.

Бюллетень Област. Ком. Центр. Обл. п. с.-р. 15 окт. 1906 г.

Листокъ № 3. Общность интересовъ городскихъ рабочихъ съ трудовымъ крестьянствомъ. Сарат. Ком. Горн. раб. раіонъ п. с.-р.

Воззваніе, уставъ и отчетъ Об-ва помощи пострадавшимъ въ освобод. движеніи и ихъ семьямъ въ г. Костромѣ.

Отъ Южно-Русскаго Област. Ком. къ мѣст. организаціямъ. Одесса ноябрь 1906 г.

Резолюція областного съѣзда поволжскаго союза п. с.-р.

Еще о „конституціонныхъ“ погромщикахъ. Оттискъ изъ № 7 „Соціалдемократъ“.

Мих. Раф. Гоцъ (некрологъ). Изд. Нижег. Ком. С.-Р.

Извѣстія Нижегород. Губерн. Ком. пар. с.-р. № 1.

Граждане! Батум. Ком. п. с.-р.

Солдатская марсельеза. Сов. Бат. Горн. Тип. Бат. Ком. п. с.-р.

Отчетъ за сентябрь 1906 г. пар. с.-р. Бат. Ком. Закавказ. союзъ п. с.-р.

О партійной работѣ. Прилож. къ № 1 Извѣст. Нижег. Губ. Ком. пар. с.-р.

Примѣрный уставъ боевой дружины п. с.-р. Тип. Тиф. Ком. п. с.-р.

Towarzysze! Towarzyszki! Cent. Kom. Rob. P. P. S. Warsz. W grudniu 1906 г.

Партійныя извѣстія № 2 25 нояб. 1906 г. Изд. Центр. Ком. п. с.-р.

Инструкція по выборамъ парт. с.-р.

Военный Союзъ Органъ сѣвернаго Организац. Комитета офицерскаго союза № 1 ноябрь 1906 г.

Приложеніе къ № 1 Военнаго Союза. Докладъ ген. Меллера Закомельскаго Имп. Николаю Второму.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ получено:

Собранные черезъ В. М. П. 52 р. 50 к., черезъ М. С. П.—36 р., черезъ М. А. П.—18 р., черезъ Ф. И. Б.—26 р., черезъ О. Ю. Л.—10 р., черезъ А. М. Д. 14 руб., черезъ Б. Г. М.—38 р., черезъ С. Н. Г.—22 р.—всего 216 р. 50 к. для ссыльныхъ Нарымскаго и Туруханскаго края.

Отъ О. Н. Васильевой изъ Анапы Куб. Обл.—3 р. въ „Общество помощи полит. ссыльн. и заключеннымъ“.

Отъ В. С. для политическихъ ссыльныхъ, находящихся въ Сибири—500 руб.

Изъ Сухума—121 р. 10 к.

Деньги переданы по назначенію.

Для передачи въ Шлиссельбургскій Комитетъ—„Отъ друзей и товарищей А. А. Спандони, вмѣсто вѣнковъ, которые не могли быть возложены на его безвременную могилу“—70 р.

Деньги переданы по назначенію.

Современная лѣтопись.

Въ теченіе ноября зарегистрированны нижеслѣдующіе смертные приговоры и смертныя казни.

1) Въ Митавѣ, 31 октября. Въ послѣднемъ засѣданія военнаго суда приговорены къ смертной казни Кригель, Липе и Брикманъ, вожаки нападенія на драгунъ въ Туккумѣ въ декабрѣ 1905 года.

2) Въ Иркутскѣ. По приговору военно-полевого суда 31 октября былъ казненъ Николай Коршуновъ покушавшійся на жизнь Ренненкампфа.

3) Въ Сѣдлецѣ, 1 ноября. По приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ житель соколовскаго уѣзда Лещинскій за вооруженное нападеніе на конвой, сопровождавшій арестантовъ.

4) Въ Москвѣ, 1 ноября. Военно-полевой судъ приговорилъ неизвѣстнаго преступника, покушавшагося на жизнь градоначальника генералъ-маіора Рейнбота, къ смертной казни черезъ повѣшеніе. 2-го ноября приговоръ приведенъ въ исполненіе.

5) Въ Одессѣ, 1 ноября. Военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о взрывѣ бомбъ, брошенныхъ въ декабрѣ 1905 г. въ кондитерскую Либмана, приговорилъ троихъ обвиняемыхъ къ смертной казни, двухъ къ каторжнымъ работамъ на 17 лѣтъ.

6) Въ Екатеринославѣ, 2 ноября. Осужденный военно-полевымъ судомъ Бальтрунаисъ, за нападеніе на городового Корнѣева, сегодня разстрѣлянъ.

7) Въ Ригѣ, 2 ноября. Крестьяне Кальнинъ, Преде и Паегле приговорены военно-полевымъ судомъ за вооруженный грабежъ и разбой къ смертной казни; приговоръ приведенъ въ исполненіе.

8) Въ Митавѣ, 2 ноября. Приговоръ военнаго суда по Тальсенскому дѣлу, по которому 8 человѣкъ приговорены къ смертной казни, смягченъ генералъ-губернаторомъ для трехъ изъ нихъ безсрочной каторгой. Остальные будутъ казнены въ тальсенскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ учиненія преступныхъ дѣяній.

9) Въ Варшавѣ, 2 ноября. По приговору военно-полевого суда повѣшены Людикъ Мотычинскій и Георгій Поминскій, которые на полустанкѣ „Древница“ напали на кассира кирпичнаго завода Езіоранскаго и, ранивъ его, отняли 2.000 руб., но были задержаны въ лѣсу рабочимъ завода.

10) Въ Варшавѣ, 2 ноября. Вчера военнымъ судомъ приговорены

къ смертной казни черезъ повѣшеніе слесарь Ендржевскій — за разбой и вооруженное сопротивленіе, Рачикъ и Ксіонжакъ — за вооруженное нападеніе на земскихъ стражниковъ и Згодовскій—за ограбленіе казенной винной лавки. 8 ноября приговоры приведены въ исполненіе.

11) Тамъ же Военно-полевой судъ приговорилъ къ смертной казни крестьянъ Грентца, Скварскаго и Романовскаго за вооруженное сопротивленіе при задержаніи ихъ земскимъ стражникомъ. Приговоръ приведенъ въ исполненіе 1 ноября въ Сохачевѣ.

12) Въ Домбровѣ по приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ грабитель Болеславъ Урысъ.

13) Въ Либавѣ, 3 ноября. Казнены полевымъ судомъ два грабителя.

14) Въ Квирилахъ 3 ноября казненъ Тропидзе, обвинявшійся въ убійствѣ священника.

15) Въ Ригѣ, 3 ноября. Военно-полевой судъ приговорилъ къ смертной казни крестьянина Яна Энке и Фрейта, перваго за вооруженное сопротивленіе и покушеніе на убійство нижняго чина, второго за вооруженное нападеніе и нанесеніе тяжкихъ пораненій крестьянкѣ Шишманъ. Утромъ 4-го приговоръ приведенъ въ исполненіе.

16) Въ Гори, по приговору полевого суда повѣшенъ Котаньянцъ за убійство сторожа на станціи Боржомъ.

17) Въ Бобруйскѣ, 1 ноября. Состоялось засѣданіе военно-окружнаго суда по дѣлу объ ограбленіи почты между Гомелемъ и Вѣткой, сопровождавшемся убійствомъ. 3 обвиняемыхъ, Малѣевъ, Фейгинъ и Одноглазовъ, приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

18) Въ Петербургѣ, 4 ноября въ закрытомъ засѣданіи военно-окружнаго суда слушалось дѣло о рабочемъ Лукѣ Ивановѣ, преданномъ военному суду на основаніи 2 ч. 1483 ст. угол. ул. на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ. Лука Ивановъ обвинялся въ томъ, что 22 августа с. г. по Рѣзвой ул. нанесъ въ запальчивости постовому городовому Мурашинцову во время исполненія имъ своихъ обязанностей нѣсколько ударовъ, и затѣмъ выхватилъ у него обнаженную шашку и причинилъ 3 раны признанныя врачемъ—экспертомъ легкими.

Судъ призналъ подсудимаго виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ этого отдачей въ исправительное арестантское отдѣленіе на 3 года; ходатайство это уважено.

19) Въ Москвѣ, 6 ноября. Сегодня военно-полевой судъ приговорилъ Мишке за убійство жандарма на курской дорогѣ, близъ станціи Царциро, къ смертной казни черезъ повѣшеніе, 7 ноября смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.

20) Въ Митавѣ, 6 ноября. Сегодня здѣсь приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ тремя главарями тукумскаго мятежа—Кринтелемъ Лепой и Бринкманомъ и надъ виндавскимъ мятежникомъ—Крузинымъ.

21) Въ Екатеринославѣ, 6 ноября. По дѣлу о вооруженномъ захватѣ, въ декабрѣ 1905 г., станціи Синельниково судъ приговорилъ трехъ человѣкъ къ смертной казни, постановивъ ходатайствовать о замѣнѣ одному изъ нихъ казни каторгой. Пятеро другихъ приговорены къ каторгѣ до 4 лѣтъ, пятеро—къ ссылкѣ, семеро—оправданы.

22) Въ Елисаветполѣ, 6 ноября. Обвиняемый по дѣлу объ убійствѣ джеванширскаго уѣзднаго начальника, Флегинскаго, бывшій разсыльный, содержавшійся въ тюрьмѣ, Нуриманбекъ, военно-окружнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи участи.

23) Въ Елизаветградѣ, 7 ноября. Военно-полевой судъ въ Александріи приговорилъ Мельникова и Погуляева за совершенное 5 ноября ограбленіе вдовы Матусевичъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, постановивъ ходатайствовать о замѣнѣ казни безсрочной каторгой.

24) Въ Ригѣ, 7 ноября. Военно-полевой судъ приговорилъ грабителей Іогансона и Захарина къ смертной казни черезъ разстрѣляніе; приговоръ приведенъ въ исполненіе въ 3 часа ночи.

25) Въ Митавѣ, 7 ноября. Приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни Климпманъ, Сеглинъ, два брата Тиме и Штейнбокъ и увезены для разстрѣлянія ихъ на мѣстѣ учиненныхъ ими преступныхъ дѣяній въ Тальсенъ. Климпманъ обвиненъ въ разграбленіи цейхауза съ цѣлью вооруженіи мятежниковъ; остальные разбойничали въ имѣніяхъ и участвовали въ нападеніи на воиска.

26) Въ Ригѣ, 7 ноября. Изъ феллинскаго уѣзда сообщаютъ о разстрѣляніи по приговору военно-полевого суда за ограбленіе корчмы крестьянъ: Равусъ, Аспе, Саранъ, Кооли и Эунапо.

27) Смертный приговоръ, вынесенный виленскимъ военно-окружнымъ судомъ Шухатовичу, Осаковскому и Шварцу и утвержденный главнымъ военнымъ судомъ по обвиненію ихъ въ убійствѣ въ г. Слонимѣ стражника Болвана, не конфирмованъ главнокомандующимъ. Наказаніе имъ замѣнено 20-лѣтней каторгой.

28) Въ Варшавѣ, 7 ноября. Вчера въ военномъ судѣ разбиралось дѣло о мѣщанахъ Мыслинскомъ, Судовичерѣ, Шлемѣ Беккеръ, Гиршѣ и Даніилѣ Беккеръ, обвиняемыхъ въ разбойничьемъ ограбленіи 7 августа на шоссе около Бѣлостока подрядчика. Судъ приговорилъ двухъ первыхъ къ смертной казни, третьяго къ безсрочной каторгѣ и двухъ послѣднихъ къ каторгѣ на 20 лѣтъ.

29) Въ Митавѣ, 8 ноября. Сегодня, по приговору военнаго суда, разстрѣляны крестьянинъ Адамовичъ и ученикъ реальнаго училища 17 л. Грингофъ, уличенные въ убійствѣ волостного старшины.

30) Въ Варшавѣ, 8 ноября смертный приговоръ военно-окружного суда надъ Яномъ Гранковскимъ приведенъ въ исполненіе.

31) Въ Кіевѣ, 8 ноября. Военно-окружной судъ, изъ шести человѣкъ, обвинявшихся въ убійствѣ Солодовича и двухъ вооруженныхъ нападеніяхъ въ житомірскомъ уѣздѣ, съ цѣлью грабежа приговорилъ Ефима и Нестора Биленькихъ и Андрея Маринича къ повѣшенію, остальныхъ—къ безсрочной каторгѣ. Ефимъ Биленькій и Мариничъ 2 ноября были уже приговорены къ казни за вооруженную кражу лошадей.

32) Въ Варшавѣ, 9 ноября. Вчера военный судъ приговорилъ къ смертной казни Гавріила Шмигельскаго за убійство земскаго стражника.

33) Въ Петербургѣ, 9 ноября. Въ главномъ военномъ судѣ слушалось дѣло по кассаціонной жалобѣ Ш. Шпитальника, Я. Познера, А. Стахова и С. Банковскаго, приговоренныхъ варшавскимъ военно-окружнымъ судомъ

къ смертной казни за участіе въ убійствѣ пристава Ковальскаго въ г. Варшавѣ. Главный военный судъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

17 ноября приговоръ приведенъ въ исполненіе. Участіе казненныхъ въ убійствѣ не доказано.

34) Въ Варшавѣ, 11 ноября. 9 ноября въ Вышковѣ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ военно-полевого суда цулуусскаго гарнизона надъ Чеховскимъ, Листовичемъ и Зюлковскимъ, осужденными за разбойничье нападеніе 16 октября на заводъ Якубовскаго и убійство владѣльца завода.

35) Въ Александровскѣ, 10 ноября. Сегодня утромъ по приговору военно-полевого суда разстрѣляны четыре крестьянина села Ивановки, александровскаго уѣзда, Мединскій, Зеркулъ, Даниленко и Чебанъ, ограбившіе кассу Ивановскаго волостного правленія. Два участника, скрывшіеся съ 10,000 р. ограбленныхъ денегъ, пока не пойманы.

— Въ Тифлисѣ, 10 ноября разстрѣлянъ по приговору военно-полевого суда Созіевъ по обвиненію въ убійствѣ Коладзе.

36) Въ Екатеринославѣ, 11 ноября. Въ семь час. утра разстрѣляны по приговору военно-полевого суда шесть человѣкъ, трое за террористическіе акты противъ полиціи, за убійство околодочнаго надзирателя Брайкевича, городового Дзюбаненко въ посадѣ Амуръ, остальные за нападеніе, съ цѣлью экспропріаціи, на купца Волошина и сопротивленіе полиціи, во время котораго убиты Волошинъ и одинъ экспропріаторъ.

37) Въ Ригѣ, 11 ноября. Ночью военно-полевой судъ приговорилъ Петра Брувера за убійство своей любовницы къ смертной казни; приговоръ исполненъ въ 4 часа утра.

38) Въ Одессѣ, 11 ноября. Военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе крестьянинъ Карниченко за ограбленія артельщика Россійскаго Общества пароходства и торговли; и крестьянинъ Пустовойтовъ за вооруженное нападеніе на квартиру Царенко. Оба приговора сегодня утромъ приведены въ исполненіе въ Александровскомъ паркѣ.

39) Въ Екатеринославѣ, 11 ноября. Военно-окружный судъ приговорилъ троихъ, обвинявшихся въ нападеніи на почтовое отдѣленіе на Александровской улицѣ и убійствѣ почтоваго чиновника Гусева, къ смертной казни.

40) Въ Тифлисѣ, 11 ноября. Разстрѣляны въ мѣстечкѣ Квирилахъ Самхарадзе и Гвелесіани обвинявшіеся въ разбойничьемъ нападеніи.

41) Въ Елизаветполѣ, 11 ноября. Объявленъ приговоръ военно-окружного суда, коимъ изъ 10 обвиняемыхъ въ разбоѣ и вооруженномъ сопротивленіи властямъ, пятеро оправданы; двое приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, трое другихъ также приговорены къ смертной казни, но постановлено возбудить ходатайство предъ главнокомандующимъ о смягченіи участи послѣднихъ.

— Въ Сочи, 12 ноября. Военно-полевымъ судомъ приговорены Александръ Гагулія, Дмитрій Угренидзе и Георгій Еркванія къ смертной казни черезъ разстрѣляніе и Дмитрій Тавадзе—къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. Приговоръ надъ первыми тремя приведенъ въ исполненіе. Всѣ обвинялись въ вооруженномъ грабежѣ.

42) Въ Варшавѣ, 12 ноября Вчера военный судъ разсматривалъ дѣло

о мѣщанинѣ Миттельштейнѣ, обвиняемомъ въ разбойничьемъ нападеніи на винную лавку близъ города Лодзи и приговорилъ его къ смертной казни.

43) Въ Кронштадтѣ, 13 ноября. Ночью на фортѣ преданъ смертной казни черезъ повѣшеніе еще одинъ изъ участниковъ вооруженнаго ограбленія кареты портовой таможни.

44) Въ Елисаветградѣ, 13 ноября. Разстрѣляны, по приговору военно-полевого суда, Шполянскій и Тарнацкій, обвинявшіеся въ вооруженномъ ограбленіи пассажировъ, уѣзжавшихъ ночью съ вокзала.

45) Въ Варшавѣ, 13 ноября. Исполненъ приговоръ военно-окружнаго суда о повѣшеніи Цалека, Судоровичера и Юзефа Мыслинскаго, ограбившихъ и ранившихъ проѣзжаго на шоссе близъ Бѣлостока.

46) Въ Екатеринославѣ, 13 ноября. На разсвѣтѣ разстрѣляны 4 рабочихъ, приговоренныхъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни за нападенія на торговыя помѣщенія въ селѣ Каменскомъ.

47) Въ Петербургѣ у мѣщ. Тимофея Иванова Стольфота были обнаружены пять заряженныхъ бомбъ, хранимыхъ имъ съ преступною цѣлью. Стольфотъ приговоромъ военно-полевого суда присужденъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковой приговоръ 13-го ноября приведенъ въ исполненіе.

48) Въ Севастополѣ, 13 ноября. Сегодня объявленъ приговоръ по дѣлу о возстаніи. Приговорены—провизоръ Капторовичъ къ повѣшенію, рядовые—Ціома и Барышевъ къ разстрѣлянію, сынъ подполковника Воронцынъ и двое рядовыхъ къ безсрочной каторгѣ, репортеръ мѣстной газеты Френкель—къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе. Многіе приговорены къ каторгѣ на разные сроки, къ заключенію въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ дисциплинарный батальонъ и въ тюрьму. Изъ 270 подсудимыхъ, 38 оправданы.

Приговоръ относительно присужденныхъ къ смертной казни будетъ представленъ главному командиру адмиралу Скрыдлову на конфирмацію. Смертная казнь 30 ноября для всѣхъ троихъ замѣнена безсрочной каторгой.

49) Въ Очаковѣ, 14 ноября. По приговору военно-полевого суда разстрѣлянъ ефрейторъ минной роты Самохваловъ за нанесеніе пораненія офицеру.

50) Въ Тифлисѣ, 14 ноября. Обвиняющагося въ нападеніи на духанъ Давидова Хатанашвили военно-полевой судъ приговорилъ къ разстрѣлянію. 15-го смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.

51) Въ Таганрогѣ, 14 ноября. Крестьяне Воротченко, Божепко, Шкларова и Тарасенко за убійство камнями казака, по приговору полевого суда, разстрѣляны.

52) Въ Хабаровскѣ, 15 ноября. Сегодня, на разсвѣтѣ, у ограды мѣстной тюрьмы повѣшены восемъ китайцевъ, признанныхъ военнымъ судомъ виновными въ разбойномъ нападеніи на корейскую семью въ деревнѣ Осиповкѣ, вблизи Хабаровска. При нападеніи вся семья была перебита и фанза зажжена. Послѣ пожара въ фанзѣ было найдено восемь обугливишихся труповъ.

53) Въ Бѣлостокѣ, 15 ноября. Еврей, покушавшійся на убійство около-

точнаго надзирателя, военно-полевымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ приведенъ въ исполненіе сегодня на разсвѣтѣ. Преступникъ отказался обнаружить свое званіе.

54) Въ Ѳеодосіи, 15 ноября. Совершившій покушеніе на жизнь генерала Давыдова, военно-полевымъ судомъ приговоренъ къ повѣшенію. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

55) Въ Тифлисѣ, 15 ноября. Военно-полевой судъ проговорилъ Сихарулидзе къ смертной казни за убійство инженера Бернедта.

— Смертная казнь именующему себя Александромъ Казакевичемъ замѣнена каторжными работами безъ срока.

56) Въ Петербургѣ 15 ноября въ закрытомъ засѣданіи военно-окружного суда слушалось дѣло о бывш. рабочемъ путиловскаго завода Егорѣ Митинѣ, обвинявшимся въ участіи въ вооруженномъ нападеніи на 31 отдѣленіе сберегательной кассы государственнаго банка.

Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Смертная казнь Митину замѣнена двадцатилѣтней каторгой.

15 ноября въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію рабочаго Алексѣя Горшкова въ нанесеніи легкихъ ранъ городовому Ромашкевичу.

Горшковъ признанъ виновнымъ въ предъявленномъ къ нему обвиненіи и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, причемъ военно-окружный судъ постановилъ возбудить ходатайство о смягченіи наложеннаго на Горшкова наказанія.

57) Въ Кіевѣ, 16 ноября. Военно-окружной судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе казака Голобородько, обвинявшагося въ убійствѣ одного стражника и покушеніи на убійство другого въ селѣ Хорошкахъ, лубенскаго уѣзда.

58) Въ Тифлисѣ, 16 ноября. Приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе крестьянинъ кутаисской губ. Кахадзе по обвиненію въ соучастіи въ убійствѣ Косадзе. Приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе въ Тифлисѣ.

59) Одесса, 16 ноября. По приговору военно-окружного суда утромъ казнены черезъ повѣшеніе анархисты Моисей Метцъ, Іосифъ Брунштейнъ и Бейла Шерешевская, бросившіе осенью прошлаго года бомбу въ кофейную Либмана.

60) Въ Екатеринославѣ, 16 ноября. За нападеніе на помѣщика Осетрова двое приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе.

61) Въ Москвѣ, 16 ноября. Сегодня приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ Романченко, ранившимъ ночного сторожа на Патріаршихъ прудахъ.

62) Въ Петербургѣ, въ Главномъ Военномъ судѣ 16 нояб. слушалось дѣло по кассаціонной жалобѣ на приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Полтавѣ объ Ильѣ Фоменко. Судъ призналъ Фоменко виновнымъ въ покушеніи на убійство должностного лица вслѣдствіе исполненія имъ служебныхъ обязанностей и на основаніи 115 и 1454 ст. ул. о наказ. и 279 ст. 22 кн. св. приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Кассаціонная жалоба оставлена главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія.

63) Въ Ригѣ, 17 ноября. Изъ мѣстечка Даленъ сообщаютъ о разстрѣляніи по приговору военно-полевого суда грабителей Гульбисъ и Лапсенъ.

64) Въ Варшавѣ, 16 ноября. Военный судъ приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе мѣщанина Станкевича и крестьянъ Реведу и Наджедневича, за вооруженное нападеніе на квартиру ксендза, а крестьянина Явярчика, обвинявшагося въ нападеніи на цвѣточную фабрику, оправдалъ.

65) Въ Кутаисѣ, 17 ноября. Обвинявшійся въ разбойничьемъ нападеніи на поѣздъ и ограбленіи пассажировъ Болквадзе, по приговору военно-полевого суда, разстрѣлянъ.

66) Въ Твери, 18 ноября. Московскій военно-окружный судъ въ выѣздной сессіи разсмотрѣвъ дѣло о неизвѣстномъ, обвинявшемся въ убійствѣ 25-го марта губернатора Слѣпцова, призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

67) Въ Елисаветполѣ, 18 ноября. Армянинъ Тюніевъ, ранившій въ Шушѣ мусульманина Шекинскаго, умершаго отъ раны, преданъ былъ полевому суду, который приговорилъ его къ смертной казни. Дорогой изъ суда въ тюрьму онъ пытался бѣжать, но былъ смертельно раненъ сопровождавшими его казаками.

68) Въ Дубно. 18 ноября. Приговоренный къ смертной казни. Денчукъ сегодня въ 7 ч. утра разстрѣлянъ.

69) Въ Томашевѣ, 18 ноября. Военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе Кушаба и Панула, ограбившіе солтыса колоніи Телятинъ. Сегодня въ 8 час. утра приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Въ Ригѣ, 18-го ноября. По приговору военно-полевого суда, утромъ разстрѣляны Блемъ, Шусъ и два брата Колевичъ за ограбленіе конторы Яникуна.

71) Въ Митавѣ, 18 ноября убійца машиниста акціонерной фабрики Озолинъ, оказавшійся писцомъ Дундуромъ, латышомъ, былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ смертной казни.

72) Въ Варшавѣ, 20 ноября. По приговору военно-полевого суда повѣшены Давидъ Барщевскій и Іосифъ Гавронскій, обвиненные въ убійствѣ 10 ноября околоточнаго надзирателя Никольскаго.

73) Въ Севастополѣ, 19 ноября. Ночью на тюремномъ дворѣ разстрѣлянъ крестьянинъ Приходовъ, приговоренный военно-морскимъ полевымъ судомъ къ смертной казни за ограбленіе Шатрова.

74) Въ Варшавѣ, 20 ноября. Военно-окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло о шайкѣ десяти грабителей, обвиненныхъ въ совершеніи въ мартѣ и апрѣлѣ сего года тринадцати разбойничьихъ нападеній въ Варшавѣ и окрестностяхъ, приговорилъ восьмерыхъ, въ томъ числѣ семнадцатилѣтнюю дѣвушку, къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

75) Въ Одессѣ, 19 ноября. Главнымъ военнымъ судомъ оставлены безъ послѣдствій жалобы Котлубовскаго, Грума, Слуцкаго, Бродскаго, Савочкина и Потемкина, приговоренныхъ одесскимъ судомъ къ смертной казни.

76) Въ С.-Петербургѣ у финляндскаго уроженца Отто Корхонена было обнаружено восемь заряженныхъ бомбъ и у крестьянъ—Андрея Иванова Семгина и Якова Тимофеева Долгихъ одна заряженная бомба и мастерская изготовленія бомбъ; бомбы хранились съ преступною цѣлью для боевыхъ организацій.—Корхоненъ, Семгинъ и Долгихъ приговорами военно-полевого суда присуждены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковые приговоры 20 сего ноября приведены въ исполненіе.

77) Въ Митавѣ, 21 ноября.—Во вчерашнемъ засѣданіи военнаго суда присужденъ къ смертной казни латышъ Берзинъ, уличенный въ томъ, что 15 мая, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Митавы, по соглашенію съ уже казненнымъ Пуриномъ, стрѣлялъ въ проходившихъ по лѣсу четырехъ крестьянъ, но промахнулся.

78) Въ Москвѣ, 21 ноября. Вчера московскій военно-окружной судъ разбиралъ дѣло Кузнецова, обвинявшагося въ вооруженномъ ограбленіи и убійствѣ городового. Судъ приговорилъ Кузнецова къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

79) Полевой судъ въ Грозномъ 23 ноября приговорилъ мѣщанина Куріева за ограбленіе женщины къ смертной казни.

80) Калишъ, 23 ноября. Въ сорадзкой тюрьмѣ по приговору военно-полевого суда разстрѣляны трое грабителей, въ томъ числѣ одинъ освобожденный во время войны каторжникъ съ Сахалина.

81) Въ Иркутскѣ, 23 ноября. Разстрѣлянъ саперъ, участникъ майскихъ безпорядковъ.

82) Въ Благовѣщенскѣ, 23 ноября. 21 ноября военно-полевой судъ приговорилъ китайца, убившаго японца и нанесшаго тяжкія раны членамъ семьи послѣдняго, къ смертной казни. 22 ноября приговоръ приведенъ въ исполненіе.

83) Въ Петербургѣ. 23 ноября главный военный судъ разсматривалъ жалобу Хартіева, Легвинскаго и Разореннаго, приговоренныхъ 12 марта, с. г. временнымъ военнымъ судомъ въ Екатеринославѣ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за открытое похищеніе 10 руб. съ оружіемъ въ рукахъ. Жалоба оставлена безъ послѣдствій. Въ томъ же засѣданіи слушалось дѣло о нижнихъ чинахъ бобруйскаго дисциплинарнаго баталіона Якушева и Волкова, приговоренныхъ временнымъ военнымъ судомъ въ Бобруйскѣ за подстрекательство и участіе въ бунтѣ. Первый—къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, а второй—къ 15 годамъ, 1 недѣли и 1-му дню каторжныхъ работъ. На приговоръ этотъ поступили протестъ прокурора и жалоба осужденныхъ. И тотъ и другой оставлены безъ уваженія.

84) Въ Одессѣ, 24 ноября. Командующій войсками утвердилъ смертный приговоръ военнаго суда по дѣлу казака Василія Донцова, бросившаго бомбу въ квартиру станового пристава.

85) Тифлисъ, 24 ноября. Обвиняемые въ нападеніи на домъ князя Авалова и въ изнасилованіи княгини Аваловой крестьяне Джаніашвили и Тедіашвили по приговору военно-полевого суда разстрѣляны; крестьянинъ Питаридзе приговоренъ къ безсрочной каторгѣ.

85[1]) Въ Москвѣ, военно-полевой судъ приговорилъ обвиняемыхъ въ ограбленіи завода Бонакера—Ганшина къ смертной казни черезъ повѣшеніе, Дрожжина къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ.

86) Въ Ригѣ, 25 ноября. Вчера въ Венденѣ военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни крестьяне Паеглитъ, Заррингъ и Паурисъ; первые два за вооруженный грабежъ, послѣдній за убійство дростенгофскаго урядника.

87) Въ Митавѣ, 25 ноября. Полиція узнала, что какіе-то молодые люди упражняются въ стрѣльбѣ на уединенномъ островѣ. У одного изъ нихъ— Элерта оказалось похищенное у лѣсничаго ружье, а послѣ обыска въ квартирѣ послѣдняго найдены спрятанными подъ матрацомъ пиджакъ и шляпа, надѣтые на лѣсничемъ во время ограбленія. По приговору суда Элертъ разстрѣлянъ, а другіе сосланы на поселеніе.

88) Въ Благовѣщенскѣ, 26 ноября. По дѣлу о столкновеніи съ патрулемъ трое обвиняемыхъ были приговорены полевымъ судомъ къ смертной казни. Приговоръ кассированъ генералъ-губернаторомъ и дѣло передано судебному слѣдователю.

89) Въ Варшавѣ, 27 ноября. По приговору военно-полевого суда, повѣшены Янъ Колодзеякъ и Станиславъ Вейцеховскій, обвиненные въ разбойномъ нападеніи на крестьянина дер. Таргувекъ, подъ Варшавой.

90) Военно-полевой судъ въ Цучинѣ приговорилъ мѣстнаго жителя Владислава Понятовскаго къ разстрѣлянію за убійство казеннаго лѣсника. 26 ноября приговоръ приведенъ въ исполненіе.

91) Въ Варшавѣ, 28 ноября. По приговору военно-полевого суда повѣшены крестьяне—Иванъ Абель, Антонъ Кабошъ, Станиславъ Засіенъ, признанные виновными въ рядѣ разбойничьихъ нападеній и въ убійствѣ.

92) Въ Митавѣ, 28 ноября. Военнымъ судомъ присуждены Астанковичъ 22 лѣтъ и Фрейбергъ 24 лѣтъ, за нѣсколько вооруженныхъ разбоевъ, къ смертной казни. Они уже раньше нѣсколько разъ осуждались за кражи.

93) Въ Одессѣ, 28 ноября. Командующій войсками утвердилъ смертный приговоръ Андрею Горбунову, ограбившему артельщика екатерининской желѣзной дороги.

94) Въ Москвѣ 28 ноября. Въ 1 часъ ночи военно-полевой судъ вынесъ резолюцію, которой два брата Тараканниковы и два брата Котловы, обвиняемые въ убійствѣ городового Стропилова въ Павловскомъ посадѣ, приговорены къ безсрочной каторгѣ.

— Въ виду процессуальныхъ неправильностей въ приговорѣ военно-полевого суда по дѣлу двухъ братьевъ Тараканниковыхъ и двухъ братьевъ Котловыхъ, дѣло было передано на разсмотрѣніе новаго военно-полевого суда, которому сообщено, что городовой, раненый подсудимымъ, скончался. Судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ въ 1 ч. ночи приведенъ въ исполненіе.

95) Въ Павлоградѣ, 29 ноября. Военно-полевымъ судомъ приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣляніе четыре преступника, отказавшихся назвать свои фамиліи, убившихъ съ цѣлью грабежа семью землевладѣльца Шматкова, около станціи Лозовой. Приговоръ на разсвѣтѣ приведенъ въ исполненіе.

96) Въ Варшавѣ, 29 ноября. Вчера военный судъ приговорилъ къ смертной казни жителя города Парчева, Ипполита Кописа, по обвиненію въ принадлежности къ террористической партіи и троекратномъ убійствѣ.

97) Въ Екатеринославѣ, 29 ноября. По дѣлу о вооруженномъ захватѣ

станціи Александровскъ, 19 оправданы, 8 приговорены къ смертной казни, одинъ къ безсрочной и остальные къ 4-лѣтней каторгѣ.

98) Въ Вильнѣ, 30 ноября. Вчера военно-окружный судъ приговорилъ Тайхеля Глейзера, обвинявшагося въ покушеніи на убійство городового въ Вильнѣ, къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

99) Въ Митавѣ, 30 ноября. Латыши Спроче, Озоль, Домбровскій, Зиле и Шважевичъ, всѣ въ возрастѣ отъ 18 до 32 лѣтъ, изобличенные въ совершеніи разбоевъ въ окрестныхъ уѣздахъ, приговорены военно-полевымъ судомъ къ смертной казни.

100) Въ Одессѣ, 30 ноября. Военный судъ приговорилъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе мѣщанина Патлажана за покушеніе на ограбленіе, сопровождавшееся покушеніемъ на убійство владѣльца магазина и городового.

101) Въ Томскѣ, 30 ноября. Военный судъ за убійство семейства Лесиныхъ приговорилъ трехъ обвиняемыхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

О разстрѣлахъ въ Прибалтійскомъ краѣ были въ газетахъ нижеслѣдующія сообщенія:

102) Около Риги близъ имѣнія Петергофъ 4 ноября разстрѣлянъ крестьянинъ Фрейманъ, у котораго обнаружены лошадь и вещи, похищенныя у проѣзжавшихъ по Митавскому шоссе.

103) За 11 и 12 ноября въ Курляндіи разстрѣляны: задержанный на сходкѣ террористовъ Гутманъ, обвинявшій въ убійствѣ волостного старшины и комиссара по крестьянскимъ дѣламъ фонъ-Бреверка, а также въ участіи въ ограбленіи поѣзда либаво-роменской желѣзной дороги и другихъ преступленіяхъ. Лапингъ—обвинявшійся въ одномъ убійствѣ и нападеніи на войска, Андерсонъ и Прейсъ, обвинявшіеся въ разбояхъ.

104) 13 ноября.—Въ Туккумѣ разстрѣляны драгунскимъ карательнымъ отрядомъ два грабителя. Въ Гальсенѣ разстрѣлянъ садовникъ Гронбергъ за сожженіе Дондангенскаго замка.

105) Въ мѣстечкѣ Нерфта разстрѣлянъ крестьянинъ Адбергъ за нападеніе на мельника.

106) Въ тальсенскомъ уѣздѣ, по подозрѣнію въ грабежахъ, былъ арестованъ нѣкій Бутте. Онъ выдалъ своихъ сообщниковъ усадьбовладѣльцевъ Калнъ-Инке и Калейкальна. Оба они и два сына послѣдняго 4 ноября разстрѣляны. Черезъ нѣсколько дней въ полверстѣ отъ Ново-Сатена разстрѣлянъ и само Бутте.

Итоги усмиренія въ Лифляндской губ. съ 6 октября по 6 ноября выражаются въ слѣдующихъ цифахъ: по приговору военно-полевого суда разстрѣляно или повѣшено—49 чел.; убитыхъ: во время попытокъ бѣжать—17 чел., во время сопротивленія—4 чел., безъ указанія причинъ—40 чел., нечаянно убитыхъ—2 чел. Итого 112 чел.

107) Туккумъ, на Бл. Конной улицѣ былъ арестованъ какой-то молодой человѣкъ. Его разстрѣляли въ 5 верстахъ отъ города.

108) Въ Курляндіи разстрѣляны латыши: Талутъ, обвинявшійся въ грабежахъ и поджогахъ трехъ имѣній, Кнутингъ—участникъ убійства, и Рустенъ съ двумя сыновьями, у которыхъ найдено много ружей, патроновъ, части казенныхъ винтовокъ бездымный порохъ и кинжалъ.

Въ теченіе ноября печать подвергалась нижеслѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Петербургѣ, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, закрыта 1-го ноября газета „Русь“, клише газеты опечатаны, свидѣтельство на право изданія отобрано. Причиной послужило, какъ говорятъ сообщеніе газеты, сдѣланное въ статьѣ „Успокоеніе“ (г. Кузьмина-Караева), и опровергаемое освѣдомительнымъ бюро о томъ, что въ Кронштатѣ подвергнута смертной казни беременная Венедиктова.

2) Въ Тифлисѣ по распоряженію генералъ губернатора закрыта газета „Отголоски“. Редактору предложено въ 3-хъ дневный срокъ выѣхать изъ предѣловъ генералъ-губернаторства.

3) Въ Петербургѣ. Департаментъ полиціи сообщилъ прокурорскому надзору о привлеченіи къ отвѣтственности редактора газеты „Око“ по п. 2 ч. 1038 ст. улож. о нак. за напечатаніе въ номерѣ газеты отъ 18 октября статьи „Экспропріація 368 тысячъ. Судъ“.

4) Въ Вильнѣ, 2 ноября. Конфискованы сегодняшніе номера газетъ „Свободное Слово“ и „Сѣверо-западный Голосъ“.

5) Въ Смоленскѣ, 2 ноября. Въ книжномъ магазинѣ „Сѣверъ“, при обыскѣ жандармской полиціей, конфискованъ рядъ запрещенныхъ изданій „Донской Рѣчи“ и другихъ издательскихъ фирмъ.

6) Въ Владимірѣ-губ., 2 ноября. Три номера „Владимірца“ сряду конфисковались.

7) Въ Ярославлѣ, 2 ноября. Конфискованъ 6-й подъ рядъ номеръ „Сѣверной Рѣчи“. За нѣсколько мѣсяцевъ существованія газеты, редактору предъявлено около сорока обвиненій, изъ которыхъ судомъ разсмотрѣно пока только нѣсколько.

8) Въ Саратовѣ, 3 ноября. Сегодня конфискованъ очередной № „Приволжскаго Края“.

9) Въ Харьковѣ, 3 ноября. Газета „Южная Жизнь“ закрыта генералъ-губернаторомъ за вредное направленіе.

10) Въ Москвѣ, 3 ноября. Комитетъ по дѣламъ печати привлекъ „Русскія Вѣдомости“ по 128 ст. за дерзостное порицаніе Верховной власти, „Новый Путь“—за распространеніе слуховъ, возбуждающихъ противъ правительства, „Студенческую газету“ по 133 ст. за восхваленіе преступленій „Народный Путь“—за распространеніе ложныхъ слуховъ враждебныхъ правительству, журналы „Наше Дѣло“, „Печатное Дѣло“ и „Рабочее Слово“—по 129 ст.

3 ноября московскій градоначальникъ, генералъ-маіоръ Рейнботъ, вызвалъ редактора газеты „Новый Путь“ и объявилъ ему, что въ послѣднее время газета пріобрѣла слишкомъ рѣзкій, почти революціонный характеръ, поэтому на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ онъ на все время ея дѣйствія прекращаетъ изданіе газеты.

Въ Ригѣ, 3 ноября. По распоряженію губернатора закрыта типографія Розенталя за напечатаніе цѣлаго ряда противоправительственныхъ изданій. Пріостановлена латышская газета „Дюна“ на время военнаго положенія за распространеніе ложныхъ слуховъ и за вредное направленіе.

13) Въ Петербургѣ. Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся

3 ноября, утверждены аресты на вышедшіе съ начала текущаго года №№ 1—6 и 12 „Журнала для всѣхъ“. Редакторы Энгельгардъ и Миролюбовъ привлекаются къ отвѣтственности за напечатаніе въ этихъ номерахъ статей преступнаго содержанія. Инспекціей типографій привлекаются къ отвѣтственности также виновные въ несвоевременномъ представленіи этихъ номеровъ журнала въ комитетъ по дѣламъ печати.

14) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 3 ноября. Редакторъ-издатель газеты „Судоходецъ“ Хитровскій судебной палатой приговоренъ на двѣ недѣли въ крѣпость по 132 ст. за статьи, помѣщенныя въ первомъ номерѣ и возбуждающія судорабочихъ противъ судохозяевъ.

15) Въ Петербургѣ. Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра „Сознательная Россія“. Сборникъ на своевременныя темы. Выпускъ 4-й.

16) Въ Петербургѣ. Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож. редакторъ газеты „Биржевыя Вѣдомости“, г. Васильевъ, за напечатаніе въ № 9584 статьи „Проэктъ платформы трудовой группы“. Номеръ газеты конфискованъ.

17) Во Владимірѣ, 5 ноября. По распоряженію московскаго комитета печати конфисковано въ типографіи Андреева воззваніе партіи народной свободы. Въ редакціи газеты „Владимірецъ“ произведенъ обыскъ“.

18) Въ Севастополѣ, 6 ноября. За статью въ воскресномъ номерѣ „Крымскаго Вѣстника“ редакторъ Спиро оштрафованъ генералъ-губернаторомъ на тысячу рублей, съ замѣною мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Номеръ конфискованъ. Редакторъ арестованъ въ виду невзноса штрафа.

19) Въ Харьковѣ, 6 ноября. Газета „Харьковская Жизнь“ закрыта генералъ-губернаторомъ. Послѣ полугодовой пріостановки выпущенъ одинъ только номеръ.

20) Въ Елисаветполѣ, 5 ноября. Въ типографіи Саакянца ночью полиціей арестовано 5.000 экземпляровъ № журнала „Встань Спящій“. Шрифтъ литой, очевидно, привозный. Содержатель типографіи, въ квартирѣ котораго шрифтъ обнаруженъ, арестованъ, а типографія закрыта.

21) Въ Кіевѣ, 5 ноября. Генералъ-губернаторомъ закрытъ на время военнаго положенія выходившій подъ редакціей священника Кмита духовно-прогрессивный журналъ „Пробужденіе“.

22) Въ Симферополѣ, 6 ноября. Редакторъ-издательница прекратившейся „Южной Народной Газеты“ Жукова высылается въ Тобольскую губернію.

23) Въ Кіевѣ, 7 ноября. „Кіевская Торговая Газета“ за напечатаніе выдержки изъ нелегальнаго изданія оштрафована на 250 рублей.

24) Въ Харьковѣ, 8 ноября. Редакторъ газеты „Миръ“ Тихоновичъ, по п.п. 1 и 3 статьи 129, харьковской судебной палатой оштрафованъ на 250 рублей.

25) Въ Вильно, 9 ноября. Противъ четырехъ редакторовъ издающихся здѣсь газетъ возбуждено уголовное преслѣдованіе по 129 статьѣ. Въ редакціи „Фолксцайтунгъ“ сегодня днемъ произведенъ обыскъ, ничего противозаконнаго необнаружено, конфисковано 248 легальныхъ брошюръ.

26) Въ Москвѣ, 9 ноября. Въ московской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей разсматривалось дѣло бывшаго редактора закрытой соціалъ-демократической газеты „Борьба“ Сергѣя Аполоновича Скирмунта, по обвиненію въ напечатаніи ряда статей, возбуждающихъ къ

учиненію бунтовщическаго дѣянія и къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя. Палата приговорила Скирмунта къ заключенію въ крѣпости на 3 года, оставивъ его на свободѣ до вступленія приговора въ законную силу, съ сохраненіемъ прежней мѣры пресѣченія.

28) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 9 ноября. Редакторъ издатель „Вѣстника Приказчика“ оштрафованъ губернаторомъ на 300 рублей съ замѣной арестомъ на 2 мѣсяца за помѣщеніе въ № 6 статьи „Лишеніе правъ“.

29) Въ Петербургѣ. Редакторъ газеты „Товарищъ“ В. В. Португаловъ привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 107 передовой статьи „Петербургъ, 7 ноября“ и „Проекта платформы трудовой группы“.

30) Тамъ же 9 января въ судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію редактора финляндской газеты „Uusi Juceli“ г. Тюнни по 1 и 2 п.п. 129 ст. Поводомъ къ обвиненію послужилъ извѣстный „манифестъ“ совѣта рабочихъ депутатовъ, напечатанный въ № 1 газеты съ примѣчаніемъ, что печатается исключительно по настоянію наборщиковъ, и статья въ 2-мъ номерѣ: „Чего хотятъ люди, которые ходятъ съ красными флагами“. Палата признала Тюнни виновнымъ въ помѣщеніи статей преступнаго содержанія по неосмотрительности и приговорила къ штрафу въ 100 руб. Газета закрыта.

31) Тамъ же. Конфискованъ утренній 8 ноября выпускъ „Биржевыхъ Вѣдомостей.

32) Въ Кишиневѣ, 10 ноября. Чиновникомъ особыхъ порученій Трапани при помощи полиціи произведенъ обыскъ въ книжномъ магазинѣ „Мысль“. Захвачено не мало книгъ и брошюръ.

33) Комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на брошюры: М. А. Бакунинъ. „Народное дѣло со статьей А. И. Герцена“. „Народный трудъ“. „Народно-соціалистическое обозрѣніе. Вып. II“ и на № 11 журнала „Голосъ Печатника“, за напечатаніе статьи „Бакинскіе рабочіе на нефтяномъ съѣздѣ“.

6-го ноября вышла книга „Исторія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“ (статьи Н. Троцкаго, Г. Хрусталева и др. участниковъ совѣта). Въ тотъ же день полиція явилась въ книгоиздательство Н. Глаголева (Невскій пр., 92) для наложенія ареста на эту книгу. Конфисковано 65 экз.

34) Въ Омскѣ почти одновременно произошло закрытіе газетъ „Степной Піонеръ“, „Сибирскій Приказчикъ“, журналовъ „Да будетъ свѣтъ“ „Сибирская язва“, и наконецъ—закрытіе „Степной Газеты“.

Редакторъ-издатель „Степной Газеты“ инженеръ Корнѣевъ и сотрудники по редакціи высылаются въ трехдневный срокъ не ближе Уфимской губерніи; въ случаѣ неисполненія грозитъ высылка этапомъ въ Архангельскую губернію.

35) Въ Вильнѣ, 1) Редакторъ „Нашего Дѣла“ за напечатаніе статей: „Что будетъ“, „Старое лѣкарство“, и др. обвиняется по ст. 129 и 73 ценз. уст. 2) Редакторъ „Эхо“ за приведеніе нѣкоторыхъ цифръ въ статьѣ „Доходы царской фамиліи“ и за статью „Что нужно читать и чего нѣтъ“ обвиняется по 129, 128 и 73 ценз. уст. 3) Редакторъ латышской газеты „Новыя Времена“ привлекается по статьямъ 129 и 73. 4) Редакторъ еврейской газеты „Новый Путь“ за статью „Военные погромы“—по 129.

36) Въ Казани весь составъ редакціи и конторы „Волжскаго Вѣстника“ арестованъ; на свободѣ остался только одинъ конторщикъ.

37) Въ Лодзи, 13 ноября. Бывшій отвѣтственный редакторъ „Kurjer Lodzki“ Желтовскій приговоренъ окружнымъ судомъ, за напечатаніе статьи оскорбительной для войска, къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца.

38) Въ Петербургѣ. Редакторъ журнала „Образованіе“ Молчановъ привлекается къ отвѣтственности главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати по 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 10 статей: „Октябрьская травматическая эпидемія“ и „Журнальныя замѣтки“.

39) Тамъ же № 2 газеты „Текущіе дни“, вышедшій 13 ноября конфискованъ.

40) Тамъ же 13 ноября въ петербургской судебной палатѣ слушалось дѣло редактора газеты „Молодая Россія“, студента петербургскаго университета Лисневскаго и студента горнаго института Гапѣева. Палата приговорила: Лисневскаго къ 6 мѣсяцамъ тюрьмы съ зачетомъ предварительнаго заключенія (5 м.), а Гапѣева на 2 мѣсяца.

41) Въ Петербургѣ, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ пріостановлено изданія „Рабочей газеты“.

42) Въ Ревелѣ, 14 ноября. Приговоромъ особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей редакторъ пріостановленной эстонской газеты „Лусъ“ Нейманъ признанъ виновнымъ по 129 ст. угол. улож. и приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на полтора года. Изданіе прекращено навсегда.

43) Въ Омскѣ, 14 ноября. Генералъ-губернаторъ пріостановилъ газету „Иртышъ“, а редактора Поваренныхъ выслалъ этапнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію.

44) Въ Екатеринославѣ, 15 ноября. По распоряженію генералъ-губернатора, закрыта на время военнаго положенія газета „Южная Заря“.

45) Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 16 ноября, пріостановлено изданіе латышской газеты „Zihna“ („Борьба“). Редакторъ г. Шпилевскій привлекается къ отвѣтственности по 1 и 4 пп. 129 ст. уг. ул.

46) Въ Ярославлѣ, 16 ноября. Редакторъ-издатель „Сѣверной Рѣчи“ Ливановъ за нарушеніе временныхъ правилъ о печати приговоренъ окружнымъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца съ пріостановленіемъ изданія на одинъ годъ.

47) Въ Петербургѣ, комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на брошюру: „Кириллъ. Одиннадцать дней на „Потемкинѣ“. Типографія „Слово“.

48) Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности по п. „в“ ст. 5 отд. VIII зак. 24 ноября 1905 г. редакторъ газ. „Страна“ за напечатаніе въ № 190 газеты замѣтки о военно-полевыхъ судахъ, а редактора газеты „Биржевыя Вѣдомости“ за перепечатаніе этой замѣтки въ № 9551 редактируемой имъ газеты, подъ заглавіемъ „Во избѣжаніе сни.ходительности военно-полевыхъ судовъ“.

49) Конфискованъ № 1 газеты „Студенческая Жизнь“.

50) Въ ночь съ 18 на 19 декабря въ типографіи, гдѣ печатается газета „Текущіе Дни“ полиція произвела тщательный обыскъ и взяла часть матеріала, назначеннаго для ближайшаго номера. Вслѣдствіе этого вчера газета не вышла.

51) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра: „Георгіевскій кавалеръ“ разсказъ книгоиздательство „Пахарь“.

52) Въ Москвѣ, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ московскимъ градоначальникомъ пріостановлено изданіе газеты „Новости дня и утра“.

53) Въ Батумѣ, 19 ноября. По распоряженію генералъ-губернатора, закрыта газета „Черноморскія Новости“.

54) Въ Саратовѣ, 19 ноября. Сегодня конфискованъ очередной номеръ „Приволжскаго Края“. Вчера въ помѣщеніи редакціи „Народной Свободы“ произведенъ обыскъ.

55) Въ Екатеринославѣ, 19 ноября. Въ опубликованномъ приказѣ генералъ-губернатора объявляется о закрытіи газеты „Южная Заря“ на время военнаго положенія, о первомъ предостереженіи газетѣ „Приднѣпровскій Край“ и о томъ, что Шморгонеръ, авторъ статьи „Камо Грядеши“ въ „Южной Зарѣ“ подвергается аресту на 1 мѣсяцъ при полиціи.

56) Въ Уфѣ, 19 ноября. За привлеченіемъ редактора къ отвѣтственности по 129 ст. улож. „Уфимскій Вѣстникъ“ распоряженіемъ губернатора пріостановленъ,

57) Въ Ярославлѣ, 19 ноября. Конфискованъ очередный номеръ „Сѣверной Рѣчи“.

58) —Историкъ Шишко привлеченъ къ судебной отвѣтственности за третью часть „Очерковъ русской исторіи“, въ которой цензурное вѣдомство усмотрѣло оскорбленіе предковъ царствующаго императора.

59) — Комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на брошюру „Программа рабочей партіи, ея основанія и комментаріи къ ней“.

60) Въ Москвѣ. Редакторъ газеты „Студенческая Жизнь“ г. Маковскій привлекается къ отвѣтственности.

61) — Московскою администраціей наложены аресты: на брошюру кн. Кропоткина „Хлѣбъ и воля“, брошюру „Пролетаріатъ и конечная цѣль русской революціи“ и на всѣ сочиненія Бакунина.

62) Въ Москвѣ, 20 ноября. Комитетъ по дѣламъ печати привлекъ къ отвѣтственности по 129 ст. періодическія изданія: „Наше дѣло“, „Студенческая газета“, „Вопросы дня“; „Рабочій союзъ“, „Листокъ за листкомъ“ и „Ока“.

63) Въ Москвѣ. На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, сегодня, 21 ноября, градоначальникомъ пріостановлена газета „Народный Путь“, выходившая подъ главнымъ редакторствомъ г. Комисарова, одного изъ видныхъ дѣятелей партіи народной свободы.

64) Въ Харьковѣ, 21 ноября. Вышедшая вчера еженедѣльная газета „Трудъ“—органъ профессіональныхъ союзовъ—конфискована, а изданіе пріостановлено до особаго распоряженія.

65) Въ Петербургѣ, 24 ноября. Въ особомъ присутствіи судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось подъ предсѣдательствомъ д. с. с. Гредингера дѣло по обвиненію книгоиздателя Г. С. Цукермана по 2 п. 129 ст. уг. ул.

Г. Цукерманъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на полтора года, причемъ палата постановила тутъ же заключить г. Цукермана подъ стражу впредь до представленія имъ залога въ 1,500 р.

66) Въ Петербургѣ. Опредѣленіемъ судебной палаты, состоявшимся 20 ноября, пріостановлены изданія: сборника „Сознательная Россія“ и журнала „Петербургскій Сапожникъ“.

67) Въ Петербургѣ, 24 ноября. Въ 9 час. утра, въ контору „Новой Газеты“ явилась полиція и конфисковала 2,000 экз. послѣдняго номера газеты.

Редакторъ „Новой газеты“ г. Погожевъ привлекается къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. уг. ул.

68) Въ Петербургѣ, 29 ноября полиціей конфискованъ № 126 „Товарища“.

69) — Департаментъ полиціи сообщилъ прокурорскому надзору о привлеченіи къ отвѣтственности по 2 ч. 1038-ст. ул. о нак., редакторовъ газеты „Страна“ за напечатаніе въ номерѣ отъ 14 ноября замѣтки объ обстоятельствахъ, совершеннаго 14 октября нападенія на кассира Германа.

70) Въ Симферополѣ, 26 ноября. Судебная палата пріостановила изданіе газеты „Жизнь Крыма“ к.-д. Взамѣнъ ея вышли „Южныя Вѣдомости“.

71) — Комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на брошюру: „Берка-усмиритель“. Очеркъ Р. Волгина.

72) — 27 ноября въ с.-петербургской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло бывш. редактора „Русской Газеты“ М. Р. Кугеля, привлеченнаго къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож. и 5 п. VIII отд. врем. правилъ о печати. Приговоромъ палаты г. Кугель присужденъ къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ.

Въ Симферополѣ, 27 ноября. Сегодня выѣздной сессіей одесской судебной палаты приговорены: редакторъ „Крыма“ Бидлинъ по 129 статьѣ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ, редакторъ „Откликовъ Крыма“ Гуровичъ также на годъ крѣпости. Обѣ газеты закрыты навсегда.

74) Въ Иркутскѣ, 27 ноября. Пріостановлена издающаяся въ Красноярскѣ газета „Енисейское Слово“. Типографія „Сибирь“ закрыта.

75) Въ Москвѣ. Конфискованъ послѣдній номеръ журнала „Наше Дѣло“; редакторъ его привлеченъ къ судебной отвѣтственности по 129 ст.

76) Въ Петербургѣ, 28 ноября. Въ судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло редактора газетъ „Обрывъ“ и „Призывъ“ Ф. Азнаурова, обвинявшагося по 1 и 5 п. 129 ст. уг. улож. и п. *в.* ст. 5 разд. VIII временныхъ правилъ о печати за помѣщеніе въ разныхъ номерахъ названныхъ газетъ ряда статей, возбуждающихъ къ учиненію бунтовщическаго дѣянія, оскорбляющихъ честь и достоинство отдѣльныхъ частей русской арміи и распространяющихъ завѣдомо ложные слухи о дѣятельности должностныхъ лицъ, возбуждающіе въ населеніи вражду къ нимъ. Судебная палата приговорила Азнаурова къ заключенію въ крѣпости на 2 года и постановила изданіе газетъ „Обрывъ“ и „Призывъ“ прекратить навсегда.

77) Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложены аресты на нижеслѣдующія произведенія печати: 1) Ж. Гедъ. П. Лафаргъ. Программы рабочей партіи, ея основанія и коментаріи къ ней, съ франц. пер. Величкиной, 2) книго-во „Рабочій Народъ“ Два закона, 3) „Народный Трудъ“ Народ. соц. обозрѣніе вып. I.

Петербург. палатой утверждены аресты на: 1) открытыя письма съ эмблемами польскаго мятежа 1863 г. 2) В. Владиміровъ очерки современныхъ казней. 3) „Тактическіе вопросы“ вып. II. „Всеобщая забастовка“ К. П-нъ.

78) Въ Петербургѣ. Распоряженіемъ инспектора типографій вчера, 30 ноября, конфискованъ № 7 „Газеты Шебуева“.

Книгоиздательство Н. Е. Парамонова

„Донская Рѣчь".

№		цѣна.
	Беллетристика.	
1	Короленко—Пріемышъ	2
2	Дмитріева—Майна-вира	3
3	Чириковъ—Маленьк. грѣшникъ.	1
4	Андреевъ—Баргам. и Гараська.	1½
5	Кретцеръ—Истор. чер. сюртука.	1
6	Крандіевская—Для души	2
7	Чириковъ—Свинья.	2
8[2]	Н.-Данченко—Старый замокъ.	3
9	Свирскій—Забракованный	2
10[2]	Костинъ—Ошибка	3
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3
12	Станюковичъ—За „Щупленьк."	2
13	Митропольскій—Вода.	2
14	Серафимовичъ—Месть	3
14[3]	Курочкинъ—Принцъ Лутоня	6
15	Мельшинъ—Искорка	3
16	Мельшинъ—Чортовъ Яръ	4
17	Андреевъ—Гостинецъ.	2
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2
19	Дмитріева—Мама на войнѣ	3
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2
21	Бѣлоконскій—Страховка	2
22	Ивашева—Мой день	2
23	Короленко—Ночью.	5
24	Тимковскій—Среди людей	5
25	Русова—Біографія Гарибальди	4
26	Отч. Пар. не выуч. грам.	3
27	Златовратскій—Мечтатели	4
28[2]	Н.-Данченко—Махмудкины дѣти	3
29	Ожешко—Гедали	3
30	Юшкевичъ—Хаимка и Іоська.	2
31	Вересаевъ—Въ пути	1
32	Франко—Самъ виноватъ	1½
33	Алексѣевъ.—Изъ-за хлѣб. насущ.	1½
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3
35	Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ	2
36	Митропольскій—Отсрочка	1
37	Яблоновскій—Удружилъ.	1
38	Франко—Хорошій заработокъ	1
39[2]	Мать (съ армянскаго)	1½
40	Остои—Поденщикъ	2
41	Некрасовъ и Никитинъ.	4
42	Бунинъ—Байбаки	3
43	Петровскій—Не дался	1
44	Дмитріева—Бѣлыя крылья	2
45	Серафимовичъ—Въ бурю	3
46	Яблоновскій—Конокрадъ	3
47	Франко—На днѣ	9
49	Н.-Данченко—Воскрес. пѣснь	5
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4
51	Бѣлоконскій—Деревня Печальн.	3
52	Дмитріева—Волки	3
53[3]	Мирбо—Война	3
55	Короленко—Черкесъ	4
56	Вересаевъ—Звѣзда (вост. сказ.)	1½
57	Телешевъ—Противъ обычая	2
58	Яблоновскій—Въ консультаціи	3
59	Пѣсни труда	8
60	Темный—Сироткинъ	3
61	Кранд.—Только часъ и др. разск.	10
61[2]	Сазановъ—Въ пути	3
62	Бунинъ—Надъ городомъ	1
63	Измайловъ—Мать	3
64	Станюковичъ—Эмигрантъ	3
65	Избр. стихотв. Надсона	3
66	Андреевъ—Ангелочекъ	3
67	Андреевъ—Жили-были	3
69	Серафимовичъ—Въ камышахъ.	2
70[2]	Бѣлоконскій—За что и почему.	3
71	Яблоновскій—Завѣтная мечта.	3
72	Присяжн. засѣдателемъ	2
73	Вересаевъ—Къ спѣху.	1
74	Серафимовичъ. На льдинѣ	3
75	Мельшинъ—Маленькіе люди	4
76[2]	Франко—Лѣса и пастбища	2
77[2]	Яковлева—Свидѣтель	8
243	Шатріанъ—Исторія крестьянина	20
276	Мирбо.—Дурные пастыри	10
278	Вересаевъ—Честнымъ путемъ.	7

№		цѣна.
304	Ярошъ—Послѣдній король	20
253	Гра—Марсельцы	25
325	Морозовъ—Стихотворенія	25
292	„Впередъ“ Сборникъ стихотвор.	20
80	Короленко—Соколинецъ	7
82	Елеонскій—Огорченіе	3
83	Русова—Братья Гракхи	3
84	Телешовъ—Нужда.	1½
84²	В. Гюго—Клодъ Ге.	3
86²	Молодая жизнь	7
87	Золя—Кровь.	3
88²	Бѣлоконскій—Фейга	3
89	Успенскій—Будка.	3
90	Короленко—Мгнов. и огоньки.	2
91	Пѣсни мира. Сборн. стих.	2
92²	Бѣлоконскій—Дерев. консп.	2
93	Бѣлоконскій—Страшное мѣсто.	1½
94	Мирбо—Бродяга	1
95²	Гези—Ант. Матье (жизнь руд.)	3
96	Тимковскій—Травля	5
97	Наживинъ—Волосъ Мадонны	1
98	Франко—Къ свѣту	3
99	Чириковъ—Въ отставку.	7
100	Зарницы- Сборникъ стихотвор.	5
101	Андреевъ—На станціи	1
102²	Бѣлоконскій—На высотѣ своего призванія	3
103	Рубакинъ—Искорки	5
104	Хаимъ Гершковичъ	5
105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
106	Мирбо—Крест. и Пропов.	1½
107	Андреевъ—Валя.	2
109	Короленко—Послѣдній лучъ	3
110	Короленко—Морозъ	4
111²	Малатеста—Въ кофейнѣ	7
112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
113	Чириковъ—Танино счастье.	7
114	Рубакинъ—Книгоноша	20
115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3
117	Наживинъ—Ложь	1½
118	Суздальц.—Ричардъ Остл.	3
119	Крюковъ—Въ родн. мѣстахъ.	5
120	Короленко—Госуд. Ямщики.	7
121	М. Конопницкая—Яктонъ	1½
122	А. Яблоновскій—Нухимъ	3
123	П. Бутошинъ—Случай № 212	1
125	В. Короленко—На затменіи	3
126	Сказка о 4 братьяхъ	4
127	Юшкевичъ—Кабатч. Гейманъ.	4
128	Наживинъ—Въ степи	1½
129	Конопницкая—Менд. Гданскій.	3
130	Пругавинъ—Милліонъ.	6
131²	Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь.	2
132	Гези—Благотворительность.	2
135	Короленко—Чудная	3
137	Разрушенный молъ	1
138	Успенскій—Неизлѣчимый	5
139	Погорѣловъ—Въ глуши	2
139²	Бунинъ—Черноземъ	2
140	Л. Андреевъ—Предст. кража.	1½
141	Конопницкая—Дымъ	1½
143	Амичисъ—Красная гвоздика	2
147	Бирскій—Безъ исхода	3
149	Сонъ подъ 1-е мая	3
199	Мельшинъ—Школа въ каторгѣ	7
200	Короленко—Сонъ Макара	6
200²	Наши братья	5
401	Радловъ—Пошумѣли	
402	Русова—Луиза Мишель	8
403	Рыбацкій—Шестипалый	4
404	Питомецъ воспитательн. дома	5
405	Ямайкинъ—Поручикъ Эрве	1
406	Юшкевичъ—Ита Гайне	12
407	Какъ муж. наш. то, что нужно	1
408	Брусянинъ—Заразные люди	2
409	Ежъ—На разсвѣтѣ	
153²	Джаво (перев. съ армянск.)	1½
157	Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ...	3
160	Л. Толстой—О смертной казни	1
163	Радловъ—Котлочистъ Ваня	4
165	Журавлевъ—Убійство	3
166	Юшкевичъ—Левко Гемъ	3
167	Пѣсни борцовъ—Сборн. стих.	8
168	Конопницкая—Юзефово	1½
170	Дѣти рабочихъ	1
171	Серафимовичъ—Подъ землей	3
172	О. Зновицкій—Въ чертѣ осѣдл.	1½
173	Ив. Наживинъ—Братья	2
174	Ивановичъ—Не понравилось	2
178	Костинъ—Одинъ	2
179	Шевченко—Избранныя стихотвор. (малор.)	3
180	Поливановъ—Кончился	5
181	Какъ мужикъ въ долгу остался	
182	Не въ моготу	9
183	Почему бѣдна Россія	3
184	Пѣсни рабочихъ	2
185	Ибаньесъ—Должностное лицо (палачъ)	2
187²	Радловъ—Семенъ	5
192	Какъ господа 1-ое мая празд.	1½
193	Что видно въ подзорную трубу	2
196	За свободу—Сборн. стихотвор.	3

№		цѣна.
215	Гауптманъ—Ткачи	12
230	Лангманъ—Бартель Туразеръ .	15

Историческая беллетристика и публицистика.

48[2]	Какъ сицил. крест. боролись. .	6
48	Слово вѣрующаго	
78	Катехизисъ рабочаго . . .	3
79[2]	Русова—На счастлив. остров.	6
85[2]	Народоволецъ — Почему крест. требуютъ земли и воли .	3
54[2]	Звяг. До чего нужд. дов. крест.	6
124	Русова — Какъ болгары добыли себѣ свободу	3
125	Какъ нѣмцы добыли себѣ свободу	3
133	Дикштейнъ.—Кто чѣмъ живетъ.	3
108	Ирланд. Джонъ и голад. муж. .	1½
214[2]	Г. К-ша — Національныя мастерскія во Франціи 1848 г.	3
142	Національное собраніе . . .	1½
301	Толстой—Исповѣдь	15
347	Послѣдній день Каляева . .	3
150[2]	Кабановъ—Какъ улучшить крестьянское хозяйство	4
151[2]	Клочковъ—Крестьянство и воля	6
152[2]	Бѣгство короля	3
156[2]	Взятіе Бастиліи	1½
158	Какъ франц добыли себѣ свобод.	4
159	Л. Толст.—Неуж. это такъ надо?	3
161	Новиковъ—Женщ.—тов. мужч.	4
164	Проектъ основ. закона о землѣ	6
175	Русова—Свобод. респ. Швейц.	5
177	Новиковъ—Враги народа . .	15
178	Г. Джорджъ, его жизнь и ученіе	4
187	Народный трибунъ—Бабефъ .	1
189	Обѣщанія правительст. о землѣ	4
189	Почему треб. свободы личности	1
190	Для чего требуютъ свободу сходокъ	1
191	Англійскіе раб. прежде и теп.	4
297	Васильевъ—Что такое отечест.	8
145	Права человѣка и гражданина	1½
205	Процессъ Жирондистовъ . .	8
207	Булгакова—Японія и японцы .	20
233	Пругавинъ—Прошлое Шлиссел. крѣпости	5
317	Роль—Какъ происх. рев. на Зап.	35
303	Кропоткинъ—Къ молодежи .	4
334	Реклю—Анархія	3
340	Малатеста—Немножко теоріи .	2
345	Министры—слуги народа . .	3
331	Каутскій—Памяти Маркса . .	

№		цѣна.

Вопросы избирательной компаніи и первая Государственная Дума.

136	Какъ выбирать нар. представ.	1
162	Что такое тайная под. голосовъ	1
169	Танъ—Истин народн. предст.	4
211	Водовозовъ — Всеобщ. избир. право на Западѣ	5
268	Пр. изб. закон. въ Учред. соб.	3
312	Петровскій—Изб. кам. въ св. гос.	4
176	Партіи и крест. въ Госуд. Думѣ	15
194	Что сказали наши пред. Царю	4
195	Что министры сказали народн. представителямъ	2
241	Созывъ народныхъ представ.	10
266	Якушкинъ—Государствен. Дума	3

Государственныя устройства и политическія права гражданъ.

213	Горбуновъ—Гарантіи личн. своб.	10
202[2]	Новиковъ—Какъ долж. пис. зак.	5
306	Іеллинекъ—Бюджетное право .	6
145	Права человѣка и гражданина	1½
153	Что такое государств. роспись	3
154	Областное народоправіе . .	1
189	Почему треб. свободы личности	1
190	Для чего треб. своб. сходокъ .	1
197	Женщина избирательница . .	1
299	В. Алексѣевъ—Отвѣтственность министровъ	4
239	Лассаль—Сущность констит. .	8
254	Котляревскій—Совѣщ. представ.	4
263	Дживелеговъ—Отвѣтст. министр.	3
282	Госуд. устр. въ зап-евр. стран.	6
294	Права и обязан. англійск. гражд.	10
283	Митинги въ Англіи . . .	10

Зап. европейская исторія.

209	А. Ѳ. Быкова—Англія и англич.	15
210	Б. Б.—Великая франц. револ.	15
216	Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр.	7
217	Живаго—Освобожд. Швейцаріи	6
219	К. Каутскій—Ирландія . . .	7
232	Петрушевскій—Вел. харт. вольн.	15
247	Карѣевъ—Франц. писат. XVIII в.	10
265	Общественное движ. въ Японіи	6
274	48-й годъ въ Германіи . . .	12
285	Парижск. ком. 1870—1871 гг.	10
287	Волкенштейнъ—Борьба за нар. предст. въ Англіи	15

№		ЦѢНА.
288	Революція въ Вѣнѣ	3
302	Сатуринъ—Ирландія	15
314	Быкова—Гос. уст. С.-А. Штат.	20
328	Сатуринъ—Индія и ея горе .	15
342	Сатуринъ—Герм. Имп. и народъ	3
348	Дубровскій—Бур. и пролет. въ іюльск. дни во Франціи . .	8
257	Марксъ—Гражданская война .	18

Политич. экономія и рабочій вопросъ.

220	Каутскій—Прот. клас. интерес.	15
221	Каутскій—Разв. формъ государ.	7
277	Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды	15
234	Прокоповичъ—Длина рабоч. дня	5
237	Б. С. Трудъ и Капиталъ . .	6
242	Лассаль—Программа работник.	8
248	Бебель—Государство будущаго.	10
249	К. Каутскій—Соціальн. реформа	25
250	Жилищный вопросъ	10
251	Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX в.	15
252	Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в.	20
255	Гэдъ—Коллективизмъ	4
258	Либкнехтъ—Отъ обор. къ напад.	10
259	Шиппель—Профес. рабоч. союзы	10
264	Амичисъ—Студенты и соц. вопр.	5
273	Бахъ—Экономическіе очерки .	10
275	Экон. положеніе еврейск. прол. въ Россіи.	4
279	Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ.	4
280	Книга русскаго рабочаго . .	12
284	Страхованіе рабочихъ . .	15
295	Бернштейнъ—Формы хоз. жизни.	8
296	Приказчичій вопросъ въ Рос.	4
309	Кабановъ—О налогахъ . . .	2
311	Каутскій—Всеобщ. стач. . .	4
313	Эритье—Револ. студ. во Фран.	4
319	Организованный трудъ . . .	8
327	Жоресъ—Всеобщ. стачка . .	3
338	Лафаргъ—Всеобщая стачка .	3

Русская исторія и вопросы русской общественной жизни.

201[2]	Бѣлоконскій—Голодъ, вымираніе и невѣжество рус. нар., какъ слѣдствіе полицейскаго строя.	3
203	В. Алексѣевъ—Народовластіе.	15
204	В. Алексѣевъ—Земскіе соборы.	10
206	Бѣлоконскій—Самоупр. и земство	5
208	Алексѣевъ—Изъ ист. верх. власти	15
214	И. Дитятинъ.—Ектерин. Комис.	15
215	И. Дитятинъ.—Роль челобитій	15
218	Звягинцевъ—Общ. движ. въ Рос.	15
222	Павловъ—Фабричное законодат. и его развитіе въ Россіи. . .	5
223	Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . .	15
224	Кизеветтеръ—XIX в. въ ист. Рос.	10
225	Кизеветтеръ—Протоп. Аввакумъ	8
226	Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражд.	10
226[3]	Религія и соціализмъ . . .	5
235	Строевъ—Моск. гос. передъ реф.	10
236	Семевскій—Изъ исторіи общест. теч. въ 40 г.	15
238[2]	Князьковъ—Какъ начался раск. русской церкви	25
240[2]	Федоровъ—Къ вопр. о воинской повинности въ Россіи . . .	8
244	Рожковъ—Ист. крѣп. пр. въ Рос.	10
245	Прокоповичъ—Аграрное движ.	5
246	Милюковъ—Верховн. и шляхет.	15
260	Голубевъ—Роль земства . .	12
261	Н. Щепкинъ—Земская и город. Россія о народномъ представит.	10
262	Милюковъ—Исконныя начала .	5
269	Жбанковъ—Когда въ Рос. окон. тѣлесныя наказанія . . .	3
270	Семевскій—Кр. пр. въ пр. Щедр.	20
271	Русская исторія ч. I . . .	10
272	„ „ „ II . . .	12
289	Каутскій—Аграр. вопр. въ Рос.	3
290	Рубакинъ—Русск. исторія ч. I.	15
291	„ „ „ ч. II.	18
291[2]	„ „ „ „ III.	20
293	Туровъ—Восьмич. раб. день .	3
310	Князьковъ—Освобожд. крест. .	15
315	Отъ деревни до парламента .	6
316	Дитятинъ—Ког. воз. рознь въ Рос.	20
320[2]	М. Р. Поповъ—Біогр. Мышкина.	5
323	Смер. Имп. Павла I (ред. Щегол.)	
324	Процессъ 16-ти (ред. Бурцева)	60
329	Кавелинъ—Изъ ист. земел. соб.	4
332	Бернштамъ—Якутскій процессъ	15
336	Алексѣевъ—Самодержавіе . .	4
343	Волкенштейнъ—Воп. о всеоб. заб.	1½
346	Пѣшехоновъ—Осн. зад. агр. реф.	3
349	Пругавинъ—Петропав. крѣп. .	5
350	Кайдановъ—Декабристы . .	10

Новая библіотека.

299	Мартовъ—Пролетар. праздн. .	4
298	Мазовецкій—Процессъ пролет.	6

№		ЦѢНА.
330	К. Шмидтъ—Общая безработица и борьба съ ней.	10
228	Сгрумилинъ долой забастовщик.	10
321	Люсня. Существуетъ ли барщина	5
335	Горронъ—Судн. день капитализ.	6
240	Федоровъ. Воин. пов. въ Росіи	8
81^2	Маньковск.—У поднож. висѣл.	6
300	Жоресъ и Гэдъ—Так. с.-демокр.	6
318	Петровъ—Прогрес.-эконом. пар.	8
322	Данъ— Исторія раб. дв. въ Рос.	15
186	Товарищъ, не измѣняй . . .	2
305	Мазовецкій—Полит. пар. въ Пол.	12
	Загаровъ—Партія прав. поряд.	7

Въ помощь читателю:

Обзоръ литературы по

198^1	Аграрн. вопросу в. I.	5
198^2	Рабочій вопросу .	5
198^3	Избират. праву	5
198^4	Историческихъ книгъ.	5
198^6	Беллетристикѣ . .	5
198^7	Практич. политикѣ .	5
198^9	Аграр. вопросу в. II.	5
198^{10}	„ „ в. III.	5
198^{11}	Крестьянск. вопросу.	5

Русская историческая библіотек.

307	Государственныя преступ. т. I.	1 р. 50
308	Матеріалы револ. движенія. .	75

№		ЦѢНА.
324	Процессъ 16-ти террористовъ	60
	Былое (издав. загр.) вып. 1	50
	. . . . . вып. 2	50

Отклики современности.

Статьи Мартова, Потресова, Дана, Кольцова и др.

кн.	I	20
	II	35
	III	25
	IV	30
	V	25

Народный Вѣстникъ.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.

кн.	I	10
	II	10
	III-IV	15
	V	10
	VI	10
	VII	10

Народная Жизнь.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.

кн.	I	6
	II	6
	III	6
	IV	6
	V	6

Главный складъ: Ростовъ н-Д. Казанская, 42.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Лиговская, 44, кв. 22. **Москва,** Стрѣтенка, Ащеуловъ пер., д. 13. **Кіевъ,** Крещатикъ, д. 27, кв. 13. **Одесса,** Колодезный пер., д. 4, кв. 29. **Ница.** Nice. Avenne de la gare 62. Agence Générale pour la Riviera. De la presee Russe. M. Hirschman.

Книжные склады и магазины пользуются 30% скидки.

Пересылка за счетъ издательства при заказахъ на 75 р. послѣ скидки.

Лица, выписывающія на 3 руб., за пересылку въ Европейской Россіи не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

„БЫЛОЕ“

ЖУРНАЛЪ

издававшійся заграницею подъ редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска.

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ второго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія пропагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“ стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“ стих. Н. Утина; 10. Прокламаціи 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“ Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“ князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА

Наказъ Временному Верховному Правленю.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе **П. Е. Щеголева.**
XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С.-Петербургъ, Загородный, 28.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, свѣренное съ рукописью, представленною Радищевымъ въ Управу благочинія. Портретъ Радищева, сдѣланный геліогравюрой съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи **Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.** Примѣчанія съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXXX + 4 нен. + 296. Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ т-вѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъяческая, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Спб., Б. Подъяческая, 39).

80 стр. Цѣна **30** коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Изслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г.г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Спб., Невскій, 40).

Цѣна **10** рублей.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ и ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А Чахрова, и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Парамонова. Складъ—Лиговская ул., д. № 44.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Спб., Вас. Остр., Тучкова набережная, д. 2, кв. 12.

Поступили въ продажу:

1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость», 8 рис. Ц. **75** к.
2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Балмашева, Волкенштейнъ, Гершуни, Карповича, Новорусскаго, Сазонова и Фигнеръ, всѣ въ двухъ видахъ.

Ашенбреннера, Антонова, Иванова, Каляева, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Мышкина, Поливанова, Попова, Стародворскаго, Тригони, Фроленка. Ц. каждаго портрета—**35** к.

Доходъ отъ изданія поступитъ въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ПОРТРЕТЪ МИХАИЛА БАКУНИНА.

Цѣна **35** коп.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія Е. и И. Леонтьевыхъ

П.-Ж. ПРУДОНЪ. *Что такое Собственность.* Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 75 к.

А. НѢМОЕВСКІЙ. *Заглавіе конфисковано.* Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

К. Каутскаго, П. Лафарса, К. Гуго, Э. Бернштейна

въ двухъ томахъ.

Переводъ Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

Спб., 1907. Цѣна **1** руб. **50** коп. за томъ.

Складъ изданій при **типографіи М. М. Стасюлевича: СПБ. Вас. Остр. 5 лин., д. 28.**, продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ—25%.

„Библіотека Освободительной Борьбы".

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (л. мельшинъ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна **10** коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна **20** коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. Чернышевскаго

въ 10 томахъ, большого формата, съ 4 портретами

(460 печ. листовъ, т. X въ 2 книгахъ).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

Цѣна 18 руб. безъ пересылки.

СОДЕРЖАНІЕ: Критика и библіографія.—Очерки Гоголев. періода русской литературы.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Статьи экономическія.—Политика.—Лессингъ.—Милль, переводъ и примѣчанія.—Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности.—Романы «Что дѣлать»? и «Прологъ».—Письма безъ адреса.—Произведенія, написанныя въ Сибири.—Драмы и повѣсти. — Дневникъ. — Библіографическій указатель.—4 портрета: 1853, 1859, 1864 и 1888 гг.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: **Петербургъ**—Литейный просп. 46; **Москва**—Моховая ул., д. Баженова; **Варшава**—Новый Свѣтъ, 69; **Вильна**—Большая ул., д. Гордона.

При покупкѣ изъ склада допускается **разсрочка** платы не менѣе **2** р. въ мѣсяцъ, причемъ каждые **2** р. даютъ право на полученіи одной книги, начиная по порядку съ т. I.

Отдѣльное изданіе романа **Н. Г. Чернышевскаго:**

ПРОЛОГЪ.

Съ портретомъ автора 1864 г. цѣна 1 р. безъ перес.

НОВАЯ КНИГА

Баронъ А. Е. Розенъ.

Записки декабриста.

Первое полное (появляющееся въ Россіи) изданіе съ портретомъ, приложеніями и изложеніемъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла о **Розенѣ**, подъ редакціей **П. Е. Щеголева.**

XVI + 464 стр. большого формата. ★ Цѣна ТРИ рубля.

Изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Спб., Б. Подъяческая, 39).

НИВА ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1907 Г.**

Кромѣ **52 №№** самаго журнала и др къ нему приложеній,

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ

10 КНИГАХЪ **гр. АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО**

значительно дополненное произведеніями, не вошедшими въ предыдущія изданія и изданными за границею. Съ критико-біографическ. очеркомъ **С. А. Венгерова.**
(Цѣна существ. неполнаго изданія, безъ пересылки, 8 р. 50 к.).

ОСТАЛЬНЫЯ **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ**

30 КНИГЪ **К. М. СТАНЮКОВИЧА**

значительно дополненнаго произведеніями, не вошедшими въ предыдущія изданія.
Съ критико-біографическимъ очеркомъ **П. В. Быкова.**
(Цѣна существ. неполнаго изданія, съ пересылкой, 21 руб.).

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, **ВСЕГО**

52 КНИГИ, *т.-е., независимо отъ другихъ приложеній,* **ПО ОДНОЙ КНИГѢ ПРИ КАЖДОМЪ № „НИВЫ“**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
безъ доставки—**6 р. 50 к.**
съ доставкою—**7 р. 50 к.**

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ МѢСТА РОССІИ 8 Р.
За границу—**12 р.**

Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

Гг. новые подписчики на 1907 г. могутъ получить, кромѣ „Нивы“ 1907 г., еще **ПЕРВЫЯ 10 книгъ К. М. СТАНЮКОВИЧА за 1906 г.** за единовременную доплату: безъ доставки **1 р. 50 к.**, съ дост. и перес. **2 р.**

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1907 году

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1907 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать семь лѣтъ (1880—1906).

Свобода печати снимаетъ запретъ со многихъ событій отечественной исторіи и даетъ намъ возможность разрабатывать и освѣщать ихъ съ правдивой стороны. Поэтому, въ теченіе 1907 года, въ **„Историческомъ Вѣстникѣ“** будутъ напечатаны статьи и воспоминанія, касающіяся не только прошлой, но и современной исторіи, которыя, по существовавшимъ цензурнымъ условіямъ, не могли до сихъ поръ появиться на страницахъ нашего журнала.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

ИЗДАВАЕМУЮ въ г. ТОМСКѢ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Сибирская Жизнь“ отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа — крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ живущихъ личнымъ трудомъ. и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельнаго устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакція будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ посильное освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адріановъ, С. И. Акербломъ, Д. В. Алексѣевъ, Г. Б. Баитовъ, М. Р. Бейлинъ, прив.-доц. М. И. Боголѣповъ, прив.-доц. П. В. Бутягинъ, М. Г. Васильева, Г. А. Вяткинъ, Ю. О. Горбатовскій, А. Д. Журавлева, проф. Е. Л. Зубашевъ, М. С. Кларинъ (псевдонимъ), А. Б. Клюге, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, проф. І. В. Михайловскій, прив.-доц. Н. Я Новомберг скій, проф. В. А. Обручевъ. Николай Степнякъ (псевод.), Г. Н. Потанинъ, проф. Н. Н. Розинъ, проф. В. В Сапожниковъ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. В. А. Уляницкій, С. Д. Чадовъ, В. К. Штильке, и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересылкой въ гор. Россіи .	5 р.	4 р.	3 р.	1 р. 50 к.	50 к.
За границу	9 р.	7 р.	5 р.	3 р. — к.	1 р. — к.

Новые годовые подписчики, подписавшіеся въ конторѣ газеты до 1 декабря, получаютъ газету до конца года **безплатно**.

За печатаніе въ „Сибирской жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита — 20 к., позади такста — 10 коп. За разсылку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе лота 7 р. за 1000 экземпляровъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголъ Дворянской улицы и Ямского пер., собств. домъ) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскъ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторы-Издатели: { **І. Малиновскій.** **М. Соболевъ.**

Открыта подписка на 1907 годъ

на иллюстрированный еженедѣльный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ художественно-литературнаго журнала.

Путешествія. — Этнографія. — Романы и повѣсти, изображающіе разныя приключенія на сушѣ и на морѣ. — Очерки и разсказы современныхъ иностранныхъ беллетристовъ. — Стихотворенія. — Научно-популярныя статьи о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. — Біографія научныхъ дѣятелей. — Обзоръ событій текущей иностранной жизни. — Библіографія. — Вопросы и отвѣты. — Спортъ. — Картины. — Иллюстраціи. — Портреты. **1.200 столбцовъ текста.**

ВЪ КАЧЕСТВѢ ПРЕМІИ ПОДПИСЧИКАМЪ „ВОКРУГЪ СВѢТА" БУДЕТЪ ДАНО

РѢДКОЕ ПО БОГАТСТВУ И РАЗНООБРАЗІЮ

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

12 КНИГЪ (до 2.500 стран.). иллюстрированное СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ извѣстнаго американскаго писателя-юмориста, блестящаго разсказчика, тонкаго наблюдателя человѣческой природы

МАРКА ТВЭНА,

произведеніями котораго ЗАЧИТЫВАЮТСЯ юноши и взрослые Стараго и Новаго свѣта.

„Принцъ и нищій". „Приключеніе Тома Сойера". „Приключенія Хэккльберри Финна". „Американскій истецъ". „Наши простаки дома". „Наши простаки за границей". „Жизнь на рѣкѣ Миссисипи". „Искры американскаго юмора", очерки и разсказы.

Въ отдѣльной продажѣ названныя книги стоятъ 9 руб.

12 выпусковъ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Полная иллюстрированная энциклопедія реальныхъ знаній.

НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА для всѣхъ и каждаго, дающая разъясненія непонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся при чтеніи газетъ, журналовъ и книгъ по всѣмъ отдѣламъ научнаго знанія, общественной жизни и домашняго быта.

Кромѣ того, съ приплатою ОДНОГО РУБЛЯ подписчики получатъ полное ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ изданіе хорошо извѣстнаго русской читающей публикѣ ПРОИЗВЕДЕНІЯ **В. М. ДОРОШЕВИЧА**

САХАЛИНЪ,

стоящаго въ отдѣльной продажѣ **3** р. **50** к.

„Сахалинъ" будетъ данъ подписчикамъ въ теченіе перваго полугодія 6-ю выпусками.

4 Р. ЦѢНА НА ГОДЪ безъ книги В. М. Дорошевича „САХАЛИНЪ" съ перес. и доставкой.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 іюля 1 р.

Адресъ: Москва, Петровка, д. Матвѣевой. Редакція журнала „Вокругъ Свѣта".

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

5 Р. ЦѢНА НА ГОДЪ съ книгою В. М. Дорошевича „САХАЛИНЪ" съ перес. и доставкой.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный критико-библіографическій журналъ

„КНИГА“

подъ редак. **Мих. К. Лемке,**

издаваемый книжнымъ складомъ „ЗЕМЛЯ“

при участіи слѣдующихъ лицъ:

М. А. Антоновичъ, С. Ашевскій, Н. А. Бердяевъ, Н. И. Березинъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, А. И. Богдановичъ, Т. А. Богдановичъ, В. Богучарскій, Н. Борецкій, В. В. Брусянинъ, С. Н. Булгаковъ, В. Л. Бурцевъ, Н. Валентиновъ, П. И. Вейнбергъ, К. Л. Вейдемиллеръ, С. А. Венгеровъ, М. О. Гершензонъ, В. Г. Громанъ, А. И. Даринскій, Н. А. Дубровскій, Д. Е. Жуковскій, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Ивановъ-Разумникъ, Н. И. Іорданскій, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кауфманъ, Л. Н. Клейнбортъ, Н. П. Коломійцевъ, П. А. Конскій, К. Р. Кочаровскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Ларскій, М. К. Лемке, Е. К. Леонтьева, И. Н. Леонтьевъ, Н. М. Лисовскій, Н. П. Ложкинъ, Н. О. Лосскій, Г. А. Лучинскій, Е. А. Ляцкій, Н. В. Марковскій, И. Ю. Марконъ, П. Ш. Масловъ, Д. С. Мережковскій, А. В. Меркуловъ, А. П. Налимовъ, П. И. Новгородцевъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, В. А. Поссе, А. С. Пругавинъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, М. А. Ростовцевъ, Н. А. Рубакинъ, П. П. Румянцевъ, С. Ф. Русова, А. А. Русовъ, П. П. Семенюта, М. Н. Слѣпцова, В. Ф. Соловьевъ, П. Б. Струве, Е. В. Тарле, А. С. Токаревъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, М. Н. Туганъ-Барановскій, В. Н. Тукалевскій, А. Ю. Финнъ, В. И. Чарнолусскій, П. Е. Щеголевъ и др.

Журналъ „Книга“ ставитъ своей задачей дать возможность читателю, интересующемуся текущей литературой, а также библіотекамъ, учебнымъ заведеніямъ, книжнымъ складамъ и магазинамъ, оріентироваться въ той массѣ литературы, которая въ послѣднее время поступила и поступаетъ на книжный рынокъ.

Являясь внѣпартійнымъ органомъ, „Книга“ будетъ давать читателямъ сводные критико-библіографическіе обзоры и отдѣльныя рецензіи книгъ, по соціальнымъ наукамъ, вопросамъ общественной жизни и народнаго образованія, философіи, психологіи, исторіи, исторія литературы, беллетристики и искусства.

Литература соціалистическихъ партій будетъ рецензироваться соотвѣтствующими спеціалистами. Въ тѣхъ случаяхъ, если представителемъ одной изъ этихъ партій будетъ написанъ обзоръ литературы по какому-либо вопросу текущаго момента, то въ слѣдующемъ же номерѣ будетъ данъ обзоръ той же литературы, написанный представителемъ другой партіи.

Считая одной изъ главныхъ своихъ задачъ широкое удовлетвореніе читателей, ищущихъ систематическаго самообразованія, редакція „Книги“ обратитъ особенное вниманіе на отдѣлъ отвѣтовъ на вопросы по организаціи самообразованія, чтенія вообще, а также книжнаго дѣла. Кромѣ того въ журналѣ будутъ помѣщаться хроника литературной жизни и книгоиздательскаго дѣла. Всѣ книги, присланныя въ редакцію для рецензій, будутъ регистрироваться въ особомъ отдѣлѣ.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по четвергамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **на годъ** съ доставкой и пересылкой **2 р. 50 к.** на **полгода 1 р. 50 к.**, на 3 мѣс. **85** к. и на 2 мѣс. **60** к. (мѣсячая подписка не принимается).

Адресъ редакціи и конторы журнала **«Книга»** — книжный складъ **«ЗЕМЛЯ»** СПБ. Владимірскій пр., д. № 7. Телеф. 51—01.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 годъ.

„НАРОДНЫЙ ПУТЬ“

общедоступная, политическая, литературная, экономическая и общественная газета, издаваемая **М. Г. Коммисаровымъ**, подъ редакціей **В. Е. Якушкина**, при ближайшемъ участіи **А. А. Мануилова** и **В. А. Розенберга**, выходитъ въ Москвѣ **ежедневно**, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Особенное вниманіе удѣляется выясненію очередныхъ задачъ государственнаго переустройства Россіи на началахъ политической свободы и народнаго представительства, а также вопросамъ: земельному, рабочему, мѣстнаго самоуправленія и народнаго просвѣщенія. Редакція ставитъ себѣ задачей, освѣщая событія съ своей опредѣленной точки зрѣнія, давать читателю въ общедоступномъ изложеніи возможно полныя и разнообразныя фактическія свѣдѣнія. Собственные корреспонденты имѣются въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Свой корреспондентъ въ Государственной Думѣ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. Д. Алферовъ, А. Ѳ. Быкова, І. Ѳ. Блиновъ, А. Бѣлинъ, И. П. Бѣлоконскій, П. П. Булыгинъ, А. А. Волговскій, М. Н. Вонзблейнъ, А. Е. Грузинскій, А. П. Грессеръ, Н. И. Губскій, В. Ѳ. Дерюжинскій, Н. П. Дружининъ, К. В. Добреновичъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, А. В. Заремба, И. Н. Игнатовъ, С. Н. Иконниковъ, Н. М. Іорданскій, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кизеветтеръ, М. Г. Коммиссаровъ, П. П. Коньевъ, И. О. Левинъ, В. Н. Линдъ, В. Г. Луи, Т. Н. Львовъ, С. П. Мельгуновъ, Г. Г. Озеровъ, А. С. Посниковъ, А. Н. фонъ-Рутценъ, Л. Н. фонъ-Рутценъ, М. В. Сабашниковъ, К. В. Сивковъ, П. А. Садыринъ, А. В. Смирновъ, К. К. Суздальцевъ, А. А. Титовъ, А. Н. Чеботаревская, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, П. М. Шестаковъ, Н. В. Ширковъ, Н. Н. Щепкинъ, Л. Н. Юровскій, И. В. Якушкинъ, Н. В. Якушкинъ.

ЗА ГОДЪ 4 РУБЛЯ.

Годовымъ подписчикамъ на 1907 годъ, подписавшимся заблаговременно, газета будетъ высылаться безплатно въ теченіе ноября и декабря, начиная со дня полученія конторою подписки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Съ доставкой и пересылкой на 1 годъ—4 руб., на полгода—2 руб. 10 к., на 3 мѣсяца—1 руб. 10 коп., на 2 мѣсяца—80 коп., на 1 мѣсяцъ—45 коп.

Подписная плата почтовыми марками не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ „Народнаго Пути“: **Москва, Никитскій бул., д. Вальдгардтъ, № 75. Телефонъ № 122-77.**

1907 ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1907

на выходящую въ гор. Ковнѣ

единственную въ Ковенской губерніи ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„КОВЕНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

(III-й годъ изданія).

Редакція и контора газеты: *Ковна, Николаевскій проспектъ, домъ Рабиновича.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой: на 1 г.—5 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 50 к., 2 м.—1 р., 1 м. 50 к.
съ пересылкой: на 1 г.—6 р., 6 м.—3 р., 3 м.—1 р. 80 к., 2 м. 1 р. 20 к., 1 м. 60 к.

Плата за объявленія: за строку петита или занимаемое ею мѣсто: на первой страницѣ—25 коп., на послѣдней—15 коп.

При повторныхъ объявленіяхъ значительная скидка.

Подписка и объявленія принимаются въ гор. Ковнѣ, въ конторѣ „Ковенскаго Телеграфа“, въ конторахъ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°. (С.-Петербургъ—Морская, № 11; Москва—Мясницкая, д. Сытова и Варшава—Краковское предмѣстье, № 53).

XIII г. изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ** XIII г. изданія.

на **большую** политическую, обществен., эконом. и литературную газету

РУССКОЕ СЛОВО

Газета прогрессивная, безпартійная, независимая.

Предметомъ особаго вниманія „Русскаго Слова" будетъ, конечно, **Государственная Дума.** Ей будетъ отведено первое мѣсто въ газетѣ. Немедленная **по телефону** передача подробнѣйшихъ отчетовъ о засѣданіяхъ Государственной Думы. **Стенографическіе** отчеты рѣчей и преній въ Государственной Думѣ. Разборъ и освѣщеніе вопросовъ, поднятыхъ въ Государственной Думѣ. **Критика** дѣятельности Государственной Думы. Тоже относится и къ засѣданіямъ Государственнаго Совѣта.

САМАЯ ШИРОКАЯ ОСВѢДОМЛЕННОСТЬ

Ежедневно въ „Русскомъ Словѣ" печатается **масса,**—какъ ни въ одной газетѣ,—**телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ.**

Ежедневныя свѣдѣнія изъ Петербурга. (По телефону и телеграфу). Новости придворныя, административныя, судебныя, дѣятельность политическихъ партій, министерствъ, департаментовъ, вліятельныхъ лицъ, биржевыхъ круговъ.

Ежедневныя телеграммы изъ за границы. „Русское Слово" имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Нью-Іоркѣ, Константинополѣ, Брюсселѣ, Римѣ, Будапештѣ, Мадридѣ, Христіаніи, Аѳинахъ. на Дальнемъ Востокѣ, въ Токіо, Шанхаѣ, Гонконгѣ, Коломбо, Сингапурѣ и славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова

Всѣ приготовленія къ займамъ, международныя комбинаціи, слухи, касающіеся Россіи, мнѣнія и отзывы другихъ народовъ о нашей борьбѣ за обновленіе и возрожденіе родины,— за всѣмъ этимъ будутъ съ особымъ вниманіемъ слѣдить наши заграничные корреспонденты и обо всемъ новомъ въ этой области немедленно увѣдомлять подробными телеграммами.

Ежедневныя телеграммы со всей Россіи. „Русское Слово" имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ городахъ Россіи и обо всякомъ фактѣ, имѣющемъ общественное значеніе, сообщаетъ собственными подробными телеграммами.

Кромѣ того, всюду, гдѣ происходятъ особо важныя событія, редакція немедленно командируетъ спеціальныхъ корреспондентовъ, которые сообщаютъ всѣ подробности телеграммами.

Ежедневно передовыя статьи по всѣмъ вопросамъ государствен. и общественной жизни.

Общественные фельетоны.

Среди нихъ въ 1907 году будутъ печататься **политическіе памфлеты В. М. ДОРОШЕВИЧА.** Рядъ сатирическихъ очерковъ по поводу текущихъ событій политической жизни.

При газетѣ „Русское Слово" издается еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„ИСКРЫ".

Въ 1907 г. форматъ журнала „Искры" будетъ увеличенъ, и журналъ будетъ выходить въ форматѣ большихъ Европейскихъ иллюстрацій.

Журналъ „Искры" представляетъ собою фотографіи современной жизни. (Портреты выдающихся дѣятелей.—Фотографическія иллюстраціи событій). **Собственные корреспонденты-фотографы.** Политическія карикатуры.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на газету „РУССКОЕ СЛОВО", съ пересылкой городскимъ и иногороднимъ: на годъ **7** руб., на **6** мѣс. **4** руб., на **3** мѣс. **2** руб. **25** коп., на **1** мѣс. **80** коп.

Газ. „РУССКОЕ СЛОВО" съ журн. „ИСКРЫ" (при совмѣстн. подп.) съ перес. город. и иногор.: на годъ **9** руб., на **6** мѣс. **5** руб., на **3** мѣс. **3** руб., на **1** мѣс. **1** руб. **10** коп.

ЗА ГРАНИЦУ ВДВОЕ.

Для гг. ГОДОВЫХЪ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **2** р. и къ 1-му іюля **2** р. Подпис. на газету „Русское Слово" съ журн. „Искры" вносятъ при подпискѣ **4** р., къ 1-му апрѣля **3** р. и къ 1-му іюля **2** р. Служащимъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, за поручительствомъ казначеевъ, допускается взносъ подписной платы ежемѣсячно, но не менѣе 1 р. въ мѣсяцъ.

ПРИ ПОДПИСКѢ МЕНѢЕ ГОДА РАЗСРОЧКА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Издатель Т-во И. Д. СЫТИНА. Адресъ конторы: **Москва, Петровка, д. Матвѣевой.**

Редакторъ Ѳ. И. БЛАГОВЪ.

Открыта подписка на 1907 г.

НА ПОЛИТИЧЕСКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ, И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МІРЪ БОЖІЙ".

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ—XVI—ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Выходитъ въ размѣрѣ не менѣе 25 листовъ.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ: Ѳ. Батюшковъ, А. Богдановичъ, Н. Іорданскій, А. Купринъ, Вл. Кранихфельдъ, М. Невѣдомскій и Е. Тарле.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Цѣна журнала—съ доставкой и пересылкой во всѣ города имперіи на годъ 8 р., на полгода 4 р., на мѣсяцъ 80 к. **Заграницу 10 р.**

Допускается разсрочка по третямъ года: 3 р. при подпискѣ, 3 р. въ апрѣлѣ, 2 р. оъ августѣ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ—7 р. Учащіеся могутъ выплачивать по 1 р. въ каждый мѣсяцъ.

Подписка принимается, кромѣ главной конторы, въ С.-Петербургѣ (Разъѣзжая 7), во всѣхъ магазинахъ. Магазины пользуются 5% скидкой съ годовой и полугодовой подписки. Разсрочка черезъ магазины не принимается.

Издательница *М. К. Куприна-Давыдова.* Редакторъ *Ѳ. Д. Батюшковъ*

По состоявшемуся соглашенію между издателями журналовъ

„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ"

и „Міръ Божій", всѣмъ подписчикамъ журнала „Міръ Божій" будутъ высылаться книжки „Современнаго Міра" до конца года или на все время пріостановки журнала „Міръ Божій".

Издательница *Л. Э. Ватсонъ.* Редакторъ *А. И. Богдановичъ*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1907 г.

на ежедневную общественно-литературную газету

„ВЯТСКІЙ КРАЙ".

Газета выходитъ въ Вяткѣ, по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна:

На годъ 6 руб. на 6 мѣсяцевъ 3 р. 50 к.; на 3 мѣсяца 1 р. 75 к.; 1 мѣсяцъ—65 коп.

Контора газеты: Вятка, уголъ Николаевской и Пятницкой, д. Либерманъ.

Редакторъ *Г. И. Яринскій.*

Издательница *А. Н. Праздникова.*

Принимается подписка на 1907 г.

НА ЖУРНАЛЪ

МОСКОВСКІЙ ❀ ❀ ❀ ❀ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

Подъ редакціей кн. **Е. Н. ТРУБЕЦКОГО.**

Выходитъ книжками въ 4 листа еженедѣльно

ПО РАСШИРЕННОЙ ПРОГРАММѢ

Держась строго демократическаго направленія, журналъ не будетъ органомъ какой-либо изъ существующихъ въ Россіи политическихъ партій: исходя изъ признанія незыблемыхъ правъ человѣческой личности, редакція будетъ стоять на стражѣ конституціонныхъ началъ, изобличая всякія посягательства на свободу, откуда бы они ни исходили. Главную задачу народнаго представительства журналъ видитъ въ проведеніи широкихъ соціальныхъ преобразованій и выдвинетъ на первый планъ аграрную реформу, переустройство быта крестьянъ и рабочее законодательство; вопросамъ мѣстнаго самоуправленія, въ связи съ національными, и вопросу церковному будетъ также удѣлено особое вниманіе.

Кромѣ статей по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ **„Московскій Еженедѣльникъ“** будетъ удѣлять мѣсто и статьямъ по вопросамъ литературы, искусства и общественной жизни и произведеніямъ беллетристическаго характера.

Въ теченіе года подписчики получатъ 52 книжки журнала.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Н. Н. Авиновъ, священникъ К. М. Агеевъ, профессоръ А. С. Алексѣевъ, В. П. Алексѣевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Безобразовъ, Н. А. Бердяевъ, М. И. Брунъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, приватъ-доцентъ Д. В. Викторовъ, профессоръ П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А. Г. Гусаковъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добронравовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Здѣховскій, М. А. Ивановъ, проф. И. И. Ивановъ, Г. Б. Іоллосъ, проф. А. В. Карташевъ, А. А. Кауфманъ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левицкій, А. Р. Ледницкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. И. В. Лучицкій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголинъ, Б. М. Маркельсъ, В. Г. Михайловъ, проф. Б. М. Млодзѣевскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю. А. Новосильцовъ, проф. Л. І. Петражицкій, прив.-доц. А. И. Покровскій, Т. И. Полнеръ, проф. А. С. Посниковъ, прив.-доц. Г. К. Рахмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергѣй Глаголь, В. Ю. Скалонъ, Л. З. Слонимскій, П. Б. Струве, (б. редакторъ „Освобожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, кн. Е. Н. Трубецкой, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. фонъ-Шульце-Гевернитцъ, (Фрейбургъ въ Брестау), М. П. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Ясинопольскій и другіе.

Условія подписки на 1907 г.:

За годъ **5** р., за 6 мѣсяцевъ **2** р. **75** к., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к.

ЗА ГРАНИЦУ ВДВОЕ.

Разсрочка допускается только годовымъ подписчик. на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ **2** р., 1 апрѣля—**2** р., 1 августа—**1** р., или при подпискѣ **2** р., 1 апрѣля—**1** р., 1 іюня—**1** р. и 1 августа—**1** р.

Подписавшіеся на весь 1907 г. въ текущемъ году будутъ получать журналъ съ момента подписки до 1 янв. 1907 г. БЕЗПЛАТНО. Книгопр. удерживаютъ съ подписной цѣны 10%: комиссіонеры розничной продажи пользуются обычной уступкой. Подписка приним. въ конторѣ редакціи, у **Н. Печковской** и во всѣхъ книжн. магаз.

Адр. ред. и конт.: **Москва, Пречистенскій Бульв. уг. Гагаринскаго пер., д. Гиршъ.**

Телефонъ № 127—18. Редакторъ-издатель проф. кн. **Е. Н. Трубецкой.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 г.

(XV ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **Вл. Г. КОРОЛЕНКО**

и при ближайшемъ участіи **Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Моківскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** руб.; на 6 мѣс.—**4** руб. **50** коп.; на 4 мѣс.—**3** руб.; на 1 мѣс.—**80** коп.

Безъ доставки: на годъ—**8** руб.; на 6 мѣс.—**4** руб.

Съ наложеннымъ платежемъ отдѣльная книжка **1** руб. **10** коп.

За границу: на годъ—**12** руб.; на 6 мѣс.—**6** руб.; на 1 мѣс.—**1** руб.

Адресъ Конторы журн.: С.-Петербургъ, *Баскова, 9*; въ Москвѣ—Отдѣленіе Конторы—*Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ **безъ доставки** (**за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ**) допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ, съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Доставляющіе подписку книжные магазины, земскіе склады и управы, частныя и общественныя библіотеки, потребительныя общества, газетныя бюро, комитеты или агенты по пріему подписки въ разныхъ учрежденіяхъ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать вмѣсто 9 руб., 8 руб. 60 коп., только при передачѣ сразу полной годовой платы.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ не принимается до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

3 8198 319 173 272
THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO